

В. Н. ВЕРНАДСКИЙ

Новгород
новгородская земля
в XV веке

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ
БЕРНАДСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. П. БЕРНАЛСКИЙ

Новгород

новгородская земля
Б XV веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 6 1

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

И. И. СМИРНОВ

(tcX/J cУУ* rj^tt гууо oj/yfJ- ri/yQ гууо о ^ J гууо))

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование В. Н. Вернадского «Новгород и Новгородская земля в XV веке» представляет собой капитальный труд, посвященный одному из крупнейших вопросов истории Русского централизованного государства.

Из круга вопросов, связанных с проблемой образования Русского централизованного государства, одно из первых мест по важности занимает вопрос о падении Новгорода и включении Новгородской земли в состав единого Русского государства. Вместе с тем история Новгорода в последний период его самостоятельности принадлежит к числу тех вопросов, которые уже весьма длительное время не подвергались специальному исследованию.

Сказанное относится не только к советской исторической науке, но в значительной степени отражает и состояние русской дореволюционной исторической науки. Открываясь Соловьевым, с его диссертацией «Об отношении Новгорода к великим князьям», список исследователей истории Новгорода фактически заключается Никитским и Ключевским, т. е. историками 80-х годов XIX в. И последняя по времени дореволюционная работа — книга А. Е. Преснякова «Образование Великорусского государства» — касается вопроса о падении Новгорода (как, впрочем, и всех остальных вопросов политической истории XV в.) скорее в порядке «заключения», чем в плане основного предмета исследования.

Что касается советской историографии по Новгороду, то она характеризуется весьма неравномерным вниманием к истории Новгорода со стороны историков, археологов и искусствоведов. И если советская археологическая наука в лице А. В. Арциховского сделала блестящее открытие — новгородские грамоты на бересте, а искусствоведы опубликовали ряд крупных исследований о новгородском искусстве, то советские историки, к сожалению, не дали до сих пор ни одной крупной работы, которая охватывала бы основные вопросы истории Новгорода — особенно Новгорода XV в.

Книга В. Н. Вернадского в значительной мере заполняет пробел в литературе как по истории Новгорода, так и посвященной вопросу об образовании Русского централизованного государства.

Исследование В. Н. Вернадского — итог его многолетних работ над изучением новгородской истории (лишь частично опубликованных в «Ученых записках» Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и «Ученых записках» Ленинградского университета).

¹ В. Н. Вернадский. 1) Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв. Уч. зап. ЛГПИ, т. 39, Л., 1941; 2) Новгородский посадник Степан Твердиславич. Уч. зап. ЛГУ, № 95, Серия исторических наук, вып. 15, Л., 1946; 3) Политика Ивана III в Новгороде. Уч. зап. ЛГПИ, т. 61, Л., 1947; 4) Общественное разделение труда и фео-

В своей книге В. Н. Вернадский имел также возможность опереться на результаты работ о Новгороде его учеников, защитивших серию диссертаций, посвященных отдельным вопросам истории Новгорода.

Такой характер исследования В. Н. Вернадского позволил ему охватить в своей книге широкий круг вопросов социально-экономической и политической истории Новгорода и Новгородской земли XV в.

В. Н. Вернадский использует в своей книге весь наличный фонд источников то истории Новгорода — и прежде всего такие решающие виды источников, как писцовые книги, акты и летописи. При этом В. Н. Вернадский применяет оригинальную методику обработки данных писцовых книг, что позволило ему дать углубленную характеристику экономики Новгорода и Новгородской земли XV в. Что касается использования летописей как источника, то здесь В. Н. Вернадский в своем критическом анализе данных, содержащихся в новгородских, псковских и московских летописных сводах опирается как на результаты многочисленных работ по истории русского летописания, так и на собственные изыскания.

Поставив своей задачей «выяснение социально-экономических и политических процессов, которые привели к тому, что Новгородская земля вошла в состав единого Русского государства, а вечевой Новгород склонился перед Москвой и ее государем» (стр. 9), В. Н. Вернадский, естественно, должен был уделить максимальное внимание вопросам экономики и социальных отношений Новгорода XV в. Этим вопросам В. Н. Вернадский посвящает почти всю первую часть своей книги, а также отводит им значительное место и во второй части, в главе, посвященной итогам присоединения Новгорода к Русскому государству.

Задачей исследователя экономики Новгорода XV в. является проследить и установить направление и характер изменений экономического базиса Новгородской феодальной республики. В. Н. Вернадский блестяще решает эту задачу, выдвигая яркое и своеобразное построение по вопросу о характере экономического развития Новгородской земли в XIV—XV вв.

Исходным моментом для В. Н. Вернадского при рассмотрении вопросов истории Новгорода является его тезис об «архаичности феодальных отношений в Новгородской земле» (стр. 29) в период расцвета Великого Новгорода в XIV в. В объяснение такого характера новгородской экономики В. Н. Вернадский указывает на «две важные особенности новгородской социально-экономической жизни — отсутствие княжеского землевладения и исключительные возможности для роста вширь (на север и северо-восток) новгородских волостей», что создавало «особо благоприятные условия для сохранения дофеодальных и раннефеодальных форм эксплуатации» (стр. 30). Однако уже в XIV в. появляются первые признаки «своеобразного кризиса новгородской экономики» (стр. 47), заключавшегося в том, что «при данном уровне технико-экономического развития и общественном строе Новгород и его земля оказывались не в состоянии прокормить население деревни и города» (стр. 47).

Показателем этого кризиса В. Н. Вернадский считает новгородское ушкуйничество XIV в., характеристике которого посвящает специальную главу («Походы ушкуйников на Волгу и Каму»).

В. Н. Вернадский видит в ушкуйничестве XIV в. «бурный взрыв новгородской экспансии». Будучи «проявлением кризиса новгородской

дальняя рента в Новгородской земле XV в. Уч. зап. ЛГПИ, т. 102, Л., 1955; 5) Новгород и Новгородская земля XIV—XV вв., т. 1. Уч. зап. ЛГПИ, т. 138, Л., 1958; 6) А. Н. Радищев об истории Великого Новгорода. Уч. зап. ЛГПИ, т. 170, Л., 1958.

боярской политики старого типа», ушкуйничество, с точки зрения В. Н. Вернадского, являлось попыткой новгородского боярства «расширить круг эксплуатируемых новгородским боярством земель» путем выхода на новые пути (стр. 30). Однако успехами Москвы при Дмитрии Донском и Василии I ушкуйничеству «был быстро положен конец» (стр. 51). Крах ушкуйничества открывает собой новый, «последний этап» «новгородской боярской колониальной политики» (стр. 74), выражающийся в попытке новгородского боярства укрепить экономические устои своего господства «за счет новых северо-восточных земель» (стр. 74). В. Н. Вернадский рассматривает эту политику в главе «Рост боярского и монастырского землевладения в XIV—XV вв. в северо-восточных волостях». Итог, к которому приходит В. Н. Вернадский, заключается в том, что хотя «приток новых богатств с севера усилил мощь новгородского боярства», тем не менее и эта попытка новгородского боярства преодолеть нараставший кризис новгородской экономики — путем роста вширь — оказалась в конечном счете бессильной задержать объективные процессы, развивавшиеся в экономике Новгородской земли и разрушившие архаику феодальных порядков Великого Новгорода.

Главы об ушкуйничестве и землевладении, таким образом, играют очень важную роль в общем построении В. Н. Вернадского, подводя к рассмотрению тех «существенных сдвигов», которые «наметились в хозяйстве старых, давно освоенных новгородцами областей» (стр. 76) и являлись определяющими в развитии экономики Новгородской земли XV в. В. Н. Вернадский исследует эти «важнейшие процессы внутри новгородского феодального хозяйства» (стр. 78) в главах «Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгородской земле в XV в.» и «Рядки и города Новгородской земли», занимающих центральное место в исследовании В. Н. Вернадского и представляющих вместе с тем наибольшим исследовательский успех автора.

Основная проблема, которая исследуется В. Н. Вернадским в названных главах, — это установление тех новых явлений в экономике Новгородской земли, которые в своей совокупности составляли «экономические предпосылки» (стр. 111) для объединения территории Новгорода Великого в едином Русском государстве. Центром и базой этих изменений являлась новгородская деревня, экономику которой В. Н. Вернадский исследует в главе «Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгородской земле в XV в.». «Закономерным результатом» изменений в экономике новгородской деревни было «образование торгово-ремесленных центров, обслуживающих определенный район» (стр. 112), т. е. рядков и городов, характеристике которых посвящена глава «Рядки -и города Новгородской земли».

Теоретической предпосылкой исследования В. Н. Вернадским экономики Новгородской земли XV в. является марксистское учение о феодальной ренте, а также «ленинский анализ разнообразных форм сочетания сельских промыслов с земледелием», данный В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России» и, как правильно подчеркивает В. Н. Вернадский, имеющий «методологическое значение не только для понимания экономики пореформенной деревни», но и для рассмотрения вопроса «о росте общественного разделения труда в феодальной деревне» (стр. 111). Опираясь на основные положения марксистско-ленинской теории, В. Н. Вернадский правильно квалифицирует изменения в хозяйстве Новгородской земли в XV в., как изменения в рамках феодальной общественной формации, оставившие «непоколебленными и натуральную

основу крестьянского хозяйства и феодальный способ производства» (стр. 146). Однако, «оставаясь крепостнической, северная Великороссия в XVI в. переходила к более высокой стадии в развитии крепостничества» (стр. 146). Обоснованию этих положений и посвящены главы о новгородской деревне и новгородских городах XV в.

Исследователь экономической истории Новгорода XV в. имеет в качестве основного источника для изучения новгородской экономики новгородские писцовые книги конца XV—начала XVI в. При всем огромном богатстве данных, содержащихся в новгородских писцовых книгах, особенностью их является то, что они сохранили «только один „срез“ новгородских социально-экономических отношений, относящихся ко времени крушения новгородской самостоятельности» (стр. 79). Эта черта новгородских писцовых книг очень осложняет изучение динамики экономических процессов в Новгородской земле XV в., лишая возможности «сопоставления ряда последовательных описаний новгородского хозяйства» (стр. 79). В. Н. Вернадский, однако, предложил новую, оригинальную методику обработки новгородских писцовых книг, позволившую ему «даже при наличии одного только „среза“... подметить в писцовых книгах различные экономические пласты» (стр. 79). Суть этой методики заключается в своего рода порайонном изучении экономики Новгородской земли, с тем чтобы затем путем сопоставления различных районов получить возможность установить тенденции развития Новгородской земли в целом. Возможность и вместе с тем плодотворность такого рода методики изучения писцовых книг обосновывается В. Н. Вернадским указанием «а то, что «писцовые книги дают материал, охватывающий очень большое число хозяйств и притом на значительной территории. Экономический уровень развития различных районов Новгородской земли во второй половине XV в. был далеко не одинаков. Поэтому основы старого экономического строя и ростки нового выступали в различных соотношениях в разных частях Новгородской земли. Тем самым открывается возможность плодотворного сопоставления экономически отсталых и передовых районов и выяснения таким путем действия новых экономических тенденций в различных условиях» (стр. 79).

Практика применения В. Н. Вернадским предложенной им методики обработки новгородских писцовых книг подтверждает ее правомерность и ценность. В. Н. Вернадский дает в своей книге монографические очерки четырех деревенских районов, различных по уровню общественного разделения труда, и экономические характеристики двух типов новгородских городов (Ямы и Русы). Это дает возможность В. Н. Вернадскому выявить и продемонстрировать важнейшие сдвиги в новгородской экономике XV в.: «Успехи сельского хозяйства и деревенского ремесла, начало отделения ремесла от сельского хозяйства, зарождение деревенских мелко-товарных промыслов, проникновение денежных отношений в деревню, новые виды ренты» (стр. 111) и, наконец, как результат развития общественного разделения труда, — «возникновение центров торговли и промышленности» (стр. 145).

В непосредственной связи с главами, посвященными экономике, стоит глава пятая «Бояре, житьи люди и купцы», в которой В. Н. Вернадский рассматривает вопрос о структуре новгородского боярства и купечества, а также исследует такую социальную группировку, как новгородские житьи люди, предлагая свое понимание житьих людей. Первую часть книги В. Н. Вернадского завершает глава «Классовая борьба в Новгороде в первой половине XV в.». В этой главе В. Н. Вернадский использует

данные летописи, а также, привлекая Новгородскую судную грамоту, характеризует особенности и формы классовой борьбы в Новгороде, уделяя особое внимание анализу новгородского восстания 1418 г.

Сосредоточив внимание в первой части книги на изучении «социально-экономического развития и классовой борьбы в последний век новгородской самостоятельности», т. е. на основных вопросах внутренней истории Новгорода, В. Н. Вернадский вторую часть книги — «Падение Новгородской боярской республики» — посвящает преимущественно «внешней истории» Новгородской боярской республики — причем в двух планах: 1) отношениям Новгорода к Московскому великому княжению и к Литве, 2) позиции отдельных социальных групп новгородского населения в отношении складывающегося Русского централизованного государства.

Нет никакой возможности, да, пожалуй, и необходимости, подробно излагать содержание этой части исследования В. Н. Вернадского. Следует лишь подчеркнуть, что историю падения Новгородской боярской республики В. Н. Вернадский исследует с такой же глубиной, тщательностью и обстоятельностью, как и внутреннюю историю Новгорода.

Принципиальная позиция В. Н. Вернадского в вопросе о падении Новгородской боярской республики достаточно четко сформулирована автором: он указывает на то, что «конечное поражение новгородских бояр в их борьбе с объединяющейся Великороссией было исторически неизбежно. Оно определялось общими закономерностями исторического развития Великороссии, приводившими к ликвидации феодальной раздробленности. Московский князь боролся за единство Руси, за ликвидацию изжившей себя феодальной раздробленности, против тех, кто посмел изменить русскому делу. Новгородские бояре отстаивали умиравшую старину, в сохранении которой в Новгороде объективно была заинтересована только небольшая кучка великих бояр и церковных магнатов» (стр. 278).

Необходимо привести и другой важнейший тезис В. Н. Вернадского: «Крушение Новгородской вечевой республики было подготовлено изнутри развертыванием классовой борьбы против боярской олигархии... Стихийное антибоярское движение народных масс объективно содействовало объединению Руси» (стр. 354—355).

Таковы итоги исследования В. Н. Вернадского. Они должны быть оценены как весьма важные и плодотворные. В. Н. Вернадский показал историческую закономерность крушения Новгородской феодальной республики и глубокую прогрессивность акта присоединения Новгорода к Русскому государству. Помимо этих общих итогов, книга В. Н. Вернадского включает в себя ряд ценных исследований и наблюдений автора по отдельным конкретным вопросам социально-экономической и политической истории Новгорода. Так, В. Н. Вернадский посвящает фактически особый этюд вопросам социальной организации солеварения в XV в. (вопрос о городских «сябрах» и «соседях»). Специальный интерес представляют наблюдения В. Н. Вернадского над составом новгородского боярства, особенно «великих бояр». Выше уже отмечалось, что В. Н. Вернадский предлагает свой опыт пересмотра проблемы житых людей. В качестве приложения В. Н. Вернадский помещает особое исследование о новгородских посадниках середины XV в. Наконец, большой комплекс вопросов В. Н. Вернадский подвергает специальному рассмотрению в связи с присоединением Новгорода к Русскому государству. Все это еще более увеличивает значение исследования В. Н. Вернадского.

Книга В. Н. Вернадского — ценный вклад в историографию Новгорода и Русского государства XV в.

Настоящее издание труда В. Н. Вернадского является посмертным. Это обстоятельство предопределило те принципы, которыми руководствовалась редакция при подготовке к печати текста исследования В. Н. Вернадского. Главный из них — это неприкосновенность авторского текста и точность его передачи.

Основу текста исследования В. Н. Вернадского составляет его докторская диссертация, защищенная В. Н. Вернадским в Ленинградском университете в 1954 г. Готовя свое исследование к печати, В. Н. Вернадский успел проделать работу над значительной частью текста, особенно это относится к первой части исследования, которая была в сокращенном виде опубликована в «Ученых записках» Педагогического института им. А. И. Герцена. Что же касается второй части труда, то автор просмотрел и проредактировал главы VII и VIII. Остальные главы остались в том виде, какой они имели в диссертации.

В основу настоящего издания как для первой, так и для второй части положена рукопись докторской диссертации В. Н. Вернадского. Принимая такое решение и отказываясь тем самым от того, чтобы в основу первой части книги положить текст, опубликованный в «Ученых записках», редакция учитывала то, что в издании «Ученых записок» текст был подвергнут автором значительным сокращениям (ввиду ограниченности листаж), причем центральные по своему значению главы о боярском землевладении и об общественном разделении труда в Новгородской земле (общим объемом в пять печатных листов) были сведены в одну главу (вдвое меньшего объема) «Развитие феодальных отношений в Новгородской земле в XV веке», глава же о походах ушкуйников была перенесена в приложения к основному тексту.

Вместе с тем, однако, все авторские изменения и уточнения отдельных мест или формулировок, внесенные В. Н. Вернадским в текст первой части в издании «Ученых записок», были учтены и соответствующим образом отражены в тексте настоящего издания.

Точно так же учтена и отражена в тексте и вся авторская правка текста глав VII—VIII, которые, как сказано, были подготовлены В. Н. Вернадским к печати.

Наконец, проверен и унифицирован научный аппарат издания.

В подготовке текста к изданию принимали участие А. Н. Матвеева и Е. В. Вернадская.

И. Смирнов.

О Т А В Т О Р А

Присоединение Новгородской земли к Московскому княжеству было решающим событием в процессе политического объединения русской народности.

Политические события 70-х годов XV в., имевшие мировое историческое значение, были подготовлены длительным процессом социально-экономического развития русских земель в XIV—XV вв. Не ставя перед собой задачи охватить во всей широте процесс политического объединения русских земель, автор настоящей работы ограничился изучением истории северной Великороссии в конце XIV и в XV в., т. е. выяснением социально-экономических и политических процессов, которые привели к тому, что Новгородская земля вошла в состав единого Русского государства, а вечевого Новгород склонился перед Москвой и ее государем.

Работа опирается на круг источников, давно уже ставших предметом изучения русских историков. Еще сто лет тому назад С. М. Соловьев в своей диссертации («Об отношениях Новгорода к великим князьям») подверг тщательному изучению показания летописей и договорных грамот Новгорода с князьями, В 60-х годах XIX в. почти одновременно появились три значительных исследования, посвященные внутренней истории Новгорода. Авторы их (В. В. Пассек, Н. И. Костомаров и И. Д. Беляев) опирались в основном на источники, использованные Соловьевым, несколько расширив их круг путем привлечения актового материала, а также известий иностранцев. Наконец, историки экономического развития Новгорода (от А. Г. Ильинского, М. Н. Бережкова и А. Н. Никитского до А. М. Гневушева, А. М. Андрияшева и Б. Д. Грекова) охватили широкий круг источников, относящихся к торговле Новгорода и, что особенно важно, начали систематическое изучение новгородских писцовых книг.

За пределы очерченного круга источников, по сути дела, не смогла выйти и советская историческая наука, если не считать тех новых материалов по истории ремесла, искусства и быта, которые были добыты неутомимым трудом советских археологов (особенно А. В. Арциховского). Но, ограничившись в основном старым фондом письменных источников по истории Новгородской земли, советская историческая наука попыталась подойти к этим источникам принципиально по-новому, в свете марксистско-ленинской теории исторического развития. Углубленное изучение экономического базиса и классовых противоречий — вот что встало в центре исследовательской работы советских историков Новгорода. Показательно, что первая значительная советская работа по истории Новгорода (имеется в виду работа Б. Д. Грекова «Революция в Новгороде Великом XII в.») была посвящена изучению классовой борьбы в Новгороде XII в. Советская наука выдвигала новые проблемы и находила

ответ на них в источниках, которые были известны и домарксистским исследователям. Ставя перед источниками новые вопросы, советская наука искала и находила новые пути и в методах научного анализа источников. Достаточно указать на применение Б. Д. Грековым и его учениками в изучении статистико-экономического материала писцовых книг подлинно научного метода, совершенные образцы которого были даны В. И. Лениным в его исследовании «Развитие капитализма в России».

Углубленному истолкованию показаний источников способствовали значительные успехи советского источниковедения. В частности, за последние годы развернулась напряженная и успешная работа над важнейшими проблемами источниковедения периода феодальной раздробленности. Изучение русских летописей было значительно продвинуто вперед как научной публикацией новых летописных сводов («Московский летописный свод конца XV в.» под ред. М. Н. Тихомирова, «Псковские летописи» и «Новгородская первая летопись» под ред. А. Н. Насонова, реконструированная М. Д. Приселковым «Троицкая летопись»), так и исследовательскими работами по истории летописания этой поры (М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, К. Н. Сербиной). Изучение актового материала, особенно договорных грамот Новгорода с князьями и Новгородской судной грамоты, было поставлено во многом на новые основы исследованием Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» Публикация «Грамот Великого Новгорода и Пскова» под ред. С. Н. Валка дала в руки историка систематизированный и выверенный текст новгородских грамот.

Основными источниками для настоящей работы явились летописи и новгородские писцовые книги.

Стремясь охватить летописный материал возможно полнее, систематически сопоставляя показания различных летописей, автор, естественно, уделил особое внимание сводам XV—начала XVI в., как наиболее близким по времени к изучаемым событиям (особенно Новгородской первой летописи, раннему псковскому летописанию, Строевскому списку Новгородской четвертой летописи, Троицкой летописи, Московскому летописному своду). Обращаясь к летописям как историческому источнику, автор пытался учесть классовое и политическое лицо составителей сводов, стараясь услышать в показаниях летописей отзвуки взглядов борющихся социально-политических сил.

Новгородские писцовые книги конца XV—начала XVI в. — второй важнейший источник, использованный в настоящей работе. Он до сих пор еще далеко не исчерпан исследователями, хотя изучение новгородских писцовых книг началось со времен К. А. Неволлина. Для историка-марксиста исключительная ценность первых русских хозяйственных переписей определяется тем, что никакая другая группа источников XV в. не содержит столь богатых данных о жизни непосредственных производителей материальных благ (их трудовой деятельности, их материальном и общественном положении). Автор пытался применить различные «интенсивные» методы изучения материала писцовых книг, в отличие от характерной для буржуазной историографии «экстенсивной», поверхностной статистической обработки.

*

Историческая наука, начиная с современников и составителей летописных сводов XVI в., уделяла очень большое внимание истории вклю-

^чения Новгорода в состав Русского государства. Вопрос этот получал подробное освещение не только в специальных работах о Новгороде, но занимал видное место и в общих трудах по истории России. Почти все крупнейшие представители дворянской и буржуазной исторической науки XVIII—XX вв. высказывали свое суждение по этому вопросу (Карамзин, Костомаров, Соловьев, Ключевский). Некоторым из них историческое чутье помогало подойти к правильной постановке вопроса. Так, С. М. Соловьев, правильно подметив движение русских земель к единству навстречу объединительной политике московских князей, писал: «Новгород, Тверь, уделы княжества Московского ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтобы присоединиться, приравняться к ней». Но пути историко-юридической школы помешали Соловьеву выяснить подлинные причины и социальную основу движения к объединению Руси.

Большое место занял этот вопрос и в последнем крупном исследовании, посвященном русской, досоветской наукой образованию объединенного Русского государства, — в докторской диссертации А. Е. Преснякова «Образование Великорусского государства». Выросшая из «многолетних занятий в области источниковедения — над изучением летописных сводов», а также княжеских грамот, работа А. Е. Преснякова давала «описательное, детальное фактическое и критическое изложение» хода объединения русских земель вокруг Москвы. Широта охвата материала, искусная критика источников, «соблюдение должной хронологической и культурно-исторической перспективы» обеспечили научную ценность этого труда, до сих пор широко привлекаемого советскими историками, когда речь идет об установлении хода политических событий. Но и в этом, последнем слове досоветской исторической науки со всей отчетливостью выступают черты ограниченности буржуазной историографии, отнюдь не смягченные, а заострившиеся в эпоху империализма. В исследовании А. Е. Преснякова государство, а не народ выступает в роли действующего исторического процесса. Вопросы социально-экономические совершенно заслонены политической деятельностью князей. Процесс образования единого государства сведен к процессу «собирания власти», а деятельность самой государственной власти осмыслена в свете одной задачи — защиты государства от внешней опасности. Таким образом, главная функция государства — обуздание эксплуатируемых классов — оказалась забытой, а сама государственность выступала как надклассовая сила.

Революционная русская домарксистская мысль, начиная со времени А. Н. Радищева, уделяла чрезвычайно большое внимание борьбе вечаемого Новгорода против самодержавной Москвы. Но горячо отстаивая мысль о народе как подлинном творце истории и в этом отношении высоко понимаясь над взглядами дворянской и буржуазной историографии, — передовые русские мыслители в силу исторических условий не могли подняться до материалистического понимания истории. К тому же борцы против самодержавия, особенно на дворянском этапе революционного движения, не сумели всесторонне охватить вопрос о падении Новгорода. Антитеза «вечесамодержавие» помешала им понять историческую прогрессивность перехода от феодальной раздробленности к политическому единству. В деятельности самодержавия XV—XVI вв., в «централизации московской» как ведущая черта ими выдвигалась подавление самостоятельности

¹ См. статью Л. В. Черепнина: Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. Исторические записки, т. 33, 1950.

местных миров. И хотя уже В. Г. Белинский резко выступал против идеализации новгородских вечевых порядков, в широких кругах русской революционной демократии второй половины XIX в. господствовало революционно-романтическое отношение к «городу воли дикой».

Гениальные создатели материалистического понимания истории не занимались опечальными вопросами истории русского феодализма XIV—XV вв., образования единого Русского государства и, в частности, историей падения новгородской самостоятельности. Высказывания Маркса и Энгельса по этим вопросам основаны на критическом ознакомлении с исторической литературой середины XIX в. и, естественно, связаны с содержанием этих работ. Но в произведениях Маркса и Энгельса вскрыты общие закономерности феодального общества (например, учение о феодальной ренте), которые имеют силу и по отношению к русскому феодализму. Маркс и Энгельс неоднократно, начиная с «Немецкой идеологии» вплоть до статей и писем Энгельса в 90-х годах, освещали и вопрос об основных закономерностях образования централизованных государств и о социально-экономических предпосылках этого процесса. Эти работы Маркса и Энгельса имеют также методологическое значение и для истории феодальной России в период складывания централизованного государства.

В. И. Ленин, применив учение Маркса к русской действительности, уже в первых своих работах подверг глубокому изучению процесс развития капитализма в России. Хотя исследования В. И. Ленина опираются в основном на материалы XIX в., многие его положения об общих закономерностях феодального общества, развитии общественного разделения труда в нем (например, эволюция форм соединения промыслов с сельским хозяйством) могут быть применены и к более ранним этапам истории феодальной России.

Работы классиков марксизма-ленинизма помогли советской науке углубить изучение истории складывания централизованного Русского государства, что нашло отражение, например, в работе В. В. Мавродина «Образование единого Русского государства». Но и до сих пор, как показала дискуссия 1949—1951 гг. о периодизации истории СССР, изучение процесса сложения централизованного государства в России остается одной из важнейших очередных задач историков русского феодализма.

В области, непосредственно относящейся к данному исследованию, советской наукой проведена значительная работа, особенно за последние двадцатилетие. В ряде научных центров (в Москве, Ленинграде, Петрозаводске и в самом Новгороде) развернулось плодотворное изучение новгородской истории, в частности истории последнего века Новгородской республики. В названных выше работах историковедческого порядка, в связи с источниковедческими проблемами, разрешались разнообразные вопросы социально-политической истории Новгорода. Значительно была продвинуто вперед изучение социально-экономической истории Новгорода. В фундаментальных трудах Б. Д. Грекова по истории крестьян И. Б. А. Рыбакова о ремесле древней Руси большое внимание было уделено* Новгороду, истории производителей материальных благ в Новгороде и Новгородской земле. В работах А. С. Таракановой-Белкиной («Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время»), И. Л. Перельман («Новгородская деревня XV—XVI вв.»), а также в диссертациях А. П. Шурыгиной («Новгородская боярская вот-

•чина в XV в.»), Л. В. Даниловой («Очерки из социально-экономической истории Новгородской феодальной республики в XIV—XV веках»), М. Г. Копачевой («Г. Яма и Ямский уезд на рубеже XV—XVI вв.») были подвергнуты изучению основные вопросы социально-экономического развития Новгородской земли и взаимоотношения двух основных классов новгородского общества. Отношения Новгорода с Ганзой освещены в диссертации Н. А. Казаковой. Многие вопросы внешней политики Новгорода XV в. подвергнуты подробному рассмотрению в труде К. В. Базилевича «Внешняя политика централизованного Русского государства». 'Истории Карелии в новгородское время была посвящена работа С. С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородское время». Особое внимание было уделено истории новгородской культуры (литературы, искусства): она за последние годы стала предметом как специальных изысканий, так и обобщающих работ Д. С. Лихачева, В. Н. Лазарева, М. К. Каргера, Н. Г. Порфиридова и др. Наконец, история присоединения Новгорода к Москве была пересмотрена на основе анализа летописных источников в диссертации И. В. Лепко «Летописи о падении Новгорода» (диссертация И. В. Лепко, так же как названные выше диссертации А. П. Шурыгиной и М. Г. Копачевой, были написаны под руководством автора).

В отличие от названных исследований, рассматривающих отдельные запросы истории Новгорода XIV—XV вв., настоящая работа имеет задачей изучение не отдельных сторон и вопросов истории Новгорода XIV—XV вв., а сложного, многостороннего процесса упадка и крушения Новгородской боярской вечевого республики в целом, в противоречивом единстве и взаимодействии отдельных его сторон. Автор имел в виду, как конечную цель, выяснение общих закономерностей развития северной Веллкороссии в XIV—XV вв., подготовивших ее вхождение в единое русское государство.

За последние годы только в статье А. В. Арциховского в № 2 «Исторических записок» за 1938 г. была сделана попытка дать общую концепцию истории Новгородской республики и подвергнуть критике взгляды на этот вопрос М. Н. Покровского и его школы. Но интересная статья А. В. Арциховского является лишь кратким наброском истории Великого Новгорода, а не его историей.

*

Предлагаемая работа состоит из двух частей. Им предпослано введение, в котором дается общая характеристика Новгорода в период его наибольшего экономического, политического и культурного расцвета.

Первая часть работы состоит из шести очерков социально-экономического развития и классовой борьбы в Новгороде и Новгородской земле с конца XIV по конец XV в. В разработке многих вопросов автор имел возможность опереться на труды как дореволюционных, так, в особенности, советских исследователей. По ряду вопросов в процессе работы потребовались специальные исследования. Так, в главе I пересмотрен вопрос об ушкуйничестве XIV—XV вв. В главах II и III подвергнуты изучению изменения в экономическом базисе новгородского общества в XIV—XV вв., прослежен процесс общественного разделения труда и эволюция форм ренты в различных по уровню экономического развития районах Новгородской земли. В главе IV дана характеристика разных типов городов Новгородской земли. Особое внимание уделено Русе, при изучении населения которой сделана попытка вскрыть производственные отношения

в солеварении и решить в этой связи вопрос о городских «соседях» и «сябрах». В главе V подвергнуты пересмотру вопросы о житейных людях и о «великих боярах». В VI главе дана общая характеристика классовой борьбы в XV в. (причин народных выступлений, их социального характера, уровня политической зрелости движений).

Во второй части, в главах VII—X, прослеживается по этапам (1—1380—1430 гг., 2—1430—1456 гг., 3—1456—1471 гг., 4—1471—1478 гг.) политика правящей боярской олигархии, упадок и крушение новгородского вечевого строя.

В последней главе, посвященной анализу политики правительства Ивана III в Новгороде, уточнен ряд вопросов, связанных с ломкой новгородского вотчинного землевладения, и охарактеризована политика централизующегося Русского государства по отношению к городам Новгородской земли.

В приложении разобран вопрос о новгородских посадниках середины XV в.

ВВЕДЕНИЕ

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В ВЕК РАСЦВЕТА

Период феодальной раздробленности был временем быстрого роста Новгорода. Почти на два века он стал крупнейшим центром Восточной Европы, объединив под своею властью весь север Великороссии.

I

Возвышение Новгорода в период феодальной раздробленности своей материальной основой имело прежде всего расширение территории, на которой развертывал свою трудовую деятельность русский народ, осваивая просторы необжитого людьми северо-востока Европы.

Два величавых образа древнего русского эпоса — Илья Муромец и Микула Селянинович — имеют особо глубокое значение для исследователя, пытающегося осмыслить историю русского народа в первые века его жизни. Народ-земледелец вынужден был напрягать силы, чтобы отстаивать свои поля от всякой «нахвалящины», грозившей ему с юга и юго-востока. Путь в степи Причерноморья, к низовьям Днепра, Дона, Кубани, где существовали старинные славянские поселения, был перерезан ордами печенегов и половцев. Тмутаракань уже во времена «Слова о полку Игореве» стала «землей незнаемой». Смелые удары Мономаха и Ольговичей не могли существенно изменить положения на южном рубеже Руси. Не у одной русской Ярославны ветер развеял веселие «по ковылию» степи. Степные просторы на долгое время закрылись для русского пахаря.

Поэтому народ-земледелец вынужден был направить свою трудовую энергию не на распашку южного чернозема, а на «выдиране» клочков «орамой земли» в лесах Восточной Европы. И пока на «заставе богатырской» (эпическом прообразе будущих «засечных черт») Илья Муромец нес свою трудную сторожевую службу, сошка Микулы, «поскрипывая да прочиркивая оmeshки по камешкам», приобшала северные просторы Восточной Европы к развитой земледельческой культуре. В связи с этими, едва заметными на поверхности исторической жизни, трудовыми подвигами народа перемещались в XII—XIII вв. политические центры Руси.

Новгород в века феодальной раздробленности выдвинулся как руководитель народного движения на северо-восток. Еще во времена Гюряты (конец XI в.) молодцы новгородские порою добирались до Югры. Следом за этими «разведчиками» направлялись на северо-восток ватаги звероловов и рыболовов, а за ними шли, закрепляя навеки за русским народом Подвинье и Поморье, новгородские земледельцы.

Политическое господство Новгорода на севере России установилось далеко не сразу и не без борьбы. В роли главного соперника Новгорода с XII в. выступали суздальские князья. Длительная борьба, которую в течение столетия (с середины XII в.) новгородцы вели против Юрия Долгорукого и его потомков, была борьбой не только за власть в Новгороде, но и за новгородские волости (земли). Среди спорных земель виднейшее место занимало Заволочье (Подвинье). Из двух отмеченных летописью столкновений новгородских данщиков с княжескими в XII в. (1149 г., 1169 г.)¹ первое, с большой долей вероятности, и второе, бесспорно, произошли в Заволочье. Перевес в этих столкновениях (пусть даже Новгородская летопись и преувеличила размеры победы)² был на стороне новгородцев. Липица закрепила эти успехи новгородцев. Крупнейшие руководители новгородского боярства за первое столетие после³ переворота 1136 г. — Гюрятиничи⁴ и следом за ними Михалковичи — настойчиво и успешно отражали все покушения суздальских князей и их «приятелей» на вольности и земли Новгорода.

Третий претендент на Подвинье, камские болгары, пытавшиеся завладеть (в 1218 г.) важнейшим ключом к Подвинью с юга — Устюгом, тоже не сумели здесь удержаться. Их теснили сыновья Всеволода III. В итоге уже в первое столетие периода феодальной раздробленности Новгород добился крупнейших успехов на севере.

Вторжение татар и разорение ими верхневолжских земель привели к дальнейшему усилению народного движения на север, а вместе с тем к упрочению новгородского преобладания на нем. Господство Золотой орды на долгое время приостановило продвижение русских народных масс на юг. Южным «берегом» Руси стала р. Ока. Для народной колонизации оставалось только одно направление — север. Переселение в глушь северных лесов подталкивалось тяготами татарского ига и усилением феодального гнета. Оно было проявлением классовой борьбы против своих и чужих (татарских) феодалов.

Есть основания полагать, что со второй половины XIII в. главный поток переселенцев на север шел с Верхней Волги по ее северным притокам и волокам. В топонимике Северного Прионежья и Поморья часто мелькают названия селений Волжско-Окского междуречья (например, Шуя). Многочисленные монастыри, возникшие в Верхнем Подвинье и на северных притоках верхней Волги, почти все были связаны происхождением с монастырями великорусского центра (а не Новгорода). Ростовская епархия простирала свою власть на Устюг, ростовское влияние сказывалось на зодчестве Верхнего Подвинья.

Но в политическом отношении Верхнее Подвинье все прочнее входило в состав Новгородской земли. Белозерские, ростовские, ярославские и даже тверские князья вынуждены были отступать перед растущей мощью Новгорода. Уже в древнейших договорных грамотах Новгорода с тверскими князьями среди волостей новгородских были названы «Волок, Торжок, Бежиче, Городец, Палиць, Мелечя, Шипино, Егна, Заволачье,

¹ Н I Л, стр. 28 и 33. Сравнительная подробность, с которой новгородский летописец, скупой на слова, рассказывает об этих победах новгородцев, — показатель того значения, какое придавали им феодальные верхи Новгорода.

² По ее словам, в 1149 г. «много леже обоих, по Суждалец бещисла», а в 1169 г. «паде их (суздальцев, — В. Б.) 300 и 1000, а новгородец 15 муж».

³ Мирослав Гюрятинич, Якун Мирославич, Дмитр Якунич, видные посадники XII — начала XIII в., были потомками вышеупомянутого Гюряты.

⁴ Посадники Михалко Степанович, Твердислав Михалкович, Степан Твердиславич.

Тре, Перець, Печера, Югра, Вологда». И этот перечень волостей сохраняется в неизменном виде с 60-х годов XIII в. вплоть до Яжелбицкой грамоты 1456 г. **Включительно.**⁵

Политическое господство над севером Восточной Европы открывало новгородским верхам широчайшие возможности для обогащения за счет волостей. Посылка своих промысловых ватаг, сбор дани, прямое ограбление населения и торговля изделиями новгородских ремесленников — все это приводило к тому, что с севера и северо-востока в Новгород направлялось несметное количество пушнины, а также рыбий зуб, соль-морьянка и другие богатства севера. Можно с достаточной долей вероятности утверждать, что влиятельнейшие новгородские боярские роды с первых столетий новгородской самостоятельности были деятельнейшими участниками и руководителями походов на север и умножали свои богатства за счет волостей. Показательно, что Гюрята Рогович, предок той влиятельнейшей в XII в. боярской фамилии, которая возглавляла борьбу за независимость Новгорода, посылал своих молодых на Югру. Богатство и могущество Гюрятиничей выросло на югорских мехах. В конце XIII и XIV в. среди новгородского боярства выдвигается род Мишиничей, потомки того Миши, который «пеш» бился со шведами в войске Невского. Мишиничи (из их рядов вышло много крупнейших деятелей новгородской истории) тоже, бесспорно, были связаны с северо-восточными волостями. Под 1342 г. Новгородская летопись сообщает о том, что Лука Варфоломеевич предпринял поход на Двину, поставил там город Орлец и взял «на щит» все погосты на Двине.⁷ Очевидно, этому походу, ставившему задачей укрепление власти одного из Мишиничей на Северной Двине, предшествовали более ранние предприятия Мишиничей, не выдвигавшие столь далеко идущих задач. Мишиничи в их политике на северо-востоке являются как бы промежуточным звеном, связующим стоящих у колыбели Новгородской республики Гюрятиничей с провожающими ее в могилу Борецкими.

II

Заняв господствующее положение на всем севере Восточной Европы, Новгород с XIII в. стал крупнейшим центром русской торговли и ремесла.

Торговое значение Новгорода, достаточно ясно отраженное в различных источниках (особенно в договорах с немецкими городами), подвер-

⁵ Грамоты В. Н. и П., №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 22. Отличия в перечне волостей, если не считать несущественных разночтений (Тре, Терь, Тирг и др.), сводятся к отсутствию в грамоте № 1 наименования Палиць и добавлению Колоперьми в грамоте № 7.

⁶ Виднейшие из потомков Миши:

Юрий Мишинич

I

Варфоломей

Лука

Матвей

(

Онцѣбр

I и

Юрий

⁷ Н I Л, стр. 355.

2 В. Н. Вернадский

гнуто было сравнительно глубокому изучению уже исследователями* XIX в. (И. Е. Андреевским, М. Н. Бережковым, А. И. Никитским и др.). Эти исследования закрепили за Новгородом ту характеристику, которую ему давали еще историки конца XVIII и начала XIX в. Образ богатого гостя Садко с его заморскими поездками выдвинулся как самое характерное и значительное явление новгородской экономической жизни.

Многие исследователи, особенно немецкие, готовы были переоценить значение внешней торговли (прежде всего ганзейской) для развития Новгорода. В ней видели если не единственную, то главнейшую причину экономического процветания Новгорода. Влиянию ганзейских городов приписывали даже новгородский общественно-политический строй (еще А. Н. Радищеву пришлось в полемике с учеными-немцами подчеркнуть, что «вечевой колокол, палладиум вольности новгородской», надо выводить не из вольностей немецких городов, а из древних славянских порядков¹⁰ уходящих к тем временам, «как славяне начали жить в городах»).

Гораздо менее, чем торговля с немцами, привлекло к себе внимание исследователей XIX в. новгородское ремесло. Только советским исследователям, привлечшим в дополнение к письменным источникам, материал археологических изысканий, удалось убедительно показать, что Новгород периода феодальной раздробленности был не только и даже не столько городом купцов, сколько городом ремесленников. К этому же выводу привел¹¹ и изучение новгородского ремесла XVI в. на основе писцовых книг. Чрезвычайно большое число ремесленников (их можно насчитать до 3000) и многообразие ремесленных специальностей в XVI в. в Новгороде (их можно насчитать свыше 200) позволяют заключить о большом значении Новгорода как центра ремесленного производства и в предшествующие века. В фундаментальном исследовании Б. А. Рыбакова показано, что еще накануне монгольского завоевания в Новгороде было свыше 50 ремесленных специальностей.

Уцелевший от татарского погрома Новгород имел полную возможность развиваться как ремесленный центр в XIII—XV вв. Огромная территория Новгородской земли и волостей Новгорода поглощала продукцию городских ремесленников. В рассказе молодцев Гюряты о немом торге Югры чрезвычайно выразительно говорится о том, как народы севера «кажут на железо, и помоваюгь рукою, проряче железа; кто-дасть им ножь, ли секиру, дають скорою противу»¹². Ремесленный характер Новгорода выступает отчетливо и в заметной политической роли новгородских ремесленников. Согласно правильному мнению последнего'

* И. Е. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1276 г. СПб., 1855; Бережков. О торговле Руси; Никитский. История экон. быта.

¹⁰ Так, сорок лет тому назад в обращении к XV археологическому съезду ученые — прибалтийские немцы — писали: «В столь важной для культуры древней Руси истории Великого Новгорода торговые сношения его с населяющими берега Балтийского моря народами представляются одним из главных факторов блестящего развития сего крупнейшего и богатейшего центра средневековой Руси из незначительного поселка на берегах Волхова» (В. Шлютер. Новгородская Скра. Юрьев, 1911).

¹¹ А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири, Полное собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1941, стр. 145.

¹² Арциховский. Новгородские ремесла; Г. С. Рабинович. Новгородские ремесла XVI в. Уч. зап. ЛГПИ, т. 39, 1941.

¹³ Троицк, л., стр. 180.

исследователя новгородского войска, «в период расцвета могущества Новгорода в XI—XIII вв. в его войске главную роль играет пехота, которая комплектуется из среды демократических городских низов, главным образом из ремесленников».¹³

Знаменитая битва на Липице — один из первых в истории феодальной Европы примеров крупного сражения, исход которого был решен стремительной атакой пеших отрядов.¹⁴ А что эта пехота состояла именно из ремесленников, подтверждается прямым указанием летописи. Перечисляя имена павших в этом бою, она называет троих убитых «на съступе» (во время атаки) — «Дмитра Пльсковитина, Онтон котельника, Иванка Прибышница „опонника“».¹⁵ Упоминание летописцев об этих котельнике и опоннике так же, как встречающиеся в описаниях других битв XIII в. имена серебряников (Страшка и Нежила), щитника (Гаврила), гвоздочника (Якова), кузнеца (Измаила) свидетельствуют, что ремесленник был заметной силой в новгородском войске.¹⁶

Значение новгородских ремесленников в XIII в. в борьбе внутри города достаточно убедительно выступает в событиях, связанных с смещением владыки Арсения и возвращением прежнего владыки Антония. Летописный рассказ об острой борьбе «простой чади» против Арсения завершается сообщением: «А заутра въведоша опять Антония архиепископа, и посадиша с нимъ 2 мужа: Якуна Моисеевица, Микифора щитник».¹⁷ Таким образом уже в XIII в. рядом с фигурой богатого гостя Садко выдвигается и в экономической, и в социально-политической, и в военной истории Новгорода выразительная фигура щитника.

В XIV в. рост социально-политической силы ремесленного посада выступает достаточно ясно в бурных событиях 1342 г. в Новгороде, когда ремесленники выступали как активная сила в борьбе за власть между боярскими родами («... всташа чорный люди»)¹⁸.

Деятельное участие принимали ремесленники и в церковных делах Новгорода. В смелых соображениях Б. А. Рыбакова о связи архиепископа Василия Калики с новгородскими кузнецами есть большая доля правды, хотя господствующей силой ни в Новгородском государстве, ни в новгородской церкви ремесленники и не стали.¹⁹

III

Чрезвычайно возросло в XIII—XIV вв. и внешнеполитическое значение Новгорода. В обстановке усилившегося натиска шведских, немецких и датских феодалов Новгород стал главным сторожем северо-западного рубежа Русской земли. Не сумев помешать утверждению власти западных феодалов в землях суми и еми, эстов и ливов, Новгород удержал в составе

¹³ М. Г. Рабинович. Новгородское войско. Тезисы диссертации. Краткие сообщения ИИМК, т. XVI, 1947, стр. 182.

¹⁴ Новгородцы ссылались при этом на еще более ранний пример — на битву на Кулакше («Яко отчи наши билися на Кулацкей пеши», Н I Л, стр. 56).

¹⁵ Там же, стр. 57.

¹⁶ Рыбаков. Ремесло, стр. 516.

¹⁷ Н I Л, стр. 67.

¹⁸ Там же, стр. 356.

¹⁹ Рыбаков. Ремесло, стр. 767—774. См. также работу Н. А. Казаковой «Новгородско-псковская ересь стригольников», автор которой, в основном соглашаясь с точкой зрения Б. А. Рыбакова, вносит некоторые поправки в его соображения (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XJV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 35—37).

своего Государства землю води, йжоры и большую часть карелы. В долгой борьбе с захватчиками, то отражая их вторжения у стен Ладоги или на берегах Невы, то предпринимая встречные походы в глубь захваченных врагами земель к Юрьеву и Раковору или к Выборгу, новгородцы при поддержке Низа провели своими мечами тот рубеж, который на многие века стал северо-западной границей Руси.

Значение Наровы и Чудского озера как границы между Новгородом, с одной стороны, датскими владениями и Орденом, с другой стороны, определилось уже в первой половине XIII в. Вопрос был разрешен после разгрома рыцарей войсками Александра Невского, а Раковорская битва (1268 г.) закрепила результаты Ледового побоища, и с конца XIII в. борьба на Наровском рубеже ограничивается только порубежными конфликтами. Покушения датских феодалов (Дидмановичей) утвердиться на правом берегу Наровы были пресечены без труда,²⁰ а к югу от Чудского озера Для отражения рыцарей оказывалось достаточно сил Пскова.

Несколько дольше затянулась борьба с шведскими феодалами, огнем и мечом утверждавшими свою власть в Финляндии. Во время крестовых походов маршала Торгильса Кнутссона шведские феодалы постройкой на земле карел крепости Выборга создали базу для возобновления борьбы за берега Ладоги и Невы, где они безуспешно пытались утвердиться еще в XII и XIII вв. Дальнейшие успехи Кнутссона на рубеже XIII и XIV вв. поставили под угрозу главную водную дорогу из Новгорода к морю. В Новгороде понимали всю серьезность положения, созданного постройкой Кексгольма и Ландскроны. Новгородская грамота Любеку начала 1301 г. определенно учитывала возможность того, что «король шведский отнимает у вас и у нас путь по Неве».²¹ Однако шведская угроза была быстро ликвидирована новгородцами. Воздвигнутая с «несказанной твердостью» Ландскрона пала под ударами новгородцев. Новгородский летописец уже в том же 1301 г. мог с удовлетворением сообщить о наказании шведов «за высокоумье их». Разгромив шведов, новгородцы разрушили дотла шведский город («...град запалиша и розгребоша»)²².

Маркс так подвел в «Хронологических выписках» итоги походам Кнутссона: «Торкель завершает подчинение и обращение в христианство финнов и распространяет шведское владычество и христианскую заразу на соседний народ, карелов; для закрепления этого в Карелии основан тогда Выборг; шведы пришли таким образом в соприкосновение с русскими; на последних также часто нападали датские вассалы в Эстляндии, так что скандинавы и германцы с двух сторон теснят русских своими набегами. Военные походы Против русских стоили шведам больших потерь людьми и не дали положительных результатов».²³

После длительной войны, в которой успех в целом склонялся на сторону Новгорода, в 1323 г., наконец, был заключен мир в новом русском городе (Орешке), поставленном князем Юрием Даниловичем на истоке Невы. По Ореховецкому договору было проведено размежевание границ между Новгородом и Швецией («развод и межа»). Намеченный дбгово-

²⁰ Характерна запись летописца под 1294 г.: «Постави Титмановиц отий городок на сей стороне Нарове; новгородци же ехавшие пожгош'а и село его великое взяша и пожгоша» (Н I Л, стр. 528).

²¹ Грамоты В. Н. и П., № 33, стр. 63.

²² Н I Л, стр. 91.

²³ Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938. стр. 338.

ром рубеж, оставлявший во владении Новгорода течение Невы и восточную часть Карельского перешейка, оказался устойчивым. Попытка Мартина Эриксона в середине XIV в. добиться военной силой пересмотра Ореховецкого договора кончилась поражением короля. Новгородцам, таким образом, удалось удержать за Русью, побережье Ладожского, озера и Невский путь.

Одновременно со шведами новгородцы вели в XIV в. борьбу и с Норвегией. В начале XIV в., по сообщениям западных хроник, русские вместе с карелами несколько раз имели с норвежцами военные столкновения из-за Финмаркена. В 1322 г. князь Юрий посылал русские дружины в северную Норвегию (она с 1319 г. объединилась со Швецией). Здесь русские вступили в Халоголанд и овладели одним из крупнейших северных норвежских замков (Бьяркой). Через три года после Ореховецкого, мира был заключен мирный договор и с Норвегией, закрепивший русско-²⁴ норвежскую границу.

В века феодальной раздробленности на Новгород легла обязанность оберегать северо-западный рубеж Русской земли, и новгородцы в XII—XIV вв. с честью несли тяжелую пограничную службу. В известном историко-публицистическом произведении, облеченном в форму завещания Магнуса («Рукописание Магнуса короля Свейского»), русский патриот XIV в., дав обзор крупнейших поражений шведов в XIII—XIV вв., подводил к выводу: «Не наступите на Русь... зашь же нам не пособляется... а кто наступит, на того бог и огонь и вода».²⁵ Всякий шведский политик, способный хоть сколько-нибудь учитывать уроки истории, должен был признать тщетность усилий потеснить Русь у берегов Ладоги и Невы, как ранее, еще в XIII в., признали это немецкие рыцари. Действительно, повторим слова автора «Магнусова рукописания» — ни тем, ни другим «не пособлялось».

IV

Господствуя над севером Восточной Европы, став в XIII в. крупнейшим ремесленно-торговым городом и выдвинувшись как бдительный и стойкий страж северо-западных рубежей Руси, Новгород вступил в XIV в. в пору своего расцвета. Успехи, достигнутые Новгородом в XIII в., в XIV в. были закреплены и умножены. Территория его владений продолжала расширяться. Господство новгородских бояр над необъятными волостями до конца XIV в. почти никем не оспаривалось. Устюжские князья, выступившие было в 20-х годах XIV в. против новгородцев и грозившие прервать путь на Югру, были разбиты в 1324 г. князем Юрием, и сам Устюг был «взят на щит».²⁶ После этого до 1397 г. новгородцам не приходилось посылать больших сил на Двину. Только в самом конце XIV в. началось серьезное наступление московских князей на север.

Политический строй Новгорода приобрел вполне определенные, устойчивые формы. Изгнанием Ярослава Тверского в 1270 г. и ликвидацией попытки Дмитрия Александровича создать свой княжеский город в Копорье в 1282 г. завершается почти двухвековая борьба городской общины, руководимой боярами, с княжеской властью.

²⁴ Отношения Новгорода с Норвегией освещены в статье И. П. Шаскольского «Договоры Новгорода с Норвегией» (Исторические записки, т. 14, 1946).

²⁵ Москов. св., стр. 178—179.

²⁶ Н 1 Л, стр. 97.

Принцип главенства общины над князем был выдвинут со всей определенностью еще в начале XIII в. Пользовавшийся расположением веча Твердислав, поставленный посадником после Липицкой победы над Ярославом,²⁷ во время столкновения с князем в 1218 г. сформулировал учение о верховенстве народа²⁸ краткими словами: «...а вы, братье, в посадничестве и в князех волне есте».²⁹ Слова Твердислава — одна из самых ранних в средневековой Европе формулировок принципа верховенства народа — подводили итоги первому столетию борьбы новгородцев за права городской общины. Они получили дальнейшее развитие в договорных грамотах с князьями второй половины XIII в. Договорные грамоты с Ярославом Тверским, первые новгородские «писанные конституции», созданные в ходе борьбы новгородских бояр с сыновьями Ярослава (Александром и Ярославом), по сути дела, отстраняли князя от внутреннего управления Новгородской землей. Уже первая статья грамот, устанавливавшая порядок управления волостями через новгородских мужей, ясно свидетельствовала о политической направленности «новгородской конституции». «Держать волости» не своими, а новгородскими мужами означало не что иное, как отстранение князя от руководства управлением волостями. Точно так же статья о немецком дворе³¹ реально означала отстранение князя от прямых сношений с немецкими купцами. Так, новгородское боярство ревниво оберегало от князя (и его слуг) важнейшие источники своих богатств.

Еще показательнее постановка в грамотах вопроса о княжеском землевладении. Грамоты решительно запрещали князю и его слугам приобретать каким-либо путем (даже в дар) земли во владениях Новгорода.³² Все значение этой статьи становится ясным, если учесть, что феодальная собственность на землю являлась основой феодализма и что «в феодальную эпоху высшая власть³³ в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности».

В XIV в. князья постепенно отходят и от руководства новгородской ратью. Последним князем, который вел новгородские войска и ставил города, был Юрий Данилович (он руководил войной со шведами, поставил Орешек, заключил договор со шведами, воевал в Заволочье с устюжскими князьями). После Юрия Даниловича войска Новгорода обычно возглавлялись или мужами новгородскими, или «кормленными» и служебными князьями. Даже в такой большой войне, как война с Магнусом Эриксонсом в середине XIV в., новгородцы бились под руководством своих военачальников (хотя и сделали попытку привлечь к этому делу московского князя).

Имя князя все реже упоминалось в качестве главы Новгорода и в договорах с иностранными державами. Если обратиться к грамотам Нов-

²⁷ Рассказ о Липицкой битве в Н I Л завершается словами: «Тогда отъяша посадничество у Гюргя Иванковица и даша Твердиславу Михалковицу» (стр. 57).

²⁸ В средневековом его понимании.

²⁹ Там же, стр. 59, 261.

³⁰ «Что волостей всех новгородских, тех волостей, не держати ти своими мужи, но держати мужи новгородскими». Статья эта прочно входит в текст новгородских грамот (см.: Грамоты В. Н. и П., №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26).

³¹ «А в Немецком дворе тебе торговати нашею братнею; а двора ти не затваряти; а приставов ти не приставливати» (там же, №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 26).

³² «А в Бежичях тебе, княже, ни твоей княгыни, ни твоим бояром, ни твоим слугам сел не держати, ни купити, ни даром принимати и по всей волости Новгородской» (там же, №№ 1, 2, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26).

³³ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1958, стр. 339.

города с Западом в XIV в., то имя князя (Андрея и Юрия) встретится только в четырех грамотах, относящихся к первой четверти XIV в. (до 1323 г.).³⁴ В прочих одиннадцати грамотах имя князя не названо, из них в пяти упомянут княжеский наместник (называемый выше посадника, но ниже владыки),³⁵ а в остальных шести грамотах нет имен ни князя, ни его наместника.³⁶ Князь становится в Новгороде редким гостем. Его интересы в Новгороде представлял наместник, следивший за поступлением князю оговоренных грамотами доходов. Князья постепенно смирились с таким положением, освященным традицией («пошдиной»).

Столкновения между Новгородом и князьями (тверскими и московскими) в XIV в. связаны были не с вопросами о правах князя во внутреннем управлении, а со спорами из-за размеров поборов в пользу князя и в особенности из-за прав князей в порубежных с Новгородом землях. В грамотах Новгорода с князьями эти вопросы занимали столь большое место, что договорные грамоты производят впечатление не столько «конституционных хартий», устанавливающих место князя в управлении Новгородской землей, сколько договора с соседней державой. Вопросы взаимоотношений с соседней Тверской землей трактуются во многих статьях договорных грамот. Таковы статьи о находящихся в совместном владении Торжке и Волоке, где князь и новгородцы держали тиунов, каждый на своей части, о запрещении князю выводить в свою волость людей³⁷ и принимать закладников,³⁸ о размерах мыта в Суздальской земле,³⁹ о правах новгородских купцов в Суздальской земле,⁴⁰ наконец, о рубеже между Суздальской и Новгородской землями.⁴¹

Таким образом, договоры Новгорода с великими князьями не укладываются в рамки соглашения о вассалитете. Вассал (Новгород) настолько усилился и приобрел такую степень самостоятельности, что его отношения с сеньором (великим князем) приобрели характер соглашения между двумя суверенными государями. Обычных для вассала обязательств военной службы («всесть на конь») по призыву сеньора Новгород на себя не принимал. Показательно и то, что договор облекался в форму «целования креста» князем Новгороду, а не наоборот. Не порывая до конца связей с Низом, Новгород XIV в. вел самостоятельно и внутреннюю и внешнюю политику.⁴²

³⁴ Грамоты В. Н. и П. №№ 33—35, 38.

³⁵ Там же. №№ 40—44.

³⁶ Там же, №№ 36, 37, 39, 45, 46, 48.

³⁷ «А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волоче: тивун свои держати на своей части, а новгородець на своей части». С небольшими вариантами статья входит в обычный текст грамот (там же, №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22).

³⁸ «А из Бежиць, княже, люди не выводити в свою волость ни из иной волости новгородской, ни грамот им даяти, ни закладников принимати ни твоей княгнии, ни бояром твоим, ни слугам твоим: ни смерды, ни купцины» (см. с некоторыми вариациями: там же, №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26).

³⁹ «А что, княже, мыт от Суждальской земли и в твоей волости: от воза имати по 2 векши, и от людье, и от хмелна короба и от льяна» (там же, с некоторыми пезначительными вариациями: там же, №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26).

⁴⁰ «А гостю нашему гостити по Суждальской земли без рубежа, по песареве грамоте» (там же, №№ 1—3, 6, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26; с небольшими вариациями также №№ 7 и 20).

⁴¹ «О рубеж ти двѣ-и правый по старому рубежу в хръстное целованье, како было при отци твоем Ярославѣ». Эта статья входит в текст грамот несколько позднее (там же, № 7; с некоторыми вариациями №№ 9, 10, 14, 15).

⁴² См. правильные соображения по вопросу о роли князя в Новгороде в XIV в. в статье: Арциховский. К истории Новгорода. Впрочем, некоторые формулировки

V

Военно-политическое значение «Господина Великого Новгорода» в XIV в. чрезвычайно возросло. Используя соперничество между Тверью и Москвою в начале XIV в., он сумел ослабить опасного соседа (Михаила Тверского). Его содействие помогло Юрию Московскому взять верх над Тверью. А когда со времени Калиты усилился нажим со стороны московского князя, Новгород стал искать противовес его растущей силе в Литве.

Появление в Новгороде в 1332 г. первого Гедиминовича-Наримонта произошло настолько близко по времени за размолвкой между Новгородом и Иваном Калитой,⁴³ что естественно видеть между этими событиями не просто случайное совпадение во времени, а прямую причинную связь. К этому заключению толкает и тон летописной записи о приезде Наримонта. Новгородский летописец, забывая о том насилии, какому подверглись новгородские послы в Литве,⁴⁴ усердно подчеркивает благочестие Наримонта и его почтительное отношение к «святой Софии». «Вложи бог в сердце князю литовскому Наримонту... и приела в Новгород хотя поклониться святей Софеи»,⁴⁵ — пишет новгородский летописец. Таким образом, от тактики балансирования между Москвою и Тверью Новгород переходил к лавированию между Московским княжеством и Литвою. Это создавало возможность новгородским боярам вести свою линию во внешней политике. Отбив в середине века новое покушение со стороны шведского короля Магнуса (и на этот раз, как сказано выше, без помощи низовских князей), Новгород еще раз показал свою военную мощь.

Внешнеполитические связи Новгорода к середине XIV в. расширились и окрепли. Его послы вели переговоры со всеми государствами Восточной Европы. Так, Кузьма Твердиславич, крупнейший новгородский дипломат середины XIV в., ездил в 1331 г. вместе с владыкою на Волынь к Гедимину, в 1338 г. он был послан в Выборг для переговоров со шведами, в следующем был за морем у шведского короля. Его же отправили новгородцы к Семену Гордому с жалобой на московских бояр. Наконец, во время войны с Магнусом он вел переговоры с королем, при взятии Орешка был захвачен в плен и пробыл за морем до окончания войны,⁴⁶ когда произошел обмен пленными.

Чтобы очертить круг стран, с которыми новгородцы вели регулярные сношения, нужно к тем землям, где бывал Кузьма Твердиславич, присоединить немецкие города Ливонии, Норвегию и Византию, куда ходили и новгородские купцы и новгородские послы.

VI

Не менее ярко и убедительно, чем в политической жизни, расцвет Новгорода в XIV в. отражен в его культуре. Исследователи новгородского искусства давно выделили XIV век как золотой век новгородского зод-

А. В. Ариховского (например: «Самый пост князя к концу XIII в. был отменен») идут слишком далеко, так что под ними нельзя подписаться безоговорочно.

⁴³ «Взверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамьского». (Н I Л, стр. 99).

⁴⁴ Согласно сообщению московских летописных сводов, Гедимин «изима их (новгородских послов) на миру», и новгородцы пошли на приглашение Наримонта только «в такой тяготе» (Москов св., стр. 170). Новгородский летописец не мог не знать об этом и, тем не менее, он молчит о нажиме со стороны Гедимины.

⁴⁵ Н I Л, стр. 345.

⁴⁶ Там же, стр. 343, 349, 350, 352, 359, 360, 362; см. также: Москов. св., стр. 170, 173, 176, и позднейшие своды.

чества и монументальной (фресквдй) живописи. Достаточно перечитать страницы новгородской летописи XIV в. или познакомиться с сохранившимися до наших дней⁴⁷ созданиями новгородских мастеров, чтобы стало ясно, насколько широко развернулось в XIV в. строительство в Новгороде. Так, за одно пятилетие (6863—6867) Новгородская первая летопись отмечает постройку в Новгороде 7 каменных церквей. Приведем отрывок из летописи за эти годы, несколько утомляющий читателя однообразием записей о постройках, почти не прерываемых другими сообщениями:

«В лето 6863. Поставлена бысть церкви каменная в имя святыя богородица Знамение на Ильини улицы. Постави владыка Моиси церковь камени святого Михаила на Сковоротке.

«В лето 6864. Поставиша лубянци церковь камени святого Георгия на том же месте, где прежде деревянная стояла. Того же лета поставиша сороклетнюю церковь камени; а прежде камени же была, но сама пала от старости. Того же лета поставлены быша три церкви деревянные...

«В лето 6865. Постави владыка Моиси церковь камени Духу святому монастырю. Того же лета постави владыка Моиси богородицу святую в Радоковицах...

«В лето 6866. Поставиша святых апостол 12 церковь деревяну.

«В лето 6867. Постави владыка Моиси святого Прокопия церковь камени на княжи дворе. Того же лета постави Лазута святой Иоанн церковь камени у Немечьского двора».

Как видно из этой выписки церкви сооружались главным образом на средства владыки. Очень много каменных церквей было поставлено владыкой Моисеем. Его преемник владыка Алексей так же усердно продолжал церковное строительство.⁴⁹ Порою сооружение проводилось силами отдельных бояр (как названный Лазута).⁵⁰ Нередко постройка церквей производилась уличанской общиной, как в приведенном выше примере с лубянами или как это имело место с сооружением⁵¹ (или по крайней мере с росписью) знаменитой церкви Спаса на Ильине.

Наряду со строительством многочисленных каменных церквей в XIV в. широко развертывается строительство каменных городов. Каменные укрепления (стены и башни) возводились не только в самом Новгороде (сооружение каменных стен Кремля в 1302 и 1331 гг.), но и в некоторых его пригородах. В Копорье каменные укрепления были поставлены еще в конце XIII в.: в 1280 г. князь Дмитрий с посадником Михаилом «обложиша город камен Копорью».⁵² В XIV в. были поставлены каменные города Яма (1384 г.) и Порхов (1387 г.). Для характеристики размаха и темпов строительства городских укреплений можно привести летопис-

⁴⁷ Точнее до дней Великой Отечественной войны против фашистской Германии, ибо фашистами уничтожены многие замечательнейшие создания новгородского искусства XIV в.

⁴⁸ Н I Л, стр. 364—365.

⁴⁹ См., например, летописную запись 1365 г.

⁵⁰ Так же была построена знаменитая церковь Федора Стратилата боярином Семеном Андреевичем: «Заложил церковь камени Федору святей на Федорови улице Семеном Андреевичем с боголюбивою матерью своею» (Н I Л, стр. 367).

⁵¹ «Летописец новгородский церквам Божиим» под 1378 г. содержит следующую запись: «Того же лета подписаша церковь на Ильини улицы повелением благородного и боголюбивого боярина Василия Даниловича и со уличаны Ильини улицы» (Н III Л, стр. 243).

⁵² Н I Л, стр. 323.

ную запись о постройке г. Ямы. «В Петрово говение ехаша из Новгорода на Яму города ставити: воевода Есиф Захарьич, Юрьи Онцифорович, Иван Феодоров, Феодор Тимофеев, Стефан Борисов, и иные боляре и житьи люди, и поставиша в 30 днии и в 3 дни».⁵³ Как можно судить по этому сообщению, строительство городов велось с возложением руководства этим делом на крупнейших новгородских бояр и с привлечением, очевидно, очень большого числа строителей. Иначе было бы невозможно сооружение в течение месяца довольно значительной крепости.⁵⁴ Небывалый размах каменного строительства в XIV в. (в этом отношении Новгород далеко опережал другие центры Великой России) убедительно говорит об экономической мощи Новгорода.

Памятники новгородского зодчества XIV в. говорят вместе с тем о крупных успехах новгородских зодчих и о выработке ими своеобразного стиля. Если уже памятники княжеского зодчества XI—XII вв. в Новгороде (от Софийского собора до Нередицы) с их суровым величием и простотой свидетельствуют о творческой переработке новгородскими мастерами форм византийского храма, то в XIV в. сооружения новгородских зодчих приобретают в полной мере самобытный неповторимый в своем своеобразии облик. Поиски новых архитектурных форм (от Николы на Липне, Спаса на Ковалева и Волотовской церкви) завершаются сооружением наиболее совершенных образцов новгородского стиля — церкви Федора Стратилата (1360—1361 гг.) и Спаса на Ильине (1374 г.). В них приземистость («коренастость») новгородских построек начала XIV в. преодолена искусным членением фасадов, а суровая простота кладки смягчена узорным орнаментом («обронными украшениями»). Особенно изукрашен был Спас на Ильине. Но и в этом случае новгородские зодчие сохранили присущую им заботу о том, чтобы орнамент не заслонил стройности общего архитектурного замысла. «Декоративная разделка стен напоминает народную резьбу по дереву или кости. Узор, однако, не мельчится, умело рассчитан на различимость издали, прост и не уменьшает впечатления от монументальности сооружения. Впечатление **богаТ-**

ства и пестроты создается самыми скупыми, лаконичными средствами».^{кк}

Не менее значительные сдвиги могут быть отмечены в XIV в. и в новгородской живописи. Стенопись церковей Болотова, Ковалева, Федора Стратилата и Спаса на Ильине, недавно раскрытые фрески церкви Михаила на Сквородке принадлежат к замечательнейшим созданиям древнего русского искусства. Новейший исследователь новгородского искусства, характеризуя фресковую живопись Новгорода как «одну из высших точек в развитии русского монументального искусства», приравнивает новгородскую школу по ее значению для Руси к значению Флоренции в художественном развитии Италии.⁵⁶

Не вдаваясь в анализ достижений новгородского искусства XIV в. и не излагая итогов изысканий его исследователей,⁵⁷ историк Новгорода не

⁵³ Н IV Л, стр. 341; см. также: Н I Л, стр. 379.

⁵⁴ Крепостные сооружения Новгорода и его пригородов были в последнее время обследованы археологом В. А. Богусевичем (Богусевич. Военно-оборонительные сооружения). Из сооружений XIV в. в этой работе описана (на основе обследования ее автором в 1931 г.) Порховская крепость.

⁵⁵ Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Л., 1945. стр. 53.

⁵⁶ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947, стр. 91. «Кто хочет, — добавляет автор, — изучить подлинную фресковую живопись, должен ехать в Новгород, либо во Флоренцию. Ибо только здесь увидит он великие творения фрескистов».

⁵⁷ См. указанную выше работу В. Н. Лазарева, а также: М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946.

может не подчеркнуть, что успехи новгородского искусства в XIV в. являлись отражением общего подъема Новгорода, а его своеобразие было связано с своеобразием социально-экономического и политического строя Новгорода.

И. Э. Грабарь прекрасно охарактеризовал художественный идеал новгородца следующими яркими словами: «Идеал новгородца — сила и красота его — красота силы. Не всегда складно, но всегда великолепно, сильно, величественно, покоряюще».⁵⁸ Эту характеристику можно в целом отнести и к новгородскому искусству периода расцвета. Только одна оговорка представляется необходимой. Подчеркивание далее И. Э. Грабарем «необтесанности», «мужиковатости» новгородца так же, как и указания В. Н. Лазарева на то, что новгородское искусство «лишено аристократической тонкости, мягкой поэтичности и изящества московского искусства», проникнуты преклонением перед «аристократическим» искусством, столь характерным для «утонченных» искусствоведов начала XX в. В этом вопросе работы советских историков искусства не до конца свободны от влияния эстетствующего снобизма.

«Покоряющая сила» новгородского искусства XIV в. связана с растущей мощью Новгорода, его «демократические» черты — с влиянием «воздуха» большого средневекового города и с «усилением посадского начала в искусстве XIV в.»⁶⁰ (это не «мужиковатость!»). А новые черты в понимании христианства, которые выступают в искусстве новгородских фрескистов и столь пришедшегося им по ркусу Феофана Грека, несколько сродни той «бюргерской» ереси стригольников, которая в XIV в. свила себе гнездо в Новгороде и Пскове.

VII

Какова же была социально-экономическая база расцвета Новгорода в XIV в.?

Феодальное землевладение оставалось по-прежнему основой общественного строя Новгорода. Боярство являлось господствующим классом, а феодальная рента основной формой эксплуатации населения. Так было всюду на Руси, так было и в Новгородской земле. Но феодальное землевладение в Новгородской земле и феодальная эксплуатация отличались заметными особенностями, сложившимися еще до XIV в. и сохранившимися в пору расцвета Новгорода. Крупное феодальное (боярское) землевладение, развившееся в Новгородской земле не из княжеских пожалований, было вынуждено дольше и в большей мере, чем в других русских землях, прибегать наряду с внеэкономическим принуждением к экономическим средствам кабаления смердов. Отсюда столь частое упоминание в новгородских грамотах разных категорий закабаляемых людей, фигурирующих обычно рядом с холопами. Так, в договорных грамотах 1296—1301 гг. с Михаилом Тверским имеются статьи о выдаче холопов, должников и поручников.⁶¹ Аналогичные статьи имели место в договорах о Псковом: «А за должник и за холоп и за робу... не стояти псковичем, но выдавати их».⁶² Отсюда же, вероятно, нужно выводить широкое распространение половничества. Положение половника было близко к холопству,

⁵⁸ И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, 1926, (1), стр. 57.

⁵⁹ В. Н. Лазарев, ук. соч., стр. 15.

⁶⁰ М. В. Алпатов. Всеобщая история искусства, т. III. М., 1955, стр. 145.

⁶¹ Грамоты В. Н. и П., №№ 4, 5.

⁶² Москов. св., стр. 219.

как и другие виды кабалы: «А холода и половника не судити без господаря», — читаем в одной из грамот.⁶³

При отсутствии княжеского землевладения (точнее, после его ликвидации) в Новгороде не могли получить широкого развития и иерархическое членение земельной собственности, и система вооруженных дружин, отмечаемые Марксом как характерные черты развитого феодального строя. Маркс писал об этом в «Немецкой идеологии»: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура... была ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса».⁶⁴ Конечно, последние слова Маркса могут быть в их общем содержании отнесены и к Новгороду XIV в.: Новгородская боярская феодальная республика была «ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса». Но форма этой ассоциации была отлична от иерархически расчлененного феодального государства.

«Система вооруженных дружин» в Новгородской земле XIV в. отсутствовала, поэтому, для того чтобы держать в узде эксплуатируемых, новгородский боярин располагал силами лишь своей дружины. Новгородская былина о Василии Буслаеве в рассказе о том, как боярин набирает «дружинушку хоробрую», сохранила одну из важнейших черт новгородской общественной жизни.⁶⁵ Боярская дружина выступала как окружение боярина в городе и как его военная сила, с которой он отправлялся за данью и при помощи которой он удерживал и умножал свои земельные владения.

Существеннейшей чертой новгородского феодального строя нужно считать и широкое распространение холопства. Во время переговоров в январе 1478 г. с Новгородом о размерах дани Иван III, настаивая на том, чтобы обежную дань платили все земледельцы, счел нужным специально отметить «одерноватых» пашенных людей («...имати ему дань... на всяком, кто ни паши землю, и на ключниках, и на старостах, и на одерноватых»)⁶⁶. «Одерноватые» пашенные люди не были новообразованием XV в. Мы имеем прямые указания источников на распространенность холопства в Новгородской земле в более раннюю пору, в частности в XIV в. В известной духовной Евстафия уделено весьма большое внимание «челяди одерноватой». В ней названо в составе «одерноватой челяди» 16 семей, которые перешли завещателю в наследство от отца, а последнему в свою очередь достались при разделе с братом («...что досталось отцу моему у дяди у Бориса в оддел»)⁶⁸. О большом значении холопства говорят и договорные грамоты. Статьи договорных грамот оговаривают необходимость участия господаря на суде над холопом («А старосте ни

⁶³ Грамоты В. Н. и П., № 7. В этой же грамоте далее: «А холоп или половник, забежит»; см.: Греков. Крестьяне на Руси, стр. 410—411.

⁶⁴ К. Маркс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, изд. 2-е, М., 1955, стр. 23.

⁶⁵ В этом вопросе мы не можем согласиться с С. В. Юшковым, который, правильно указав существенные особенности феодальных отношений в Новгородской земле, ошибочно отрицает существование дружин у новгородских бояр. Он пишет: «Так как новгородские бояре и другие феодальные группы не были военными слугами князя, то у них не было ни дружины, ни подвассалов» (С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Пермь, 1949, стр. 395). Из правильной посылки С. В. Юшков делает совершенно ошибочный вывод.

⁶⁶ Соф. П л., стр. 217.

⁶⁷ Челяди бесспорно несвободной, ибо ей противопоставляются в ряде случаев свободные («...а жена его и дщери свободны»).

⁶⁸ Грамоты В. Н. и П., № 110.

холопа, ни рабы без господаря твоим судьям не судити»⁶⁹. В них неизменно (начиная с грамоты 1270 г.) подчеркивается также требование, чтобы показаниям раба на господина не придавалось значения.⁷⁰

В Двинскую уставную грамоту 1397 г., очевидно с учетом широкого распространения в Двинской земле холопства и прав господина на него, была внесена статья о том, что господин мог безнаказанно убить холопа: «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют».⁷¹ Это совершенно откровенное признание права господина над жизнью холопа свидетельствует о том, что в Новгородской земле XIV в. еще не все категории зависимых людей поднялись до положения крепостного, которого феодал уже не может убить.

Архаичность феодальных отношений в Новгородской земле, связанная с медленным ходом процесса «обоярения» земель, обнаруживается, следовательно, и в большом значении экономической кабалы и в распространенности холопства. Она сказывается и в архаичной социальной терминологии новгородских грамот, которая ясно выступает в приведенных выше примерах. Расцвет Великого Новгорода в XIV в. опирался не на высокий уровень развития феодальных отношений.

Феодальная рента XIV в., насколько позволяют об этом говорить немногие упоминания документов, складывалась из барщинных повинностей (вроде «кол колити») и из оброков, развивавшихся либо из дани, либо из обязательства половника (с чрезвычайно широким распространением издольщины).

Боярин-вотчинник в очень малой степени развертывал собственное пашенное хозяйство. Как показано еще Никитским, барская запашка в новгородских вотчинах даже в XV в. была ничтожна. «Как ни громадны были владения некоторых новгородских бояр, — писал Никитский, — ни в одном из них не замечается намека на большое хозяйство: последнее, напротив, во всех имениях было малым. Собственной запашки не существовало и в церковных владениях как владычных, так и монастырских».⁷² Если иметь в виду пашенное хозяйство, с этим выводом Никитского можно согласиться. В то же время есть основания утверждать, что боярские люди широко занимались скотоводством и промыслами (звероловством и рыболовством). Ватаги боярских холопов, отправлявшихся за данью или на промысел, развертывали весьма разнообразную деятельность. Источники не позволяют определить, кто доставлял боярину большие доходы, — ключники ли, собиравшие в боярских вотчинах доходы со смердов, или боярские ватаги, ходившие на Двину и за Двину, но, во всяком случае, доля последних была весьма велика. Поэтому-то владельцы Великого Новгорода видели важнейшее средство для умножения своих доходов в расширении сферы деятельности боярских дружин.

Летописи сообщают о многочисленных походах новгородских молодцев в XIV в. на север и восток. Как далеко на север заходили новгородские дружины в XIV в., можно иллюстрировать двумя летописными сообщениями: 1) в 1320 г. отряд новгородцев в ушкуях ходил на Мурман («А Лука ходи на Мурманы, а немцы избиша у скуй Игната Малыгина»);⁷³ 2) в 1364 г. Александр Абакумович и Степан Ляпа доходили

⁶⁹ Там же, №№ 6, 7, 9, 10, 15.

⁷⁰ Там же, №№ 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

⁷¹ Там же, № 88.

⁷² НИКИТСКИЙ. Истбрия экон. быта, стр. 51.

⁷³ Лет. Авр., стлб. 62; см. также: Н IV Л. стр. 258.

до Оби. А о том, какие богатства давали далекие походы, можно судить по сообщению следующего года: «А Югорци заложиша церков каменую святую Троицу, на Редятине улице».⁷⁴ Очевидно, югорская добыча была столь велика, что победители нашли возможным соорудить каменную церковь.⁷⁵ Самой значительной попыткой расширить круг эксплуатируемых новгородским боярством земель было ушкуйничество 60—70-х годов.

Эксплуатация боярством основной массы новгородских производителей складывалась, таким образом, из сочетания: 1) ранних форм феодальной ренты (барщины и «издолья»); 2) повинностей холопов и кабальных людей; 3) даней, а порою открытого грабежа населения северных волостей.

В научной литературе, как известно, высказано два противоположных взгляда по вопросу о степени зрелости феодальных отношений в Новгороде. Одни исследователи (к этой точке зрения склонялся последнее время С. В. Юшков) считали, что крепостнические отношения в Новгородской земле развивались столь быстро, что крепостное право здесь сложилось раньше, чем в великорусском центре. Возражая этим исследователям, Б. Д. Греков подчеркивал, что даже в XV в. в Новгородской земле «крепостничество... еще только подготовлялось». «Говорить о крепостничестве в Новгороде в XV в., — добавляет он, — можно только с очень большими оговорками, имея в виду лишь начальную стадию процесса».⁷⁶ Как видно из предшествующего изложения, автор всецело стоит в этом вопросе на позициях второго направления, возглавляемого Б. Д. Грековым.

Конечно, при недостаточной изученности вотчины северо-восточной Руси XIV—XV вв. трудно утверждать, насколько специфически новгородским являются отмеченные выше черты новгородских феодальных отношений (сравнительно большая роль экономического закабаления, половничество, холопство, дофеодальные формы эксплуатации), но две важные особенности новгородской социально-экономической жизни — отсутствие княжеского землевладения и исключительные возможности для роста вширь (на север и северо-восток) новгородских волостей — естественно создавали особо благоприятные условия для сохранения дофеодальных и раннефеодальных форм эксплуатации. Мы оставляем пока в стороне те черты нового, которые начинают в XIV в. пробиваться сквозь толщу «пошлины». Они будут предметом подробного рассмотрения в первой части книги.

VIII

Век расцвета Великого Новгорода отнюдь не был порой внутреннего социального мира. В разных проявлениях классовая борьба велась на всем протяжении Новгородской земли от порубежных со Швецией карельских земель до северного Урала. Правда, основной источник по истории Новгорода XIV в. — новгородская летопись — крайне неполно и односторонне отражает борьбу народных масс против феодальной эксплуатации и против поборов данщиков. Особенно слабо освещена на

⁷⁴ Н П Л, стр. 34; Н Ш Л, стр. 236.

⁷⁵ Беляев. Рассказы, стр. 449.

⁷⁶ См. гл. I.

⁷⁷ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 413.

⁷⁸ Там же, стр. 414. Речь здесь, как и выше, идет, конечно, не о крепостничестве как типе производительных отношений, а о барщинном хозяйстве и крепостном праве.

страницах летописи борьба сельского населения. Даже о борьбе населения северо-восточных волостей против новгородских данщиков летопись не дает прямых указаний, так что исследователю приходится только умозаключать о ней из сообщений о походах значительных отрядов новгородских молодцев.⁷⁴

Только по отношению к порубежной кареле, где классовая борьба сплеталась с борьбой против шведских агрессоров, летопись сохранила несколько кратких сообщений о восстаниях карел в XIV в. (в 1314 и в 1337 г.).⁸⁰ Особенно ценно для характеристики политики новгородских бояр по отношению к населению Карелии сообщение о соглашении между Новгородом и Швецией в 1339 г.: «...а про Корилу тако ркоша: еще к нам наши бежат, секите их или вешайте: или ваши к нам, мы же тако им створим». Кровавое соглашение новгородских и шведских феодалов 1339 г. свидетельствует о тех беспощадных мерах, какими поддерживалась власть новгородских бояр.

О том, насколько напряженным было положение в селах в центре Новгородской земли, напоминает несколько необычное для летописца сообщение о погромах сел под Новгородом в 1310 г. («Того же лета на зиму грабиша села около Новгорода»).⁸² Это сообщение, вставленное между рассказом о постройках церквей на Коломцах и Дубянке и известием о «преставлении» архиепископа Феоктиста, напоминает о полной социальных противоречий новгородской действительности, нарушавшей покой церковника-летописца. Очевидно, слишком беспокоило стало в новгородских селах, если новгородский инок, прервав изложение близких его церковному миру новостей, счел нужным записать об этом в летописи.

Летопись сохранила некоторые сообщения и о классовой борьбе в пригородах: в Торжке, где в 1341 г. «всташа чернь на бояр»,⁸³ в Орешке и Кореле, где горожане выступили в 1384 г. против Патрикия Наримонтовича.

Но, естественно, всего больше сведений летопись сохранила о борьбе внутри самого Новгорода: объяснить это нужно не только тем, что борьба в Новгороде разворачивалась непосредственно перед глазами летописца, но прежде всего тем, что классовая борьба в правящем городе приобретала огромное значение для Новгородского государства и церкви. В частности, она нередко приводила к насильственной смене новгородских светских и церковных властей. Волнения обычно сопровождалась разгромом боярских дворов и сел, изгнанием и бегством крупнейших бояр, а иногда и казнью их. Так, запись 6835 г. летописец начал сообщением: «Бысть мятеж в Новгороде, и пограбиша двор Остафьев Дворянинцев и пожгоша весь». Порою дело не ограничивалось утратой боярином имущества. Если в 1327 г. Остафий Дворянинцев заплатил двором, то через 20 лет (в 1346 г.) новгородцы, недовольные политикой его как посадника по отношению в Ольгерду, казнили Остафия («Вспятившися в город, позвониша вече и убиша Дворяниньца посадника на вече»).⁸⁵ В 1332 г. произошло выступление против посадника Федора,

⁷⁹ Например, известный рассказ о походе Луки Варфоломеевича в Двинскую землю в 1342 г.

⁸⁰ Н. И. Л., стр. 94; Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 220. Анализ этих сообщений даю в работе С. С. Гадзяцкого (Гадзяцкий. Карелы, стр. 158—163).

⁸¹ Н. И. Л., стр. 350.

⁸² Там же, стр. 93.

⁸³ Там же, стр. 353.

⁸⁴ Там же, стр. 98.

⁸⁵ Там же, стр. 358—359.

сопровождаясь разграблением боярских дворов и сел («Всташа крамолнице в Новгороде и отьяша посадничество у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михайловичи) и пограбиша Двор Смена Судокова; а брата его Сенифонта села пограбиша»⁸⁶).

В острейшей политической борьбе за власть, развернувшейся в 1342—1350 гг. между двумя боярскими родами, Мишиничами (братьями и сыновьями Луки Варфоломеевича), с одной стороны, посадником Федором Даниловичем и его братьями, с другой стороны, дважды были разграблены «дома и села» Федора Даниловича, а он сам, с братьями, дважды бежал из Новгорода. Победа Онцифора Лукича в итоге борьбы летоМ 1350 г. сопровождалась разгромом враждебной боярской группировки. «Сего же Месяца (июня, — В. Б.) в 16 день, — рассказывает летописец, — отьяша посадничество у Федора Даниловича и даша Онцифору Лукину», и через фразу продолжает: «Гого же лета выгониша новгородци из Новгорода Федора посадника и брата его Михаилу и Юрья и Ондреяна, а дома их разграбиша и Прускую улицу всю пограбиша: а Федор и Михайло и Юрьи и Ондреян побегоша в Псков»⁸⁷.

Вооруженной борьбой на улицах города (на Ярославовом дворе и у моста) и разграблением сел сопровождалась борьба за власть и в 1359 г., завершившаяся победой опять одного из Мишиничей (Микиты Матвеевича). Сравнительно подробный летописный рассказ называет события 1359 г. «сильным мятежом». Летописец говорит о «сече» на Ярославовом дворе, во время которой «бояр многих побиле и полупили», и о трехдневной борьбе Софийской и Торговой сторон («...уже бо славяне и мост переметаша»). Владыке Моисею удалось, наконец, прекратить вооруженную борьбу, но и после этого новгородцы не сразу успокоились: они захватили села бывшего посадника Сильвестра, ставленника Славенского конца, а также села других бояр. Заключительные слова летописного рассказа о событиях 1359 г. свидетельствуют о том, что миротворческая миссия владыки не смогла защитить сел разбитой группировки бояр Славенского конца. «И прияша слова его (владыки, — В. Б.), пишет летописец, — и разидошася; и взяша селы Селивестрова на щит, а иных сел славенских много взяша: много же и невиноватых людей погидо тогда, и даша посадничество Миките Матфееичю и тако смиришася»⁸⁸,

Не меньшей остротой отличалась борьба в 1384 и 1388 гг.⁸⁹ Опять в летописном рассказе встречаются те же подробности: «в оружьи», «великий мост переметаша», «хоромы розвезоша», «начата людей лупити» и т. д.

Было бы ошибкой не видеть за этой политической борьбой между боярскими родами классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Летописца интересуют главным образом политические итоги движения, а также роль в нем церкви. Все же даже в его рассказе ясно выступает в некоторых случаях роль городского плебейства. В рассказе о событиях 1342 г. он прямо указывает: «Всташа чорные люди на Одрешка, на Федора на посадника на Данилова»⁹⁰. Их («черных людей») имеет в виду летописец, когда в рассказе о других возмущениях

⁸⁶ Там же, стр. 344.

⁸⁷ Там же, стр. 362.

⁸⁸ Там же, стр. 345—366.

⁸⁹ Там же, стр. 379 и 382.

⁹⁰ Там же, стр. 356.

говорит о «крамольниках», «лихих людях, иже бога не боятся». Выступления «черных людей» в XIV в. не приводили к свержению новгородского общественно-политического порядка. Борьба шла только против плохих бояр, а не против боярского господства. Новгородскому боярству удавалось ввести социальную борьбу в русло соперничества «концов» и «сторон». Как в городах средневековой Италии непрерывно соперничали различные Монтекки и Капулетти, Салингуерра и Эсте (в Ферраре XIII в.), Медичи и Альбици (во Флоренции в XIV в. и др.), в Новгороде XIV в. вели борьбу за власть отдельные боярские роды. Но так же, как в Италии, в борьбу Медичи или Эсте с их политическими противниками втягивалась и масса городского населения (цеховые ремесленники и даже не организованное в цехи плебейство), так и в Новгороде «черные люди» деятельно участвовали в борьбе Мишиничей с Даниловичами и накладывали отпечаток на ход событий. В социальных движениях XV в., как будет показано ниже, этот отпечаток окажется заметнее, но и в XIV в. новгородскому боярству приходилось считаться с «чернью».

А какие политические тенденции обнаруживались у «черни» в XIV в., можно судить по событиям в Торжке в 1340 г. (1341 г.⁹¹). По возвращении из Орды с ярлыком на великое княжение Семен Гордый послал своих бояр «дани брати» в Торжок, находившийся в совместном владении московского князя с Новгородом. Московские бояре насильничали в Торжке («...почаша силно деяти»). Новоторжцы (надо думать, судя по дальнейшему изложению, бояре) обратились «с поклоном» в Новгород. Новгородские власти отправили к великому князю послом Кузьму Твердиславича с жалобами на московских бояр («Еще не сед у нас на княжении, а уже бояре твои деют силно»). Вместе с тем были направлены в Торжок новгородские полки под руководством влиятельнейших бояр (Матвея Варфоломеевича и др.). Новгородские войска заняли Торжок. Наместники великого князя и сборщики дани были схвачены вместе с их семьями. Пробыв в Торжке месяц и укрепив город, новгородские войска ушли. После ухода новгородских сил в Торжке начались волнения. Местные бояре звали новгородскую рать назад в Торжок, но «чернь» восстала на бояр. «Чернь» обвиняла бояр в том, что они призвали новгородцев, арестовавших наместников великого князя, и тем навлекли беду на город («Почто есте новгородцев призвале, и они князи⁹² изимале; нам в том погинути»). Восставшая «чернь» с оружием в руках освободила княжеских наместников и черноборцев и выпроводила новгородцев из Торжка. Новоторжские бояре, кто поспел, бежали в Новгород («...только душею, кто успел»). Один боярин был казнен на вече. Имущество бояр, их дворы и села были разграблены («Домы их разграбиша и хоромы розвозиша, а Смена Внучка убиша на вече, потом и села их пуста положиша»). Дело кончилось полной победой великого князя. Семен Гордый двинулся в поход «со всей землею Низовьскою»⁹³ и занял Торжок.

⁹¹ Сравнительно подробный рассказ о новоторжских событиях приведен в Н I Л (стр. 352—353). С небольшими изменениями он повторен в Москов. св. конца XV в. (стр. 173) и позднейших сводах. Руководствуемся в основном рассказом Н I Л.

⁹² Наместником московским в Торжке был князь Михаил Давыдович.

⁹³ По словам Троицк, л., с великим князем шли в поход «брат его князь Иван Иванович, князь Костянтин Суждальский, князь Константин Ростовский, князь Василий Ярославский, и вси князи с ними и преосвященный Феогност, митрополит всея Руси, с ними же» (стр. 365).

Новгородцы, не доведя дело до открытого военного столкновения с Семеном Гордым, поспешили купить мир у великого князя, дав ему «черный бор» по новгородским волостям и 1000 руб. с новоторжцев. Новгородский летописец пытался представить мир как «докончание на всей воле новгородской»; московские сводчики с полным основанием внесли поправку в эту характеристику мира 1341 г.

Сопоставим характерные записи Новгородской первой летописи и Московского летописного свода конца XV в.:

Новгородская первая летопись

«Доконцаша мир по старым грамотам, на в сей воли Новгородской, и крест целоваша, а князю даша бор по волости, а на новоторжцах 1000 рублев».⁹⁴

Московский летописный свод

«И даст им мир по старым грамотам, и крест целоваша, и даша великому князю Семену Ивановичу черный бор по всем волостем Новгородским да тысячу рублев на новоторжцах».⁹⁵

Новгородский летописец не хотел, как видим, признать поражения Новгорода. Но даже он отметил дальше, что после столкновения из-за Торжка великий князь прислал своих наместников в Новгород, а затем в Новгород направился митрополит, что повлекло за собой большие тяготы для владыки и монастырей («Приела князь наместник в Новгород. Той же зиме прииха митрополит Феогнаст, родом гричин, в Новгород со многими людьми: тяжко же бысть владыце и монастырем кормом и дары»)⁹⁶. Так победитель великий князь взыскал с Новгорода «черный бор», а его союзник-митрополит потребовал для себя кормы и дары.

Столкновение из-за Торжка в 1340—1341 г. было как бы грозным предупреждением Новгороду, показателем растущей мощи великого князя и внутреннего разлада в Новгородской вечевой республике. В ходе событий 1340—1341 гг. как бы в зародыше выступают те черты, которые получили свое дальнейшее развитие в XV в. и привели к окончательному поражению новгородского боярства. С одной стороны, шла могучая рать московского великого князя, объединявшего силы великорусского центра и поддерживаемого главою церкви, с другой — против нее выступала разьедаемая внутренними противоречиями боярская республика.

В событиях 1340—1341 гг. уже выступил на сцену и верный союзник прогрессивной объединительной политики великого князя — низы городского населения Новгородской земли. «Черные люди», восставшие в Торжке на бояр и освободившие московских наместников, тянулись к той власти, которая была «представительницей порядка в беспорядке». В их действиях как бы предвидится поведение новгородских «черных людей» в 70-х годах XV в. Знаменательной является и торопливость, с которой новгородские власти пошли на соглашение с великим князем: очевидно, не очень доверяя силе новгородского меча, они спешили откупиться рублями. Так будет вести себя правящая новгородская верхушка и в позднейших столкновениях с великим князем. Традиционной для новгородского боярства станет и политика замазывания неудач, политика самоудовольной ограниченности, повторяющей затверженные слова о «всей новгородской воле», когда будут наноситься серьезные удары по нов-

⁹⁴ Н I Л, стр. 353.

⁹⁵ Москов. св., стр. 173.

⁹⁶ Н I Л, стр. 353.

городской «пошлине». Всеми этими чертами столкновение из-за Торжка является как бы прообразом событий 50—70-х годов XV в.

Однако от борьбы за Торжок в 1341 г. до Яжелбиц и Шелони еще далеко — свыше столетия. Понадобится еще длительная работа социально-экономических сил для того, чтобы в самом Новгороде окрепла оппозиция против боярства. Да и московский великий князь в середине XIV в. еще не претендовал на «государство» в Новгороде; он был согласен остаться его «господином», феодальным сеньором. Дальше вопроса о «черном боре» и о направлении наместника с тем, чтобы последний управлял по «старым грамотам», политические помыслы великого князя не шли.

В следующих главах настоящего исследования будут прослежены те экономические и социально-политические процессы, которые привели к ликвидации новгородской обособленности и вхождению Новгородской земли в единое Русское государство.

ЧАСТЬ I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НОВГОРОДЕ XV в.

ГЛАВА

ПОХОДЫ УШКУЙНИКОВ НА ВОЛГУ И КАМУ

I

Коренные изменения в политической жизни Восточной Европы в конце XV в. были подготовлены существеннейшими сдвигами в хозяйственном развитии Великороссии. Эти сдвиги нигде в Великороссии не выступают с такой ясностью, как на Новгородской земле, экономическое развитие которой в XV в. может с полным основанием быть охарактеризовано как переворот, приведший к глубокому экономическому, а позднее и политическому кризису Господина Великого Новгорода. Первые признаки кризиса Новгорода ясно выступают в том движении, которое можно назвать «ушкуйничеством» в точном историческом смысле этого слова. Подчеркивая историчность ушкуйничества как социально-политического движения, мы порываем с широко утвердившейся в исторической литературе традицией чрезвычайно расширять хронологические рамки этого явления. Трактовка ушкуйничества, как явления, присущего новгородской жизни с древнейших времен вплоть до XV в., связана с характерной для многих исследователей истории Новгорода тенденцией рассматривать его внутренний строй как неизменный, неподвижный, по сути дела застойный. При такой постановке вопроса, рассматривающей вкуче все походы новгородских молодцев в далекие страны от «отроков» Гюряты Роговича (или даже от Порея и Вышаты) до ушкуйников Анфала, они (эти походы) выступают как проявление новгородского духа, ищущего «раздолья, простора, подвигов, за пределами Новгородской земли». Повольничество — ушкуйничество для И. Д. Беляева (отожествляющего эти понятия) — «чистый продукт новгородской жизни»; в нем находит выход для своей энергии «буйная и неугомная новгородская молодежь, которая не знала куда деваться с своею силою и молодечеством, все те, у кого душа просилась на волю погулять по белому свету». Правда, Беляев с этим психологическим объяснением ушкуйничества робко связывает указание на экономическое значение «удалых походов» ушкуйников. Он пишет: «По минованию разгульного возраста, наскучивши буйством... (ушкуйники) как люди бывалые или сами начинали торговлю на свои капиталы, может быть собранные из добыч, приобретенных во время удалых походов, или делались помощниками старших, ввели их караваны в новгородские земли». Дальше этого

¹ Костомаров. Северно-оусские народоправства, т. II, стр. 119.

² Беляев. Рассказы, стр. 97—103.

этюда по «возрастной психологии», навеянного, конечно, наблюдениями над нравами московских купцов XIX в. и их приказчиков, Беляев не идет, оставляя описываемое им явление необъясненным.

Мало продвинули вопрос об ушкуйниках и позднейшие исследователи, обычно относившие начало ушкуйничества к самым ранним временам новгородской истории. Так, М. М. Богословский видел в ушкуйничестве первоначальную форму новгородской колонизации севера и готов был сблизить ушкуйников с норманнами времен викингов. «Первоначальной распространительницей новгородского владычества на севере, — писал он, — надо считать вооруженную промышленную ватагу ушкуйников, очень напоминавшую подобные же нормандские ватаги под предводительством викингов».³ Только А. С. Лаппо-Данилевский в своей рецензии на исследование Никитского приблизился к правильной исторической постановке вопроса, охарактеризовав ушкуйничество как заключительный этап истории новгородской колонизации, как вырождение военно-финансовой колонизации.⁴

Действительно, имеются все основания, как это будет показано ниже, выделить походы второй половины XIV в. и начала XV в. как особый и весьма существенный этап в истории новгородских походов. Спрашивается, однако, насколько оправданным является отнесение именно к этому этапу наименования «ушкуйничество». Сужение значения термина «ушкуйничество» оправдывается терминологией источников (летописей), которые пользуются им только в узком, хронологически ограниченном, вполне определенном смысле. Попытаемся восстановить точный смысл термина, в каком его употребляют источники.

Термин «ушкуйники» на страницах летописей встречается весьма редко. Его не знает вовсе Новгородская первая летопись. Он не встречается и в псковских летописях. Поэтому имеются все основания полагать, что этот термин не новгородского происхождения. Больше того, он, вероятно, не приобрел в Новгороде широкого распространения. Чаше всего он встречается в летописях московского и ростовского происхождения, особенно в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. Проник он и в Новгородскую четвертую летопись.⁵ Бесспорно, что слово «ушкуйники» происходит от слова «ушкуй» (ускуй, скуй, вушкул), которым⁶ обозначался особый род судна, отличный от обычных речных ладей. Термин «ушкуй» (и близкие к нему) встречается несколько чаще, чем «ушкуйник», но имеет также весьма ограниченное распространение (Новгородская первая летопись не знает и термина «ушкуй»).

В чем отличительные особенности того типа судов, которые называли ушкуйями? Это — большие гребные речные суда, пригодные для плавания по большим рекам. В ряде летописных сообщений термин «ушкуй» чередуется с термином «насад». Поэтому такой глубокий знаток Новгород^

³ М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере, т. I. М., 1909, стр. 2.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за IX—XV вв. СПб., 1895, стр. 13.

⁵ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М—П., 1937, стр. 378.

⁶ Так, в П III Л ушкуй упоминаются рядом с ладьями: «20 скуев да 80 ладей» (стр. 155).

¹ Термин «насад» — старинный русский термин. Он встречается в русской письменности с XI в. История термина «насад» освещена в обстоятельной статье Б. Л. Богородского: Об одном из терминов «Слова о полку Игореве» (насад—носад). Уч. зап. ЛГПИ, т. 104, 1955.

ской старины, как А. И. Никитский, готов был даже признать названия «ушкой» и «насад» равнозначными. Он писал: «Многоразличны названия, которыми характеризовались в древности эти суда: лодь, лодья, лойва, насад, ушкой... последнее из этих судов, ушкой, равнозначное, как кажется, с насадом... было у охочих людей самым любимым». Все же какие-то отличия существовали между ушками и насадами. Некоторые летописные сообщения содержат упоминания об одновременном участии в походе и ушкуев, и насадов. Так, в сообщении о походе 1391 г. на Жукотин читаем: «Новгородци и устюжане и прочий съзкупившеся выидоша в насадах и в ушкеех рекою Вяткою на низ». Рядом с насадами ушки названы и в рассказе о взятии Устюга в 1392 г. Вероятно, ушки были легче, чем насады, так что их можно было легко перетаскивать волоком. Это и делало ушки пригодными для далеких походов из одной речной системы в другую. Насады же, нужно думать, были крупнее и тяжелее ушкуев, что делало их непригодными для перевоза. Зато они, очевидно, были более удобны для плавания по большим полноводным рекам. Поэтому-то, например, в сообщениях о походе Анфала с Вятки на Каму, где не было перевоза, в летописи говорится только о насадах.¹⁰ Этим же, вероятно, надо объяснить, что в рассказе о походе Прокопа в 1375 г. (в некоторых летописях) говорится вначале об ушках, которые позднее заменяются насадами («Сами поидоши в насадах по Волге на Низ к Сараю»).¹¹ Можно полагать, что в Булгаре дружина Прокопа не только распродала полон, но и заменила ушки насадами для похода вниз по Волге.

Все приведенные соображения позволяют видеть в ушке особый отличный от насада тип судов.

Внешний облик и устройство ушкуев неясны (иллюстрации к Лицевому летописцу при их схематизме не позволяют точно описать ушкуй). Размеры ушкуев определяются на основе летописных сведений о соотношении числа ушкуев и ушкуников: в ушкой вмещалось до 20—30 человек. У Прокопа в 70 ушках было «мало с полторы тысячи», а по некоторым сообщениям — даже 2000 чел. (впрочем, А. И. Никитский ограничивает вместимость ушка 12 чел.).

Термин «ушкой» начинает входить в употребление в XIV в. (впервые под 6828 г.).¹² Чаще всего слово «ушкой» встречается в конце XIV в., в XV в. оно постепенно исчезает. Термин «ушкуники» раньше всего появляется в Рогожском летописце (под 1360 г.). Можно полагать, что это слово приобрело хождение на Волге во время больших набегов новгородцев во второй половине XIV в., пробиравшихся на Волгу на необычных, нового типа судах.

Этот краткий терминологический экскурс позволяет нам настаивать на возвращении термину «ушкуник» того исторического значения, в каком употребляли его источники.

⁸ А. И. Никитский. Военный быт Великого Новгорода. Русская старина, 1870, т. 1, стр. 17.

⁹ Москов. св., стр. 219; см. также: Симеон, л., стр. 141; Рогож, л., стлб. 10; Ерм. л., стр. 132; Воскр. л., стр. 61; Львов, л., стр. 210; Никон, л. (ПСРЛ, X—XII), стр. 126.

¹⁰ Москов. св., стр. 239; Соф. II л., стр. 139; Типогр. л., стр. 175.

¹¹ Н IV Л, стр. 304; Лет. Авр., стлб. 102; Симеон, л., стр. 116; Рогож, л., стлб. 114.

¹² Н IV Л, стр. 258 и Лет. Авр., стлб. 62.

Походы ушкуйников на Волгу и Каму

II

Движение ушкуйников встает перед нами в двух отражениях — новгородском и московском (или точнее низовском). Для новгородских летописцев это были походы «молодцев», отправляющихся в далекие края «без слова новгородского». Для московского (низовского) летописца — это набеги разбойников, так что летописи московские нередко чередуют термины «ушкуйники» и «разбойники», а иногда прямо сочетают их в двойное слово «ушкуйницы-разбойницы».

Летописные сообщения о набегах ушкуйников (или о походах «без слова новгородского») можно свести в таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Год	Место	Руководители
1320	Мурман.	Лука и Игнат Малыгин.
1339	Карелла.	
1340	Устюжна и Белозерье.	
1342	Двинская земля.	
1348	Мурман.	Лука Варфоломеевич с сыном Онцифором.
1360	Жукотин.	
1364	Югорская земля.	
1365	Волга и Кама.	
1366		
1369	Волга и Кама.	Александр Авакумович и Степан Ляпа. Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Александр Авакумович.
1371	Кострома.	
1374	Поход Вяткою на Болгар и Волгу.	
1375	Волга и Кама.	
1377	Немецкие земли.	
1379	Арская земля.	
1391	Жукотин, Казань.	
1392	Устюг.	
1409	Болгары.	

Походы молодцев новгородских до 1360 г., как видно из табл. 1, направлялись в области, издавна являвшиеся объектом новгородских притязаний (Мурман, Карела, Двинские земли, Белозерье). Правда, в рассказе о походе Луки в Двинскую землю имеется указание о том, что «в то же время сын его Онцифор отходил на Волгу»,¹³ но даже если здесь действительно речь идет о Волге, а не о Ваге, как это читаем в Академическом и Толстовском списках Новгородской первой летописи и как это предполагал А. В. Экземплярский,¹⁴ то набег Онцифора не имел существенного значения.

Только в 60-х годах отчетливо обозначается новое направление новгородских набегов (тогда же впервые входит в употребление термин «ушкуйники»). Под 1360 г. в Рогожском летописце помещено следующее, заслуживающее внимания сообщение: «Того же лета новгородцы и Великого Новгорода ушкуйницы-разбойницы взяша град бесерменский на реце на Каме, нарицаемый Жюкомень и за то прогневалися погании

Н I Л, стр. 355.

Экземплярский. Великие и удельные князья, т. I, стр. 356.

бесермена... И бысть съезд всем князем русьским о разбойницах на Костроме: князь великий Дмитрий Костянтинович, брат его старейший князь Андрей, Нижнего Новгорода, князь Константин Ростовский, князь Андрей Федорович».¹⁵ Это первое упоминание о походе ушкуйников на Волгу и Каму отмечает не только гнев «бесермен», но и выступление нижегородско-суздальских князей. Созыв совещания князей под руководством Дмитрия Константиновича, бывшего в то время великим князем, позволяет сделать вывод о том значении, которое придавали действиям новгородских ушкуйников суздальско-нижегородские князья.

Чем было вызвано выступление русских князей на защиту татарских купцов, пострадавших в Жукотине? Оно объяснялось (на это прямо указывает летопись) требованием наказать разбойников со стороны хана Хидыря, сидевшего в то время в Сарае. По жалобе жукотинцев Хидырь отправил к русским князьям послов. «Взведоша из Орды посла жукотинци о разбойницах и бысть всем князем съезд на Костроме».¹⁶ Князья выдали захваченных ушкуйников. Поход на Жукотин вызвал и непосредственное недовольство русских князей, так как в результате его от татар пострадали русские, находившиеся в земле болгар, («...за то разбойничество крестьяне пограблены были в Болгарех»)¹⁷. Но источники не содержат никаких указаний на то, что во время похода на Жукотин ушкуйники грабили русских купцов. Место съезда (Кострома), вероятно, было выбрано не случайно (не у Костромы ли выходили на Волгу ушкуйники?). По крайней мере в описаниях следующих походов Кострома упоминается чрезвычайно часто.

Первый Жукотинский поход новгородцев получил дальнейшее развитие в действиях ушкуйников на Волге в 1365—1366 гг. О событиях 1365—1366 гг. летописи сохранили более подробные сообщения, чем о походе на Жукотин в 1360 г. Даже Новгородская первая летопись на этот раз нарушила обычное молчание, не столько потому, что в походе принимали участие крупнейшие новгородские бояре, сколько потому, что поход на Волгу повлек за собой столкновение с Москвой и новгородские власти считали нужным оградить Новгород от обвинений со стороны великого князя. Рассказ Новгородской первой летописи о самом походе чрезвычайно краток: «Ездиша из Новгорода люди молодые на Волгу без новгородьчкого слова, а воеводою Есиф Валфромеевич, Василий Федорович, Олександр Обакумович, того же лета приихаша вси здрави в Новгород».¹⁸ Как видим, летописец ограничился лишь указанием имен руководителей да неопределенным обозначением направления похода «на Волгу». Зато он счел необходимым подчеркнуть, что поход был предпринят «без новгородского слова».

Иной характер носят сообщения низовских летописцев, останавливающих главным образом на действиях ушкуйников на Волге. Можно различить два варианта низовских рассказов о походе 1366 г. (Не исключена возможность того, что здесь речь идет о двух разных походах ушкуйников).

¹⁵ Рогож, л., стлб. 69; см. также: Устюж. л., стр. 52. Краткое сообщение о походе на Жукотин читаем и в Соф, I л. (ПСРЛ, V, стр. 229). Оно вошло и в позднейшие летописные своды, например в Никон, л., (ПСРЛ, X, стр. 232). О съезде князей и наказании разбойников (но без упоминания о том, что это были новгородские ушкуйники) сообщение сохранилось и в Троицк, л. (стр. 377) и в Москов. св. (стр. 181) и в других летописях.

¹⁶ Москов. св., стр. 181; Симеон, л., стр. 100.

¹⁷ Никон, л. (ПСРЛ, т. X), стр. 232.

¹⁸ Н I Л, стр. 369.

1-й вариант

«Того же лета проидоша из Новгорода из Великого Волгою полтораста ушкуев с разбойники новгородскими и избиша по Волзе множество татар, и бесермен, и Орман, и Новгород Нижний пограбиша, а суды их, кербаты, и повозки, и лодыи, и учаны, и стругы все изсекоша и поидоша в Каму и проидоша до Болгар; также творяще и воююще».¹⁹

2-й вариант

«Пришли новгородци в ушкуих, а воеводы Есиф Вальфромеевич, Александр Обакумович, на нижний Новгород и много бесермен избиша под Нижним Новым городом, а наших пострелише Филипа Утреткина и Бориса Квашенькина и два человека».²⁰

Низовское происхождение обоих вариантов очевидно. Рассказчиков не интересует вопрос о том, шли ли молодцы «без слова новгородского», — они заняты действиями «разбойников», избиением ими «бесерменских» купцов. Низовское происхождение второго варианта выступает и в наименовании убитых Утреткина и Квашенькина «нашими». Таким образом, в летописях встречаются три варианта рассказов о походе на Волгу в 1366 г.¹

Сопоставляя показания разных источников о походе 1366 г., дополняящие друг друга, можно установить следующие черты этого первого крупного набега ушкуйников на Волгу. Во главе этого набега были Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович и Александр Обакумович, крупнейшие новгородские бояре, но не стоявшие в эти годы у власти. Из них Есиф Варфоломеевич был, очевидно, сыном посадника Варфоломея Юрьевича, скончавшегося в 1342 г.,²² и братом известного посадника Матвея и не менее известного Луки Варфоломеевича, организатора похода на Двину в 1342 г. Василий Федорович умер посадником в 1392 г.²³ Александр Обакумович пал в бою с тверичами под Торжком в 1372 г.²⁴ Участие в походе крупнейших новгородских бояр, располагавших значительными средствами, объясняет размеры предприятия. Полтораста ушкуев представляли такую силу, с которой никто не мог справиться ни на Средней Волге, ни на Каме.

Выйдя на Волгу, ушкуйники спустились к Нижнему Новгороду, а затем с Волги прошли в Каму. Действия ушкуйников в основном были направлены против восточных купцов (татар, армян, «бесерменов», болгар). Русские купцы пострадали только попутно. Первый вариант низовского рассказа о русских купцах совсем не упоминает, во втором варианте упоминается о четырех «наших».

Все же поход 1366 г. вызал, как и в 1360 г., выступление и со стороны великого князя (им в 1366 г. был уже Дмитрий Иванович). По рассказу Новгородской первой летописи, «за то князь великий Дмитрий Иванович розгневался и розверже мир с новгородци, а ркя тако: „За что есте

¹⁹ Москов. св., стр. 183. Тот же рассказ с очень небольшими отклонениями дают: Симеон, л., стр. 104; Рогож, л., стлб. 81; Типогр. л., стр. 124; Воскр л., стр. 13; Никои, л. (ПСРЛ, XI), стр. 6.

²⁰ Лет. Авр., стлб. 92; с небольшими вариациями в Н IV Л, стр. 292.

²¹ Во многих сводах фигурируют в сочетании оба варианта. Так было уже в Троицк, л. (стр. 382). Сводчик Никоновский привел новгородский рассказ, приняв из него указание на то, что поход был предпринят «без наугородского совета», но по своему окрасил это сообщение (вместо «люди молодыи» Н I Л — «младыа дворянички»; вместо «прихаша вси'здрави в Новогород» — «придоша в Новогород с многою корыстию»). Первый вариант низовского рассказа приведен полностью (только число ушкуев увеличено до 200). Из второго варианта взято указание на то, что в Нижнем Новгороде пострадали и местные гости.

²² Н I Л, стР. 355.

²³ Там же, стр. 385.

²⁴ Там же, стр. 372.

ходили на Волгу и гости моего погребисте много? ».²⁵ От слов московский князь сразу же перешел к делу: по приказу князя в Вологде схватили новгородского боярина Василия Даниловича с сыном Иваном, ехавших с Двины («...а он ехал с Двины, а того не ведал, ни стереглся»). Новгородское посольство в следующем году договорилось с князем о мире. Боярина Василия с сыном князь отпустил из Москвы.

Мир 1367 г. не положил конца набегам на Волгу. Набеги 1369—1371 гг. были незначительны, и летописи сохранили о них только краткое упоминание. Так, в Новгородской четвертой летописи встречаем сообщение под 1367 г.: «Той же осени шло Волгою 10 ушкуев, а инии шли Камою и биша их под Болгары». Под 1371 г. в ряде летописей сохранилось известие «о взятии ушкунниками Костромы».²⁶

Подробнее описан в летописях большой поход ушкунников 1374 г., привлекающий к себе внимание исследователя прежде всего выбранным ушкунниками путем. На 90 ушкуях они опустились р. Вяткою («на низ Вяткою»), пограбили Вятку, взяли Булгар, хотели сжечь город, но ограничились отступным в 300 руб. После взятия Булгара ушкунники разделились на две части: 50 ушкуев ушли вниз по Волге к Сараю (о дальнейшей судьбе этого отряда летописи молчат), 40 же ушкуев пошли вверх по Волге, «дошедше Обухова, пограбиша все Засурье и Марквашь», затем, переехав Волгу, порубили все суда и «посуку на конех» двинулись к Вятке, пограбив по пути села по Ветдуге.²⁷ Таким образом, в походе 1374 г. ушкунники пробрались дальше на восток и юг, чем в предшествующие годы.

За походом 1374 г., весьма значительным по своим размерам, последовал в 1375 г. почти столь же значительный по числу ушкуев и еще более широкий по размаху поход Прокопа. Поход 1375 г. нашел сравнительно подробное отражение в летописях (только Новгородская первая летопись в этом случае упорно молчит). Вероятно, с этим походом связано упоминание в договоре Новгорода с тверским князем Михаилом Александровичем о грабеже на Волге («А что ученился грабеж на Волзе... то все князь Михайло отложил»)²⁸. Общий ход событий во всех летописных сводах изображается одинаково. Везде выделены три основных эпизода: взятие Костромы, поход на низ и гибель Прокопа. Во многих летописных сводах описание похода выделено даже особым заголовком («О Прокофове кончине» — в Московском своде конца XV в., «О костромьском взятии и о Прокофиеве кончине» в Воскресенской летописи, «О Прокопыи и о войне, его, и о кончине его, и о дружине» — в Летописи Авраамки).

Поход Прокопа представляет большой интерес для историка ушкунничества. Примечательна прежде всего сама фигура руководителя (новгородца Прокопа), очевидно, небоярина.²⁹ Рядом с ним в качестве руко-

²⁵ Там же, стр. 369.

²⁶ Москов. св., стр. 186; Симеон, л., стр. 111; Рогож, л., стлб. 97; Ермол. л., стр. 116; Типогр. л., стр. 127; Воскр. л., стр. 18; Никон, л. (ПСРЛ, XI), стр. 15. Во Львов, л. сообщается об ограблении в этом же году и Нижнего Новгорода (стр. 193).

²⁷ Рассказ о походе 1374 г. сохранили: Москов. св., стр. 189; Симеон, л., стр. 114; Львов, л., стр. 195; Рогож, л., стлб. 106; Типогр. л., стр. 129—130; Ерм. л., стр. 118. В последней вместо 90 ушкуев указано 200, хотя дальше идет речь, как и в других летописях, о 50 и 40 ушкуях. Рассказ с небольшими вариациями повторы: Воскр. л., стр. 21; Никон, л. (ПСРЛ, XI), стр. 20; Троицк, л., стр. 396.

²⁸ Грамоты В. Н. и П., № 18.

Впрочем, Устюж. л. (стр. 57 и 63) зовет его боярином.

водителя называется Смольнянин. Очевидно, перед нами не боярские сбой-холопы, о которых упоминает Новгородская первая летопись в рассказе о двинском походе Луки, а вольная дружина из новгородских (а может быть и не только новгородских) удальцов.

Примечательны и подробности в описании указанных выше эпизодов, позволяющие судить о характере похода Прокопа. Начнем с первого эпизода («Взятие Костромы»). Ушкуйники вышли на Волгу, как бывало и ранее, по р. Костроме («...выидоша рекою Костромою»). Числом их было не то 2000,³⁰ не то 1500 («...людей с полторы тысячи», «и самых мало полторы тысячи»).³¹ Число ушкуев везде названо одно и то же — 70. В бою с костромичами ушкуйники показали и свою смелость и военное искусство. Разделив свои силы на две части, они отправили половину в засаду в лес и затем ударили на численно превосходивших их костромичей «в лице и в тыл». Трусливый костромской воевода Плещей, «подав плечи, побежа к Костроме». Костромичи частью были перебиты, частью пленены, а частью разбежались по лесам. Затем в рассказе о взятии Костромы подробно описывается разграбление ушкуйниками никем не обороняемой Костромы. Ушкуйники стояли в городе целую неделю и разграбили его «до конца». Добра было захвачено столько, что ушкуйники «не все товарное с собой поправодиша», взяв с собой только «лучшее и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее множайшее в Волгу вметаша и глубине предаша, а иное огнем пожгоша». «И множество народа христианского полониша муж, и жен, и детей, и девиць с собою попроводиша и отъидоша от Костромы». Так заканчивается изложение первого эпизода.

Дальше ушкуйники двинулись вниз по Волге, пограбили и сожгли Нижний Новгород, захватив в нем много всякого добра и полона. После разгрома Нижнего Новгорода ушкуйники пробрались на Каму, там «помедлиша несколько время», и вернулись на Волгу. Затем, дойдя до Булгара, они распродали там «христианский полон» (... «испродаша бесерменом или костромьский или Нижнего Новгорода, жены и девицы»).

Из Булгара, сменив ушкуи на насады,³² дружина Прокопа двинулась на юг к Сараю, «гости христианския грабячи, а бесермен бьючи». Она дошла до устья (Волги «до града некоего именем Хазитороканя»). Но князь астраханский Салчей «лестию избил их всех», «ни один от них не остался, а имение их все взяша бесермене». Заканчивается рассказ о походе Прокопа или возгласом: «Такова бысть кончина Прокопу и дружине его» или поучением: «Тако погибоша злий ти разбойници, яко же рече Христос: „В ню же меру мерите, възмеритя вам“». Концовка рассказа о Прокопе подкрепляет лишним доводом мысль о том, что в основе летописных сообщений о походе Прокопа лежит самостоятельное литературное произведение, своего рода «Слово о злых разбойниках», составленное по живым воспоминаниям о событиях 1375 г. на Волге. Автор поучения,

³⁰ Ерм. л., стр. 119.

³¹ Тверск. л., стлб. 435—436; Лет. Авр., стлб. 101.

³² Судя по рассказу Лет. Авр., стлб. 102; Н I Л, стр. 304; Рогож, л., стлб. 114; Симеон, л., стр. 116.

³³ В чем заключалась «лесть» Салчая, ни один из ранних летописных сводов не объясняет. По словам же Никон, л., «Салчей начат ухищрати их лес!ю и многу честь и кормы даяти им; они же начата упиватися и быша пиани, аки мертвы. Астороканцы же всех избиха» (ПСРЛ, XI, стр. 24). Вряд ли отсюда можно заключить, что сводчик Никон, л. располагал каким-либо дополнительным источником, не известным более ранним летописцам. Скорее здесь мы имеем характерный для «прагматизма» Никон, л. домысел.

вероятно, был особо близок к Костроме. Поэтому рассказ его о Костромском взятии богат деталями (например: «обоидоша около по можеелнику»), тогда как позднейшие действия ушкуйников (в Нижнем, на Каме, у Булгара, на низовьях Волги) известны рассказчику только в общей форме.³⁴ Тенденция рассказчика — показать, как были наказаны злые «разбойники», — побудила его особенно подробно остановиться на разграблении Костромы и на продаже ушкуйниками «бесерменам» христианских пленников. Все же рассказчик не скрывает того, что у ушкуйников было различное отношение к русским и «бесерменским» купцам: «Гости христианския грабятчи, а бесермейы бьючи»³⁵ или: «Бесермен избивающе гостей, а товар их емлюще, а хрестьяны грабяху», — отмечают летописи. Таким образом и этот поход ушкуйников был направлен своим острием против «бесерменов».

Дальнейшие походы ушкуйников на Волгу описаны в летописи чрезвычайно кратко. Это, очевидно, нужно объяснять прежде всего их незначительными размерами. Сказывалось и то обстоятельство, что они в слабой мере затрагивали русские земли. (В 1386 г. в ходе переговоров Новгорода с Дмитрием Донским был поставлен вопрос о «винных людях за Вольжаны, что в путь ходили», и новгородцам пришлось уплатить за них серебро). Все же эти последние всплески движения ушкуйников заслуживают серьезного внимания со стороны историков.

Упоминания об ушкуйниках встречаются еще в течение тридцатилетия. Под 1379 г. летопись сообщает: «Того же лета вятчане ходиша ратью в Арьскую землю, и избуша разбойников-ушкуйников и воеводу их Рязана изнимавше убиша».³⁶ В этом сообщении, как и в рассказе о походе 1374 г., исходным пунктом названа Вятка, и самый поход был направлен в Арскую землю, т. е. на нижнюю Вятку и в Прикамье.

О борьбе за этот же район говорят и летописные сообщения 1390—1392 гг. о походе новгородцев и устюжан в насадах и ушкуях р. Вяткою на Жукотин и Казань.³⁷ Сообщение это помещено вслед за записью о походе татар на Вятку: «Того же лета Тахтамыш посла на Вятку царевича Бехтута и шед взя ю». Таким образом, ход событий 1390 г. может быть восстановлен в таком виде. Тохтамыш, при котором наблюдается временное усиление Орды, попытался выбить новгородцев из Вятки (откуда они предпринимали набеги на Южное Прикамье). В ответ на это новгородцы и устюжане (а по Рогожскому летописцу и Московскому своду и «прочие»),³⁸ спустившись Вяткою, взяли Жукотин и Казань, затем, выйдя на Волгу, пограбили «гостей всех» и вернулись восвояси

³⁴ Рассказ о походе Прокопа под разными наименованиями включен в различные летописи — в подробном варианте: Москов. св., стр. 191—192; Типогр. л., стр. 131—132; Симеон, л., стр. 116; Рогож, л., стлб. 113—114; Лет. Авр., стлб. 101—102; Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 235; Н IV Л, стр. 303—304; Воскр. л., стр. 23. В несколько сокращенной редакции и без заглавия он приведен: Ерм. л., стр. 119—120; Львов, л., стр. 19. Краткий рассказ о событиях 1375 г. дает Тверск. л. (стлб. 435—436).

³⁵ В Никон, л. сокращено с искажением смысла: «Гости христианския грабятчи и бьюще».

³⁶ Москов. св., стр. 201. Такое же сообщение помещено в Симеон, л. (стр. 129), Рогож, л. (стлб. 138) и с очень небольшими изменениями в Типогр. л. (стр. 143). Оно повторено в Воскр. л. (стр. 34) и Никон, л. (ПСРЛ, XI, стр. 45). В последней имя воеводы ушкуйников изменено: он назван Иваном Рязанцем, Станиславовым сыном.

³⁷ Это сообщение приведено во Львов, л. (стр. 210) и в Ерм. л. (стр. 132) под 6898 г.; в Симеон, л. (стр. 141), Рогож, л. (стлб. 160—161), в Никон, л. (ПСРЛ, XI, стр. 126) — под 6899 г.; в Воскр. л., (стр. 61) — под 6900 г.

³⁸ «Новгородцы Новгорода Великого да и устюжане гражане и прочих к тому совокупившеся» (Рогож, л., стлб. 160; Москов. св., стр. 219).

(Никоновская добавляет «со многою корястию и богатством»). Под «всеми гостями», которых пограбили ушкуйники, вероятно, нужно понимать восточных купцов, ибо нет никаких упоминаний о волжских купцах в переговорах между Новгородом и Москвою в эти годы. Показательно также участие в этом походе устюжан, тянувших не к Новгороду, а к Москве.

Дальнейшим продолжением борьбы в этих землях явились походы новгородского изгнанника Анфала, о которых сохранились только отрывочные сведения. Под 6917 г. в Московском своде конца XV в. помещено следующее сообщение: «Ходи Анфал на Болгары Камою и Волгою 100 и 50 насадов и избиша их в Каме Татарове, а Анфала яша и ведоша в Орду, а волжские насады не успели».³⁹ В этом сообщении остается непонятным, откуда шли волжские насады, которые должны были встретиться с камским отрядом. Тверская летопись сохранила некоторые подробности об этом походе, разъясняющие вопрос о волжском отряде. По ее рассказу, в походе принимали участие и новгородцы из Заволочья, вышедшие на Волгу Костромою («Поидоша Новгородци из Заволочи а по Двине в верх Сухоною и вышли Костромою в Волгу»). Из Костромы отряд двинулся к устью Камы «на совет Анфалу», по пути взяв Нижний Новгород. Но встретиться с Анфалом волжскому отряду не удалось, так как жукотинские и болгарские князья сумели обманом взять Анфала («... яша его лестию в Каме»)⁴⁰.

Походом Анфала 1409 г., в котором принимали участие и новгородцы, заканчиваются походы ушкуйников на Волгу, продолжавшиеся около 50 лет.

III

Обзор летописных сообщений о походах ушкуйников на Волгу позволяет уточнить направление походов ушкуйников и их пути. Ушкуйники нередко действовали в русских поволжских землях. И Кострома, и Нижний Новгород не раз страдали от их набегов. И все же не русские города являлись основной целью походов ушкуйников. Ни один из походов ушкуйников не заканчивался в этих землях. Ушкуйники порою проходили через них и «походя» грабили Кострому и Нижний Новгород, но конечную цель они видели дальше. Так было в 1366 г. и в 1375 г. (Вероятно, так же было и в 1360 г.). Многие же походы ушкуйников (так было, например, в 1374 г. и 1379 г.), минуя русские волжские земли, направлялись непосредственно в те области, которые главным образом привлекали внимание ушкуйников (Нижнее Прикамье, земля Булгар). Не случайно начиная с первого сообщения об ушкуйниках (1360 г.) до последних новгородских походов в 1390—1391 гг. и похода Анфала в 1409 г. постоянно упоминается Жукотин.

Направлением походов ушкуйников были определены и их основные пути на Волгу: по Костроме и по Вятке. Из этих путей чем дальше, тем больше выдвигается путь по Вятке (походы 1374 г., 1379 г., 1390—1391 гг.). Иногда, как в походе 1409 г., были использованы оба пути. Оба пути ведомы были новгородцам до походов ушкуйников. Известно, что еще в 1324 г. князь Юрий Данилович пробирался «в Орду из Заволочья по Каме-реце».⁴¹

³⁹ Москов. св., стр. 239; см. также: Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 257; Соф. II л., стр. 139; Типогр. л., стр. 175.

⁴⁰ Тверск. л., стлб. 485.

⁴¹ Москов. св., стр. 167.

Рассмотрение путей ушкуйников подводит к вопросу об исходной базе движения. Ею надо, по-видимому, считать не собственно новгородские земли, а Верхнее Подвинье. Отсюда шли речные пути к верховьям Костромы (и, может быть, также Унжи и Ветлуги). Это предположение находит подтверждение не только в изучении карты речных путей, но и в некоторых уже отмеченных выше сообщениях летописи. В сообщении о походе 1390—1391 гг. в летописи прямо указано участие в походе устюжан. Об активном участии заволочан в походах на Волгу говорят и условия соглашения в Ямнах в 1386 г. Из 8000 руб. серебра 5000 руб.⁴² новгородцы взяли с заволочан, «занеже заволочане были же на Волге».

Заслуживает также внимание то обстоятельство, что в рассказах летописей о взятии в 1392—1393 гг. (во время размирья с Москвой) Устюга упоминается о насадах и ушкуях, в которых новгородцы из Заволочья подошли к Устюгу. Наконец, в приведенном выше рассказе Тверской летописи о походе Анфала прямо указано на Заволочье как исходный пункт движения («... из Заволочья, по Двине в верх Сухоною и вышли Костромою в Волгу»)⁴³. В свете этих сообщений представляется весьма вероятным предположение, что сами ушкуи строились в Верхнем Подвинье и отсюда перетаскивались волоками к верховьям рек Волжского или Камского бассейна.

Что привлекало ушкуйников на Волгу? Очень часто основную причину видят в оживлении в XIV в. волжской торговли. Еще Костомаров объяснял волжские походы ушкуйников тем, что в то время «по Волге и притокам ее развивалась торговля и было кого грабить»⁴⁴. С. В. Рождественский, исследуя хозяйство двинских бояр, связал важнейшие походы ушкуйников с успехами новгородской северодвинской колонизации, которые настойчиво выдвигали «вопрос о выходе новгородской, в частности северодвинской, торговли на волжские пути и рынки». Походы ушкуйников, по его мнению, были «верным признаком большой заинтересованности Новгорода в оживившейся волжской торговле: ушкуйники ходили по следам купцов»⁴⁵. Конфликт XIV в. из-за ушкуйников между Москвой и Новгородом представляется поэтому Рождественскому проблемой «громадной экономической и политической важности и для Новгорода и для Москвы», так как для дальнейшего процветания Новгорода «необходимо было не только свободное передвижение его колонизационно-промыслового предпринимательства на восток, к Уральскому хребту и к бассейну Камы,⁴⁶ но также связь его северодвинской магистрали с волжскими путями».

Эта концепция представляется, на первый взгляд, вполне обоснованной изложенной выше историей походов ушкуйников (она объясняет, в частности, пути походов, разгром ушкуйниками купеческих судов и крупнейших русских городов Поволжья), согласуется она и с приведенными выше соображениями о Подвинье как базе движения. Но полностью принять вывод Рождественского представляется все же невозможным.

Во-первых, никак не доказана большая заинтересованность северодвинского боярина в выходе на волжские пути в XIV в. Крупный новгородский боярин еще только начинал в середине XIV в. развертывать

⁴² Н IV Л, стр. 347.

⁴³ Симеон, л., под 1393 г.: «Новгородци собравше воя многи водою в судах множество насадов и ушкюев приведше с Двины ратью взяша град Устюг весь» (стр. 279); см. также: Типогр. л., стр. 169; Воскр. л., стр. 63; Никон, л. (ПСРЛ, XI), стр. 155.

⁴⁴ Костомаров. Северно-русские народоправства, т. II, стр. 120.

⁴⁵ Рождественский. Двинские бояре, стр. 64.

⁴⁶ Там же, стр. 65.

свое хозяйство на Двине. Да и продукты северодвинского хозяйства вряд ли могли иметь широкий сбыт на Волге. Нет, конечно, сомнения в том, что некоторые торговые связи между Подвиньем и Поволжьем имели место и что дороги, по которым шли отряды ушкуйников, были проторены купцами, но для установления более тесных связей между промысловым хозяйством севера и земледельческо-скотоводческим Поволжьем время еще далеко не пришло.

Во-вторых, самый характер походов ушкуйников подчеркивает, что борьба шла не за «рынок сбыта» для продукции новгородского промыслового хозяйства. Ушкуйники шли за добычей, за полоняниками, грабили и сбывали награбленное. Они не ограничивались разгромом городов, но проходили «грабяче» соседние области, Засурье, Марквашь, Арскую землю. Они действовали обычными для новгородцев приемами «колонизальной политики», примерно так же, как Лука Варфоломеевич действовал в 1342 г. на Северной Двине («... взя землю Заволочную по Двине, все погосты, на щит»).

Таким образом, ушкуйничество было попыткой путем походов в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье расширить территорию новгородских волостей, т. е. территорию, которую новгородцы грабили и с которой собирали дань.

От предшествующих походов новгородских молодцев походы ушкуйников на Волгу и Каму отличались не только направлением, но и размерами отрядов. Походы ушкуйников направлялись в далекие и сравнительно заселенные края, они не могли вестись такими небольшими отрядами, с какими выступали обычно новгородские данщики; не десятки воинов, а сотни, порою даже тысячи отправлялись на ушкуях в поход за добычей.

Наличие тысяч молодцев, готовых метнуться на Северную Двину, Каму и Волгу, является очень важным показателем своеобразного кризиса новгородской экономики в XIV в. При данном уровне технико-экономического развития и общественном строе Новгород и его земля оказывались не в состоянии прокормить население деревни и города. Конечно, для новгородского земледельца открывались широкие возможности распашки новых земель, даже в непосредственном окружении Новгорода. Но труд «выдиранья» новых пашен был слишком тяжел (ведь лучшие для земледелия участки были давно уже освоены). Границы для развития ремесла были узкими, определяясь малой емкостью внутреннего рынка и полным отсутствием спроса на ремесленные изделия со стороны заморских гостей. Восток же и север манили к себе возможностями быстрого и легкого обогащения. На этот путь давно стали новгородские молодцы. Во второй половине XIV в., наряду с походами в пушное Эльдorado, стали возможными походы и на главные речные пути востока, и в землю Арскую, и в Засурье, и в Марквашь. Эти походы сулили добычу, а вместе с этим открывали возможность освободиться от тяжелой кабальной зависимости. Что последний мотив играл определенную роль, можно подтвердить интересным сообщением летописей об условиях одного из мирных договоров Новгорода с Псковом. Договариваясь под Сольцами в 1390 г. о мире с псковичами, новгородцы потребовали выдачи всех зависимых людей, должников, холопов, а также тех, кто «в путь ходил на Волгу» («... а за должник и за холоп и за робу и кто в путь ходил на Волгу, а за тех не стояти Псковичем, но выдавати их»).

Таким образом, те, кто ходил на Волгу, поставлены рядом с должником, холопом и рабой, т. е. включены в число несвободных людей.

Новгородский социально-политический строй объясняет, почему большие походы XIV в. на Волгу были организованы не государством, а «без слова новгородского» боярами, вроде Луки и Есифа Варфоломеевичей, Василия Федоровича и Александра Абакумовича. Крупнейшие новгородские бояре располагали достаточно значительными средствами, чтобы снарядить и вооружить сотни людей (Лука действует в Заволочье с сотнями «сбоев-холопов»).

О том, как много было в Новгороде охотников отправиться в поход за добычей в далекие края, можно видеть по походу Прокопа, этому своеобразному новгородскому походу бедноты, самому «разбойному» из всех походов ушкуйников. Шапов в одной из своих последних статей, характеризуя «молодцев-ушкуйников» как силу, «антагонистическую» большим людям (боярам или гостям), отмечал, что новгородская вольница «инстинктивно и буйно» порывалась «к разбойничьему или казачьему разгуду и грабежу». ⁴⁸ Если эти слова и не могут быть отнесены ко всем походам ушкуйников (ими иногда руководили бояре), то поход Прокопа они характеризуют хорошо. В движение широким потоком вливалась новгородская голытьба, закабаляемая верхами.

Политика новгородских бояр по отношению к движению ушкуйников определялась поэтому соображениями не только экономическими и политическими, но и социальными. Новгородские верхи не склонны были задерживать в Новгороде или в Новгородской земле избыток «черных людей», доставлявших так много беспокойства в многочисленных народных восстаниях этих лет. Возможность роста вширь смягчала противоречия внутри Новгорода. Ушкуйничьи походы XIV в. отвлекали новгородские низы от выступлений против своих бояр.

IV

Успехи первых походов ушкуйников на Волгу объясняются тем положением, какое сложилось на средней и нижней Волге в середине XIV в. Господствовавшая во времена Узбека в Поволжье сила, Золотая Орда, вступала в полосу длительной «замятии», а новая сила, — объединяющаяся вокруг осквы Великороссия, — еще не укрепилась на Волге. Первый поход новгородских ушкуйников на Жукотин в 1360 г. был предпринят тогда, когда после убийства Джанибека в Орде развернулась кровавая борьба за власть между разными группами татарских феодалов. «В течение двадцати лет, — пишет исследователь истории падения Золотой Орды, — с 1360 по 1380 г., т. е. по год прихода к власти в Золотой Орде Тохтамыша, там перебивалось более 25 борющихся между собой ханов». ⁴⁹ Как быстро шло разложение Орды и до каких пределов оно доходило, можно судить по монетному хаосу. По данным известного знатока восточной нумизматики П. Савельева, в 762 г. хиджры (т. е. 1360—1361 гг.) мы «встречаем одно за другим имена пяти ханов, выбитые на монетах в одном и том же городе, именно Бердибека, Хызра, Тимур-Хаджи, Ордумелика и Кильдибека». ⁵⁰ Распадение золотоордынского государства в 60-х годах XIV в. создавало благоприятную обстановку для

⁴⁸ А. П. Шапов, Сочинения, т. III, СПб., 1908, стр. 644.

⁴⁹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 272.

⁵⁰ П. Савельев. Тетюшский клад. ТВО РАО, ч. III, вып. III, 1858, стр. 322; см. названную работу Грекова и Якубовского; стр. 272.

выступления новгородцев на Волге. Правда, один из пяти названных выше ханов, Хызр (Хидырь, Кидырь), добился некоторых успехов в Орде и признания на Руси. (От него получил ярлык на великое княжение князь суздальский Дмитрий Константинович). К Хидырю обратились с жалобой на ушкуйников жукотинцы, и его посол предложил великому князю, поставленному Хидырем, созвать съезд в Костроме для наказания ушкуйников. Но Хидырь удержался в Орде недолго. Уже в следующем году русские послы застали в Сарае вновь «замятию великую». «Убьен бо бысть царь Хидырь от своего сына Темирь Хожа», — записал летописец, чрезвычайно внимательно следивший за тем, как ордынские ханы «не престаяху межи себе ратящися».⁵¹

В ходе этих смут эфемерные правители Сарая потеряли власть над Средним Поволжьем и Прикамьем. Здесь возникали одно за другим небольшие ханства под властью того или иного ордынского выходца. Так, уже под 1361 г. в летописи отмечено возникновение двух ханств: в Булгаре и Наручади. Первое из них было создано Булак-Темиром (Пулад-Темиром), который установил свое господство на Волжском пути («Булак-Темер, князь ордыньски, Болгар взял и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь»)⁵². В Наручатской стране (по Мокше) утвердился ордынский князь из Бездежа Таган («А иный князь Ордынский, Таган имя ему,⁵³ иже от Бездежа, а той Наручядь ту страну отнял себе, ту пребываще»)⁵⁴. Из Наручатской земли Таган делал набеги на Рязанскую землю.⁵⁴ Возникло татарское княжество и в Запьянии.

Когда трое новгородских бояр в 1366 г. организовывали свой поход на Волгу и Каму, они бесспорно знали о положении дел на Волге и пытались использовать его. И в 70-х годах ни Арабшаху (Арапше), ни даже самому Мамаю не удалось упрочить власть над отпадающими от Орды средневожскими землями. Правда, Булат Темир, владевший Булгаром, был убит в Орде еще в 1367 г., но в Булгаре появился новый князь Осан (Асан). О том, насколько слаба была власть Орды на Волге во время самых больших походов ушкуйников 1374 и 1375 гг., можно судить по успешным действиям ушкуйников. Ушкуйники, не ограничиваясь Средним Поволжьем и Нижним Прикамьем, спускались к Нижней Волге и Сараю.

Только Тохтамышу удалось на некоторое время восстановить власть хана Золотой Орды над Булгаром. По сообщениям летописей, перед походом на Москву в 1382 г. Тохтамыш послал татар в Булгар и велел там «торговци русские избити и гости грабити»,⁵⁵ а суда их захватить для перевоза. А в 1391 г. Тохтамыш послал войско против Вятки, ставшей, как мы видели, важной базой для походов в Среднее Поволжье («Царь Тахтамышь посла царевича именем Бектута на Вятку ратью, он же шед взя Вятку, а люди посече, а иные в полон поведе»)⁵⁶. Ответный поход новгородцев и устюжан на Жукотин и Казань показал, насколько непрочны были успехи Тохтамыша. Борьба новгородцев за Нижнее Прикамье продолжалась и в первом десятилетии XV в. (походы Анфала).

⁵¹ Москов. св., стр. 181; см. также очень точный и четкий рассказ Симеон, л. (стр. 101).

⁵² Москов. св., стр. 181; см.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 122—123.

⁵³ Москов. св., стр. 181.

⁵⁴ Там же, стр. 183.

⁵⁵ Там же, стр. 206; в Симеон, л. (стр. 132) — «христианские гости руския грабити»; в Ерм. л. (стр. 127) — «избивати вся гости руския».

⁵⁶ Москов. св., стр. 219, и другие летописи.

4 В. Н. Вернадский

Не татарская сила положила конец попыткам новгородцев выйти на волжско-камский путь. Походы ушкуйников на Волгу были прекращены успехами объединяющейся под руководством Москвы Великороссии. Если Костромской съезд князей в 1360 г. оказался не в силах пресечь начинавшиеся походы новгородских ушкуйников на верхнюю Волгу, то властное выступление великого князя московского в 1366 г. уже сыграло сдерживающую роль. А после того как победитель на Куликовом поле продиктовал Новгороду в Ямнах в 1386 г. условия мира и взыскал за набеги на Волгу 8000 руб., ушкуйники уже не смогли больше ходить на верхнюю Волгу. Не р. Кострома, а р. Вятка стала их главной дорогой.

И в Среднем Поволжье все сильнее начинало чувствоваться влияние поднимающейся Великороссии, возобновившей политику Всеволода Большое Гнездо и его сыновей. Первоначально наступление на восток велось главным образом силами Нижегородского княжества. Еще в 1367 г. нижегородский князь Дмитрий Константинович с братом Борисом отбили вторжение болгарского князя Булат-Темира и заставили его бежать в Орду, где он и был убит. В 1369 г. нижегородские войска с успехом ходили на болгарского князя Асана. А через семь лет, в 1376 г. (т. е. через год после похода Прокопа), нижегородские полки ходили к Булгару и заставили болгарских князей не только уплатить 5000 руб., но и принять великокняжеского таможника в Булгар («Князи же болгарский Осан и Махмат салтан добиста челом князю великому и тьстю его князю Дмитрею Костантиновичю двема тысячами рублев, а ратем их трема тысячами рублев, а дарагу и таможника посадиша князя великаго в Болгарех»)⁵⁷. Но уже в эти годы рядом с нижегородским князем выступал на средней Волге и его зять — великий князь московский. В походе на Булгар в 1376 г. принимал участие воевода московского великого князя, знаменитый Дмитрий Боброк. Московская рать участвовала и в походе 1377 г. на Мордву. После же присоединения Нижегородского княжества к Москве, естественно, московский великий князь стал непосредственным руководителем русской политики на средней Волге. Сын Донского уже в 1396 г. (?) послал своего брата Юрия на болгар с ратью, которая взяла Булгар, Жукотин, Казань и Керменчук («Он же шед взя город Болгары Великие, и град Жукотин, и град Казань, и град Керменчук, и всю землю их повоева и много бесермен и татар побита»)⁵⁸.

Так и на средней Волге в конце XIV в. усилилось влияние великого князя московского. ЭТИМ исключалась возможность дальнейших успехов ушкуйников и в том районе, который был главным центром их внимания.

* *
*

Походы ушкуйников на Волгу и Каму, выбрасывавшие тысячи новгородских молодцев далеко за пределы Новгородской земли, оказались бесплодными. Новые земли не были закреплены за Новгородом. С волжских путей новгородцы были быстро выбиты. «Колониальный грабеж» старого типа, который применяли новгородцы раньше где-нибудь в Югре, на Волге был воспринят как действия разбойников. Успехами Москвы при Дмитрии Донском и Василии I ему быстро был положен конец.

⁵⁷ Москов. св., стр. 192.

⁵⁸ Там же, стр. 226; Троицк, л., стр. 453, и другие летописи. О датировке похода см. соображения А. Е. Преснякова: Пресняков. Образование, стр. 279.

Таким образом, ушкуйничество — это кратковременная, но втянувшая широкие круги новгородских феодалов и плебейства попытка выйти на волжские просторы, завладеть богатствами средневолжских городов и «бесерменских» купцов. Формы, в которые отлилось движение, его бурный и буйный характер ярко отражают социально-экономический строй Новгорода во второй половине XIV в. Ушкуйничество XIV в. — своеобразное, специфически новгородское явление.

Вряд ли можно, однако, видеть в волжском ушкуйничестве определенный этап новгородской колониальной политики, ее вырождение, как это утверждает А. С. Лаппо-Данилевский. Это скорее ее временное отклонение от традиционных направлений, отличающихся большей устойчивостью.

И уже никак нельзя согласиться с А. С. Лаппо-Данилевским, усматривавшим в ушкуйничестве последний этап новгородской колонизации. «Колонизационная энергия» новгородских феодалов в XV в. отнюдь не иссякла; после бесплодного движения ушкуйников она направилась в прежнее русло и приняла чрезвычайно широкий размах, подготовленный земледельческой и промысловой колонизацией Обонежья, Беломорья и Подвинья.

**РОСТ БОЯРСКОГО И МОНАСТЫРСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В XIV—XV вв. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ВОЛОСТЯХ**

I

Поход Луки Варфоломеевича на Двину в 1342 г., о котором несколько раз уже упоминалось, примечателен не только как крупное военное предприятие, организованное боярином «без слова новгородского». В нем отчетливо наметился переход от ранних форм эксплуатации волостей к боярской «колониальной политике» иного типа.

Сообщение летописи о том, что Лука «постави городок Орлиць»,¹ дает основание заключить о намерении могущественного боярина стать твердой ногой в Заволочье. С. В. Рождественский в своем исследовании «Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв.» следующим образом объяснил «загадочный набег» Луки на Двину: «Едва ли это был простой грабительский набег: не было смысла новгородскому боярину просто разорять богатейшую из новгородских волостей... Лука Варфоломеев действовал, можно полагать, как орудие новгородского боярства, не мирившегося с самостоятельностью Двинской земли, возглавляемой местным боярством».² С этими соображениями можно согласиться только частично. Верно, что это не был простой грабительский набег. Но предпринят он был без санкции новгородского правительства, а главное, действие Луки, надо полагать, объяснялись тем, что Лука пытался создать почву для регулярной феодальной эксплуатации разросшегося населения Подвинья. Попытка Луки создать себе крупное феодальное владение в восточных новгородских волостях — не единственное, засвидетельствованное источниками выступление новгородского боярства в Подвинье в этом направлении, и даже не первое.

Известная рядная Василия Матвеева («Своеземцева») на земли Шенкурского погоста, датируемая 1315—1322 гг.,⁴ говорит о попытках создания большой боярской вотчины на нижней Ваге за 20 лет «до похода Луки». Можно согласиться с мыслью М. Островской, писавшей, что «рядная Своеземцева с чудью закрепила переход от первоначальных шатких

¹ Н I Л, стр. 355.

² Известия АН СССР, VII серия ОГН, 1929, № 1, стр. 61.

³ «Не послушав Новаграда, митрополица благословенна и владычня» (Н I Л, стр. 355).

⁴ Грамоты В. Н. и П., № 279.

прав захожего боярского рода на завоеванные когда-то земли к прочному вотчинному владению ими».⁵

«Мировая грамота» челмужского боярина Григория Семеновича с «шунгскими смердами, толвуянами, кузарандцами и вымоченцами», датируемая 1375 г., свидетельствует о появлении в XIV в. крупных боярских вотчин и в Северном Прионежье.⁶ Недостаток источников по XIV в. не позволяет точно установить районы, а тем паче определить размеры вновь возникших вотчин новгородских бояр в северных и восточных волостях Новгорода, но появление в XIV в. крупных боярщин в Прионежье и в Подвинье является бесспорным фактом.

Если к XIV в. можно отнести начало освоения боярством земель Северного Прионежья и Подвинья, то первая половина XV в. была порой чрезвычайно быстрого роста боярских владений в этих землях. Представители крупнейших боярских родов и новгородские монастыри, соревнуясь друг с другом, с чрезвычайной быстротой захватывают огромные земельные владения. Новгородский боярин при этом не только захватывал пустоши, — он властно вторгался в земли крестьянских миров, кабаллил смердов, скупал за бесценок земли у новгородских переселенцев и у местного неновгородского населения.

Последние исследователи вопроса А. П. Шурыгина в диссертации «Новгородская боярская вотчина XV в.»⁷ и И. Л. Перельман в работе «Новгородская деревня XV—XVI вв.»⁸ подвергли тщательной обработке материалы писцовых книг и актов, что позволяет в отдельных вопросах сослаться на названные исследования.

Начнем обзор боярского землевладения с Северного Прионежья. В Толвуйском погосте, в котором в XIV в. развернул свою деятельность челмужский боярин Григорий Семенович, в начале XV в. появляется новый могущественный новгородский боярин посадник Василий Есипов. А данная «скотников и помужников» Толвуйской земли Палеостровскому монастырю, датируемая 1415—1421 гг.,⁹ приводит уже целый список землевладельцев в Толвуге. Этот список, возглавляемый новгородским посадником Андреем Ивановичем и тысяцким Дмитрием Васильевичем, включает 20 имен.¹⁰ Не все названные в «данной» 20 имен — боярские, но по крайней мере первые пять могут быть отнесены к новгородской правящей верхушке. В писцовых книгах по Толвуйскому погосту упоминается также несколько крупных землевладельцев новгородцев: Марк Панфильев, Федор Глухов, Александр Тимофеев.

В смежном Шунгском погосте, по которому сохранились материалы писцовой книги 1496 г. (письма Юрия Сабурова), названы следующие землевладельцы из новгородских бояр (табл. 2):

⁵ М. Островская. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913, стр. 3.

⁶ Для нас не имеет большого значения вопрос о подлинности этой грамоты.

⁷ Диссертация А. П. Шурыгиной выполнена под общим руководством автора. Одна из глав диссертации опубликована в «Уч. зап. ЛГПИ» (т. 78, 1948).

⁸ Исторические записки, т. 26, 1948.

⁹ Грамоты В. Н. и П., № 292. В грамоте, датируемой примерно 1456 г., упоминаются как бывшие владельцы земли (которых должен поминать монастырь), «сын посадничь» Лука и его отец, посадник Василий Есифович.

¹⁰ Грамоты В. Н. и П., № 90.

¹¹ «Посадник новгороцкей Ондрей Иванович, тысячки новгороцкый Дмитрий Васильевич, Богдан Васильевич, Офонас Остафийн тысячкого, Мануйла Данилович, Ермола Лентеев, Селифонт Твердиславль с детми, Иев Олфромеев с детми, Ермола Мелентьев, Яков Сидоров с братом, Максим Иванов с детми... Игнатей Омосов с братьею, Ермола Омелянов с детми, и вси скотнике и помужнике Толвуйской земли» (там же).

Таблица 2

Владельцы	Число деревень	Число дворов
	91	93
	16	16
	11	11
	5	11
	13	14

Боярское землевладение утверждается в XV в. и в Восточном Обонежье, где межевая книга 1391 г.¹² не называла еще ни одного землевладельца боярина, т. е. где, надо полагать, в конце XIV в. еще не было боярщин. «В бассейне реки Водлы, по течению реки Вытегры, выросли крупные и мелкие вотчины; Водлозерский погост поделили между собой боярин Грузов. „Оксинья Микитина жена Есипова" и „Настасья Иванова, жена Григорьева". Погост Никольский (также на Водле) — Настасья Иванова, жена Григорьева, Марфа Исакова и боярин Грузов; „погост Спасский в Шале-реце" (Водла), снова Настасья Григорьева, Оксинья Есиповна, Александр Тимофеев и Муромский монастырь».¹³

Писцовые книги позволяют выделить наиболее крупных землевладельцев — бояр Восточного Обонежья (табл. 3).

Таблица 3

Крупнейшие владения новгородских бояр в Восточном Прионежье по данным писцовой книги 1563 г. (по числу дворов)¹⁴

Владельцы	Андомский погост	Шальский погост	Пудожский погост	Водлозерский погост
Оксинья Микитина Есипова	173	79	12	14
	—	176	163	22
Микита Грузов	—	—	84	42
	—	—	84	3
	55	—	—	—

Грамоты называют имена еще некоторых бояр, имевших ранее крупные владения в восточных прионежских погостах, но позднее их утративших. Таков Селифонт Твердиславич и его потомки. Наиболее ранний документ, связанный с деятельностью этой семьи в Восточном Прионежье, относится к первой половине XV в. — это купчая Селифонтова «на землю и воду в Уносках» (в Шальском погосте) у Ивана Фомина. Границы участка, довольно значительного по размерам (уплачено за него 8 руб.), указаны в грамоте подробно и точно: «А обод той земли от Онега озера по Згир-ручью вверх, от верховья по полешему лесу ко Ялганде реки, к великому камени, от камени вниз по Ялганде реки в Шалу реку, вниз к Шалской матке, а по матки в Унаиский ручей, да вниз по ручью

¹² Там же, № 285.

¹³ А. П. Шурыгина, ук. соч., сгр. 35.

¹⁴ Свыше 50 дворов.

в Унаискую губу по ужной стороне».¹⁵ Владения Селифонта были расширены его сыном «посадником старым Панфилом Селифонтовым». Сохранилась «исковая» его с Богданом Ермолиным, где он, уступая Богдану свои земли в Тубозере (в Северном Прионежье), получал от него смежные уносские земли: «полевую землю, и лешую землю, и полешей лес, и пожни, и ловиша, и остров, все без вывета в Уносках, и¹⁶ в Уной губе остров, и малые островки, и по Шале реки земли и пожни». По духовной Панфила половина его владений была передана им Палеостровскому монастырю.¹⁷ Эту передачу Панфилом земли отметил и писец 1563 г., записавший: «В Спасском же погосте в Шале Палеостровского монастыря, а дал те деревни в дом Спасу Палеостровскому монастырю посадник старый Панфил Селифонтов».¹⁸ Судьба второй половины владений Панфила на Водле, завещанной им сыну Лаврентию, не ясна. Вероятно она перешла кому-либо из новгородских бояр (не к Миките ли Грузову, в Пудожских владениях которого есть деревня, записанная под следующим названием: «Большой Двор ключнич словет Панфиловская?»).¹⁹ В руки крупных бояр перешло и Южное Прионежье. Так, в Вытегорском погосте в письме Юрия Сабурова (1496 г.)²⁰ названы следующие землевладельцы новгородской поры (табл. 4).

Таблица 4

Владельцы	Число деревень	Число дворов
	59	79
	14	17
	9	12
Захар Морозов	8	11
	9	12
	4	4

От Прионежья перейдем к Поморью. С начала XV в. боярское феодальное землевладение утверждается и в Карельском Поморье. Старейшими письменными документами, в которых отражен этот процесс, являются два купчих посадника Офонаса Есиповича, которых исследователи относят к 1419—1420 гг.²¹ В этих купчих речь идет о земельных участках и угодьях («ловиша, полесье и страдомей лес») по Сороке и Выгу и на море «межу Курольчи и Рувкулчи».²² Судя по указанным в купчих ценам участков (два рубля — в первой грамоте и рубль и коробья ржи — во второй), дело шло о сравнительно небольших участках.

¹⁵ Грамоты В. Н. и П., № 288.

¹⁶ Чтения ОИДР, стр. 147. Грамота эта не сохранилась, а известна по правой грамоте 1538—1539 г., в которой она приведена как оправдательный документ на владение землей Палеостровского монастыря. Это относится и к упоминаемой ниже духовной грамоте.

¹⁷ Там же, стр. 141.

¹⁸ ПК Об. п., стр. 173.

¹⁹ Там же, стр. 183. Владения Селифонтовых сохранились в Северном Прионежье, в Кижском и Шуйском погостах.

²⁰ Там же, стр. 12—19.

²¹ Грамоты В. Н. и П., №№ 286—287.

²² К-урольцы и Равкульцы — два рода «карельских детей» из числа тех пяти родов, которые владели землями в Карельском Поморье.

В 30—50-х годах XV в. здесь развернул весьма энергичную деятельность посадник Дмитрий Васильевич (Глухов?), имя которого упомянуто в нескольких грамотах (в одной из них, очевидно более ранней, он назван тысяцким).²³ Район деятельности Дмитрия Васильевича в Карельском Поморье был весьма широк. В известной купчей у Ховри Тойвutowой речь шла об участках «на Выгу и в Шуи реке, и в Каме реке, и в Килбоострове, и по морьскому берегу, и Поньгама река по обе стороны, и по лешим озерам... в лешей Лопи, и в Кутозере... и в Соловках на море во островах... и в Кузовех в островах».²⁴ Этой сделкой за «полчетверта рубли» за новгородским боярином закреплялась «отпина и дедена» Ховри Тойвutowой («Рокольского рода»), полученная Ховрей от ее отца Василия Кокуя («... куды володел Ва(сель) Кокуи, туды володеть посаднику новгородскому Дмитрию Васильевичу землею страдомою и водою и полешим лесом и Лопью»). Что скрывалось за этой «купчей», каким путем новгородскому посаднику удалось получить от Ховри ее обширную «отпину и дедену», об этом источники молчат. Но совершенно очевидно, что к середине XV в. на Карельском берегу господствующей силой стали уже не пять карельских родов, ранее владевших здесь землею, а новгородские феодалы.

Сохранившаяся часть писцовой книги 1563 г. по Спасскому на Выгозере погосту называет среди бывших землевладельцев погоста Марфу Исакову (Борецкую), Федора Остафьева Глухова, Михаила Берденева, Бабкина. Первое место среди этих феодалов занимает Марфа Исакова, успешнее других бояр развернувшая деятельность в этом важнейшем промысловом районе.

Если взять в целом всю северную часть Обонежской пятины, то по данным письма Юрия Сабурова (1496 г.) и Андрея Лихачева (1563—1566 гг.)²⁵ можно с полным основанием утверждать, что к концу существования Новгородской республики большая часть территории Прионежья перешла в руки крупнейших новгородских боярских родов. Первое место среди новгородских феодалов по размерам владений бесспорно занимала Марфа Исакова. В Южном Прионежье ей принадлежало в трех погостах (Ошта, Великая Мегра и Вытегра) около 500 дер. примерно с семью сотнями крестьянских дворов.²⁶ Около 150 дв. принадлежало Марфе Исаковой в Кижском и Пудожском погостах. Наконец, ее владения заходили далеко на север, где в Выгозерском погосте Борецкой принадлежало около трехсот дворов (по Выгу, Суме, Нюхче, Вирме). Всего за Марфой Исаковой в погостах Обонежской пятины указана свыше 700 дер. с 1200 дв. За двумя другими боярскими вдовами (Есиповой и Григорьевой) в Обонежской пятине значилось по 300 дв. с лишком.

²³ Грамоты В. Н. и П., № 290. Тысяцким же Дмитрий Васильевич назван в указной выше данной «скотников и помужников» Толвуйской земли,

²⁴ Там же, № 291.

²⁵ К сожалению, письмо Сабурова и Лихачева сохранилось только в небольшой части. Из переписи Сабурова дошло описание 8 погостов, а от переписи Лихачева — 19 погостов.

²⁶ По нашим подсчетам в этих трех погостах за Марфой Исаковой значилось:

Ошта (по писц. книге 1496 г.)	214 дер. 247 дв.
Вытегра (по писц. книге 1563 г.)	59 * 79 **
Мегра (по писц. книге 1563 г.)	243 * 406 *

Итоги подсчета, в котором суммируются данные двух разных переписей, являются, конечно, только приблизительными.

Огромные земельные владения были сосредоточены в руках бояр Грузовых и близких к ним Слизиных.²⁷ Они владели чуть ли не всем Остречинским погостом. Кроме того, их земли находились и в других погостах по Свири, и в Северном Прионежье (Шуя, Кижы) и за Онежским озером (Водлозеро и Пудога). У одного из Грузовых (Микиты) указано свыше 200 дер. с 350 дв. Следом за этими крупнейшими землевладельцами Прионежья шли владельцы сотен дворов — Панфил Селифонтов с детьми, Глухов, Берденев и другие новгородские бояре и боярыни.

Примерно к таким же итогам пришла последняя исследовательница истории Карелии XVI—XVII вв. Р. Б. Мюллер.²⁸

Небольшие расхождения между подсчетами различных исследователей, естественно, если учесть характер источника, никак не меняют основного вывода. К середине XV в. новгородские бояре создали крупнейшие вотчины в Прионежье и в Карельском Поморье.

По крайним северным и восточным владениям Новгорода, выходящим за пределы Обонежской пятины, исследователь не располагает столь ценным для истории землевладения в XV в. материалом, как переписи конца XV в., но актовый материал, столь тщательно изученный А. А. Шахматовым и Н. С. Чаевым, приоткрывает несколько завесу над протекавшим и здесь процессом захвата земель новгородскими феодалами.

В Подвинье на Ваге утвердились и расширили свои владения потомки Василия Матвеевича Своеземцева. Остафий Своеземцев, судя по его завещанию, оставался крупнейшим землевладельцем на Ваге (и в Шенкурье и на Кокшенге).²⁹ Но своеземцы не были монопольными обладателями Важской земли. Рядом с ними в конце XIV в. выступает посадник Александр, купивший у Остафия крупный участок земли за 120 руб.,³⁰ и посадник Федор, которому Остафий завещал половину своей отчины на Кокшенге (в Шенкурье). А в начале XV в. лето-

Земельные владения бояр Грузовых и Слизиных:

Таблица 5

Местность	Число деревень	Число дворов
	21	53
Важены	9	14
	180	255
Шуя	23	89
Кижы	31	47
	40	42
	51	82
	355	582

²⁸ Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 21—22. Частичные расхождения между данными Р. Б. Мюллер и приведенными выше цифрами объясняются тем, что мы опирались на итоги подсчета, доверяя им при дефектности описаний больше, чем собственным подсчетам по дворам.

²⁹ Грамоты В. Н. и П., № 110.

³⁰ Мы не можем согласиться с А. П. Шурыгиной, которая видит в посаднике Александре Александре Дворянинева. Список новгородских посадников знает несколько Александров.

пись называется здесь бояр Степана и Михаила «Ивановых детей Васильевых», владельцев вотчины Борок.³¹

В Важской земле в начале XV в. были владения и Борецких, памятью о которых остались бояршины Исаковская и Борецкая. Позднее ряды собственников Важской земли пополнились представителями других крупнейших новгородских боярских родов (Грузовых, Есиповых, Офонасовых, Тучиных и др.), как об этом свидетельствуют «Судейские списки двинских земель». Новгородские бояршины столь глубоко пустили корни в Важской земле, что память о них пережила надолго время новгородской самостоятельности. Так, даже в XVIII в. дворцовые крестьяне Богоявленского погоста Важского уезда при составлении наказа на выборах в Комиссию 1767 г. называли себя крестьянами «Васильевской бояршины Едемских деревень». Очевидно, имя Василия Своеземцева (Едемского) прочно закрепилось за его владениями.³² В наказах дворцовых крестьян того же Важского уезда встречается упоминание и о бояршинах Афанасовской и Есиповской.³⁴

Дальше на север в Нижнем Подвинье боярское землевладение было менее распространено. Крестьянские миры здесь сохранили во многих местах свою самостоятельность, сохранялось и землевладение местных двинских бояр. Из крупных новгородских бояр здесь, судя по двинским грамотам, на рубеже XIV и XV вв. развернули свою деятельность посадник Иван Данилович, боярин Яков Дмитриевич, да Леонтий Абакумович.³⁵ Позднее на нижней Двине обзавелись вотчинами крупные бояре Иван Григорьев, да Есиф Горошков, от которых земли перешли к их вдовам. В Судейских списках среди двинских владельцев названы также Василий Селезнев и Василий Ананьин. Таким образом, в Подвинье, наряду с именами тех бояр, которые завладели землями в Прионежье и Карельском Поморье (Борецкими, Григорьевым и др.), выступало немало других новгородских боярских родов (Своеземцевы, Ананьины, Селезнев, Горошковы). Если составить список всех виднейших новгородских бояр середины XV в., среди них найдется очень мало таких, кто не имел бы вотчин в Прионежье, Подвинье и Поморье.

Бок о бок с боярином, иногда опережая его, иногда следом за ним, захватывал земли на севере и востоке монастырь. В Северном Прионежье развернул свою деятельность Палеостровский монастырь, о росте земельных владений коего можно судить по богатейшему актовому материалу монастыря, легшему в основу известного исследования Е. Барсова.³⁶ К востоку от Онеги с очень давних времен утвердился Муромский монастырь, дальше на восток, на реке Онеге — Ошевенский монастырь, на низовьях Северной Двины — Сийский монастырь и многие другие не столь крупные монастыри. На север и восток прокладывали дорогу и крупнейшие новгородские монастыри: у Хутынского монастыря были владения в Пир-

³¹ Н I Л, стр. 396 и 407; Устюж. л., стр. 68. Анализ этих сообщений см. в указанной статье А. П. Шурыгиной, стр. 43.

³² ААЭ, № 94.

³³ Сб. РИО, т. СХХШ, стр. 56. О том же напоминает и само название волости («Нижнеодемская»).

³⁴ Там же, стр. 168; см. также описок бояршин в Важской земле в работе К. Молчанова «Описание Архангельской губ.» (СПб., 1913, стр. 185) и в списке волостей Важского уезда в исследовании М. М. Богословского «Земское самоуправление на русском севере» (т. I. М., 1909, Приложение, стр. 60—62). Попытка расшифровать этот список сделана в названной выше статье А. П. Шурыгиной (стр. 44—45).

³⁵ Вероятно, брат известного вождя ушкуйников;

³⁶ Е. Барсов. Палеостров, его судьба и значение в Обонежской крае. М., 1868.

зсиническом, Важенском, Шуйском, Челмужском, Андомском, Вытегорском и Оштинском погостах, где по нескольку дворов, а где (как например в Шуе) — и свыше сотни.³⁷ Значительны были также владения Антониева и Юрьева монастырей.

Усерднее других новгородских монастырей умножал свои владения Никольский Вяжицкий монастырь, о деятельности которого сохранился десяток грамот XV в., относящихся ко времени игуменов Якима и Варлаама. Восемь грамот относится к Толвуйскому погосту, в остальных речь идет о Шунге (одна грамота)³⁸ и о Выге (две грамоты). Грамоты по преимуществу купчие и данные. Остановимся сначала на купчих — их три. Игумен Яким (1456—1458 гг.) купил у чернеца Алексея Фатьянова на Выге «воду его» и лес Сапиничский «в дом св. Николы в веки»³⁹ Участок, очевидно, довольно значительный, ибо уплачено за него 7 руб.³⁹ Две других купчих относятся к Толвуйскому погосту. По первой игумен Варлаам покупает у Ермолы Максимова Водникова на Повенце «землю и воду и полешей лес и пожни и ловища водная за Онегом озером и в Онеге озере ловища».⁴⁰ По второй он же покупает у другого Водникова (Мартемьяна Родионова) половину отчины его в Повенце «землю, и воды, и пожни, и полешей лес, и ловища повенецкие».⁴¹ Купли весьма крупные (в первом случае уплачено 15 руб., во втором — 23 руб.).⁴²

Среди данных духовных грамот в двух выступает вышеназванный чернец Алексей Фатьянов. По духовной он отдает монастырю в Толвуге «елободцкую землю, и воду, и пожни... и полешей лес... все чисто святого Николы на память батку моему и матке моей и мне».⁴³ В другой грамоте⁴⁴ речь идет о порядке совместного владения вкладом Алексея в монастырь. Что и здесь дело шло о весьма крупных владениях, подчеркивается тем, что в качестве послухов выступали в последней грамоте новгородские посадники и тысяцкие (в том числе Дмитрий Васильевич).

Среди других «данных» встречаем грамоту владыки Евфимия, которой передается в монастырь земля Луки Васильева (сына посадника Василия Есифова) в Шунге и в Толвуге (взамен уступаемой монастырем земли в Демьяницах, в Тесове, и пожни на р. Оредеже).⁴⁵ И здесь игумен обязуется поминать вкладчика («... а поминати игумену Якиму св. Николы по посадники по Василии Есифовичи и по Луке и по Василисте и по Ульяне»).

В последней сохранившейся данной Артемий Степанов («вымолоцкого рода») передает свой «участок воды ловецкой» игумену Варлааму «на память себе и родителем своим, вписать их в сенодик».⁴⁶ Так, к Никольскому Вяжицкому монастырю переходили владения и влиятельного новгородского посадника, и богатого чернеца, и крупных землевладельцев (Водниковых), и члена карельского «Вымолоцкого рода». Иногда монастырю, правда, приходилось временно делиться с другими претендентами на землю. (Так, согласно договорной грамоте монастыря с Васи-

³⁷ ПК Об. п., стр. 84, 97, 98, 120-122, 167, 199-202, 211, 236.

³⁸ В этой грамоте речь идет и о Толвуйской земле (Грамоты В. Н. и П., № 292).

³⁹ Там же, № 293.

⁴⁰ Там же, № 310.

⁴¹ Там же, № 313.

⁴² Об Ермолу Водникове есть упоминание в писцовой книге 1563 г. (ПК Об. п., стр. 154).

⁴³ Грамоты В. Н. и П., № 295.

⁴⁴ Там же, № 294.

⁴⁵ Там же, № 292.

⁴⁶ Там же, № 312.

лием Алексеевичем и Яковым Леонтьевичем между договаривающимися сторонами делятся Кондрусские, Мандрейские, Кузарандские и Тубозерские земли Менуева и сына его Фомы).⁴⁷ Но, в конечном счете, земли попадали в цепкие руки монастыря. По указаниям писцовых книг 1563 г. за Никольским Вяжицким монастырем в конце XV в. значилась уже большая часть Толвуйского погоста. За ним числилось 146 дер. с 236 дв. (кроме вновь поставленных), тогда как за всеми прочими владельцами (Марком Панфиловым, Федором Глуховым, Александром Тимофеевым, да Натальей Бабиной) было всего 38 дер. с 72 дв., т. е. меньше четверти дворов погоста.

С середины XV в. развернул активнейшую деятельность по приобретению земель в Поморье и тот монастырь, который сумел впоследствии на несколько веков стать крупнейшим вотчинником русского севера. Хотя старейший из основателей монастыря Савватий вышел из Кирилло-Белозерского монастыря, все же ранняя история Соловецкого монастыря входит в историю новгородской колонизации, и не столько потому, что второй из его основателей Зосима, с которого начинается рост монастырского землевладения, вышел из Толвуя, сколько потому, что* первоначальные земельные владения создались из пожалований новгородцев и закреплены были за монастырем известною новгородскою грамотою игумену Ивоне (1459—1470 гг.). Согласно этой грамоте монастырь был пожалован «островы Соловки, и Анзери островом, и Нуксами островом, и Заяцым островом, и малыми островки». Претендовавшим на эти земли новгородским боярам и «карельским детям» запрещалось вступаться в эти земли («... а боярам новгородчким, ни корельскыш детям, ни иному никому ж в тьи островы не вступатися, в страдомую землю, ни в пожне, ни в тоне, ни в ловиша, ни черенов не наряжать, ни лесов не полесовать»). Наконец, ловцы и добытчики, приезжающие на промыслы («на сало или на кожу»), должны были платить монастырю десятину.⁴⁹

Скоро монастырь приобрел земельные владения и на Поморском берегу среди земель пяти карельских родов и новгородского боярства. Еще Ключевский подчеркнул, что «первые и главные земельные приобретения сделаны были монастырем (Соловецким) на нижнем Поморском берегу, — там, где к половине XV в. с⁵⁰ наибольшей силой развивалась новгородская колонизация Беломорья». Правда, на первых порах монастырь выступал в качестве неудачного соперника новгородских бояр, орудовавших на Поморском берегу среди пяти родов «карельских детей». С этим конфликтом между боярством и монастырем связано известное сказание о «вешем видении Зосимы», в котором отражены «притеснения пустынноному монастырю на далеком острове от окрестных жителей и предприимчивость благочестивого Зосимы».⁵¹ Но Зосима сумел добиться перелома в отношениях новгородской правящей верхушки к монастырю. Грамотой Марфы Исаковой, недавней «притеснительницы» монастыря, начинается поток пожалований новгородских бояр и «карельских детей» (на Выге, Шуе, Кеми, на островах Белого моря). Пожалованные земельные владения были дополнены куплями или залоговыми сделками. (Так, старец Макарий дал Олфую Корелянину «три сорока белки» под залог его

⁴⁷ Там же, № 314.

⁴⁸ ПК Об. п., стр. 137—144.

⁴⁹ Грамоты В. Н. и П., № 96.

⁵⁰ В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. Опыт и исследования. Изд. 2-е, М., 1915, стр. 12.

⁵¹ Буслаев. Новгород и Москва, стр. 273.

земли, а когда деньги в срок «не стали», залог перешел в монастырь). К 70-м годам XV в. монастырь не только упрочил за собой владение островами, но и крепкой ногой стал как на Поморском, так и на Терском берегу.⁵² Таким образом, в XIV—XV вв. новгородские бояре и монастыри завладели необъятными территориями Прионежья, Поморья и Подвинья.

Края эти в XIV—XV вв., когда сюда устремились бояре и монастыри, отнюдь не были уже пустыней. Грубой ошибкой старой историографии,⁵³ не сумевшей преодолеть ограниченности источников феодальной эпохи, нужно считать утверждения будто бы боярин или монастырь шли в авангарде народного движения на север, пролагая для него путь. И на Выге, и на Ваге, и на Двине новгородский боярин находил население, уже до него, и при том задолго до него приступившее к освоению природных богатств края. Часто этим населением были чудь и лопь, но нередко встречали они и русских поселенцев, проникших сюда или с верхней Волги, или из Новгородской земли.

История заселения великороссами северо-восточной Европы — важная страница в ранней истории складывавшейся великорусской народности. Ею начинается то расселение великороссов из первоначального центра великорусской жизни, которое несколько позднее охватит и юг и восток Европы и выйдет за пределы ее в необъятные просторы Сибири, вплоть до Великого океана, и которое с полным основанием можно считать крупнейшим трудовым подвигом великорусского народа в ранние периоды его жизни.

К сожалению, если позднейшие этапы этого великого движения великороссов (на юг к Черному морю и к Каспию, и на восток за Урал) в основных чертах изучены, то начальные ступени этого процесса — заселение великороссами Подвинья, Северного Прикамья, побережья Белого моря — остаются, как сказано выше, неизученными даже в самых общих очертаниях. Незнание процесса крестьянской колонизации на ранних ее этапах в большой мере объясняется состоянием источников по этому вопросу, т. е. отсутствием прямых письменных источников и сложностью анализа косвенных источников (топонимики, диалектов, фольклора, антропологии). Все же на некоторые заключения материал источников, при всей его бедности, уполномочивает. Не ставя перед собой задачи изучения этого вопроса во всей широте (это — особая и чрезвычайно важная тема), ограничимся лишь некоторыми наблюдениями над источниками для обоснования мысли о широком размахе крестьянской колонизации северо-востока и ее приоритете перед феодальной.

Начнем с Карелии, точнее с Прионежья. Р. Б. Мюллер в цитированной уже работе правильно указывает, что национальный состав населения Карелии XVI в. почти не различим в наших источниках. Действительно, заключить о нем по личным именам трудно, так как карелы были к этому времени давно уже православными и, очевидно, носили обычные христианские имена. Более убедительным является материал топонимики.⁵⁴

⁵² Рост земельных владений Соловецкого монастыря в XV в. подробно прослежен в первой главе исследования А. А. Савича: *Соловецкая вотчина XV—XVII вв.* Пермь, 1927.

⁵³ Вплоть до С. Ф. Платонова, писавшего 30 лет тому назад: «Почин и руководство в колонизационном движении Новгорода на Север принадлежали верхним слоям новгородского общества — боярству и житейным людям» (С. Ф. Платонов. *Очерки по истории колонизации Севера*, вып. I. Пгр., 1922, стр. 27).

⁵⁴ Недавно опубликованные статьи А. И. Попова «Из топонимики Карелии» (сб. «Природные ресурсы истории и культуры КФ ССР», вып. I, Петрозаводск, 1949) и

Всего интереснее из него названия деревень, сохраненные в писцовых книгах. Большинство из них явно дано писцами, поэтому нет надежных оснований для суждений о национальности основателей или жителей деревни. Все же при всей осторожности в пользовании источниками исследователь может прийти к некоторым вполне обоснованным выводам по этому вопросу. Переселенцы из Новгородской земли наложили свой отпечаток на топонимику края. Названия поселений в XV в. даже в Северном Прионежье говорят о заметном влиянии русских. Если составить список селений погоста в Шуньге (по писцовой книге 1496 г.), то среди многочисленных нерусских названий деревень и поселков (Кайбиницы, Лембитово, Нагреево, Вачуево, Сицуево, Ваглоба и т. п.) нередко встречаются названия определенно русские: «Тайнинское, Стогово, Сокольник след., Оринское, Рыгачево, Рудье, Порожек».⁵⁵ Изредка встретится и прямое указание на новгородское происхождение земледельца: «Деревня противу погоста за мостком: (в) Якут ноугородец да вдовин сын Насткин Проша».⁵⁶

Весьма убедительным доказательством раннего проникновения русских переселенцев на территорию Обонежья является бытование во многих районах Карелии древней русской песни (в особенности былины). Кижин, Пудога, Водлозерье не случайно явились столь важными районами для собирания памятников древнерусского фольклора.

Совершенно отчетливо ранняя крестьянская колонизация выступает и в Поморье. Даже исследователи, склонные всюду подчеркивать инициативу бояр, были вынуждены признать в этом случае по меньшей мере одновременность боярской и крестьянской колонизации Поморья. А. А. Савич в своем исследовании о Соловецкой вотчине приходит к следующему выводу: «Приписывая почин в колонизационном процессе новгородскому капиталу,⁵⁷ никак нельзя умалять и крестьянской колонизации, которая происходила, полагаем, одновременно с боярской. Источники достаточно определенно называют в Поморье наряду с „отчинами" и „дединами" новгородских житейх людей и „страдаемые деревни", где обитали,⁵⁸ несомненно „страдаемые" люди, вроде Парфенки да Першицы и др.». С последним замечанием проф. Савича (о Парфенках и Першицах) нельзя не согласиться, но можно и должно пойти дальше, чем это делает А. А. Савич в вопросе о времени начала крестьянской колонизации Поморья. Источники уполномачивают говорить об «отчинах» и «дединах», «страдаемых»⁵⁹ людей, к которым протягивают свои руки новопришельцы — бояре.

«Материалы по топонимике Карелии» (сб. «Советское финно-угроведение», Петрозаводск, 1949) показывают, сколь ценные выводы может дать пристальное изучение топонимики.⁵⁵

Большая часть деревень не имеет своего имени. Обычно название заменено определением местоположения: «Дер. на Верхнем озере, дер. на Верхнем же озере, дер. на Хаймове губ, деревня в губе ж, дер. в той же губе. Дер. на берегу на реке, дер. на берегу ж на яме. Пог. на той же губе на яме». Весьма интересно сопоставить топонимику писцовой книги 1496 г. с более поздней переписью (1563 г.). Исследователь может наблюдать здесь процесс рождения имен деревень: «Дер. на Хаймове губе словет Кярзино. Дер. в губе ж словет Ивкуева. Дер. в той же губе словет Овлокимова. Дер. на берегу же на реки словет Панфиловская. Дер. на берегу же на яме словет Бейнасовская. Пог. старой на той же губе на яме словет Тайнинская» (ПК Об. п., стр. 1, 2, 147, 148).

⁵⁶ Там же, стр. 7.

⁵⁷ Под «новгородским капиталом» проф. Савич понимает бояр.

⁵⁸ А. А. Савич, ук. соч., стр. 24.

⁵⁹ См. названную статью А. П. Шурыгиной, где правильно определена социальная физиономия продавца Кононова, получившего за свою отчину «четыре коробки ржи да сермягу да пяток конопли». См. и другие примеры в названной статье (стр. 38—39).

Заселение Подвинья — более сложный процесс, чем заселение Прионежья и Поморья, ибо здесь (совершенно ясно) могут быть прослежены два колонизационных потока. Если относительно Устюга можно считать доказанным, что он являлся ростовской колонией, то когда речь идет о важанах, емчанах, заволочанах, которые так часто появляются на страницах летописи, остается неясным, ростовская или новгородская струя оказывается ощутительней в этих частях Подвинья. Совершенно неясным остается и вопрос о неславянских элементах населения Южного и Западного Подвинья. Но даже академик Платонов и его единомышленники не отрицают приоритета крестьянской колонизации в Подвинье. Уставная грамота 1398 г. наряду с двинскими боярами была обращена к «черным людям» Двинской земли.

Особо широкий размах крестьянской колонизации Подвинья объясняется обилием здесь земледельческих угодий, манивших к себе великоросса, земледельца по преимуществу. Прочной сетью крестьянских миров покрылось Северное Подвинье. Русские переселенцы постепенно ассимилировали нерусские элементы двинского населения, сохранившие свою этническую обособленность только в Восточном Подвинье. Крестьянские миры великорусского севера представляли собой чрезвычайно жизненную, стойкую организацию. Не случайно они дали много чрезвычайно ценного материала для исследователей общественных форм народной жизни.⁶⁰ Хозяйственное освоение всего Северного Подвинья было делом этих крестьянских миров.

По отношению к монастырской колонизации уже Ключевский выдвинул (хотя и в очень осторожной форме) мысль о связи крестьянской и монастырской колонизации, допуская, что вторая шла по следам первой. «Не всегда возможно указать, — писал Ключевский, — где которое из обоих движений шло впереди другого, где монахи влекли за собой крестьян и где было наоборот; но очевидна связь между тем и другим движением».⁶¹ Мы позволили бы себе сказать резче: смиренные «пустынно-жители» в XIV—XV вв. ШЛИ на север потому, что сюда направлялся поток народного движения. Эта мысль может быть с еще большим основанием отнесена к новгородской боярской колонизации XIV—XV вв. Боярин шел в места, уже расчищенные топором земледельца, в земли, куда уже ходила коса и соха.

Захват боярами и монастырями земель Обонежья, Беломорья и Подвинья сопровождался острой борьбой между прежними владельцами здешних земель и новыми хозяевами, подбирившимися к наиболее ценным участкам земли. Актовый материал содержит многочисленные прямые и косвенные указания на сопротивление, оказанное новгородским феодалам как аборигенами этих земель, так и более ранними переселенцами. Столкновения происходили чаще всего из-за рыбных ловищ,⁶² порою и из-за других угодий. В одной из грамот Вяжицкого монастыря игумен Варлаам призывает всех толвуян бережно относиться к владениям Палеостровского монастыря. «А хто ослышится сей нашей грамоты, — грозит игумен, — а почнет лес сечи и пожни косити, и зайци го-

⁶⁰ Имеются в виду в особенности работы А. Я. Ефименко, М. Островской, М. М. Богословского.

⁶¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 251.

⁶² «Послал тысячкой Дмитрий Васильевич своих ловцов на корельский год на свою куплю на Выг и Корела тысячкою Дмитриевых людей сгопиле и сети выкинуле корела» (Грамоты В. Н и П., № 290).

няти, или рыбы ловити, или ягоды и грибы брати, а без игуменского благословенна, ино тот будет лишен лотки и сетей и за свою вину даст нам рубль».⁶³ Точно так же в данной «скотников и помужников» Толвуйской земли Палеостровскому монастырю берутся под охрану все угоды монастыря: «Вкруг Палья острова и Грецкого острова тонь не ловити селянам, с лучом не ездити... станом не стояти, леса не сеце, ягод не брати и лык не драти». Грамота кончалась закланием: «А хто поще наступатся на дом св. богородици.. а на того бог и пречистая богородица и мнозеи люди».⁶⁴

Несомненно эти грамоты не столько предусматривали возможные нарушения права монастырской собственности, сколько учитывали обычные повседневные столкновения между новыми владельцами земли и старым ее населением. Столкновения не исключались слабой заселенностью Севера, ибо при огромных земельных просторах все же наиболее ценные угоды становились предметом борьбы. В житии Антония Сийского приведены чрезвычайно реалистические подробности, связанные с выбором им места для новой обители. Первоначально Антоний облюбовал себе место на Емце. Но население ближайшего селения Скроботова, «воздвигнутое диаволом», заставило Антония уйти, чтобы будущая обитель не завладела их землями. И на новом избранном им месте, между Ракулей и Емцой при р. Си, у Антония произошли столкновения с жителями ближайших селений, приезжавшими для рыбной ловли.

Автор жития вложил в уста скроботовских крестьян, вытеснивших новопришельца, следующие слова: «Великий сей старец близ нас вселился, по мала времени совладеет нами и селитвы нашими». Нельзя отказать автору жития в том, что он нашел удачные слова для того, чтобы охарактеризовать антагонизм между земледельческим населением, спасавшимся в северных лесах от феодального гнета, и новыми претендентами на их «селитвы» и на них самих. Чем населеннее была область, в которую вторгались новгородские феодалы, тем ожесточеннее было сопротивление, которое они встречали. Естественно поэтому, что наиболее острые и крупные столкновения развернулись в Двинской земле. Здесь был убит в 1342 г. строитель Орлеца — Лука Варфоломеевич. А через полвека здесь разразилось крупнейшее восстание, порожденное политикой новгородских бояр.

II

Сломив сопротивление местного населения и утвердив с боями свою власть в Прионежье, Подвинье и Беломорье, новгородские феодалы получали в свои руки крупный источник для обогащения, ибо края эти, ставшие теперь предметом постоянной эксплуатации новгородских бояр, обладали неисчерпаемыми в то время запасами разнообразных ценных благ. «Глубоко ошибается тот, — писал академик С. Ф. Платонов в 1928 г., — кто представляет себе крайний русский север страной низменной тундры и мрачных туманов».⁶⁵ Действительно, путешественника по северу очаровывают разнообразные ландшафты, то заключенные в «узкие рамки северного горного пейзажа, то поражающие необъятной

⁶³ Там же, № 316.

⁶⁴ Там же, стр. № 90.

⁶⁵ См. А. А. Савич, ук. соч., стр. 27.

⁶⁶ С. Ф. Платонов. Проблема русского севера в новейшей историографии. Летопись занятий Археологической комиссии за 1927—1928 г., вып. 35, Л., 1929.

широтой окоема». Местами на поверхность выступают почти неприкрытые толщи гранитов и гнейсов, местами каменные породы уходят далеко в глубь земли. Реки то стремятся в тесных гранитных ложах, нередко с шумом ниспадая по каменистым порогам, то спокойно катят свои воды по глади равнины, порожая своей полноводностью. Могучие леса чередуются с сочными лугами. Разнообразие пейзажа отвечает разнообразию хозяйственных возможностей, которые таил в себе край. Зверь и рыбы, соль и железо, нередко встречавшиеся в этом крае, манили к себе ватаги звероловов, рыболовов и промысловые артели. Но здесь много было и земледельческих угодий. Если в каменистых дебрях Прионежья встречались только «лоскуты орамой земли», то в Подвинье, особенно по Ваге, был широкий простор для деятельности земледельца, а тучные луга могли обеспечить развитие скотоводства.

Подпадая под власть бояр и монастырей, население Подвинья, Прионежья и Поморья становилось объектом феодальной эксплуатации. Боярское хозяйство на северо-востоке вопреки тому, что так часто утверждали русские историки (вплоть до Платонова и Савича),⁶⁷ конечно, не было капиталистическим. Говорить о капиталистической организации боярской вотчины на севере, значит отказаться от научного (марксистского) понимания природы капиталистического производства и стать на позиции буржуазных экономистов, объявляющих капитализм «извечным».⁶⁸ Писцовые книги по Обонежской пятине свидетельствуют с неопровержимой убедительностью о том, что основным населением этих земель были феодально-зависимые крестьяне, а основной формой ренты была продуктовая, местами сочетавшаяся, а кое-где даже вытесняемая денежной. Эти положения бесспорны.

Сложнее дело обстоит с вопросом о барском хозяйстве в этих северных новгородских вотчинах. Для выяснения этого вопроса, а также для уточнения вопроса о составе оброка, обратимся прежде всего к материалам древнейших писцовых книг по Обонежью. Из письма Юрия Сабурова (1496 г.) сохранились описания только трех прионежских погостов — Оштинского и Вытегорского⁶⁹ на юге и Шунгского — на севере. Начнем с последнего. Погост, смежный с Толвуйским и Челможским, был расположен в районе интенсивной новгородской боярской колонизации. Вся территория его находилась во владении пяти новгородских боярских семей.⁷⁰

Крупнейшей волостью в погосте была Федоровская Остафьева Глухова. «В ней по «старому письму» было 91 дер. с 93 дв., положенных в 103 обж. «Старого дохода» Глухову шло «с 83 обеж половине из хлеба да 320 бел., да 3 барана, а с обжи четверть ис хлеба, а з десяти обеж оброком пол-405 бел... а с 9 обеж доходу не было: были во льготе».

⁶⁷ С. Ф. Платонов пишет о «новгородском капиталисте, боярине или „житем человеке“» (Прошлое русского севера, Пгр., 1923, стр. 10). А. А. Савич в своей работе 1927 г. считал это положение бесспорным: «Будем ли мы исходить из условий быта самого В. Новгорода, станем ли изучать обстановку, в которой могли сказаться первые русские поселенцы у студеного «моря-окияна», вывод получается один и тот же: инициатива продвижения на север, носившего промышленный характер, принадлежала новгородским боярам капиталистам» (А. А. Савич, ук. соч., стр. 24).

⁶⁸ Как это ни странно, но и в недавней работе Р. Б. Мюллер (ук. соч.), в целом правильно рисуемой отношения между крупными землевладельцами и крестьянами как феодальные, на стр. 36 читатель неожиданно встречается с боярином-капиталистом («Новгородский, боярин был крупным капиталистом»).

⁶⁹ Описание Вытегорского погоста — дефектное.

⁷⁰ См. выше, стр. 54.

⁷¹ ПК Об. п., стр. 5.

Большинство деревень платили старый доход хлебом (исполу) и белками,, изредка к этому добавлялся баран или овчина (по-сельскому). Часть деревень хлебного оброка не платила, заменяя его белками («доходу 60 белок за все про все», «доходу за все про все — 40 белок»). С некоторых деревень «старого дохода» не шло. Писец обычно в пояснении прибавляет: «Сидела во льготе». Причина льготы, однако, самим писцом не указана и далеко не всегда поддается выяснению (см. табл. 6).

Таблица 6

Деревни в Федоровской боярщине, с которых не шло «старого дохода»

Деревни	Дворы	Посев (в ко- робьях)	Покос (в копнах)	Обжн
На Кошкину острову	1 (Васка Никифоров с детьми).	3	15	2
	2 (1. Гридка да Александр да Якимка. 2. Тараска).		15	1Чз
	1 (Микулка Скоморох с сыном).		5	Чз
На Кефтене губе . . .	1 (Фалалейка с сыном).	1	5	
	1 (Гридка Юхнов).	1	5	
	1 (Гавриил Фадеев).	1	5	V*
	1 (Андрей Юркин с сыном).	1	5	1
	1 (Васко Матфеев, староста и его дети).	5	30	2V*

Большинство из сидевших на льготе хозяйств (все, кроме первого и последнего) — маломощные, с небольшим высевом и покосом.⁷² Особенно выделяется как маломощный двор Микулки Скомороха, о котором не указано, что он сидит на льготе. Не следует ли искать объяснения в прозвище хозяина, указывающем на его занятие, освобождающее от уплаты «дохода»? В последнем случае причина льготы ясна. Она связана не с слабой мощностью хозяйства, а с тем, что это был барский двор, в котором жил староста (деревня у писца названа: «Дер. Большой Двор Федоровской Остафьева»⁷³). Таким образом, здесь совершенно явственно выступают следы собственного барского хозяйства.

Примерно такой же характер носило хозяйство и других боярщинок Шунгского погоста. «Старый доход» всегда шел хлебом и белками,, в одной волостке, кроме того, и деньгами.⁷⁴ Хлеб взимался в подавляющем большинстве случаев «издольный». По подсчетам И. Л. Перельман,, в Шунгском погосте «издольный хлеб» (чаще всего полове) шел с 81.5% обж. (из общего числа 157 обж. с 129).⁷⁵ Во всех волостках, кроме одной, обнаруживаются, как и в Глуховской, следы большого двора (в Берденевской — дер. Большой Двор Михаловский; в Федоровской — дер. Большой Двор Лукинской; в Бабкинской — дер. у Большого Двора на Подоле).

⁷² Обычно в волости высев — 2 кор. (нередко даже выше), покос — 10—20 коп,

⁷³ Там же.

⁷⁴ С Берденевской волости: «Со 11 обож полове ис хлеба, а с 4 обож треть ис хлеба, с обжи четверть ис хлеба, да с тех же обож 102 белки» (ПК Об. п., стр. 7) с Федоровской волости: «Из 9 обож полове — из хлеба да 42 белки, а с обжи оброку 20 бел., а с обжи оброком лисица» (там же); с Тимофеевской волости: «Ис хлеба четверть да 4 гривны и 3 денги, да 48 бел. да баран» (там же, стр. 8); с Бабкинской волости: «С 7 обож полове и хлеба, 42 белки, а з дву обож оброк 24 белки» (там же⁹ стр. 7⁵).

И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. Исторические записки, т. 26, 1948, стр. 140—141.

Собственное барское хозяйство всего яснее выступает в Федоровской боярщине («деревни Лукинские Федоровские»). В писцовой книге назван старый ключник Лукинский (Михейка Пыхач), живущий в большом дворе. Вместо обычного оброка он «доходу давал лисицу».⁷⁶ Привлекают к себе внимание и названия некоторых лукинских деревень: «Дер. на Холопьеи стороне у Большого Двора» (их четыре) и дер. на Холопьеи стороне в конце наволока. Упоминания о Холопьеи стороне позволяют выдвинуть предположения, что часть боярщины (у Большого Двора) была заселена боярскими холопами.

Прочие, погосты Северного Прионежья (Шуйской, Кижской, Толвуйской, Челможской) известны нам только по писцовым книгам 1563 г., в которых сохранилось мало следов «старого письма» и не указано нигде «старого дохода». Кроме имен новгородских бояр и примерных размеров боярщин, из них можно выяснить очень немногое. Кое-где сохранились следы боярских дворов в названии селений Большого Двора (особенно в Шуйском⁷⁷ и Кижском⁷⁸ погостах). Да в одном месте в боярщине Луки Федорова в Кижском погосте упомянут запустевший двор коровника («За полем на Дудникове наволоке был коровницкий двор, и тое двор пуст»).

На основе этих данных можно с большой долей вероятности утверждать, что собственно боярское хозяйство в Северном Прионежье имело в каждой боярщине. Конечно, посеы боярские были незначительны (если и были), но обильные покосы давали возможность держать молочный скот, и вряд ли только у одного Луки Федорова был коровницкий двор. Важнейшей статьей собственного боярского хозяйства было рыболовство. И писцовые книги 1496 г. и более поздние книги пестрят упоминаниями о многочисленных тонях. В Шунгском погосте их было сравнительно немного.⁸⁰ «И всего в Никольском погосте в Шунге у царя великого князя крестьян неводов 8 да 4 сета кердеги да на речках 2 кола, а ловят неводы рыбу репуксу малую, а сетми кердегами ловят в осенинах рыбу палью, а в колах ловах и весни шуки и иную малую рыбу; а неводы у них по девяносту сажен, а сеть кердега по 100 сажен».⁸¹ В других северных прионежских погостах рыболовные угодья были значительнее. Так, в Кижском погосте у одних царских крестьян указано 52 тони. «И по тем всем тоням ловят царевы и великого князя крестьяне Олександровские боярщины Тимофеева 6 неводы да 6 сетки гарвами⁸² да 10 сетям сеговыми, а из Лаврентьевские боярщины Панфельева крестьяне ловят 8 неводы да 3 сетми сеговыми, а из Федоровские боярщины Остафьева сына Глухова крестьяне ловят 5 неводы да из Микитинские боярщины Офонасова сына Грузова ловят 10 неводы да 10 сетми плотичьими, а из Марфинские боярщины Исакова крестьяне ловят 15 неводы, да 6 сетми гарвами, да 10 сетми плотичьими» (всего названо 52 невода, да сетей гарв

⁷⁶ «Дер. Большой Двор Лукинской: дв. Михейко Пыхач, старой ключник да сын Степанко, сеют ржи 3 коробы, а сена косят пол-30 пожен, пол-2 обжи, а доход давал лисицу» (ПК Об. п., стр. 7).

⁷⁷ Там же, стр. 114 (дв. Луки Федорова), стр. 115 (дв. Микиты Грузова), стр. 117 (дв. Кузьмы Вангина), стр. 118 (дв. Лавр. Селифонтьева).

⁷⁸ Там же, стр. 126 (дв. Феда Глухова), стр. 126 и 127 (дв. Лаврентия Селифонта), стр. 138 (дв. Якова Тютюхина), стр. 131 (дв. Александра Тимофеева), стр. 133 (дв. Марфы Исаковой).

⁷⁹ Там же, стр. 131.

⁸⁰ В письме Юрия Сабурова они не описаны, так как тони тогда не подлежали¹ обложению.

⁸¹ ПК Об. п., стр. 155.

⁸² Крупноячейные ставные сети.

Глава II

29, да сировых 13, да плотичьих 41 сеть), «а неводы ловят рыбу репуску малую, а сетми гарвами в осенинах ловят красную рыбу лосося и таймени и палы, а сировыми сетми ловят сизи, а частыми сетми ловят плотицы, а неводы у них по 90 сажень, а сети гарвы по 40 сажень, а плотичьи сети частые по 15 сажень, а иные по 20».⁸³

Для проверки наших наблюдений над боярским хозяйством в Северном Прионежье, обратимся к другим прионежским погостам. В Южном Прионежье были расположены три погоста: на верховьях Свири — Оштинский, к востоку от него — Мегорский и еще далее к востоку — Вытегорский. Земли этих погостов были сосредоточены главным образом в руках одной боярской семьи (Марфы Исаковой).⁸⁴ С општинских земель ее доход был определен в 3094 белки да деньгами 2 руб. 10 гр. 10 ден., 117² кор. ржи да 21 кор. овса.⁸⁵ И с Вытегорской волости Марфышло 1309 белок да за рыбную ловлю «два сорока» белки.⁸⁶

В промежуточном Мегорском погосте, по которому не сохранились данные письма Ю. Сабурова, находилась также крупнейшая Марфинская волость («Мегра Великая»). Доход с нее («новый» — «старый» не указан) определен в 93 руб. и 25 алтын с денгою.⁸⁷ У помещиков, сидящих на некоторых владениях Марфы в Мегорском погосте, кроме денежного дохода, упоминается о лососях и хлебе. Ни в Оште, ни в Вытегре, ни в Мегре писцовые книги не сохранили никаких указаний на существование там боярского хозяйства.

Менее крупные боярщины Южного Прионежья могут быть охарактеризованы данными табл. 7.

Таблица 7

Боярщины Вытегорского погоста⁸⁸

Владельцы	Число деревень	Число дворов	Доход
	I		
Захар Морозов		11	гр. и 10 ден., 121 белка, 6 кор. ржи с четвертью, 7 ^x /2 кор. овса, 1V2 барана, V- $\frac{1}{2}$ полти мяса, 15 сыров, 3 ставца масла.
Иван Офонасов Патракеев	14	17	гр. и 9 ден., 128 белок, 6 кор. ржи, 9V4 кор. овса, полть мяса, баран, 13 сыров, чаша масла.
Зедор Морозов		12	гр. без полуденги, 83 ¹ /? белки, 7 ³ /4 кор. ржи, 15V2 кор. овса, 3 полти мяса, баран, 11 сыров, ставец масла.
Григорий Нагаткин .		12	гр. 3 ¹ /% ден., 122 белки, 7 ³ /4 кор. ржи, 17 ³ /4 кор. овса, 4Уг полти мяса, 2 барана, 20 сыров, чаша масла.
Борис Зубарев			гр., 34 белки, 11 ² /2 кор. ржи, 3 кор. овса.

⁸³ ПК Об. п., стр. 135. См. аналогичные обстоятельные описания по Шуйскому погосту (там же, стр. 123, 124), по Челможскому погосту (там же, стр. 166).

⁸⁴ См. выше, стр. 54—56.

⁸⁵ ПК Об. п., стр. 36.

⁸⁶ Там же, стр. 11 (что речь идет о Марфинской волости доказывается сопоставлением дефектного описания 1496 г. с полностью сохранившимся описанием 1563 г.).

⁸⁷ Там же, стр. 216—217.

⁸⁸ Там же, стр. 11—16.

Все боярщины, как видно из табл. 7, были очень близки по составу дохода владельцев. От огромных боярщин Марфы Исаковой они отличны тем, что в них наряду с оброком деньгами, пушниной и хлебом сохранился «мелкий доход» («сырами да ставцами масла»). В остальном они близки к Марфинским волостям. Южного Прионежья и в двух существенных отношениях отличны от рассмотренных выше Шунгских боярщин: 1) в них нет упоминания о больших дворах и 2) хлебный оброк установлен «поспом», а не «издольный», как это имело место в Шуньге.

По восточным прионежским погостам (Андомскому, Шальскому, Пудожскому и Водлозерскому) «старого письма» не сохранилось и о доходах новгородских бояр нет сведений. Но здесь несколько больше сохранилось следов от больших боярских дворов, чем в Южном Прионежье. Так, в Андомском погосте, где были владения семи бояр, в шести боярщинах по писцовой книге 1563 г. сохранились селения «Большой Двор» (см. табл. 8).

Таблица 8

Большие дворы в Андомском погосте⁸⁹

Владельцы	Число деревень	Число дворов	Большие дворы
	93	173	«Дер. на Валуксе словет Большой Двор». «Дер. Большой , Двор Оксиньинской».
Игнат Филипов да Яков	17	39	«Дер. Большой Двор Яковлевской». «Дер. Большой Двор Игнатьевской».
Иван Офонасов Патрикеев.	29	38	«Дер. на Тудо-Озере Большой Двор у часовни».
Григорий Нагаткин	39	55	«Дер. Большой Двор Григорьевской».
Федор Морозов	16	28	«Дер. Федоровская. Большой Двор»,
Борис Зубарев	12	15	Возможно — дер. Филистово («в той деревне двор большой», где живет новый владелец, помещик Богдан Неклюдов).
Захар Морозов	29	41	«Дер. у погоста Большой Двор».

Надо полагать, что в восточных прионежских погостах собственное боярское хозяйство (вероятнее всего, рыболовное) было сильнее развито, чем в южных. Отличаясь степенью развития собственного боярского хозяйства, все прионежские боярщины все же строились в основном на оброчной эксплуатации крестьян.

Хозяйство монастырей в Прионежье, во многом близкое к боярскому, опережало его в части развития собственного монастырского хозяйства (это общая черта, присущая монастырской вотчине повсеместно). Даже новгородские монастыри не ограничивались в своих владениях в Прионежье сбором оброков, Большие дворы в монастырских владениях встречались и в тех погостах, где их вовсе не было в боярщинах. Так, в Оштинском погосте во владениях Хутынского монастыря в письме 1496 г. ука-

⁸⁹ Там же, стр. 188, 189, 192—195, 197, 198.

зана деревня на Рыбежне Большой Двор.⁹⁰ Оброк монастырь брал деньгами и хлебом, а не белками, как IV соседней огромной боярщине Марфы Исаковой. В то время как Марфа Исакова получала в Оште с 247 дв. всего 1172 кор. ржи и 21 кор. овса, Хутынский монастырь со своей небольшой Оштинской вотчины (в 19 дв.) собирал 14³Д кор. ржи. Большой удельный вес денег и хлеба в составе крестьянского оброка можно обнаружить и по Вытегорскому погосту. Со своих вытегорских деревень (всего 13 дв.)⁹¹ Хутынский монастырь получал дохода 127г гр. и 10 кор. ржи и овса,⁹² в то время как в соседних боярщинах на первом месте, как и у Борецких, стояли белки.⁹²

В большой вотчине Вяжицкого монастыря в Толвуге,⁹³ включавшей 146 дер. с 236 дв., также ясно выступают следы собственного монастырского хозяйства. В писцовой книге 1563 г. не только имеется упоминание о большом дворе, но и о пашне монастырской («Дер. Большой Двор: дв. старец Вежитцкой Серапион, пашни у того двора нет, а преж того рашня была»)⁹⁴. В оброке крестьян назван хлеб и деньги. Оброки денежные монастырь собирал и со значительного торгового населения в Повенце («... с амбаров соляных и салниц торговых людей»). В 1563 г. в Повенце было салниц и амбаров 62. Сколько их было в конце XV в., сказать трудно, но, что торговые люди в Толвуге уже были во время письма Юрия Сабурова, об этом имеются дважды прямые указания в писцовой книге 1563 г. Описывая повенецкие амбары и салницы, писец 1563 г. указал: «А в писцовых книгах Юрья Константиновича Сабурова были неписьменные и оброк царю и великому князю был не полаген, а им а ли оброк и игумен с⁹⁵ братью Вяжитцкого монастыря с амбару и с салницы по алтыну». Существовало торговое население в Толвуге и в другом месте, также указанное в письме Ю. Сабурова: «В Толвуге над погостом в губе на монастырской земли по Юрьеву письму Костянтиновича Сабурова было 18 дворов торговых людей; и тех дворишков лет с тридцать нет;⁹⁶ сказали крестьяне — пусты не пашут их и не косят».

Таким образом, в хозяйстве новгородских прионежских монастырей можно отметить все три формы феодальной ренты: денежный и хлебный оброк сочетался с доходами от собственного монастырского хозяйства.

Еще более выражено собственное монастырское хозяйство во владениях местных прионежских монастырей. Об его характере можно судить по Палеостровскому монастырю. (К сожалению, и в этом случае приходится пользоваться только данными позднего письма 1563 г.). В книге 1563 г. есть указание и на пашню монастырскую.⁹⁷ Фразу писца о том, что «пашни под монастырем не было», конечно, не нужно толковать, как указание на отсутствие у монастыря пашни; речь идет только о том, что возле монастыря не было пашенной земли. (Немногими строками ниже есть прямое упоминание о «новых пашнях монастырских на острове»). Но своего хлеба палеостровцам не всегда хватало. В меновой грамоте Вяжицкого

⁹⁰ Там же, стр. 37.

⁹¹ Там же, стр. 17.

⁹² См. выше, стр. 68.

⁹³ Где монастырь, как сказано выше, захватил почти всю территорию погоста.

⁹⁴ ПК Об. п., стр. 143. В описании одной из деревень имеется упоминание также о коровницком дворе («Дер. на Толвуге на бору, а ныне в той деревне учини двор монастырской коровницкой, пашут на монастырь» — там же). Однако использовать эти указания для характеристики хозяйства новгородской поры было бы неосторожно.

⁹⁵ Там же, стр. 145.

⁹⁶ Там же, стр. 147.

⁹⁷ Там же.

монастыря с Палеостровским 1466 г. палеостровским игумену и монахам взамен их двух вкладов (в Спасо-Нередицкий монастырь и в Спасский монастырь в Старой Русе) предоставлено было взять «в Толвои хлеб у ключника у вежиского: десять коробей ржи, пять коробей жита, пять-янадцать коробей овса». Двукратное упоминание о коровницком дворе позволяет думать о значительном развитии скотоводства. Что оно было развито не только в XVI в., но и в XV в., подтверждается следующим указанием на толвуйские покосы монастыря, приобретенные в новгородские времена: «Да в Толвуйском погосте под погостом на Косухе сена косят 8 коп. по данной Ермолки Водникова».

Важнейшей статьей собственного хозяйства монастыря была рыбная ловля. Она велась и в непосредственном окружении монастыря и в Челможском погосте «по данной грамоте бывшего игумена Футьня монастыря Варлама», а также по «данной грамоте старых бояр Семена Ермолина да брата его Василия Офонасьева» (На этом участке «ловят неводом одним и сетями в осень лососи, и пальи, и сиги»). Кроме того, у Палеостровского монастыря имелись рыболовные угодья на Выгу в Золотице и среди них два участка в тоне, где «ловят семги во все лето по данной грамоте старых новгородских бояр Кондратии Денисова». Последнее указание еще раз подчеркивает, что отмечаемые черты монастырского хозяйства восходят еще к временам новгородских бояр. Таким образом, захваченные новгородскими феодалами в XIV в. и главным образом в XV в. земли Прионежья давали им значительный доход деньгами, пушниной, ценной рыбой (отчасти и хлебом).

Прионежские вотчины для новгородских бояр были ценны не только сами по себе, «о и как опорные пункты по пути в Поморье и в Двинскую землю. Поморье представляло еще большую ценность в глазах новгородских феодалов, чем Прионежье. Не случайно за поморские угодья развернулась такая напряженная борьба между Лопью, пятью карельскими родами и новгородскими светскими и духовными феодалами.

О богатствах Поморья можно составить себе представление по описанию Выгозерского погоста (1563 г.) и по северным грамотам. Для занятия земледелием погост был мало удобен. Посевы были небольшие, редко доходили до коробьи на двор, а порою спускались до четвертки. Рожь постепенно вытеснялась ячменем. Так, на Нюхче в дер. Пуминовской в 4 дв. «сеют в поле 3 коробьи ячменя да пол коробьи ржи», в соседней деревне на Нюхче в 3 дв. «сеют в поле ячменя 2 коробьи»; однодворная деревня на Нюхче же «сеет в поле пол-коробьи ячменя». Писец 1563 г. отметил много пустых дворов и заброшенных после письма Ю. Сабурова участков. «Ис тех обож, — записал он, — пусто 12 обож без четверти от голоду и от зябли и от мору; и дворы на тех деревнях згнили, а крестьяне вымерли, а иные разошлись к Белозерщину и Каргополе, а поля и пожни лесом поростли в бревно». Стало быть, запустели эти деревни давно, несколько десятков лет тому назад, т. е. если не в новгородские, то в близкие к ним

⁹⁸ Грамоты В. Н. и П., № 311. Показательно, что такая небольшая сделка (на 30 кор. зерна) оформляется документом с печатью. Указанные вклады Палеостровского монастыря (там же, №№ 308 и 309).

⁹⁹ ПК Об. п., стр. 154. Ермолка Водников, очевидно, тот самый Ермола Максимов Водников, о котором речь идет в названной выше купчей Вяжицкого монастыря, относящейся к 1465—1466 г.

¹⁰⁰ Там же, стр. 154.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, стр. 158.

¹⁰³ Там же, стр. 157. Перечень деревень, запустевших после письма Юрия Сабурова.

времена. Зато покосы здесь были богатые. В вышеназванных трех деревушках на Нюхче — в перзой на 4 дв. покоса было 150 коп. («...сена косят пол-200 кон.»), во второй в 3 дв. сена косили 100 коп., в третьей однодворной — 30 коп. Иногда размер покоса был еще значительнее. Так, в дер. Пунежме у моря на наволоке (в 5 дв.) «сеют в поле ячмени 5 четверток, сена косят 400 коп.»¹⁰⁴ Следовательно, на 1 дв. в ней приходилось посева четвертушка ячменя, а покоса 80 коп.

Но гораздо более важным богатством погоста были изобиловавшие ценной рыбой реки: «Да на Нюхче же забор рыбной, а в нем ловят с осени семгу и сига».¹⁰⁵ Такого типа записи нередки в писцовой книге. По письму Юрия Сабурова записаны были следующие крестьянские угодья на Выгу: «...тоня еемежная на пороже на Золотце... и в той царя и великого князя участком Марфинские боярщины 16, а Федоровские Глухова 7 участков, а Лукинские Федорова — 2, а Михайловских Берденева пол-2 участка, да Мосеевых детей Бабкина пол-2 участка, а Вяжитцкому монастырю 6 участков, а пустынки Пречистой Палαιοетрова 2 участка, а Соловецкому монастырю 18 участков. Да на усть Выта реки на Сороке у моря кол рыбной, сетми ловят нюхчане.»¹⁰⁶ В середине XVI в. у этих езов и колов сидели уже старцы Соловецкого монастыря («Ез на реке на Сороке, а у езу сидит старец Тимофей, ловит рыбу на монастырь»; «А у колу сидит у ловли старец Нафанайло»)¹⁰⁷ В новгородские времена здесь сидели, очевидно, приказчики Марфы Борецкой, Федора Глухова, Михаила Берденева, Луки Федорова и других «великих бояр». Об участках для рыбной ловли очень часто говорят и северные грамоты. Важным источником дохода была и охота на морского зверя, дававшая ворвань, а также ценный рыбий зуб, заменявший на севере слоновую кость.

Наконец, чрезвычайно большое значение в Выгозерском погосте имело солеварение. Писцовая книга 1563 г. называет значительное число варниц, внесенных еще в письмо Юрия Сабурова (на Нюхче — 22 варницы, на Суме — 25 варниц, на Колежме — 9). И собственные боярские солеварни и оброки с крестьянских солеварен были важным источником дохода великих новгородских бояр, так же, как позднее они обогащали Соловецкий монастырь, завладевший поморскими боярскими вотчинами.

Близки к Выгозерскому погосту по естественным богатствам были низовья Онеги, Северной Двины и побережье Белого моря, от Северной Двины до Мезени. Пушнина, соль, рыба, морской зверь, жемчуг, креветы были важнейшими товарами, которые вывозились отсюда. Особенно большое значение имел соболиный торг. Соболя добывались и в самом Заволочье, но неизмеримо большее количество дорогого соболя шло с востока, из Югры и из-за Каменного пояса. Кроме соболя, отсюда шли и другие ценные меха: чернобурые лисицы, куницы, выдры, бобры. Богатства севера — пушнина, соль, ворвань, ценная рыба, креветы, рыбий зуб — шли на юг, частью через Устюг в Поволжье, в огромной же доле — в Новгород. Важнейшими дорогами из Новгорода на север были три:

- 1) от Онего-озера на север через Повенец к рекам Выгу, Суме и Нюхче;
- 2) от Онего-озера на восток по р. Водле, ее притоку Черевой, озерам к рр. Кене и Онеге ниже Каргополя, а оттуда или на север к морю, или Емпой к Северной Двине;

¹⁰⁴ Там же, стр. 159.

¹⁰⁵ Там же, стр. 165.

¹⁰⁶ Там же, стр. 165.

¹⁰⁷ Там же.

3) по Вытегре к оз. Лаче и от него к Каргополю.¹⁰⁸

Торговля по этим путям в значительной мере находилась под «контролем» новгородских бояр и монастырей, многочисленные вотчины которых были расположены на этих путях. Не нужно, конечно, думать, что торговое движение по этим путям ограничивалось одними боярскими да монастырскими грузами. Ходили по ним и торговые люди, и ходили издавна. Летопись упоминает об обонежских купцах с XIII в. (1283 г.).¹⁰⁹ Но после захвата боярами и монастырями заонежских земель феодалы стали хозяевами торговых путей на север.

Обонежская торговля являлась важным источником дохода для феодалов. В писцовой книге 1563 г. сохранилась очень интересная запись, характеризующая положение дел на водлозерском пути: «Да в Водлозерском же погосте на Настасьинской¹¹⁰ земле на Мышьих Черевах Волочек Кемской, а через этот **Волочек** торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугородцкие земли водяным путем в судах, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих Черевах через тот Волочек товар волочат, а найму емлют з беремьяни по денги. И на тот Волочек писец Юрьи Костянтинович положил оброку 4 гривны, а тот Волочек ныне пуст, а гости тою дорогою ныне не ездят, — ездят новою дорогою».¹¹¹ Последние слова позволяют отнести запись о торговых людях на Кенском волоке к концу XV в., а с некоторыми поправками — к временам боярыни Настасьи. Письмо Юрия Сабурова сохранило сообщение и о Вытегорском волоке: «Да в Вытегорском же погосте великого князя волок Гостин немецкой, а возят хрестьяне вытегрене изо всех боярщин да и монастырские изо всего погоста на том волоце и иной товар, а опричь вытегрен на том волоце не вести никому».¹¹² Кто из новгородских бояр держал в своих руках Вытегорский волок, писцовая книга не называет, но мы вряд ли ошибемся, если свяжем с этим волоком имя Марфы Исаковой, владелицы крупнейшей вытегорской боярщины.

Что касается пути из Повенца к Суме, по которому шли товары из Поморья, то здесь возможно с полной определенностью назвать тех феодалов, кто держал в своих руках начало и конец этого пути. В Повенце многочисленные амбары и салницы были расположены на землях Никольского Вяжицкого монастыря. Правда, перечень салниц и амбаров составлен только в середине XVI в. («... в писцовых книгах Юрья Костянтиновича Сабурова были неприомыные»)¹¹³ и было бы неосторожно данные этого письма полностью отнести к XV в. Вряд ли в XV в. в Повенце был столь крупный складочный пункт, и вряд ли в нем действовали записанные в «лучшие люди», не только новгородцы, но и местные вяжецкие, толвуйские, шунгские, шуйские (с моря), олонецкие крестьяне, да помещики из Шунги или крупный делец земец Василий Тяполков; вряд ли, наконец, в XV в. здесь был «анбар из тифенского погоста Мелеха Мелецова середнего человека», по что здесь и в XV в. были амбары и приезжие дома Вяжицкого и Палеостровского монастырей, в этом можно не сомневаться.

¹⁰⁸ С. Ф. Платонов. Прошлое русского севера, стр. 14—15. См. также карту «Исторические пути колонизации Севера» в сборнике: Очерки по истории колонизации Севера, вып. I, 1922.

¹⁰⁹ Н I Л, стр. 325.

¹¹⁰ Настасья — вдова Ивана Григорьева, «великая боярыня».

¹¹¹ ПК Об. п., стр. 177.

¹¹² Там же, стр. 17.

¹¹³ Там же, стр. 145, > • , , .

А что Вяжицкий монастырь брал с повенецких амбаров и салниц оброк, об этом уже сказано выше («А имали оброк игумен с братьею Вяжытцкого монастыря с анбару и с салницы по алтыну»)¹¹⁴.

На другом конце пути, в Суме, где в XVI в. утвердился Соловецкий монастырь, во времена новгородской независимости хозяйничала Марфа Борецкая.

Можно назвать еще значительное число торговых поселений, кроме указанных. Они возникали на торговых путях и превращались в центры обмена для местного населения. Писец 1563 г. неоднократно отмечает участие местных людей в торговле: «На погосте на Шуе анбары, а в них торгуют приезжие новгородцы и тутошныи жыльцы всяким мягким товаром»;¹¹⁵ «Да на погосте (Шальском) стоят анбарцы на Водле молодых людей и торгуют рыбою и мелкими товарами царя и великого князя крестьяне»;¹¹⁶ «Да прибыло на погосте же Вытегорском лавок, а в них торгуют того же погоста крестьяне всяким мягким товаром».¹¹⁷ В XVI в. среди торгующих крестьян писец называет не только «молодых», но и «средних» и даже «лучших» людей, владеющих большими амбарами, порою выезжающих далеко за пределы своего погоста (в Повенце, как сказано выше, есть амбары и кижских, и шуйских, и шунгских крестьян). Ростки крестьянской торговли, конечно, нужно искать уже в XV в. Если бы вытегорские крестьяне не продавали «мягкий товар» на посаде, новгородские бояре не могли бы брать с них оброк деньгами.

Объектом феодальной эксплуатации в новых владениях новгородских бояр и монастырей, таким образом, были не только земледельцы, звероловы и рыболовы (будь то новгородские смерды, заволоцкая чюдь или «дикая Лопь»), но и торговые люди (как из местных крестьян, так и новгородские купцы).

*

Быстро поднимавшееся в результате притока народных сил из великорусского центра и новгородских земель хозяйство севера стало с XIV—XV вв. важнейшим источником обогащения новгородских феодалов. После крушения дерзких планов ушкуйничества XIV в. на Волге и Каме именно сюда устремилось внимание новгородской боярской верхушки, нашедшей в северных солеварнях и пушной торговле более верные и постоянные источники дохода, чем в разгроме Костромы и Жукотина и ограблении «бесерменских» гостей на Волге.

Новгородская боярская «колониальная» политика вступила в свой последний этап, характеризуемый чрезвычайно бурным ростом вотчин за счет новых северо-восточных земель. Новые вотчины превосходили не только своей необъятной территорией, но даже по числу дворов старые владения новгородских «великих бояр».

Так, у Борецкой одни владения в Прионежье превосходили по числу дворов все ее вотчины в центре Новгородской земли. А к ним нужно добавить обширные земли в Поморье и Двинской земле. «Владения Борецких на Двине и в Поморье и Своеземцевых на Ваге были поистине необозримы», — писала еще Ефименко.¹¹⁸

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, стр. 113.

¹¹⁶ Там же, стр. 168.

¹¹⁷ Там же, стр. 202.

¹¹⁸ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. М., 1884, стр. 194.

Приток новых богатств с севера усилил мощь новгородского боярства, но он неизбежно вел к возникновению новых противоречий как внутренних— социальных, так и внешних — политических. Против новгородского боярства развертывало борьбу население захваченных ими областей, против него выступал исконный соперник Господина Великого Новгорода на севере — феодалы Волжско-Окского междуречья, объединяющиеся под руководством Москвы. Союз социальных врагов и политических соперников новгородского боярства, ясно наметившийся уже в конце XIV в., привел в XV в. к крушению новгородской колониальной державы.

**ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И ФЕОДАЛЬНАЯ
РЕНТА В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В XV в.**

I

Изменения в хозяйственной жизни Новгородской земли в XIV—XV вв. не сводились к освоению северных просторов, т. е. к росту вширь территории, на которой развертывало свою хозяйственную деятельность население Новгородской земли. Существенные сдвиги наметились и в хозяйстве старых, давно освоенных новгородцами областей. Эти сдвиги в хозяйственной жизни Новгородской земли в XIV—XV вв. привели к столь значительным изменениям даже в поверхностных слоях новгородской экономики (т. е. в товарно-денежном обращении), что не могли не быть замеченными уже первыми серьезными исследователями хозяйственного развития Новгорода.

А. И. Никитский¹ в своей работе, напечатанной более полувека назад склонялся к выделению XIV—XV веков как особой ступени в развитии хозяйства Новгорода, существенно отличной от предыдущих ступеней. Труд А. И. Никитского имел три раздела: 1) «Зачатки Новгородской экономической жизни (IX—XII вв.)»; 2) «Экономический быт Великого Новгорода в XIII веке»; 3) «Торжество Московского порядка (XIV—XV вв.)».

А. С. Лаппо-Данилевский в весьма обстоятельном отзыве² на «Историю экономического быта Великого Новгорода», попрекнув А. И. Никитского за то, что он только «указал», а не «установил» периоды, все же в основном принял предложенную им периодизацию и попытался уточнить особенности, характеризующие эти периоды. В частности, он соглашался выделить XIV и XV века как особый период.

Но ни А. И. Никитский в своем труде, ни А. С. Лаппо-Данилевский не сумели вскрыть сущности тех социально-экономических процессов, которые отличали последний век истории развития Новгородской республики от более ранних ступеней развития. Они ограничились лишь описанием поверхностных экономических явлений, устремив свои взоры главным образом на сферу обращения.

¹ Никитский. История экон. быта.

² А. С. Лаппо-Данилевский. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области XV в. ЖМНП, 1895, № 12; отдельный оттиск. СПб., 1895. (Дальше цитируется по оттиску).

Остановимся сначала на взглядах А. И. Никитского. Для него сущность изменений в экономике Новгорода XIV—XV вв. сводилась к появлению «зачатков денежного хозяйства» (так он (И назвал первую главу третьего раздела исследования). «С начала XV столетия, — пишет он, — в новгородской жизни обнаруживаются меры, свидетельствующие о стремлении ее организовать на новом денежном начале». Объяснение же самого возникновения зачатков денежного хозяйства А. И. Никитский искал в развитии внешней торговли с немецкими городами. «Причины такого поворота (к денежному началу), — говорит он, — совершенно понятны: умножение сношений северо-запада России с немецкими городами, расширение торговых оборотов требовали введения в жизнь более или менее совершенного орудия мены». Естественно, что внимание исследователя в этом разделе было приковано главным образом к двум вопросам: монетной реформе начала XV в. и торговле с Западом. В переходе от натурального хозяйства к денежному автор находил объяснение всем крупнейшим социально-экономическим изменениям, которые характеризовали этот период. «По-видимому, ему (т. е. переходу от натурального хозяйства к денежному, — В. Б.), — указывает Никитский, — должно быть приписано прежде всего окончательное сосредоточие в руках немногих новгородской поземельной собственности». Этим же Никитский объясняет изменение крестьянских повинностей (переход от «издоля» к хлебному оброку «послом», появление денежного оброка). «Собственной областью отношений землевладельцев к земледельцам, — говорит он, — в которой сказывалось влияние перехода от натурального к денежному хозяйству, была сфера крестьянских повинностей». Поверхностность, порою наивность суждений Никитского о важных социально-экономических явлениях можно видеть, например, в объяснении причин слабой распространенности денежного оброка. Все дело сводилось, по его мнению, к тому, что «денег в Великом Новгороде было еще слишком мало и они сосредоточивались преимущественно в руках горожан».

Таким образом, объяснение перехода к новой форме земельной ренты у Никитского сведено к количеству денег, а сам рост количества денег связан с ростом ганзейской торговли. Торговля с немецкими городами выступает, в конечном счете, как первопричина всех изменений в экономике Новгородской земли. Отрицание самостоятельности экономического развития Восточной Европы, — вот что лежит в основе экономической концепции Никитского.

Лаппо-Данилевский в указанной рецензии попытался не только подвергнуть критике беспомощные суждения Никитского по теоретическим вопросам экономики, но и дать свое, более глубокое истолкование огромному фактическому материалу, собранному Никитским. Характерные черты третьего периода в развитии новгородского хозяйства Лаппо-Данилевский видел прежде всего в том, что «с этого времени все большее и большее значение получает крупная поземельная собственность, денежные капиталы и внешняя торговля». Далее, раскрывая особенности третьего

³ Никитский. История экон. быта, стр. 182.

⁴ Там же, стр. 191.

⁵ Там же, стр. 195.

⁶ Там же, стр. 196.

⁷ Так, он с полным основанием отмечает ошибочность понимания Никитским натурального хозяйства, сущность которого Никитский видел в непосредственной мене товара на товар («в распределении продуктов на основании непосредственной мены»).

⁸ А. С. Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 12.

периода, по сравнению с предыдущими, Лаппо-Данилевский отметил многие существенные явления, характерные для XIV—XV вв.: вырождение колонизации в ушкуйничество; «разделение занятий» и «появление обработанных продуктов на рынке»; «развитие кредита» и «вредную систему монополий»; «отлив торговли из Новгорода в лифляндские торговые центры»; «усиливающуюся неравномерность в распределении», которая, естественно, вела «к антагонизму общественных классов»; наконец, «непроизводительный характер потребления». Эти изменения в новгородской экономике, по мнению Лаппо-Данилевского, подготовили падение значения Новгорода как торгового пункта и утрату им политической самостоятельности. «Внутренние беспорядки (в Новгороде, — В. Б.) все растут, а внешние политические условия становятся все менее благоприятными. Сравнительно независимый в первые два периода своего существования, Новгород в этот последний период принужден считаться не только с Орденом,⁹ но и с Литвою, с тверскими и главным образом с московскими князьями».¹⁰

Эти мысли Лаппо-Данилевского выгодно отличаются от соображений Никитского как по своей глубине, так и широте, и являются в русской исторической литературе досоветского периода, пожалуй, наиболее продуманной попыткой осмыслить социально-экономическое развитие Новгорода. Но и эта попытка свидетельствует о беспомощности домарксовской социологии разобраться в действительных основах исторического процесса. Исторический синтез у Лаппо-Данилевского ограничивается простой аккумуляцией социально-экономических признаков (без выделения процессов, имевших решающее значение в развитии общества. Важнейшие процессы, которые развертывались внутри новгородского феодального хозяйства, не привлекли к себе внимания Лаппо-Данилевского, они так же остались неосмысленными или затерявшимися в груде разнородного материала, как и в исследовании Никитского. К ним обоим можно отнести известные слова В. И. Ленина о домарксовской историографии даже в ее лучших созданиях. «Домарксовская „социология“, — писал Ленин, — и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса».¹¹

Поэтому, широко используя и большой материал, накопленный Никитским — усерднейшим исследователем новгородской истории, и серьезные замечания об отдельных сторонах социально-экономического развития Новгорода, сделанные Лаппо-Данилевским, мы для выяснения глубоких основ экономического развития Новгорода в XIV—XV вв. избираем иной путь.

* *
*

Основным источником для изучения новгородской экономики XV в. являются неоднократно использованные, но далеко еще не исчерпанные исследователями новгородские писцовые книги. Они содержат богатый материал по экономике Новгородской земли и обилием сведений превосходят другие источники (летописи, актовый материал). В связи с этим напрашивается, однако, вопрос — могут ли писцовые книги конца XV в. дать материал, характеризующий не только итоги экономического развития

⁹ Там же, стр. 13—14.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. И. Ленин. Карл Маркс. Сочинения, т. 21, изд. 4-е, стр. 40.

Новгорода, но и те сдвиги, какие происходили в хозяйстве Новгородской земли в XIV—XV в в. Писцовые книги по характеру имеющегося в них материала дают описание состояния хозяйства, а не его эволюции. Только в том случае, когда исследователь имеет возможность сопоставить ряд последовательных описаний (например, описания 1500 и 1539 гг. по Вотской пятине, 1496 и 1563 гг.—по Обонежской, 1498—1501 гг., и 1539—1552 гг.—по Шелонской), представляется полная возможность путем сопоставления данных писцовых книг убедительным языком фактов и цифр охарактеризовать процессы социально-экономического развития той или иной области, даже той или иной феодальной вотчины, поместья или селения.¹² Для поры новгородской независимости мы не располагаем такого рода материалом. Писцовые книги сохранили нам только один «срез» новгородских социально-экономических отношений, относящийся ко времени крушения новгородской самостоятельности. Возможность сопоставления ряда последовательных описаний новгородского хозяйства, таким образом, отпадает.

И все же, даже при наличии одного только «среза» исследователь может подметить в писцовых книгах различные экономические пласты, так как писцовые книги дают материал, охватывающий очень большое число хозяйств, и притом на значительной территории. Экономический уровень развития различных районов Новгородской земли во второй половине XV в. был далеко не одинаков. Поэтому основы старого экономического строя и ростки нового выступали в различных соотношениях в разных частях Новгородской земли. Тем самым открывается возможность плодотворного сопоставления экономически отсталых и передовых районов и выяснения таким путем действия новых экономических тенденций в различных условиях. Задачи нашего исследования не требуют сплошного изучения всех данных «старого письма», сохранившихся в новгородских писцовых книгах. Они могут быть разрешены с достаточной убедительностью путем выборочного изучения некоторых типичных районов.¹³

II

Рассмотрение вопроса о производственных отношениях в деревне начнем с экономически отсталого района — с группы 4-х смежных южных погостов Обонежской пятины,¹⁴ по которым сохранились данные переписи 1496 г.¹⁵ Эти погосты, расположенные на границе Обонежской и Бежецкой пятин по верховьям Паши и Сяси, лежали вдалеке от крупных центров Новгородской земли и в стороне от главных торговых путей. Волок между верховьями Сяси и Мологи, которому своим названием был обязан один из этих четырех погостов («Никольский Готслав волок»), не принадлежал к числу важнейших волоков между бассейном северных озер и верхней Волгой. Земли этих погостов искони входили в состав новгородских владений.

Природные условия южных погостов Обонежья — обычные для озерного края: лес, озера, реки, болота. Междуречные пространства в значи-

¹² Блестящие примеры такого рода работы над материалами новгородских писцовых книг можно найти в исследованиях Б. Д. Грекова.

¹³ При выборе районов для изучения, конечно, приходилось считаться и с состоянием источников: выделялись те погосты, по которым сохранились более или менее полно данные, относящиеся к новгородской поре.

¹⁴ Пелушского, Койвушского, Озерского, Хотславльского.

¹⁵ ПК Об. п., стр. 17—29, 48—56. По Озерскому погосту сохранилась только часть «письма», обрывающаяся на полуслове.

тельной своей части покрыты верховыми болотами, иногда охватывающими сотни квадратных километров. В Тихвинском уезде, в состав которого входила территория названных погостов, по данным статистики начала XX в., 70.7% поверхности земли было покрыто сухими лесами, 20% занимали болота (из них 7.5% лес по болоту) и только 9.2% составляли культурные угодья. В XV в. лесные массивы, конечно, были еще более значительны.

Земледелие все же издавна было здесь основным занятием населения. Кроме ржи и овса, сравнительно широкое распространение получила культура льна, изредка здесь встречались посевы пшеницы. Однако размеры посевов обычно были невелики: в большинстве случаев они не превышали коробки ржи на двор (лесную пашню, «подсеку», писец не учитывал). Размеры покосов обычно колебались в пределах от 5 до 10 коп. на двор (см. табл. 9).

I ' - | m \

Таблица 9

Размеры посевов в южных погостах Обонежской пятины

Погосты	Число дворов с посевами						Средний посев на 1 дв. (в коробьях)
	менее 1 кор.	%	1—IV, кор.	%	свыше 1/г кор.	%	
	81	64	42	33	3	3	0.84
Койвушский	53	36	83	57	10	7	1.05
	25	28	50	57	13	15	1.18
Хотславльский . . .	16	16	54	52	33	32	1.57

Несколько увеличиваясь по мере продвижения к югу (погосты в табл. 9 расположены в направлении с севера на юг), посевы даже в Хотславльском погосте далеко не достигали размеров, обычных для погостов с развитым земледелием (3—5 кор. на двор). Во всех 4 погостах был только один двор с посевом 5 кор. и два двора с посевами в 4 кор. Дворов же с посевом меньше 1 кор. была значительная группа. Например, в Пелушском погосте они составляли 64% общего числа дворов. Немало дворов было и с посевом в 2 кор. Если в Хотславльском погосте их было 7%, то в Озерском—11%, в Койвушском—15%, а в Пелушском погосте—23% к общему числу дворов. Во всех погостах встречались даже дворы с посевом в четверть коробки. Преобладающим типом поселений в погосте были деревни да починки (ни одного села или сельца). Деревни были, как правило, однодворные (см. табл. 10).

Каждая деревушка (двор) представляла собой как бы островок в море леса. Порой возникал новый островок, «выдранный» из леса, порой лес брал верх над полем. Иногда в писцовой книге мелькают записи такого типа: «Да тое же бояршины 2 деревни пусты и заросли». ¹⁷ Некоторые деревни, например в Койвушском погосте, запустели до «первых писцов». ¹⁸

Экономический пейзаж этого района можно с полным основанием характеризовать словами С. Б. Веселовского о деревенских районах северо-восточной Руси. «С высоты птичьего, — писал он, — или аэропланного по-

¹⁶ При подсчете не включены новые деревни, поставленные после «старого письма». Число дворов в деревнях и посев по «новому письму».

¹⁷ Там же, стр. 28.

¹⁸ Там же, стр. 51—52.

Таблица 10

Число деревень и дворов в южных погостах Обонежья по „старому письму“

Погосты	Число деревень	Число дворов	На 1 деревню число дворов
	109	115	1.06
	107	111	1.06
	62	77	1.24
	81	97	1.20
	359	400	1.14

леса местность, заселенная множеством деревень, должна была иметь вид леопардовой шкуры, на которой фоном был лес, а участки, разделанные под пашню и покосы, были пятнами различной величины и неправильной формы.¹⁹ Все описанные в погостах земли были собственностью бояр, преимущественно «великих». Обычно волости и назывались по имени боярина (см. табл. 11).

Таблица 11

Землевладельцы южных погостов Обонежской пятинны

Владельцы	Погосты	Волости	Число деревень	Число дворов
Кузьма Феофилактов	Пелушский.	Пелуши.	90	96
	Озерский.	Кузьминская.	27	32
Иван Рашепа Варварин	Койвушский.	Бог гановская.	107	111
	Хотславльский.	Варваринская.	81	97
Монастырские ²⁰	Пелушский.	—	19	19
	Озерский.	—	35	45
Итого	—	—	359	400

Приведенный описок (табл. 11) землевладельцев возглавляется двумя весьма известными новгородскими боярами, имена которых неоднократно встречаются на страницах летописи.

Во всех боярщинах (вотчинах), кроме Есиповской, имеются указания на большие дворы: «Дер. в Пелушах Большой Двор; двор старосты Офрем, дети его Сенка да Якушко сеют ржи пол-3 коробьи, сена косят 30 копен; пол-2 обжи, а старого доходу не было, жил сам Кузьма»;²¹ «Дер. в Чечюле Большой Двор; дв. староста Сенка, дети его Терешко да Иванко, сеют ржи пол-3 коробьи, сена косят 50 копен; 2 обжи без трети; а доходу с тое деревни не были; жили сами бояре».²² Как видно по этим

¹⁹ С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. Изв. ГАИМК, вып. 139, Л., 1936, стр. 27—28.

²⁰ Часть из них в общем владении с земцем Максимом Гавриловым.

²¹ ПК Об. п., стр. 25.

²² Там же, стр. 28; см. также стр. 17 («Большой Двор Рашепы») и стр. 54 («Большой Двор Феофилактова»).

записям, сами владельцы проживали в этих вотчинах. В Есиповской боярщине нет прямого указания о наличии большого двора, но с косвенным указанием на него можно считать запись: «Дер. на Белом у погоста; дв. Богдановский человек Олексейка да Онанка Дмитров, сеют ржи 5 коробей, сена косят 50 копен».²³ Очевидно, первый из названных хозяев двора — бывший холоп Богдана Есипова.

Судя по описаниям больших дворов, заметно выделяющихся по размерам и посевам и покосов, во всех боярщинах было собственное барское хозяйство. Но оно не было сколько-нибудь значительным. «Старый доход» бояр, бесспорно, состоял, в основном, из оброка. Состав оброка позволяет определить характер крестьянских повинностей. Рассмотрим сводные данные о «старом доходе» (табл. 12).

Таблица 12

«Старый доход» в боярщинах южных погостов Обонежской пятины

Владельцы	Погосты	Деньги	Пушнина	Хлеб	«Мелкий доход»
Кузьма Феофилактов.	Пелушский.	31/2 руб. 11 ден.	30 белок.	15 кор. ржи.	54 лопатки бараньи, 11 пятков и 4 горсти льна.
То же.	Озерский.	1 руб. 1 гр. 10 ден.	—	12 ³ / ₄ кор. ржи, 5 ¹ / ₄ кор. овса.	—
Богдан Есипов	Койвушский.	9 РУб. 21/2 гр.	—	60 кор. ржи.	175 горстей льна, 22 сыров.
Иван Рашепа Варварин.	Хотславльский.	6 руб. без 5 ден.	—	39 кор. ржи, 29 ¹ / ₄ кор. овса, 4 ¹ / ₂ кор. пшеницы.	10 баранов, 30 мер масла, 28 горстей льна.
Перфурьевы.	Пелушский.	15 гр. без 2 ден.	—	—	1 ¹ / ₂ кор. хмеля.
Всего		20 руб. 11 гр. 11 ден. (т. е. 4485 ден.).	30 белок.	126 ³ / ₄ кор. ржи, 34 ¹ / ₂ кор. овса, 4 ¹ / ₂ кор. пшеницы.	207 горстей льна и проч.

Таким образом, в среднем с одного двора²⁴ дохода шло 13 ден., ³/_в кор. зерна и ²/_з горсти льна. (Размеры подворного обложения, как об этом будет сказано дальше, имеют значительные колебания). Из приведенных данных можно сделать два очень важных вывода.

1) В натуральном оброке главным был хлебный оброк. «Мелкий доход» занимал небольшое место. Размер хлебного оброка был точно фиксирован в коробьях («посопный хлеб»). «Издолье» нигде не встречается.

2) Большое место в «доходе» занял денежный оброк. Он был более значителен, чем хлебный. Если перевести хлебный оброк на деньги,²⁵ то получаем 1403 ден., т. е. сумму, в три с лишним раза меньшую, чем денежный оброк. В одной боярщине оброк был полностью переведен на деньги. И в других боярщинах имелось немало дворов, которые платили оброк деньгами. Так, в боярщинах Кузьмы Феофилактова из 123 дв. 40 были

Там же, стр. 5.

«Мелкий доход», кроме льна, отбрасываем.

По обычным ценам, т. е. коробья ржи — 10 ден., овса — 5 ден., пшеницы — 1 гр.

уже переведены на чисто денежный оброк (по Пелушской боярщине из 96 дв. 23, по Озерской — из 27 дв. 17). Дворов, которые платили только натурой, были считанные единицы. В Варварине, в Озерской боярщине Феофилактова их нет ни одного; в Пелушской боярщине Кузьмы Феофилактова — 3.²⁶ Таким образом, преобладающей формой ренты во всех четырех погостах являлась денежная.

Широкое развитие денежной ренты, естественно, вызывает вопрос о характере и путях связи крестьянского хозяйства с рынком. К. Маркс указывал, что «превращение ренты продуктами в денежную» (в отличие от чисто продуктивной ренты), предполагает, что часть продукта земледельца «должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар». Поэтому изменяется характер всего способа производства: «Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом».

Какой же товар выносили на рынок крестьяне указанных погостов? Прямого ответа на этот вопрос писцовая книга не дает, но в ней можно найти некоторые косвенные указания, которые позволяют дать если и не вполне обоснованный, то более или менее вероятный ответ на поставленный вопрос. В описании Пелушской боярщины Кузьмы Феофилактова есть три двора, как сказано выше, которые не платили денежного оброка. Зато эти дворы (и только они!) платили оброк белками («Дер. на Шидро-Озерке дв. Оядрейко инкудинов да Филипко Нефедов, сеют ржи пол-2 коробы, сена коопт 11 копен; обжа, старого дохода — доходу 10 бел. да пол-2 четки ржи»).²⁸ В этих дворах можно видеть пережиток старой формы обложения, когда оброк брался главным образом пушшиной — наиболее «товарным» из продуктов крестьянского хозяйства. Позднее пушнина была заменена деньгами для подавляющего большинства дворов. В трех дворах была сохранена форма обложения, которая действовала до «коммутации».

Очень любопытен в этом отношении следующий пример, о котором сообщает писец: «Дер. в Чагине: дв. Нестерко Онтропов, сеют ржи четку, сена косят 6 копен; а старого доходу денга или заец». В данном случае, в отличие от приведенных выше дворов, речь идет о хозяйстве с очень малым посевом и с очень малым оброком. Но сама форма записи об оброке типична для времени перехода от натурального (в данном случае продукта охоты) к денежному оброку. Эти указания писцовой книги позволяют выдвинуть предположение, что из продуктов крестьянского хозяйства на рынок поступала пушнина.

Кто же выступал в роли скупщика пушнины: приезжие купцы или местные торгующие крестьяне? Такой вопрос мы можем только поставить. Писцовые книги не дают никаких материалов хотя бы для предположительного ответа на этот вопрос. Выдвинутое предположение о том, что пушнина была единственным товаром, поступавшим от крестьянина на рынок, подтверждается и тем обстоятельством, что ни в одном из четырех погостов нельзя найти никаких беспашенных хозяйств, т. е. никаких возможных потребителей продуктов сельского хозяйства. На все четыре погоста ремесленников названо: один кузнец да один гончар.²⁹ А ближайший город был на очень далеком расстоянии от погостов. Таким образом, широкое

²⁶ По Есиповской боярщине писец не указал «старый доход» по отдельным деревням ²⁷ дворам, а ограничился только общим итогом.

²⁷ К. Маркс. Капитал, т. III. 1950, стр. 810.

²⁸ ПК Об. п., стр. 23. Таковы же и два других двора (посев также IV2 кор. ржи, а покос в одном 20, в другом даже 22 коп.).

²⁹ Там же, стр. 21.

.распространение денежного оброка в этих погостах отнюдь не означало наличия общественного разделения труда между земледелием и ремеслом. Процесс выделения города в этих районах никак еще не намечился.

*

Чрезвычайно поучительно сопоставить выводы, к которым привели наблюдения над четырьмя южными погостами Обонежья, с Веницким погостом Обонежской пятины, описание которого, сделанное в 1496 г., также сохранилось. Веницкий погост был расположен примерно в 100 км к северу от Пелушского погоста, по верхней Ояти и ее притокам — Шокше, Сандаде и Тукше. Это еще более глухой район, чем южные погосты Обонежья.³⁰ Его природные условия были еще менее благоприятны для земледелия, чем в южных погостах Обонежья. Небольшие участки распаханной земли были расположены главным образом на пологих склонах холмов, они пересекались узкими ложбинами с небольшими озерами и болотами. В этой лесной глуши вплоть до XX в. сохранились остатки старой веси (вепсы), отрезанной от общения со славянским миром труднопроходимыми болотами и лесами.

В XV в. население в этих местах размещалось в маленьких однодверных деревушках. В 205 дер. погоста было всего 214 дв., т. е. на одну деревню в среднем приходилось 1.04 дв. Вся земля в Веницком погосте, как и в других погостах Обонежья, была сосредоточена в руках «великих бояр» (см. табл. 13).

Таблица 13

Землевладельцы Веницкого погоста

Владельцы	Болости	Число деревень	Число дворов
Иван Берденев	Чикосурье.	36	38
Михаил Берденев . . .	Михайловская.	33	33
Иван Яжышинский . . .	Ивановская.	27	29
	Каргиницы.	21	22
	Дер. Федоровские.	16	18
Антониев монастырь . .	—	72	74
		205	214

Большие дворы отмечены не во всех боярщинах. Их нет в Чикосурье, ни в Каргиницах, ни во владениях Глухова. Вряд ли это можно объяснить случайностью. Вероятно, сам боярин был здесь очень редким гостем. Но основное отличие боярщин Веницкого погоста от южных погостов Обонежья состоит не в этом. Оно заключается в составе боярского дохода. Из приведенных данных в табл. 14 видно, что на один двор обложение в среднем составляло («мелкий доход» отбрасываем) 5 ден., 3 белки,

³⁰ Никак не можем согласиться с И. Л. Перельман, которая определяет близость того или иного погоста к Новгороду расстоянием от Новгорода по прямой линии (см.: И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. Исторические записки, т. 26, 1948, стр. 131). Погост был расположен в стороне от главных дорог и путь к нему от Новгорода лежал не по прямой, а через Ладожское озеро по р. Ояти.

несколько больше 7в кор. ржи. Сопоставляя эти данные со сводными по южным погостам Обонежья, можно сделать вывод, что и там и здесь весьма большое место занимает денежный оброк, хлеб брался «ПОСЛОМ», а «мелкий доход» был незначителен (см. табл. 14).

Таблица 14

«Старый доход» в боярщинах Веницкого погоста

Владельцы	Деньги	Пушнина	Хлеб	«Мелкий доход»
Иван Берденев . . .	1 руб. 8 гр. 11/4 ден.			
Михаил Берденев . .	2 гр.	240 белок	17 кор. ржи.	25 баранов.
Иван Яжышинский .	2 гр. 2 ден.	207 „	1У ² кор. ржи.	
Иван Овинов		165 „	н у 2 кор. ржи.	
Федор Глухов ³¹ . .				
Антониев монастырь	2 руб. 14 гр. 11 ден.			20 мер масла.
Всего . . .	4 руб. 11 гр. 81/4 ден. (т. е. 1026 ^{3/4} Ден.).	612 белок.	33 кор. ржи.	25 баранов и 20 мер масла.

Но в то же время между Веницким и южным погостами имеются заметные отличия.

Во-первых, по сравнению с Южным Прионежьем в Веницком погосте удельный вес хлебного оброка меньший, что объясняется главным образом слабым развитием земледелия. Высев в Веницах в среднем был ниже 1 кор. ржи на двор. Он колебался по боярщинам от 0.71 кор. на двор в Михайловской волости до 0.93 кор. в Каргиницах.³² 60% Дв. погоста высевали меньше 1 кор. и только 25% — свыше 1 кор.

Во-вторых, значительное место в оброке занимают продукты охоты (белка). Можно полагать, что если процесс замены пушнины деньгами в южных погостах почти уже завершился, то в Веницком он только еще начался и шел в различных боярщинах разным темпом. В одних боярщинах (Чикосурье) был уже чисто денежный доход, в других же белки сочетались с деньгами, в третьих (Каргиницы) денежного оброка не было вовсе. Чем это объяснить? Может быть, тем, что крупнейший магнат Овинов предпочитал сам реализовать пушнину на новгородском рынке, или тем, что каргиницким крестьянам некуда было сбывать меха. Вернее первое, ибо сразу же после конфискации боярских вотчин, по «старому письму», в Каргиницах «старый доход» перевели в денежный. То же самое произошло и в Михайловской боярщине Берденева.³³

Но совершенно бесспорно одно, >что и в Веницком погосте доход с крестьян во второй половине XV в. поступал или деньгами, или «самым товарным» из продуктов крестьянского хозяйства — пушшиной, легко обращаемой в деньги. Пушнина сбывалась, вероятно, у погоста, где был

³¹ Во время «старого письма» боярщина была за Колмовским монастырем; боярский доход не указан.

³² И. Л. Перельман, ук. соч., стр. 152.

³³ «А за тот старый доход давали оброку 2 рубля без полу 3 гривны» (ПК Об. п., стр. 38); «И за тот старый доход давали оброку 3 рубли» (там же, стр. 40).

Торжок, о чем напоминает название одной из деревень в Глуховской боярщине («Дер. «а Ояти ж у погоста на Торженце»³⁴).

Деньги проникли в крестьянское хозяйство всех пяти погостов Обонежья. Переход от продуктовой ренты к денежной протекал быстро. При этом нигде нельзя обнаружить влияния той причины, которая, по мнению А. И. Никитского, тормозила переход от натурального обложения «денежному (малое количество денег в Новгороде и сосредоточение их в руках горожан). Но крестьяне этих погостов (после анализа материалов Веницкого погоста об этом можно говорить определеннее) были связаны с рынком только своими звероловными промыслами. Их земледелие не было товарным. Земледелец здесь еще не стал товаропроизводителем. «Товаропроизводителем», или, точнее сказать, «товародобытчиком», являлся зверолов. Следовательно, хозяйство крестьян этих погостов можно охарактеризовать как сочетание патриархального земледелия с домашней промышленностью и с торговым звероловством.

Это дает возможность сделать важный вывод принципиального характера. Спорадическое преобладание денежной (ренты не всегда может рассматриваться как показатель развитой экономической жизни той или иной области. Поэтому и обратный переход от денежного оброка к натуральному не всегда должен трактоваться как показатель экономического регресса. В «новом письме» в конце XV в., в Чикосурье, где «старый доход» был установлен в 1 руб. 8 гр. 1¹/₄ ден., денежный оброк определен в 3 гр. и 11 ден., зато введен оброк хлебом «поспом» 20 кор. ржи, 40 кор. овса. И дальше добавление: «А на который год не взяти оброку хлебного ино за хлеб денгами рубль и 13 гривен и 2 денги»³⁵. Введение значительного хлебного оброка было связано с ростом удельного веса земледелия по сравнению с звероловством. Аналогичные явления могут быть отмечены и в Каргиницах, и в Ивановской волости. Развитие обложения в этих волостях можно видеть из данных табл. 15.

Таблица 15

Доход с волостей Каргиницы и Ивановской

Время	Каргиницы ³⁶	Ивановская ³⁷
По «новому письму»	165 белок и 14V2 кор. ржи. 2 руб. 2V2 гр. 3 гр. 2 ден. и 14 кор. ржи и 28 кор. овса.	207 белок, 2 гр. и 2 ден. и IV2 кор. овса. 2Va Руб. 2 гр. 4 ден. да 20 кор. ржи и 40 кор. овса.

Таким образом, намечается как один из возможных вариантов прогрессивного развития ренты: белка-деньги — «посопный хлеб». Этот небольшой выход за пределы новгородского времени, прослеживающий дальнейшую эволюцию ренты в конце XV в., объясняет тот экономический «парадокс», какой наблюдается в рассмотренных погостах Обонежья: сравнительно низкий уровень экономического развития,

³⁴ Там же, стр. 47.

³⁵ Там же, стр. 42.

³⁶ Там же, стр. 38—39. Там же добавлено: «А на который год не взято оброку хлебного, ино за хлеб денгами рубль и 4 гривны и 8 денег».

³⁷ Там же, стр. 44. Там же добавлено: «А на который год не взяти оброку хлебного, ино за хлеб денгами рубль и 13 гривен и 2 денги».

отсутствие выраженного общественного разделения труда и преобладание денежной формы ренты.

Отсутствие сколько-нибудь заметного общественного разделения труда в рассмотренных погостах Обонежья не исключало все же наличия значительного имущественного различия между дворами. К. Маркс указывал, что крупные различия в хозяйственном положении отдельных производителей³⁸ появляются еще на стадии господства продуктовой ренты. В. И. Ленин, развивая мысль К. Маркса, писал: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения».

В указанных погостах, где четко наметился переход к денежной ренте, различие в хозяйственном положении отдельных производителей ясно выражено в размерах посевов и покосов, а еще яснее — в размерах обложения. Если взять⁴⁰ дворы с чисто денежным оброком, то при средней, примерно в 10 ден., обложение колеблется очень резко. Так, у Феофилактова в Озерах из 16 дв., обложенных только денежным оброком, свыше 10 ден. платили 6 дв., от 5 до 10 ден. — 7 дв., ниже 5 ден. — 3 дв. У Ивана Берденева в Чикосурье из 38 дв. выше 10 ден. платили 14 дв., от 5 до 10 ден. — 10 дв., ниже 5 ден. — 14 дв. Амплитуда колебаний в обложении доходит от 2 гр. до 1Уг ден., т. е. определяется отношением 28: IV2.

Размер обложения обычно был пропорционален размерам посева и покоса и количеству обжы, но встречаются и резкие отклонения от этого принципа. Так, в Чикосурье имелся двор с малым посевом (V2 кор. ржи) и покосом (5 коп.), уплачивавший гривну, в то же время другой двор с большим посевом (3U кор. ржи)⁴¹ и таким же покосом уплачивал всего 5 ден., т. е. почти втрое меньше. Высокое обложение в первом случае, когда ни один из остальных дворов с посевом в 7г кор. ржи не платил больше полугривны, очевидно, объясняется наличием каких-либо других источников дохода у владельцев двора. Все же эти немногие исключения скорее подтверждают, чем опрокидывают, правило о соответствии обложения с размерами посева и покоса и обжыным исчислением. При целой обже размер оброка обычно был не менее гривны. Что касается дворов, обложенных в 2 гр., то у них всегда показан и большой посев и покос. Так, в волостке Антониева монастыря 2 гр. платил староста Минка Оверкеев, имевший посева 3 кор. ржи и покос в 15 коп. и, кроме того, еще пахавший «наездом» запустевшую деревню.⁴² Две же гривны платил староста в Чикосурье, сеявший 3 кор. ржи и имевший покоса 40 коп.⁴³

Не редко в дворах имелись «суседи». Однако это еще не являлось свидетельством зажиточности двора. В том же Чикосурье можно указать на двор Ивашки Исачкова, где хозяин вместе с «суседом» сеяли V2 кор. ржи, покосу же не имели вовсе (т. е. не имели крупного скота) и платили вдвоем

³⁸ См.: К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 808.

³⁹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3, изд. 5-е, стр. 143.

⁴⁰ Так, у Берденева в Чикосурье (Венецкий погост) он составляет 8.6 ден., у Пер-
«фурьевых (Пелуши) — 11 ден., у Феофилактова в Озерах — 8.9 ден. Только у Есипова
(Койвуши) денежное обложение, очевидно, было значительно выше.

⁴¹ «Дер. у погоста ж: дв. Ондрейко Гаврилков, сеет ржи полкоробьи, сена косит
5 копен, треть обжы. а доходу гривна» (ПК Об. п., стр. 41). «Дер. в Чик-озере:
дв. Селифонтик Ивашков, сеет 3 четверти, сена косит 5 копен, пол-обжы, а доходу
5 денег» (там же, стр. 40).

⁴² «Дв. Минка Оверкеев староста да сын его Минка ж, сеют ржи 3 коробьи, сена
косят 15 копен, 2 обжы, а доходу 2 гривны» (там же, стр. 46). «Дер. в Озерах же
дв. Ивашки Исачкова, сеят ржи 3 коробьи, сена косит 5 копен, пол-обжы, а доходу
5 денег» (там же, стр. 40).

⁴³ Там же, стр. 42.

полторы деньги.⁴⁴ Очевидно, в этом случае «сусед» нашел пристанище у бедняка. Все же гораздо чаще «суседи» встречались в больших крестьянских дворах с посевом в IV2 и 2 кор. ржи, а доходом свыше гривны. «Дер. у погоста: дв. Сенка Кузмия, сусед его Петрок сеют ржи 2 коробья, сена косят 15 копен;⁴⁵ $\frac{2}{3}$ обжи; старого дохода гривна и 9 денег, коробья ржи, коробья овса». Следовательно, «сусед» выступает обычно в роли работника, зависимого от зажиточного хозяина (вероятно, его бывшего совладельца).⁴⁶

Итак, в этих чисто деревенских погостах изменения в боярском хозяйстве во второй половине XV в. состояли главным образом в постепенной замене товарной части оброка (пушнины) деньгами. В этом заключалось приспособление боярщин к изменяющимся условиям экономической жизни Новгородской земли. Связь крестьянского хозяйства с рынком ограничивалась сбытом пушнины.

III

Отмеченные нами процессы в экономике деревенских погостов Обонежья отнюдь не могут быть распространены на всю исконную территорию Новгородской земли.

А. И. Никитский, опираясь на материал новгородских писцовых книг, выдвинул смелую теорию о последовательной смене в Новгородской земле двух типов сельских поселений — села и деревни. Согласно его взглядам типом крестьянского поселения новгородского времени было село. Сохраняясь и в московские времена, село перестает быть «не только исключительной, но даже и преобладающей» формой поселения. Так как открытые места, удобные для поселения, были уже заняты, приходилось врубаться в «лесную дичь». Селения, возникшие в «лесной дичи» и получившие название деревень, вытеснили в московское время селения на открытых местах — «села». Деревня является «настоящим типом крестьянских селений московского времени». ⁴⁷Итак, по А. И. Никитскому, в новгородское время преобладали села, в московское же время их сменили деревни.

Приведенный материал по обонежским погостам опрокидывает схему А. И. Никитского. Деревня, как тип крестьянского поселения, не только преобладала, но была исключительной формой поселения в погостах Обонежья уже в новгородское время, и нет никаких намеков на то, чтобы ей предшествовали в Обонежье села. Даже резиденции крупных бояр в этих погостах не именуются селами (деревня «Большой Двор»). Но совершенно бесспорно, что, в отличие от Обонежья с его деревенскими погостами, в других пятинах было немало сельских погостов. (Мы оставляем в стороне вопрос о процессе возникновения сел на территории погоста, так как ⁴⁸это относится к гораздо более ранним временам новгородской истории).

⁴⁴ Там же, стр. 41—42.

⁴⁵ Там же, стр. 18¹—21.

⁴⁶ В вопросе о «суседах» в XV в. можно согласиться с С. А. Таракановой-Белкиной, которая трактует «суседей», как «бывших совладельцев, постепенно утративших свои равные права и попавших в зависимое положение к одному из сочленов двора» (Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 71).

⁴⁷ Никитский. История экон. быта, стр. 200—201.

⁴⁸ Вопрос о типах сельского поселения, конечно, связан не только с природными условиями, но и с исторически развивающимися формами землевладения: с процессом выделения из общины крестьянского двора, с одной стороны, с возникновением феодального землевладения, — с другой. Там, где отдельный двор обособился раньше, чем

Чем отличалось хозяйство сельских погостов от деревенских? Какие намечаются в них экономические сдвиги в XV в.? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо подвергнуть анализу хозяйство нескольких сельских погостов, по которым сохранилось «старое письмо».

Наиболее типичным сельским районом в Новгородской земле была западная часть Вотской пятины (уезды Копорский и Ямской). Для примера возьмем один из погостов этого района—Врудский. Врудский погост, получивший имя от р. Вруды, истоки которой расположены в этом погосте, характеризуется ясно выраженным развитием земледелия и скотоводства. По природным условиям это место представляет собой равнину с хорошими слабоподзолистыми почвами. Болот здесь мало, ибо подпочвенные силурийские известняки легко пропускают избыточную влагу. Леса чередуются большими «опольями». Благоприятные природные условия облегчали развитие земледелия и скотоводства во Врудском погосте. Посевы в погосте на двор обычно достигали 4 кор. ржи. Земледельческие культуры отличались большим разнообразием. Кроме ржи и овса, часто встречались ячмень и пшеница, иногда хмель, заметное распространение приобрело разведение льна и конопли. О значительных успехах скотоводства говорят большие покосы, достигавшие нередко 30 коп. на двор; об этом же свидетельствует наличие в доходе владельцев полтей мяса, баранов, лопаток бараньих, масла и сыра, овчин и даже свиных окороков.

Достаточно провести на выдержку описание «нового дохода» нескольких помещиков Врудского погоста, чтобы стало ясно хозяйственное лицо погоста, столь отличное от рассмотренных выше обонежских погостов. Так, князь Дмитрий Ушатый, что сидел в с. Вруде на погосте (дворов 29, обож 40), «нового доходу емлет денгами 2 рубля, 43 барана, 43 полти мяса, 43 бочки пива, 43 пятки лну, 43 возы сена, 43 сыры, 43 куров, а хлеба поспом 20⁵⁰ коробей ржи, 43 коробьи овса, 30 коробей ячменя, 5 коробей пшеницы». Помещик Сенька Рогоза Оболнянинов со своих 9 дв. в с. Летошицы, кроме денег (18 гр. и 6 ден.) брал: «11 баранов, 9 полоть мяса, четверо куров, 15 лопаток бараньих, 23 сыры, 5 пятков и 3 горсти лну, 11 овчин, а из хлеба с дву обож четверть, а с 9 обож хлеба поспом 21 коробья ржи, 30 коробей овса, 11 коробей ячменя, коробья пшеницы, 2 коробьи и 3⁵¹ четверти солоду, 1Уг коробьи хмелю, 3 четвертки семени конопляного». В этом длинном перечне разнообразных продуктов земле-

феодал завладел землей, господствующим типом селений стали деревни. Очевидно, так и было в обонежских погостах. В советской историографии вопрос о типах сельских поселений стал предметом специального исследования Н. Н. Воронина «К истории сельского поселения феодальной Руси» (Изв. ГАИМК, вып. 138, 1935), во многом спорного. Некоторые из положений работы Н. Н. Воронина подвергнуты критике в статье Б. А. Романова — «Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю» («Проблемы источниковедения», сб. третий, 1940). Значительный материал по вопросу о селе и деревне этого времени собран в цитированной выше работе С. Б. Веселовского.

⁴⁹ Описание большей части селений погоста приведено в томе III новгородских писцовых книг 1495—1505 г., изданных Археографической комиссией (НПК III). Часть селений погоста, вошедшая в состав дворцовых земель, известна из описи 1504—1503 г., опубликованной А. М. Гневушевым (Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—1505 г. Киев, 1908). Описание 1504—1505 г. сохранило меньше данных о «старом письме», чем «письмо» 1500 г. Поэтому дальнейшее изложение опирается, в основном, на «письмо» 1500 г. Только в немногих случаях привлечен материал из описания 1504—1505 г. См. описание погоста в работе Сергея: Черты Церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Вотской пятины 1500 г. СПб., 1905.

⁵⁰ НПК III, стлб. 834.

⁵¹ Там же, стлб. 848.

деля и скотоводства не хватает только одного, часто встречающегося у других владельцев продукта, — пива, но зато фигурирует солод и хмель. Писец, сопоставляя со «старым доходом», добавляет: «...недоимает 1/г бочки пива». Стало быть, новый господин предпочитал, очевидно, в отличие от своих соседей, сам варить пиво. Итак, во Врудском погосте в конце XV в. были развиты земледелие и скотоводство. Кроме земледелия и скотоводства, писцовая книга не сохранила никаких сообщений о занятиях, если не считать одного упоминания в старом оброке о ставках соли.⁵²

В отличие от чисто деревенских обонежских погостов, во Врудском погосте основная часть населения была сосредоточена в селах и сельцах (88% дв.). В деревнях проживало не более 12% населения. Были и большие села. Например, в с. Воиславле был 51 дв., во Вруде — 35 дв., а в сельцах Сеглици, Муравичи, Домашковичи, Смердовичи, Робичичи — более 20 дв. в каждом. В сельце Домашковичи по «старому письму» дворов 26, а обож 30; крестьяне сеют ржи 108 кор., сена косят 380 коп.⁵³ В сельце Подлобицы 18 дв., обож 22, крестьяне сеют ржи 72 кор., а сена косят 300 коп. По размерам своих посевов каждое такое село равнялось почти сотне обонежских деревень (посев Домашковичей по размерам превосходит посев всего Пелушского погоста) (см. табл. 16).

Таблица 16

Села Врудского погоста (по «старому письму»)

Название селений	Число дворов	Число обож	Посев (в коробьях)	Покос в копах
Село Вруда	35	42	160	500
	52	59	180	650
Сельцо Сеглици	29	35	100	100 ³⁴
„ Муравичи	26	26	101	230
„ Домашковичи	26	30	108	380
„ Смердовичи	26	26	80	600
„ Робичичи	23	27	108	30 ^{5*}
„ Княжа Гора	20(?)	24(?)	72	360
„ Подлобицы	18	22	72	300
	16	15	75	100
„ Тресковичи	14	16	56	100
	9	11	44	50
	9(?)	9(?)	40	200
	9(?)	9(?)	40	300
	8	6	27	160
„ Сорощино	8	10	40	250
	7	8	28	210
	335	375	1331	4520

Таким образом, на каждое село (или сельцо) в среднем приходится почти по 20 дв. Во Врудском погосте были и деревни, но они также существенно отличались от обонежских деревень: были неоднодворные и имели

⁵² Там же, стлб. 833.

⁵³ Посев и покосы взяты по «новому письму».

⁵⁴ Так было у писца. Это очевидная описка.

большую устойчивость. Деревни Врудского погоста—это не маленькие клочки пашни, которую с трудом отвоевали от леса и которой лес постоянно грозит ответным наступлением (см. табл. 17).

Таблица 17

Деревни Врудского погоста

Название	Число дворов	Число обзей	Посев (в ко-робьях)	Покос (в копах)
	9	14(?)	58	150
	9	9	28	180
	8	9 1/2	38	160
	8	8	32	240
	5	5	20	80
Хотенковичи	3	4	12	50
	2	3	8	20
	44	52 1/2	196	880

Средний размер деревень превышал 6 дв. Только два селения в погосте имели меньше 5 дв. Большие деревни, вроде Гориц, не уступают по размерам сельцам. Поэтому не удивительно, что терминология писца в наименовании селений сельцами и деревнями не всегда устойчива. Средний размер поселений погоста, по данным писцовой книги 1500 г. (380 дв. на 24 селения), — 15,8 дв. на одно селение. В книгах 1504—1505 гг. названы еще 10 селений Врудского погоста, которые после конфискации боярских владений вошли в состав дворцовых земель: с. Песья Весь (17 дв.), сельца Ухора (25 дв.), Русковичи (16 дв.), Наследицы (12 дв.), Лятца (9 дв.), Ырцевичи (19 дв.), Молосковичи (14 дв.), Поляна (19 дв.), Остроговицы (18 дв.), дер. Красица (8 дв.).⁵⁵ Таким образом, и по данным книги 1504—1505 гг. на одно селение в среднем приходилось 15 дв.

Врудский погост по размерам поселений не является исключением среди окружающих. В соседнем (к западу) Ястребинском погосте имелось 5 сел — Лоп, Яблоничи, Недобылицы, Именица, Городня, с количеством более 20 дв. в каждом. В Каргальском погосте, расположенном к северо-западу у берегов Финского залива, 9 сел имели свыше 20 дв. (Вотский конец, Сойкино, Нежково, Арбала, Кумолово, Удосол, Климятино, Иванково, Слипино). В Суйдовском погосте (к востоку, по верхнему течению р. Суйды) в с. Суйда был 51 дв., в с. Куровичах — 39 дв. В Толдожском погосте Ямского уезда в с. Котел было 60 дв., в с. Пилоле 65 дв., а в Войносе — 71 дв. Таким образом, это был край больших сел со значительными посевами (по несколько десятков коробей) и с большими покосами (по несколько сотен копен) (см. табл. 18).

Все эти крупные села и почти все деревни погоста находились во владении богатых новгородских феодалов. Например, во Врудском погосте крупнейшим владельцем был Юрьевский монастырь, которому принадлежали села Войславль, Вруда, Сеглицы и другие — всего 219 дв. с 248 обз., е. почти $\frac{3}{5}$ общего числа дворов погоста. Среди бояр, владевших зем-

⁵⁵ Кроме этих селений, в описи 1504—1505 гг. названо несколько «вопчих» селений (Аетошницы, Плещевицы, Хотгнковичи), что еще несколько повышает среднее число дворов на одно селение.

Таблица 18
Размеры селений погостов Копорского уезда⁵⁶

Погосты	Число селений	Число дворов	Число дворов на 1 селение
Каргальский	99	754	7.6
	18	189	10.0
	33	301	9.1
	70	270	3.9
	41	317	7.7
	33	219	6.6
	22	133	6.0
	30	177	5.9
	60	468	7.6
	19	244	12.8
	21	312	14.9
	16	130	8.1

лею в погосте, встречаются виднейшие сановники Кузьма Феофилакт, Михаил Берденев. Кроме того, в погосте были большие владения Ивана Офонасова Олферьева (волость Ухора) и Офимьи Горошковой (волость Офимьинская), которые перешли в дворцовые земли и поэтому не описаны в книге 1500 г. Наиболее значительной боярщиной являлась волостка Кузьмы Феофилактова, в ней по «старому письму» было примерно 35—36 дв.⁵⁷ с 40 обж. Остальные боярщины были небольшие (10—20 дв.). Мелкие землевладельцы — своеземцы имели всего 11 дв., т. е. менее 4% общего числа дворов. Трое своеземцев вовсе не имели крестьян, а пахали на себя сами.

Какой же характер имела рента в этом районе развитого земледелия и скотоводства?

Крупнейший землевладелец погоста Юрьев монастырь получал со своих владений 6 руб. деньгами, 145 кор. ржи, 133 Уг кор. овса, 10 кор. ячменя и очень небольшой «мелкий доход» — 12 полтей мяса, 14 возов сена, 3 бочки пива, несколько кур. Приведем для примера обложение по нескольким монастырским селам. Юрьев монастырь с крестьян Вруды (35 дв.) получал деньгами 6 Уг гр., 6 полтей мяса, хлеба «послом», 27 кор. ржи, 31 Уг кор. овса, «осмеро хлебов», 2 ставца соли, 2 бочки пива, 4 сыра, 10 возов сена. Отбрасывая часть «мелкого дохода», получаем среднее обложение со двора 2 Уг ден., почти по 2 кор. зерна (1.7 кор.) по четверти воза сена и по полти мяса с шести дворов.⁵⁸ С сельца Домашковичей (26 дв.) тот же монастырь получал 4 гр., хлеба «послом», 20 кор. ржи, 20 кор. овса, 4 полти мяса, 4 воза сена. Следовательно, обложение двора в среднем составляло 2 Уб ден., 1 Уг кор. зерна, по 1/2 полти мяса и 1/2 воза сена.⁵⁹ Почти одинаковые итоги получаются и при подсчете по другим селам. Денежный доход достигает 5 ден. со двора (Тресковичи), а иногда подымается и до 10 ден. (Робичичи), зато хлеб спускается несколько ниже 1 Уг кор.⁶⁰ Но эти отклонения мало существенны и не вли-

⁵⁶ Использованы данные подсчетов известного исследователя А. М. Гневушева (по «новому письму») (Гневушев. Сельское население, стр. 142).

⁵⁷ Сведения о числе дворов по двум селам Кузьмы Феофилактова по «старому письму» не сохранились.

⁵⁸ НПК III, стлб. 833—834.

⁵⁹ Там же, стлб. 841.

⁶⁰ Там же, стлб. 842.

Таблица 19

«Старый доход» в боярщинах Врудского погоста

Владельцы	Селения	Число дворов	Деньги	Хлеб		«Мелкий доход»
				«из-долье»		
БожИНЫ	Сорошкино.					10 ба ранов, 2 полти мяса.
Олферий Офанасов	Летошицы.					4 барана, 4 полти мяса.
Тот же	Плещевичи,					2V2 барана, 2 ^x /г ^{пол} ти мяса.
Михаил Берденев	Летошицы.					1 баран, 1 сыр, 1 полть мяса, 1 горсть льна.
Тот же			2 ден	4 кор. ржи, 6 кор. овса, 2 кор. ячменя.		1 баран, 1 полть мяса, куря, 4 горсти льна.
Тот же	Размесицы.			2 кор. ржи, 2 кор. овса, V2 кор. ячменя.		1 баран, 1 полть мяса.
Тот же	Воис;		IV2 ден.	3 кор. ржи, 4 кор. овса.		1 баран, 1 полть мяса, куря, IV2 бочки пива, 3 горсти льна.
Микифор Борисов	Вруд			1*/2 кор. ржи, U/2 кор. овса.		1 лопатка баранья, 1 сыр, 1 горсть льна.
Константин Подношкин	Пупково.			8V2 кор. ржи, 10 кор. овса, 1 кор. ячменя.		6 баранов, 6 лопаток бараньих, 6 сыров, 6 горстей льна, 6 овчин.
Григорий Михайлов	Княжа Гора	20				10 баранов, 10 полти мяса, 20 лопаток бараньих, 2 сыров, 4 горсти льна.
То же	Муравичи.			3 кор. ржи, 3 кор. овса, 1 кор. ячменя, U4 кор. пшена.		I баран, 1 полть мяса, 1 сыр, лопатка барана, I горсть льна.
Яков Служов	Рогатино.					11 баранов, 11 лопаток бараньих, II сыров.
Василий Барков	Кочуховичи					II баранов, 11 кур, 11 сыров, 11 горстей льна.
Кузьма Феофилактов	Подлодци.	18		25 кор. ржи, 25 кор. овса, IV2 кор. ячменя, 1 кор. пшена.		10 баранов.

Таблица 19 (продолжение)

Владельцы	Селения	Число дворов	Девьги	Хлеб		«Мелкий доход»
				«из-долье»	«поспом»	
Тот же	Овинцово.	9	—	—	12 ¹ / ₂ кор. ржи, 12 ¹ / ₂ кор. овса, 1 ⁴ / ₄ кор. ячменя, VaKoP' пшена.	—
19 л	Проложки.	9	—	—	12 ¹ / ₂ кор. ржи, 12 ¹ / ₂ кор. овса, 1 ¹ / ₂ кор. ячменя, 1 ¹ / ₄ кор. пшена.	—
Дементий Кошелков	Плешевичи.	5	—	7 ₆	—	5 баранов»
Тот же	Муравичи.	5	—	7*	—	5 баранов, 5 сыров, пяток льна.
Михаил Кузьмин	Горицы.	5	—	4i	—	5 баранов, 5 сыров, 5 лопаток бараньих.
Фома Кошелков да Алексей Наровов	Муравичи.	19	—	3/462	8 кор. ржи, 8 кор. овса, 2 кор. ячменя.	14 баранов, 1 полтъ мяса, 19 лопаток бараньих, 29 сы- ров, 1 бочка ш- ва, 2 пятка 3 гор- сти льна.
Исак Федотьян	Горка.	2	—	1/4	—	—

яют на основные выводы, полученные при анализе «старого дохода» монастыря.

Во владениях Юрьева монастыря основной крестьянской повинностью являлся хлебный оброк, который уплачивался «поспом». Размер хлебного оброка приближался к 2 кор. со двора (а не исчислялся «четвертками» или «полчетвертками» короби, как это имело место в Веницах). Денежный оброк далеко уступал обонежским погостам, где иной двор уплачивал по 2 гр. «Мелкий доход» сохранялся во многих местах.

Несколько иной характер имело обложение в боярщинах. Оно отличалось столь значительной пестротой, что, на первый взгляд, как будто не представляется возможным обобщить материал (см. табл. 19).

Обобщая наблюдения над «старым доходом» во врудских боярщинах, можно выдвинуть следующие общие выводы: 1) основная крестьянская повинность — хлебный оброк (в этом сходство боярщин с монастырщинами); 2) денежной ренты почти не встречается (в этом существенное отличие боярских владений от монастырских).

Во многих боярщинах бросается в глаза существование «издолья» (где четверти, где пятины), в то время как в монастырях брали хлеб «поспом» («поспом» же брали хлеб в 5 обонежских погостах). Это, естественно, выдвигает вопрос о социально-экономическом значении двух форм хлеб-

⁶¹ Пяток — пять горстей.

⁶² С 13 обж.

ного оброка — «издольного» и «посопного». Встает вопрос и о мелком оброке, который местами очень велик, местами мал, а кое-где вовсе отсутствует.⁶³ Чтобы ответить на эти вопросы, придется привлечь материал, выводящий за пределы погоста.

«Издолье» является самой старинной формой натурального (хлебного) оброка в земледельческих районах. «Издолье» имело чрезвычайно широкое распространение в новгородских боярщинах и в XV в. По подсчетам С. А. Таракановой-Белкиной, в крупных новгородских вотчинах «издолье» преобладало над «посопным» обложением (из 7011 обж. 3618, т. е. 51.6%, платили долю урожая). Свои подсчеты она суммирует в таблице (см. табл. 20).⁶⁴

Таблица 20

«Издолье» и «посопный оброк» в крупнейших новгородских вотчинах

Всего обжей	Из них доход шел		Из обжей, платящих долю урожая			
	«посопным хлебом»	долей урожая	половина	треть	четверть	пятая часть
7011	3393	3618	197	282	1871	1299

На монастырских и владычных землях «издолье» встречалось гораздо реже, чем в боярщинах. В боярщинах «издолье» держалось «по старине» даже в ближайших к Новгороду погостах. Оно напоминает о себе исследователю с первых листов писцовых книг. Так, первая же запись о «старом доходе» в новгородских писцовых книгах (по Люболядам)⁶⁵ гласит: «А старого доходу шло с тех деревень Луке: из хлеба треть». Размер «издолье» колебался от половины до пятины. Обычно при четвертном и пятинном обложении, кроме «издольного» хлеба, брали какой-либо другой оброк, при трети же дело, как правило, ограничивалось хлебным оброком. Тягчайшая форма «издолья» — полове — только в редких случаях сопровождалась еще каким-либо сбором.⁶⁶

Эта архаическая форма обложения, по всей вероятности генетически связанная с⁶⁷ трудом посаженных на землю холопов (или других каменных людей), была распространена и на значительную часть крестьян. Еще в новгородские времена в XV в., «издолье» постепенно начинает вы-

⁶³ Из двух «великих» бояр, чьи владения во Врудском погосте вошли в состав Дворцовых земель (Офонасов и Горошкова), первый брал с крестьян «издольный хлеб» (пятину), вторая — «посопом». Денежное обложение и у того и у другой было ничтожно. «Мелкий доход» сохранился в значительных размерах (преимущественно мясом). Следовательно, данные описи 1504—1505 гг. подкрепляют выводы, сделанные на основе переписи 1500 г.

⁶⁴ Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 79.

⁶⁵ НПК IV, стлб. 1 и дальше. Также в НПК III в стлб. 1 (Кречневский погост) восемь раз говорится об «издолье».

⁶⁶ Однако в писцовых книгах отмечены и такого рода случаи: «Старого дохода шло —> денег, а из хлеба полове» (НПК III, стлб. 186 и др.); «А старого дохода шло три бараны, три пятки луу, а из хлеба полове» (там же, стлб. 106).

Вопрос о новгородских полове, выходящий далеко за хронологические рамки нашего исследования, мы оставляем вне рассмотрения. Итоги изучения вопроса подробно изложены в работе Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси» (стр. 422—427). Интересны также соображения С. А. Таракановой-Белкиной по этому вопросу (Боярское монастырское землевладение, стр. 75—76).

тесниться другими формами крестьянского обложения — «посопным хлебом» или деньгами. Обжи «посопные» и «оброчные» (пользуясь терминологией писца)⁶⁸ растут за счет обж. «третних» и «четвертных».

После крушения новгородских порядков этот процесс замены «издоля» получает свое дальнейшее развитие в «новом доходе». В дворцовых волостях «издоля» полностью заменяется «посопным хлебом» (с возможным переводом на деньги). Так, в волости Ухора, где боярин Офонасов брал пятину, при переходе в дворцовые земли вопрос о хлебном оброке был решен следующим образом: «А хлеба посопом 80 кор. ржи, 150 кор. овса, 20 кор. ячмени; а в котором году не имати хлеба хлебом, и за хлеб имати денгами».⁶⁹ В новом доходе помещиков «издоля» также почти исчезает, обложение переводится либо в чисто денежное, либо, вместо «издоля», вводится «посопный хлеб», но чаще всего денежный оброк сочетается с «посопным хлебом» и с возможной заменой хлеба деньгами, согласно принятой обычной формуле: «А в котором году не взяти хлеба хлебом и за хлеб положено денгами». Из той же писцовой книги можно привести ряд примеров, в которых эти процессы выражены ясно и отчетливо и которые могли бы рассматриваться как иллюстрации к схемам.

Доход с деревень Марка Панфильева, в Оредежском погосте (7 дв. 6 обж.):

1. «Старый доход»: «С четырех обож из хлеба четверть, а с дву обож 2 бочки пива, два воза сена, четыре денги, из хлеба пятину».

2. Старый оброк: «И за тот за весь за старый доход давали оброку рубль и десять гривен».

3. «Новое письмо»: «А великого князя оброку положено на те деревни денгами полшеста гривен, а хлеба посопом июлдевяты короби ржи, семнадцать короби овса, четыре короби ячменя. 2 короби пшеницы. А в котором году не взяти хлеба хлебом..».⁷⁰

В другом примере из того же Оредежского погоста с деревень Федора Юрьева «старый доход» исчислен с 4 обж. половины, с 1 обжи — треть хлеба да пяток льна. Затем доход переводят в денежный оброк — 12 гр. Наконец, по «новому письму» положено деньгами 2 гр. с деньгою и хлеба «посопом» — 5 кор. ржи, 10 кор. овса, 4 кор. ячменя и 2 кор. пшеницы, с заменою деньгами, «если не взять хлеб хлебом».⁷¹ Таким образом, в этих двух случаях эволюция основного оброка приближается к следующей схеме:

I. «Издоля».

II. Денежный оброк.

III. Денежный оброк и «посопный хлеб».

Далеко не всегда эволюция оброка проходила через все эти ступени. Но общее движение от «издоля» к «посопному хлебу» или денежному оброку характерно для чисто сельскохозяйственных районов Новгородской земли.

Перейдем теперь к вопросу о «мелком доходе», его эволюции в XV в. Во многих боярщинах уже в новгородские времена «мелкий доход»⁷² заменялся хлебом или деньгами («а за мелкий доход шло гривна»). Замена «мелкого дохода» деньгами становится настолько обычным явлением, что

⁶⁸ НПК III, стлб. 883.

⁶⁹ Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг., стр. 9.

⁷⁰ НПК III, стлб. 883.

⁷¹ Там же, стлб. 84.

⁷² Там же, стлб. 93.

вырабатываются определенные, относительно устойчивые денежные эквиваленты при замене мелкого оброка деньгами. В описи 1504—1505 гг. приведены установленные в дворцовом ведомстве нормы, очевидно, в основном опирающиеся на установившуюся в быту практику.

Нормы для перевода «мелкого дохода» в денежный в дворцовых землях⁷³

Яловица	3 гр.
Полоть	7 ден.
Боров	1/г гр.
Баран	4 ден.
Лопатка баранья	1/2 »
Гусь	2 »
Куря	1 »
Бочка рыбы мелкой	3Уг гр.
Пуд масла	1/2 »
Сыр	1 ден.
100 яиц	3 »
Бочка пива	1 гр.
Пяток льна	5 ден.

Перевод «мелкого дохода» в денежный был отмечен в свое время А. И. Никитским. «В отношении мелкого дохода, — писал он, — нужно еще заметить, что сравнительно с другими видами поборов, он гораздо раньше стал выражаться в денежной форме». Правильно, хотя и не совсем точно (как это видно из вышеизложенного о южных обонезских погостах), отметив факт ранней замены денежным оброком «мелкого дохода», А. И. Никитский дал ошибочное объяснение этому факту. Причину замены «мелкого дохода» денежным он искал в том, что «взимание дробными предметами было весьма неудобно для обеих сторон, и замена их деньгами представляла самый удовлетворительный выход из затруднений». Поверхностное «бытовое» объяснение экономического явления А. И. Никитским, обнаруживающее к тому же характерную для него тенденцию смягчить социальные противоречия (замена удобна «для обеих сторон»), не может быть, конечно, принято современным исследователем.

Эволюция «мелкого дохода» в новгородских вотчинах привлекала к себе внимание и советских исследователей, в частности С. А. Таракановой-Белкиной. Можно вполне согласиться с ее выводами об эволюции «мелкого дохода». «В XV в. и „мелкий доход“, — пишет она, — имеет определенную тенденцию к исчезновению, тем самым все более и более усиливая⁷⁶ доходе феодала удельный вес хлебного оброка и оброка денежного». Отмирание «мелкого дохода» особенно заметно в вотчинах крупных бояр. Поэтому «старый доход» в крупных боярщинах лишен той пестроты, какая присуща ему в малых вотчинах. В некоторых боярщинах «мелкий доход» отмирал вовсе. Так, Иван Овинов с большой вотчины в Ясенском погосте⁷⁷ (78 дв.) получал денег 10 руб. и 6 гр. без 4 ден., а из хлеба пятину. Мелкий оброк сохранялся главным образом в крупных вотчинах, расположенных вблизи Новгорода. При этом в больших вотчинах он обычно становился однородным (где оставались только бараны, где яйца или пиво и т. д.). Естественно, что при новых хозяевах —

⁷³ Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг., стр. 19, 43, 50 и др.

⁷⁴ Никитский. История экон. быта, стр. 60.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 84.

⁷⁷ НПК IV, стлб. 157; см. аналогичные примеры в названной работе С. А. Таракановой-Белкиной (стр. 84).

7 В. Н. Вернадский

помещиках (в начале московского времени) процесс отмирания мелкого оброка не только приостановился, но начался обратный процесс количественного роста его и расширения «ассортимента» статей мелкого оброка в соответствии с потребностями помещичьего двора и в особенности барской кухни. Примеры таких «многоцветных» оброков, которыми пестрит «новое письмо», приведены выше.

Если в свете этих соображений общего характера вернуться к «старому доходу» во Врудском погосте (табл. 16), мы обнаружим в нем те же типичные процессы, только выявленные менее ясно. Преобладание «посопного хлеба» и денежного оброка в монастырях, наличие «посопного хлеба» в доходе ряда боярщин свидетельствуют о том, что «издолье» и здесь сокращалось. «Мелкий доход», пестрый и значительный в небольших боярщинах, вроде владений Подношкиных и Михайловых, становился более однородным у Офонасовых и Берденевых и отмирал у Кузьмы Феофилактова.⁷⁸ Хлеб и деньги — вот что более всего привлекало к себе внимание крупного вотчинника в земледельческих погостах.

Как объяснить, однако, что в «старом доходе» бояр Врудского погоста не было денег? Первое предположение — отсутствие у врудских крестьян связи с рынком — несостоятельно, так как у монастырских крестьян, живших по соседству, были деньги и они облагались денежным оброком. Крестьяне, безусловно, были связаны с рынком. Это доказывается тем, что в «новом доходе» помещиков денежный оброк занимал большое место. Так, Куземка Сарыевский, получивший боярщины Григория Михайлова и Якова Слuzова, в которых вовсе не было денежного оброка, имел возможность собрать со своих 27 дв., кроме натуральных сборов, 2 руб. $\frac{4}{9}$ гр. и 6 ден., т. е. по 17 ден. с каждого двора (свыше 1 гр. со двора).⁷⁹ Ваекж Пущин да Мордвин Муравьев, к которым перешла волостка Кузьмы Феофилактова (где старый хозяин брал только хлеб), по «новому доходу» получали не только хлеб, кур, свиные окорока и прочую снедь, но и «денгами 5 рублей», что составляло в среднем почти 2V2 гр. с каждого из 83 дв. их поместья.

Можно поэтому с полным основанием утверждать, что деньги в этих селах появились раньше новых хозяев. Если же Феофилактов, Берденев и другие бояре не проводили в своих селах замены хлебного оброка денежным, то здесь сказывалось, надо думать, не столько влияние «пошлины», сколько стремление бояр получить в свои руки хлеб, являвшийся в ту пору важным товаром. Именно хлеб (и немногие продукты животноводства) в этих сельских погостах становятся в XV в. главным товарным продуктом крестьянского хозяйства.

IV

В непосредственной близости от чисто земледельческого Врудского погоста, примерно в 50 км на северо-запад, был расположен важный центр новгородской крестьянской железодельной промышленности. Он охватывал преимущественно два погоста — Каргальский и Толдожский, которые по своему хозяйству во многом напоминали Врудский погост. Земледелие и скотоводство достигали в них значительного развития, и население было сосредоточено главным образом в больших селах. В отличие от Врудского погоста, в этих погостах большое значение приобрело (особенно в Каргальском) рыболовство.

⁷⁸ См. приведенную выше табл. 16.

⁷⁹ НПК III, стлб. 840—841.

Но основная особенность Каргальского и Толдожского погостов заключалась в развитии промысла по добыче и обработке железа. Она ясно выступает на первых же листах описания Каргальского погоста. Вот описание большой по размерам волости⁸⁰ (посадника Казимира). В ней по «старому письму» было 13 сел и деревень с 80 дв. (83 обж.). Доход с волости поступал деньгами (ЗУг руб. и 6 ден.) и натурой. Хлебный оброк уплачивался частью «издольно» (с 4 обж.—четверть, с 21 обж.—пяттина), частью «поспом» (80 кор. ржи, 80 кор. овса). Мелкий оброк поступал и продуктами скотоводства (7 баранов, 17 полтей мяса, 5 лопаток бараньих, 2 овчины) и продуктами рыболовства (бочка сигов, 1000 «курвы»); кроме того, 23 бочки пива, 20 пятков и 2 горсти льна и 5 остратков сена. В этом перечне дохода обращает на себя внимание не столько наличие продуктов рыболовства, сколько весьма значительный оброк деньгами — 3¹/_г руб. с 80 дв., т. е. в среднем по 8 ден. со двора. Ряд сел и деревень (20 обж.) платили оброк чисто денежный (сельцо Валгуша, дер. Спирково, дер. Бор на р. Систе). На возникающий вопрос о причинах распространения денежной ренты писцовая книга подсказывает ответ. Переписывая угоды волости, писец вместо обычного перечня богатых рыбой озер указывает⁸¹: «А угоды в той волости 15 домниц, а руду копают на Красных горах».

Упоминание о железодельном промысле имеется и в описании волости боярыни Глазосмцевой.⁸² Вслед за сельцом Подмошьем в нем названы четыре деревни Копаницы на р. Систе, которые своим названием привлекают к себе внимание исследователя. В составе населения деревень упомянуты кузнецы, а в доходе рядом с баранами, лопатками говяжьими и бочками пива фигурируют и крицы⁸³ железа (а в новом доходе, сверх того, «сковорода рукоятная да топор»). В следующей деревне (Мышьи Горы) в одном дворе указаны домники («дв. Михаил Ескин, да Игайло, да Игнат Ескины, домники»). Заслуживает внимание и описание дер. Ходобжи на р. Кернове, где, кроме шести крестьянских дворов, названы четыре непашенных двора кузнецов («А непашенных в той деревне дв. Иевко, кузнец, дв. Ивашко Онаибин, кузнец, сын его Васко, дв. Васко Костков, кузнец, дв. Филипко кузнец»⁸⁴). С кузнецов оброк брался деньгами. Описание волостки писец завершает, как обычно, перечнем угодий, называя вслед за двумя колами на р. Кернове, где ловят лососей и всякую рыбу, домницы («Да в той же волости 9 домниц, а руду копают на 7 домниц на Красных горах, а две домницы руду копают на себя в своей волости в Варьевалде»⁸⁵). Домницы упоминаются не только в двух вышеназванных волостях Каргальского погоста. О них речь идет в большей части волосток.⁸⁶ Таким образом, Каргальский погост был районом крестьянской железодельной промышленности: крестьяне копали руду, плавляли ее в домницах, обрабатывали металл в многочисленных кузницах.

В ряде селений Толдожского погоста (Виликино, Расья, Полустье, Черная, Заозерье, Леонтьево, Валгома) крестьяне также копали руду и имели домницы. А кузнецов в этом погосте было больше, чем в Каргальском погосте (особенно в селах Пилоле и Войноседе). Согласно подсчетам

⁸⁰ Там же, стлб. 497—500.

⁸¹ Там же, стлб. 500—501.

⁸² Там же, стлб. 501—507.

⁸³ Там же, стлб. 502.

⁸⁴ Там же, стлб. 503.

⁸⁵ Там же, стлб. 507.

⁸⁶ Там же, стлб. 511, 516, 520, 526, 528, 529, 536, 540, 542.

В. Н. Кашина, © начале XVI в. в северо-западной части Вотской пятины было свыше 200 дозн.,⁸⁷ из них в Каргальском погосте — 67 дозн., в Толдожском — 62, остальные — в погостах Замостском, Дятелинском и Дудоровском. В Каргальском погосте насчитывалось 14 кузнецов, в Толдожском — 42 кузнеца.

Эти данные относятся уже к московскому времени; двадцатипятилетие, протекшее со времени падения новгородской самостоятельности, несколько изменило в этом крае состояние крестьянской промышленности. Число дворов и количество людей в промышленных селениях погоста, по «новому письму», по сравнению со «старым» значительно возросло. Так, в Каргальском погосте в Глазоемцевской волостке с 67 чел. поднялось до 87, во владениях Гаврилы Белосельского — с 37 до 51 чел.; в Толдожском погосте в волостке Якова Губина — со 175 до 209 чел., а в Овиновской волостке — с 51 до 90 чел. Увеличение рабочего мужского населения, конечно, было связано с ростом промыслов. Но прочная основа для развития промыслов в конце XV в. была заложена уже в новгородские времена. Тогда же наметились и ее центры.

Развитие промысла по добыче и обработке железа не могло не сказаться на всей экономической жизни района. Оно неизбежно вело к развитию товарно-денежных отношений. Крестьяне, занятые в промышленности, нередко сокращали сельскохозяйственное производство. Так, в дер. Кикин Бор Толдожского погоста два двора (Федки да Игнашки Палкиных и Апнея Лемекуева с сыном), имевшие домицу, высевали вместе 3У2 кор. при обычном высеве в 3—4 кор. на один двор. Их хозяйство (два двора) было положено в пол-обжи. «Старый доход»⁸⁸ с них шел только железом — 27г прута железа (т. е. 25 криц железа). Примерно в таком же положении находились и две другие пары дворов в Кикином Бору, с той только разницей, что оброк с них шел деньгами (у этих дворов нет указания на домицу, но последняя пара — Степанков и Киров — уплачивали ключнику 5 криц железа). Сходную с Кикиным Бором картину можно отметить в дер. Черной (табл. 21).

Такое же положение можно отметить в ряде селений Каргальского погоста, например в девяти деревнях под именем Варьевалда. В одной из них на 3 дв. показано посева 8 кор. ржи, а на восемь остальных деревень с 10 дв. назван посев 50 кор. яри (одной яри). Последние 8 деревушек писец положил вместе в 5 обж. (таким образом, каждый двор положен в Уг обж.).⁸⁹ Сокращение посевов наблюдается и в других местах. Например, в с. Слипине на 24 дв. посев показан в 44 кор. ржи (т. е. меньше 2 кор. на двор). Если бы мы имели подворные сведения о размерах посевов, несомненно выявилось бы еще более значительное сокращение посевов у отдельных дворов.

Иногда, хотя и редко, ремесленник совсем порывал с пашней. Выше (стр. 99) было приведено сообщение писца о четырех непашенных кузнецах в дер. Ходобже Каргальского погоста. Непашенные же кузнецы

⁸⁷ В. Н. Кашин. Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 4. В своих подсчетах В. Н. Кашин использовал, кроме писцовой книги 1500 г., названный выше «Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг.» См. также статью С. С. Гадзяцкого «Вотская и Ижорская земля Новгородского государства» (Исторические записки, т. 6, 1940) и неопубликованную диссертацию М. Г. Копачевой «Г. Яма и Ямской уезд на рубеже XV—XVI вв.»

⁸⁸ НПК III, стлб. 909.

⁸⁹ Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг., стр. 17, 29—30, 48.

Таблица 21

Посевы и оброк в деревнях Кикин Бор и Черной Толдожского погоста ⁹⁰

Владельцы дворов	Посев в ко- робьях ржи	Покос в копнах	Обжей	„Старый доход“
Деревня Кикин Бор				
Палкин Ф., _____	6	30	7*	21/г прута железа
Степанков Г. _____	31/2	30	1	2 гр.
			7 ₂	12 ден. и бочка пива.
Деревня Черная				
Давыдов И. _____	2V2	10	4%	25 криц железа.
Онаньин Д., _____	5	20	1V2	75 криц железа.

(Еременко да Илейко Онтушевы) названы в том же погосте в дер. Горка у Копорья («...живут на своей земле, а пашенные земли у них нет»)⁹¹. В с. Удосоли записаны 4 дв. «непашенных людей»,⁹² в с. Пикуевы Горы — один.⁹³ В описании Толдожского погоста также имеются ссылки на непашенных людей, но, к сожалению, не указывается специальность ремесленника.⁹⁴ Впрочем, непашенный ремесленник в этих погостах — явление редкое, гораздо чаще можно встретить малопашенного ремесленника.

Развитие крестьянской железодельной промышленности отразилось и на составе оброка. Очень часто в состав оброка входило железо в крицах и прутах, реже — изделия из железа. Были случаи, когда весь оброк брался железом (пример «железного» оброка по дер. Кикин у Бору и Черной).

В условиях развивающихся товарно-денежных отношений феодал включал в оброк железо, потому что оно было самым товарным продуктом из продуктов труда каргальских и толдожских крестьян (домникэв и кузнецов). Однако оброк чаще брался деньгами. Феодал охотно осваивал себя от заботы о реализации на рынке железа и железных изделий, ибо, в отличие от ценной пушнины, которая вывозилась из страны, изделия каргальских и толдожских кузнецов в основном находили сбыт у крестьян и городских ремесленников. Ключник охотнее брал железом, так как он был теснее связан с местным рынком.⁹⁵ Поэтому в центрах крестьянской железодельной промышленности преобладающим видом оброка уже в новгородские времена стала денежная рента. Иногда денежный оброк становился единственным видом оброка. Так, в с. Климьятине (Богдана Есипова) Каргальского погоста взамен «старого дохода», по которому с 18 дв. взималось 20 кор. ржи, 20 кор. овса, 10 кор. ячменя, 5 баранов, 5 полтей мяса, 5 бочек пива, был установлен денежный доход

⁹⁰ НПК III, стлб. 909, 912, 916, 917.

⁹¹ Там же, стлб. 549.

⁹² Там же, стлб. 537.

⁹³ Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг., стр. 48.

⁹⁴ НПК III, стлб. 908, 909, 915 (дважды), 916, 924, 925 (пастух), 927; Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг., стр. 21 (скоморох).

⁹⁵ Так, в с. Котел, где Василий Казимир брал оброк хлебом и пивом, ключник наряду с другим оброком получал 30 криц железа. Точно так же в двух деревнях Вордеях доход боярину Василию Казимиру шел только деньгами, ключник получал разный «мелкий доход» и прут железа (Отрывок писцовой книги 1504—1505 гг., стр. 21, 22).

(«И за тот доход оброку давали 3 руб. и 9 гривен»)⁹⁶ Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что полная замена натурального оброка денежным объясняется развитием в селе железного промысла («А домницы у них 4, а руду копают в великого князя волости в дворцовой в Подозвание»)⁹⁷. В с. Валговичах Толдожского погоста, где и руду копали и железо плавил, 15 дв. (среди которых один был непашенный, а 4 дв. домникоз) платили весь «старый доход» деньгами (1 руб.)⁹⁸. В Толдожском погосте чисто денежный оброк платили крестьяне двух небольших деревень — Матеи и Коровья («А домницы у них три, а руду копают в Заозерьи»)⁹⁹, а также дер. Получья («Да у них же 3 домницы, а руду копают в Получье ж»)¹⁰⁰ и дер. Леонтьево («А домницы у них три, а руду копают на своей земле»)¹⁰¹. В Каргальском погосте восемь Варьевалд весь оброк платили деньгами («денег полтину»).

Конечно, процесс замены натурального дохода денежным, как и процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, далеко еще не завершился даже в наиболее крупных центрах крестьянской промышленности. Денежный оброк (или оброк железом) выступал поэтому в сложном причудливом сочетании с архаическими формами оброка даже в одном селе. Для обоснования этого положения остановимся подробнее на обложении по трем значительным центрам крестьянской промышленности — селам Виликину, Пилоле и Войноседе Толдожского погоста.

Село Виликино было расположено между озерами Бабинским и Глубоким, недалеко (в нескольких километрах) от рудников в Валговичах и Расье. Село имело и свою руду («Руду копают в Виликине ж»)¹⁰². По переписи 1500 г. в Виликине указано 11 дозн. на 27 дв. Надо полагать, что действительное число их было несомненно больше, так как 10 дозн. указаны в одной части села (из 15 дв.). Среди 27 дв. с. Виликина только один двор показан как яепашенный, остальные же имели посева на 91 коробью ржи (в среднем 3.5 кор. ржи на двор) и покосу 470 коп. (по 18 коп. на двор). Таким образом, по средним цифрам с. Виликино имело посева и покосы, почти не уступавшие чисто земледельческим селениям. Исследователь имеет возможность, однако, в этом случае приоткрыть завесу средних цифр и выяснить, хотя и не в полной мере, что скрывалось за этими средними цифрами. Дело в том, что в новгородские времена с. Виликино, принадлежавшее трем боярам, было переписано по частям, которые существенно отличались между собою. Большая часть села принадлежала Ивану Овинову. В Овиновскую боярщину входило 15 дв., из них один непашенный, за **которым** значилось 10 дозн. Эти дворы в то же время высевали 65 кор. ржи (свыше 4 кор. ржи на двор) и имели покоса 330 коп. (т. е. свыше 20 коп. на двор). Следовательно, владение домницами отнюдь не исключало наличия больших посевов и покосов.

Другой частью с. Виликино, в которую входило 7 дв., владел Богдан Норовов. Посев этих 7 дв. показан в 16 кор. (2.3 кор. на двор), покос — 80 коп. (11 коп. на двор). Таким образом, и по посеву и по покосу норовские дворы вдвое уступали овиновским дворам. Писец положил их

⁹⁶ НПК III, стлб. 542.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, стлб. 927. Домников было 7 чел., а домниц — 10 («У них же домниц 10, а руду копают в Валговичах же на своей земле»).

⁹⁹ Там же, отлб. 925.

¹⁰⁰ Там же, стлб. 909—924.

¹⁰¹ Там же, стлб. 925. См. также выше примеры из Каргальского погоста.

¹⁰² Там же, стлб. 908—917.

в 4 обж., т. е. примерно в пол-обжи каждый двор. Домниц у них не указано.

Третья часть с. Виликино, принадлежавшая одному из крупнейших новгородских бояр — Якову Губе-Селезневу, входила в состав большой Толдожской боярщины Селезнева, которая имела около 150 дв. (144 дв. по «старому письму»)¹⁰³. В Виликине на «Яковльском жеребьи» было всего 5 дв., за ними значилась 1 домн. (вероятно, в общем владении). Писец положил все 5 дв. в 2 обж., т. е. меньше чем по V2 обжи на двор. Высева на них приходилось по 2 кор. на двор.

Надо полагать, что и губинские и норововские крестьяне вынуждены были работать в домницах у своих овиновских соседей. Таким образом, с. Виликино являлось крупным промышленным селом с заметной дифференциацией населения (если бы исследователь имел данные по отдельным дворам, дифференциация выступила бы, конечно, еще сильнее). Поэтому совершенно очевидно, что товарно-денежные отношения должны были сильно чувствоваться здесь уже при боярине. Это априорное соображение подтверждается данными о составе «старого дохода», который приводим отдельно по каждой части села (с указанием дохода и ключника в табл. 22).

Таблица 22

«Старый доход» в с. Виликине¹⁰⁴

Владельцы	Число дворов	«Доход» боярину	«Доход» ключнику
Иван Овинов . .	15105	12 гр., 3 барана, 6 ВОЗОЕ сена, 1 бочка пива, 2 сыра, 2 горсти льна.	17 криц железа, 3 сыра, 3 лопатки бараньих, 3 горсти льна.
Богдан Норовов .	7	7 гр. без 2 ден.	3 лопатки бараньих, 3 сыра, 3 горсти льна, 5 криц железа.
Яков Губа-Селез-	5	100 криц железа, баран, курия, воз сена.	10 криц железа, 3 лопатки бараньих, сыр, две горсти льна.

Из приведенных данных видно, что 1) в обложение всех групп дворов включалось железо, 2) ни одна группа не платила хлебом. Этими общими выводами характеризуется экономическое лицо с. Виликина еще во времена Овиновых. Наряду с железом здесь в качестве основной части оброка выдвинулись деньги. Норовские дворы платили боярину только деньгами, у овиновских крестьян деньги заняли в оброке видное место. Но если деньги и железо стали основными предметами обложения, то состав дохода сохранял некоторые архаические черты, свидетельствующие о косности, неповоротливости вотчинника. Две горсти льна боярину и в особенности «курия» рядом со 100 крицами железа или деньгами выглядят нелепым пережитком старины.

Села Войноседа и Пилола привлекают внимание исследователя не только своими большими размерами (в с. Войноседе по переписи 1500 г.

¹⁰³ Там же, стлб. 912.

¹⁰⁴ Там же, стлб. 907—908, 916—917, 920.

¹⁰⁵ Дворы подсчитаны по письму 1500 г., так как данных о числе дворов в с. Виликине по «старому письму» не сохранилось. Число дворов в «новом письме» заметно отличается от «старого письма». В частности, по трем боярщинам в целом имеем следующие цифры: у Овинова 79 дв. вместо 46, у Норовова — 32 вместо 19, у Губина — 150 вместо 144.

насчитывался 71 дв., в с. Пилоле — 65), но и как значительные центры обработки железа. В с. Войноседе было 8 дв. кузнецов, в Пилоле — 15 дв. В связи с тем, что эти села были расположены друг от друга на расстоянии около 2 км, их следовало бы считать единым промышленным центром. Села получали железо из домниц северной части погоста (из сел Виликина, Валгович, Котлов и др.) и выработывали из него разные изделия в своих 20 кузницах. Кузнецы сел Войноселы и Пилолы изготовляли не только сковородки и топоры, но, судя по составу оброка, сошники и лемехи.¹⁰⁶ Экономическое значение этих сел, имеющих несколько десятков кузнецов, становится вполне понятным, если учесть, что в городах Новгородской земли того времени (кроме Новгорода) кузнецы исчислялись не десятками, а единицами. Однако промысел и здесь не отделился еще от сельского хозяйства. На оба села был всего один непашенный двор (без указания занятий его владельца).¹⁰⁷ Сельское хозяйство оставалось важнейшим занятием населения. Об этом со всей определенностью свидетельствуют размеры посевов и покосов, а также состав оброка.¹⁰⁸ Обратимся к анализу основных данных по этим селам (см. табл. 23).

Первое впечатление от «старого дохода» в с. Войноседе создается такое, что перед нами обычное сельскохозяйственное село с развитым скотоводством. Главное место в доходе занимал «посопный хлеб» да продукты скотоводства (сыры, бараны, лопатки бараньи и свиные головы). Только наличие 30 прутов (т. е. 300 окриц) железа говорит о том, что здесь уже в новгородские времена были промыслы по обработке железа (см. табл. 23).

Если пристальнее взглянуть на вышеуказанные данные, выступают сравнительно небольшие размеры посевов. По переписи 1500 г. дворов Овинова было 39, по «старому» же «письму» их значилось, конечно, меньше. (Вероятно 30 дв., если учесть, что натуральный оброк везде кратен 15). Тогда на двор в среднем получим 2,8 кор. высева ржи, т. е. значительно меньше земледельческого двора в полную обжу. Невелики были посева и губинских крестьян. Но бояре еще не учли изменений в хозяйстве Войноселы. Оброк (кроме 30 прутков) шел продуктами сельского хозяйства. Денежного оброка не было вовсе.

Селом Пилолой владели те же бояре Норововы и Селезнев, а оброк существенно отличался. Правда, и в Пилоле был в оброке «посопный хлеб», но здесь появились и деньги, а у Богдана Норовова дворы уже целиком были переведены на денежный оброк (он поспешил, как и в Виликине). По развитию товарно-денежных отношений, по количеству кузнецов с. Пилола заметно опередило с. Войноседе. Оно раньше начало превращаться из земледельческого села в промышленное. В Войноседе же в новгородские времена этот процесс еще находился в начальной стадии. «Новое» в хозяйстве Войноселы при новгородских боярах было еще не в состоянии взорвать старую традиционную систему обложения с «посопным хлебом» и баранами как основным содержанием оброка.

Начало «коммутации» в промышленных погостах, таким образом, в конечном счете объяснялось не хозяйственной деятельностью вотчинников, а развитием крестьянского хозяйства. Этот вывод, основанный на рассмотрении дохода по отдельным селам, можно подкрепить сопоставлением

¹⁰⁶ НПК III, стлб. 919, 923.

¹⁰⁷ Там же, стлб. 916.

¹⁰⁸ Так же, как Виликино, и эти села были поделены между несколькими боярами. Владельцами Войноселы — Пилолы были те же Селезнев, Овинов, Норововы. Кроме того, частью Пилолы владел Аркажский монастырь.

Села Войноседа и Пилола¹⁰⁹

Таблица 23

Владельцы	Число дворов	Посев в ко-робьях	Покос в копнах	Число обжей	«Доход» боярину	«Доход» ключнику
Войноседа						
Иван Овинов .	30 (из них 5 кузнецов и 1 непашенный).	84	460	21	30 кор. ржи, 45 кор. овса, 15 кор. ячменя, 15 баранов, 30 пруты железа.	15 голов свиных
Богдан Норовов	18 (из них 3 кузнеца).	60	490	15	16 кор. ржи, 16 кор. овса, 8 кор. ячменя.	8 лопаток бараньих, 8 сыров, 8 горстей льна.
Яков Губа-Селезнев . . .	14	30	140	7	8 кор. ржи, 8 кор. овса, 2 бочки пива.	4 лопатки бараньих, 4 сыра.
Пилола						
Дети Луки Норовова . . .	22 (из них 4 кузнеца).	45	360	9	10 гр. 4 ден., 7 ¹ / ₂ кор. ржи, 7 ¹ / ₂ Р-овса.	9 сыров.
Яков Губа-Селезнев . . .	20 (из них 6 кузнецов).	70	560	14	1 ¹ / ₂ руб. 2 гр. 12 ден., 13 баранов, 5 полтей мяса. 20 кор. ржи, 12 кор. овса, 5 кор. ячменя.	13 лопаток бараньих, 13 сыров.
Богдан Норо-	5 (из них 1 кузнец).	20	160	4	7 ¹ / ₂ гр.	2 сыра, 2 лопатки бараньи, 2 горсти льна.
Аркажский монастырь . .	18 (из них 4 кузнеца).	70	560	14	«Старый доход» не	показан.

доходов отдельных бояр. Если определить среднее обложение на двор по боярщинам Толдожского погоста, то, закругляя цифры и отбрасывая «мелкий доход», получим следующие итоги (табл. 24):

Таблица 24

Среднее обложение на двор в боярщинах Толдожского погоста

Боярщины	Деньгами	Железом	Хлебom («поспом»)
	7 ден.	1 крица	1.3 кор.
	4 „	8 „	2.5 „
	11 „		2.7 „
	16 „		0.6 „
	И „		0.8 „

¹⁰⁹ Там же, стлб. 906, 907, 914, 915, 918—920, 922.
Число дворов указано до переписи 1500 г.

Итак, во всех боярщинах Толдожского погоста имелись деньги и хлеб. В составе оброка наблюдалось только количественное различие в степени развития оброка деньгами. Это определялось числом промышленных деревень в той или иной боярщине. Например, Норововы опередили других вотчинников, потому что в составе их боярщин было сравнительно больше деревень с домницами. По составу оброка толдожские боярщины существенно отличались от врудских.¹¹⁰ У толдожских бояр уже не было «издоля» (хлеб везде уплачивался «поспом»), и денежный оброк был более значительный. Прогрессивный характер оброка в Толдожском погосте, как уже говорилось, надо объяснять не успехами собственного боярского хозяйства, а развитием в Толдоге крестьянской промышленности, т. е. развитием сельского мелкотоварного производства. Наши наблюдения вполне согласуются с мнением Б. А. Рыбакова, который писал, что «феодалный двор имел чисто паразитическое отношение к деревенским домникам, отбирая лишь долю их выработки или дохода».

Домники с. Виликина и кузнецы с. Пилолы работали, конечно, на рынок. Изготовленные ими топоры и сошники находили сбыт среди крестьян соседних погостов (ими пользовались, безусловно, и во Врудском погосте, где по писцовой книге не значилось ни одного кузнеца). Таким образом, имеются все основания говорить о возникновении рыночных связей между крестьянскими хозяйствами погостов Вотской пятины.

В результате развития денежных отношений оказалось возможным на другой же день после ликвидации новгородских боярских вотчин перевести эти вотчины полностью на денежный оброк. «Старое письмо» заменило весь «старый доход» в Губинской волости деньгами. «И за этот старый доход с тое волости давали оброк по старому письму 20 рублей и 6 гривен», — записал писец.¹¹² Аналогичные записи он сделал и относительно четырех других боярщин:¹¹³ с Овиновской — 7 руб. 5 гр., с Норововской, Богдановской — 2¹/_г руб., с Микифоровской — 4 руб., с деревень Скачельского — 1 руб. Следовательно, почва для перехода к денежной ренте была вполне подготовлена развитием промысловой деятельности толдожских крестьян.

V

Более высокую ступень отделения ремесла от сельского хозяйства можно наблюдать в ряде погостов Шелонской и Бежецкой пятин. Остановимся для примера на двух смежных погостах Шелонской пятины — Опоцьком (Опоцком) и Дубровенском. Эти погосты были расположены по р. Шелони и ее притокам Удохе и Люте. Селения в погостах были не крупные. Так, в Опоцком погосте из 88 селений 27 были однодворные и 30 имели по 2 дв., лишь три селения насчитывали более 10 дв. Небольшие селения преобладали и в Дубровенском погосте (табл. 25).

По размерам селений шелонские погосты, конечно, заметно уступали сельским погостам Копорского уезда. Да и именовались селения здесь обычно деревнями. На весь Опоцкий погост было названо только три сельца (Козлово Поле, Гостижицы и Черевково), остальные селения были записаны деревнями, даже Старое Село.¹¹⁴

⁰ См. выше, стр. 93, 98.

¹¹¹ Рыбаков. Ремесло, стр. 578.

¹¹² НПК III, стлб. 912.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ НПК IV, стлб. 163.

Таблица 25
116
Размеры селений в Опоцком и Дубровенском погостах

Погосты	Общее число селений	Количество дворов						
		1 [†]	2	3	4	5	6-10	свыше 10
	88	27	30	9	8	3	8	3
	122	68	32	11	4	2	5	—

Земля в шелонских погостах, как и в других погостах, о которых шла речь выше, находилась во владении монастырей и бояр. Мелкое землевладение — своеземцы — сохранило ничтожное число дворов. Но среди бояр преобладали вотчинники средней руки, имена которых исследователю тщательно будет искать на страницах новгородских летописей. «Великие бояре» Яков Короб, Казимир, Марфа, чьи имена встречаются и в описаниях этих погостов, здесь были владельцами лишь небольшого количества обжей. В погостах выделялась только одна сравнительно крупная боярщина — Ивана Кузьмина Савелкова, в которой было 50 дв. Следовательно, в отличие от обонежских погостов, «великие бояре» не сумели здесь сконцентрировать в своих руках владение землей.

Основным занятием в обоих погостах являлось земледелие и скотоводство. Посевы на двор обычно были в 4 кор. (нередко даже в 5 кор.), покосы — в 20—30 коп. на двор, но иногда подымались до 50 и даже сотни копен. Сельскохозяйственные культуры отличались большим разнообразием. Кроме ржи, овса, ячменя, пшеницы и льна, встречавшихся повсеместно, нередко были посевы конопли и хмеля. Изредка попадались фруктовые сады («У двора садок, а в нем 8 яблоней»)¹¹⁶.

О животноводстве дает представление пестрый «мелкий доход». Приведем типичный пример из «нового письма». «А мелкого доходу 2 борова, 20 и пол-третьи полти мяса, 16 баранов, 30 и девятеро куров, 90 сыров, 700 и 70 яиц, 50 и 7 пятков и полторы горсти лну, 20 и 6 овчин».¹¹⁷ Для характеристики ренты рассмотрим данные по наиболее крупным вотчинам Опоцкого погоста (табл. 26).

Таким образом, во всех вотчинах сохранялся и «мелкий доход», и хлебный оброк (где «издольный», где «посопный»), но повсеместно, как в монастырских землях, так и в боярщинах (во всех без исключения!), указан и денежный оброк. В этом отношении шелонские погосты заметно отличались от Врудского погоста. Писцовые книги позволяют не только установить сравнительно высокий уровень развития денежных отношений, но и объяснить его ростом общественного разделения труда.

В шелонских погостах не было домниц, но в них существовали крестьянские промыслы. Кроме кузнецов,¹¹⁸ встречающихся почти повсеместно, в Опоцком и Дубровенском погостах упомянуты: гончар, плотник, дегтяр, пивовар, овчинник, епанечник, сапожник и шесть швецов.¹¹⁹ Если

¹¹⁵ Андрияшев. Материалы, стр. LXVIII—LXIX.

¹¹⁶ НПК 1У, стлб. 195, 197, 200 и др.

¹¹⁷ Там же, стлб. 199.

¹¹⁸ Там же, стлб. 165, 184, 194, 202.

¹¹⁹ Общая характеристика деревенского ремесла XIII—XV вв. дана в исследовании Б. А. Рыбакова. (Рыбаков. Ремесло). В нем приведен и общий перечень ремесленных профессий по НПК (там же, стлб. 558).

Таблица 26

«Старый доход» в крупных вотчинах Опоцкого погоста

Владельцы	Число деревень	Число дворов	Деньги	Хлеб		«Мелкий доход»
				«издольный»	«поспом»	
Ростокин монастырь . . .	19	52	41/2 гр.		254 кор. ржи, 300 кор. овса, 23 кор. пшеницы, 23 кор. жита, 5 ³ / ₄ кор. гороха, 5 ³ / ₄ кор. семян конопли.	24 сыра, 24 хлеба ^ 29 пятков льна.
Воскресенская	16	29	6 гр. 5V2 ден.		—	24 сыра, 8 пятков и IV2 горсти льна*
Ондреевская .	36	44	8 руб. 21/2 гр. 4 ден.	V*	13V2 кор. ржи.	20 полтей мяса 42 сыра, 9 пятков льна, 2 овчины.
Иван Кузьмин Савелков . .	26	51	2V2 руб. 1 гр. 1 ден.	V4	6 ³ / ₄ кор. ржи, 7V4 кор. овса, 43V2 кор. солода, II ¹ / ₂ кор. хмеля.	16 баранов, 26 кур, 18 чашек масла, 540 яиц, 31 пятков и 1 горсть льна, 20 овчин, 15 возов сена.

учесть, что внимание писца привлекали лишь те хозяйственные статьи, учет которых был нужен для определения размеров обложения, надо полагать, что некоторые крестьяне, занимавшиеся промыслами, им не были учтены. Но и то, что указано писцом (свыше 25 дв., занимающихся ремеслом, 9 ремесленных специальностей) для небольшого числа дворов, которые описаны в этих погостах (200 дв.), является показателем значительного развития сельского ремесла. Среди крестьянских промыслов заметно выделялись обработка дерева (о последнем говорит оброк дровнями и санями, упоминание о плотнике и о дегтяре). Еще более было развито швейное ремесло. Швецы после кузнецов по численности являлись наиболее значительной группой сельских ремесленников в новгородских землях. «По книгам Шелонской и Вотской пятины, — пишет Б. А. Рыбаков, — мы знаем 109 кузнецов, 27 швецов, 10 плотников, 8 гончаров, 8 сапожников».¹²⁰

Значительная часть ремесленников была «непашенными людьми».^{12*} Так, отдельных «непашенных людей» писцовая книга называет в Опоцком погосте — в дер. Яблонке («Дв. Стешко швец, без пашни»),¹²² в дер. Загорки («Дв. Ефим швец без пашни»),¹²³ в Дубровенском погосте — в дер. Вязко («Да в той же деревне дв. Исак кузнец на поземе»)¹²⁴ и

¹²⁰ Там же, стр. 559.

¹²¹ В целом по Шелонской пятине, по подсчетам В. Ф. Загорского, было 254 беспашенных двора на 4462 дв., т. е. около 6% общего числа дворов (В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV—XVI вв. Журн. Мин. юст., 1909, № 8, стр. 311).

¹²² НПК IV, стлб. 173.

¹²³ Там же, стлб. 174.

¹²⁴ Там же, стлб. 184.

в дер. Бор («Дв. Курьянко швец, без пашни»)¹²⁵. Вероятно, к группе таких же деревенских ремесленников нужно отнести «Оксея без пашни» в дер. Горке, хотя занятие его не названо.¹²⁶ В некоторых селениях «непашенные люди» были сосредоточены небольшими группами. Места скопления ремесленников заслуживают пристального внимания со стороны исследователей. В Опоцком погосте было три селения с несколькими ремесленниками, все в бывшей волостке Ивана Кузьмина Савелкова (сельцо Козлово Поле, дер. Суслово, дер. Путилово). В сельце Козлово Поле в новгородское время, очевидно, был большой двор крупного новгородского боярина. После конфискации боярской земли Иваном III в нем разместились новые хозяева (два брата — помещики Косицкие). Возле барских дворов находилось 9 дв. их людей: «А людей их: дв. Останок, дв. Иевик, дв. Огарок, дв. Федко, дв. Ивашко, дв. Ивашко ж, дв. Лучка, дв. Панка, дв. Минка.¹²⁷ Здесь же названы «крестьяне на поземе без пашни: дв. Сергейко Овчиник, дв. Савка плотник, дв. Ивашко Петрухин, дв. Якушко, дв. Микулка, а позему дают 2 гривна без двух денег». Пашня и покос были только боярские (30 кор. и 400 коп.).

В какой мере это хозяйство (в 30 кор. и 400 коп.), обрабатываемое руками холопов, связано с хозяйством новгородского боярина? Кто эти Останки, Огарки, Лучки — остаток ли огромной дворни «великого боярина» или новые люди, приведенные новыми владельцами и посаженные в опустелые хоромы вместо новгородской боярской челяди? Наконец, встанет не менее важный вопрос о происхождении сидящих «на поземе» ремесленников: овчинника, плотника и др. Кто они в прошлом — вотчинные ремесленники, холопы Савелкова, которых освободила измена и бегство их господина и которые теперь как свободные ремесленники сидят «на поземе»? Или это крестьяне-ремесленники, те «непахотные люди», вроде «Шешки швеца без пашни» из дер. Яблонки в той же вотчине, которые предпочли перебраться в место, более удобное для сбыта продукции, в центр феодальной вотчины?

На вопрос о «людях» Косицких можно ответить указанием на их более вероятную связь с дворней Савелкова. К этому выводу склоняет необычная их многочисленность (9 дв.) и отсутствие в сельце крестьянской пашни.

Случаи использования новыми хозяевами холопов новгородских бояр были нередкими. В той же вотчине Савелкова, в дер. Заборовье, жили «Фомка Ключник «Кузьмин человек» и два его половника.

Таким образом, в Савелковской волостке еще заметны следы новгородской боярской вотчины. Не исключена поэтому возможность и того, что среди ремесленников волостки были прежние боярские холопы. Если бы сельцо Козлово Поле было единственным местом скопления ремесленников в волостке, оно могло бы быть приведено как пример в защиту вотчинной теории происхождения деревенского ремесла. Но в этой же волостке, как сказано выше, небольшие группы «непахотных» ремесленников были еще в двух селениях. В дер. Суслово с тремя крестьянскими «пашными» дворами (с 15 кор. и 100 коп. покоса) было 2 дв. «непахотных» («... а на поземе без пашни; дв. Филка Ермолин, дв. Федот дехтярь, позема дают 5 денег, ...»)¹²⁸. В дер. Путилово у погоста с 5 крестьянскими дворами было 3 дв. «непахотных» («Да в той же деревне без пашни: дв. Ивашко Голловка, дв. Онитко Семенов, дв. Васко Прожгибок, а позему дают 12 де-

¹²⁵ Там же, стлб. 193.

¹²⁶ Там же, стлб. 169.

¹²⁷ Там же, стлб. 172.

¹²⁸ Там же, стлб. 173.

нег»).¹²⁹ К сожалению, писец в последнем случае не сказал о занятиях «непашенных людей» (косвенным указанием на них может служить разве только прозвище «Прожгибок»).

Наличие небольших скоплений (может быть, артелей) ремесленников в отдельных селениях укрепляет критическое отношение к вотчинной теории возникновения сельского ремесла и позволяет в этих небольших скоплениях деревенских ремесленников видеть переходную ступень к более крупным ремесленно-торговым центрам. Наиболее значительными ремесленно-торговыми поселениями в изучаемых шелонских погостах были центры погостов.

В Дубровенском погосте, кроме церкви и 3 дв. церковнослужителей, было 5 дв.¹³⁰ «непашенных людей» («...промышляют торгом и извозом»): «Дв. Ларионка Шарипа, дв. Тимошка швец, дв. Ивацко сапожник, дв. Кипро плотник, сын его Гридка, дв. Микула Извозчик».¹³¹ Более значительным по количеству ремесленно-торгового населения являлся Опочкий погост, где по «старому письму» было 12 дв. «непашенных людей». Специальность этих людей не обозначена, за исключением двух: гончара Мартына Обакумова и швеца Галаша (последний при этом жил в чужом дворе). Занятия остальных характеризуются фразой: «Промышляют торгом и извозом».¹³² К погосту можно присоединить и вышеназванную дер. Путилово с 3 «непашенными» дворами. По переписи 1576 г. в Дубровенском погосте было 28 непашенных дворов. Погостные центры начинали перерастать в города.

Итак, на материале двух шелонских погостов можно отметить следующие ступени в развитии общественного разделения труда в деревне XV в в Новгородской земле.

1. Ремесленник, занимающийся в то же время сельским хозяйством (таков Сидко кузнец в дер. Озерце,¹³³ Родивонко кузнец в дер. Пососенье^ таков Сенька швец в дер. Столбец).

2. Отдельные «непашенные» ремесленники в деревнях: «швещы бев пашни», «кузнецы на поземе».

3. Группы ремесленников (их скопления) в отдельных деревнях и селках (сельцо Козлово Поле, деревни Суслово и Путилово).

4. Сосредоточение ремесленников в поселениях не деревенского типа.

Опочкий и Дубровенский погосты были отнюдь не единственными районами в Новгородской земле, где процесс отделения ремесла от сельского хозяйства приводил к возникновению зачатков городов. Более того, в некоторых частях Новгородской земли (например, по р. Мете) этот процесс выражен гораздо ярче. Выбор именно этих двух погостов вызван тем, что в них можно совершенно конкретно обнаружить истоки и установить ранние этапы процесса отделения города от деревни.

* * *

На примерах погостов, различных по природным условиям и по хозяйству, отчетливо выступают экономические сдвиги, которые намечались в исконной Новгородской земле в XV в. Они заключались не только

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ По «старому письму» значилось 4 дв.

¹³¹ Там же, стлб. 181.

¹³² Там же, стлб. 162.

¹³³ Там же, стлб. 194, 202, 173. Трудно сказать, были ли у этих ремесленников, полные хозяйства (в Пососенье, вероятно, 7г обж., в Столбце — полная обжа).

в успехах отдельных отраслей сельского хозяйства (как это можно видеть на примере Врудского погоста), но, что особо должно быть подчеркнуто, в росте общественного разделения труда в деревне, порождавшемся развитием сельского ремесла (как это показано на примере шелонских погостов) и зарождением сельских мелкотоварных промыслов (как это видно на примере Каргальского и Толдожского погостов).

Анализируя экономику пореформенного крестьянского хозяйства, В. И. Ленин в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» установил шесть форм «соединения промысла с земледелием».¹³⁴ Ленинский анализ разнообразных форм сочетания сельских промыслов с земледелием имеет методологическое значение не только для понимания экономики пореформенной деревни: он помогает рассмотрению вопроса о росте общественного разделения труда в феодальной деревне. Наличие тех или иных форм «соединения промысла с земледелием» является важнейшим показателем экономического уровня развития деревни.

На основе приведенного выше материала можно говорить о трех формах сочетания промыслов с земледелием в новгородской деревне. Конечно, наиболее типичной остается первая форма — соединение патриархального (натурального) земледелия с домашними промыслами (т. е. с обработкой сырья для своего потребления): «Этот вид соединения крестьянских „промыслов“ с земледелием наиболее типичен для средневекового хозяйственного режима, будучи необходимой составной частью этого режима».¹³⁵ Наряду с этим, однако, явственно пробиваются ростки нового — товарного — производства и в связи с этим развиваются две формы «соединения промысла с земледелием» — вторая и третья из шести форм, отмеченных В. И. Лениным: «Патриархальное земледелие соединяется с промыслом в виде ремесла» и «Патриархальное земледелие соединяется с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. с товарным производством в промышленности».¹³⁶ Вместе с этим важно подчеркнуть начинающийся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства.

Хозяйственное развитие новгородской деревни находит выражение в изменении феодальной ренты. Так связываются воедино все отмеченные выше сдвиги в экономике новгородской деревни XV в.: успехи сельского хозяйства и деревенского ремесла, начало отделения ремесла от сельского хозяйства, зарождение деревенских мелкотоварных промыслов, проникновение денежных отношений в деревню, новые виды ренты (развитие «посопного» обложения, появление денежной ренты). «Сначала sporадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту, — писал К. Маркс, — предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения».¹³⁷ Процесс sporадического превращения ренты продуктами в денежную ренту, следовательно, уже начался в Новгородской земле.

Этот процесс, конечно, в XV в. еще не приблизился к «национальному масштабу». Потребуется еще немало времени для того, чтобы местные рынки окрепли и концентрировались в единый всероссийский рынок. Но процесс этот уже шел, создавал экономические предпосылки для объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством.

¹³⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, изд. 4-е, стр. 328—331.

¹³⁵ Там же, стр. 329.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 810.

РЯДКИ И ГОРОДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

I

Возникновение многочисленных рядков в Новгородской земле в XV в. было закономерным результатом отмеченных выше экономических сдвигов. Общественное разделение труда и проникновение в деревню товарных отношений влекли за собой образование торгово-ремесленных центров, обслуживающих определенный район. Еще А. И. Ильинский, давший тщательный и для своего времени весьма глубокий анализ населения городов Новгородской области в XVI в., убедительно обосновал мысль о том, что большинство рядков может быть рассматриваемо «как поселки городские или как переходная форма от сельских к городским». Сеть рядков была то реже, то чаще, главным образом, в зависимости от степени развития общественного разделения труда.

Северо-восточные погосты со слабым развитием товарного производства (кроме звероловства), с редким населением, разбросанным по однодворным деревням, в XV в. не испытывали еще потребности в постоянных торгово-ремесленных центрах. Они могли обойтись и обходились без них. Временные торжки могли покрыть все скромные потребности крестьянского хозяйства.

Иным было положение в районах крестьянских промыслов. «Тенденция к (выходу на более широкий рынок)² порождала движение ремесленников навстречу покупателю, приводила к образованию тех скоплений ремесленников, о котором говорилось в предшествующей главе. Рядки в XV в. растут «как грибы после дождя». В писцовых книгах конца XV в. их можно насчитать несколько десятков. Даже если говорить о торговых рядках, никак нельзя согласиться с утверждением А. И. Никитского будто бы в источниках имеются только два упоминания таких торговых поселений: рядок у Клетей на Ижоре и Волочек Сванский.³

Начнем обзор рядков с Бежецкой пятины, где их было всего больше⁴ и где они достигали наибольших размеров. В Удомле, большой владычной волости, с 542 дер. и с полутора тысячами дворов, было два рядка. В пер-

¹ Ильинский. Городское население, стр. 214. Исследование Ильинского строится в основном на материалах XVI в., но оно освещает и некоторые вопросы истории рядков XV в.

² Рыбаков. Ремесло, стр. 582.

³ Никитский. История экон. быта, стр. 88.

⁴ По подсчетам Ильинского, из 42 рядков в XVI в. на долю Бежецкой пятины приходилось 15 рядков, Деревской—12, Вотской—10 рядков (там же, стр. 244).

вом из них («...у оз. Удомля рядок Юшкова десятка») было 22 дв., сеявших 38 кор., т. е. имевших очень небольшую пашню (меньше 2 кор. на двор). Второй рядок («...Комарной на реке Съеже») был почти таких же размеров: в нем было 20 дв. с таким же небольшим посевом в 30 кор. (1.72 кор. на двор).⁵ К этим неземледельческим поселениям нужно отнести и самый погост — селение, где было 8 тягловых дворов, сеявших всего 6 кор. ржи, т. е., по сути дела, дворов «непашенных» (недаром писец положил их всего в 17г обж.). Недалеко от Удомли в волостке Липне Марфы Исаковой был «Марфинский рядок на реке Съеже», в котором жили рядовичи (12 дв.) с посевом в 6 кор. ржи.⁶

Таков же (в той же Бежецкой пятине) «Владыченский рядок» в Шероховичах из 7 дв. по «старому письму». Дворы Владыченского рядка, в отличие от названных выше других рядков, пахотной земли вовсе не имели («Живут торговые люди, не пахут»).⁷ И в других рядках по Мете, столь тщательно описанных Б. Д. Грековым,⁸ значительная часть населения уже порывает связи с сельским хозяйством. Это явление, столь ясно выступающее в описании мстинских рядков в писцовых книгах 1551 и 1564 гг., конечно, восходит корнями в XV в. С полным основанием Б. Д. Греков в своей монографии «Крестьяне на Руси» писал о рядках по Мете: «Во второй половине XV в. здесь (на р. Мете) наблюдаются яркие симптоматические показатели. Берега реки, даже ее острова, усеиваются рыночными и ремесленными поселениями — рядками, возникающими на базе деревенских поселков. Связь рядков с сельским хозяйством на наших глазах,⁹ медленно, но систематически порывается и, наконец, исчезает совсем».

Наиболее яркими примерами мстинских рядков являются Млево и Боровичи. Правда, материалов переписи Ивана III по этим рядкам не сохранилось, но ссылки на «старое письмо», имеющиеся в позднейших писцовых книгах, уполномочивают на некоторые выводы о Млеве и Боровичах XV в. Письмо Нелединского 1551 г., насчитывавшее во Млеве 332 лавки, отмечает прирост по сравнению со «старым письмом» в 107 лавок.¹⁰ Таким образом, перепись 1551 г., свидетельствуя о быстром росте рядка, вместе с тем позволяет утверждать, что уже в конце XV в. во Млеве было свыше 200 лавок. Поэтому можно с большой долей вероятности полагать, что уже в XV в. «на погосте на Ряду»¹¹ были дворы с очень малой запашкой и даже «поземные дворы без пашни», какие встречаются в описании Млевского погоста 1545 г. («письмо Ивана Даниловича Вельяминова»)¹². Конечно, перенести на XV в. данные о числе беспашенных ремесленников было бы рискованно, но все же заслуживает внимания то обстоятельство, что среди 45 указанных в переписи Вельяминова дворов¹³ «на погосте на

⁵ Самоквасов. Архивный материал, стр. 81.

⁶ НПК VI, стлб. 31—32.

⁷ Там же, стлб. 14.

⁸ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 556—558 (см. также: Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. Изв. ГАИМК, вып. 72, 1934, стр. 92—93).

⁹ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 556.

¹⁰ НПК VI, стлб. 567. В стлб. 839 данные повторены с опиской (112 лавок вместо 107).

¹¹ Так называет рядок книга 1545 г. (там же, стлб. 304 и далее).

¹² См., например, 4 дв., положенные (все четыре вместе) в пол-обжи («Во Млеве ж на погосте на Ряду дв. Федко, дв. Ондрушка, дв. Онушка, дв. Федко, пашни пол-третьи коробы, сена 10 копен, пол-обжи» — там же, стлб. 342) или «поземные дворы без пашни» (там же, стлб. 304—305 — 9 дз., стлб. 308—309 — 12 дв. и др.).

¹³ Описание Млевского погоста дефектно, поэтому оно, вероятно, охватывает не полностью население рядка Млева.

Ряду» 30 не имели пашни, у остальных 15 дв. было пашни на 39 кор. ржи, т. е. в среднем всего 2.6 кор. ржи на двор.¹⁴

По крупнейшему мстичскому рядку — Боровичам — сохранилось подробное описание в книге 1564 г. К сожалению, оно содержит очень мало ссылок на «старое письмо». Из этих ссылок можно установить, что, во-первых (в отличие от Млева), число лавок в Боровичах по сравнению со «старым письмом» удвоилось (по «старому письму» — 21 лавка да 6 амбаров, по «новому письму» — лавок 42, да прилавков, да 11 амбаров). Поэтому перенести сведения о торговле Боровицкого рядка XVI в. на XV в. невозможно. С другой стороны, те же ссылки на «старое письмо» говорят о почти не изменившемся числе дворов в Боровичах, даже о некотором их сокращении по сравнению со «старым письмом» («Всего на ряду в Боровичах царевых и великого князя тяглых пашенных и непашенных и торговых людей, и церковных... поземных дворов по старому письму 121 двор, а по новому письму... 115 дворов»). Поэтому можно с полным основанием утверждать, что Боровичи уже в XV в. стали значительным неземледельческим поселением. По переписи 1564 г. в Боровичах только ^XU дв. числилась пашенными, да и те с ничтожной запашкой. По «старому письму» вся пашня была положена в 4 обж. с посевом в 15 кор. По «новому письму» «у тех 4 обж и у ряду пашни худые земли 62 четверти с полуосминою в одном поле, а в дву по том ж». Таким образом, говоря словами Б. Д. Грекова, «пашня у этих людей не обычная деревенская». Что касается «непашенных людей» (а они составляют большинство населения), то их связь с землей ограничивалась огородами и в некоторых случаях — покосами.¹⁸ Аналогичный материал дает рядок Витча в Богородицком погосте (вероятно, тот же рядок на Витче владыченский, который описан в 1508 г. и о котором сказано выше). «Пашня здесь тоже есть, но что за пашня?» — восклицает Б. Д. Греков по поводу этого рядка, где «пашню пахут в одном поле, сеют на обжу по 14 кор. овса, а ржи не сеют».¹⁹

Из прочих мстичских рядков Бежецкой пятины писцовые книги XVI в. дают подробные сведения о Белой и Волоке на Держкове.²⁰ В первом из них, по данным письма 1564 г., было 37 дв., из них больше половины (21 дв.) значилось «непашенными». О значении Волока Держкова как ремесленного центра свидетельствует значительное число ремесленников (среди них скорняк, красильник, четыре кузнеца, два сапожника, два плотника). Лавок по сравнению с вышеохарактеризованными мстичскими рядками немного — всего 14. Насколько Волок Держков стал ремесленно-торговым центром уже в XV в., на основе переписи 1564 г. сказать трудно. Единственное упоминание о «старом письме» касается числа лавок: их по «старому письму» значилось только три. Следовательно, торговое значение Волочка на Держкове было до XVI в. ничтожным.

Расположенный еще ниже по Мете рядок на Белой (погост Богородицкой на Белой) состоял по переписи 1564 г. сплошь из «людей непашен-

¹⁴ Там же, стлб. 304, 305, 308—310, 314—316, 341, 342, 351, 354.

¹⁵ Там же, с 6 9 П. 921, 922, 925.

¹⁶ Там же, стлб 921.

¹⁷ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 556. Здесь же приведены сводные данные о состав; населения Бооов^чсй по данным письма 1564 г., которые с оговоркой могут быть отнесены и к более раннему времени.

¹⁸ Единственный известный нам случай, когда «непашенный» «рядовиц» имел пахотную землю в погосте, — это кузнец Истомка Харитонов (он же владелец лавки и чмбара). Харитонов вместе с бритом снимали пашню и покос в пустоши Горохов*нице (НПК VI, стлб 917. 924. 943).

¹⁹ Там же, стлб. 864: см., Греков. Крестьяне на Руси, стр. 557.

²⁰ НПК VI, стлб. 969—974. Он расположен был на Мете ниже Боровичей.

ных». Из 29 «поземщиков» 3 были сапожники, 1 портной, 1 кузнец, 2 ско* мороха, несколько торговцев. Земледелием занимались только 4 дв., арендуя землю («...пашню пашет наймуя»). К сожалению, никаких указаний на «старое письмо» не имеется. Таким образом, на Мете можно отметить не менее 5 рядков которые стали ремесленно-торговыми поселениями в XV в.

В первой половине XVI в. мстинские рядки продолжали расти. По подсчетам Ильинского, сделанным на основе разметного списка 1545—1546 гг., всего по Мете в 1546 г. было 11 торговых поселков с 502 дв. и 468 торговых помещений. «Таким образом, население каждых 20 верст на р. Мете²¹ для сбыта своих произведений и для производства мены на предметы городской промышленности располагало отдельным рынком, снабженным 42—48 торговыми помещениями и при них площадью, на которой могло поместиться неограниченное количество шалашей, палаток и всяких временных помещений и возов для производства торговли».²²

Из торгово-ремесленных поселений Бежецкой пятины за пределами Меты бесспорно самым значительным был Тихвинский посад. Вероятно, еще в XIV в. на реках, впадающих в Ладожское озеро между Волховом и Свирию (на Сяси с Тихвинкой, на Паше с Оятью), на кратчайших путях от верхней Волги к Ладожскому озеру возникали торгово-ремесленные поселения. Однако далеко не сразу определилось, какие из этих поселений займут руководящее место в хозяйственной жизни юго-восточного Приладожья. Долгое время не намечалось устойчивого руководящего центра, так же как не определялось, какая из водных дорог между верхней Волгой и Ладогой станет главной. С этими поисками и блужданиями, с соперничеством нарождающихся центров связаны многочисленные предания о странствиях тихвинской иконы богородицы. Согласно сказанию, дошедшему до нас в рукописях XVII в., икона, явившаяся в 1383 г., до того, как остановиться в Тихвине, долгое время «преславно шествовала по воздуху». Раньше всего она явилась рыбакам на Ладожском озере, вскоре после этого ее видели на Ояти, сначала в Смолкове и в Имоченицах, затем она вновь явилась уже на Паше (на Куковой горе и на Котеле), и только после этих странствий она остановилась в Тихвине.²³ Победу Тихвина над другими соседними центрами, вероятно, нужно объяснять не только положением Тихвина на перекрестке путей, но и значительным развитием ремесла, выдвинувшим Тихвин в XVI—XVII вв. как важный центр железодельного производства.

Перейдем к Вотской пятине. В ней рядков было меньше, чем в Бежецкой. Расположены они были главным образом по берегам Невы и Ладоги. Таков, например, небольшой «рядок у Клетей на реке Ижоре», в семи верстах от Невы, привлечший к себе внимание уже А. И. Никитского:²⁴ «А живут в нем торговые люди, пашни у них нет».²⁵ Сюда же надо отнести ряд селений и Сердовольского погоста, в которых значилось 17 дв. (32 чел.) торговых людей;²⁶ «В Сердовольском же погосте купцы, а живут на великого князя земле». Основу для возникновения рядков, поселений

²¹ Кроме ее нижнего течения, ниже устья Мды.

²² Ильинский. Городское население, стр. 277.

²³ Буслаев. Новгород и Москва, стр. 280—281; см. также работу знатока тихвинской старины И. П. Мордвинова «Старый Тихвин и Нагорное Обонежье» (сб. «Тихвинский край», под ред. В. И. Равдоникаса, Тихвин, 1925, стр. 39).

²⁴ Никитский. История экон. быта, стр. 88.

²⁵ Воем. XI, стр. 344.

²⁶ Врем. XII, стр. 165—166; Врем. XI, стр. 130—346.

«непашенных» «торговых людей», надо искать и здесь в развитии ремесла (например, кузнечного дела). Так было, например, в с. Сандалакше Кирьяжского погоста, где в Казимировской вотчине было 13 дв. кузнецов-своеземцев («...на реке на Соломяне у погоста»)²⁷.

Нередко, однако, основой для отделения от сельского хозяйства являлось не ремесло, а развитие рыболовства. В большом селе Пужавина Весь в Соломянском погосте (северо-восточный берег Ладожского озера), считывавшем свыше сотни дворов, было 6 дв. «непашенных», в которых жило 11 «рыболовей». Они были положены писцом в 11 луков, а «старого доходу с них шло одиннадцать денег».²⁸ «Непашенные рыболовы» отмечены и в других селениях, например в Кобоне и Вельце, которые в 1500 г. названы еще деревнями, а в писцовых книгах XVI в. уже именуется рядками. (В 1500 г. в Вельце показан 1 дв. пашенный и 7 дв. рыбных ловцов, в Кобоне — 1 пашенный и 6 дв. «непашенных» рыбных ловцов). То же можно обнаружить в ряде селений на низовьях Невы (на устье Охты, Васильевском острове). Рыболовов очень много также в городах Вотской пятины (в Кореле, Орешке, Ладоге).²⁹

Некоторые из названных рядков Вотской пятины настолько оторвались от деревни и приблизились по своим занятиям к городу, что население их в правовом отношении сближается с городским. О своеземцах-кузнецах в Сандалакше в писцовой книге сделано весьма интересное указание: «А тянут с городчаны во все потуги в город Корелу».³⁰ Один из рядков Вотской пятины уже к концу XV в. перерос в настоящий город. Это — расположенный на западном берегу Ладожского озера (к югу от Корелы) — Сванский Волочек. Он возник на земле Валаамского монастыря, но Иваном III был «куплен» у монастыря и приписан к Кореле («... а купил его князь великий у Валаамского монастыря, а придал его в оброк и во все потуги городчанам к городу к Кареле»)³¹. Приписка Сванского Волочка к городу, очевидно, была подготовлена экономическим развитием поселения. В нем жили «люди рядовые, торговые и рыбные ловцы». По «старому письму» в Сванском Волочке было 37 дв., по «новому» — 55 дв. Население по «новому письму» делилось по занятиям на две почти равные группы — 26 дв. торговых людей и 29 дв. рыболовов. Это соотношение между дворами рыболовов и торговых людей может быть принято и для новгородских времен. Оно характерно, как мы видели, в целом для рядков Вотской пятины, где основой для отделения от сельского хозяйства нередко являлось развитие рыболовства, приобретавшего в богатых рыбой районах характер товарного производства.³² В этом важнейшее отличие рядков Приладожья от мстинских рядков.

Перейдем к Шелонской пятине. В ней рядками (в позднейших документах) названы три селения: Новая Руса,³³ Ужин и Взвяд. Сюда же можно отнести Солцу, вышеназванную Опоку,³³ а также Голино. Два из этих селений — погосты Ужин и Взвяд — были большими поселками рыболовов со слабым развитием земледелия. Расположенный на берегу Ильмень-озера, Ужин насчитывал по «старому письму» 81 дв. Земледелием здесь возможно было заниматься только в сухие годы, «в сухие лета, коли вода

²⁷ Врем. XII, стр. 180.

²⁸ Там же, стр. 181.

²⁹ См. ниже, стр. 131—132.

³⁰ Врем. XII, стр. 139.

³¹ Там же, стр. 7.

³² Гадзяцкий. Карелы, стр. 124.

³³ Андрияшев. Материалы, стр. XXIX—XXX.

мала», «коли вода борзо сойdet». ³⁴ Скотоводство развивалось успешнее. По данным писцовой книги 1551 г., сена жители Ужина косили 2700 коп.; кроме того, у них были в общем владении со Взводом («по годам пере-³⁵менясь») болотные луга, где они ставили тысячу копен «болотины». Из ремесленников в Ужине в писцовой книге 1501 г. названы 2 сапожника да кузнец. ³⁶ Кроме того, в писцовой книге названы 2 рыболова, 2 конюха, 2 пастуха. Основным занятием была рыбная ловля ³⁷ («А угодыя ужиняном, ловят рыбу на озере на Ильмене лете и зиме».

В погосте Взвод, столь же значительном селении, как и Ужин, было 88 дв. По характеру занятий оно было близко к Ужину. «А живут в них рыболовы», — отметил писец 1551 г. Указал он также на заливные луга («А коли вода сойdet, и они сено косят участками»). ³⁸ Ремесленников во Взводе не отмечено вовсе. В оброке обоих погостов главным образом фигурируют деньги. Сверх того, население было обязано ловить на князя рыбу: «А коли князь великий будет в своей вотчине в Великом Новгороде, и ужиняном ловити рыба на великого князя дворец без урока». ³⁹

Ко Взводу и Ужину близок по характеру Голинский погост с 29 дв. «непашенных поземщиков» («непашенные люди рыболове»). Из общего числа 49 тяглых ⁴⁰ дворов в Голине названо только два ремесленника — плотник да гончар. В целом и во Взваде, и в Ужине, и в Голине отрыв от земледелия связан не с развитием крестьянских промыслов, а с преобладанием рыболовства. Это — явление того же порядка, что Кобсна в Вотской пятине, только большего размера.

В остальных названных нами селениях Шелонской пятины (Опоке, Солце и Новой Русе) основу для отделения от сельского хозяйства составляет развитие промыслов и торговли. Так было в охарактеризованной выше Опоке. Так было и в Новой Русе и Солце. В Новой Русе (или Новой Соли), ⁴¹ до немногим сохранившимся о ней сведениям, было 25 дв. и 22 варницы. Стало быть, Новая Руса была сравнительно крупным центром солеварения. Ее крупное торговое значение, как это убедительно показано А. М. Андрияшевым, объяснялось тем, что Новая Руса «лежала на скрещении двух, весьма важных торговых путей — сухопутного из Новгорода в Псков и речного волокового пути из Новгорода через Шелонь, Мшагу, Кибу, волоком в Лугу и, наконец, в Финский залив». ⁴² Быстрый рост Новой Русы, выдвинувший ее среди поселений Шелонской пятины (в 1545 г. в ней было почти 160 дв., против 25 дв. конца XV в.), относится, однако, уже к XVI в. В новгородское время Новая Руса еще только начинала складываться как промысловый и торговый центр.

Вероятно, к новгородским временам нужно отнести и начало превращения в торгово-ремесленное селение сельца Солцы. К сожалению, сведения о нем сохранены только в писцовой книге 1539 г. и позднейших; определенных указаний на более ранние времена в них не содержится. По

³⁴ НПК V. стлб. 328.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стлб. 358.

³⁷ Там же, стлб. 356.

³⁸ Там же, стлб. 328.

³⁹ Там же, стлб. 35b, то же самое о Взваде.

⁴⁰ Там же, стлб. 300—301.

⁴¹ Там же, стлб. 33. Путаница в названиях (Слоновая и Соль новая) разъяснена

А. М. Андрияшевым (Материалы, стр. 178).

⁴² Там же, стр. 179. Последний речной волоковый путь был важнейшим «запасным выходом» для Новгорода на случай закрытия шведами пути по Неве.

данным 1539 г., в Солце на владениях бр. Крюковых⁴³ значилось «непашенных» («бобыльных») дворов 51 и только 11 дв. тяглых крестьян. Кроме того, в Солце были дворы церковные, двор помещичий и 3 служных двора.⁴⁴ Среди владельцев бобыльских дворов названо несколько ремесленников (кузнец, плотник, швец, калачник, смычник (?), орешник (?), мельник). Бобыли имели в Солце 7 лавок. Позднейшее название Солцы — Колесная слобода позволяет предположить, что здесь (как и в Дубровском погосте) приобрела большое значение обработка дерева.

Таким образом, в Шелонской пятине часть рядков, т. е. неземледельческих селений, еще не ставших городами, выросла на основе развития рыболовства, часть на основе солеварных и других промыслов. Ремесленно-торговые рядки в Шелонской пятине в новгородские времена все же были менее значительны и по числу и по размерам, чем в Бежецкой и Вотской пятинах. Замедленный рост ремесленно-торговых рядков в густо населенной Шелонской пятине, вероятно, нужно объяснять близостью Новгорода и существованием в ней сравнительно большого города (Старой Русы), стягивавшего к себе ремесленников.

Рядки Деревской пятины известны исследователю очень плохо. Из того немногого, что сообщают о них писцовые книги, заслуживает некоторого внимания лишь рядок Потерпелец («Дер. Потерпелой ряд»), расположенный на рубеже с Бежецкой пятиной, на р. Сушанке. По отношению к этому рядку можно определенно говорить о ремесленном его характере: рядовичи Потерпелца занимались гончарным делом и даже снимали землю для добывания глины в Деревской пятине.⁴⁵ Об остальных селениях с «непашенными» дворами трудно сказать что-либо определенное.

Рядки Обонежской пятины носили главным образом характер складочных пунктов на торговых путях. Экономическую основу для их возникновения составлял не процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Даже по отношению к обонежским рядкам XVI в. Ильинский с полным основанием пришел к следующему выводу: «В Обонежской пятине было 9 поселков с рядовским характером и из них только в одном (с. Грузино) встречаются мастерские люди; остальные 8 были исключительно торговыми».⁴⁶ С еще большим основанием это можно утверждать по отношению к обонежским рядкам XV в.

Краткий обзор новгородских рядков по пятинам подтверждает выдвинутое в начале главы положение о том, что возникновение и рост рядков были результатом общественного разделения труда, отделения от сельского хозяйства ремесла, развития некоторых промыслов (солеварения, рыболовства), а также торговли.

Не следует, однако, представлять рядки XV в. как средоточие отрывающейся от сельского хозяйства имущественной верхушки деревни. Отрываются от сельского хозяйства главным образом наименее обеспеченные слои деревни. Население рядков состояло в XV в. в основном из людей «молодых», «худых». Об этом говорят их имена (обычно без отчества). Особенно ясно выступает это в письме Матвея Валуева, где владельцы крестьянских дворов, как правило, названы по отчеству и где только «люди» именуется без отчества. Для «непашенных» крестьян нередко, однако, допускается исключение, и они сближаются в этом отношении с «людьми». Так, в Дубровском погосте-селении среди «непашенных лю-

⁴³ Часть села была во владении своеземцев.

⁴⁴ НПК V, стлб. 503—504.

⁴⁵ НПК I, стлб. 155; НПК VI, стлб. 929, 945.

⁴⁶ Ильинский. Городское население, стр. 253.

дей» названы «Тимодшка швец», «Ивашко сапожник», «Кипро плотник», «Микула извозчик».⁴⁷ О том, что население рядков состояло из людей с малым достатком, свидетельствуют и небольшие размеры его обложения (см. табл. 27).

Таблица 27
Обложение населения рядков по «старому письму»⁴⁸

Погосты	Число дворов	Обложение	
		всего	с одного двора
	4	1 гр.	3У2 ден.
	12	2 "	2'/3 "
	12	3 "	37Г "
	7	3Уз "	7 "
	22	1 172 руб.	8 "
	20	4 гр. 9 ден.	7 "
	9		

Таким образом, среднее подворное обложение в рядках значительно ниже обычного обложения крестьянского двора. Еще ниже обложение дворов рыболовов. Так, в Пужавиной Веси со 118 «луков» пашенных шло «старого дохода» 47Г руб. 4 гр. 11 ден. (т. е. 1137 ден.) да из хлеба пятина, а с 11 «луков» рыболовов только 11 ден. Следовательно, пашенный «лук», кроме пятинны хлебом, уплачивал почти по 10 ден., тогда как с рыболова брали всего-навсего одну деньгу.⁵⁰ Даже сердобольские купцы платили меньше, чем земледельцы. С 17 дв. (32 чел.) шло старого оброка 1 руб. и 2 гр., т. е. по гривне со двора; или по 8 ден. с «лука», если число «луков» определить по числу людей.⁵¹

Где возникали рядки? Внимательное изучение карты рядков приводит к выводу, что обычно они тяготели к речным путям. Часто они возникали у центров погоста, куда издревле «тянули» крестьяне деревень и сел разросшейся древней общины. Вряд ли имеются основания утверждать, что ядром возникающего рядка часто становилась боярская усадьба (и вотчинные ремесленники, связанные с ней). Представляется весьма обоснованной точка зрения на этот вопрос проф. Б. А. Рыбакова, пришедшего к следующему выводу: «Неукрепленный поселок, состоящий больше, чем наполовину, из непашенных крестьян, занимающихся ремеслом, промыслом или торгом, — рядок становился экономическим центром небольшого района, возникшим без всякого участия вотчинника».⁵²

Зародышевые города, или «починки города», как их удачно назвал еще И. Д. Беляев,⁵³ — рядки только в редких случаях развились в настоящие города (Боровичи, Тихвин). Однако дальнейшая история рядков выходит далеко за пределы новгородского времени и не может быть ос-

⁴⁷ НПК IV, стлб. 181, см. также стлб. 162.

⁴⁸ Самоквасов. Архивный материал, стр. 84; НПК IV, стлб. 162, 181; НПК V, стлб. 12, 32; НПК I, стлб. 4 12.

⁴⁹ Доход владыки не указан. Вместо него указан оброк великого князя.

⁵⁰ Врем. XII, стр. 181.

⁵¹ Там же, стр. 166.

⁵² Рыбаков Ремесло, стр. 582.

⁵³ Беляев. Рассказы, стр. 27.

мыслена без анализа тех социально-экономических процессов, которые развиваются в XVI в. уже в рамках политически объединенной Велико-россии.

II

Развитие товарно-денежных отношений в Новгородской земле не только вело к зарождению новых торгово-ремесленных центров (рядков), но и к существенным изменениям в жизни старых городов. Правда, не все старые города в равной мере получили стимулы для дальнейшего роста со стороны новых экономических сил. Поучительно в этом отношении сопоставить развитие в XV в. двух сравнительно близко расположенных городов западной части Вотской пятины, столь часто появляющихся на страницах летописей XVI—XVII вв., — Копорья и Ямы.

Город Копорье был расположен на сравнительно высокой известковой скале, круто поднимающейся над узкой долиной небольшой реки Копорки.⁵⁴ Первые письменные сведения о Копорье связаны с борьбой против немецких рыцарей в 1240—1242 гг. Здесь немецкие захватчики пытались создать опорный пункт для захвата земли води. «Ватланд», земля води, долгое время занимала видное место в завоевательных планах Ордена и папского престола. «Тоя же зимы, — записал новгородский летописец под 6748 г., — придоша немцы на Водь с Чюдью и повоеваша и дань на них возложиша, а город учиниша в Копорьи погосте».⁵⁵ Имеются основания полагать, что в Копорье был старинный племенной центр води. С этим, вероятно, нужно связывать и самую попытку рыцарей утвердиться именно в Копорье. Заняв Копорье, они пытались привлечь на свою сторону племенную знать води, действуя средствами, давно уже испытанными в земле ливов и эстов. Только при таком предположении становится понятным смысл летописного сообщения следующего 1241 г. о расправе Александра с «переветниками» вожанами («А вожан и чюдцю переветники извеша»)⁵⁶. О значении Копорья как центра⁵⁷ води свидетельствует упоминание о нем в старинных ижорских песнях.

Сын Невского Дмитрий пытался в Копорье создать свой княжеский замок. Дмитрий «выпросил» его у новгородцев и поставил в Копорье деревянный город («Испроси князь Дмитрий от Новгорода поставите собе город Копорью и ихав сам сруби»)⁵⁸. Позднее Дмитрий «обложил» его камнем. Вероятно, новгородский князь чувствовал себя увереннее в земле води, чем среди владений новгородских бояр. Во всяком случае, вовремя столкновения 1282 г. между Дмитрием и новгородцами князь хотел использовать Копорье, где засели его «мужи», как опорную базу. С дружиной и двором он двинулся мимо Новгорода в Копорье («А князь Дмитрий выступи с мужи своими и со двором своим, и поиха мимо Новгорода, хотя в Копорью»)⁵⁹. Новгородцы не пропустили князя и, двинув-

⁵⁴ Обзор истории Копорья см. в статье С. С. Гадзяцкого «Вотская и Ижорская земля Новгородского государства» (Исторические записки, т. 6, 1940).

⁵⁵ Н I Л, стр. 295.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В интересных вариантах рун «Калевалы», опубликованных В. Я. Евсеевым, встречается упоминание о Копорье. Так, согласно руне «Куллерво на войне», отец героя, Калерва, связан с Копорьем. О городке Копорье упоминает также руна «Походы Куллерво под зам(к)» (Руны и исторические песни. Перевод В. Я. Евсеева, Петрозаводск, 1946, стр. 47).

⁵⁸ Н I Л, стр. 323.

⁵⁹ Там же, стр. 324.

шись к Копорью, чтобы выбить «мужей» Дмитрия из его последней опоры, принудили их очистить Копорье. По словам летописца, новгородцы захватили в качестве заложников дочерей князя и его бояр и отказались отпустить их, пока княжеские «мужики» не уйдут из Копорья («Новгородци князю путь показаша, а не яша его, а две дщери его и бояры его с женами и с детьми приведоша в Новгород⁶⁰ в таль: „Даждь мужи твои выступят ся ис Копорья, тоже пустим их“»).

Взяв после этого княжеский город,⁶¹ новгородцы разрушили его, но вскоре восстановили уже как свой город. В XIV в. г. Копорье приобрел довольно крупное военное значение. Когда в 1338 г. немцы вторглись из Нарвы в Толдогу и «отголе хотяху на Водскую землю», они были отбиты отрядом из Копорья: «Вышедши копорьяне с Федором Васильевичем и биша я: и убиша ту Михея Копорьянена, мужа добра, а под Федором конь раниша, но самому не бысть пакости».⁶² Под стенами Копорья, судя по «Магнусовому рукописанью», побывал в середине века и шведский король Магнус («И срете мя весть, что новгородци под Ореховцем, И яз опять пошел под Копорью и под Копорьею есми ночь начевал»)⁶³. К этим же годам относится появление >в Копорье литовских Гедиминовичей. Уже при приглашении Наримонта новгородцы среди других⁶⁴ городов отдали ему «в отцияу и дедену и его детем» половину Копорья.⁶⁴ Половину Копорья получил позднее и его сын Патрикий.⁶⁵ Гедиминовичи «кормились» Копорьем вплоть до Лугвеня (сына Ольгерда). Одно время Копорье как будто было даже резиденцией Гедиминовичей. Так, в Новгородской четвертой летописи под 6919 г. находим следующее сообщение:⁶⁶ «Родися Лугвеню сын на Копорьи Ярослав, а во крещении Федор».

Значительный военный центр, местопребывание Гедиминовичей, Копорье в XIV—XV вв. вместе с тем притягивало к себе и новгородскую феодальную знать. Здесь искал убежища в 1342 г. видный новгородский боярин, посадник Федор Данилович, соперник Луки Варфоломеевича, обвиненный братом и сыном последнего («А Федор и Ондрешко побегоша в Копорью в городок и тамо седеша зиму всю и до великого говения»)⁶⁷. В Копорье же Федор Данилович и его сторонники нашли пристанище после изгнания их из Новгорода в 1350 г. («Того же лета выгониша новагородци из Новагорода Федора посадника и брата его Михайлу и Юрья и Ондреяна, а дома их разграбиша и Прусскую улицу всю пограбиша, а Федор, и Михайло, и Юрья, и Ондреян побегоша во Псков и мало побывши поихаша в Копорью»)⁶⁸. Надо думать, что у влиятельного боярина были прочные связи с Копорьем (может быть, у него имелись свои вотчины, может быть, он был связан с двором Гедиминовичей).

Еще большего внимания заслуживает тяготение к Копорью местной феодальной знати. О складывании местной знати в XIV в. говорят любопытнейшие сообщения о князьях копорских (копорьских, коперейских), сохраненные в новгородских и псковских летописях. В рассказе о войне 1386 г. между Новгородом и Дмитрием Донским среди руководителей

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 328.

⁶² Там же, стр. 349.

⁶³ Москов. сь., сто. 178.

⁶⁴ Н I Л, стр. 346.

⁶⁵ Там же, стр. 379.

⁶⁶ Н IV Л, стр. 411.

⁶⁷ Н I Л, стр. 356.

⁶⁸ Там же, стр. 362.

новгородского войска, вслед за Патрикием Наримонтовичем и князем Романом Юрьевичем названы и копорские князья («Князь Патракий Наримонтович, с князем Романом Юрьевичем и ⁶⁹ Копорскими князи и с всеми новгородци доспев выехаша на поле»).⁶⁹ Через восемь лет в рассказе о походе новгородцев к Пскову под руководством князей Романа Юрьевича и Константина опять упоминается копорский князь⁷⁰ («И ту убыен бысть князь Иван Копорский и Василий Федорович»).

Кто были эти князья Копорские? Костомаров считал их «кормленными» князьями, «называемыми копорскими, потому что им Копорье дано было для кормления». Этот взгляд нужно признать ошибочным, основанным на поверхностном изучении источников. Что здесь мы имеем дело не с «кормленными» князьями, об этом говорит контекст приведенных сообщений, где копорские князья определенно отличены от руководителей рати «кормленных» князей. Они не названы по именам в рассказе 1386 г., они совсем не указаны среди руководителей похода на Псков в 1394 г. В псковских сообщениях они фигурируют рядом с «иными боярами», в новгородском из числа этих «иных» назван Василий Федорович.⁷² Что князья копорские входили в состав именно новгородского боярства, еще убедительнее доказывается списком новгородских тысяцких, в котором мы встречаем копорского князя Елисея Константиновича («Елисей Константинович князь копорейский»,⁷³ «Олисей Константинович князь копорейский»,⁷⁴ «Алисей Константинович князь копорский»⁷⁵). Датируется пребывание Елисея Копорского тысяцким сравнительно точно. Его имя в списке значится после имени тысяцкого Дмитрия Ивановича, который известен как воевода в 1398 г. Имя посадника Елисея фигурирует также в договорной грамоте с князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем. Таким образом, деятельность тысяцкого Елисея Копорского надо относить к концу XIV в.

Связь копорских князей с Копорьем вряд ли может быть оспариваема. Поэтому в князьях копорских нужно видеть местных феодалов, руководителей воинов, имевших свою резиденцию в Копорье. Вероятно, наличием местных феодальных князей нужно объяснить и тот любопытный факт, что Гедиминовичам в «кормление» предоставлено было «пол-Копорья»⁷⁶ — вторая половина Копорья была сохранена за копорскими князьями.

Судьба копорских князей в XV в. не ясна. Упоминаний о копорских князьях более не встречается. Не стали ли они родоначальниками какой-либо новгородской боярской фамилии, полностью ассимилировавшись с новгородским боярством? Юрий Смоленский в 1404 г. получил от Новгорода в «кормление» уже не «пол-Копорья», а все Копорье. Отсюда как будто бы вытекает вывод об утрате копорскими князьями особых владельческих прав над Копорьем к началу XV в. К середине XV в. земли -вои перешли в руки новгородских бояр (среди которых, может быть,

⁶⁹ Н IV Л, стр. 345.

⁷⁰ Там же, стр. 375. ГИИ\5\ копорского князя отметил и псковский летописец: «Тогда князя копорского ублша Ивана и инех бояр много» (II I Л, стр. 25); «Тогда убища Копорского Иоана под СКЫгиною Горюю» (II II Л, стр. 30).

⁷¹ Костомаров. Северо-Русские народоправства, т. I, стр. 132.

⁷² Не сын ли вышеназванного Федора Даниловича?

⁷³ Н I Л, стр. 47 3.

⁷⁴ Н IV Л, стр. 626.

⁷⁵ Ерм. л., стр. 165

⁷⁶ О пополнении рядов новгородского боярства феодализирующей знатью вои и карелы см. ниже, гл. V.

были и потомки местной знати).⁷⁷ Земли Каргальского погоста, центром которого являлось Копорье, принадлежали всего больше Богдану Есипову, Василию Казимиру, Захару Овинову, Настасье Григорьевой, Федоре Глазоемцевой. Двор Богдана Есипова («Богдановский двор») находился в самой крепости Копорье. Таким образом, Копорье в середине XV в. было значительной крепостью, резиденцией князей и крупнейших феодалов (местных и новгородских). Вместе с тем оно было центром большого Каргальского погоста, бывшего важным районом крестьянской железодельной промышленности.

И все же, являясь городом в древнерусском смысле слова, Копорье к концу XV в. не стало сколько-нибудь значительным городом в экономическом смысле слова. По «старому письму» в Копорье «внутри города и на посаде» было всего 18 дв.⁷⁸ Половина этих дворов была занята феодалами и служилыми людьми. Внутри города находились дворы великого князя (бывший «Богдановский двор»), двор наместника да пустой двор помещика Белосельского. Внутри же города было 6 дв. воротников и сторожей. Дворы служилых людей были и на посаде (дворы тиуна, дьяка, пишальника, казака, двух сторожей).

В Копорье было два монастыря (Спасский мужской в городе и Рождественский женский на посаде), оба очень небольшие по размерам. Ремесленно-торговое население Копорья было ничтожным. Городских людей, за вычетом названных военно-служилых людей, было 10 дв. Среди них указано всего два ремесленника: один колпачник да один седельник. Торгово-ремесленное значение Копорья было, очевидно, меньшим, чем значение многих названных выше рядков. Город был военным, административным, церковным центром, но он не стягивал к себе ремесленников из деревень погоста. Показательны и самые ремесленные специальности в Копорье (седельник, колпачник), не имеющие в виду работу на широкий крестьянский рынок. Ничтожное экономическое значение города подчеркнуто и размерами оброка:⁷⁹ «По новому письму великого князя было положено на них 4 гривны».

Хозяйственное развитие прошло мимо Копорья и позднее, в конце XV—XVI вв. Города в экономическом смысле из Копорья так и не получилось, хотя при Иване III стены копорской крепости были утолщены, а административное значение город сохранял и при шведах в XVII в. и в XVIII в., после возвращения Копорья к России.

Среди городов новгородских можно назвать еще несколько таких, которые, как Копорье, не переросли в настоящие города. Еще А. И. Никитский отметил, «что были города в Новгородской земле, все население которых состояло из церковного дьяка и сторожа».⁸⁰

III

Существенно отличен путь развития близкого соседа Копорья — г. Ямы. Яма как город значительно моложе Копорья. Постройка крепости Ямы относится к 80-м годам XIV в., когда новгородцы принимали серьез-

⁷⁷ Так, фамилия одного из новгородских боярских родов — Закерновские — связана с названием речки и села Закернова (примерно в 20 км. от Копорья, в том же Каргальском поюсте).

⁷⁸ Данные «нового письма» мало отличаются от «старого» и могут быть в основном использованы и для характеристики новгородской эпохи.

⁷⁹ НПК III, стлб. 494.

⁸⁰ Никитский История экон. быта, стр. 88. Никитский имеет в виду г. Демон (НПК II, стлб. 499).

ные меры по укреплению своих западных рубежей. Важнейшей из них было сооружение двух новых больших крепостей: Ямы на р. Луге в 1384 г. и Порхова на р. Шелони в 1387 г. Постройка Ямы проводилась под руководством виднейших новгородских бояр (Есиф Захарьин, Юрий Онцифорович, Иван Федорович, Федор Тимофеевич). «Поставиша новгородци город камен на Луге, на Яме, милостию святей Софеи, а поспешением великого ⁸¹ Михаила архистратига, а благословением отца своего владыце Алексея». Как видим, и церковь новгородская приняла участие в этом деле, и в лице своего земного главы, и небесных покровителей. Средств и сил на постройку было брошено так много, что крепость была сооружена чрезвычайно быстрыми, поразившими современников темпами («только в 30 дней и в 3 дня»). Постройка Ямы означала перенесение главной линии новгородской обороны от нарвских немцев и шведов на р. Лугу. Первое боевое испытание новый город выдержал в 1395 г. «Приходиша немци Свея к новому городку к Яме и поихаща прочь, и князь Костянтин с городцаны иных изби, а инии убежаша». ⁸² Через два года после этого немцы ⁸³ вновь побывали у Ямы («...взяша 7 сел у Ямьского* города и пожгоша»).

В большой войне, которую новгородцы вели с немцами в 1444—1448 гг., Яма сыграла весьма значительную роль. Осенью 1444 г. враги подступали к самой Яме, даже пожгли посад, но были отбиты новгородцами. Летом следующего года «местер со всеми своими вой» вновь подступил к Яме, и немецкие пушки били по стенам крепости. Но город я на этот раз устоял. Враги были отброшены с большими потерями: «...самых немцев много паде под городом, а иней язвени отидоша в свою-землю». ⁸⁴ Обороной Ямы в 1445 г. руководил один из мелких суздальских князей Василий Юрьевич, служивший в то время в Новгороде. Военные действия под Ямой развернулись и в последний год войны. Когда соединенные силы новгородцев и псковичей гнали немцев за Наровский рубеж, под Ямой князь Василий нанес поражение отряду врагов («...инех под Ямою городком побиа князь Василий с мужи новгородцы»). ⁸⁵ Таким образом, построенная в 1384 г. крепость сразу же стала значительным военным оплотом Руси, главным сторожем Наровского рубежа.

Вместе с тем уже первые упоминания о Яме дают основание говорить о значительном числе горожан и о посаде, раскинувшемся вокруг крепости. В сообщении о первом нападении немцев на новый городок упоминается о князе, который отбил врагов с «городцаны», а во время осады Ямы в 1445 г. немцы пожгли посад. Расположенный среди сравнительно густо населенного района на важной торговой дороге, которой издревле была р. Луга в ее среднем и нижнем течении, город быстро выдвинулся как ремесленно-торговый центр, перегнав более древние города Вотской пятины (*Ладогу*, *Копорье*, *Корелу* и *Орешек*). Значительное поселение, очевидно, существовало на месте города еще до постройки крепости. Об этом позволяет судить и само летописное сообщение о постройке крепости на «яме» (по Срезневскому—на кладбище) ⁸⁶ и позднейший состав населения.

⁸¹ Н I Л, стр. 379; см. также: Н IV Л, стр. 347.

⁸² Н I Л, стр. 387.

⁸³ Там же, стр. 389.

⁸⁴ Там же, стр. 424.

⁸⁵ П I Л, стр. 48.

⁸⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стлб. 1667.

Тщательный анализ состава населения г. Ямы в конце XV в. и отношения между городом и окружающей деревней представляет значительный интерес как для выяснения в конкретных формах процесса выделения города из деревни, так и для характеристики новгородского «городского строительства». По «старому письму» в г. Яме было дворов 201, людей 257.⁸⁷ По «новому письму» 1500 г. число дворов возросло до 237 (т. е. на 18%), а людей до 331 (т. с. на 29%). Этот сравнительно заметный прирост населения позволяет пользоваться данными «нового письма» для характеристики новгородской поры только со значительными оговорками. Все же некоторые важные выводы, к которым приводит изучение состава населения по «новому письму», могут быть отнесены уже к новгородской поре (см. табл. 28).

Таблица 28

Состав тяглого населения г. Ямы⁸⁹

Местоположение	Своеземцы			Городчаны		
	«лучшие»	«средние»	«молодые»	«лучшие»	«средние»	«молодые»
	30	47	52	7	20	51
	57	63	73	12	25	58
	2	3	8	1	2	6
	2	6	12	2	3	10
Осадочные дворы ⁹⁰	8	—	—	—	—	—
	8	—	—	—	—	—
Итого . . .	40	50	60	8	22	57
	67	69	85	14	28	68

Тяглое население Ямы, таким образом, четко разграничено на две основные части—своеземцев (63%) и городчан (37%). Такого соотношения между своеземцами и городчанами в других городах Вотской пятины не встречается. Так, в описании Корелы названо 17 дв. своеземцев (меньше 10% общего числа дворов). В Ладоге назван всего один своеземец. Отношения к тяглу своеземцев Корелы и Ладоги не являются столь определенными, как в г. Яме. В описании Корелы писец считает нужным пояснить, почему своеземцы положены в тягло, «а живут на городских местах, на тяглых, а в оброк с городчаны тянут». В Ладоге двор своеземца прямо отнесен к нетяглым. «А нетяглых дворов в Ладоге своеземцев в Богородинском конце: дв. Андрейка Семенова, а в нем дворники. . . а с го-

⁸⁷ Этот вопрос подробно освещен в диссертации М. Г. Копачевой «Г. Яма и Ямский уезд на рубеже XV—XVI вв.» (ЛГПИ, 1953).

⁸⁸ Конечно, не следует в указанном числе людей в г. Яме видеть, как это делал Никитский, все население мужского пола. Вряд ли мы ошибемся, если число мужского населения по сравнению с числом людей, внесенных в писцовую книгу, по меньшей мере удвоим, а общее население г. Ямы учетверим. Это даст около 5 чел. на двор. Чечулин полагал, что для определения общего населения города нужно цифру взрослых мужчин помножить на 3.266, что даст несколько меньше, чем при нашем расчете (Чечулин. Города, стр. 31).

⁸⁹ В числителе — число дворов, в знаменателе — число людей.

⁹⁰ Осадные дворы принадлежали своеземцам, жившим в уезде и державшим в г. Яме «дворников».

родчаны оброк тянут же».⁹¹ О своеземцах г. Ямы таких оговорок нет. Таким образом, в г. Яме основной группой населения по «новому письму» были тяглые своеземцы. Эта особенность состава населения г. Ямы сложилась, конечно, еще в новгородское время и связана с историей создания города.

Своеземцы Ямы (ямляне)—весьма своеобразная социальная группа, никак не укладывающаяся в рамки теории «своеземческого города», как ее развил в своих исследованиях П. П. Смирнов.⁹² Вглядимся прежде всего в землевладение ямлян. Оно поражает присущими ему архаическими чертами. У ямлян очень часто встречались различные формы коллективных владений (совладения). Самый интересный пример его — коллективное владение 96 ямлянами селом Ямская Весь. Село Ямская Весь (ныне Ямсковицы), расположенное примерно в 15 км к востоку от г. Ямы, находилось полностью в нераздельном владении жителей г. Ямы. Это большое село (65 дв., с посевом 250 кор. ржи и 600 коп. покоса, положенное писцом в 63 обж.) уплачивало ямлянам дохода четверть хлеба, 137V2 бочек пива, 80 сыров, 150 ковриг. Вероятно, оно было отдано ямлянам при основании города (отсюда и название села), и владельцами его были первые обитатели г. Ямы. Среди владельцев Ямской Веси были своеземцы Есех имущественных категорий (и «лучшие», и «средние», и «молодые»). Ямским своеземцам было отдано в общее владение еще одно небольшое село Наровское («На Устье Норовы и Россони»). К сожалению, писцовая книга Матвея Валуева по Шелонской пятине не включила поименного перечня ямских своеземцев, получавших ранее доход с села. (Позднее село* было передано торговым людям виовь основанного Ивангорода). Из переписи Валуева мы узнаем только, что у своеземцев на селе было два «жеребья», а остальная треть доходов шла ямскому наместнику. Указан также «старый доход». В отличие от Ямской Веси, торговое село Наровское, лежавшее на низовьях Норовы, уплачивало, кроме продуктов, значительный денежный оброк («полшест! рубля и 4 гривны и 5 денег»). Продуктовый оброк состоял главным образом из хлеба («А своеземцам шла пятина из хлеба») и пива.⁹³ Кроме больших сел (Ямской Веси и Наровского), во владении своеземцев находился ряд мелких селений.

Остановимся подробнее на землевладении одной группы своеземцев — «лучших». Из 30 «лучших» своеземцев данные о земельных владениях имеются относительно 13, что дает возможность если и не с исчерпывающей полнотой, то все же на достаточном материале охарактеризовать земельные владения наиболее зажиточных ямлян. Из 13 «лучших» своеземцев шестеро имели землю только в Ямской Веси: 1) Нестеровы Куземка да Ивашко, да Олферко; 2) Рохновы Палка да Федко с братьями; 3) Шалимов Федко с детьми; 4) Федков Рохно да Иванко; 5) Володин Тимошка; 6) Харитонов Яшка с братьей. Таким образом, эти шесть ямлян были совладельцами Ямской Веси. Никакого хозяйства на земле они не вели, и их отношение к земле сводилось к праву на получение определенной доли оброка с Ямской Веси. Из остальных семи «лучших» своеземцев двое (Палкин Демидка⁹⁴ и Якушев Софронка) входили также в число совладельцев Ямской Веси, но имели, кроме того, землю в другом месте.

⁹¹ НПК III, стлб. 960. Что писец относит двор своеземца к нетяглым, ясно и из дальнейшей фразы: «А се дчоры нетяглые ж: дв. поп. . .»

⁹² П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I. М., 1947.

⁹³ НПК IV, стлб. 232.

⁹⁴ В переписи своеземцев Ямы он назван: Кривой Демед Палкин.

Пятеро «лучших» своеземцев не входили в число совладельцев Ямской Веси.

Владения ямлян за пределами Ямской Веси также носили характер коллективный. В качестве совладельцев небольшой деревни выступали обычно несколько ямлян. Так, Лукьянко Васков, первый в списке «лучших» своеземцев, был одним из четырех совладельцев дер. Кленно на р. Луге. В деревне было шесть дворов, с которых ямляне получали четверть хлеба и 3 ден.⁹⁵ Демид Палкин, названный выше совладелец Ямской Веси, кроме того, был одним из восьми совладельцев дер. Орел на Луге (состоявшей из шести дворов). Доход ямлян состоял, как обычно, из четверти хлеба и, сверх того, из 5 бочек пива и 27г гр.⁹⁶ Софронка Якушев, выступавший совладельцем Ямской Веси, был одним из пяти совладельцев дер. Лусское Песто (7 дв.). В качестве второго совладельца указан еще один «лучший» своеземец, Колоколков Савка. Доход с Лусского Песта шел только хлебом — четверть хлеба.⁹⁷ Кроме того, Колоколков, а также «лучший» своеземец Михалев Матюк были совладельцами дер. Стехнов Котел (13 крестьянских дворов. 11 совладельцев ямлян). Доход с нее шел — четверть хлеба, 5 гр. и 10 бочек пива.⁹⁸ Рохнов Васюк был одним из четырех совладельцев дер. Сольское болото (из 3 дз.). Доход с нее ограничивался, если это только не описка писца, бочкой пива (вероятно, и с нее шла четверть хлеба).⁹⁹ Наконец, последний из «лучших» своеземцев Матюков Филя был одним из трех совладельцев дер. Падога на Луге (3 дв.), с которой шла, как обычно, четверть хлеба.¹⁰⁰ Таково же было землевладение хозяев осадных дворов в городе. (Из 8 дв. оно может быть выяснено по отношению к четырем). Так, Захар Якушов с братьею имел долю в Ямской Веси, был одним из двух совладельцев дер. Клинь Кракова (в 3 дв.) и одним из двух совладельцев дер. Кошкино (в 4 дв.).¹⁰¹

Совладельцами «лучших» своеземцев в Ямской Веси и в других деревнях бывали своеземцы других категорий («средние» и «молодые»). Землевладение других групп отличалось от «лучших» своеземцев только одной чертой. Среди «средних» и особенно «молодых» своеземцев попадались такие, кто сам пахал землю на себя. Так, в дер. Лусское Песто три своеземца пахали на себя.¹⁰² Точно так же двое из трех совладельцев дер. Падога пахали сами. В остальном же землевладение «средних» и «молодых» было сходно с землевладением «лучших». Так же, как и «лучшие» своеземцы, и «средние» и «молодые» выступали в качестве совладельцев, получавших определенную долю дохода с того или иного села или деревни. Поэтому нет необходимости подробно описывать землевладение других групп своеземцев. Следовательно, ямские своеземцы были мелкими землевладельцами, получавшими доход с 1—2 дв., а где и с какой-то доли двора. Доход им шел «издольным» хлебом (четверть), пивом, деньгами, изредка баранами.

Если связь ямлян-своеземцев с землей бесспорна, то столь же очевидно, что доход с земли не был их един-

⁹⁵ Н П К III, стлб. 891.

⁹⁶ Там же, стлб. 890.

⁹⁷ Там же, стлб.

⁹⁸ Там же, стлб. 890.

⁹⁹ Там же, стлб. 889.

¹⁰⁰ Там же, стлб. 884.

¹⁰¹ Там же, стлб. 884, 886, 887, 954.

¹⁰² Там же, стлб. 887; см. также стлб. 888 (дер. Жапинз), стлб. 889 (дер. Терпигора).

(ственным доходом и не он определял имущественное положение своеземца. Земельные владения «лучшего» своеземца почти не отличались по размерам от «среднего» и «молодого» своеземца.¹⁰³ Писцовая книга не дает материала для ответа на вопрос, чем же занимались ямские своеземцы и что выдвинуло значительную группу из них в ряды «лучших» людей. Только у двух своеземцев («средних») имеется указание на их занятия ремеслом (Федор Гаврилков—лучник, Денисов Ивашко — сапожник). Но так как занятие торговлей и извозом писцом нигде по Яме не указано, можно предположить, что среди своеземцев были люди, промышлявшие торговлей и извозом. Бесспорно также, что жители г. Ямы (и своеземцы в том числе) держали скот. Среди населения г. Ямы указано 4 дв. пастухов, что позволяет думать о значительном городском стаде.

Пристальное изучение земельных владений ямских своеземцев позволяет выдвинуть примерно следующую схему создания этой основной группы населения г. Ямы. Основание г. Ямы отнюдь не ограничилось только постройкой крепости: оно сопровождалось рядом мероприятий по обеспечению города населением. Ямлянам (жителям ли местного поселения, существовавшего до основания города, или переселенным сюда из Ямской Веси и Наровского) были отданы в коллективное владение два названных больших села. Тем самым ямляне были поставлены в положение своеземцев, получавших оброк с крестьян за те повинности, которые они несли по городу. Ряды ямлян постепенно пополнялись своеземцами из Окологородья и окрестных погостов, перебивавшимися в город, но не порывавшими связи с землей. Некоторые из них продолжали пахать на себя землю.¹⁰⁴ Своеземческое ядро города постепенно обрастало тянувшимися в город деревенскими ремесленниками и торговцами. Так создавался слой городских людей («городчан» в узком смысле слова), не имевших, в отличие от своеземцев, доли в коллективных владениях ямлян.

Переходим к занятиям городчан. Связь городчан с землей может быть установлена только в двух случаях.¹⁰⁵ Очевидно, их землевладение — явление вторичное. Из общего числа городчан (89 дв.) занятие владельцев указано по 28, т. е. почти по трети дворов. По двум третям дворов, в том числе по всем восьми дворам «лучших» людей, никаких указаний не дано. Из указанных 28 дв. половина занималась ремеслом. (Кроме того, ремеслом занимался один из «дворников» в осадном дворе). Среди остальных 14 дв. шесть принадлежали скоморохам, четверо — пастухам, два — москотинникам и по одному — рыболову и мяснику.

Интересно распределение этих 28 дв. между «средними» и «молодыми» людьми, характеризующее положение отдельных ремесленных специальностей и городских занятий в русском средневековом городе. Пастухи и скоморохи все отнесены к «молодым» людям. Записаны они только по имени (без отчества),¹⁰⁶ а в одном случае писец ограничился даже кличкой («Зеленя скоморох»). Лишь один из скоморохов и один из пастухов удостоились того, что их записали с отчеством.¹⁰⁷ К «молодым» людям

¹⁰³ И у «средних» и у «молодых» своеземцев нередко бывали земли в двух и даже в трех местах.

¹⁰⁴ Вопрос о ямских своеземцах получил дальнейшую разработку в названной выше диссертации М. Г. Копачевой.

¹⁰⁵ Кондрашов Ивашка был совладельцем Ямской Веси и, сверх того, совладельцем дер. Жапино, где он сам пахал на себя (НПК III, стлб. 888). Анна Гридина была совладелицей дер. Клип Кряхово (там же, стлб. 886).

¹⁰⁶ Игнатко-пастух, Захарко-пастух, Родивонко-пастух, Игнат-скоморох, Олексейко да Родивон-скоморохи.

¹⁰⁷ Олухнов Кузе[мка]-скоморох, Денисов Ондрей-пастух.

отнесены писцом и швейники (3 портных и 1 швец), чье производство не требовало оборудованной мастерской и кто, вероятно, обычно работал на дому у заказчика. В «молодые» люди попали также гончары, ковшечник, калачник и один из плотников. Сюда же отнесен и единственный указанный по Яме рыболов.

К «средним» людям отнесены торговцы (мясник, москотинники) и ремесленники более высокой квалификации, чье производство требовало и более сложного оборудования и большей ремесленной выучки (три кузнеца, кожевник, дегтяр, один из плотников). Сюда же можно отнести двух ремесленников из числа «средних» своеземцев (сапожника и лучника) и жившего «дворником» в осадном дворе токаря. Яма как ремесленный центр не имела ясно выраженного лица, в ней не намечилось отрасли промышленности, которая приобрела ведущее значение. Продукция ямских ремесленников, очевидно, не была предназначена для сбыта на широком рынке. Но она была достаточно разнообразна и могла обслужить тяготевший к Яме сельский округ. В Яме бывали, конечно, еженедельные рынки и ярмарки, привлекавшие значительное число крестьян из смежных погостов Вотской и Шелонской пятин. С этими торжищами связано наличие в Яме «корчмита». Вероятно, на торжище сбывал свои калачи ямской калачник, единственный названный в писцовой книге представитель «пищевой промышленности». И, конечно, на торжище подвизались многочисленные ямские скоморохи (целых шесть дворов!).

Город Яма — типичный центр значительного сельского округа, в котором начался процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Это следующий этап того процесса образования торгово-ремесленных поселений, о котором шла речь в предшествующей главе. Основанная новгородскими боярами как порубежная крепость, связанная своим возникновением с потребностями обороны, Яма стала городом в экономическом смысле этого слова в результате того процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, который столь определенно обозначился в западной части Вотской пятин. Стянувший к себе ремесленников из окружающих его погостов, город сделал ненужным образование рядков. На примере г. Ямы XV в. ясно прослеживается процесс складывания тех «небольших местных рынков»,¹⁰⁸ концентрирование которых приведет позднее к образованию всероссийского рынка.

Благоприятными для развития Ямы как торгово-ремесленного поселения условиями были не только его географическое положение и прочные связи с сельским окружением, но и своеобразный социальный облик города, менее, чем старые города Новгородской земли, испытывавшего на себе эксплуатацию со стороны феодального землевладения. Город строился на своей городской земле.¹⁰⁹ Он был окружен значительным «окологородьем». Никаких указаний на наличие в городе дворов крупных феодалов, как это было в Копорье, не имеется. Монастыри (Пречистенский — женский и Спасский — мужской) были небольшими городскими монастырями, возникшими после основания города (Спасскому монастырю

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1, изд. 5-е, стр. 154.

¹⁰⁹ Источники не дают надежных оснований для выяснения вопроса о том, кому принадлежала земля до постройки Ямы, была ли она новгородской государственной землей, т. е. землей св. Софии, или здесь были владения Михайловского монастыря? (Обе гипотезы идут от упоминания имени св. Софии и архистратига Михаила в приведенном выше рассказе о постройке города). Гипотеза Гадзяцкого о Яме как центре крупной феодальной вотчины (Исторические записки, т. 6, 1940, стр. 115) не находит подтверждения в источниках.

9 В. Н. Вернадский

принадлежало сельцо Коровье на р. Луге да дер. Захонье с 21 дв.,¹⁰ Пречистенскому— волостка, положенная в 35 обж., в Шелонской пятине с сельцом Липовым в центре).¹¹ В самом городе монастыри земель не имели и «позему» от горожан не получали. Это выгодно отличало Яму от старейших городов Вотской пятинны (Копорья и Ладоги). О Копорье, где сидели Гедиминовичи и местные князья, где в городе находился двор Богдана Есипова, а земли крупных бояр подступали к самому городу, не оставляя места для «окологородья», мы уже говорили выше. На Ладоге же стоит несколько задержаться для того, чтобы показать социальные условия, которые мешали превращению городов старого типа в ремесленно-торговые центры.

IV

Древнейший из городов Новгородской земли, главный северный оплот восточного славянства в пору возникновения русской государственности и славный защитник русских земель от шведов, Ладога к концу XV в. утратила свое былое значение. Постройка крепостей Орешка и Корелы передвинула главную линию обороны Приладожья на север и запад от Ладоги, и последняя перестала¹² быть военным аванпостом Новгорода, отойдя на вторую линию обороны. Как торгово-ремесленный центр она развивалась также медленно. По «старому письму» в ней значилось всего 84 дв.,¹³ т. е. почти в три раза меньше, чем в г. Яме. В Ладоге показан только один двор своеземцев (трудно сказать, был ли он во времена «старого письма»).

Население Ладоги было разбито писцом, как и в Яме, по имуществу на три категории — «лучших», «средних» и «молодых» людей. По сравнению с г. Ямой, процент «молодых» в Ладоге был значительно выше (даже если взять в г. Яме одних только городчан) (см. табл. 29).

Таблица 29

Сравнительный состав городского населения Ладоги и Ямы (по «новому письму»)

Категории городского населения	Ладога		Яма			
	в целом		в целом		городчане	
	число	%	число	%	число	%
	9	8	48	20	8	9
	15	14	72	30	22	25
	85	78	117	50	59	66

В то время как в Яме в целом дворы «молодых» людей составляли половину общего числа дворов, а среди городчан две трети, в Ладоге дворов «молодых» людей было свыше трех четвертей. Значительную часть

¹⁰ НПК III, стлб. 956.¹¹ НПК V, стлб. 440.¹² История Ладоги подробно изложена в известной работе Н. Е. Бранденбурга «Старая Ладога» (СПб., 1896); см. также работу С. Н. Орлова, знакомящую с итогами последних работ советских археологов в Ладоге (С. Н. Орлов. Старая Ладога. Л., 1949).¹³ НПК III, стлб. 957-960.

«молодых» ладожан составляли «поземщики», жившие на монастырской или церковной земле. Дворов «поземщиков» было 30. Они имелись во всех четырех концах, на которые распадалась Ладога. «Позем» они платили деньгами (обычно по деньге со двора) и половьем хмеля. Земельная нужда остро ощущалась в этом древнем городе, где истари земли были захвачены церковью. Показательно, что московскому правительству в Ладоге после присоединения Новгорода пришлось сразу же принять меры, обеспечивающие новым горожанам возможность приобретения земельных участков. Согласно записанной в письме 1500 г. инструкции в Ладоге было отведено место для застройки и установлена мера двора («...а мера двору поперек 10 сажан, а в длину 15 сажен»)¹¹⁴. В заботе о том, чтобы отводимые участки были использованы по прямому назначению, было предписано «пашни им на тех местах и хмельников не метати и не пахати».

Земельная нужда, необходимость платить «позем» землевладельцу — вот что было одной из причин, сдерживавшей приток ремесленного населения в Ладогу. Другой и, конечно, более важной причиной было меньшее, чем в районе р. Луги, развитие в окружающих погостах деревенского ремесла. Сказывались, вероятно, и тесные связи с Новгородом, легко доставлявшим по волховскому пути в Ладогу изделия своих ремесленников. Во всяком случае, как ремесленный центр Ладога не приобрела сколько-нибудь существенного значения для местного рынка. В писцовой книге в Ладоге названы только 4 ремесленника: кожевник, портной, плотник, скорняк. Все они отнесены к «молодым» людям.

Население города кормилось всего больше судоходством и рыболовством. Особенное значение имело рыболовство. В договорные грамоты Новгорода с князьями постоянно (с XIII по XV в.) включается статья о праве князя посылать в Ладогу «осетрыника». Писцовые книги и другие документы отмечают в Ладоге несколько тоней.¹¹⁵ С рыболовством было связано 73 дв. (68%). «Да у ладожан же у посадских людей на оброке по грамоте... на реке Волхове 47г сиговых тони, да 8 тонь вешня ловли лещовых, да на Ладожском озере вешняя лещовые ловли 100 мест и нижние ловли 11 лодок». Таким образом, Ладога была в конце XV в. в основном поселением рыболовов.

«Лучшие» люди были, вероятно, втянуты в торговлю по Волхову. Ладога играла немаловажную роль в торговле Новгорода с немцами. Бранденбург не без основания отстаивал мысль о существовании в Ладоге немецкого двора.¹¹⁶ Немалое место в доходах горожан занимала и обработка земли — иначе не к чему было в инструкции запрещать новым горожанам заводить на своих участках пашни и хмельники (вообще о хмеле и хмельниках в описании Ладоги упоминается неоднократно и, разумеется, не случайно). И так, на жизни Ладоги конца XV в. слабо еще сказались новые явления экономической жизни XV в.

Напоминали Ладогу и два других приладожских города, Корела и Орешек.¹¹⁷ Корела, несмотря на свои значительные размеры, не уступавшие Яме (в чей было около 240 дв.), была в конце XV в. в основном поселением рыболовов (им принадлежало свыше половины дворов). Из ре-

¹¹⁴ Там же, стл. 960.

¹¹⁵ Н. Е. Бранденбург, ук. соч., стр. 90—91.

¹¹⁶ Там же, стр. 62.

¹¹⁷ Последние сводные даяные о составе населения Корелы и Орешка приведены в работе С. С. Гадзяцкого (Гадзяцкий. Карелы, стр. 131—134). Они несколько уточняют подсчеты в работе Н. Д. Чечулина.

месленников **IV ПИСЦОВОЙ** книге назван только один кузнец да один бочечник — специальность не столь неожиданная в этом поселке рыболовов, раскинувшемся около крепости, сторожившей путь по Вуоксе. Посадское поселение (городчане) было резко дифференцировано по имуществу, как об этом говорит табл. 30.

Таблица 30

Посадские дворы (городчане) г. Корелы

Группы населения	Число дворов «лучших» людей	Число дворов «молодых» людей	Всего
	15	32	47
	15	95	110
Без промысла	—	20	20
Итого	30	147	177

Таким образом, в Кореле указаны только «лучшие» и «молодые» люди. Население Орешка также состояло по преимуществу из рыболовов (их было 40 дв.) и огородников. Из ремесленников назван только один токарь. Так же, как в Кореле, здесь не было «средних» людей (табл. 31).

Таблица 31

Население г. Орешка

Группы населения	Число дворов «лучших» людей	Число дворов «молодых» людей	Всего
	12		12
	12	124	136
Итого	24	124	148

К дворам «молодых» людей можно, кроме того, причислить 4 дв. «поземщиков».

Превращение Корелы и Орешка в настоящие ремесленные центры произошло только в московские времена, в XVI в. По переписи 1568 г. в Кореле уже было 40 ремесленников 16 специальностей (8 овчинников, 2 кожевника, 3 скорняка, 3 сапожника, 2 портных, 4 плотника, 6 бочарников, 1 ведерник, 2 котельника, 4 кузнеца, 2 горшечника, 1 красильник, 1 зелейник, 2 мечника, 1 стекольник, 2 смоляника).¹¹⁸ В Кореле было 35 торговых помещений разного типа (лавки, амбары, щербети).

Насколько в Новгородской земле отделением ремесла от сельского хозяйства была подготовлена почва для создания торгово-ремесленных городов, можно судить по ранней истории Ивангорода. Постройка Иванго-

¹¹⁸ Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 66.

родской крепости относится уже к московскому времени, но стоило возникнуть крепости, как к ее стенам стало собираться значительное торгово-ремесленное население. Переписная книга Валуева была составлена всего через два года после постройки крепости, а она изображает Ивангород уже как значительный ремесленно-торговый город со 165 дв. Многие жители Ивангорода были, конечно, связаны с землей. Немалое значение имело для них и рыболовство («А угодей у ивангородцев в реце в Нарове — ловля рыбная, 30 колов»)¹¹⁹. Но облик города определялся уже не этими 30 «колами» на Нарове, а значительным числом ремесленников и торговцев. Среди ремесленников, кроме 5 плотников, 4 кузнецов, 2 хлебников, 5 калачников, швеца, овчинника, были ремесленники и более редких, узких специальностей (торочечник, жерновник, учанник, гробник). Всего в Ивангороде было уже свыше двух десятков ремесленников. Торговля в городе была представлена 4 крупными купцами (их дворы находились внутри крепости) и десятком других торговцев (мясников, москательников, вошаников). Откуда собрались эти ремесленники и торговцы в Ивангороде? Часть из них (это относится прежде всего к крупным купцам) были москвичами и новгородцами. Встречались среди жителей Ивангорода и псковичи (например, «Петруша Псковитин — перевозчик»)¹²⁰. Однако, бесспорно, большинство ивангородских ремесленников и мелких торговцев были местными людьми, деревенскими ремесленниками или торгующими крестьянами. Достаточно оказалось небольшого толчка, чтобы дремавшая в деревне XV в. «потенциальная энергия горообразование» обратилась в кинетическую и чтобы готовые оторваться от земледелия ремесленники деревни обрезали пуповину, связывавшую их с сельским хозяйством, и потянулись в город.

V

Города Вотской пятины поучительно сопоставить с городами Шелонской пятины. В Шелонской пятине в новгородские времена значилось 5 городов (Руса, Порхов, Высокое, Вышегород и Кошкин Городок)¹²¹. К сожалению, по городам Шелонской пятины историк не располагает теми сравнительно подробными описаниями, какие имеются у него по городам Вотской пятины. Все же и тех немногих данных, какие имеются в V томе Новгородских писцовых книг достаточно для того, чтобы дать общую характеристику шелонских городов. Три из них (Высокое, Вышегород и Кошкин Городок) были только укреплениями и не имели никакого торгово-ремесленного населения.¹²² Да и как укрепления они не были значительными. По отношению к Кошкину Городку исследователям не удалось даже установить точно его местонахождение. В XVI в. эти названия сходят со страниц писцовых книг и не фигурируют даже в перечнях городов в завещаниях московских государей.

Порхов далеко ушел от этих городков по военному значению — он был в XIV в. (в 1387 г.) обнесен каменной стеной.¹²³ У стен Порхова бывали литовские рати Ольгерда и Витовта, которым он уплачивал окуп.¹²⁴ Пор-

¹¹⁹ НПК IV, стлб. 230.

¹²⁰ Там же, стлб. 229.

¹²¹ А если считать городом Опоку, как она названа в летописи, то даже шесть городов.

¹²² Андрияшев. Материалы, стр. 310, 344.

¹²³ Крепостные сооружения Порхова обследованы В. А. Богусевичем (Богусевич и ч.

¹²⁴ Военно-оборонительные сооружения).
Н I Л, стр. 358, 415.

ховича выступали как особый отряд в составе новгородского войска во время похода против Ржевы.¹²⁵ И все же в экономическом отношении, как ремесленно-торговый центр, Порхов развивался чрезвычайно медленно. Писцовая книга 1498 г. отмечает в нем по «старому письму» 76, а по «новому» — 68 тягловых дворов.¹²⁶ (Таким образом, число дворов почти не изменилось, что дает возможность пользоваться данными «нового письма» для более ранней поры).

Из 68 дв. Порхова подавляющее большинство (61 или 62 дв.)¹²⁷ были пашенными дворами. Пашня порховичей достигала 140 кор. (т. е. почти по 27г кор. на двор). Это, конечно, значительно ниже средней подворной пашни в Шелонской пятине, но все же это — настоящая пашня. К этому нужно добавить, что за порховичами записано 40 огородов да 1050 коп. сена (т. е. по 17 коп. сена на двор) («А пашут Порховичи все 40 огородов да 35 участков, а пашни у них 140 коробей, а сена тысяча и 50 копен»)¹²⁸. Стало быть, пашенные дворы порховичей имели посевы примерно половинного против обычного размера, близкие к обычной норме покосы и значительные огороды. Непашенных дворов в Порхове было всего 6—7. При этом все «непашенные» отнесены писцом к «худым людям» («На посаде непашенные худые люди»)¹²⁹. Ремесленников указано всего два — оба сапожники.

Таким образом, под каменными стенами Порхова на посаде даже в конце XV в. жили преимущественно земледельцы. Порхов еще не стал ремесленно-торговым поселением, напоминая в этом отношении больше Копорье, чем Яму. По торговому значению Порхов, конечно, далеко уступал мстинским рядкам, а по числу ремесленников его не только нельзя поставить в ряд с селом Пилолой, но даже с погостом Опокой. И дальнейшее развитие Порхова в XVI в. шло чрезвычайно медленными темпами. Показательно, что уже письмо 1498 г. отметило не увеличение, а сокращение числа дворов в Порхове. А в разрядном и разметном списке 1545 г.¹³⁰ по письму Мики ты Владыкина в Порхове насчитано дворов всего 71 (среди них 14 нетяглых дворов — наместника, 2 — городничих, 4 — воротников, 5 — пицальников, попа и дьякона). Таким образом, некоторый прирост населения шел только за счет военно-служилого элемента. Что касается тяглых дворов, их число снизилось до 57. «А пустых дворов тяглых в Порхове 11», — отметил писец.

Чем объясняется столь медленный рост Порхова как ремесленно-торгового центра, хотя в Порховском уезде процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, как это показано на примере Опоцкого и Дубровенского погостов, зашел сравнительно далеко? Причину нужно искать в географическом положении Порхова, стоявшего в стороне от главных дорог. Сказывалось на развитии Порхова и других торгово-промышленных селений в Шелонской пятине и наличие в ней большого города, каким была Руса, а также близость Новгорода, связанного удобным шелонским путем с селениями пятинны.

Руса заслуживает особого внимания как крупнейший город Новгородской земли и, пожалуй, единственный город в ней (кроме Новгорода), который имел экономическое значение, выходящее далеко за пределы его

¹²⁵ Там же, стр. 418.

¹²⁶ НПК V, стлб. 261—262.

¹²⁷ Описание дефектно.

¹²⁸ Там же, стлб. 262.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ ААЭ, стр. 187—189.

непосредственного окружения. Начало Русы теряется во мгле времени. Руководствуясь легендами, связанными с названием города (Старая Руса), многие исследователи относили ее возникновение к временам, предшествующим образованию древнерусского государства, в создании коего они отводили Русе очень значительную роль. Карамзин готов был видеть в ней древнейший город на Руси. Позднее А. А. Шахматов здесь искал древнейший северный центр Руси, предшествовавший¹³¹ Новгороду. Позицию Шахматова в основном поддержал Платонов,¹³² подкрепив ее некоторыми дополнительными соображениями. Доводы Шахматова и Платонова, сводящиеся к интерпретации арабского источника, нельзя признать сколько-нибудь убедительными. Оба исследователя, стоявшие на позициях норманистов, заняты были не историей г. Русы, а разысканиями о происхождении Руси. Город Руса привлек их внимание только своим именем, в котором они искали дополнительный аргумент в пользу северного происхождения термина «Русь». Вопрос о времени возникновения Русы приходится считать открытым до тех пор, пока советским археологам не удастся обнаружить следы древнейшего города. Летописные известия о Русе начинаются с 1167 г.¹³³ Под именем же Старой Русы она фигурирует впервые лишь в XV в., уже после возникновения Новой Русы. Все же, бесспорно, Русу нужно отнести к древнейшим городам Новгородской области. Уже в конце XII в. новгородцы обложили город камнем.

Сдвиги XIV—XV вв. способствовали дальнейшему росту Русы. О ее хозяйственном росте в XV в. свидетельствуют упоминания Новгородской первой летописи четырежды о постройках каменных храмов в Русе. Из них особенно интересно первое¹³⁴, которое говорит о постройке в Русе церкви новгородскими купцами.

Рушане, как и порховичи, выступали как особая часть новгородского войска.¹³⁵ В списках новгородских городов в XV в. Руса занимала первое место (так, перечень 13 городов, переданных новгородцами Юрию Смоленскому в 1403 г., открывается Русою).

К концу XV в., по данным писцовых книг, Руса была весьма значительным городом. Она состояла из четырех концов (Рогова, Песьего, Минина, Середки) и слободки (Спасской). Точная численность дворов в Русе в конце XV в. не может быть¹³⁶ установлена, так как данные переписи по Русе уцелели не полностью. Полные итоговые данные сохранились по двум концам (Рогову и Песьему), по Минину концу приведены только частичные итоги, по концу Середка мы располагаем лишь отрывочными сведениями (итогами по некоторым владельцам и некоторыми неподытоженными отрывками переписи). Если свести все эти данные, получится следующая картина (табл. 32):

¹³¹ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 53—56.

¹³² С. Ф. Платонов. Руса. «Дела и дни», 1920, кн. 1, стр. 1—5.

¹³³ У этому году и отнес начало Русы Неволин в «Общем списке русских городов» (К. А. Неволин, Полное собрание сочинений, т. VI, СПб., 1859, стр. 84). Археологическое изучение древней Русы началось только в последнее время и пока не дает материала даже для предположительного ответа на вопрос о месте и времени возникновения древнейшего города (А. А. Строков. Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. Новгородский исторический сборник, вып. 7, Новгород, 1940).

¹³⁴ И 1 Л, стр. 397 и 402, 422, 425.

¹³⁵ Там же, стр. 417.

¹³⁶ Точные сведения о числе дворов в Русе сохранились только по данным середины XVI в. (ААЭ, стр. 186—187).

Таблица 32

Население г. Русы в конце XV в.

Концы	Число дворов	Число людей
	256	782
	359	1179
¹³⁹ Минин	124	453
¹⁴⁰ Середка	82	213
Итого ¹⁴¹ . .	821	2627

Учитывая неполноту данных по двум концам, можно смело утверждать, что в Русе в конце XV в. было около 1000 дв. Таким образом, Руса по численности дворов превосходила все города Вотской пятины вместе взятые. Из этой, примерно, тысячи дворов в Русе мы располагаем описанием половины (500 дв.). Оно дает если и не исчерпывающий, то все же значительный материал для суждения о составе городского населения, его занятиях и землевладении.

Внимание исследователя прежде всего привлекает необычно большое число жителей (людей) по сравнению с числом дворов. Обычно по городам Новгородской земли на 1 дв. приходится в среднем меньше чем по 1,5 чел. Так, по подсчетам Чечулина, «по письму 1500 г. на 100 дворов добрых приходится в Яме 182 ч., в Ладоге—155, в Орешке—153, в Кореле—140; на 100 дворов „средних“ в Яме 136 ч., в Ладоге—140, и на 100 дворов „молочих“ в Яме 128 ч., в Кореле—123, Орешке—120 и Ладоге—113 ч.»¹⁴² В Старой Русе, по вышеприведенным сводным данным, приходится на 100 дв. 320 чел. Если взять те 500 дв., описание которых сохранилось, то в них имелось свыше 1600 чел., т. е. по 320 чел. на 100 дв. (точнее по 322 чел.); 105 дв. из 500 описанных, т. е. 21%, имели по 5 и более человек. В 7 дв. было по 10 чел. Большие размеры дворов— важная отличительная черта Русы по сравнению с другими городами Новгородской земли.

Еще более существенной особенностью населения Русы является наличие во многих дворах «соседей». В уцелевшей части книги названо свыше 500 «соседей». Они составляли не менее трети взрослого мужского населения Русы. В некоторых дворах отмечено по несколько «соседей» (есть дворы с 6, 7 и даже 8 «соседями»). Большое число «соседей»— вторая существеннейшая особенность населения Русы.

Своеобразно и землевладение в Русе. Почти все владельцы дворов в Русе платили «позем». В этом отношении Руса несколько напоминала другой древнейший новгородский город— Ладогу, но далеко перегоняла

¹³⁷ НПК V, стлб. 203.¹³⁸ Там же, стлб. 208.¹³⁹ Там же, стлб. 213—214.¹⁴⁰ Там же, стлб. 203—204, 278—279 и 276—278. Относим стлб. 278—279 к концу Середки, согласно убедительным соображениям А. М. Андрияшева (Материалы, стр. 217). Используем как частичные итоговые подсчеты писца, так и описания неподытоженных дворов.¹⁴¹ А. М. Андрияшев (ук. соч.) дает итоговую цифру 709 тягловых дворов па трем концам, отбрасывая данные по Середкину концу.¹⁴² Чечулин. Города, стр. 46.

его по числу поземщиков. Свободны от уплаты «позема» были только несколько дворов духовенства. Даже из своеземцев Русы (их было 24) только двое (Юрий Микудин да Яхно Макаров) были как будто свободны от уплаты «позема». Вся городская земля в Русе была собственностью феодалов, светских и духовных. Среди светских феодалов преобладали местные, владевшие землями в Околорусье или в ближайших погостах. Но встречаются и имена видных новгородских бояр — Михаила Берденева, Якова Коробова, Григория Тучина, Тимофея Грузова, Ивана Растригина, а также имена хотя и не самых крупных, но все же достаточно известных бояр и житых, как Юрий Репехов, Григорий Нагаткин, Федор Морозов, Василий Медведнов и др. Среди духовных феодалов были и местные монастыри, особенно Спасский (за которым значилось свыше 50 дв.), и крупнейшие новгородские монастыри, (как Никольский, Вязицкий, Хутынский и в особенности Юрьев),¹⁴³ а также и сам владыка.

Примечательной особенностью состава населения Русы является сравнительно большое число «чужаков»: среди населения города названы новгородец, рязанец, ивангородец, несколько литвинов, карел и даже немчин.

Все отмеченные особенности Русы объясняются ее хозяйственным лицом. Руса была издавна крупнейшим в Новгородской земле центром солеварения и оставалась им в XV в. Не случайно строителями церкви в Русе в 1403 г. были новгородские купцы прасолы («Поставиша купце новгородския прасола в Русе церковь камену»).¹⁴⁴ Показательно и то, что описание посада Русы в писцовой книге начинается следующими словами: «Григорьевские дворы Тучина: дв. Наум Якушов да их суседи Сергейко да Васко да Ивашко позема розмер соли».¹⁴⁵ Руса — это город, где церкви строят купцы-прасолы, где «позем» платят «розмерами» соли, где, по словам местных жителей, даже «пространство земли от одного места до другого считалось прежде не иначе, как мерою расстояния одной солеварни

¹⁴⁶ от другой».

Соляной промысел и собрал на берегах Полисти все то разнообразное население, которое мы находим в Русе в XV в. Производство соли определило и своеобразие состава населения значительной части дворов в Русе. Если приглядеться пристальнее к крупным дворам в Русе, то скопление в них нескольких человек взрослых мужчин естественно объясняется объединением для целей производства, которое велось в отдельных дворах. О том, что добыча соли велась в отдельных дворах, имеется прямое указание в «Записках о Московии» Герберштейна. «Она, — писал Герберштейн о Русе, — имеет соленую реку, которую граждане задерживают широким рвом наподобие озера и оттуда приводят воду по каналам каждый себе в дом и вываривают соль».¹⁴⁷ Сообщение Герберштейна подтверждается обнаруженными при земляных работах в разных частях города остатками труб, служивших для проводки соленой воды, и водовместителей для соле-

¹⁴³ За Юрьевым монастырем значилось в Роговом конце свыше 100 дв. Юрьев монастырь сохранил большие владения в Русе и позднее (см. статью А. А. Строкова: Земельные владения и соляные варницы новгородского Юрьева монастыря в Старой Руссе. Новгородский исторический сборник, вып. 8, Новгород, 1940).

¹⁴⁴ Н I Л, стр. 397.

¹⁴⁵ НПК V, стлб. 193.

¹⁴⁶ В о с к р е с е н с к и й. Город Ст. Русса, стр. 9. Автор указывает далее: «Какое измерение пространства по солеварням, а равно и открываемые в разных местах города трубы, служившие прежде всего для провода, и близ оных ямы для содержания соленой воды, доказывают, что в прежнее время добывание соли было всеобщим и значительным промыслом».

¹⁴⁷ Записки о московитских делах барона Герберштейна. Перев. Маленна, СПб., 1908, стр. 120. Под каналами, конечно, нужно понимать трубопроводы.

варения. Об остатках старинных «солепроводов» и чанов для рассола свидетельствуют почти все авторы, занимавшиеся историей Русы и ее соляных источников, начиная с вышецитированного Воскресенского.¹⁴⁸ Число варниц в Русе определялось поэтому сотнями. Трудно сказать, конечно, все ли дворы занимались солеварением, но анализ «позема» позволяет думать, что если не все, то по крайней мере подавляющее большинство дворов занимались добычей соли. Действительно, во всех тех случаях, когда владелец предпочитал брать «позем» солью, а не деньгами, почти все дворы сплошь облагались солью. Так, из 7 дв. Тучина в Роговом конце только один платил «позем» деньгами;¹⁴⁹ у Юрьева монастыря в том же конце из 109 дв.¹⁵⁰ — 98 дворов (т. е. 90%) выплачивали «позем» солью.¹⁵¹ Двор в Русе уже в XV в. обычно был «варничным местом», а следовательно, население большинства дворов было связано общей работой на «варничном месте». (Мы не располагаем данными о числе работников на отдельных варницах XV в. В XVI в. в посаде Большие Соли обычно на варницах было по 11—13¹⁵² чел., на одной число подымалось до 17, на трех спускалось до 5—7 чел.¹⁵³ В XVIII в. в Русе «в каждой варнице работало до 7 человек»).

Приглядимся к составу наиболее крупных дворов в Русе, чтобы определить отношения между участниками производства. Нередко в одном дворе была объединена группа родственников: отец, сыновья, зятья, сестричицы, шурья. Чаще имело место объединение не родичей, а сотоварищей, например: «...дв. Федко Соболев, да Еска Грихновы, да Сидко Сахнов»¹⁵⁴ или «дв. Еска Юриев, да Офромейко Грихнов, да Федко дьяк»,¹⁵⁵ или «дв. Гришки корела, да Офонаско литвин, да Ивашка, да Еремка».¹⁵⁶ В этих примерах населением дворов совершенно определенно являются не родственники и даже, как можно судить по последнему, люди разных народностей.

Еще чаще в составе населения дворов встречались «суседи». «Суседи» отмечены почти в половине дворов, по которым имеются сведения в писцовой книге (243 дв. из 500). В Роговом конце, по которому опись сохранилась лучше, чем по другим концам, процент дворов с «суседями» поднимается даже до 57%. Иногда, как сказано выше, число «суседей» в одном дворе доходило до 5 чел. и даже выше. Вот несколько характерных описаний дворов с «суседями»: «дв. Ероха Федков, да Михаил Глузд, да

¹⁴⁸ Воскресенский. Город Ст. Русса, стр. 9; Извлечение из замечаний акад. Э. И. Эйхвальда во время поездки по озеру Ильмену и окрестностям Ст. Руссы. Новгород, 1855; М. Сухов. Очерки Новгорода и Старой Руссы. СПб., 1867, стр. 21; М. И. Полянский. Историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1875, стр. 57. Так, Воскресенский доказывает значительную давность частного солеварения в Русе «рассолопроводными трубами, в разных местах города открываемыми, которые имеют все направление к источнику, а также и находимыми при окончаниях труб чанами, которые, вероятно, служили резервуарами воды» и далее добавляет: «Несколько таких чанов или резервуаров, вросших в землю, находится теперь близ источников, и один из них вместе с квадратным деревянным срубом и рассолопроводною трубою открыт был летом 1837 г.» (Воскресенский. Город Ст. Русса, стр. 70—78).

¹⁴⁹ НПК V, стлб. 193.

¹⁵⁰ У писца показано в итоге не 109, а 110 дворов.

¹⁵¹ Там же, стлб. 195—199.

¹⁵² Костромская старина, кн. V, 1901, стр. 172—173.

¹⁵³ Н. И. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1812: стр. 460.

¹⁵⁴ НПК V, стлб. 206.

¹⁵⁵ Там же, стлб. 277.

¹⁵⁶ Там же, стлб. 278.

Игнат Ивашков, да суседи их Ивашко да Гридка позема дают пол-2 размера соли» (двор с тремя сотоварищами и двумя «соседями» их);¹⁵⁷ «дв. Проня, да Омелянко, да Матюх Игнатовы, да Мао тюша Фофанов, да суседи их Олешка, да Бориско, да Федко позема дают размер соли»¹⁵⁸ (три брата с сотоварищем и три «соседа»); «дв. Терех Юхнов да Филя диак Спасской да их суседи Терех, да Ивашко, да Денис, да Палка позема дают полтора размера соли»¹⁵⁹ (два совладельца, да четыре «соседа»); «дв. Федко Трошков да Ефимко да их суседи Фомка да Федот, да Острат, да Ивашко, да Васко, да Осташко позема гривна»¹⁶⁰ (два совладельца да шесть «соседей»); «дв. Олексейко Пудов да Максимко Пудов да их суседи Климка, да Федоско, да Ивашко, да Михайко, да Прокоп, да Степанко, да Максе да Прошко позема 10 денег»¹⁶¹ (два совладельца—родственников и восемь «соседей»)¹⁶². Кто же были эти «соседи»? Что они не являлись равноправными совладельцами, ясно уже из приведенных описаний, где писец отчетливо различает совладельцев от их «соседей». Писец различает их и от «сябров». На вопросе о «сябрах» в Русе стоит задержаться. Термином «сябр» писец пользуется редко. В описании Русы он встретился трижды (в Менином конце), и все три раза в сочетании с термином «сусед». Обратимся к этим записям:

1. «Дв. Мыртын Куприянов да сын его Тимохно да его суседи Зехно, да Игнат, да Осташ, да Фомка, да сябры ему Ефимка, Васков, да Парфенко Гридан, да Гришка да Цепола позема 4 гривны».¹⁶³ Таким образом, в этом дворе отмечены: а) владелец с сыном; б) четыре его «соседа» и в) четыре «сябра ему».

2. «Дв. Ульянов Кондратов, да сын его Матюк, да его суседи (сусед?) Гришка, да сябр его Федко, да Ивашко позема 2 гривны».¹⁶⁴ В этом дворе отмечены: а) владелец с сыном, б) его два «соседа» и в) «сябр» одного из «соседей» (или, если принять предложенное нами в скобках чтение,—владелец с сыном, «сусед» и его два «сябра»).

3. «Дв. Левонко Ивашков да их (его?) суседи (сусед?) Ивашко да сябр Гришка да его сусед Олексейко, позема 8 денег».¹⁶⁵ В этом дворе, кроме владельца, указаны два «соседа», один из которых с «сябром» (или, если принять наши поправки, владелец с «суседом» и его «сябр» тоже с «суседом»). Приведенные тексты ясно свидетельствуют, что писец отличал «сябра» от «соседа».

Но в трактовке этих текстов кое-что является спорным, что может быть отчасти объяснено небрежностью писца или привычными шаблонами письма и в то же время его недостаточной отделкой («их»¹⁶⁶ вместо «его» нередко встречается в книге и при одном владельце, точно так же «соседи» вместо «сусед» употребляется иногда и в том случае, когда «соседей» имеется всего один).¹⁶⁷ ЭТРШ затрудняется решение вопроса о соотношении понятий «сябр» и «сусед» и об отличии

¹⁵⁷ Там же, стлб. 196.

¹⁵⁸ Там же, стлб. 195—196.

¹⁵⁹ Там же, стлб. 196.

¹⁶⁰ Там же, стлб. 209.

¹⁶¹ Там же, стлб. 209.

¹⁶² Дворов с восемью «соседями» отмечено три.

¹⁶³ Там же, стлб. 213.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, стлб. 211.

¹⁶⁶ См., например, в том же столбце (НПК V, стлб. 211): «Дв. Матюк Яхнов, да чк суседи»; «Дв. Мартыян Семкин и их суседи».

¹⁶⁷ См., например, в том же столбце (там же): «Дв. Самсонко Иванов, да сын его Михаил, да их суседи Семка позему гривна».

их от совладельцев, не называемых ни «сябрами», ни «соседями». Попробуем все же разобраться на приведенных трех текстах в вопросе о «сябрах» и «соседях» в Русе. Были ли у «соседей» «сябры» или, наоборот, «сябры» были более самостоятельными лицами, чем «соседи» и сами имели «соседей». Первый текст исключает такое толкование, что название «сябры» может быть отнесено к «соседу». В самом деле, если слова «сябры ему» толковать «сябры Фомке» (а не владельцу двора Мартьяну Куприянову), мы приходим к невероятному положению, что к Фомке (одному из четырех «соседей») будут отнесены названные по имени и отчеству «сябры» Еремка Васков и Парфенко Гридин. И третий текст вряд ли может быть осмыслен без той поправки в чтении, какая предложена нами. Связывать «сябра Гришку» с «соседом Ивашкой» мешает весь контекст фразы, в котором непонятным становится отделение «соседа» Олексейки от Ивашки, если оба они были «соседями» владельца двора Левонки Иванова. Вполне согласуется с таким пониманием вопроса и второй текст, если не смущаться тем, что писец при одном «соседе» употребил множественное число. (А смущаться этим, как сказано выше, не следует!).

Тогда, следовательно, внутренняя структура трех названных дворов с «сябрами» может быть представлена такого рода схемами.

Двор № 1

Владелец двора с сыном	«Сябры» ему
Его «соседи»	

Двор № 2

Владелец двора с сыном	«Сябры» ей
Его «соседи»	

Двор № 3

Владелец двора	«Сябр»
Его «сосед»	Его «сосед»

В чем же в таком случае отличие «еябров» от других совладельцев, столь часто упоминаемых в писцовой книге? Думается, что оно сводилось к наличию у «еябров» своего хозяйства (хотя и связанного с владельцем), в то время как для совладельцев характерна общность хозяйства. Этими соображениями объясняется, почему в дворах с «сябрами» писец называет сначала «соседей», а затем «еябров», и почему возможны у «еябров» свои «соседи», (тогда как в дворах с совладельцами без «еябров» сначала перечисляются все совладельцы, а затем следуют «их соседи», без отнесения их к отдельным совладельцам).

К «сябринным дворам», в изложенном понимании смысла слова, нужно, вероятно, отнести еще один двор в Русе, описанный в стлб. 212—213 (описание дефектное): «Дв. Микифорко Король, да его соседи Кузьма, да

Данша, да Фешка. . . (пропуск), да Демянко, да Захарко, да их суседи Фешко, да Прошко, да Фомка да Сенка позема 2 гривны». Повторение в описании слов «да их суседи» предполагает пропуск слове «да сябры его Ивашко» (или другое имя). Схема структуры этого огромного двора (при такой предположительной реконструкции) выглядела бы следующим образом:

Двор № 4

Владелец двора

«Сябры» его

Его «суседи»

Их «суседи»

Такого «сябрияного» типа дворов в Русе немного (мы их нашли только четыре). Обычный тип крупного двора, как указано выше, проще: совладельцы (их иногда четыре и пять) и их общие «суседи». Таких дворов сотни. В отличие от совладельцев и «сябров», в «суседях» в Русе нельзя видеть самостоятельных хозяев или дольщиков. Их зависимое положение явно выступает даже в их именах: в то время как владельцы и совладельцы обычно названы в книге по имени и отчеству, «суседи» почти никогда (за очень немногими исключениями) не имеют отчеств. Это были, вероятно, люди, кормившиеся работой у чужих цренов, собравшиеся, порою издалека, к доходному соляному промыслу.¹⁶⁸ На свои ноги стать удавалось не каждому, ибо солеварение XV в. являлось производством, требовавшим довольно сложного для того времени оборудования.¹⁶⁹ После исследования Б. А. Рыбакова нет нужды подробно обосновывать эту мысль, хотя вопрос о времени начала глубокого бурения в Русе и не разрешается приведенною им ссылкой на известие Псковской первой летописи под 1364 г.: «Того же лета поставиша две варницы на Русе и начаша соль варити; и то не збысся, и повергоша».¹⁷⁰ На анализе этого летописного сообщения следует задержаться, так как оно получило неправильное толкование в научной литературе. Видеть в этом сообщении летописи указание на начало солеварения в Русе, как это делает исследователь соляных промыслов Коломинский, было бы, конечно, неправильно. Дело шло не о соляных источниках, «обнаруженных здесь (в Русе) впервые, вероятно, в 14 веке».¹⁷¹ В Русе и ее окрестностях, как отмечают многие исследователи, соляные источники обнаруживаются часто в¹⁷² поверхностных слоях земли и выступают при рытье обычных колодцев. Но мы не можем согласиться и с Б. А. Рыба-

¹⁶⁸ Наши суждения о «сябрах» и «суседях» в Русе, подчеркиваем это, не ставят задачей общее решение вопроса о «сябрах» и «суседях», что требует специального исследования. Здесь имеются в виду лишь «сябры» и «суседи» в Русе, т. е. в условиях городского солеваренного промысла.

¹⁶⁹ О солеварении в древней Руси и его технике см.: Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 68'—73; С. Коломинский. Торговля солью на Руси в XVI и XVIII вв. и общее состояние соленых промыслов в указанный период времени. Сб. статей Историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира, вып. 1, Киев, 1913; Рыбаков. Ремесло, стр. 570—575.

¹⁷⁰ П I Л, стр. 27.

¹⁷¹ С. Коломинский, ук. соч., стр. 196.

¹⁷² Так, Воскресенский отмечает: «Почва Старой Руссы изобилует огромными бассейнами соляно-минеральной воды на больших пространствах, и иные из них так близки к земной поверхности, что в некоторых особенно низменных и рыхлых местах нужно небольшое углубление, небольшой провал земли, чтобы открылся соляной источник» (Воскресенский. Город Ст. Русса, стр. 92).

ковым, который толкует это известие как сообщение о первых и притом неудачных попытках получения рассола из глубоких слоев путем бурения. Как ни соблазнительно такого рода толкование, оно основывается на произвольном чтении текста Псковской летописи (вместо «на Русе» — «на Русе»). Всякий, кто знаком с характером псковского летописания XIV в., признает маловероятным появление в нем известия о неудачной попытке рытья двух соляных колодцев в лежавшей за пределами Псковской земли Русе. А наличие недалеко от Пскова в селении Роха (или Рюха) соляных источников решает, по нашему мнению, вопрос. В сообщении Псковской первой летописи речь шла, следовательно, о первых (неудачных) попытках псковичей обзавестись своими солеварнями.¹⁷³ Таким образом, сообщение Псковской первой летописи от 1364 г., вопреки мнению Н. Я. Аристова и Б. А. Рыбакова, не имеют отношения к Русе.

Но все остальные соображения Б. А. Рыбакова сохраняют свою силу. Солеварение в Русе в XV в. чрезвычайно быстро развивается. Можно согласиться и с Коломинским, который в цитированном сочинении пишет, что «в 15 в. старорусская соль пользуется уже популярностью и скоро становится предметом оживленной торговли на внутренних рынках тогдашней Руси». Старорусской солью начали интересоваться самые разнообразные круги новгородского общества. Солеварением занимаются не только местные люди, вплоть до попов, дьяконов и хлебника, которых мы встречаем в качестве владельцев и совладельцев дворов,¹⁷⁴ протягивают руки к варницам и более крупные фигуры новгородского феодального общества. В составе землевладельцев Русы, как отмечено выше, были самые влиятельные боярские фамилии и крупнейшие монастыри. Когда в 1441 г. в Русе задумали перестроить главную святыню Русы Спасский собор, в этом деле приняли участие и новгородцы («... а быша пособници новгородци и рушане»). На освящение собора приехал сам владыка новгородский Евфимий вместе с духовенством Софийского собора, а летописец новгородский с необычной подробностью рассказал об этом событии, отметив красоту и богатство храма.¹⁷⁵ В этом рассказе летописца ясно выступает не только растущее богатство Русы, но и чрезвычайное внимание, какое уделяет ей глава Новгорода. Еще, может быть, показательнее то, что в 1471 г. в договоре с королем Казимиром доход с Русы был определен не только в деньгах (сорок рублей «за проежей суд»), но и в варницах («... а держати ти десять варниц в Русе»).¹⁷⁶ Значит варницы в Русе представляли столь значительную ценность, что о них считали возможным говорить в договоре с королем.

Среди сотен старорусских варниц были предприятия различного размера. Об этом свидетельствуют размеры отдельных дворов в Русе, имевших иногда в своем составе до 10 взрослых мужчин. Косвенным указанием на различие размеров предприятий отдельных рушан являются и размеры «позема». Если взять группу дворов, плативших «позем» солью, то при обычном «поземе» в 1—2 размера соли, амплитуда колебаний доходила от Уг размера соли до 5. Так, среди «поземщиков» Юрьева монастыря мы

¹⁷³ Эти соображения были выдвинуты научными работниками Института геологии (ВНИИГ) при обсуждении доклада автора о соляной промышленности в Русе, сделанном во Всесоюзном Географическом обществе в 1949 г.

¹⁷⁴ См., например: «Дв. поп Федот да суседи его Емельян, да сын его Микифор, да Гридка Ескин позема дают 5 размер соли» (НПК V, стлб. 195); см. также стлб. 196 (дьяк), 200 (хлебник мнастырский, дьякон, поп), стлб. 278—279 (дьяк).

¹⁷⁵ Н I Л, стр. 422.

¹⁷⁶ Грамоты В. Н. и П., № 77.

встречаем, с одной стороны, следующий двор: «Дв. поп Федот да суседи его Емельян,¹⁷⁷ да сын его Микифор, да Гридка Ескин, позма дают 5 размеров соли»,¹⁷⁸ с другой стороны, 12 дв., платящих по V2 размера соли (причем иногда в двор входят «суседи») (см. табл. 33).

Таблица 33

Размеры «позема» солью в г» Русе

Владения	«Позем»					
	ниже 1 размера соли		от 1—2 размеров соли		свыше 2 размеров соли	
	число	%	число	%	число	%
	12 дв.	12	70 дв. 14 „	71 58	17 дв. ю „	17 42

Не менее значительными были колебания в размерах «позема» и в дзорах, уплачивавших «позем» деньгами: денежный «позем», в среднем близкий к гривне,¹⁷⁸ опускался порою до V4 гр. (37₇ ден.) и подымался до 5 гр. с двора,¹⁷⁸ а может быть, даже до полтины.¹⁷⁹ В Минином конце, где почти все дворы платили «позем» деньгами, они могут быть разбиты на следующие группы (табл. 34):

Таблица 34

Размеры «позема» (деньгами) в Минином конце

До $\frac{1}{k}$ гр.		От 8 до 13 дв.		1-2 гр.		Выше 2 гр.	
число	%	число	%	число	%	число	%
28 дв.	22	30 дв.	24	62 дв.	50	5 дв.	4

Таким образом, соотношение между низшим и высшим размерами «позема» в соляном исчислении определяется как 10:1, а в денежном исчислении как 20 : 1, или даже, если за максимальное обложение принять полтину, как 108 : 3Уг, т. е. приблизительно 30 : 1. Поэтому, хотя население посада Русы, как «поземщики», и не разбито на категории «лучших», «средних» и «молодых», оно представляется, конечно, не менее, а более дифференцированным, чем в других городах Новгородской земли.

Город соли Руса, конечно, имела значительную ремесленную промышленность, помимо солеварения. Добыча соли и ее транспортировка требовали разнообразных ремесленников. Да и скопление в Русе тысячи дворов посадского населения не могло не привлечь сюда ремесленников. Однако писцовая книга по Русе содержит очень немного упоминаний о ремесленниках: кузнец, токарь (в Околоруеье), калачник, колник (?), спанечник,

¹⁷⁷ НПК V, стлб. 195. См. также стлб. 205, где в одном дворе «позем» установлен V₆ размеров соли.

¹⁷⁸ Там же, стлб. 193.

¹⁷⁹ Там же, стлб. 210. Может быть, это описка писца, но двор выделяется своими размерами (3 совладельца да 7 «суседей»).

холщевник, замочник — всего 7 чел.¹⁸⁰ Но и эти немногие указания дают основания думать о далеко зашедшей специализации [ремесленников (наличие таких сравнительно узких специальностей, как епанечник и замочник)].

Значительна была и торговая деятельность Русы. Сведения XVI в. говорят о сотнях лавок в гостином дворе (по разметному письму 1545 г. в гостином ряду имелось 236 лавок).¹⁸¹ Однако о торговле в XV в. источники не сохранили сколько-нибудь ценных сведений, кроме летописного сообщения о новгородских купцах-прасолах, поставивших церковь в Русе.¹⁸²

Крупный городской центр с значительным зависимым и эксплуатируемым населением, Руса XV в. должна была стать ареной острой классово-вой борьбы. Однако летопись не сохранила о ней никаких упоминаний. Она сообщает о голоде и море в Русе в 40-х годах XV в., о пожарах в ней; она упоминает о той борьбе, какую вели за Русу московские князья, несколько раз захватывавшие ее, об ограблении Русы литовцами Михаила Олельковича, но она молчит о внутренней жизни Русы.¹⁸³ И если бы исследователь не располагал материалами писцовой книги, термин «рушане», нередко появляющийся на страницах летописи, оставался бы географическим понятием без сколько-нибудь определенного социально-экономического содержания. Молчит летопись и о столкновениях между Русой и Новгородом. Только одно сообщение, сохранившееся в некоторых вариантах летописного рассказа о походе Ивана III в 1475 г., говорит о противоречиях между рушанами и правящей новгородской олигархией. Рассказывая о многочисленных жалобах новгородцев Ивану III в ноябре 1475 г. на Городище, Софийская вторая летопись так перечисляет состав жалобщиков: «... всякие люди житьи, и Рушане, и монастырские и прочий же в пределах ближних Новгорода».¹⁸⁴ Если выступление с жалобами последних двух групп можно объяснить стремлением найти защиту от войск великого князя, то первые две группы (житых людей и рушан) естественнее связать с «иными» новгородцами, которые жаловались, говоря словами летописи, «на свою же братью на новгородци» («Овии приставов просити да быша от вой еро не изграблени, а инии с жалобю на свою же братью на Новгородци»).¹⁸⁵ Социально-экономическая характеристика Русы, данная выше, заставляет нас отнестись с вниманием и доверием к этому единственному сообщению о выступлении рушан против новгородской боярской олигархии и их тяготении к великому князю.

VI

Подведем итоги экономической характеристики Новгородской земли в XV в. Обратимся с этой целью к известной грамоте о предоставлении Василию II «черного бора» с новоторжских волостей.¹⁸⁶ В ней намечены следующие предметы обложения: соха, «тшан кожевничской», невод, лавка, плуг, «кузнец», четыре «пешци», лодья, црен. Этот перечень может оха-

¹⁸⁰ Там же, стлб. 194, 202, 206—207, 215.

¹⁸¹ ААЗ, стр. 205.

¹⁸² Н I Л, стр. 397.

¹⁸³ Она ничего не сообщает даже об управлении Русы, кроме упоминания о посаднике русском Иване Васильевиче (Н IV Л, стр. 434).

¹⁸⁴ Соф. II л., стр. 202. Сообщение повторено в Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 162, Его нет ни в Москов. св. конца XV в., ни в Симеон, л.

¹⁸⁵ Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 202.

¹⁸⁶ Грамоты В. Н. и П., № 21.

рактизовать не только ивоторжекие волости, но и всю Новгородскую область (кроме северо-восточных владений). В грамоте выделены все важнейшие занятия населения. Первое место среди объектов обложения занимает «соха», она же положена в основу расчетов. Этим подчеркнута значимость сельского хозяйства (земледелия и скотоводства) как основного занятия новгородцев. «Соха», о которой идет речь в грамоте, может быть отождествлена с той сохой, состоящей из трех обжей, которая так часто упоминается на страницах писцовой книги. По известной формуле летописи: «3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади ореть, а хто на трех лошадях, и сам третий ореть, ино то соха».¹⁸⁷ По словам грамоты о «черном боре» — соха «два кони, а третьи припряжь».

«Исположье», с которого берут полсохи («А кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи»), очевидно, имеет в виду «издольщика», севшего на чужую землю. Что имеется в виду под плугом, который приравнен двум сохам («плуг за две сохи»), — сказать трудно. Яснее вырисовываются «четыре пешщи» — это те «худяки», о которых упоминает писцовая книга, новгородский вариант «пешеходцев» Киприановской грамоты («безлошадные крестьяне»).

Из яземледельческих занятий грамота выделяет рыболовство («невод»), ремесло («кузнец», «чан кожевничий», «прен») и торговлю («лавки» и «лодья»). Их значение отмечено в предшествующем изложении. Роль рыболовства показана выше достаточно ясно на примерах Взвада и Ужина, а также Корелы и Орешка, где население кормил невод. Кузнецы, встречавшиеся повсеместно, местами (например, в Пилоле и Войноседе) работали уже не только на заказ, а и на рынок. Солеварение выдвинулось как важнейшее занятие и в Беломорье и в Русе. «Тшан кожевничий», которому грамота о «черном боре» отводит первое место после сохи, в писцовые книги не попал, вероятно, потому, что главным средоточием кожевенного производства был сам Новгород и отчасти Торжок, не описанные в писцовых книгах. Наконец, грамота напоминает о торговле, о лавках в рядках и городах и о лодьях, груженных «пузами» соли, пушницей, изделиями ремесла, а иногда и хлебом. Таким образом, в недрах новгородского феодального общества в XV в. уже имелся некоторый элемент промышленности и торговли. Закономерным результатом общественного разделения труда явилось возникновение центров торговли и промышленности. Процесс выделения города из деревни шел в разных вариантах и разными темпами в различных частях необъятной Новгородской земли. Могино разбить Новгородскую землю на три части по развитию в ней центров обмена.

1. На северо-востоке, включая Обонежье, дело ограничилось развитием местных торговых центров (вроде Вытегорского погоста) и складочных пунктов (вроде Повенца).

2. В Бежецкой пятине (отчасти в Деревской, Шелонской, Вотской пятинах) уже создались многочисленные «починки городов» — рядки.

3. В западных частях Новгородской земли (в Вотской и Шелонской пятинах) создавались и росли города.

Характеризуя докапиталистическую деревню с экономической стороны, В. И. Ленин писал: «... докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между

¹⁸⁷ Москов. св., стр. 319—320.

нити, и остатками средневековой зависимости».¹⁸⁸ Эти слова В. И. Ленина могут быть в большой мере отнесены к Новгородской земле XV в.

Экономически Новгородская земля в XV в. представляется разбитой на «сеть мелких местных рынков», в центре которых лежал то Торжок, то рядок, то город. На этих рынках встречались непосредственные производители, выносившие на них продукты сельского хозяйства, звероловства, рыболовства и изделия ремесла.

Но уже все сильнее давали себя чувствовать в XV в. связи, возникавшие между мелкими местными рынками. Давние рыболовные и звероловные промыслы, солеварение, развивающиеся промыслы по добыче и обработке железа, а может быть, и кожевенное производство работали отчасти уже на широкий рынок, выходявший даже за пределы Новгородской земли. Начиная превращаться в товар и хлеб. Север нуждался в хлебе, особенно в неурожайные годы. Все большее значение в экономике приобретал купец и на рынке города, и за его пределами. Упоминаниями о новгородце, который «заехал лодью или лавкою торгует»,¹⁸⁹ пестрят грамоты XIV—XV вв.

Заметно выросло в этой связи значение в народном хозяйстве денег. Начавшийся переход к денежной ренте свидетельствует о проникновении денег и в деревню. Отмечая появление денежной ренты на новгородских землях, нужно, конечно, помнить, что речь идет пока только о спорадическом «превращении ренты продуктами в денежную». Понадобятся века для того, чтобы этот процесс совершался в национальном масштабе.¹⁹⁰ Больше того, первые ростки денежной ренты не отличались в Восточной Европе устойчивостью; порою на смену денежной ренте шла в новой форме продуктовая («посопный хлеб») или отработочная (как это будет иметь место в XVI в.). Нужно помнить также, что даже там, где денежная рента приобрела относительную устойчивость, крестьянское хозяйство сохранило в основном натуральный характер. К. Маркс писал о денежной ренте: «... базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, всё еще остается тот же, как при ренте продуктами, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существнейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги».¹⁹¹

Эту мысль Маркса тем более важно подчеркнуть, что нередко (и притом не только во время господства школы Покровского) появление денежной ренты историками СССР трактовалось как переход от натурального хозяйства к денежному, т. е. как разложение базиса крепостнического хозяйства. Между тем при всей значительности изменений, происходивших в хозяйстве Новгородской земли в XV в., они оставляли непоколебленными и натуральную основу крестьянского хозяйства и феодальный способ производства.

Оставаясь крепостнической, северная Великороссия в XV в. переходила к более высокой стадии в развитии крепостничества, характеризующейся ростом общественного разделения труда, большим «элементом развития

¹⁸⁸ г. т. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3, изд. 5-е, стр. 381.

¹⁸⁹ Грамоты В. Н. и П., № 21.

¹⁹⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, 1950, стр. 810.

¹⁹¹ Там же.

142

143

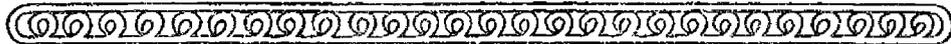
торговли, промышленности», складыванием местных рынков, о этих условиях социальные противоречия в Новгородской земле приобретали чрезвычайную остроту. За сухими словами грамоты об «одерноватом», который «емлет месячину», или ¹⁹³ том земледельце, «кто поверга свой двор, а вбежит в боярский двор», ¹⁹³ скрываются острые социальные конфликты между основным классом производителей материальных благ и феодальными землевладельцами, кабалившими массы новгородского населения. Обострялись социальные противоречия и в городе особенно в самом центре Новгородской земли. Выступления народных масс против боярской олигархии все сильнее сотрясали дряхлевшую вечевою республику.¹⁹⁴

¹⁹² В. И. Ленин. О Государстве. Сочинения, т. 29, изд. 4-е, стр. 444.

¹⁹³ «А кто будет одерноватый, емлет месячину, на том не взяти. А кто, поверга свои двор, а вбежит в боярский двор. . . на том взяти вины вдвое за соху» (Грамоты В. П. и П., № 39). . .

¹⁹⁴ См. ниже, гл. VI.

ГЛАВА V

БОЯРЕ, ЖИТЬИ ЛЮДИ И КУПЦЫ

I

Экономические процессы, развивавшиеся в XV в. в Новгородской земле, вели к усложнению социальной структуры новгородского феодального общества. Господствующий класс феодальных землевладельцев-бояр сохраняет и укрепляет свое положение в обществе: его экономическая мощь и политическое значение растут. Но существенно меняются источники обогащения бояр, обостряется борьба внутри господствующего класса за землю и власть.

Боярское хозяйство устанавливало все более тесную связь с рынком. Еще большее значение, чем в предшествующие века, для бояр приобрела торговля с ганзейскими купцами, при посредстве которой новгородское боярство превращало в рейнские вина и фландрские сукна часть тех продуктов, которые поступали из боярских владений.

В условиях развития денежных отношений выросло значение ростовщических операций. Конечно, ростовщичество существовало в Новгороде и в гораздо более раннюю пору. Летописное упоминание о «дъщках» Мирошкиничей подкреплено интереснейшими новейшими находками А. В. Арциховского. Одна из найденных в 1955 г. грамот (№ 138) является записью крупного ростовщика Сильвестра. В ней перечислены 13 должников и указаны размеры долга, иногда весьма значительного (Я/г руб. и даже 70 гр., что составляет около 5 руб.).¹ В XIV—XV вв. ростовщичество получило чрезвычайно широкое распространение. В первой редакции «Повести о посаднике Шиле»² широкий размах ростовщических операций Шила подчеркнут следующими словами: «Мнози же людие, купцы, не имущие кун, взымаху у него серебро на торговлю в куну, имаше же лихвы на 14 гривен и 4 денги точир по единой денге на год». Если чрезвычайно низкий размер процента ($h\%$ в год) нужно объяснить, как правильно указывает И. П. Еремин, морализующей тенденцией автора повести, исходившего из учения церкви о том, что лихва даже в самых скромных размерах греховна, то все остальное в этой цитате отражает подлинную и именно новгородскую экономическую действительность. Нов-

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1955 года в Новгороде. Вопросы истории, 1956, № 3, стр. 67.

² Ее литературная редакция создана, вероятнее всего, в середине XV в. (см.: И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести — «Повесть о посаднике Шиле». Труды Комиссии по древнерусской литературе, Л., 1932).

³ Там же, стр. 123.

городским происхождением объясняется и странная, на первый взгляд, сумма 14 гр. и 4 ден., с которых исчисляется процент: 14 гр. и 4 ден. по новгородской денежной системе составляли 200 ден. Показательно и само возникновение в Новгороде в XV в. повести на тему о возможности спасения грешной души лихоимца. Очевидно, вопрос этот волновал новгородское общество, где богатый лихоимец был весьма заметной фигурой и где некоторые церкви были построены ростовщиками «от лихвееного собрания».

Немаловажным источником обогащения новгородского боярства оставалась также добыча от походов, особенно на северо-восток. Если попытки выйти на волжский путь и поживиться за счет «бесерменских» купцов не увенчались успехом и в XV в. набега на Волгу⁴ совершались одними вятчанами, без содействия новгородских молодцев,⁵ то походы в Югру продолжались и в XV в., иногда, правда, заканчиваясь неудачно. В этом случае они попадали на страницы летописи, проходившей мимо удачных экспедиций новгородцев за данью. Самая крупная неудача в XV в., отмеченная в летописи, относится к 1445 г., когда новгородцы предприняли поход на Югру весьма значительными силами (три тысячи человек под руководством воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлевича). Югра нанесла серьезное поражение одному из воевод, Василию Шенкурскому: «Ударившеся на острог Васильев», «много людей, детей боярьских и удалых людей избиша 80». Сам Василий с остатками войска вынужден был бежать и скрываться в лесах, пока не подошел второй воевода. Михаилу удалось вывести из Югры остатки новгородской рати.⁶ Но и эта серьезная неудача не привела к ликвидации даннических отношений Югры к Новгороду. Югра продолжала платить дань со своих «станов, островов и урочищ». При отсутствии в Югорской земле новгородских «мужей», «сбор югорской дани», как правильно указывали еще старые исследователи, «был не чем иным,⁷ как военною реквизицией или контрибуцией в неприятельской стране». Переходила эта добыча в основном в руки бояр, притом преимущественно тех, кто имел базу в Заволочье, как Василий Шенкурский.

Однако области дофеодальной эксплуатации в XV в. значительно сузились как в связи с ростом московского влияния в Восточном Подвинье и Задвинье, так в особенности в результате перехода в Двинской земле и Обонежье к новым формам уже феодальной эксплуатации. Уже не дань, а феодальная рента с захваченных боярских земель в Обонежье, Двинской земле и Поморье стала главным источником дохода новгородских феодалов.

Поэтому большую остроту принимала борьба за землю, за лучшие участки «орамой земли», за «рыбные ловища», за важнейшие волоки, за опорные базы на главных торговых путях. Пущенные в этой борьбе средства (и прямое насилие, и рубль) охарактеризованы выше. О значительной мобилизации земельной собственности, особенно в Двинской земле, говорит актовъый материал, судя по которому купля и продажа земель стали в XV в. явлениями обычными, облакавшимися уже в сравнительно устойчивые юридические формы. Формуляры двинских грамот свидетельствуют о том же, о чем говорит самый факт сохранения сравнительно

⁴ См. главу I, стр. 50.

⁵ Н I Л, стр. 425.

⁶ Н IV Л, стр. 441.

⁷ А. Оксенов. Политические отношения Московского государства к Югорской земле. ЖМНП, 1891, № 2, стр. 247.

большого числа грамот: земля в Подвинье была втянута в товарный оборот.

Захваты земель, скупка их и другие формы приобретения участков вели к концентрации земельной собственности в Новгородской земле. Правда, и в XV в., говоря словами Гневушева, «половина новгородских вотчинников принадлежала к малосостоятельному классу общества, владея не более чем пятью обжами».⁸ Но этой половине вотчинников принадлежали небольшие (земли. Господство крупной земельной собственности как характернейшая черта социально-экономического развития Новгорода в XV в. была убедительно показана уже в тщательных исследованиях А. М. Гневушева и подкреплена работами советских историков. С. А. Тараканова-Белкина в работе «Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятнах в домосковское время» углубила и уточнила выводы Гневушева.

Можно считать доказанным по отношению к новгородским пятнам, что «в XV в. крупная новгородская вотчина господствовала не только над сельской общиной, но и над мелкими и средними владениями». Вывод этот можно распространить и на внепятинные владения Новгорода, в том числе на важнейшее из них — Двинскую землю. Правда, по отношению к внепятинным землям исследователь лишен возможности опереться на данные писцовых книг, так что этот вывод не может быть подкреплён статистическими выкладками. Но и здесь отчетливо выступает в XV в.¹⁰ бурный рост земельных владений именно крупнейших новгородских бояр.

С концентрацией земельной собственности нужно связывать появление на страницах новгородской летописи термина «великие бояре».

Разница между владениями новгородских земельных магнатов (Овиновых, Исаковых, Есиповых, Грузовых, Горошковых, Губиных, Офонасовых и др.), измеряемыми сотнями дворов, и владениями мелких бояр, насчитывавшими около десятка или двух десятков дворов, столь разительна, что она делает правомерным выделение «великих бояр» как особой группы среди новгородских феодалов. Можно попытаться даже подсчитать число «великих бояр», как это и сделала Тараканова-Белкина, выделившая 22 боярские фамилии.¹¹ Аналогичное явление можно отметить и в области церковного (монастырского) землевладения, где над многочисленными мелкими монастырьками возвышалось около двух десятков крупных монастырей, возглавляемых Юрьевым, Хутынским и Аркажским.

Богатства «великих бояр» заключались прежде всего в землях. Если обратиться к немногим сохранившимся духовным новгородских бояр XV в., они почти целиком заполнены перечнем оставляемых завещателем земель.¹² Очень скромное место в грамотах отведено прочим богатствам: скоту (коням), одежде, золоту¹³ и деньгам. Некоторое место в грамотах уделено и челяди. Так, в той же грамоте Федора Оетафьевича читаем: «А Захара старого пустил есми на свободу и з женою и з детьми, и вы, дети мои, в них не вступаитеся».

⁸ Гневушев. Сельское население, стр. 314.

⁹ Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 51.

¹⁰ Убедительное обоснование этого вывода и по отношению к внепятинным землям дано в указанной выше диссертации А. П. Шурыгиной «Новгородская боярская вотчина XV века» (ЛГПИ, 1948).

¹¹ Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 43.

¹² См., например, духовную Федора Оетафьевича (Шенкурского), отца того воеводы Василия, о котором шла выше речь (Грамоты В. Н. и П., № 111).

¹³ «А останется порт моих и конев моих. . .» «А что перстень и колтки золоты» и далее «пепецки золоты», «ксльпата» и «враная» (там же).

О размерах богатств «великих бояр» напоминают построенные ими каменные храмы как в самом Новгороде, так и в его ближайших окрестностях.¹⁴ О богатствах бояр говорят и изображения новгородских бояр, выступающих в ярких, роскошнейших одеяниях.¹⁵ Но, пожалуй, наиболее убедительный материал для характеристики богатств «великих бояр» дает известный рассказ летописца о новгородских пирах зимой 1475—1476 гг. в честь Ивана III. Когда в 1475—1476 гг. Иван III «миром» посетил свою отчину Новгород, новгородские бояре один за другим устраивали в честь великого князя пиры и преподносили ему разнообразные дары. Летописи сохранили перечень пиров и подарков, составленный с протокольной точностью.¹⁶

Рассказ о пирах привлекает к себе внимание не только как материал для характеристики политики Ивана III по отношению к подлинным хозяевам Великого Новгорода. Он позволяет очертить круг «великих бояр». Конечно, в списке лиц, у кого пиروвал Иван III, мы не встретим главарей литовской ориентации, и в том числе шести «пойманных» в 1475 г. «великих бояринов» (Федора Борецкого, Василия Онаябина, Богдана Есипова, Ивана Лошьяского и Олферия Офонасова с сыном Иваном). Иван III не пиروвал также у привлеченных к ответу 25 ноября бояр Григория Тучина, Василия Микифорова, Ивана Кузьмина, Савелкова. Стало быть, список «великих бояр» в 1475 г. нужно несколько расширить по сравнению с перечнем лиц, у кого пиروвал Иван III. Рассказ о пирах вместе с тем демонстрирует богатство «великих бояр». Поэтому приведем полностью перечень пиров и тех подарков, которые были вручены на них великому князю.

На этих 13 пирах великому князю было поднесено около 800 золотых кораблеников, 45 поставов сукна (стоимостью почти в 1400 руб.), не считая, других ценных подарков.

Конечно, блеск подарков отдельных бояр меркнет в сравнении с дарами владыки, от которого на трех пирах великий князь получил, кроме разных драгоценных вещей, 550 золотых кораблеников, 18 поставов сукна, 5 сороков соболей, да 4 бочки вина. Но ведь владыка бил челом от всей новгородской церкви, а может быть, и не только от церкви (если учесть, что государственные земли Новгорода были землями святой Софии и что казна новгородская хранилась на полотах Софийского собора). Во всяком случае, богатства верхушки боярства, которая могла подносить дары стоимостью в несколько сот рублей, представляются огромными для того времени, когда годовой доход феодала с 10—15 крестьянских дворов равнялся рублю, а целый город, вроде Ямы, уплачивал оброку 6 руб. в год. Сто рублей составляли годовой доход с тысячи крестьянских дворов, а Настасья Григорьевна «ударила» великому князю не менее чем тремя сотнями рублей (см. табл. 35).

Согласно подсчетам С. А. Таракановой-Белкиной, у 10 из названных 13 бояр,¹⁷ по данным писцовых книг 1498—1501 гг., значилось 2181 крестьян

¹⁴ Сообщения о постройке каменных храмов боярами встречаются в летописи чрезвычайно часто, см., например: Н I Л, стр. 385 (6900 г.), 386 (6902 г.), 387 (6903 г.), 388 (6905 г.), 393 (6907 г.).

¹⁵ Таковы изображения новгородских бояр на ктиторской иконе XV в., известной под именем «Молящиеся новгородцы» (Труды Новгородского церковно-археологического общества, т. I, 1914, стр. 176—184).

¹⁶ Рассказ о пирах сохранился полнее всего в Соф. I л.; затем с несколькими вариантами в Соф. I л. (Бальзеровский список), в Москов. л. св. конца XV в., в Н IV Л (список Дубровского), в Львов, л., а также в позднейших сводах.

¹⁷ Вотчины трех бояр — Луки Федорова, Полинарных и Фомы Куряткина — по этим писцовым книгам были незначительны.

Таблица 35

Пиры у Новгородских бояр в декабре 1475 и январе 1476 гг.¹⁸

Дата	Имя боярина	Дары		
		деньги	сукино	прочее
Д е к а б р ь				
15	Казимир Василий Александрович.	100 зол. кораблеников.	—	Ковш зол., 2 гривенки зол., 2 кречета.
16/17	Овин Захарий Григорьевич.	30 зол. корабл.	6 поставов.	2 зуба рыбьих.
19	Есипов Василий.	30 зол. корабл.	3 постава.	Зуб рыбий.
21	Короб Яков. Александрович.	200 зол. корабл.(?) ²⁰	1 „	2 зуба рыбьих, 2 кречета.
23	Федоров Лука.	20 зол. корабл. да 20 зол. меньших	3 „	2 зуба рыбьих.
28	Григорьева Настасья.	30 кор. зол.	8 „	2 сорока соболей, 2 зуба рыбьих.
30	Захарьин Феофилакт.	40 кор. зол.	3 „	2 зуба (?) рыбьих.
Я н в а р ь				
	Федоров Яков и ²¹ внук его Ив. Дмитриев Исаков (Борецкий).	40 кор. зол. 20 кор. зол.		3 зуба рыбьих, 2 бочки вина.
2	Грузов Афанасий.	30 кор. зол.		
3	Полинарьины Лука да Василий Исаковичи.	110 кор. зол.		4 зуба рыбьих.
4	Самсонов Александр	40 кор. зол.		Лошак серый.
6	Курятник Фома Андреевич.			Лошак пегий, 2 бочки вина.
14	Овин Кузьма Григорьевич.	30 кор. зол.		4 зуба рыбьих.

янский двор. Но эта внушительная цифра значительно ниже действительных размеров владений, ибо сохранившаяся часть писцовых книг 1498—1501 гг. охватывает только часть новгородских земель в пятинах и вовсе не охватывает внепятинных владений. Даже по отношению к пятинным владениям бояр цифры, приведенные С. А. Таракановой-Белкиной, должны быть очень резко увеличены, если учесть данные позднейших писцовых книг и сохранившиеся остатки описи дворцовых земель.

Ограничимся двумя примерами. В опубликованном А. М. Гневушевым отрывке писцовой книги Вотской пятины 1504—1505 гг., не учтенном С. А. Таракановой-Белкиной, где описаны дворцовые земли, упомянуты весьма значительные владения «великих бояр» (особенно Богдана Есипова, Офимьи Горошковой, Ивана Офонасова) и среди них владения названных в табл. 35 пиров бояр Василия Казимира и Фомы Курятника.²²

У Василия Казимира в этом отрывке писцовых книг показана волость Котел, состоящая из 14 селений. Среди этих селений было огромное с. Котел с 60 дв. Всего в казимировской волости Котел значилось 173 дв.,

¹⁸ В табл. 35 не включены пиры у владыки и у князя Василия Шуйского.

¹⁹ „А постав по 30 рублей“.

²⁰ В Н IV Л (список Дубровского) 10 кораблеников.

²¹ В некоторых летописях под 1 января вместо Якова Федорова указан второй пир у Якова Короба.

²² О владениях Полинарьиных см. ниже, стр. 174.

что сразу увеличивает указанную за Казимиром в сводке С. А. Таракановой-Белкиной цифру дворов с 276 до 449 дв., т. е. поднимает ее на 63%. А у Казимира могли иметься владения и в других пятинах. Насколько значительно вырастут приведенные С. А. Таракановой-Белкиной цифры, если учесть данные позднейших писцовых книг по погостам, где не сохранилось письмо конца XV в., можно судить по приведенным выше данным по Обонежской пятине, где только из письма 1563 г. мы узнаем, например, об огромных владениях Марфы Борецкой на Свири и в Южном Обонежье (Мегра Великая, Ошта). Там же указаны в 7 погостах (Олонецком, Пиркиничском, Шуйском, Шальском, Водлозерском, Пудогском, Ярославичском) владения Настасьи Григорьевой. Мы приводим эти соображения не в целях опорочения подсчетов С. А. Таракановой-Белкиной, а для того лишь, чтобы показать, насколько действительные размеры боярских вотчин превышали приведенные в сводке данные.

«Великие» новгородские бояре владели многими сотнями дворов в новгородских пятинах, а иногда, вероятно, число находившихся в их владении дворов переваливало и за тысячу. Так, бесспорно, было у Борецких, у Овинова, у Богдана Есипова.²³ Так же было у двух богатейших вдов, Настасьи Григорьевой и Оксиньи Есиповой. А если добавить к этому огромные владения вне пятин, вроде вотчины Своеземцевых на Ваге, картина сосредоточения огромных земельных массивов в руках «великих бояр» будет в основных чертах набросана. Несколько десятков боярских фамилий и несколько десятков монастырей держали в своих руках большую часть необъятной территории, от западных рубежей Новгородской земли вплоть до Северной Двины и Белого моря.

Роль новгородского вотчинника и его администрации, как отмечено выше, обычно ограничивалась присвоением части продуктов крестьянского труда. Зоркость глаза ключника и хозяйственная инициатива феодала сводилась к тому, чтобы определить, чем брать доход с той или иной вотчины и даже с того или иного двора, в зависимости от занятий крестьян. Разнообразие доходов, какие получали феодалы из различных вотчин, определялось не организующим влиянием вотчинников на крестьянское производство, а разнообразием крестьянских занятий. Большинство вотчинников спешило перейти на денежный оброк, как только у инициативного крестьянина появлялись деньги. Этим феодалы толкали инертных крестьян к установлению связи с рынком и ускоряли развитие товарно-денежных отношений. Но вместе с тем, отчуждая значительную часть крестьянских продуктов (в натуральной или денежной форме), вотчинник тормозил рост крестьянского хозяйства.

²³ За Богданом Есиповым по сводке С. А. Таракановой-Белкиной значится 300 дв. Но владения Богдана Есипова, конфискованные в 1475 г., были переданы главным образом во дворец. По одной Вотской пятине от Богдана перешло во дворец 5 значительных волостей, положенных в 459 обж., т. е. около 500 дв. (табл. 36).

Таблица 36

Волость	Число сел и деревень	Число обжей
	7	41
	23	76
	16	112
Буря	16	84
	14	146

Зачатки боярского предпринимательства были незначительны: они почти не затрагивали земледелия, а связаны были главным образом с промыслами (солеварением, ткачеством) и отчасти со скотоводством. Первое убедительнее всего может быть показано на хозяйстве Борецких, последнее — на хозяйстве монастырей, где встречаем сравнительно частое упоминание о «коровницких дворах».

Главный путь к умножению своих доходов новгородский вотчинник видел не в предпринимательстве, а в приобретении новых вотчин.

На это и были устремлены помыслы «великих бояр», развернувших чрезвычайно энергичную деятельность на северо-востоке. Особо удачливым из них (как Борецкие или Настасья Григорьева) удалось захватить ключевые позиции на путях из Новгорода в Заволочье. Анализ карты владений крупнейших вотчинников приводит к выводу, что наряду со случайными обстоятельствами, приобретение новых земель определялось направлением хозяйственных устремлений вотчинника. Пристальное изучение хозяйств отдельных вотчинников позволит обнаружить наличие «главной оси» не только у Борецких.²⁴ Вместе с тем оно покажет столкновение экономических интересов различных боярских фамилий.

II

Рост экономической мощи «великих бояр», облегчавшийся политическим положением крупного боярства, в свою очередь вел к дальнейшему усилению их политической роли.

Руководство политикой Великого Новгорода в XIV—XV вв. целиком перешло к небольшой кучке земельных магнатов. Их политическое всевидение может быть убедительно доказано почти полным совпадением списка «великих бояр» со списком посадников и тысяцких. Если взять 51 имя крупных землевладельцев, выделенных С. А. Таракановой-Белкиной по данным писцовых книг 1498—1501 гг. за немногими исключениями (Вязгунов, Грабилов, Козонский, Люткин, Макаров, Мастеров, Молостовы, Рашена-Варварин, Растринин, Скаматов, Чашников, Шимский, Шишкины, Юрьев)²⁵ в этом списке фигурируют имена известных нам по летописи и грамотам руководителей новгородской политики. Если бы в новгородских летописях и актах имена и отчества бояр сопровождалось их «фамилиями», тогда приведенный список исключений значительно сократился бы.

Если же составить список посадников 70-х годов, то в нем будут фигурировать только крупные землевладельцы, названные в писцовых книгах (или отцы и мужья указанных владельцев).

Посадники и дети посадников 70-х годов XV в.

1. Борецкий Дмитрий Исак.	16 ²⁷
2. Глазоемцев Федор (Васильев) Окинфов.	3
3. Григорьев Юрий Иванович (сын посадничий).	5
4. Грузов Афанасий и брат Тимофей.	6

²⁴ В диссертации Т. И. Осьминского «Белозерский край в XIV—XV вв.», защищенной в 1949 г., автор приходит к аналогичному выводу по отношению к крупнейшим феодалам Белозерья (см. особенно карту владений князей Кемских).

²⁵ Из них только у 5 владельцев (Козонского, Рашена-Варварина, Растригина, Скаматова и Шишкиных) было больше 100 дв. Оставляем в строке 4 имени житейх.

²⁶ Список составлен на основе летописей и грамот. Номера по списку С. А. Таракановой-Белкиной.

²⁷ См.: Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 91—100.

5. Есипов Богдан.	15
6. Захарьин Феофилат и сын Кузьма.	51
7. Казимир Василий Александрович.	17
8. Короб Яков Александрович.	21
9. Кузьмин Иван (сын посадничий, зять Овина).	?
10. Курятник Фома Андреевич.	3
11. Овин Захария и сын Иван.	31
12. Овин Кузьма Григорьевич и сын Василий Кузьмич.	22
13. Онаньин Василий.	32
14. Остафьевы Офанас, брат Тимофей, сын Иван Офанасов, Никита Офанасов, внук Олферий.	33
15. Самсонов Александр.	40
16. Селезнев Яков Федорович.	44
17. Семенов Михаил.	?
18. Слизень Яков.	?
19. Федоров Лука.	30
20. Федоров Яков.	50
21. Федоров Николай.	1
22. Шенкурский Иван.	34
23. Яковлев Кирилл.	?
24. Лошинский (?) Иван.	23
25. Пенков (?) Василий Никифоров.	29 и 30
26. Тучин (?) Григорий Михайлович.	49

Таким образом, почти все посадники 70-х годов принадлежали к «великим боярам». Поэтому термины «посадники» и «тысяцкие», которые часто фигурируют в договорах XV в.,²⁹ имеют не только политическое содержание («совет господ»), но приобретают совершенно определенный социальный смысл. «Великие бояре», «большие люди» юридически обособлялись от остальных бояр, приобретая звание тысяцких и посадников (при этом первоначально они становились тысяцкими, затем посадниками).

«Великие бояре» (т. е. посадники и тысяцкие) представляли относительно замкнутую группу. Для значительной части посадников 70-х годов нетрудно показать, что они были сыновьями и внуками посадников. Так, Иван Офанасов, арестованный вместе с сыном в ноябре 1475 г. за связи с Литвой, был, конечно, сыном известного посадника Офонаса Остафьевича, чье имя значится в договоре с Казимиром. Посадники Самсоновы были сыновьями известного в начале XV в. посадника Самсона Ивановича. В этом случае имеется возможность установить не путем догадок, а на основании прямого указания летописи³¹ и третье колено предков посадника Ивана Васильевича. Посадник Лука Федорович, участвовавший в перегово-

²⁸ Трудно точно установить, были ли Лошинский, Пенков и Тучин посадниками.

²⁹ Впервые в грамоте 1405 г. городу Юрьеву в изменение ранее принятых формул читаем: «От архиепископа новгородского владыки Иоанна, от посадника Есифа Захарьинича, от тысяцкого Василия Есифовича, от всех посадников, от всех тысяцких, от всего купечества и от всех детей купеческих и от всего Новгорода» (Грамоты В. Н. и П., № 48). Затем с некоторыми вариациями эта формула повторяется в грамотах №№ 61, 62, 64, 67, 72, 74, 76, 95, 96, 98, 101. В грамоте № 59 (проект договора Новгорода с Ордеком в 1420 г.) встречаемся с формулой: «От великого князя, от посадника новгородского от тысяцкого... от всех больших в Новгороде».

³⁰ См. «Приложение», стр. 362.

³¹ Н IV Л, стр. 416.

ворах с Иваном III в 1477 г., был сыном посадника Федора Яковлевича.³² Видный боярин (и посадник?) Григорий Михайлович Тучин был, конечно, сыном «посадника — лучшего» Михаила Тучи, взятого в плен в 1456 г.³³ Комбинируя летописный материал с актовым, можно восстановить генеалогию Шенкурских (Своеземцевых) в XIV—XV вв. и показать, что из этой семьи вышел ряд посадников.

Поэтому можно считать доказанной тенденцию к наследованию звания посадника. Об этом же говорит и широкое распространение термина «сын посадника», приобретающего определенный социальный смысл. В рассказах о встречах Ивана III в 1475 г. сыновья посадников занимают определенное положение в иерархии «чинов»; они идут после посадников и тысяцких, но раньше бояр и житых людей.³⁴ Тем самым намечаются ступени обычной служебной карьеры сына посадника — через должность тысяцкого и посадника в ряды старых посадников. Он перестает именоваться сыном посадника с тех пор, как приобретает звание тысяцкого.

Таким образом, в XV в. крупнейшее новгородское боярство представляло замкнутую наследственную правящую верхушку Великого Новгорода.

При относительной замкнутости круга «великих бояр» он все же пополнялся в XV в. новыми элементами, иногда даже нерусского происхождения. В этом отношении чрезвычайно интересно отметить включение в состав «великих бояр» копорских князей.³⁵ Елисей (Олисей) Копорский поднялся в конце XIV в. до положения тысяцкого.³⁶ Сын Елисея, Федор Елисеев (Олисиевич), побывав степенным тысяцким в 1434 г.,³⁷ в следующем 1435 г. был одним из новгородских воевод в походе на Ржеву,³⁸ а вскоре затем стал степенным посадником (в 1441 г.),³⁹ прорвавшись, таким образом, в состав высшего новгородского «чина». У Федора был брат Антип, о котором сохранилось упоминание в Псковской летописи. После заключения договора между Новгородом и Псковом в 1434 г., оформленного при участии Федора Елисеевича (бывшего в 1434 г. степенным тысяцким), он ездил послом во Псков. «Приехаша послы из Новгорода Антип Олексеев,⁴⁰ сын копорского князя, от владыцы Великого Новгорода и Пскова Еуфимия и от всего Великого Новгорода».⁴¹

Дальнейшее потомство копорских князей, теперь уже сменивших свое звание копорских князей на более важное звание новгородских посадников, проследить трудно: имя Федор, в отличие от редкого имени Елисей, не может служить надежным опознавательным признаком. Поэтому, не претендуя на большее, чем на гипотезу, назовем влиятельных бояр посадников 70-х годов, имеющих отчество Федоровы, двух Яковов и Никиту.⁴² Один из них, имевший прозвище Селезнева-Губы, располагал земельными владениями, главным образом в Вотской пятине. Его главные вотчины, позднее перешедшие к ямскому наместнику, были расположены сравнительно недалеко от Копорья.⁴³ Какое-то отношение к копорским князьям, вероятно, имел и известный Богдан Есипов, чей двор находился внутри

³² Лет. Авр., стлб. 211.

³³ Там же, стлб. 193.

³⁴ Соф. П л., стр. 201.

³⁵ См. выше, в гл. IV.

³⁶ Грамоты В. Н. и П., №№ 34, 79; Список тысяцких в Н I Л, Н IV Л, Ерм. л.

³⁷ Грамоты В. Н. и П., № 64; П I Л, стр. 43.

³⁸ Н IV Л, стр. 434, 453.

³⁹ Грамоты В. Н. и П., №№ 70—71; список посадников в Ерм. л.

⁴⁰ Очевидно, Олисеев, как это явствует из дальнейших слов.

⁴¹ П I Л, стр. 43.

⁴² Четвертый Федорович — Лука — был сыном посадника Федора Яковлевича.

⁴³ У другого Якова Федорова не было владений в Вотской пятине.

Копорской крепости и кто имел тоже многочисленные вотчины вокруг Копорья. Однако для подкрепления этой догадки какими-либо указаниями на родственные связи между Богданом Есиповым⁴⁴ и Елисеевичами данных не имеется.

Копорские Елисеевичи были не единственными «великими» новгородскими боярами XIV—XV вв., вышедшими из феодализирующей верхушки неславянского населения Новгородской земли. Известный боярин XIV в. Иван Федорович, тысяцкий 1350 г. (?), позднее посадник (?), участник войны с Магнусом и похода в Финляндию, строитель крепостей в Яме и Порхове, вышел из карельской знати. Для обоснования этого заключения достаточно привести два сообщения Новгородской четвертой летописи о постройке каменного города в Порхове. В начале записи 6895 г. летопись приводит сообщение о посылке новгородцами для постройки Ивана Федоровича и Фатьяна Есифовича («... послаша Новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича и поставите город камен»). Это сообщение совпадает с сообщениями Новгородской первой летописи и Летописи Авраамки.⁴⁵ Ниже в записи того же года Новгородская четвертая летопись помещает еще одно сообщение о постройке Порхова, отсутствующее в Новгородской первой летописи и Летописи Авраамки, взятое из другого источника, притом источника, весьма осведомленного. «Того же лета поставиша Порхов город камен Иван Валит, Фатьян Есифович, главеным сребром демественника святыя Софеи». Из сопоставления (наложения) этих двух текстов можно заключить, что Иван Федорович носил прозвище Валит.⁴⁶ А связь Валита с Карелией бесспорна. Само имя Валита по-карельски означает «избранный», «выборный». Оно сравнительно широко известно по различным источникам. О Валите, воеводе Корельского городка, в 1337 г. упоминает Софийская первая летопись.⁴⁷ Еще Карамзиным было приведено предание о карельском владетеле Валите и о Валитовых камнях на Кольском полуострове, связанных с борьбой Валита против немцев. С. С. Гадзяцкий с достаточным основанием отнес Валита к крупным карельским вотчинникам.⁴⁸ Последний и наиболее тщательный исследователь вопроса А. И. Попов⁴⁹ рядом дополнительных аргументов доказал связь Валита (или, точнее, Валитов) с Карелией. (По мнению А. И. Попова, само наименование «Валит» было не личным именем в собственном смысле слова, а, вероятнее всего, «чином», «титолом» или в крайнем случае прозвищем).

Потомство боярина Ивана Федоровича проследить трудно. Но есть косвенные указания на земельные владения потомства Валитов. С. С. Гадзяцкий отметил, что в XV в. в Городенском погосте Ореховского уезда существовала на Неве деревня Валитово.⁵⁰ Наблюдения С. С. Гадзяцкого можно пополнить. По соседству, на Варвисти и в ее устье на Неве, писцовая книга называет еще две деревни того же имени. Наконец, что еще интереснее, писцовая книга называет трех братьев-своеземцев — Куземку, Захара да Давыдка Валитовских, владевших деревней Валитовым.⁵¹ Кто

⁴⁴ Он стал посадником уже в 40-х годах (в 1448 г. он был уже старым посадником).

⁴⁵ Н IV Л, стр. 348; Н I Л, стр. 381; Лет. Авр., стлб. 132.

⁴⁶ К этому же выводу приводит сопоставление сообщений о походе на Тивролу в 1377 г. в Соф. I л. и Н I Л.

⁴⁷ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 220.

⁴⁸ Гадзяцкий. Карелы, стр. 160.

⁴⁹ А. И. Попов. Валит. Советское финноугроведение, V, Петрозаводск, 1949

⁵⁰ Врем. XI, стр. 135. Она сохраняет это имя и в XVI в. (Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. Новгород, 1917).

⁵¹ НПК III, стлб. 831—832.

были эти своеземцы Валитовские, измельчавшие ли потомки крупного карельского вотчинника, или потомки его слуг, сказать трудно. Но эти данные позволяют заключить о существовании на р. Неве вотчины Валитовых, следами которой являлись деревни Валитовы и своеземцы Валитовские. (Деревня того же названия была и в Пидебском погосте Вотской пятины,⁵² и в Шелонской пятине, но отсюда трудно сделать какие-либо обоснованные выводы).

Изложенные соображения о копорских князьях и карельских валитах свидетельствуют о том, что и в XIV в. ряды новгородского боярства пополнялись за счет феодализирующей племенной знати.

Но основной силой «великих бояр» составляли, конечно, старые новгородские боярские фамилии, крупное феодальное землевладение которых сложилось задолго до XV в. Так, влиятельные и богатейшие фамилии 70-х годов XV в. Овиновы, Захарьины и Горошковы могут с большей долей вероятности (если учесть тяготение боярских фамилий к определенному кругу имен, напоминающих предков) быть возведены к посадникам середины XIV в. (а при некоторой смелости—даже к XIII в.), как это представлено в следующей схеме (см. стр. 159).

Возглавляли новгородских «великих бояр» несколько влиятельнейших фамилий, которые стояли во главе концов и обычно соперничали между собой. В конце XIV и начале XV в. на первом месте по-прежнему стояли Мишиничи. Самой заметной фигурой среди них был внук Луки Варфоломеевича—Юрий Онцифорович. Его имя часто появляется на страницах летописи в течение 40 лет с лишком (1371—1417). Уже в 1376 г. он занимал первое место⁵³ среди боярских послов, сопровождавших владьку Алексея в Москву. После этого он выступал то в роли дипломата (посольство в Литву к Ягайду в 1381 г. и к Витовту в 1413 г., в Москву в 1401 и 1414 гг.),⁵⁴ то в качестве воеводы (постройка Ямы в 1384 г., война с Москвой в 1393 г., война со «свеей» в 1411 г.).⁵⁵ Обычно в перечне послов и воевод его имя стоит на первом месте. Имя Юрия Онцифоровича упоминается в ряде грамот (например, в цитированной грамоте о продаже с. Медны). Раскопки 1955 г. обнаружили несколько весьма интересных берестяных грамот, связанных с хозяйственной деятельностью Юрия.⁵⁶ Летопись упоминает также о постройке Юрием церкви Успения на Колмове и устройстве монастыря.⁵⁷ В 1417 г. он умер.⁵⁸ Юрий был связан, как и прочие Мишиничи, с Софийской стороной.

Из бояр Торговой стороны наиболее заметной фигурой в конце XIV—начале XV в. был славенский боярин Федот Тимофеевич.⁵⁹ Выступив на арену⁶⁰ политической деятельности несколько позднее Юрия Онцифоровича, он стал в 1385 г. посадником и выполнял крупные политические поручения (сбор «серебра» за Волоком, переговоры с немцами в Изборске).⁶¹ Уже стариком он сыграл значительную роль во время восстания 1418 г. Он умер через три года после восстания в 1421 г.

⁵² Там же, стлб. 19.

⁵³ Н I Л, стр. 373, 374, 376.

⁵⁴ Там же, стр. 378, 404; Н IV Л, стр. 394.

⁵⁵ Там же, стр. 374, 411; Н I Л, стр. 402.

⁵⁶ А. В. Арциховский. Раскопки 1955 года в Новгороде, стр. 66—67, 70—71

⁵⁷ Н I Л, стр. 385; Н IV Л, стр. 372.

⁵⁸ Н I Л, стр. 407.

⁵⁹ Грамоты В. Н. и П., № 91.

⁶⁰ В записи об основании Ямы он стоит ниже Юрия Онцифоровича.

⁶¹ Н I Л, стр. 380, 384.

**Предположительная генеалогия Захарьиных (Терешковых,
Феофилатовых, Овиновых)**

В Плотницком конце в конце XIV в. особенно выдвинулись Захарьиничи — Андреян и Есиф. Об Андрее не летопись сохранила сравнительно

⁶² В списке посадников прямо назван сыном Михаила Павшинича.

Бго печать имеется на грамоте 1372 г. (Грамоты В. Н. и П., № 67, стр. 32).

⁶⁴ Потомство Есифа проследить трудно в связи с распространенностью этого имени в Новгороде. В первой половине XV в. можно назвать несколько видных политических деятелей Есифовичей, посадников: Фому Есифовича (посадник 1409 г.), Василия Есифовича (посадник 1405—1410 гг., посадник 1418 г.), Афанасия Есифовича (посадник 1419—1420), Василия Есифовича нужно считать исключенным, так как в грамоте 1405 г. (грамоты В. Н. и П., № 48) он фигурирует как степенный тысяцкий при посаднике Есифе Захарьиниче. Относительно двух других Есифовичей мы не располагаем аргументами ни за, ни против. Потомство Фомы Есифовича может быть предположительно прослежено далее, до Василия и Богдана Есиповых.

Фома Есипович

Василий Фомич (посадник?)

Филипп (посадник)

Есип Васильевич (Носов?)

Есип Филиппович (Двин. посадник 1401 г.)

Василий Есипов (?)

Богдан Есипов^?) , , -

немногие упоминания.⁶⁵ Но бурно начавшаяся политическая карьера его брата Есифа запечатлена летописью в ее некоторых эпизодах. Тысяцкий 1384 г., он вызвал чем-то недовольство Славенского конца. Плотничане, однако, встали за Есифа и «полупиша грабежников».⁶⁶ В 1388 г. он уже был посадником, но новое выступление трех софийских концов закончилось разгромом его сторонников.⁶⁷ Есифу все же удалось оправиться после неудачи 1388 г. В 1394 г. он, очевидно, вновь стал посадником, так как под этим годом в летописи имеется сообщение о том, что новгородцы отняли посадничество у Есифа и отдали его Богдану Обакуновичу. Дальнейшая деятельность Есифа протекала более спокойно. В 1398 г. он ездил заключать мир с великим князем, а в 1405 г. его имя, как степенного посадника, названо в договоре с немцами.⁶⁸ Следовательно, Есиф не менее чем три раза был степенным посадником (1388, 1394, 1405 гг.). Он умер в 1409 г.

Взявший в 1394 г. верх над Есифом Богдан Обакунович принадлежал к выдвинувшейся в годы ушкуйных походов семье бояр Загородского (?) конца.⁶⁹ Его брат Александр был смелым воином. Прославившись во время ушкуйных походов, он сложил свою бойную голову в бою с тверским князем. Обакуновичи Богдан, Василий, Иев и сыновья Богдана Иван и Григорий были заметной группой в новгородских правящих кругах конца XIV—начала XV в. Они бывали посадниками и тысяцкими, часто ездили послами, реже бывали воеводами.

Таковы крупнейшие фигуры новгородской политической жизни конца XIV—начала XV в.

В середине XV в. некоторые из влиятельнейших старых боярских фамилий теряют свое политическое значение. Потомки Мишиничей, которые в период расцвета Новгорода являлись наиболее влиятельной фамилией, с трудом могут быть прослежены после Юрия Онцифоровича. Может быть, сыновьями Юрия Онцифоровича нужно считать посадников 30-х годов Григория Юрьевича и Бориса Юрьевича, но если это и так, то ни Григорий, ни Борис Юрьевич не стали заметными деятелями и не оставили влиятельного потомства. Заглохла как будто и вторая ветвь Мишиничей—потомки Матвея Варфоломеевича. Его сын посадник Микита—последний ясный представитель этой ветви. Продолжали держаться в первом ряду Захарьиничи, из которых вышло несколько посадников (см. генеалогию, стр. 159).

На первое место в середине XV в. выдвинулись другие фамилии, главным образом из числа тех, которые развернули энергичную и успешную деятельность в Заволочье, как Своеземцевы и Борецкие.

В середине XV в. можно выделить в качестве наиболее влиятельных три новгородские боярские фамилии, боровшиеся за первенство:

1. Овиновы, с близкими к ним Захарьиничами и Горошковым.
2. Борецкие, с которыми тесно связаны Лошинские, а, вероятно, также Онаньин, Офонасовы, Богдан Есипов.
3. Казимир, брат его Короб и их родня (разные «сестричи» Казимировы).

Пристально взглянув на скудные сообщения летописи, можно отметить некоторые различия в их политическом облике. Первые (Овиновы,

⁶⁵ Там же, стр. 366 (рассказ о восстании 1356 г.).

⁶⁶ Н I Л, стр. 340.

⁶⁷ Н I Л, стр. 382.

⁶⁸ Там же, стр. 386, 393; Грамоты В. Н. и П., № 48, стр. 85.

⁶⁹ Богдан ставит в 1392 г. церковь на Чудинцовой улице «с своею братьею и улицаны» (Н I Л, стр. 335).

Захарьины, Горошковы) были потомками старинных новгородских боярских родов с земельными владениями, сосредоточенными в четырех основных пятинах. Они сторонники пассивной миролюбивой политики: предпочитают откупаться рублем, а не отбиваться мечом. Государственными делами занимаются они неохотно: из их рядов не вышло ни одного крупного военачальника или дипломата.

Вторые (Борецкие и их окружение) выделались как самая активная группа, ведущая энергичную захватническую политику на востоке. Ослепленные своими успехами, они властны и не склонны к уступкам. Из их рядов вышли наиболее алчные и бесцеремонные захватчики земель на востоке. Они не очень охотно берут непосредственно в свои руки власть, уступая ее «политикам». Но они готовы выступить с резкой критикой властей за бездействие и ошибки и поднять против них гнев «черных людей». Они способны и на прямое насилие как для захвата земли, так и для запугивания своих противников. Известный эпизод с нападением на две улицы (Славкову и Никитину) и ограблением их, который послужил поводом для ареста Иваном III нескольких вожаков этой группы, характерен для политических приемов этой группы.

Третья группа — «политики». Они часто занимали посадничью степень, выступали воеводами (как Казимир)⁷⁰ и дипломатами (как Короб). Свои собственнические воцеления они прикрывали соображениями государственного порядка. Не подымаясь до понимания широких политических задач эпохи, они понаторели в искусстве лавирования между надвигающимися опасностями и в уме не наметить компромисс. В дни бурных вспышек народного гнева они предпочитают отойти в тень, для того чтобы, улучив момент временного затишья, выступить в роли посредников и примирителей.

Отличаясь в оттенках, политическая линия отдельных группировок новгородского боярства была в ее классовой основе одной и той же. Это была политика землевладельческой боярской олигархии, политика классово ограниченная, слепо приверженная «старине», косная, лишенная широты размаха и перспектив.

III

Развитие товарно-денежных отношений в Новгородской земле сопровождалось, как сказано выше, ростом экономического значения новгородских купцов. Упоминания о купцах в летописях и в особенности в грамотах столь часты, что у исследователя создается впечатление о Новгороде, как о кз'печеском городе. Из постоянно повторяющихся в договорах с князьями формул, где купцы противопоставлены как городское население смердам («ни смерда, ни купшине», «кто купец тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свои погост»), естественно сделать вывод, что основным населением города были купцы, точно так же, как основным населением деревни были смерды.

Действительно, новгородское купечество было весьма многочисленным, а размах его деятельности чрезвычайно широким. Новгородских купцов можно было встретить большими группами не только на необъятной территории Новгородской земли и в городах ее (особенно в Русе и Торжке), но и за ее пределами: в Псковской земле, в городах Прибалтики (осо-

⁷⁰ Лучший новгородский воевода второй половины XV в. **Василий Казимир** даже в народную песню вошел (см. былины о Добрыне и **Василии Казимире**).

П В. Н. Вернадский

бенно в Колывани и Юрьеве), на Волге. Недавние изыскания советских археологов убедительно показали наличие длительных (с X по XIV⁷¹ в.) связей с Северным Кавказом, откуда в частности ввозился самшит.

С конца XIV в. новгородцы вновь участвовали в поездках за море. В письме ливонских городов Данцигу в 1398 г. с беспокойством отмечалось: «Русские ради⁷² своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не бывало».

Состояние источников позволяет выяснить более или менее полностью деятельность новгородских купцов только в немецких городах. Сношения между Новгородом и городами Прибалтики были весьма оживленными. В (1439 г. новгородское вече порешило задержать немецких купцов в Новгороде, «пока новгородские купцы не вернутся все здоровыми из Колывани и из Юрьева со своими товарами в Новгородскую землю».⁷³ О частых поездках большого числа новгородских купцов в Колывань и Юрьев говорят и многочисленные грамоты конца XIV и начала XV⁷⁴ в. о возмещении убытков и взыскании долгов с колыванских купцов. В немецкие города новгородские купцы обычно отправлялись не в одиночку, а целыми «компаниями». Так, в грамоте 1421 г. новгородцы жаловались властям г. Юрьева: «И наша братья («Unde unse brodere») поехала в Колывань, и ваша братья, немцы, захватили наших на Неве и увезли их за море с их товаром, и наша братья задерживается вами в ваших городах, в Любеке, в Висмаре и других местах».⁷⁵ В опубликованном С. Н. Валком челобитье Ивана Кочерина новгородский купец⁷⁶ дает обязательства «за свой род, и за свое племя, и за свою братью». В торговой деятельности своей, как правильно отметил Никитский, «новгородские купцы редко выступали одиночками».⁷⁷

Размеры торговых сделок новгородцев в Колывани и Юрьеве были весьма значительны. Так, Александр Труфанов искал за проданную его отцом пушнину с «Инчи Зашембаки» (Гинце Сассенбеке) 50 руб.,⁷⁸ немалую сумму по тем временам, когда новгородскими властями принимались грозные постановления о возвращении взятых двух рублей («Что еси взял у посла колываньского у Ивани и у Гостили два рубля и ты то отдай, — приказывали посадник и тысяцкий некоему Никите Тинчову и грозили далее: А Великого Новгорода не ослышьяся, а ослышисяся, быти от Великого Новгорода в казни».⁷⁹ А с наследников «колыванского посадника» Конрада «компания» новгородских купцов («Игнатовы дети, и Лентеевы дети, и Фомине дети, и Родионовы») взыскивала не более не менее, как 400 руб.⁸⁰

⁷¹ В. Е. Вихров и Б. Колчин. Из истории торговли древнего Новгорода. Советская археология, т. XXIV, М., 1955, стр. 93—97.

⁷² Сводка сообщений о заморских поездках новгородских купцов в XV в. дана в статье Н. А. Казаковой «Из истории сношений Новгорода с Ганзой» (Исторические записки, т. 28, 1949, стр. 124).

⁷³ Грамоты В. Н. к П., № 68.

⁷⁴ Там же. № № 47, 49, 51, 53, 56, 58, 69, 71, 75.

⁷⁵ Там же, № 61.

⁷⁶ Исторический архив, 1956, № 1, стр. 234.

⁷⁷ Никитский История экон. быта, стр. 95. В рецензии А. С. Лаппо-Данилевского привлечено дополнительно несколько выписок из долговой книги г. Риги, подтверждающих распространенность купеческих товариществ всего чаще, однако, на родственной основе (А. С. Лаппо-Данилевский. Критические заметки по истории народнохозяйства в Великом Новгороде и его области за IX—XV вв. СПб., 1895. сто. 51—52).

⁷⁸ Грамоты В. Н. к П., № 57.

⁷⁹ Там же. № 75.

⁸⁰ Там же, № 53. О крупных сделках говорят и грамоты № № 56, 69.

Немецкие послы обнаруживали обычно почтительное отношение к новгородскому купечеству. В обращениях немецких грамот к Новгороду постоянно упоминаются купцы и старосты купеческие, причем последние нередко называются по имени.⁸¹

В переговорах о заключении мира с немцами часто принимали участие купеческие старосты. Так, в 1436 г. старосты Александр Матвеевич и Варфоломей Яковлевич участвовали в заключении договора с ганзейскими городами; в заключении Наровского мира 1448 г. участвовали старосты купеческие Алексей Игнатьевич и Есиф Иванович.⁸²

И при всем этом не следует переоценивать политическую роль купечества в Новгороде. О том, что они занимали весьма скромное положение в новгородской социальной иерархии, напоминают уже цитированные выше места договорных грамот с князьями. В статье о запрещении «вывода» и закладничества купец ставится рядом со смердом («... людей не выводити в свою волость... ни закладников приимати... ни смерда, ни купчины». «А что закладников... в Торжку или инде... кто купец поидеть в свое сто; а смерд поидеть в свои погост».)⁸³ Таким образом, купец выступает как потенциальный закладник, стоящий рядом со смердом, а не с социальной верхушкой города. В текстах вечевых грамот купцы занимают место ниже житьих людей и предшествуют «черным людям» (как известно, развернутая формула новгородских грамот вслед за властями, посадниками и тысяцкими упоминает о боярах, житьих людях, купцах и «черных людях».)⁸⁴

Участие купцов в посольствах ограничивалось сношениями с немецкими городами и Орденом. Ни в одном посольстве к великому князю (московскому или литовскому) представители купцов не участвовали. В посольствах часто выступали наряду с боярами житьи люди.⁸⁵ Иногда появлялись в составе посольства представители «черных людей», но никогда в XV в. не упоминается о специальном представительстве от купечества. Единственное кажущееся исключение — участие в переговорах с Иваном III в ноябре — декабре 1477 г. купца Якова Царевичева⁸⁶ — на самом деле не противоречит этому выводу. Дело в том, что Яков Царевичев выступал в этом случае не как представитель купечества, а как пятый представитель от житьих людей («А от житьих Александр Клементьев, Ефимий Медведников, Григорей Киприянов, Арзубьев, Филип Килской, Яков Царевичев купец».)⁸⁷

Представительство от сотен, которые были основной организацией купечества, было оттеснено в политической жизни на задний план пред-

⁸¹ Там же, № 43 (1372 г.), № 48 (1405 г.), № 49 (1409 г.), № 54 (1417 г.), № 55 (1417 г.), № 61 (1421 г.), № 62 (1423 г.), № 64 (1434 г.), № 67 (1436 г.), № 74 (1450 г.), № 76 (1466 г.); см. также сообщение С. Н. Валка «Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. (Исторический архив, 1956, № 1, стр. 234).

⁸² Грамоты В. Н. и П., № 73. Их имена названы и в грамоте № 74; см. также: Лет. Авр., стлб. 786; Н IV Л, стр. 440.

⁸³ Грамоты В. Н. и П., №№ 1—3, 6, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

⁸⁴ Там же, №№ 6, 9; с небольшими вариациями — №№ 1, 2, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

⁸⁵ См., например: там же, №№ 96, 98; в несколько сокращенном виде (без «черных людей») — № 95.

⁸⁶ См.: там же, №№ 22—27 (договорные грамоты с великим князем московским 1456 и 1471 гг.), №№ 63, 70, 77 (договорные грамоты с великими князьями литовскими 1431, 1441, 1471 гг.).

⁸⁷ Соф. II л., стр. 209—212; Симеон, л., стр. 259 и др.

⁸⁸ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 209.

ставительством от концов, что М. Н. Тихомиров правильно связывает «с победой городского патрициата над черными людьми».⁸⁹

Даже в переговорах с немцами, где речь шла о делах торговых, голос новгородского купечества не имел решающего значения. Показательно одно из писем юрьевских ратманов Ревелю, где имеется сообщение о следующем заявлении новгородских купцов в 1412 г.: «Не много пользы писать господам, архиепископам, посадникам и тысячким, т. к. они письма у себя прячут, а русскому купечеству и народу (dem⁹⁰ Russischen Korpmanne und der Gemeenheit) ничего о том знать не дают».⁹⁰ Таким образом, во внешней политической жизни Новгорода купечество занимало весьма скромное место.

Во внутренней политической жизни Новгорода купечество также не выступало как заметная самостоятельная сила, ибо ни улица, ни конец не были купеческими организациями. Новгородская судная грамота не выделяет обычно купечество как особую категорию, ограничиваясь делением городского населения на три слоя: бояр, житейх людей и «молодчих». (Купец мог быть отнесен и ко второй и к третьей группам). Особого внимания к купечеству Судная грамота не обнаруживает. В этом отношении она существенно отличается от договорных грамот как с князьями, так и с немцами.

Чем же, спрашивается, объяснить тогда столь большое внимание к купечеству в договорных грамотах? Объяснение, естественно, нужно искать в том, что из населения Новгородской земли за рубежом бывали главным образом купцы, наиболее подвижная по характеру своей экономической деятельности социальная группа и наиболее подверженная всякого рода опасности со стороны князей и их слуг. Отсюда постоянно повторяющаяся статья в договорных грамотах об освобождении купцов от повоза, кроме вести о войне («А дворяном твоим у купчев повозов не имати, разве ратной вести»), а также встречающееся порою упоминание о запрещении судить купца в волости, т. е. в месте его временного пребывания («И купцыны в силу не судити в волости»)⁹¹.

Таким образом, рост экономического значения купечества в Новгороде XV в. не сопровождался укреплением его социально-политического положения. Отсюда становится понятным тяготение богатых новгородских купцов к земле. Новгородская судная грамота признает право купца владеть землею, специально упоминая даже о владении землей женою купца («А целовать боярину, и житеюму, и купцу как за свою землю, так и за женню»).

Существование купеческого землевладения удостоверено не только статьями Новгородской судной грамоты, оно подтверждается данными писцовых книг, в которых сохранились прямые указания на земельные владения новгородских купцов (перешедшие в конце XV в. к новым владельцам). Таковы сравнительно крупные,⁹² купецкие волостки Ивана и Степана Шалимовых (свыше 100 обж.),⁹³ Григория Есипова (свыше 70 обж.),⁹⁴ Романа Окинфова (почти 70 обж.),⁹⁴ Андрея Аврамьева

⁸⁹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 127.

⁹⁰ Bunge LUB, V. VI, № 2990. Даем в переводе Н. А. Казаковой.

⁹¹ Грамоты В. Н. и П., № 7.

⁹² НПК I, стлб. 100—107, 577—579; НПК II, стлб. 10—11, 15—16.

⁹³ НПК V, стлб. 62, 68, 271.

⁹⁴ Там же, стлб. 5, 8, 29, 93, 111, 175; Самоквасов. Архивный материал, стр. 235.

(свыше 70 обж.)⁹⁵ а также небольшие владения Павла Оверкеева, Игната Коковкина,⁹⁶ Семена Болотова,⁹⁷ Степана Дюкова.⁹⁸

Владел землями и названный выше Царевичев (Царишов). За ним значилось 26 обж.⁹⁹ С большой долей вероятия к землевладельцам купеческого происхождения можно отнести Иова Кочерина.¹⁰⁰ Правда, его земли не названы «купецкими», но некоторые из купцов землевладельцев постепенно входили в ряды житьих, а может быть, и бояр. Наконец, к купцам-землевладельцам новгородской эпохи, возможно нужно причислить и Ивана Елизарова, чьи земли,¹⁰¹ в отличие от вышеназванных купцов, не были конфискованы Иваном III. Вероятнее, однако, вопреки мнению А. М. Гневушева, разделяемому Л. В. Даниловой,¹⁰² купец Иван Елизаров входил в состав влиятельной группы купцов, которые были переведены московским правительством в Новгород после его присоединения.

Таким образом, купцов-землевладельцев было немного (всего 10—15 человек). Принадлежало им сравнительно небольшое количество земель. (По подсчетам А. М. Гневушева, «только около 1 % всех вотчинных земель».)¹⁰³ В острой борьбе за земли, какая велась путем купли и захватов, купцы принимали слабое участие. И все же тяга к земле чрезвычайно характерна для верхов новгородского купечества, стремившихся таким путем войти в состав новгородского феодального класса. Поэтому высшим слоем новгородского купечества являлись не «гости», как это было в пору становления новгородского вечевого строя, а купцы-землевладельцы.

Еще М. Н. Бережков, восставая против обычной в то время (70-е годы XIX в.) переоценки социально-политической роли новгородского купечества, писал: «Новгород не был чисто купеческим городом: он не был похож на какой-нибудь ганзейский город с его маленькой территорией, но с многочисленным и богатым купечеством, имевшим полную силу в рате».¹⁰⁴ Бережков подошел и к правильному объяснению отличия Новгорода от купеческих ганзейских городов. Он указывал на обширность новгородских владений и на северо-восточное направление новгородской колонизации как на причины преобладания в Новгороде бояр,¹⁰⁵

а не купцов.

Развитие новгородского общественно-политического строя в XIV—XV вв., усиление новгородской боярской олигархии объясняет, почему в XV в. значение купечества как политической силы не возросло.

Было бы, конечно, ошибочно все дело сводить к тому, что Ганза, утвердившаяся на Балтике, мешала развитию новгородской морской торговли. Ганза стремилась к вытеснению новгородцев из вод Балтики, но предприимчивый и отважный новгородский мореход не мирился с ганзей-

⁹⁵ НПК II, стлб. 181, 453—455, 468, 469; НПК IV, стлб. 168—170, 182, 186, 207, 308, 442.

⁹⁶ НПК V, стлб. 16, 18; стлб. 8, 92.

⁹⁷ НПК III, стлб. 95, 96.

⁹⁸ НПК IV, стлб. 202; НПК V, стлб. 290, 293.

⁹⁹ НПК III, стлб. 177—178; НПК V, стлб. 21, 28, 350.

¹⁰⁰ НПК II, стлб. 890, 892, 894, 897, 898. Иов Кочерин, вероятно, был потомком того заморского гостя Ивана Кочерина, о котором сохранилось несколько упоминаний в грамотах (Грамоты В. Н. и П., №№ 51, 56).

¹⁰¹ НПК III, стлб. 265—266, 485, 550—551; НПК V, стлб. 27, 161, 183.

¹⁰² Гневушев. Сельское население, стр. 317; Данилова. Очерки, стр. 196—197.

¹⁰³ Гневушев. Сельское население, стр. 317.

¹⁰⁴ Бережков. О торговле Руси, стр. 241.

¹⁰⁵ Там же, стр. 254—255.

ской монополией и упорно боролся за свободный путь по морю. Однако поддержка, какую получал новгородский купец от новгородских властей, не была столь энергичной, как это требовалось. Новгородское феодальное правительство, выдвигая в переговорах с Ганзой требование «чистого пути» для русских купцов, не проявило необходимой настойчивости и решимости для того, чтобы не только ослабить, а сломить экономическую блокаду Новгорода с запада.¹⁰⁶ Потомки былинного «Садко — богатого гостя» не смогли поэтому развернуть широкую деятельность на море.

IV

Переходим к характеристике житых людей. Для исследователя новгородских социально-экономических отношений XIV—XV вв. житые люди представляют особый интерес как социальное новообразование.

Термин «житые люди» в XIV—XV вв. приобретает официальное значение. Он появляется в договорных грамотах (начиная с грамоты 1372 г.), в вечевых грамотах, в Новгородской судной грамоте. Он не редко встречается на страницах летописей в рассказах о Новгороде.¹⁰⁷ Житые люди выделяются как определенная социальная категория, отличная и от купцов и от бояр.

Раньше чем говорить о формировании этой социальной группы и ее политической роли, попытаемся вскрыть социально-правовое значение этого термина, столь ясного по его корню и столь неопределенного по его смыслу. Как известно, в исторической науке по вопросу о новгородских житых выдвинуто много различных мнений. В вышедшей в середине прошлого века работе юриста А. О. Плошинского — «Городское или среднее состояние русского народа» — мнения историков о житых людях были сведены к двум: согласно первому, житыми, «в отличие от настоящих граждан», называли землевладельцев, живших в городах непостоянно; согласно второму, к которому склоняется автор, они были «некоторого рода второстепенною аристократией», в противоположность первоклассной аристократии — посадникам, тысяцким, боярам». Автор готов сблизить житых людей с московскими дворянами. «Значение их в Новгороде, — пишет он, — особенно в позднейшие времена, было соответственно значению позднейших дворян Московского великого княжества».¹⁰⁸

Иначе поставили вопрос о житых людях крупнейшие исследователи новгородской истории в 60-х годах XIX в. Беляев и Костомаров. Для Беляева житые люди — «лучшие и зажиточнейшие купцы», «богатейшие старинные торговые дома». Костомаров основной признак

¹⁰⁶ Н. А. Казакова несколько переоценивает энергию, проявленную Новгородом в борьбе против хищнической политики Ганзы. Впрочем, в заключительных выводах Н. А. Казакова признает, что Новгороду «не удалось добиться изменения существовавшего порядка торговли с ганзейцами и обеспечить для своих купцов „чистый путь“ на западные рынки» (Н. А. Казакова. Из истории торговли древнего Новгорода, стр. 131),

¹⁰⁷ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.—Л., 1937, стр. 180. Термин «житые люди» знает также Псков. Имеется одиночное упоминание о «житых мужьях» и в Твери (см.: В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 232).

¹⁰⁸ А. О. Плошинский. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии. СПб., 1852, стр. 44—45.

¹⁰⁹ Беляев. Рассказы, стр. 80—31. К Беляеву близок в этом вопросе Н. А. Рожков, определяющий житых людей, как «древнейших купцов вявших» (Русская история, т. II. Изд. 3-е. Л., 1930, стр. 264). К этому мнению склонялись В. И. Сергеевич и М. В. Владимирский-Буданов.

житьего видел во владении в городе двором («Житьими людьми назывались собственно те, которые имели свои дворы и оседлость в городе в концах»). Вместе с этим он склонялся к мнению, что в состав житьих не следует включать ни бояр, ни купцов, хотя бы и домовладельцев.¹¹⁰ Ключевский разошелся в этом вопросе и с Беляевым и с Костомаровым: отмечая, как и Костомаров, что житьи были домовладельцами, он подчеркивал вместе с тем наличие у житьих земельных владений: «Капиталисты средней руки и постоянные городские обыватели, домовладельцы — это были и землевладельцы, иногда очень крупные». Последнему Ключевский придавал особенно большое значение: землевладение определяло положение житьих и в новгородском обществе, близкое к боярству, и¹¹¹ позднее превращение их в «служилых людей — с поместным наделом».

Близкое к Ключевскому определение житьих людей находим в одном из последних по времени дореволюционных университетских курсов у проф. М. К. Любавского («Капиталисты и землевладельцы, как и бояре, но оставшиеся вне круга правящей знати и, в отличие от бояр, занимавшиеся также и торговлей».¹¹² А в вышедшем почти одновременно с лекциями проф. Любавского пособии проф. Д. И. Багалая читаем о житьих людях: «Вероятнее всего, это были представители среднего класса, обладавшие оседлостью в городе; это были посадские люди, если употребить московский термин».¹¹³

Таким образом, вопрос не продвинулся к началу XX в. сколько-нибудь вперед по сравнению с его постановкой в середине XIX в.: житьи люди трактовались то как посадские люди (их верхний слой), то как слой землевладельческого класса, «второстепенная аристократия».

Недостаточно уточнен этот вопрос и советской наукой. Авторитетнейший знаток социально-экономической истории Новгорода Б. Д. Греков в статье по этому вопросу в БСЭ,¹¹⁴ вышедшей в 1932 г., охарактеризовал житьих людей как «социальную группу новгородского общества XIII—XIV вв., входившую в состав правящего новгородского класса, крупной торговой буржуазии¹¹⁵ и обладавшую обширными земельными владениями». Раскрывая эту общую характеристику, Б. Д. Греков подчеркивал близость житьих людей к боярству («...житьи люди стояли на общественной лестнице между боярством и купечеством, ближе к первому, нежели к последнему»)¹¹⁶. На отличии житьих людей от бояр Б. Д. Греков не останавливается. Поэтому остается немотивированным указание Б. Д. Грекова на тяготение житьих людей к Москве, в отличие от бояр, стоявших за вассальную зависимость от Литвы.

¹¹⁰ Костомаров. Северно-русские народоправства, т. II, стр. 28—29. (Разрядка наша, — В. Б.). К этому мнению склонялся и К. Н. Бестужев-Рюмин (Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 346).

¹¹¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 79—80. (Разрядка наша, — В. Б.).

¹¹² М. К. Любавский. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. Изд. 3-е, М., 1918, стр. 184. (Разрядка наша, — В. Б.).

¹¹³ Д. И. Багалей. Русская история, т. I. М., 1914, стр. 279. (Разрядка наша, — В. Б.).

¹¹⁴ Статья не подписана. Об авторстве Б. Д. Грекова говорим на основании изданной АН СССР в серии «Материалы и библиографии ученых СССР» брошюры «В. Д. Греков» (М.—Л., 1947, стр. 69).

¹¹⁵ На формулировке сказалось влияние терминологии времен господства школы Покровского.

¹¹⁶ Б. Д. Греков. Житьи люди. БСЭ, т. 25, изд. 1-е, стлб. 550—551.

В последних работах Б. Д. Грекова свободных, конечно, от влияния терминологии М. Н. Покровского, житьи люди выступают (как и в статье в БСЭ) как часть правящего землевладельческого класса, уступающая только по размерам своего землевладения. Бояре — крупнейшие землевладельцы, житьи — «землевладельцы помельче».¹¹⁷ Такая характеристика житьих обычно сопровождается оговоркой, указанием на неразрешенность вопроса наукой. Так, в учебнике истории СССР вопрос о житьих изложен такими словами: «По наиболее вероятному объяснению, житьими людьми назывался слой более мелких, чем бояре, феодальных землевладельцев».¹¹⁸

Уместно поэтому подвергнуть вопрос о житьих людях в Новгороде пересмотру. Начнем с наиболее общих выводов, на которые уполномочивают наблюдения над документами. Житьи люди в новгородской социальной иерархии в XIV—XV вв. занимали место выше купцов. Во всех новгородских документах, в отличие от псковских, они называются раньше купцов. Только в источниках неновгородского происхождения житьи порою стоят ниже купцов. Так, в Симеоновской летописи в описании Шелонской битвы читаем: «А новгородские посадницы все, и тысяцкие, купцы, и житии люди, и мастера всякие».¹¹⁹ Точно так же в послании митрополита Ионы в Великий Новгород о боях усобных в обращении купцы названы раньше житьих людей,¹²⁰ что свидетельствует о том, что и современники за пределами Новгорода недостаточно ясно представляли себе социальный смысл термина. В послании митрополита Филиппа от 1467 г. житьи названы уже раньше купцов, но в нем выше житьих введены чуждые Новгороду, но обычные для Москвы социальные группы «гости и суконники» («...и бояром, и гостем, и суконником, житьим, и купцам, и черным, и всему Великому Новгороду»)¹²¹. Стало быть, и здесь обнаруживается недостаточное понимание новгородской социальной терминологии.

Более позднее московское летописание уже научилось лучше пользоваться новгородскими социальными терминами. Поездка Ивана III в 1475—1476 гг. «миром», очевидно, сопровождалась более глубоким ознакомлением с новгородским общественным строем. Известный рассказ о «стречах» новгородцами Ивана III в ноябре 1475 г.,¹²² имеющий в своей основе официальные придворные записи, уже более или менее точно передает новгородскую терминологию, различая среди спешивших навстречу Ивану III новгородцев — посадников, тысяцких, детей посадничьих, бояр и житьих людей — и достаточно строго соблюдая иерархию. В рассказе о событиях 1478 г. даже Симеоновская летопись начинает употреблять термин «житьи люди» в его точном новгородском смысле. Появляется на страницах московской летописи и точное воспроизведение новгородской социальной иерархии («...посадники, тысяцкие, и бояре, и житии, купцы, черные люди»)¹²³.

Но если житьи люди ставятся в новгородских документах выше купцов, то столь же определенно подчеркивается их низшее положение по

¹¹⁷ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 487—488.

¹¹⁸ История СССР, т. I. Изд. 2-е, 1947, стр. 185. (Разрядка наша, — В. Б.).

¹¹⁹ Симеон, л. стр. 231.

¹²⁰ РИБ, т. VI, стр. 549.

¹²¹ Там же, стр. 713.

¹²² «О походе великого князя в Великий Новгород», Соф. II л., стр. 200—201. См. особенно записи от 16 и 20 ноября. Только в записи от 19 ноября объединены бояре и житьи люди.

¹²³ Симеон, л., стр. 258.

сравнению с боярами. Они всегда называются после бояр. В Судной грамоте установлено взыскание (за наводку) «на виноватом на боярине 50 рублей, а на житьем двадцать рублей, а на младшем десять рублей».¹²⁴ Согласно этой градации разница между младшим и житьем установлена меньшая, чем между житьем и боярином.

Второй вывод общего порядка, какой можно сделать из источников о житьих людях, относится к их представительству в посольствах. Первые житьи люди были включены в состав посольства в 1386 г. во время похода Дмитрия Донского на Новгород, и притом, как представители от концов («пять человек житьих ис концов по человеку» или «5 человек житейских с конца по человеку»)¹²⁵. Точно так же в посольствах второй половины XV в. житьи люди выступают как представители концов. И в Яжелбицкой грамоте 1456 г., и в Коростынской грамоте 1471 г., и в грамоте с Казимиром (1471 г.) — везде упомянуто о пяти житьих. Точно так же в переговорах с Иваном III зимою 1477—1478 гг. участвовали пять представителей от житьих (табл. 37).

Таблица 37

Представительство от житьих в посольствах второй половины XV в.

1456 г. ¹²⁵	1471 г. ¹²⁷ (Казимир)	1471 г. ¹²⁸ (Иван III)	1477-1478 гг. ¹²⁹
Офонас Микулич. Иван Юрьевич.	Панфил Селифонтович. Кирило Иванович.	Лука Остафьевич. Александр Клементьевич. Федор Иевлич.	Александр Клементьевич. Евфимий Медведков.
Яков Иванович. Еремей Кузьмич.	Яким Яковлич. Яков Зиновьевич.	Окинф Васильевич. Дмитрий Михайлович.	Григорий Киприанов, Арзубьев. Филип Килской. Яков Царевичев.
Василий Захарьич.	Степан Григорьевич.		

И во внутренней жизни Новгорода представительство житьих было организовано от концов. «А докладу быти во владычне комнате», — гласит одна из статей Судной грамоты, «а у докладу быти из конца по боярину да по житьему». Таким образом, в отличие от купцов, которые тянут в свое «сто», житьи связаны с концами.

Для определения экономического положения житьих людей чрезвычайно важно разрешить вопрос об их землевладении. Новгородская судная грамота говорит о землевладении житьих наряду с боярским и купеческим. Но землевладение житьих существенно отличалось от купеческого. Прежде всего среди житьих встречались крупные землевладельцы, которые по размерам своих владений уступали только самым крупным земельным магнатам. В приведенном С. А. Таракановой-Белкиной списке по писцовым книгам 1498—1501 гг. среди 55 крупнейших новгородских землевладельцев названо четверо житьих (табл. 38).

У каждого из этих житьих было больше сотни дворов. А их владения бесспорно не ограничивались отмеченными в сохранившихся частях

¹²⁴ Владимир с К'ИИ - Буданов. Хрестоматия, стр. 186.

¹²⁵ Н IV Л, стр. 346; Москов. св., стр. 213.

¹²⁶ Грамоты В. Н. и П., №№ 22—23.

¹²⁷ Там же, № 77.

¹²⁸ Там же, №№ 25—27.

¹²⁹ Симеон, л., стр. 258.

Таблица 38

Крупные землевладельцы из житых (по писцовым книгам 1498—1501 гг.)¹³⁰

Владельцы	Число деревень	Число дворов	Число обшей
	88	154	150
	55	106	115
	65	111	116V2
	72	128	128

писцовых книг 1498—1501 г. Так, у Матвея Домажирова была большая волостка из нескольких десятков деревень в Бежецкой пятине, на которой в середине XVI в. сидело целое гнездо помещиков Давыдовых, владевших 70 дв.¹³¹ И Деревяшкины, и Домажировы, и Квашнины фигурируют в летописи среди прочих житых, встречавших Ивана III в 1475 г. И другие житы владели землями, и притом иногда весьма значительными.

В летописях и грамотах имеется упоминание имен нескольких десятков житых XV в. Если сопоставить список житых с данными новгородских писцовых книг, как это сделано в следующей ниже табл. 39, можно прийти к определенным выводам о землевладении житых.

Из общего числа 44 житых, названных в табл. 39, можно с беспорностью установить наличие земельных владений у 35. Из 9 житых, у которых не удалось обнаружить земельных владений, только двое (Михаил Богуславль и Александр Лукич Сляковых) имеют какие-то фамилии; остальные 7 (Васильевы, Григорьевы, Остафьевы, Федоровы и Яковлевы) названы по отцу, что делает чрезвычайно затруднительным выяснение земельных владений их потомков.

Если же учесть неполноту сохранившихся писцовых книг и неточность обозначений фамилий (как в летописи, так и в писцовых книгах), то можно с большой долей вероятности сделать вывод, что все житы люди владели землей.

Новгородский купец владел землей иногда, житий же был землевладельцем. Для первого владение землей — явление случайное, не характерное, скорее исключение, чем правило; для житьего владение землей — правило. Чрезвычайно показательным поэтому, что московские писцы, обычно выделяя купеческое землевладение («земли купеческие»), никогда не отличали земельных владений житых от боярских. «Древнейшие новгородские писцовые книги, — указывает Б. Д. Греков, — составленные москвичами, игнорируют новгородскую терминологию и житых людей совсем не называют».¹³² Нередко писец прямо называет житых людей боярами или еще выразительнее «бояришками». Так, в описании владений житьего Василия Филиппова в Вотской пятине указывается о собственной запашке: «Пахали бояре сами на себя».¹³³ В описании одного из владений житых Божиных в Деревской пятине читаем: «Селцо Честово на реце Мете... старого дохода не было; жили в нем сами бояришки».¹³⁴

¹³⁰ Тараканова - Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 92-Q4.

¹³¹ НПК VI, стлб. 61—67.

¹³² В. Д. Греков. Житыи люди. БСЭ, т. 25, 1-е изд., стлб. 551.

¹³³ НПК III, стлб. 395.

¹³⁴ НПК II, стлб. 150.

Таблица 39

Новгородские житьи люди XV в. и их землевладение

Житьи люди	Где упомянуты	Сведения о владении землей в писцовых книгах ¹³⁶
.Арзубьев Киприан	Соф. I л., стр. 12.	I, стлб. 85—87, 125, 127, 128; II, стлб. 624.
-Арзубьев Григорий	Соф. II л., стр. 209—212, 220.	II, стлб. 590, 591, 621, 622; IV, стлб. 563; V, стлб. 42, 175, 181.
Балакша Василий	Там же, стр. 200.	I, стлб. 540—543; Врем. XI, стр. 2—3; Врем. XII, стр. 11—12, 39—40, 89—90.
Богуславль Михаил	Там же, стр. 201.	
Божин Мартемьян	Там же.	II, стлб. 149—151, 331—332; III, стлб. 223, 253, 256, 260, 263, 834, 816, 848; V, стлб. 27, 45, 287.137
Васильев Окинф	Там же, грам. №№ 25- 27.	
Григорьев Никита	Соф. II л., стр. 201.	
Григорьев Киприан	Там же.	
Григорьев Степан	Грамоты В. Н. и П., № 77.	
Деревяшкин Василий Пан- телеймон		I, стлб. 213—217, 725, 747—748.
.Деревяшкин Матвей	Соф. II л., стр. 200.	V, стлб. 326, 403, 404; См., кроме того, Василий Матвее- вич: II, стлб. 557, 558 и Дмитрий Матвеевич: I, стлб. 673—674; II, стлб. 541—548; IV, стлб. 474; V, стлб. 56, 203 359.
Деревяшкин Самойло	Там же, стр. 201.	I, стлб. 238—239; V, стлб. 51, 58, 68, 203, 228—229, 272, 297.
Дмитриев Иван	Там же.	
Домажиров Матвей Кон- стантинович	Там же.	I, стлб. 183—186, 346—352; II, стлб. 11, 16, 17, 445; V, стлб. 31, 155—156; VI, стлб. 61—71, 78. Кроме того, Михаил Константинович: I, стлб. 550—551, 606—608, 704; III, стлб. 31. Федор Констан- тинов: I, стлб. 345, 369, 395, 399, 402, 552.
Железцов Степан		III, стлб. 176—190, 258, 267, 273, 277; V, стлб. 8, 87.
Зиновьев Яков	Грамоты В. Н. и П., № 77.	VI, стлб. 990.
Иевлев Федор	Соф. II л., стр. 200; Гра- моты В. Н. и П., №№ 25—27.	III, стлб. 862, 864, 867, 870, 874, 877; IV, стлб. 47, 49, 154, 155, 157, 188, 189, 447, 514, 571; V, стлб. 3, 25, 41, 63, 65.

¹³⁶ Приводим лишь те упоминания, где имеется прямое указание на принадлежность к житьям.

¹³⁷ По указателю к первым шести томам НПК (Новгородские писцовые книги. Изд. Археографической комиссии, Указатель к первым шести томам, 1915). Таким образом, нами учтены в этом случае не все писцовые книги.

¹³⁸ В НПК рядом с Мартемьяном назван Матюх.

Таблица 39 (продолжение)

Житые люди	Где упомянуты	Сведения о владении землей в писцовых книгах
Квашнин Алексей	Соф. П л., стр. 200.	I, стлб. 566, 571; II, стлб. 211, 221—224; VI, стлб. 76.
Килской Филипп	Там же, стр. 209—212, 220.	V, стлб. 24 (Василий Филиппович Килской).
Клементьев Александр	Грамоты В. Н. и П., №№ 25, 26—27; Соф. П л., стр. 201, 209—212, 220.	II, стлб. 883, 887.
Колесницын (Лестницын) Константин	Соф. П л., стр. 201.	II, стлб. 625—626; III, стлб. 640, 648, 656, 659, 660, 662, 664, 666, 668, 676; IV, стлб. 140; V, стлб. 49.
Константинов Иван	Там же.	VI, стлб. 319—321, 325, 335, 386, 582, 583, 586, 594.
Лотошков Федор	Там же.	III, стлб. 14 (Татьяны Федоровны, жены Лотошкова).
Макарьев Кирил Иванович	Соф. П л., стр. 201, 212. Грамоты В. Н. и П., № 77.	IV, стлб. 21—23. 27, 28, 314; V, стлб. 55, 58 (Василий Кирилов).
Макаров Михаил Иванович	Соф. П л., стр. 201.	IV, стлб. 472; V, стлб. 45—49 (Иван и Павел Михайловы).
Маринин Юрий	Там же.	II, стлб. 106—111.
Марков Иван Иванович	Там же, стр. 207.	I, стлб. 408—412, 507—510; II, стлб. 57—60; VI, стлб. 403, 451, 466—476.
Медведнов Евфимий	Там же, стр. 209—212, 220.	III, стлб. 574, 583, 637, 645; V, стлб. 56, 358, 359.
Михайлов Дмитрий	Грамоты В. Н. и П., №№ 25, 26—27.	
Онаньин Иван	Соф. П л., стр. 201.	V, стлб. 7 (Галинский); IV, стлб. 39—41, 42; V, стлб. 3, 15, 290, 300 302.
Остафьев Фалелей	Там же.	IV, стлб. 559. Кроме того, Иван Офромеев Неверов:
Офромев Иван	Там же.	
Плюснин Ульян	Там же, стр. 200.	II, стлб. 365—368; IV, стлб. 422, 477, 529, 578; V, стлб. 62, 67.
Полинаршин (Федотшин) Василий Иван	Там же, стр. 201.	III, стлб. 853, 855, 859, 860. IV, стлб. 172, 283; V, стлб. 11, 58, 59, 133, 135.
Полинаршин (Федотшин) Лука Иванов	Там же, стр. 201—209. 138	III, стлб. 569, 570, 596, 597, 599; IV, стлб. 7, 9, 281, 285, 305, 306; V, стлб. II, 55, 58.
Савельев Андреян	Там же, стр. 208.	III, стлб. 573, 580, 582, 584. IV, стлб. 28, 29 и 33; V, стлб. 2, 20.

Назван посадником.

В указателе к писцовым книгам ошибочно напечатано VI вместо IV.

Таблица 39 (продолжение)

Житьи люди	Где упомянуты	Сведения о владении землей в писцовых книгах
Селифонтов Панфил ¹⁴⁰	Грамоты В. Н. П. № 77.	Лаврентий Панфильев: ¹⁴¹ ПК Об. п., стр. 126—127. Кроме того, Марк Панфильев: III, стлб., 1, 2, 4, 67; Врем. XI, стр. 18, 99—100; ПК Об. п., стр. 128, 137.
'Скокухин Алексей	Соф. П л., стр. 201.	I, стлб. 416—424, 436, 487—494; II, стлб. 221, 497; III, стлб. 694, 706. Кроме того, Иван Алексеевич: III, стлб. 687, 695; IV, стлб. 32—35, 151—152; V, стлб. 2, 55, 69. Врем. XI, стр. 142—143, 257; Настасья — жена Скокухина: I, стлб. 191, 398, 487, 491—494; II, стлб. 487.
'Сляковых Александр Лукич	Там же.	
Степанов Микифор	Там же.	Мария (жена): I, стлб. 482, 485.
Федоровы Павел да Григорий	Там же.	
Филиппов Василий	Там же.	III, стлб. 372, 380, 388, 389, 393, 395, 397, 399, 409, 412.
Хмелев Микифор		I, стлб. 56—59; II, стлб. 550, 634—636, 674; IV, стлб. 487, 534; V, стлб. 12, 39, 47, 72, 78, 319; VI, стлб. 310—312, 314, 315, 317, 337, 342, 354, 569, 570, 572—574, 576—578, 580, 805; ПК Об. п., стр. 129, 132.
Якил	Грамоты В. Н. П. № 77.	

Нет существенных отличий и в размерах владений житьих от бояр. Правда, среди житьих нет землевладельцев таких, как Борецкие, Овиновы, Захарьины. Но ведь таких размеров достигали владения только немногих бояр. Большинство новгородских бояр (за исключением «великих») имело владения, исчислявшиеся не сотнями, а десятками дворов.

Так, и у житьих обычно имелся десяток, другой дворов, но были и такие житьи, чьи владения превышали сотню дворов. Кроме названных выше Деревяшкиных, Домажировых и Квашнина, сюда можно отнести Федора Иевлева, Ивана Маркова, Полинарьиных (Федотьиных), Селифонтова, Скокухина, Хмелева. Федор Иевлев имел земли главным образом в Шелонской пятине в погостах Фроловском, Дубровенском, Дремятском, Жедрицком, Голинском и Порховском Окологородье. Небольшие владения у него были также во Вздылицком погосте Вотской пятини. В одном Жедрицком погосте у Иевлева было около 50 дв.¹⁴² Маркову, кроме других, менее значительных владений, принадлежала в Бежецкой пятине волость Забережье (на Мологе), в которой по писцовой книге 1545 г. значилось свыше 200 дв.¹⁴³ Да в Рутинском погосте Деревской пя-

¹⁴⁰ В ПК Об. п. (стр. 173) назван старым посадником.

¹⁴¹ Назван сыном Панфила Селифонтова в духовной Панфила Селифонтова (Чте-
ния ОИДР, кв. 1, стр. 147).

¹⁴² НПК V, стлб. 260.

¹⁴³ НПК VI, стлб. 466—476.

тины он владел 41 дер. с 90 дв.¹⁴⁴ у Полинарыиных в одном Рождественском погосте Шелонской пятины было свыше 100 обж.¹⁴⁵ У Панфила Селифонтова один из сыновей — Лаврентий — имел в Кижском погосте 43 дв.,¹⁴⁶ другой — Марк, в том же погосте, — 37 дв. Скокухину в Рутинском погосте Деревской пятины принадлежала большая волость из 40 дер. с 74 дз.¹⁴⁷ Кроме земли в Деревской пятине, он (и его сын) имели земли в Вотской и Шелонской пятинах. У Хмелева были значительные владения во всех пятинах, кроме Вотской (из них в одной волости Лука Бежецкой пятины в 1545 г. значилось 90 дв).¹⁴⁸

По внутренней своей структуре и форме феодальной ренты боярщины житых также не отличались от боярских вотчин. Преобладающим видом ренты была продуктовая, выступавшая иногда в сочетании с денежной. Главное место в составе оброка занимал хлеб (то «посопный», то «издольный»). Приведем несколько типичных примеров по крупным боярщинам житых: «Доходу шло с тех деревень Григорьевских Арзубьева со 6 обж, 6 баранов, 12 сыров, 7 пятков з горстью лну, а ис хлеба четверть»;¹⁴⁹ «А старого дохода шло Феодору Иевлю 23 полти мяса, 23 бараны, 26 куров, 23 сыра, 23 пятка лну, а ис хлеба пятина».¹⁵⁰ Василию Полинарыину с одной из его вотчин шло доходу хлеба «послом» 126 кор., 70 кор. овса, 7 кор. пшеницы, 69 кор. ячменя, 6V2 кор. хмеля; а «мелкого дохода» — 26 сыров, 26 ставцов масла, 400 яиц, 17 возов сена.¹⁵¹ Василию Балакше с его волостки шло «старого дохода» с 20 обж. «2 рубля и 13 денег, а хлеба послом ржи 29 коробей без получети, а пшеницы 6 кор., а ячмени четка. А мелкого дохода — 5 полоть мяса, 20 и пол-5 сыра, 6 пятков и пол-2 горсти лну... А три обжи Василия пахал на себя».¹⁵² Собственная запашка, с какой мы встретились в последнем примере, была незначительна, как и у бояр, и упоминание о ней встречается редко.¹⁵³ Обычно обрабатывалась она не крестьянами, а «людьми».

Тесно связанные с землей житы принимали деятельное участие в борьбе за землю. Имена некоторых житых встречаются в двинских актах. Так, Панфилий Селифонтович, чье имя возглавляет представительство от житых в грамоте с Казимиром литовским, фигурирует в ряде грамот.¹⁵⁴

Купец, ставший землевладельцем, приближался к житым. Разница между ними настолько сглаживалась, что порою одно и то же лицо (Ефим Медведнов) в документах именуется то житым, то гостем, а купец Царевичев (владевший землей) выступал представителем от житых.

Владея землей, житы люди, как феодалы, были обязаны службой.¹⁵⁵ Н¹⁵⁶овгороде; они выступали нередко в качестве послов, «опасчиков»,

¹⁴⁴ НПК I, стлб. 8-412; II, стлб. 57-60.

¹⁴⁵ НПК V, стлб. 58.

¹⁴⁶ ПК Об. п., стр. 126-128.

¹⁴⁷ НПК I, стлб. 416-424.

¹⁴⁸ НПК VI, стлб. 310-317.

¹⁴⁹ НПК V, стлб. 175.

¹⁵⁰ Там же, стлб. 260.

¹⁵¹ Там же, стлб. 135.

¹⁵² НПК I, стлб. 540-543.

¹⁵³ Подробное описание хозяйства житых см.: Данилова. Очерки, стр. 47-48, 181-189.

¹⁵⁴ См. выше, в гл. II.

¹⁵⁵ См. выше, стр. 169.

¹⁵⁶ «Приехал в Торжок другой о опасе от владыцы и от всего Новгорода Иван Иванович Марков житей» (Соф. II л., стр. 207).

подвойских.¹⁵⁷ Несли они и военную службу. Поэтому естественным был и переход житьего на службу к великому князю. «Приехал к великому князю новгородец житьих Андреян Савельев елужити», — читаем мы в Софийской второй летописи, вслед за сообщением о переходе на службу к великому князю посадника боярина Григория Михайловича Тучина.¹⁵⁸

Поэтому-то и позднее, во время переговоров в январе 1478 г., житьи люди вместе с боярами били челом великому князю в службу, и князь принял их челобитье («Генваря 18, в неделю, били челом великому князю в службу бояре Новугорстии и все дети боярские и житьи»).¹⁵⁹ Поэтому же и Москва, как отметил еще Ключевский, переселяя их из Новгорода, «верстала их не в городское посадское население, как купцов, а в служилые люди с поместным наделом».¹⁶⁰

Все приведенные соображения позволяют безоговорочно отнести новгородских житьих XV в. к классу феодалов и присоединиться в этом вопросе к точке зрения Б. Д. Грекова.

Для полного выяснения вопроса о житьих важно, однако, определить особенности этой группы новгородского феодального класса, т. е. выяснить черты отличия житьих от бояр.

Как видно из изложенного, отличия в XV в. нужно искать в сфере правовой, а не экономической. Войдя в состав класса феодалов, новгородские житьи не сравнялись с боярами в правах. Прежде всего даже самые богатые житьи не вошли в ряды правящей новгородской верхушки. Они не занимали высших должностей посадника и тысяцкого. Правда, имеются некоторые сообщения о житьих людях — посадниках (нам таких известно два), но они приведены не в официальных новгородских грамотах и при ближайшем рассмотрении оказываются имеющими небольшую ценность для решения рассматриваемого вопроса.

Остановимся на этих известиях. В ПИСЦОВОЙ книге Обонежской пятинны 1563 г. в описании владений Палеостровского монастыря в Шальском погосте приведено следующее указание: «А дал те деревни в дом Спасу Палеостровскому монастырю посадник старой Панфил Селифонов».¹⁶¹ Надо полагать, в монастыре имелась соответствующая грамота. Убедительность свидетельства снижается, однако, тем обстоятельством, что речь идет о весьма отдаленных от Новгорода местах и термин посадник мог быть употреблен и по отношению к местному носителю власти, а не к новгородскому посаднику.

Второе упоминание относится к Луке Исаковичу Полинарьюну, который в летописи фигурирует в составе посадников, посланных 23 ноября 1477 г. для переговоров к Ивану III. Имя его названо рядом с важнейшими представителями новгородской знати — Коробом Захарьиным и другими («Приде ИК великому князю в Сытино владыка новугородский Феофил, а с ним посадники новугородские Яков Короб, Феофилат Захарьин, Лука да Яков Федоровы, Лука Исаков Полинарьин»). Однако при определении убедительности этого летописного сообщения нужно, во-первых, учесть исключительность положения, в каком находился осажденный Иваном III Новгород. Подбирая состав посольства, новгородцы могли пойти сознательно на включение в него Луки Полинарьюна, как человека, удобного Ивану III, известного своей готовностью служить ве-

¹⁵⁷ Например, Григорьев Степан (Грамоты В. Н. и П., № 24).

¹⁵⁸ Соф. П л., стр. 208.

¹⁵⁹ Там же. стр. 219.

¹⁶⁰ В О Ключевский, ук. соч., стр. 80.

¹⁶¹ ПК Об. п., стр. 178.

ликому князю с 1475 г.; во-вторых, показательно, что в составе дальнейших посольств к Ивану III имя Полинарьюна уже не названо.¹⁶² Его не было ни в посольстве 4 декабря, ни в посольстве 7 декабря. В-третьих, в ходе переговоров с первым новгородским посольством, в ответе великого князя Лука Исаков был назван рядом с житым Григорием Арзубьевым, как истцы против бояр в 1475 г. («А ты, Лука Исаков, сам тогда был в исках, да и ты, Григорей Киприянов от Никитины улицы»)¹⁶³. Следовательно, в случае с Лукой Полинарьюном нужно видеть исключение, скорее подтверждающее общее правило, чем опровергающее его.

Можно утверждать поэтому, что житьи люди в Новгороде выступали только в качестве должностных лиц средней статьи.

Приведенная выше статья Судной грамоты (о штрафе за наводку) свидетельствует, что законодательство проводило заметную правовую грань между боярином и житым, вне зависимости от их имущества. Ущемленность житых людей в правах по сравнению с боярами должна быть объяснена, очевидно, процессом формирования этой группы феодалов, вошедшей в состав землевладельцев сравнительно поздно и сохранившей поэтому в правовом положении следы прежнего положения.

Житьи люди вышли из рядов горожан, владевших усадьбами в городе и постепенно отделившихся от «черных (молодых) людей». Связь с городом дает себя знать в положении житых и в XV в. В уставной грамоте ивановскому купечеству¹⁶⁴ в торговый суд вводятся, наряду с купцами, старосты от житых людей. Как владельцы городской земли, житьи занимали видное место в кончанской организации. В известной грамоте Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю состав кончанской общины определен следующей формулой: «Покончаша промежу себя посадники великого конца Славенского и бояре,¹⁶⁵ и житьи люди, и весь великий конец Славенский»¹⁶⁶. В «докончальной» грамоте Славенского конца с Иваном Губаревым¹⁶⁶ среди «добрых людей», которые участвовали в «докончаньи», названо имя Степана Григорьевича, вероятно, того житьего, чье имя упомянуто в грамоте с Казимиром в 1471 г.¹⁶⁷ Влиятельные члены городских концов, житьи люди бывали старостами улиц: их посылали представителями от концов в посольства. О связи с городом свидетельствует и единственное выступление житых во время переговоров с Иваном III в защиту своих интересов: «Государь бы князь великий¹⁶⁸ пожаловал велел их судити наместнику своему с посадником в городе».

Когда-то горожане-домовладельцы новгородские житьи обзавелись значительными земельными владениями и постепенно превратились в феодалов. Вероятно, житых имел в виду Ланноа,¹⁶⁹ когда наряду с большими синьорами (которых они называли боярами) он поставил «горожан»

¹⁶² Соф. II л., стр. 212, 214. Все остальные бояре—участники посольства 23 ноября — названы вновь.

¹⁶³ Там же, стр. 212.

¹⁶⁴ Для XV в. возможно воспользоваться подновленным текстом грамоты.

¹⁶⁵ Грамоты В. Н. и П., № 91, стр. 148.

¹⁶⁶ Там же, № 112.

¹⁶⁷ Там же, № 47; см. также грамоту № 24, где упоминается Подвойский Степан Григорьев.

¹⁶⁸ Соф. II л., стр. 210.

¹⁶⁹ эту мысль выдвигал еще В. О. Ключевский. Ее разделяет и Б. Д. Греков (см. БСЭ, т. 25, изд. 1-е, стлб. 551).

(bourgeois), которые «владеют землею в 200 лье длины».¹⁷⁰ В этом отличие их от псковских житьих, которые не смогли стать землевладельцами. Для псковского горожанина при отсутствии тех огромных земельных владений, какими располагал Новгород, была закрыта дорога в феодальные землевладельцы. Путь к богатству для него открывался один — через торговлю. Поэтому псковские житьи остались группой городского населения, притом уступающей по своему значению купечеству; не случайно псковские житьи в социальной иерархии псковичей стоят ниже купцов («... бояре и купцы и житьи люди»).

Не то было в Новгороде. Новгородские житьи сумели выбиться в феодалы и настолько сблизиться с ними по экономическому положению, что московские летописцы никак не могли разобраться, где проходит линия раздела между боярами и житьими людьми, а московские писцы, составители писцовых книг, решили вопрос радикально, отбросив совсем термин «житьи люди».

Отличаясь в правовом положении от бояр, не входя в ряды правящей олигархии, житьи выступали порой против посадников. Но серьезные социальные противоречия между житьими людьми и боярами были исключены, ибо новгородский патрициат, тесно связанный с землею и с феодальной эксплуатацией крестьянства, стал частью феодального класса. Конфликты между житьими и боярами, таким образом, являлись столкновениями внутри господствующего класса из-за доли участия в суде и управлении.

¹⁷⁰ Емельянов. Путешествие Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413—14 и 1421 годах. Университетские известия, Киев, 1873, № 8. Отдельный оттиск, стр. 24.

¹⁷¹ См., например, официальные грамоты: 1480 г. — «Посольство Псковское» в «Сборнике [Документов по русской истории]» П. А. Муханова (М., 1856, стр. 14); 1493 г. — «Наказы посланникам великого князя Ивана Васильевича к князю Конраду Мазовецкому» — Сб. РИО, т. XXXV, 1882, стр. 89.

ГЛАВА VI

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НОВГОРОДЕ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XV в.

I

Историки Новгорода обычно выделяют как крупнейшее выступление народа против боярства в Новгороде восстание 1418 г. Под наименованием «восстания Степанки» или даже «революции 1418 г.», оно подробно излагается и в общих курсах и в специальных исследованиях и заслоняет другие значительные проявления классовой борьбы в Новгороде. В этом вопросе современный исследователь идет по следам новгородских летописцев, у которых, действительно, восстанию 1418 г. уделено особое внимание, тогда как о других народных выступлениях XV в. летописец упоминает чрезвычайно кратко, как бы нехотя, между другими, по мнению летописца, более важными событиями.

Подробный рассказ о восстании 1418 г. включен во все новгородские летописи (I—IV) и в Летопись Авраамки. Анализируя тексты этих летописей, можно различить три варианта рассказа, отличающиеся некоторыми подробностями, имеющими второстепенный характер: 1) в Новгородской первой летописи¹ он повторен с ничтожными изменениями, не касающимися содержания в «Летописце церквам божиим» так называемой Новгородской третьей летописи;² 2) в Новгородской четвертой летописи³ (с этим вариантом почти точно совпадает текст летописи по Архивскому списку так называемой Новгородской второй летописи);⁴ 3) в Летописи Авраамки — при всей близости в основе к рассказу Новгородской четвертой летописи и большей сжатости изложения, заслуживающей внимания некоторыми формулировками. Краткий рассказ о событиях 1418 г. включен в Софийскую первую летопись.⁵

Почему же летописцы так подробно останавливаются на ходе событий 1418 г.? Кто выступает как главный герой летописного рассказа о событиях 1418 г.? Внимание летописца привлечено не столько к расправе народа с Даниилом Ивановичем Божиным, ни к судьбе Степанки, сколько к поведению новгородского владыки, успокоившего новгородских «людинов».

¹ Последнее из них по времени: Строчков. Восстание Степанки.

² Н I Л, стр. 408—410.

³ Н III Л, стр. 258—261.

⁴ Н IV Л, стр. 421—424.

⁵ Н II Л, стр. 42—45.

⁶ Лет. Авр., стлб. 168—170.

⁷ Соф. 1 л. (ПСРЛ, V), стр. 261.

«взъярившихся, аки пиане». Центральный пункт летописного рассказа — выступление владыки во главе собора с целью водворения в городе порядка. Все остальное выступает как широкий фон, как обоснование необходимости и значения вмешательства владыки. Летописец, естественно, поэтому вовсе не скрывает остроты положения, создавшегося в городе. По его описанию, возбуждение в городе достигло крайних пределов: «ярость лютая», «нача злоба множит ися», «начаша людие срыскивати аки на рать в доспехах», «беша же и мертвии», словом — «от возмущения того великого втресся весь град».

Центральная картина в летописном рассказе — благословение владыкой обеих борющихся сторон и призыв их к миру. В этой части рассказа летописец достигает и наибольшей образности и высокого пафоса: сбор духовенства в Софийский собор, торжественный крестный ход («священные ризы», «крест господен» и «пресвятые богородицы образ»), люди «припадаючи к святителевома ногам», наконец, благословение «животворящим крестом»; потоком льются слезы: плачет владыка во время молитвы в Софийском соборе, «испускающе слезы», идут участники крестного хода, со слезами припадают богобоязненные люди к ногам святителя, плачут «взирающе на честный крест» благословляемые владыкой разбушевавшиеся новгородцы. В рассказе Новгородской первой летописи упоминается о слезах пять раз. Еще больше плачут в варианте Новгородской четвертой летописи, в котором благословение на мосту описано такими словами: «Пришед святитель ста посреди мосту и, взем животворящий крест, нача благославяти обе сторона; ови взирающе на честной крест, плакахуся, инии же видяще архиепископа из очию испущающе слезы и на нь смот' ряше, прослезившася».

Как не удивиться при виде столь трогательного зрелища! Удивительно ли после этого, что новгородский губернатор александровских времен (1812—1815 гг.), он же автор «Новгородской истории», П. И. Сумароков, рассказывая о событиях 1418 г., впал в лирический восторг, когда дошел до описания того, как «одним мгновением утихает своеволие» и как «буйное скопище» превращается в смиренный крестный ход. «Вот истинное доказательство, — предается философическо-политическим раздумьям помпа дур-историк, — что один человек может развратить тысячи народа, и один также человек удержать их в состоянии». Сумароков в своих рассуждениях не так далек от понимания действительного смысла летописного рассказа, его морально-политической тенденции.

Можно поэтому с полным основанием назвать летописный рассказ о событиях 1418 г. в Новгороде не «сказанием о восстании Степанки» (о судьбе Степанки летописец забывает даже упомянуть), а «Похвальным словом владыке Симеону об умерении особой рати новгородцев». В тех вариантах рассказа, который сохранился в Новгородской четвертой летописи и в Летописи Авраамки, чрезвычайно подчеркнута и роль архимандрита Юрьева монастыря Варлаама, выступающего в качестве ближайшего помощника владыки. Так, в Летописи Авраамки читаем: «А в то время прилучися быти архимандриту Варлааму святого Георгия у владыце, некоих ради вещей и слыша от него учительная словеса и глагола святитель архимандриту: „Последуй ми“, он же реча: „С радостью, учителю, иду по тебе“». ¹⁰ Надо полагать, Юрьев монастырь имел прямое отношение к созданию этого варианта рассказа.

⁸ Н IV Л, стр. 423.

⁹ П. И. Сумароков. Новгородская история. М., 1890, стр. 245.

¹⁰ Лет. Авр., стлб. 169.

«Похвальное слово Симеону» пользовалось большой популярностью среди новгородских церковников, и популярность его становилась, очевидно, особенно значительной потому, что новгородским владыкам далеко не всегда удавалось столь успешно выступить в роли примирителя борющихся сил, как Симеону в 1418 г. В похвале Симеону, которой заканчивается изложение восстания в Новгородской четвертой летописи, чувствуется тревога и скорбь о том, что позднейшим владыкам не удастся «правити своя дети». Краткое сообщение Новгородской первой летописи («И разидошася молитвами святыя богородица и благословением архиепископа Семе он а и бысть тишина в граде») он развертывает в похвальное слово Симеону: «И разидошася, благодарящи бога и пречистую его мать, глаголюше сице: давшего нам такова святителя, могущего управити своя дети и поучати еловесы духовными, ового кротостью, иного обличением, иные же запрещением, наипаче же сию брань крестом господним и поучением своим укроти: да сохранит нас его молитва и благословение от такова мятежа во веки, аминь».¹² Эта же тревога, страх перед возможным восстанием народа сквозят и в других местах летописного рассказа, звучащих призывом к новгородской верхушке не шутить с огнем народного гнева. Так, летопись осуждает боярина Божина за то, что тот попытался отомстить Степанке и тем вызвал новый взрыв движения, «хотя вред исцелити, паче болши язву въздвиже; не помяну рекшаго: аз отъмщение».¹³ Еще определеннее эта нота звучит в Новгородской четвертой летописи и в Летописи Авраамки в эпизоде — «о жене некоей»: ее расправа с боярином Божиным рассматривается или как кознь дьявола, или как укор богачам, обидящим бедных. Как будто все «Слово» написано «на укоренье богатым и обидящим богатым убогих».¹⁴

«Похвальное слово Симеону» достаточно ясно обрисовывает напряженную социальную обстановку, в которой мысль новгородского книжника обращалась к событиям 1418 г. Страх перед возможностью «такова мятежа» побуждал летописца подчеркивать роль новгородского владыки как «укротителя» «оеобной рати». Показательно, что даже в кратком Новгородском летописце (Новгородская четвертая летопись, список Никольского) читаем о событиях 1418 г.: «Усобица бысть в Новгороде и смири владыка Семион».¹⁵ Эти соображения в полной мере объясняют, почему «восстание Степанки» столь подробно описано в летописи, прошедшей мимо других значительных движений или едва упомянувших о них.

Пристальный анализ летописных и внелетописных известий позволяет со всей определенностью утверждать, что восстание 1418 г. было далеко не единственным крупным движением, новгородских городских низов против боярской олигархии и, пожалуй (как об этом будет сказано ниже), не было даже самым значительным.

II

Классовая борьба в Новгороде принимала резкие формы и в предшествующие века. Достаточно напомнить о событиях 1136 и 1186 гг. в XII в., 1209 и 1259 гг. в XIII в., 1342 и 1388 гг. в XIV в. Но социальные движения XV в. выделяются существенными особенностями на общем фоне бурной социально-политической жизни Господина Великого Новго-

¹¹ Н I Л, стр. 410.

¹² Н IV Л, стр. 424.

¹³ Н I Л, стр. 409.

¹⁴ Лет. Авр., стлб. 168; Н IV Л, стр. 421.

¹⁵ Там же, стр. 605.

рода. Они, во-первых, осложнялись действием новых, ранее не выступавших ясно социально-экономических причин; они обнаруживали, во-вторых, новую группировку социальных сил; наконец, они достигали небывалого ранее напряжения.

Попытаемся прежде всего разобраться в вопросе о причинах крупнейших народных выступлений в Новгороде в XV в. Задача эта поддается разрешению с трудом, ибо основной источник — летописи — дает очень мало сведений по этому вопросу. Остановимся сначала на том же движении 1418 г. В рассказе о событиях 1418 г. по вопросу о причинах движения летописец ограничивается абстрактной ссылкой на «научение дьявола». В конце рассказа Новгородской четвертой летописи приведено обещание новгородских властей (посадника и тысяцкого) расследовать дело — «рассудити вещи си а начало»,¹⁶ но никакими данными об этом расследовании историк не располагает. Правда, само описание движения включает подробности, позволяющие высказать некоторые догадки о причинах движения, как это и делали многие исследователи. Расправу над боярином Божиным летопись объясняет обидами, которые он чинил «народу». И для Степанки и для его друзей боярин Божий был злодеем («. . . аки злодея к народу»,¹⁷ «аки разбойники и зло деюща людем многим»). «Жена некая», которая приняла участие в расправе над боярином «вземши мужскую крепость», укоряла его за то, что он ее обидел («. . . глаголющи, яко обидима семь им»).¹⁸ Однако летопись не разъясняет, в чем заключались «обиды», которые чинил боярин Божий «многим людем».

Разграбление боярских дворов и особенно Никольского монастыря с чрезвычайно интересной мотивировкой «зде житнице боярских»¹⁹ как будто дает основание толковать движение 1418 г. как восстание голодных.²¹ С этой трактовкой хорошо вяжется и время восстания — вторая половина апреля месяца, когда хлебные запасы иссякают. Но считать эту догадку вполне обоснованной трудно: летопись, обычно заботливо отмечающая²² повышение хлебных цен, когда оно достигает значительных размеров, молчит об этом в записях как 6925, так и 6926 г. Это как будто не позволяет относить указанные годы к голодным. Больше того, многочисленные записи о постройке церквей свидетельствуют скорее о материальном процветании города в эти годы (в 6925 г. построено 6 каменных церквей, в 6926 г. — 4 каменных церкви). Таким образом, анализ летописного рассказа о восстании 1418 г. оставляет открытым вопрос о причинах движения.

Если для решения этого вопроса обратиться к летописным записям предшествующих лет, то внимание исследователя не могут не привлечь две записи. Первая из них, относящаяся к предшествующему (6925) году, говорит о страшном море, постигшем летом и зимой Новгород и весь северозапад Руси. Летопись изображает мор 1417 г. как страшное бедствие

¹⁶ Там же, стр. 424.

¹⁷ Н I Л, стр. 409.

¹⁸ Н IV Л, стр. 421.

¹⁹ Там же.

²⁰ Н I Л, стр. 409; в Н IV Л: «аде животы крестьянский и боярския».

²¹ Умозаключить отсюда, как это делает А. А. Строков (Восстание Степанки), об участии в движении смердов, конечно, нет никаких серьезных оснований.

²² В Псковской летописи как голодные годы указаны 1422—1424 («В лето 6930 г. разгневанней божим умалися хлеба и бысть дратость по всей земли в Руси по три годы» — П I Л, стр. 35; см. также: П II Л, стр. 38—39). Новгородская летопись за первую четверть также только под 6930 г. упоминает о голоде: «В сии два лета бысть *глад и мор велик» (Н I Л, стр. 414).

(«...беда страшная и грозная»). Многие дворы вымерли целиком («...дворов много затвориша без людей»).²³ «О великом море» в Новгороде в этом году упоминает и Псковская летопись («Бысть мор велики зело в Великом Новгороде»).24

Второе сообщение, мимо которого нельзя пройти, — известная запись 6918 г. о денежной реформе: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьокыми и артуги немецкыми, а куны отложиша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче».²⁵ Не может быть сомнения в том, что денежная реформа, в которой речь шла о введении новых денег для торговли «промеже себе», не могла не затронуть положения широких слоев новгородского населения. Отметим, что в бурном 1418 г. одним из руководителей новгородской политики оставался тот же Василий Есипов, при котором была проведена денежная реформа 1410 г. (Василий Есипов в 1418 г. был уже посадником). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что через два года после восстания была проведена новая денежная реформа: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша немцом, а торговале ими 9 лет».²⁶ Не нужно ли считать, что обострение классовых противоречий в Новгороде, приведшее к восстанию 1418 г., было связано с денежной реформой 1410 г.? Реформа открыла широкие возможности для новгородской верхушки развернуть свои кабальные операции. (В Летописи Авраамки боярин Божин назван «господарем» Степанки, что позволяет видеть в Божие ростовщика, кабалившего мелкий новгородский люд). Если принять такую трактовку вопроса о причинах движения 1418 г., приобретает особый смысл обещание «раесудити вещи сиа начало» и последовавшая затем отмена иноземных денег. В новой денежной реформе 1420 г. тогда можно видеть результат народного движения 1418 г.²⁷

Выдвигаемую нами мысль о связи между денежной реформой 1410 г. и восстанием 1418 г. нельзя, конечно, считать доказанной. Но если она по отношению к восстанию 1418 г. является не более чем гипотезой, то можно определенно утверждать, что в ряде других волнений XV в. в Новгороде роль денежной реформы выступает совершенно очевидно. В выразительной записи 6954 г. введение новых денег характеризуется как причина серьезных волнений и больших бедствий для населения города и волостей: «Того же лета начаша людие денге хулити серебряныя, даже и все новгородцы, друг на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь... и начаша переливати старые денги, а новый ковати в ту же меру... и бысть христьяном скорбь велика и убыток в городе и по волостем; да и сие не забвено будет в последних родех».²⁸

²³ Там же, стр. 408.

²⁴ П I Л, стр. 34.

²⁵ Там же, стр. 402; Н IV Л, стр. 427: «Сего же лета начаша новгородци торговати (промеж собою) белками, лопци и гроши литовьскими и артуги немецкими».

²⁶ Н I Л, стр. 412; в Н IV Л, (стр. 427) реформа датирована точно с указанием месяца, а в некоторых списках — даже дня реформы («месяца мая 26»).

²⁷ Л. В. Черепнин связывает с движением 1418 г. другое важное мероприятие — внесение в Новгородскую судную грамоту дополнительных статей, закрепленное целованием 1422 г. (Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 390—391). Соглашаясь с тем, что статьи о «наводке» могут быть связаны с движением 1418 г., мы не можем не подчеркнуть, что между целованием 1422 г. и восстанием 1418 г. лежит еще крупное событие — выступление против посадника Андрея Ивановича в 1421 г. («про землю»).

²⁸ Н I Л, стр. 426—427.

Крупнейшим из волнений в Новгороде, непосредственно связанным с новыми деньгами (точнее с порчей монеты), <был «великий мятеж» 1447 г. Летописец с возмущением рассказывает о том, как по наущению посадника и «бесправдивых» бояр, «ливец и весец серебряный» Федор Жеребец оговорил на вече 18 чел. Оговоренные были казнены («... иных с мосту сметаша, а иных дома разграбиша»). Имущество казненных было захвачено, причем отобрали даже то, что было укрыто в церквах («...а преже того по церквам не искали», — добавляет выразительно летописец). Рассказ летописца не позволяет точно выяснить мотивы, которыми руководствовались бояре, сначала подпоившие Федора, потом грозившие ему смертью. Хотели ли они отвести грозу от себя или сводили с кем-то счеты, трудно сказать. Во всяком случае дело взволновало весь город («...бе весь град в сетовании мнози»). Родовались, по словам летописи, только «ябедники» и «посульники». Посадник Секира, при котором был этот «мятеж велик», сам «разболеся и умре»²⁹.

Итак, в волнениях 1447 г., а может быть, также и в восстании 1418 г. более или менее определенно выступают в качестве причины народного недовольства новые деньги.

III

С другой причиной народного недовольства историк встречается в летописной записи 1421 г. о выступлении Неревского и Славенского концов против посадника Андрея Ивановича. О восстании 1421 г. известно по кратким сообщениям Новгородской четвертой летописи, Летописи Авраамки и позднейших сводов (Никоновской летописи). Новгородская первая летопись не сохранила упоминаний о восстании. Сообщения о восстании, в основном совпадающие, включают некоторые различия, к которым стоит приглядеться. Приведем параллельно летописные тексты.

Новгородская четвертая ЛС'
топись

«И в Новгороде во-
сташа бранью два конца,
Неревский и Славенский,
за Климентя Ортемьина
про аемлю, на посадника
Ондreja Ипановича и по-
грабиша двор его в доспе-
сах, и иных боляр разграби-
ша дворы напрасно и
убиша Андреевых пособ-
ников 20 человек до
смерти, а неревлян 2 чело-
века и умиришася».³⁰

Летопись Авраамки

«А в Новгороде ста-
бранью два конца, Не-
ревскы и Славенский, за
Климентя Ортемьина,
про землю, на посадника
Ондreja Ивановича и по-
грабиша двор сего в доспе-
сах, и иных боляр разгра-
биша дворы напрасно,
и убиша Овдреевых лю-
дей 20 человек, а иней и с-
топоша, а неревлян 2 че-
ловека убиша и умири-
шася».

Никоновская летопись

«Того же лета в Нов-
городе Великом межи-
усобная брань бысть и
кровопролитие, воз-
сташа два конца, Неревский
и Словенский, за Клемен-
тия Артемьевича и быша
вси в доспесах и пограбиша
двор его (?), и иных бояр
дворы разграбиша, и лю-
дей много избиша, а Он-
дреевых людей 20 че-
ловека убиша, а инни
в водах истопиша, а не-
ревлян 15 человек
убиша, и потом умири-
шася».³²

Сопоставляя тексты трех летописей, исследователь, естественно, отдаст предпочтение не более пространному изложению Никоновской летописи,

²⁹ Н IV Л, стр. 443—444.

³⁰ Там же, стр. 431.

³¹ Лет. Авр., стлб. 176.

³² Никонов. л. (ПСРЛ, XI), стр. 237. Сводчик Никонов. л., недостаточно разобравшись в содержании источника (близкого к Летописи Авраамки), опустил упоминание о посаднике Андрее, и поэтому сообщение его оказалось маловразумительным.

>а лаконичным по форме, но более содержательным сообщениям первых двух летописей, и, пожалуй, с особым вниманием исследователь остановится на тех двух деталях, которые опустил составитель Никоновской летописи. Первая из них («про землю») дает ценное указание о причине выступления в 1421 г. против посадника Андрея Ивановича. Вторая («напрасно») позволяет определить отношение летописца к выступлению против посадника и разгрому его двора: подчеркивая, что «иные бояре» пострадали «напрасно», летописец как бы признает оправданным разгром двора посадника. Заслуживает внимания и указание Летописи Авраамки «а иней истопиша», вероятно, правильно поясненное в Никоновской летописи словами «а инии в водах истопиша». В движении 1421 г., если принять такое толкование текста, восставшие концы прибегли к обычному в Новгороде способу казни, свержению с моста в Волхов. Размах движения 1421 г. характеризуется значительным числом убитых. Составитель Никоновской летописи имел поэтому основания назвать события 1421 г. «междоусобной бранью» и «кровапролитием». Борьба за землю в 1421 г. приобрела особую остроту, быть может, в связи с голодом, о котором упоминает летопись («В си два лета бысть глад -и мор велик и наметаша мертвых три скудельнице»)³³.

Что земля в XV в. была предметом ожесточенной борьбы в Новгороде, можно доказать различными соображениями. Бесспорно, она (земля) являлась объектом разнообразных сделок. Правда, сохранившиеся акты о земельных сделках XV в. относятся преимущественно к северным областям Новгородской земли, но формуляры двинских и других северных грамот с полной очевидностью говорят о разработанности форм земельных сделок Новгородской судной грамоты.

Новгородская судная грамота, сложившаяся в конце XIV в. и в XV в.,³⁴ уделяет очень большое внимание тяжбам о земле. В дошедшей до нас части грамоты специально о суде по земельным делам говорится в 9 статьях (ст. ст. 7, 10—12, 17, 18, 24, 28, 29). Эти статьи позволяют прежде всего утверждать, что в тяжбах о земле принимали участие различные слои новгородского общества. Это не удивительно, ибо, как об этом свидетельствуют новгородские писцовые книги, даже во второй половине XV в., наряду с владычным, монастырским и боярским землевладением сохранялись владения своеземцев, а кое-где встречались купеческие земли. Да и среди бояр и житых встречались наряду с земельными магнатами владельцы двух-трех крестьянских дворов. По подсчетам Гневушева,³⁶ половина новгородских вотчинников владела не более чем пятью обжами.

В качестве земельных собственников в Судной грамоте названы рядом с боярином житий человек и купец (ст. 17—18). Грамота предвидит участие в борьбе за землю («в наездах и грабежах») и бояр, и житых, и

³³ Н I Л, стр. 414.

³⁴ Новгородская судная грамота стала недавно предметом исследования двух советских исследователей: Б. М. Кочакова (Судная грамота. Уч. зап. ЛГПИ, им. Покровского, т. V, Л., 1940, стр. 9—22) и Л. В. Черепнина (Состав и происхождение Новгородской судной грамоты. Исторические записки, т. 24, 1947, стр. 222—253); см. также: Черепнин. Русские феодальные архивы. Выделение Л. В. Черепниным в Новгородской судной грамоте четырех пластов представляется достаточно обоснованным.

³⁵ А. М. Андрияшев исчисляет по писцовым книгам 1496—1501 гг. размер владений своеземцев в Шелонской пятине в 759 Уг обж. (Андрияшев. Материалы, стр. LXXIV). В. Ф. Загорский в своем исследовании «История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках» дает близкую цифру: владения всех (212) своеземцев Шелонской пятины исчислены им в 763 обж. (Журнал Мин. юст., 1909, № 8, стр. 283). О купеческих землях см. выше, стр. 164—165.

³⁶ Гневушев. Сельское население, стр. 314.

«молодых» людей, устанавливая разный размер взыскания с виноватого, в зависимости от его положения: «на боярина пятьдесят рублей, а на житем двадцать рублей, а на молод чем десять рублей» (ст. 10). Земельные тяжбы нередко принимали затяжной характер. Поэтому грамота устанавливала срок для их разрешения, запрещая «волочить» дело.

Грамота свидетельствует далее об остроте борьбы за землю. Наезды и грабежи, насильственный захват земли, судя по грамоте, были распространенным явлением. Грамота неоднократно подчеркивает необходимость ожидать решения дела судом и грозит суровыми мерами тем, кто прибегнет к насилию. «До суда на землю не наезжать, ни людей своих не насылать, а о земле позвати к суду», — гласит ст. 7. «А кто на ком пощит наезда или грабежа в земном деле: ино еудити наперед — наезд или грабеж: а о земле после суда», — подчеркивает ст. 10 (устанавливая далее размер взыскания с виновного в грабеже и наезде). Самый размер взыскания в этом случае (от 10 до 50 руб.)³⁷ — «огромный уголовный штраф», говоря словами Владимирского-Буданова,³⁷ еще раз подчеркивает важность вопроса о земле. Бесконечные тяжбы за землю, волокита посадников, наезды и грабежи, захваты земель — вот та социальная атмосфера, в которой вспыхивали движения, подобные выступлению против посадника Андрея Ивановича в 1421 г. «про землю».

IV

Существенной причиной социальных конфликтов в XV в. был и вопрос о судебных порядках, приобретавший чрезвычайно большое жизненное значение в обстановке сложной жизни большого города. Летописная запись 6953 г. беспощадно бичует «неправду» новгородских судов. Трудно найти в летописях другую, столь резкую и мрачную характеристику новгородских порядков, открывавших широкое поле для деятельности «ябедников». «В то же время не бе в Новгороде правде и правого суда и въеташа ябетници», — изобличает летописец. Особенно мрачными красками он изображает положение дел в волостях новгородских: «Бе по волости изъезжа велика и боры частыя, криць, и рыдание, и вопль, и клятва всими людьми на старейшины наша и на град нашъ: зане не бе в нас милости и суда права».³⁸ Но вопли и проклятия по адресу новгородских властей («старейшин») раздавались и в городе. Летописец признает, что грабители обирали и городское население («.. начаша грабити по селам и по волостем и по городу»). Стало быть, в борьбу за «правый суд» должны были включаться и включались широкие массы городского населения.

После глубокого исследования Л. В. Черепкиным состава и происхождения Новгородской судной грамоты,³⁹ можно считать убедительно доказанным тезис о том, что Новгородская судная грамота создавалась в XIV—XV вв. в обстановке обостренной борьбы масс за «правый суд», с одной стороны, и конфликтов между новгородцами и растущей мощью московских князей — с другой. Если первоначальное ядро грамоты («крестоцеловальная грамота» 1385 г.) должно было подчеркнуть независимость новгородского суда (церковного и светского) от московского митрополита и князя, то статьи о земельных тяжбах, «наводке», убедительно связываются исследователями с народными выступлениями 1418—

³⁷ Владимирский-Буданов. Хрестоматия, стр. 188.

³⁸ Н. И. Л., стр. 425.

³⁹ Л. В. Черепкин. Состав и происхождение Новгородской судной грамоты.

1421 г. Сообщение летописи под 6930 г.: «А новгородци человаша крест за один брат»,⁴⁰ как это показано в упомянутом выше исследовании Л. В. Черепнина, приобретает в этой связи содержательность и большое значение.

Бесспорно, что классовая борьба 40-х годов была также связана с борьбой народных масс за справедливый и быстрый суд. Однако вызывает споры оценка результатов этой борьбы, т. е. трактовка социального смысла Новгородской судной грамоты. Следует ли усматривать в ней некоторые уступки народным массам со стороны новгородского боярства, напуганного движениями 1418—1421 г. и 1447 г., или же видеть в ней наступление феодальной олигархии на народное право? Из новейших исследователей вопроса к первой точке зрения склоняется Л. В. Черепнин, в указанной статье подчеркивающий «компромиссный» характер Судной грамоты как редакции 1422 г.,⁴¹ так в особенности редакции 1446—1447 г.⁴² «Третья редакция Новгородской судной грамоты 1446—1447 гг. так же, как и вторая 1442 г., отличается компромиссным характером», — пишет он.

Вторую точку зрения отстаивает Б. М. Кочаков, по мнению которого Новгородская судная грамота целиком передавала суд в руки бояр и житых, запрещая всякие формы участия общественных низов в суде, и воздействия их на суд (суды сотских и рядовичей, вечевого суд, «наводку» и другие пережитки «родовой демократии»). «Восставая против примитивных форм народного суда, Новгородская судная грамота тем самым ополчалась и против самого народа».⁴⁴ Итоговый вывод автора о классовом смысле Новгородской судной грамоты таков: «Консолидируя боярский и житий суд, утверждая его права и независимость, концентрируя его деятельность на важных для бояр и житых людей делах, Новгородская судная грамота предоставляла людям младшим и черным лишь право быть судимыми и лишала их всех путей воздействия на этот суд. Это была грамота бояр и житых людей,⁴⁵ возведенная в закон воля высших классов новгородского общества».

Попытаемся разобраться в этом вопросе, столь существенном для понимания социального смысла борьбы за суд в Новгороде.⁴⁶ Б. М. Кочаков прав, когда он видит в грамоте «возведенную в закон волю высших классов новгородского общества». Классовая природа Новгородской республики, а следовательно, и ее законодательства не вызывает ни у кого из советских историков сомнения. Но Б. М. Кочаков не учитывает того обстоятельства, что сама «воля» высшего класса определялась реальным соотношением классовых сил и, в частности, борьбой новгородских шлебеев. В силу ряда экономических и политических причин новгородское боярство не могло стать на путь полной ликвидации вечевого строя. Б. Д. Греков

⁴⁰ Н И Л, стр. 414.

⁴¹ «После двух городских восстаний бояре не могли не считаться с настроениями черных людей, требования которых в какой-то мере должны были отразиться в постановлениях 1422 г.» (Л. В. Черепнин. Состав и происхождение Новгородской судной грамоты, стр. 246).

⁴² В редакции 1446—1447 г. Л. В. Черепнин отмечает новые «уступки плебейским массам», на которые пошла боярская верхушка (там же, стр. 251).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Б. М. Кочаков. ук. соч., стр. 20.

⁴⁵ Там же, стр. 22.

⁴⁶ Мы оставляем в стороне другие расхождения между Б. М. Кочаковым и Л. В. Черепниным в вопросе о составе и происхождении Новгородской судной грамоты, признавая в этой части убедительными критические замечания Л. В. Черепнина.

дал точную формулировку для характеристики того 'своеобразного соотношения классовых сил в северных русских городах, которое объясняет живучесть вечевых собраний. «Феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народного собрания, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов».⁴⁷ Эта глубокая (мысль Б. Д. Грекова сохраняет свою силу и по отношению к первой половине XV в. В частности, отмеченное Б. Д. Грековым соотношение классовых сил нашло отражение и в Новгородской судной грамоте. Новгородские социальные верхи принуждены были признать отсутствие в Новгороде «правды и правого суда». (Ведь известная черная характеристика новгородских судов, которую мы читаем в летописи, вышла из феодальных кругов новгородского общества). Они готовы были в обстановке бушевавшей в Новгороде классовой борьбы пойти на реформы суда. В Судную грамоту они включили ряд статей, грозивших повышенной карой боярину за «наводку» (ст. 6) и «наезд» (ст. 10). Судной грамотой было⁴⁸ утверждено право обращения в некоторых случаях к вечу (ст. 29). Статья об исполнении судебных решений (ст. 34) грозила тому, кто не подчинится решению суда, объявлением его вечем вне закона («...взять на него приставы с веча. .. а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всем Великим Новым городом»)⁴⁹. Весьма веским нам представляется и указание Л. В. Черепнина на то, что Иван III в своих судебных процессах против «великих бояр» в ноябре 1475 г. опирался на статьи Новгородской судной грамоты.

Все приведенные соображения позволяют видеть в Новгородской судной грамоте плод гибкой политики новгородской социальной верхушки, готовой во имя сохранения и укрепления своей реальной власти идти на формальное признание некоторых прав за народом.

В то же время Новгородская судная грамота принимала все меры к тому, чтобы сохранить суд целиком в руках бояр и житейх людей и устранить вмешательство народа в отправление боярского правосудия. Поэтому «уступки плебейским массам» в 1422 г. и 1446—1447 гг., о которых говорит А. В. Черепнин, не были подкреплены никакими гарантиями и не получали реального значения. Сетования на отсутствие «правды и правого суда» в Новгороде продолжают и после них. Бесконечные жалобы «на свою же братью, на новгородцев» во время похода Ивана III в 1475 г., частые поездки в Москву «жалобников», ищущих «правосудия» у великого князя, свидетельствуют о том, что Новгородская судная грамота не ослабила остроты недовольства народных масс судебными порядками. Характеристика новгородских судебных порядков 70-х годов, какую дают им московские летописные своды — «много зла бе в земле той межн себе, убийства и грабежи и домом разорения от них напрасно»,⁵⁰ — непосредственно перекликается с обличением новгородской неправды новгородской летописью в 40-х годах.

Поэтому являются ошибочными вышеприведенные утверждения Л. В. Черепнина в статье в «Исторических записках» о «компромиссе» и об «уступках плебейским массам». Более правильными представляются нам

⁴⁷ Греков. Киевская Русь, М., 1953, стр. 370. (Разрядка наша, — В. Б.).

⁴⁸ Для нас в данном случае безразлично, чем являлось это обращение к вечу, «апелляцией ли к высшей инстанции» или «обращением к верховной власти» (Владимирский-Буданов. Христоматия, стр. 194).

⁴⁹ Там же, стр. 196.

⁵⁰ Никои, л. (ПСРЛ. XII). стр. 162.

формулировки Л. В. Черепнина по этому вопросу в его позднейшей публикации, где автор уже не говорит о «компромиссе» и вносит существенные оговорки в характеристики классовой направленности второй и третьей редакции Судной грамоты. «После двух городских восстаний были вынуждены не считаться⁵¹ с настроениями черных людей, требования которых должны были найти какой-то хотя бы чисто внешний отклик в постановлениях 1422 г.»⁵² Подчеркивание 'чисто внешнего характера отклика так же, как дальнейшее замечание о видимости ограничения боярского произвола в земельных делах (вместо «ограничивавшие боярский произвол», как это было в статье, «создававшие видимость ограничения»)⁵³ имеют принципиальное значение. Автор пересмотрел свою оценку и третьей редакции грамоты. Если раньше он писал: «Боярская верхушка пошла на уступки плебейским массам», то теперь он оговаривает, что уступки были мелкими,⁵⁴ и добавляет: «Но классовая сущность законодательства этим нисколько, конечно, не нарушалась». Эти поправки, внесенные самим Л. В. Черепниным, освобождают нас от обязательства подвергать критике ошибочные формулировки его статьи в «Исторических записках» о компромиссе между веолами новгородского общества и плебейскими массами в 1442 и 1446—1447 гг.

Сила социальных противоречий оставалась неослабленной видимостью уступок, борьба за правый суд продолжалась в Новгороде и после 40-х годов. Она вспыхнула со всей силой в годы, решившие судьбу Новгородской боярской республики.

V

Глубочайшей причиной народных движений в Новгороде в XV в. было резкое снижение жизненного уровня низов городского населения. Оно объясняет остроту, какую приобретали все вышеназванные вопросы (о новых деньгах, о земле, о суде), и напряженность классовой борьбы. Социальная дифференциация городского населения, чрезвычайно далеко зашедшая в условиях развивающихся денежных отношений, приводила к росту числа «убогих» в городе. А обычные для средневекового города бедствия (голод, эпидемии, пожары) страшной грозой обрушивались на неустойчивое материальное положение новгородских «черных людей» и заставляли «молодших» идти в кабалу к боярину или житему.

Из трех названных бичей особенно болезненные удары наносил городским низам голод. 1421 год начал в XV в. длинный ряд голодных лет: «В си два лета, — записал летописец под 6930 г., — бысть глад и мор велик, и наметаша мертвых три скудельнице: одну в святей Софеи за олтарем, а две у Рождества на поле».⁵⁵ В следующее за этим пятилетие голод свирепствовал по всей почти (Великороссии. Летописи пестрят сообщениями о голоде и море. Так, в Софийской первой летописи под 6931 г. читаем: «Глад бысть велик по всей Руеьейей земли и мнози люди изомроша от глада». Через год под 6933 г. встречаем аналогичную запись: «Тое же осени бысть мор велик во Пьскове, и в Великом Новгороде, и в Торжку, и на Тфери, и на Волоце на Ламьском, и в Дмитрове, и во иных русьских

⁵¹ Очевидная опечатка — нужно опустить «не».

⁵² Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 391. (Разрядка наша, — В. Б.).
⁵³ Ср.: Л. В. Черепнин. Состав и происхождение Новгородской судной грамоты, стр. 247; Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 392.

⁵⁴ Там же, стр. 395.

⁵⁵ Н I Л, стр. 414.

градах и селех». В 6934 г. летописец со скорбью отмечает: «Опять бысть мор во всех градах русьских велик зело». И, наконец, под 6935 г. читаем как бы в заключение: «Мор бысть силен на люди в Москве и в всех градах русьских и волостех и селех, мало людей осталось, мерли прыщем».⁵⁶ Софийская вторая летопись сообщает жуткие подробности о трехлетнем голоде 6931—6933 гг.: «На ту же зиму (6931 г., — В. Б.) нача быти глад велик и 'бысть три лета, люди людей ели, и собачину ели по всей Русьской земле; а на Москве оков жита по рублю,⁵⁷ в Костроме по два рубля, а в Новгороде Нижнем по двесте алтын». Этот голод охватил и Новгородскую землю. Об этом прямо говорит приведенное выше сообщение Софийской первой летописи (6933 г.). Новгородский летописец только под 6934 г. смог записать: «Преета мор».⁵⁸

Следующее за этими голодными годами десятилетие было сравнительно сытым временем. «Умножи бог всякого обилья», — читаем во Псковской летописи под 6935 г.⁵⁹ Но со второй половины 30-х годов этому благополучию пришел конец (по крайней мере в Новгороде). Под 6944 г. летописец отметил гибель урожая от ранних заморозков («Той осени божиим пощением, мраз поби о'билье в жатву уже во всей Новгородской области»). Эта запись о неурожае, может быть, и не заслуживала бы серьезного внимания, если бы под 6953 г. в летописи не сохранилась общая характеристика «продовольственного положения» Новгорода в эти годы. «А в Новгороде, — отмечает летописец, — хлеб дорог бысть не толко сего единого году, но всю десять лет: по две коробьи на полтину, иногда боле мало, иногда менши, иногда негде купить: и бысть скорбь и туга христьяном велми, только слышати плачь и рыданье по улицам и по торгу; и мнозе от глада падающе умираху, дети пред родители своими, отци и матери пред детьми своими и много разидошася: инии в Литву, а инии⁶¹ в Латиньство, иней же бессерменом и жидом и с хлеба даяхуся гостем». Эта летописная⁶² запись, несмотря на наличие в ней трафаретной риторической проповедника,⁶³ все же может быть признана жизненной характеристикой положения новгородских низов. Сквозь традиционные фразы просвечивают черты реальной жизни: таково указание на хлебные цены (две коробьи полтина), таково упоминание о Литве и бессерменах.⁶³ Эта запись является вместе с тем суровым приговором новгородскому общественно-экономическому порядку: чрезвычайно возросший, разбогатевший в XV в. город оказывался не в силах удержать у себя население, разбегавшееся от угрозы голодной смерти. Он не мог даже прекратить самопродажу новгородцев в холопство иноземцам. Призрак голодной смерти постоянно маячил перед глазами новгородского «людина» XV в. И другие бедствия обступали его. В скученном городе нередко вспыхивали эпидемии.⁶⁴

Чрезвычайно больно ударял и третий бич — пожары. Ютившиеся в деревянных лачугах, «черные люди» страдали от многочисленных пожаров,

⁵⁶ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 262—263.

⁵⁷ Соф. II л., стр. 142.

⁵⁸ Н IV Л, стр. 432.

⁵⁹ П II Л, стр. 42.

⁶⁰ Н I Л, стр. 418.

⁶¹ Там же, стр. 425.

⁶² В Новгородской летописи можно встретить неоднократно аналогичные записи об ужасах голодовки.

⁶³ В отношении голодовок более ранних веков мы не встречаем этих деталей (см., например: Н I Л, стр. 54, 69, 70, 71 и др.).

⁶⁴ См., например, записи Н IV Л под 6932 и 6975 гг. (стр. 432, 609).

принимавших характер стихийных бедствий для горожан. Новгород горел часто. Крупные пожары в первой половине XV в. отмечены под 6933, 6939, 6940, 6941 и 6950 гг. Иногда выгорали целые улицы. Так, в мае 1442 г. вспыхнули один за другим три пожара на Торговой стороне. Первых из них (4 мая) начался на Щитной улице, в Плотницком конце, выжег половину Конюховой улицы, всю Запольскую, перекинулся в пригородную слободку и дошел до Антониева монастыря. Второй (11 мая) на Подоле был еще сильнее: «Бысть пожар лют и пакости людем много, и церквей каменных огоре 12, и христьянских душ бог весть колко погоре, и конець весь погоре до святого Георгия и ту преста на Лубянице».⁶⁵ В том же месяце «по мале времени» погорело заполье Никитской улицы «и бысть пакость людем велика, кои вносилися к ним с животы своими».⁶⁶ (Вероятно, в «заполье» сносили свое добро, спасая его от пожара).

Пожары 1442 г. вызвали в городе волнения «от скорби тоя великая пожарныя»: стали искать виновных, похватили людей «и овех на огне сожгоша, а иных с мосту сметаша». Летописец, усматривавший в пожарах стихийное бедствие, ниспосланное свыше, мог только вздыхать да призывать к покаянию в грехах: «Си же пожары бывають грех ради наших, да ся быхом покаяле от злоб своих».⁶⁷ Относительно расправ с подозреваемыми поджигателями летописец не обнаруживал ни особого возмущения, ни соболезнования к пострадавшим; «А бог весть испытан сердца человеческая, право ли есть глаголюща».⁶⁸ Спокойствие летописца позволяет думать, что феодальные верхи города были мало затронуты пожарами 1442 г. То, что являлось сокрушительным ударом для городской бедноты, было легко исправимым бедствием для светских и духовных феодалов.

Подводя краткие итоги вопросу о причинах народных восстаний в Новгороде XV в., можно выдвинуть следующие основные положения:

1. Материальное положение городских низов находилось на грани нищеты.
2. Обострение классовых противоречий в Новгороде нашло выражение в усиливавшейся борьбе за землю, за правый суд, за устойчивые (полноценные) деньги.

VI

Положение народных масс города определяло и характер новгородских восстаний XV в. В движениях XV в. принимала участие значительная часть населения города. Они сотрясали Новгород. Но вместе с тем они не были направлены против существовавшего в Новгороде вечевого строя. Выступая против эксплуататоров, народные массы стремились влить движение в легальные формы. Трехвековое существование вечевого строя, широкое развитие общинной организации приучило обиженного новгородца искать защиты у общины, у веча.

Для подтверждения этих мыслей обратимся в первую очередь к «Похвальному слову владыке Симеону», как единственному сравнительно подробному рассказу о народном восстании в XV в. Автор «Слова» в свой рассказ включил ряд ценнейших для исследователя подробностей, частью сознательно подчеркнутых летописцев, частью случайно им обро-

⁶⁵ Н I Л, стр. 423.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 423.

⁶⁸ Там же.

шейных. Уже в первом эпизоде рассказа «Расправа с боярином Божиным»⁶⁹ несколько раз отмечено, что Степанко и его друзья пытались облечь свое выступление против обидчика в законные формы. «Людие» повлекли боярина к «народу» или к «сонму людскому» (как изменяет Новгородская четвертая летопись рассказ Новгородской первой летописи). Под этим «людским сонмом» и «народом» нельзя не видеть вечевого собрания. Так дальше прямо и пишет летописец, заменяя термин «народ» термином «вече» («и сведша и с веча»). Свержение боярина с моста выступает в рассказе как приведение в исполнение вечевого приговора (да и само наказание является обычным в практике вечевых решений). В записи Новгородской четвертой летописи особенно подчеркнута соблюдение законных форм казни боярина: «Сринуша его с мосту», — повторяет летописец слова Новгородской первой летописи и добавляет к ним: «аки разбойника и зло деюща людем многим».⁷⁰ Добавление Новгородской четвертой летописи звучит как формулировка вечевого приговора, еще раз напоминая исследователю о том, что не следует видеть в (расправе с Божиным самосуд толпы. Дальнейшее изложение дает основания думать, что и сам пострадавший боярин не подходил к выступлению против него как к самоуправству. По крайней мере он не пытался обратиться с жалобой на Степанка к новгородским властям за причиненное ему бесчестие. Вместо обращения к властям он сам пытался отомстить обидчику, схватив Степана (и его жену): «И рекомый боярин хотя бещестие свое мьстити, въсхитив супостата и нача мучити».⁷¹

То же стремление народа облечь движение в законные формы легко обнаружить при анализе дальнейшего хода восстания. Узнав об «изымании» Степанки, народ собрался на вече на Ярославовом дворе («Начата звонити на Ярославли дворе вече»). Вече, на котором собиралось «людий множество», выступило за Степанка против боярина, незаконно «мучившего» Степанка.⁷² Очень выразительно описано это вече в Новгородской четвертой летописи: «Слышав же народ, яко изымай бысть брат их, начаша звонити вече на Ярославли дворе и сбиратися людей множество, глаголюще и вопиюще на многи дни: „Пойдем на онога боярина и дом его расхитим“».⁷³ Рассказывая далее о разгроме Кузьмодемьянской улицы, Летопись Авраамки включает ценную деталь: народ идет в доспехах со стягом («шедши с стягом»)⁷⁴. Стяг, с которым выступает народ, еще раз позволяет нам заключить, что речь идет не о действиях случайного сборища, а о приведении в исполнение решения веча. Завершается первый этап восстания опять на вече. Разгромленные и напуганные бояре Софийской стороны, согласившись выдать Степанка, при содействии владыки послали Степанка с владычным боярином и священником на «собрание людское» (Новгородская первая летопись), «на собрание людское. . . на вече» (Новгородская

⁶⁹ Божины позднее упоминаются в летописях (Соф. II л., стр. 201) как житьи люди. По писцовым книгам их земельные владения не были особенно велики (см. выше, стр. 171). Поэтому нет основания относить Божиных к великим боярам. Это были, надо полагать, хищники не крупного масштаба.

⁷⁰ Н IV Л, стр. 421.

⁷¹ Н I Л, стр. 409.

⁷² Мы не видим никаких оснований к тому, чтобы, следуя за А. А. Строковым, утверждать, будто «арест Степанки не мог быть единоличным актом со стороны одного боярина Божина». Степанко «был взят новгородскими властями, с целью обезопасить себя и новгородскую знать» (Строков. Восстание Степанки, стр. 93). Отмеченные выше и ниже суждения летописи, нашего единственного источника, опрокидывают эту догадку.

⁷³ Н IV Л, стр. 421.

⁷⁴ Лет. Авр., стлб. 169.

четвертая летопись). «Они же прияша его», — такими словами завершает Летописец рассказ о первом этапе движения. Таким образом, вече добилось своего: «изыманный брат» Степанко был торжественно освобожден.

Второй этап движения, начавшийся выступлением на Чудинцевой улице, в летописном рассказе рисуется иными красками, чем первый. Нападение на «инога боярина» (Ивана Иевлича),⁷⁵ разгром боярских домов на Чудинцевой улице и Никольского монастыря, разгром Людогощей улицы, схватка на Прусской улице, наконец, бой на мосту — все эти эпизоды, отмеченные в летописи, на первый взгляд встают как вспышки народной ярости, никем не направленной. Летописец, который в первой части рассказа пытался подняться выше борющихся сил и осудить как Степанка, подученного дьяволом, так и мстительного мелкого боярина, во второй части занимает открыто враждебную по отношению к восставшим позицию. Вероятно, его отношение к событиям определилось выступлением восставших против Никольского монастыря. Этот эпизод сравнительно кратко, но все же выразительно отмеченный в Новгородской первой летописи, получил более подробное освещение и более резкую оценку в Новгородской четвертой летописи. (Летопись Авраамки в этой части излагает события очень кратко).

Новгородская первая летопись

«... нь и монастырь святого Никола на поле разграбша, ркуше „Зде житница боярская“».⁷⁶

Новгородская четвертая летопись

«И не токмо то злобаше на той улице, но монастырь на поле святого Николы разграбша, игумена и черноризцев оскорбита, ркуше: „Зде⁷⁷ животы крестьянскиа и болярскиа“».

Если Новгородская первая летопись ограничивается указанием только на самый факт разграбления житниц монастыря и мотивировки восставшими нарушения ими неприкосновенности церкви, то Новгородская четвертая летопись подчеркивает свое возмущение неслыханным поведением восставших, не только посягнувших на имущество монастыря, но и «оскорбивших игумена и черноризцев». Раздражение летописца против восставших очень ясно выступает с первых строк второй половины рассказа о событиях 1418 г. «И паки възьярившася, аки пиани на инога боярина», — начинается Новгородская первая летопись.⁷⁸ Почти те же слова и образы сохранила Новгородская четвертая летопись: «И паки възьярившеся, аки пиани от ярости лютыя на инога боярина».⁷⁹ Это раздражение церковника придало однобокость рассказу о действиях «оной стороны». И только в конце рассказа несколько неожиданно для читателя выступает опять вече на Ярославовом дворе, с руководителями которого владыка вступает в переговоры.

Остановимся несколько подробнее на этом заключительном этапе движения. Когда владыка с крестным ходом вышел на мост, чтобы положить конец сражению сторон, к нему пришло посольство от «оной стороны» во главе с посадником Федором Тимофеевичем. В посольстве были и «иные

⁷⁵ Иван Иевлич, вероятно, сын одного из Абакумовичей (Иова), входил в состав «великих бояр». Позднее он стал посадником. Его имя значится в списке новгородских посадников рядом с Кузьмой Терентьевичем (Н I Л, стр. 472).

⁷⁶ Там же, стр. 409.

⁷⁷ Н IV Л, стр. 422.

⁷⁸ Н I Л, стр. 409.

⁷⁹ Н IV Л, пр. 422.

посадники и тысяцкие». В ответ на это посольство владыка, «послушав народа их моления»,⁸⁰ направил со своей стороны посольство на Ярославов двор в составе «архимандрита Варлама и отца своего духовного протодиякона». Послам владыки было поручено передать его благословение степенному посаднику Василию Есифовичу и тысяцкому Кузьме Терентьевичу (а⁸¹ по словам Новгородской четвертой летописи, также «всему народу») и призват⁸² их разойтись («да идут в дома своя», «да идут койждо во свояси»). На вече и завершается движение обещанием рассудить с нарочитыми людьми «вещи она начало».

Вече, о котором идет речь в конце летописного рассказа, отнюдь не выступает как некое незаконное собрание. Оно собрано, как полагается, на Ярославовом дворе, а во главе его стоят степенные посадник и тысяцкий (Василий Есифович и Кузьма Терентьевич). Имя Василия Есифовича как новгородского посадника имеется во всех списках новгородских посадников.⁸³ Оно неоднократно появляется на страницах Новгородской летописи как имя весьма заметного руководителя новгородской политической жизни в начале XV в. Точно так же заметной фигурой среди новгородских бояр был и Кузьма Терентьевич. Правда, в списках новгородских тысяцких его имя отсутствует, но список тысяцких, приложенный к ряду летописных сводов, не включает тысяцких, позднее ставших посадниками. В списках же посадников имя Кузьмы значится. Таким образом, во главе вече на Торговой стороне в 1418 г. выступали два значительных новгородских политических деятеля. Это обстоятельство не может не привлечь внимания исследователя. Оно подводит нас к самому важному и сложному вопросу, встающему перед исследователем новгородского восстания 1418 г., о роли различных групп боярства в классовой борьбе в Новгороде.

VII

«Чернь с одна сторона, а с другую боляре», — так изображает расстановку классовых сил в 1418 г. Софийская первая летопись.⁸⁴ Так ее изображали и многие последующие исследователи, вплоть до наших дней.⁸⁵ На деле она была значительно сложнее. Характерно, что наиболее полные рассказы о движении 1418 г., свободные от схематизма Софийской первой летописи, не содержат нигде столь четкой формулы — бояре с одной стороны, «чернь» — с другой. Поэтому уже автор «Опыта о посадниках новгородских» был вынужден отметить причастность к восстанию и Василия Есифовича и Кузьмы Терентьевича. Он даже готов был признать их зачинщиками дела. «Из некоторых обстоятельств бывшего в сем году бунта в Новгороде, — пишет он, — и заключить можно, что посадник Василий и тысяцкий Козьма Твердиславич (так!) участвовали в его произведении; или, по крайней мере, поддерживали сторону бунтовщиков. . . Они оба с частию народа были на Ярославовом дворе, где держали совет отдельно от посадника Федора Тимофеевича и других сановников». В мнении автора есть зерно правды, хотя его трактовка движения в целом и поверхностна и произвольна.⁸⁶

⁸⁰ Там же, стр. 423.

⁸¹ Там же, стр. 424.

⁸² Н I Л, стр. 410; Н IV Л, стр. 424.

⁸³ Н I Л, стр. 442; Н IV Л, стр. 626; Ерм. л., стр. 165.

⁸⁴ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 261.

⁸⁵ Например, А. А. Строков (Восстание Степанки).

⁸⁶ Опыт о посадниках новгородских. М., 1821, стр. 235.

Начнем с критических замечаний частного порядка по вопросу о роли посадника Федора Тимофеевича в событиях 1418 г. По мнению автора «Опыта», он был руководителем другой (враждебной «бунтовщикам») части народа, соперником Василия Есифовича и «особливо содействовал к прекращению сего смятения».⁸⁷ Истинная роль посадника Федора Тимофеевича рисуется иначе. Летопись не называет его степенным посадником, относя в рассказе о событиях 1418 г. наименование «степенного» только к Василию Есифовичу. Федор Тимофеевич выделен среди других старых посадников, обратившихся к владыке, вероятно, как старейший или особо авторитетный среди старых посадников. Имя Федора Тимофеевича часто встречается на страницах Новгородской летописи с 80-х годов XIV в.⁸⁸ В 1384 г. он ставил крепость в Яме (назван среди воевод на четвертом месте); в 1385 г. под его, как посадника, руководством приступили к составлению Судной грамоты; в 1386 г. его посылали на Волок взыскивать, серебро с заволочан (назван на первом месте); в 1391 г. он участвовал в посольстве в Изборск (занимая второе или третье место среди послов). Расцвет его политической деятельности относится к 80—90-м годам XIV в. В списках новгородских посадников его имя фигурирует между Григорием Якуновичем и Богданом Обакумовичем, деятелями XIV в. и отделено длинным рядом посадников от Василия Есифовича.⁸⁹ Его имя встречается и в грамотах, где он именуется посадником. Особенно интересно упоминание о Федоре Тимофеевиче в грамоте Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю, датированной «не позднее 1417 г.» (Федор Тимофеевич назван в ней на первом месте). Она позволяет с большой долей уверенности связывать имя Федора Тимофеевича с Славенским концом. К 1418 г. он был, вероятно, уже глубоким стариком. Под 1421 г. летопись отметила его смерть «во мнишьском чину». Если учесть биографию Федора Тимофеевича, становится совершенно понятной летописная формула: «Посадник Федор Тимофеевич со иными посадниками».

Откуда же пришел к владыке на мост старейший посадник «со иными посадниками»? Чьим был он посланником? Летописный текст дает прямой ответ на этот вопрос: процессия посадников и тысяцких с Федором Тимофеевичем во главе пришла с «оной», т. е. с Торговой стороны («Услышавше она страна святителево прихождение и прииде посадник Федор Тимофеевич»). Поэтому мы не можем согласиться в этом вопросе с Л. В. Черепнинным, который видит в Федоре Тимофеевиче представителя бояр Софийской стороны.⁹¹ Совершенно произвольным представляется и утверждение А. А. Строкова, будто «посадник Федор Тимофеевич с иными посадниками и тысяцкими руководил сражением против восставших».⁹² Летопись не дает никаких, ни прямых, ни косвенных, указаний для такого заключения. Согласно летописному рассказу посадники шли со стороны, на которой под руководством Василия Есифовича собирался на вече народ. Летопись не

⁸⁷ Там же, стр. 234.

⁸⁸ Н I Л, стр. 472; см. также: Ерм. л., стр. 166; в списках посадников в Н IV Л, (стр. 626) имя Федора Тимофеевича опущено.

⁸⁹ Н I Л, стр. 380, 384, 410, 413; Н IV Л, стр. 341, 342, 347, 370, 423, 431; Лет. Авр., стлб. 131, 132, 135. Сводку сведений о Федоре Тимофеевиче см.: Б. Д. Греков. Федор Тимофеевич. Русский биографический словарь, Яблоновский-Фомин, 1913» стр. 306—307.

⁹⁰ Н I Л, стр. 407; Н IV Л, стр. 423; в Лет. Авр. (стлб. 169) еще определена: «Углышав же Торговая сторона святителево прихождение».

⁹¹ Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 390.

⁹² Ст о о к о в. Восстание Степанки, стр. 95.

включает также никаких, ни прямых, ни косвенных, указаний на столкновение на Торговой стороне, всюду фигурирующей под общим наименованием «она сторона». Это позволяет нам видеть, как это и указано выше, в Федоре Тимофеевиче и других посадниках представителей веча. Вече поручило старейшему из посадников (к тому же принимавшему участие в составлении Новгородской судной грамоты) обратиться к посредничеству владыки: «Да устави народы». При таком понимании хода событий приобретает вполне определенный смысл фраза Новгородской четвертой летописи — «владыка послуша народа их моления»⁹³ и дальнейшие действия владыки — ответное посольство владыки к вече.

Выяснение роли Федора Тимофеевича в событиях 1418 г. возвращает нас, таким образом, к общему вопросу о социальном содержании движения 1418 г. и о расстановке классовых сил. Можно со всей определенностью утверждать, на основе анализа источников, что в 1418 г. и на Торговой стороне выступали видные бояре, которые вместо того, чтобы со своими дружинами ударить против своих «социальных врагов» и сомкнуться с боярством Софийской стороны и владыкой, возглавили движение городских низов. Бояре Торговой стороны попытались, так сказать, влить социальное движение 1418 г. в русло соперничества Софийской и Торговой сторон. Классовое выступление против бояр в апреле 1418 г. постепенно превратилось в вооруженное столкновение сторон Новгорода.

Если в начальной части рассказа в летописи (Новгородская первая летопись, Новгородская четвертая летопись, Летопись Авраамки) выступают как противостоящие силы боярин и народ, то в последней части речь идет определенно о «странах», т. е. сторонах. Этот переход можно проследить по всем подробным летописным рассказам о событиях 1418 г., но с некоторыми заслуживающими внимания отличиями. Из трех вариантов подробного рассказа о событиях 1418 г. (Новгородская первая летопись, Новгородская четвертая летопись, Летопись Авраамки) раньше всего начинает говорить о «странах» Летопись Авраамки. По ее изложению, после «изымания» боярином Степанки «смутился весь град страхом вельми и ужасомь, вьста страна на страну ратным подобьем и бысть мятежь велик в граде сих двоих ради, Степанки и жены его».⁹⁴ В изложении Новгородской первой летописи и Новгородской четвертой летописи соперничество сторон обнаруживается несколько позднее. Вече на Ярославовом дворе «по многи дни» из-за поимания Степанки выступает еще как общегородское. Только после разгрома Кузьмодемьянской, Яневой, Чудинцевой и Людогощей улиц и боев на Прусской и в этих (наиболее подробных) вариантах речь идет уже определенно о соперничестве сторон.

Новгородская первая летопись

«Прибегше они на свою Торговую сторону и реша, яко Софийская страна хоцеть на нас вооружатися. и начата людие сьрыскывати собою страну, аки на рать... и нападе страх на обе страны... нача благославляти обе страна. Услышавши она страна святителево пришествие».⁹⁵

Новгородская четвертая летопись

«И прибегше они на ону сторону Торговую, реша яко им Софийскаа страна хоцеть на нас вооружившися ити... и начаша людие срыскыватися с обоих стран, аки на рать... и нападе страх на обе стране... нача благославляти обе стране... Услышавше она страна... да повелит святитель своей стране ити во храмы их, а мы своей, братья».⁹⁶

⁹³ Н IV Л, стр. 423.

⁹⁴ Лет. Авр., стлб. 169.

⁹⁵ Н I Л, стр. 409—410.

⁹⁶ Н IV Л, стр. 422—424.

Таким образом, оба варианта наиболее полного рассказа о событиях 1418 г., начав с рассказа о столкновении между людиным и боярином, кончают картиною «усобной брани» между двумя сторонами. В более кратких, схематизирующих рассказах (Летопись Авраамки, Софийская первая летопись) показана, как мы говорили, в каждой только одна сторона вопроса (для Софийской первой летописи «чернь с одной стороны, а с другой бояре»; для летописи Авраамки «вста страна на страну»).

Было бы ошибкою со стороны исследователя пойти по пути схематизаторов, крайне упрощающих и обедняющих реальный ход классовой борьбы в Новгороде, либо сводящих его к борьбе сторон, либо игнорирующих роль сторон в классовой борьбе XV в.

VIII

Вопрос о борьбе сторон в Новгороде и ее социальном смысле давно привлек к себе внимание исследователей. Начиная с работы В. Пассека, опубликованной в 1869 г., неоднократно делались попытки связать топографическое деление Новгорода на две части с социальным делением его населения. Согласно Пассеку, «Софийская сторона была стороною боярскою, а Торговая сторона — младших торговцев — стороною купеческою или черного народа».⁹⁷ Следовательно, социальный смысл борьбы между сторонами (и в частности, восстания 1418 г.) сводился к борьбе «черных людей» с Торговой стороны против бояр, сидевших на Софийской стороне. Концепция Пассека была в основном принята наиболее крупными представителями русской исторической науки конца XIX—начала XX в. (вплоть до В. О. Ключевского). Она вошла почти во все сводные курсы русской истории начала XX в. Так, в «Русской истории» Д. И. Багалея борющиеся классы в Новгороде сконцентрированы по «сторонам» города, как у Пассека. Правда, формулировка Багалея несколько более осторожная, чем у Пассека. «Центром, где группировался простой народ, — пишет Багалея, — была Торговая сторона, центром, где собиралось боярство, — Софийская».⁹⁸

Н. А. Рожков в своем исследовании «Политические партии в Великом Новгороде XII—XV веков», признав идею изучения партийной борьбы в Новгороде, выдвинутую В. Пассеком, «в высшей степени плодотворной», в то же время резко разошелся с Пассеком по вопросу о социальном характере сторон Новгорода. По мнению Рожкова, Софийская сторона была средоточием ремесленного населения и поэтому являлась опорой демократической партии, она противостояла аристократам, группировавшимся главным образом на правом берегу Волхова, населенном боярами.⁹⁹ «Мы старались доказать, что исходный пункт построения Пассека — о партийном значении сторон Великого Новгорода — неверен, что, наоборот, Торговую сторону надо считать аристократической, а Софийскую демократической».¹⁰⁰ Точка зрения Рожкова получила признание у отдельных историков начала XX в. и проникла даже в некоторые общие курсы. Так, М. К. Любавский, характеризуя в лекциях по древней русской истории новгородские концы, приходил к следующему выводу: «Концы отличались друг от друга составом населения. Три Софийских конца в Новгороде

⁹⁷ В. В. Пассек. Новгород сам в себе. Чтения ОИДР, 1869, IV, стр. 118.

⁹⁸ Д. И. Багалея. Русская история. М., 1914, стр. 363.

⁹⁹ Рожков. Политические партии, стр. 43.

¹⁰⁰ Там же, стр. 71.

имели демократический характер, населены были преимущественно черными людьми, а два конца Торговой стороны — аристократической — были населены преимущественно боярами и жителями людьми».¹⁰¹

Советская историческая наука, пытаясь разобраться в контроверзе между Пассеком и Рожковым, убедительно показала на основе разнообразных материалов (данных археологии, писцовых книг и других источников), что противопоставлять Торговую и Софийскую стороны по составу их основного населения невозможно. И на той, и на другой стороне главной группой населения были ремесленники. Последний исследователь новгородского ремесла в XVI в. в своей диссертации, основанной на кропотливом подсчете данных переписей, выразил в таблице состав населения Софийской и Торговой сторон в XVI в. (табл. 40).

Таблица 40

Состав тяглого и нетяглого населения на Софийской и Торговой сторонах¹⁰²

Состав населения	Софийская сторона		Торговая сторона	
	число	%	число	%
Помещики, монастырские люди, церковники и административно-военный аппарат	548	15.25	131	11.57
Ремесленники	1224	36.28	544	48.3
Торговцы	292	8.6	168	14.6
Лица, занимающиеся садоводством и огородничеством	169	5	25	2.2
Лица, занимающиеся извозом	46		17	
Работные и низшие служащие	28		17	
Лица свободных профессий	15		9	
Лица неизвестных профессий	1051	31.1	236	20.5

Правда, эти данные относятся не к XV в., а к концу XVI в. и перенести их полностью на времена новгородской самостоятельности невозможно. Бесспорно, за это столетие произошли большие изменения в составе господствующей верхушки. Но столь же бесспорно, что преобладание на обеих сторонах ремесленно-торгового населения могло сложиться только в итоге весьма длительного экономического процесса. В этом отношении характеристику состава населения обеих сторон в основном можно перенести и на XV в. и даже на более раннее время. Сколь мало убедительной, по сравнению с языком этих цифр, представляется ссылка Рожкова на показание Пальмквиста в 1673 г. (!).¹⁰³ Поверхностным впечатлениям иностранца XVII в. исследователь имеет возможность противопоставлять данные обстоятельных описей XVI в.

Археологические изыскания (особенно работы профессора А. В. Арциховского) точно так же подкрепляют мысль о преобладании ремесленного населения на обеих сторонах. Об этом же говорят и данные топонимики (названия концов и улиц). Достаточно напомнить, что один из концов Торговой стороны назывался Плотницким, а один из концов Софийской — Гончарским, чтобы ясно стало, что издревле ремесленники жили и на той и на другой сторонах.

¹⁰¹ М. К. Л ю б а в с к и й. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. Изд. 3-е, М., 1918, стр. 193. ~ дт, гтт

¹⁰² Г. С. Рабинович. Новгородские ремесла XVI в. Уч. зап. ЛГПИ, т. 39, 1941, стр. 145.

¹⁰³ Рожков. Политические партии, стр. 43.

С наименьшей степенью убедительности можно доказать наличие на обеих сторонах боярских дворов. Если не сохранились сами хоромы новгородских бояр, то построенные ими храмы, шедевры новгородского зодчества XIV в., донныне сохранившиеся на Торговой стороне и в Славенском конце и даже в Плотницком конце (на Федоровском ручье), являются весьма «несомыми» аргументами против концепции Пассека. Столь же легко опрокидываются построения Рожкова, в которые никак «не входят» памятники новгородского боярского зодчества Софийской стороны.

Анализ хода восстания 1418 г., сделанный выше, точно так же никак не укладывается в прокрустово ложе концепций Пассека и Рожкова. По-надобилось бы отсечь все упоминания о боярах с «оной» стороны, о Федоре Тимофеевиче, Василии Есифовиче и Кузьме Терентьевиче, для того чтобы истолковать события 1418 г. по Пассеку, а концепция Рожкова привела бы в применении к событиям 1418 г. к еще более резкому противоречию с показаниями источников о разгроме боярских дворов на Кузьмодемьянской, Чудинцевой и Прусской улицах.

В оценке социального смысла событий 1418 г. Рожков дошел до чудовишных пределов в произвольном толковании фактов, подчиненном задаче подогнать факты к определенной схеме. Он доходит не только до догадки об инициативной роли бояр Торговой стороны в выступлении низов в 1418 г., но готов изобразить бояр Софийской стороны демократами. «В 1418 г. аристократическая Торговая сторона, — пишет он, — собравшись на вече на Ярославовом дворе, решила сокрушить тех из бояр Софийской стороны, которые оставались еще вождями демократов».¹⁰⁴ И так, Данило Иванович и Иван Иевлич Рожковым объявлены вождями новгородских демократов. Степанко, следовательно, в изображении Рожкова, являлся подученным агентом злокозненных аристократов, а в роли «дьявола», по наущению коего он действует по летописи, по Рожкову, выступил Василий Есифович или кто-либо из его единомышленников. Трудно идти дальше по пути грубо тенденциозного обращения с источниками, насилия над ними во имя надуманной схемы. Вот уже поистине «образец последовательности, достойной лучшей участи» (А. В. Арциховский),¹⁰⁵ типичное для историка-схематизатора отношение к факту как иллюстрации к надуманной схеме.

Нельзя поэтому не согласиться с уничтожающей критикой, которой подверг взгляды Пассека и Рожкова проф. Арциховский, глубокий знаток истории и археологии Новгорода. Он писал в статье «К истории Новгорода», опубликованной в 1938 г.: «Истолкованию новгородских социальных движений почему-то вредит явление, само по себе невинное, а именно то, что Волхов, протекающий через город, делит его пополам. Почему-то повелось считать одну из сторон аристократической, а другую — демократической, хотя бояр с их челядью едва ли хватило бы для заселения целой стороны, а прямые известия о боярских дворах и боярских церквах достаточно часты для обеих сторон: кроме того, на обеих сторонах известно много ремесленников».¹⁰⁶

Отбрасывая произвольные построения Пассека и Рожкова, современный историк находит и на Торговой и на Софийской сторонах влиятельных бояр и многочисленных «черных людей». Это, конечно, отнюдь не означает отрицания того, что конфликты между сторонами не имели под

¹⁰⁴ Там же, стр. 68. Эту же мысль Рожков повторяет на следующей странице.

¹⁰⁵ Арциховский. К истории Новгорода, стр. 123.

¹⁰⁶ Там же, стр. 119—120.

• собой классовой почвы. В основе движения 1418 г., так же, как движений 1421 и 1447 гг., лежали классовые противоречия, борьба новгородского «плебейства» против боярства и городского «патрициата». Но уровень классовой сознательности новгородских плебеев даже в XV в. отнюдь не поднимался до той высоты, при которой борьба против злоупотреблений и насилий феодальной верхушки перерастала бы в борьбу против феодального строя и боярской власти вообще. Мысль о создании свои, или небоярской, власти еще не мелькала в сознании новгородских плебеев. Борьба шла против плохих бояр, а не против всех бояр.

Народ оказывался способным на расправы с отдельными боярами, но не способным на свержение боярского строя. Поэтому итогом движений являлась, в лучшем случае, смена боярских властей. «Свои бояре», к содействию которых обратились «люди» с Торговой стороны в 1418 г., в конце концов возглавили движение и ввели его в русло соперничества за власть между разными группами господствующего класса.

Вот тогда-то и выступил владыка Симеон.

В истории Европы XIV—XV вв. отмечены многими крупными восстаниями горожан. Но такой напряженности, как в Новгороде, классовая борьба достигала только в одном городе Западной Европы—во Флоренции. Однако если классовую борьбу в Новгороде XIV—XV вв. и можно сравнивать по напряженности с классовой борьбой во Флоренции, то нельзя вместе с тем не отметить, что уровень развития промышленного производства и производственных отношений в флорентийской промышленности далеко опережал ремесленное производство Новгорода. Там уже складывались капиталистические отношения, и объективное содержание классовой борьбы сводилось к расчистке путей для нового способа производства.

В Новгороде XV в. новый способ производства еще не зародился. Борьба новгородских «черных людей», антифеодальная по ее направленности, не могла привести непосредственно к свержению господства феодалов. Борьба «хаотическая, бессознательная, инстинктивная», как называл ее Шапов, отмечавший социальный смысл выступлений новгородских

низов, она оставалась одним из отражений стихийного возмущения угнетенных классов против феодального гнета, не поднимаясь в этом отношении над уровнем восстаний феодального крестьянства.

В свете изложенных выше соображений становится понятной и классовая борьба в Новгороде в 70-х годах, и стихийные взрывы народной ярости против ненавистных бояр, и приверженность новгородских плебеев к вечевому строю, который обеспечивал «убогим» участие в вече, и тяга их к московскому государю, как справедливому судье. На смену вере в вече рождалась вера в «добраго царя».

⁰⁷ А. П. Шапов, Сочинения, т. III, СПб., 1908, стр. 645.

¹⁰⁸ См. ниже, гл. VII—VIII.

ЧАСТЬ II

ПАДЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ БОЯРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГЛАВА VII

БОРЬБА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ЗА СОХРАНЕНИЕ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕ XIV—НАЧАЛЕ XV в.
(1380—1430 гг.)

I

Последние десятилетия XIV в. были временем крупных политических изменений в Восточной Европе. На Куликовом поле была блестяще показана мощь объединяющейся Великороссии. И, если единство Руси родилось не на Куликовом поле, то на Куликовом поле были как бы подведены итоги длительной созидательной работы великорусского народа; итоги как незаметному труду угнетенных масс по распашке Волжско-Окского междуречья и строительству новых городов, так и политическим усилиям первых князей, собирателей Руси.

Московское княжество ясно выступало как крупнейшая политическая сила на Руси, и политическая мысль эпохи, с достаточной ясностью осознавая значение успехов Москвы, уже отчетливо ставила перед ней задачи объединения всей Руси.

В эти же десятилетия бурно растет и политическая мощь Литвы, выросшей в XIV в. в огромное государство. В его состав вошли многочисленные русские земли, в их числе «мать русских городов» — Киев. «Смешанное» литовско-русское государство складывалось в борьбе с немецкими рыцарями, а позднее (в особенности со второй половины XIV в.) и с татарами. Широко развернувшаяся, начиная со времен Ольгерда, борьба литовских князей с татарами нанесла последним серьезные удары и постепенно высвободила население Среднего Поднепровья от татарского ига. «... Белоруссия и Малороссия, — писал Ф. Энгельс, — нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому». Прерванная в первые годы правления Ягайла, борьба с татарами была возобновлена Витовтом, придавшим ей широкий размах.

Так почти одновременно в феодально-раздробленной Восточной Европе создались два политических центра, объединявших вокруг себя русские земли. Выступая оба против Золотой Орды, они являлись вместе с тем соперниками. Победитель татар при Синих Водах (Ольгерд) неоднократно

¹ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 10.

водил свои войска против будущего победителя на Куликовом поле и поддерживал врагов усиливавшейся Москвы. Его сын был союзником Мамаю в 1380 г. В княжение Витовта возросшее могущество Литвы выдвинуло ее на время как самую крупную силу в политической жизни Восточной Европы. «Похвала Витовту» характеризует размер владений Витовта следующими словами: «Держаше великое княжение Литовское и Руюское и иная великая княженья. Спроста реши вся Русьская земля». Если эти слова западнорусского летописца и преувеличивают действительные пределы власти Витовта, то они в полной мере отвечают его непомерным притязаниям. Широкие замыслы Витовта вызывали со стороны московских князей и митрополитов различную оценку, нашедшую отражение в суждениях московских летописей. Ясно выраженное тяготение к Литве митрополита Киприана и союз Василия I с Литвой (оформленный его вынужденным браком с дочерью Витовта) сказались на «Повести 1409 г.», излюбленная политическая идея которой «состоит в том, что основные враги русско́й независимости — не Литва, а степные народы — половцы и татары».

Кроме того, непрерывные конфликты с Литвою (как по светским, так и церковным вопросам) и все растущие притязания Витовта на Востоке приводили московское правительство и преемника Киприана Фотия к выводу, что самым опасным врагом Руси является католическая Литва. Враждебное отношение русского книжника к Витовту чрезвычайно определенно выступает в сказании о «Побоище великого князя Витовта со царем Темир-Кутлуем». Витовт рисуется в нем не как союзник Руси по борьбе с Ордой, а как злейший и опаснейший враг. «И похваляся на Орду Витовт глаголаше: „Пойдем, пленим землю Татарскую, победим царя Темир Кутлюя, возьмем царство его и разделим корысть его: посадим в Орде на царство его царя Тактамыша, а сам сяду на Москве на великом княжении, на всей Русьской земли“». Поражение Витовта на Ворскле было воспринято поэтому на Руси как политический успех русского дела. Победу татар летописец объяснил помощью божьею, заставив на этот раз бога помогать магометанам против христиан («Поможе бог татаром»).

То сближаясь и выступая как временные союзники, чаще сталкиваясь за преобладание в западных русских землях и постоянно пристально следя за каждым шагом своего самого сильного соперника, Москва и Литва уделяли чрезвычайно большое внимание Новгороду. Иногда они выступали в Новгороде «с единого». Так, в 1397 г. Василий Дмитриевич и Витовт сообща прислали послов в Новгород и потребовали от новгородцев разорвать союз с орденом — «разверечи мир с Немци». Но чаще Москва и Литва выступали в Новгороде как соперники, стремившиеся каждый к подчинению Новгорода своей власти. В Новгородской земле резко столкнулись политические влияния Москвы и Литвы. Но Великий Новгород был еще настолько силен, что в соперничестве между Литвой и Москвой он выступал не только как объект их притязаний, но и как дея-

² Зап.-русс. лет., стлб. 417.

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 299.

⁴ Тохтамыш, разбитый Тимуром в 1395 г., нашел прибежище у Витовта, поддерживавшего его притязания на золотоордынский стол.

⁵ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 251; Троицк, л., стр. 450; Москов. св., стр. 229. Дружественные Витовту летописцы для объяснения поражения Витовта находят иные слова: «Попусти бог татаоам». (Зап.-русс. лет., стлб. 48).

⁶ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 250; Соф. II л., стр. 129.

тельный участник политической борьбы эпохи, проводивший свою политическую линию и пытавшийся сохранить в новых условиях свою прежнюю самостоятельность.

II

Достаточно беглого ознакомления с новгородским летописанием конца XIV и первой трети XV в. для того, чтобы стало ясно, какое значение имели в политике Новгорода взаимоотношения с Литвой. Если в Новгородской первой летописи выделить за пятидесятилетие, с 1380 по 1430 гг., сообщения, выходящие за непосредственный круг новгородской жизни, то среди них первое место займут сообщения о Литве. На страницах летописи за это время встречаются имена «Скригайла»,⁷ «Ягайла», «Кестутья Гедиминовича»,⁸ и особенно часто имя Витовта,⁹ а также имена литовских князей, бывших в Новгороде на «кормлении». Летописец внимательно следил не только за действиями литовских князей против Новгорода и других русских земель, но и за внутренней жизнью Литвы. Под 6889 г. летописец, вероятно, со слов русских послов, ездивших в Литву, сообщает о «мятеже» в Литве («В то же лето бысть мятеж в Литве, богу попушышу на них гнев свой, всташа сами на ся и убиша князя великого Кестутья Гедиминовича и бояр избиша; а сын его Витовт побеже в немце и много зла створи Литовьской земли».¹⁰ Под 6907 г. в летописи подробно рассказано о походе Витовта на Вореклу, а под 6918 г. о Грюнвальдской битве. Летописец чрезвычайно пристально следит за ходом борьбы за Смоленск, а также за столкновениями Витовта с другими русскими землями. Отношение новгородского летописца к Витовту отчетливее всего формулировано в конце повести о походе на Вореклу. «Бог дал князя Витовта великим князем Литовьской земле грех ради крестьянских. Был убо князь Витовт преже крестьян, а имя ему Александр, и отвержеса правоверыя веры и крестьянства и прия лятскую веру, церкви святей превратил на богомерьское служение: а помыслил тако: хотел пленити Русскую землю, и Новьград и Пьсков».¹¹ Радуюсь поражению Витовта на Ворскле, летописец восклицает: «Аще бог по крестьянех, то кто на ны!»¹²

Позиция новгородского летописца определялась, конечно, не столько «богомерзкой лятской» верой Витовта, сколько непосредственной угрозой Новгороду со стороны Литвы. Формула Новгородской первой летописи «хотел пленити Русскую землю, и Новьград и Пьсков», включает не только общее указание на замыслы Витовта против Русской земли, но и специальное упоминание о Новгороде и Пскове.

Тем же опасением за Новгород и Псков проникнута запись под 6907 г. в Новгородской четвертой летописи. Повторяя, в целом «Слово о том, како бился Витовт с Ордою», в том его тексте, какой сохранился в Софийской первой летописи и который, надо полагать, восходит к своду 1418 г., новгородский сводчик считал необходимым особо упомянуть о захватнических планах Витовта по отношению к Пскову и Новгороду. Сравним похвальбу Витовта в двух летописных вариантах.

⁷ Н I Л, стр. 377.

⁸ Там же, стр. 378, 401—403.

⁹ Там же, стр. 378.

¹⁰ Там же, стр. 378, 386—388, 393—398, 401, 402, 404, 406, 415, 416.

¹¹ Там же, стр. 378.

¹² Там же, стр. 395.

¹³ Там же.

Софийская первая летопись

«Посадим в Орде на царство его царя Токтамыша, а сам сяду на Москве на великом княжении на всей Русьской-земли».¹⁴

Новгородская четвертая летопись

«Посадим во Орде на царстве его царя Тахтамыша, а сам сяду на Москве на великом княжении на всей Руской земли, и Великий Новгород с Псковом мой будеть».¹⁵

Агрессия польских и литовских панов на восток подталкивалась стремлениями Римской курии превратить объединенную Польшу и Литву в оплот католицизма против враждебного мусульманского и схизматического Востока. Папа Иоанн XVIII и затем Мартин V даже назначили Витовта и Ягайла генеральными викариями католической церкви для Новгорода и Пскова. («In Magna Nowagroda ac Plescow civitatibus ac in dominus earumde»)¹⁶.

Проследим взаимоотношения Литвы и Новгорода при Витовте. Летописные источники содержат следующие основные известия по этому вопросу.

Новгородско-литовские отношения в 1392—1430 гг. (по летописям)

1399 г. «Взметная грамота» Витовта.	1407 г. Приезд в Новгород Лугвеня.
1400 г. Мир между Новгородом и Литвой.	1412 г. Отъезд Лугвеня и разрыв Новгорода с Витовтом.
1402 г. Союз Новгорода с Смоленским князем.	1414 г. Виленский мир.
1404 г. Приезд в Новгород Юрия Смоленского.	1426 г. Поход Витовта на Псковскую землю.
1405 г. Поход Витовта на Псковскую землю.	1428 г. Война Новгорода с Витовтом. Порховский мир.

Вглядываясь в этот список, можно выделить три этапа наибольшего обострения отношений между Новгородом и Витовтом, три открытых «размирья»

(1399—1400, 1412—1414, 1426—1428 гг.). Первый конфликт 1397—1400 гг. представлялся для Новгорода особо опасным потому, что Витовт выступал против Новгорода не один, а в союзе с Василием Дмитриевичем и Орденом.

После коломенского свидания Василий I и Витовт сообща потребовали, как об этом упомянуто выше, расторжения Новгородом мира с немцами. Новгородцы не без основания усмотрели в этом требовании пресыщенность на «право самостоятельного ведения внешней политики» и ответили отказом, выдвинув тот принцип, коим искусно пользовалась лавирующая между тремя врагами новгородская дипломатия: «Княже Василей с тобою свой мир, а с Витовтом ин, и с Немци ин».¹⁷ Василий I ответил на это незамедлительным началом войны с Новгородом. К разрыву с Новгородом вела дело и Литва. Хотя и нельзя считать доказанным существование тайного соглашения между Витовтом и Василием о разделе новгородских земель, ход событий 1397—1398 гг. подсказывает мысль

¹⁴ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 251.

¹⁵ Н IV Л, стр. 384—385.

¹⁶ Акты исторические относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек д. с. с. А. И. Тургеневым. СПб., 1841, стр. 119; см.: А. И. Барбашев. Витовт. Последние двадцать лет княжения. СПб., 1891, стр. 182 и 189; Пресняков. •Лекции, стр. 97.

¹⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II М., 1953, стр. 241.

¹⁸ Н IV Л, стр. 382; см. также: Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 250.

о наличии сделки между зятем и тестем по вопросу о совместных действиях против Новгорода.¹⁹

Что же касается стовора между Витовтом и Орденом, то о нем сохранились бесспорные показания документов: в апреле 1398 г. Витовт заключил предварительное соглашение с Орденом о новгородских и псковских землях, подтвержденное Салинским договором с Орденом в октябре 1398 г. Салинский договор среди прочих статей включал соглашение двух хищников о разделе между ними северо-западных русских земель. Витовт отказывался в пользу Ордена от каких-либо притязаний на псковские земли. Согласно грамоте, приведенной еще А. И. Никитским, Орден получал навеки все те псковские земли, которые удастся захватить союзникам сообща или порознь («... Teggae ac dominia Ruhenororum de Plescove qualiter cunque sive per nos (Витовта) aut per ipsum ordinem, conjunctim aut divisim, acqulsitae feyrint vel alias qualitereunque devenerint, solus ordo easdem perpetuo obtinebibO».²⁰

Со своей стороны Орден отказывался от притязаний на новгородские земли²¹ (хотя незадолго до этого Орден претендовал на Вотскую землю).²² Но действия союзников оказались и малосогласованными и недостаточно активными: им не удалось ни «conjunctim» (сообща), ни «divisim» (порознь) завладеть Новгородской и Псковской землями. Витовт отозвал весной 1399 г. из Пскова литовского наместника и вместе с тем предъявил грозный ультиматум новгородцам. Во «взметной» грамоте, присланной им в Новгород в том же 1399 г., Витовт требовал, чтобы новгородцы признали его великим князем. «Обеществовале мя есте, что было вам за мене нятися, а мне было вам князем великим быти, а вас мне было боронити».²³ Новгородцы, которые к этому времени уже окончили войну с Москвой за Двинскую землю, приняли вызов: «От себе грамоту взьметную отослаша». Смелость новгородцев, вероятно, объяснялась их осведомленностью о положении дел в Литве, об усилившихся трениях между Литвой и Польшей и готовящемся столкновении между Витовтом и татарами.

Немалое значение имело для новгородцев также заключение «вечного мира» со Псковом, которому, как и Новгороду, грозили планы Витовта и немцев. «Того же лета, — повествует Псковская летопись, — послаша псковичи послом в Великий Новгород князя Григория, Сысоя посадника, Романа посадника и дружину их в Великий Новгород и взяша мир вечный с Новым городом; и целовал крест Тимофей посадник Юриевич, Микита тысячник Федорович за весь Великий Новьгород и за пригороды и за вся своя область, а от Пскова целовал крест князь Григорий и Сысой посадник, Роман посадник и дружина их к Новугороду за Псков и за

¹⁹ А. Е. Пресняков правильно указал, что «в источниках наших нет подтверждения такому предположению». Вместе с тем он отмечает, что весь склад событий подводит к мысли о таком соглашении (Пресняков. Лекции, стр. 85). Сообщение Устюжской летописи о том, что новгородцы в 1397 г. отдались под защиту Витовта («Они же послаша в Литву к Витовту и дадася за него» — Устюж. л., стр. 66), не находит нигде подтверждения.

²⁰ А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 183 (Bunge LUB, IV, стр. 225, № 1479).

²¹ «Sullen wir (Орден) keine Vorderunge haben zu grosse Nowgarderland, sunder in Welcherleie weise sie betwungen, werden von uns, unserm Orden adir an uns komen sullen blib en deme vorgenannten herren Alexandro» (Bunge LUB, IV, стр. 220, № 1478).

²² «Das ein land lege zwischen Grossen Newgarten und Lifland und Vatland genant. das aehbre zu dem Orden» (там же, стр. 192, № 1462).

²³ Н I Л, стр. 393.

пригороды и за всю свою область».²⁴ Мир был заключен 18 июня 1397 г. и вызывал ликование не только во Пскове, но и в Новгороде. Новгородский летописец, подробно рассказав о приезде псковского посольства и о заключении мира после четырехлетнего «размирья», завершил рассказ следующими словами: «И бысть крестяном радость и веселье; а диавол, видя крестяном добро, плакашеса, видя себе побежаема; а злодеи крестянский помрачашася».²⁵ Надо полагать, что под «помрачившимися злодеями» летописец подразумевал совершенно определенных лиц и среди них, конечно, в первую очередь Витовта.

Тесный союз Новгорода со Псковом был ответом на замыслы Витовта и его союзников. Наконец, положение Новгорода облегчалось и тем обстоятельством, что между Витовтом и Василием уже к 1399 г. обнаружилось трения: «А Витовт литовский князь тоя зимы, мир разверз с своим зятем с великим князем Васильем, и с Новымгородом и с Псковом».²⁶ Тверской князь Михаил Александрович выступил также против Литвы.

Таким образом, «вместо завоевательной войны с Новгородом Витовт неожиданно очутился перед перспективой борьбы с соединенными силами Москвы, Твери, Новгорода и их союзников».²⁷ Он предпринял было поход к Новгороду, но успеха не добился.²⁸ Последовавший поход на Ворсклу заставил Витовта прекратить активные действия против Новгорода. А после неудачи на Ворскле Витовт, естественно, обнаружил готовность пойти на соглашение с новгородцами.

Осенью 1400 г., согласно Новгородской летописи, сыну посадника Клименту²⁹ Васильевичу удалось заключить с Витовтом в Литве мир «по старине». Тогда же был заключен «вечный» мир между Псковом и Витовтом. Так Новгород сравнительно быстро и легко вышел из первого столкновения с Витовтом.³⁰

После договора 1400 г. между Витовтом и Новгородом устанавливается на десять лет «худой» мир. Не выступая прямо против Витовта,

²⁴ П I Л, стр. 25—26.

²⁵ Н I Л, стр. 388—389.

²⁶ П II Л, стр. 30.

²⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II, стр. 537.

²⁸ Барбашев в своей работе о Витовте (Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб., 1885, стр. 113) неправильно относит поход Витовта к 1401 г., очевидно, исходя из ошибочной хронологии П II Л, где о разрыве Витовта с Новгородом говорится под 6908 г., но и в записи П II Л об этом говорится до известия о битве на Ворскле, что позволяет исправить в этом случае хронологию П II Л. Принятая нами датировка вполне согласуется с дальнейшими сообщениями о мире с Витовтом.

²⁹ Н I Л, стр. 396.

³⁰ В некоторых поздних списках западнорусских летописцев исход столкновения между Витовтом и Новгородом на рубеже XIV—XV вв. изображается как полная победа Витовта. Так, согласно списку Быховца под 6910 г., Витовт потребовал от Новгорода и Пскова признания его государем и уплаты дани. Обосновывая свои притязания, Витовт будто бы ссылался на то, что Василий Московский является его вассалом («jest holdownik mne»). На отказ Пскова и Новгорода Витовт ответил войной. Во время похода он простоял 6 месяцев под Порховом, ничего не добившись, но взял менее значительные города (Велиж и Красный) и опустошил землю. Стремясь избавиться землю от разорения («hi choteli terpety bolszei szkody w zemli swoleu»), псковичи, а затем и новгородцы пошли на соглашение с Витовтом, приняли от Витовта наместников. Летописец даже называет имена наместников (князя Пинского во Псков, князя Голшанского в Новгород) и перечисляет размер дани. Но достаточно вчитаться в перечень мехов, подлежащих ежегодной уплате, где фигурируют по «сорок сороков» соболей, рысей, куниц, лисиц, горностаев, и... белок («sorok sorokow belok!»), чтобы потерять всякое доверие к рассказам автора списка Быховца (Зап.-русс. лет., стлб. 520—521). Столь же ненадежен и повторяющий эти известия Стрыйковский. Дальнейший ход событий никак не вяжется с наличием такого рода соглашения в 1402 г. между Новгородом и Витовтом.

новгородцы, однако, принимали деятельное участие в борьбе за Смоленск. Положение дел в Смоленске, к которому подбирался Витовт, чрезвычайно привлекало к себе внимание новгородцев. В частых записях Новгородской летописи о Смоленске совершенно отчетливо встает глубокая озабоченность Новгорода судьбою крупнейшего русского верхнеднепровского города. Вслед за тревожной записью 6903 г. — «Той же осени князь Витовт Литовьский взя город Смоленск и ³¹наместник свой посади, а князь Юрьи Святъславлич бежа на Рязань», вплоть до 1405 г. летописец, неоднократно упоминает о князе Юрии и его борьбе с Витовтом. Когда в 1401 г. Юрий возвратился в Смоленск, летописец останавливается и на внутреннем положении дел в Смоленске. «Смольняне, — отмечает он, — с князем ³²Юрьем бояр своих избиша, который перевет держале ко князю Витовту».

С 1401 г. записи о Смоленске становятся ежегодными. В следующем году летописец поместил многозначительное ³³сообщение: «...взяша Новгородци к князем Юрьем Смоленьским мир».

Под 1403 г. летопись сообщает о походе Семена Ольгердовича к Смоленску и Вязьме. Запись 1404 г. и начинается сообщением о неудачном походе Витовта «со всею силою своею» к Смоленску и завершается известием о сдаче «переветниками» Смоленска и о приезде Юрия в Новгород. Новгородцы приняли князя Юрия «в честь», дали ему в «кормление» 13 городов, клятвою связали Новгород и князя Юрия «и в живот и в смерть». «И целоваша (Юрий и его сын Федор, — В. Б.) крест к Новугороду, который поидуть иношлеменници на Новъгород ратию боронитися от них... со единого; а посадник Александр Фоминичъ и тысяцкий Кирил Дмитриевичъ целоваша крест к князю за весь Великий Новъгород». Витовт выступил с резким протестом. Согласно сравнительно подробному рассказу Тверской летописи он обратился сначала к Василию I, возлагая на него ответственность за поведение новгородцев, «понеже то новгородци твои суть». Получив от Василия заверения в том, что новгородцы приняли Юрия против его воли («без моего повеления»), Витовт обратился к новгородцам, упрекая их в нарушении дружественных отношений и требуя изгнания смоленских князей. Новгородцы отказали Витовту. С ними солидаризировались псковичи. На запрос Витовта «Едино ли есте за Юрия с Новым городом?», они ответили: «Едино есмы».

Однако, когда Витовт начал военные действия против Новгорода и Пскова и вторгся в феврале 1406 г. в Псковскую землю, новгородцы не оказали серьезной помощи псковичам. (Какую роль в этом вопросе сыграла дипломатия Витовта, обращавшегося в Новгород и через посредство Ордена и непосредственно, ³⁶ сказать трудно, ибо о содержании переговоров не сохранилось никаких известий).

В рассказе Новгородской летописи не упоминается даже ни о каких военных действиях новгородцев и о разрыве их с Витовтом. Новгородская первая летопись ограничивается только следующим сообщением: «Взя князь литовьский Витовт плесковьский пригород Коложе на

³¹ Н I Л, стр. 387.

³² Там же, стр. 397.

³³ Там же.

³⁴ Н IV Л, стр. 396; то же сообщение в Лет. Авр., стлб. 148—149.

³⁵ Тверск. л., стлб. 471—472.

³⁶ А. И. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб., 1885, стр. 115.

миру, а под Воронацем стоя два дни; и много повоева волостей плесковских изгоном без весте, и крестьян много посече, а иных в полон сведе». Мы не найдем в этой записи ни слова о посылке новгородской рати во Псков. Характерен и самый тон записи — спокойный, мы бы сказали «объективистский», столь отличный от приведенной ниже страстной записи псковича-летописца. Если Новгородская первая летопись умалчивает о действиях новгородцев во время псковско-литовской войны, то Новгородская четвертая летопись пыталась оправдать действия новгородцев поведением самих псковичей. «А псковичи жаловашася на Витовта Новугороду про Литовскую войну и новгородци не меташа (меча) брати своей молодше и псковичь, послаша им в помощь на Литву воеводы... свои, и они приихаша во Псков. И псковичи отслаш их в Новугороду, а сами, схавше, на крестном целовании повоеваша села новгородцькаа Луки и Ржевю». Стало быть, по рассказу Новгородской четвертой летописи, новгородцы посылали войско в помощь псковичам, но те не только не захотели воспользоваться этой помощью, но, нарушив крестное целование, напали на новгородские владения Луки и Ржеву.

Однако ни умолчание Новгородской первой летописи, ни неудачная попытка Новгородской четвертой летописи переложить вину на псковичей не разъясняют действительного поведения Новгорода. Только Псковская летопись и своими подробностями, и своим тоном позволяет охарактеризовать двуличное поведение Новгорода и его отношение к Витовту в 1406 г. Запись псковского летописца начинается резкой характеристикой Витовта, напоминающей ту оценку, которую давала ему Новгородская летопись в 1399 г. «Поганый отступник правыя веры христианския, отметник божий, сын дияволь, неверник правде, ни крестному целованию», — так клеймит псковский летописец Витовта.³⁷ Из взволнованного рассказа Псковской летописи историк узнает и о поведении новгородских властей во время постигшего Псковскую землю бедствия.³⁸ Ни посылка Витовтом в Новгород «разметной» грамоты, ни обращение псковичей за помощью не побудили новгородцев начать военные действия. Посланные во Псков новгородские воеводы выражали готовность выступить только против немцев, но отказывались, ссылаясь на указания, полученные ими в Новгороде, принять участие в ответном походе на Литву, который готовили псковичи. «А новгородцы пришедша, псковичем никою же помощи не учиниша, — пишет летописец и поясняет дальше: Кн язь Данилей Александрович и посадник Юрии и весь Псков челом биша новгородским воеводам рекуще: „Пойдите господа, с нами на Литву мстите крови христианския“. Они же рекоша: „Нас не благословил владыка воевати Литвы, а Великий Новгород нам не указал: но идем с вами на Немцы“».³⁹

В других вариантах псковских летописей встречаем еще более резкое подчеркивание новгородского «лукавства»: «А к новгородцам тогда послаша псковичи послы своя и бипа челом, чтобы пособили противу Литве, они же прислаша неколико мужей своая силы, а с лукавством, глаголюще: „Нам Великий Новгород не указал, ни владыки благословил

³⁷ П I Л, стр. 398—399.

³⁸ П IV Л, стр. 399.

³⁹ П I Л, стр. 28.

⁴⁰ Размеры бедствия псковский летописец характеризует словами: «Не бывала, такоу пакость яко же Псков стал» (П I Л, стр. 28).

⁴¹ Там же, стр. 28.

ити на Литву; идем с вами на Немци". И псковича отрекоша им по лукавству сердца их, они же возвратишися».⁴² В смелом походе псковичей против Полоцка новгородцы не приняли участия. Новгородские власти явно вели линию на соглашение с Витовтом. В то время как московский князь после некоторых колебаний (в годы борьбы за Смоленск) выправил свою линию по отношению⁴³ к Витовту и «разверже мир с тестем своим, исковския ради обиды», новгородские бояре не сумели подняться до понимания общерусских задач в борьбе с Литвой. Не повлиял на новгородскую политику даже приезд брата Василия Дмитриевича, посланного в Новгород «в пособие на Литву». Чрезвычайно показательно, что Новгородская первая летопись молчит о целях приезда князя Петра, ограничиваясь глухим сообщением о приезде князя. Только в Новгородской четвертой летописи (и в Летописи Авраамки) находим упоминание об этом. Стоит сопоставить тексты этих летописей для того, чтобы стала ясной сила умолчания Новгородской первой летописи.

Но вгородская первая летопись Новгородская четвертая летопись

«Прииха в Новьгород князь Петр, брат князя великого Василья Дмитриевича, и пребысть в Новегороде полторе недели».⁴⁴

«Прииха в Новгород князь Петр брат князя великого Василья в пособие на Литву⁴⁵ и пребысть в Новегороде 10 дней».

В этой связи приобретает большой политический смысл сообщение летописи об отъезде в 1406 г. из Новгорода на Москву князя Юрия Смоленского. Столь же многозначительно сообщение следующего года: «Того же лета прииха в Новьгород князь Семеон Олгердович».⁴⁶ Это был тот самый Семен (Лугвень Олгердович), который за три года до того с литовскими полками громил стены Смоленска и Вязьмы. Новгородская четвертая летопись еще определеннее подчеркнула значение приглашения Лугвеня как примирения с Витовтом («И новгородцы испросиша у Витовта Лугвеня и дасть им»)⁴⁷. В Новгороде князем сел ставленник Витовта. Соглашение с Витовтом было оформлено договорной грамотой, которая еще в XVII в. хранилась, как это обнаружил Л. В. Черепнин, в архиве Посольского приказа. В описи Посольского приказа 1626 г. об этой грамоте значилось следующее: «Грамота великого князя Витовта в Великий Новгород ко владыце, и к посаднику, и к тысяцким, и всему Новгороду, что присылали к нему просити к себе брата его князя Семиона: писана июня в 2 де(нь), а в котором году, того не написано. Грамота ветха и изодралася; печать отпала; тут же с нее список».⁴⁸ Ни грамота, ни список с нее до нас не дошли.

Борьба с Орденом, выдвинутая в 1410 г. Витовтом как основная задача, заставила его отказаться на время от наступательной политики на востоке. Он не без успеха пытался привлечь к борьбе с тевтонским Орде-

⁴² П П Л, стр. 32.

⁴³ Там же, стр. 33.

⁴⁴ Н I Л, стр. 399.

⁴⁵ Н IV Л, стр. 399. Близкий вариант сообщения приводят ранние московские своды, включающие сведения об участии новгородцев в посольстве псковичей в Москву «Псковичи же о том с новгородци ездisha на Москву великому князю жаловатися и князь великий посла брата своего князя Петра псковичем на помощь» (Симеон, л., стр. 151; Москов. св., стр. 234; Троицк, л., стр. 460).

⁴⁶ Н I Л, стр. 400.

⁴⁷ Н IV Л, стр. 405; см. также: Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 256.

⁴⁸ Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 324.

ном и русских. Как известно, на славном поле Грюнвальда русские полки составляли почти половину польско-литовской рати. По подсчетам Барбашева, «из числа всех 90 знамен польско-литовского войска 43 (7— в польском и 36 — в литовском) были русские».⁴⁹ Среди них наряду со смоленскими полками, стяжавшими себе заслуженную славу в этом сражении, был и отряд новгородцев под руководством Лугвеня.⁵⁰ Витовт заключил также, как об этом сообщает встревоженный ливонский магистр тевтонскому, договор с Новгородом и Псковом о том, чтобы они напали на Ливонию в случае нарушения Орденом Торнского мира. Но, укрепив свое положение на западе, Витовт быстро вновь обращает свои взоры на восток, что очень скоро отразилось на новгородско-литовских отношениях. Новое осложнение отношений с Витовтом наметилось вскоре после Грюнвальда. В 1412 г. «король Ягайло и Витовт и Лугвенъскинуша грамоты возметныи к Новугороду».⁵¹ Требования, предъявленные Витовтом, заключались в том, чтобы Новгород отказался от самостоятельной политики по отношению к немцам. Кроме того, Витовт обвинял новгородцев в двух проступках. Во-первых, в том, что они его бесчестили («...ваши люди нам лаяле, нас бешествовале и соромотиле, , во-вторых, в том, что новгородцы приняли к себе князя Федора, сына Юрия Смоленского («...ворога нашего»). Новгородцы и на этот раз в поисках компромисса пошли на уступки. Князь Федор отъехал из Новгорода. А через год новгородское посольство, возглавляемое самим Юрием Онцифоровичем, ездило в Литву и там заключило мир «по старине». «А к немцемъ не нялся, грамоты крестной Новгородской разврещи», — добавляет Новгородская четвертая летопись, подчеркивая, что новгородцы сохранили свою самостоятельность в сношениях с Орденом. На этот раз мир оказался сравнительно устойчивым. Новое, и последнее, столкновение новгородцев с Витовтом падает на последние годы его княжения, когда Витовт, используя затруднительное положение нового московского великого князя, предпринял третью попытку овладения псковскими и новгородскими землями (1426—1428 гг.). Новгородские бояре пытались помириться с Витовтом за счет псковских земель. Когда Витовт в 1426 г. напал на Опочку и Воронач, новгородцы не помогли псковичам «ни словом, ни делом». Больше того, по словам Псковской летописи, новгородский посол (Александр Игнатьевич), встретив Витовта «идуша к Пскову на брань», последовал за Витовтом и под Опочку и под Воронач и вернулся «из рати» в Новгород «псковичем не учинив ничто же добра, но только на горше зло».⁵⁴ Но новгородские политики просчитались. Псковичи договорились с Витовтом «опроче Великого Новгорода». А когда через год Витовт вторгся в новгородские земли, и новгородцы обратились за помощью к псковичам, те им ответили отказом, припомнив поведение новгородцев в 1426 г. и сославшись на соглашение с Витовтом. «Как вы нам не помогосте. — ответили псковичи, — тако и мы вам не поможем, а еще межю нами

⁴⁹ А. И. Барбашев. Витовт. Последние двадцать лет княжения. СПб., 1891, стр. 59.

⁵⁰ Там же, стр. 59 и 180.

⁵¹ Н I Л, стр. 403.

⁵² Там же, стр. 403—404.

⁵³ Н IV Л, стр. 413. Это же подчеркивают и другие летописи. Так, в Москов. св. читаем: «Новгородци посылаше к Витовту Юрья Анцифоровича бити челом о миру, и пожаловал их, отда им нелюбья, а к Немцом не сложили целования» (стр. 241).

⁵⁴ П I Л, стр. 37.

крестное целование, что нам по вас не пособляти».⁵⁵ На поддержку московского великого князя новгородцам не приходилось рассчитывать. Василий Васильевич не склонен был ссориться со своим могущественным дедом ни из-за Пскова, ни из-за Новгорода. По словам Псковской второй летописи, он даже крест целовал о том Витовту («А князь великий тогда Василий Васильевич к деду своему князю Витовту и крест поцелова, что ему не помогати по Новгороде, ни по Пскове»)⁵⁶ А тверской князь даже послал свою рать с Витовтом на Новгород («Ходил князь великий Витовт на Новгород с ратью, а с ним была сила тверская, а воевода ходил Захарий Иванович»)⁵⁷.

Изолированные новгородцы вынуждены были пойти на мир с Витовтом. Когда Витовт подступил к Порхову, порховцы поспешили откупиться («... кончаша за себе 5000 серебра»), а затем сам владыка Евфимий с новгородскими послами привез Витовту еще «5000 серебра, а шестую тысячу на полон».⁵⁸ Витовт принял челобитье у новгородцев, и заключил в 1428 г. с ними мир «по старине», «а полон отпусти владычня ради поклона». 28 июля Витовт двинулся от Порхова в Литву.⁵⁹ Весь конфликт 1428 г. продолжался немногим больше месяца; мир был разорван в «Петрово говенье», 16 июля Витовт вступил в Новгородскую землю; простояв двое суток под Вышгородом, он 20 июля был под Порховым, а 28 июля уже двинулся в обратный путь.

Таким образом война 1428 г. Новгорода с Литвой, единственное* столкновение между Новгородом и Витовтом, дошедшее до войны, оказалось весьма непродолжительным и не привело к существенным изменениям в отношениях между Новгородом и Литвой: мир был заключен «по старине». В последние годы правления Витовта новгородцы ездили к Витовту с поклоном и подарками.⁶⁰ Вместе с послами Пскова они присутствовали на Луцком съезде, где предполагалось коронование Витовта.⁶¹ Но это было лишь знаком почтения к Витовту, а не признанием зависимости от него. Автор «Похвалы Витовту», правда, отнес Новгород и Псков к числу тех, кто не просто, а крепко служили Витовту («...бяху крепко служили ему»), но к этой группе он отнес и великих князей московского, тверского и рязанского, отметив, что все они «честь и дары подаваху ему».⁶² «Честью и дарами» и ограничилась зависимость Новгорода от Витовта.

Подведем итоги. В правление Витовта у Новгорода несколько раз были значительные столкновения с Литвой, развивавшей широкую захватническую политику на востоке. В этой борьбе новгородцы всячески уклонялись от открытого вооруженного столкновения с могущественным врагом, пытаясь то оттянуть конфликт, то уступая Витовту (как это было в 1399 г. или в 1405 г.), то откупаясь от Витовта (как это имело место* в 1428 г.). Успешной эту политику назвать нельзя, но новгородцы сумели сохранить, несмотря на трудности положения (вспомним хотя бы о Сталинском трактате), неизменным свой юго-западный рубеж.

⁵⁵ П П Л, стр. 42.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Твр"к. л., стлб. 489.

⁵⁸ Н 1 Л, стр. 415.

⁵⁹ По словам западнорусского летописца, «ходил князь великий Витовт к Новгороду-Великому со всем войском и много ^\а вчинил, а города не взявши и- опять пошел до Литвы» (Зап-русск лет., стлб. 333).

⁶⁰ А. И. Барбашев, ук. соч., стр. 199, 262.

⁶¹ З^п-русск. лет., плб. 61.

⁶² Там же, стлб. 417.

III

Взаимоотношения между Новгородом и Литвою нашли отражение в положении «кормленых» литовских князей. Было бы ошибкой видеть в приглашении Новгородом на «кормленья» младших отпрысков Рюриковичей и Гедиминовичей простое привлечение наемной дружины с военачальником для обороны новгородских рубежей. Неправильным нужно считать и утверждение Костомарова, будто «Новгород давал всем князьям равный приют без разбора».⁶³ В этом утверждении обнаруживается стремление отмахнуться от запутанного вопроса вместо того, чтобы распутать его. Да и сам Костомаров неоднократно опрокидывает это свое утверждение суждениями об отдельных князьях.

В обращении к Гедиминовичам в XIV—XV вв. обнаружили колебания новгородской внешней политики между Литвою и Москвою. Политическое значение приглашения литовских князей выступает, как отмечено выше, уже на примере первого же из Гедиминовичей — Наримонта. Торжественный тон летописного рассказа, ссылка на промысел божий и благочестие Наримонта свидетельствуют о том значении, которое придавали новгородские верхи приезду Гедиминовича. Необычное положение Наримонта подчеркнуто было и передачей Наримонту в наследственное владение значительных новгородских земель и среди них важных в военном отношении пригородов. «И даша ему Ладогу, и Ореховый, и Карельский, и Карельскую землю, и половину Копорья в отчину и в деду и его детям».⁶⁴ (В договорах с тверскими князьями новгородцы никогда не были столь щедрыми). Появлению Наримонта в Новгороде предшествовали долгие переговоры с Гедимином, в ходе которых Гедимин прибегал к открытому насилию, задержав у себя новгородских послов (бояр и нареченного владыку). Но уступка Новгорода объяснялась не одним давлением со стороны Гедиминова. Вынудить у Новгорода договор о передаче Наримонту в «дедину и отчину» части новгородских земель таким легким способом Гедиминову не удалось бы, если бы у самих новгородцев не было никаких стремлений к сближению с Литвой. А. Е. Пресняков, подчеркивающий, что новгородцы пошли на соглашение с Гедимином лишь будучи «в таковой тяготе», с основанием добавлял к этому следующие соображения: «Однако дальнейшие сведения об отношении Великого Новгорода к Наримонту позволяют говорить о зарождении в Новгороде „литовской партии“, тянувшей к западнорусскому, литовскому политическому центру, который сулил освобождение от татарской власти и постылого „выхода“».⁶⁵ Соглашаясь с мыслью А. Е. Преснякова о зарождении «литовской партии» в Новгороде еще во времена Наримонта, мы не можем, однако, принять приведенное объяснение мотивов тяготения части новгородских политиков к Литве. Этот необычный шаг новгородского правительства скорее нужно связывать с поисками противовеса Москве, чем с мыслью об освобождении от «татарского выхода». Да и сам Пресняков в дальнейшем изложении имеет в виду не столько «ордынский выход», сколько «давление ордынской зависимости на политику великого князя Ивана», его «размирье» с Новгородом.

Политический смысл приглашения литовских князей еще яснее обнаруживается в конце XIV в. Приезд в 1383 г. Патрикия Наримонтовича

⁶³ Костомаров. История Новгорода, Пскова и Вятки во время удельно-вечового уклада, т. I. СПб., 1868, стр. 146.

⁶⁴ Н I Л, стр. 346.

⁶⁵ Пресняков. Образование, стр. 142.

был бесспорно связан с обострением отношений между Новгородом и Дмитрием Донским. И хотя «это (приглашение, — В. Б.) не означало разрыва с великим княжеством»,⁶⁶ однако в этом случае нельзя не согласиться с Костомаровым, который оценил приглашение Патрикия следующими словами: «Это призвание князя из литовской фамилии должно было казаться оппозицией против московской власти».⁶⁷

Показательно, что новгородскими войсками, выступавшими против Дмитрия Донского в 1386 г., руководил Патрикий Наримонтович. А со следующим литовским князем в Новгороде — Семеном-Лугвением (Лингвением) Ольгердовичем связан весьма примечательный документ, грамота Ягайла от 1389 г., в которой (в русском ее тексте) Семен Ольгердович был назван «опекальником мужем и людем Великого Новгорода».⁶⁸ Семен Ольгердович пробыл в Новгородской земле первый раз до 1392 г. Ему были переданы, надо полагать, те же города, что и Наримонту. Когда в 1392 г. «разбойнице немце», разорив села на Неве, подошли к Орешку, князь Семен «с городцаны» отогнал разбойников. Можно заключить отсюда, что князь Семен жил в Орешке. Отъезд князя Семена в 1392 г., вероятно, нужно связывать с вступлением Витовта на великое литовское княжение. Таким образом, еще в XIV в. приглашение литовских князей «кормленщиков» являлось своеобразной формой установления союза между Литвой и Новгородом (или даже некоторой зависимости Новгорода от Литвы).

В XV в. (особенно во время правления Витовта) вопрос о литовских князьях-«кормленщиках» приобрел особую политическую остроту. Семен Ольгердович то появлялся в Новгороде, то оставлял его. Когда в 1404 г. новгородцы передали Юрию Смоленскому 13 городов и среди них Ладогу, Орешек, Копорье, и Корелу, т. е. все те пригороды, которые были у Гедиминовичей, это приобретало характер прямого выступления против захватнической политики Литвы на востоке. И обратно, возвращение Лугвения в 1407 г., как указано выше, означало примирение с Витовтом и новую попытку тесного сближения с Литвою. Псковский летописец так и оценил приглашение Лугвения, как измену новгородцев русскому делу и предательство ими младшего брата — Пскова. «А новгородцы, — писал он, — в то время приведоша себе князя из Литвы, испросиша у Витовта князя Лугвения, а все то псковичем на перечину, и вложи им диявол злыя мысли в сердца их, держажу бо любовь с Литвою и с Немцы, а псковичем не помогайте ни словом, ни делом».⁶⁹ Этот раз Лугвень сидел в новгородских пригородах пять лет;⁷⁰ «Даша ему новгородцы пригороды, который были прежде сего за ним».⁷⁰ Он как будто пустил прочные корни в Новгородской земле. Под 1411 г. в летописи имеется приведенное выше указание на рождение у него сына в Копорье («Родися князю Лугвению сын на Копорьи, а во крещеньи наречен Феодор»)⁷¹. Весною того же года на Лугвения было возложено ответственное военное поручение: он руководил большим походом новгородцев на Выборг, в котором принимали участие в качестве воевод три новгородских посадника (среди них Юрий Онци-

⁶⁶ Там же, стр. 328.

⁶⁷ Костомаров. Северно-русские народоправства, т. I, стр. 128.

⁶⁸ АЗР, № 10. Из этой грамоты ясно, что нет никаких оснований в 1389 г. считать Лугвения литовским изгнанником, как это делает И. Д. Беляев (Беляев. Рассказы, стр. 489).

⁶⁹ П I Л, стр. 30.

⁷⁰ П I Л, стр. 400.

⁷¹ Соф. I л, (ПСРЛ, V), стр. 258.

фирович). Поход был чрезвычайно удачен: «Прихаша в Новгород со множеством полона».⁷² Казалось бы, положение Лугвеня в Новгороде должно было этим упрочиться. Крепнущие связи с Литвою нашли отражение и в денежной реформе 1410 г., проведенной при Лугвене, согласно которой были введены в обращение в Новгороде наряду с немецкими литовские деньги; новгородцы стали торговать «промежи себя лопьцы и гроши литовскими и артуги немецкими».⁷³ О том, как высоко ценили новгородские власти помощь Лугвеня и какое политическое значение придавали ей, свидетельствует грамота 1411 г. (?). В ней новгородский владыка просил Лугвеня безотлагательно вернуться в Новгород из Литвы в связи с осложнением отношений с Орденом. «Ты сам хорошо знаешь, — писал владыка Лугвеню, — каковы наши дела с Орденом; и у нас с ним много распрей, и он очень надменен, и мы не хотим этого больше терпеть. А потому мы просим тебя сделать доброе дело и объяснить это великому князю (Витовту) и отпроситься у него, и приехать к нам, потому что мы хотим действовать, советуясь с великим князем. И не откладывай этого дела».⁷⁴ Как видим из этого письма, новгородский владыка считался с зависимостью Лугвеня от Витовта и выражал желание действовать «советуясь с великим князем» («mit des Groten koninges Rade»), т. е. признавал верховную власть Витовта.

Но в 1412 г. происходит очередной конфликт с Литвой, и Лугвень уезжает в Литву вместе со своими мужами («А Лугвень съеха в Литву и наместники сведе с пригородов новгородских»).⁷⁵ Во время переговоров 1412 г. с Лугвеном последний определенно указал на свою зависимость от Ягайла и Витовта, назвав их своими старшими братьями. «Держале мя есте хлебокормлением у себе, — говорил, согласно летописи, Лугвень, — ино ноница братья моей старейшей, королю и Витовту, не любо, и мње не любо, занеже есмь с ниме один человек, а с мене челование долов».⁷⁶ В ходе этих же переговоров видное место занял вопрос о князе Федоре Юрьевиче, сыне Юрия Смоленского, которого новгородцы приняли к себе. Очевидно, новгородские бояре продолжали прежнюю политику лавирования между Русью и Литвою. Рядом с Лугвеном в Новгороде действовал сын заклятого «ворога» Витовта, князя Юрия Смоленского. С Федором Юрьевичем новгородцам пришлось расстаться, но и литовских князей в Новгороде с 1412 до 1432 г. мы больше не встречаем. На бывшем «кормлении» Гедиминовичей в эти годы сидели различные русские князья. Так, в феврале 1419 г. новгородцы приняли брата Василия Дмитриевича — Константина (он был в то время в ссоре с великим князем) и «подаваша ему пригороды, кои были за Лугвеном».⁷⁷

Литовские князья появились снова уже после смерти Витовта. Однако в их положении произошли существенные изменения по сравнению с первыми новгородскими Гедиминовичами (от Наримонта до Лугвеня). Для подтверждения этой мысли достаточно сопоставить положение Юрия Лугвеневиича с политической ролью его отца. Юрий Лугвеневиич появился в Новгороде в 1431 г. и получил отцовские пригороды. Но в 1444 г. «по новгородскому прошению» в Новгород приехал другой литовский князь —

⁷² Н I Л, стр. 402.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Грамота сохранилась в немецком переводе в письме обеспокоенного ею магистра Ордена револьского городского совету (Грамоты В. Н. и П., № 52).

⁷⁵ Н I Л, стр. 403.

⁷⁶ Там же, стр. 404.

⁷⁷ Там же, стр. 412.

Иван Владимирович, которому новгородцы передали пригороды от Юрия Лугвеневи⁷⁸ча. Князь Юрий оставил Новгород, двинулся было к немцам, но, не найдя там прибежища, отъехал в Москву (с литовским правительством он был не в ладу). Через год новгородцы приняли Юрия обратно вместо князя Ивана Владимировича, но уже на новых условиях. «Того же лета приеха в Новгород князь Юрьи Лугвеневи⁷⁹ч с Москвы, и новгородци даша ему кормление по волости хлеб, а пригородов не даша». С сыном Лугвения новгородцы, очевидно, считали возможным говорить иначе, чем с самим Лугвением. За спиной Юрия не стояла та мощная сила, какой был великий князь Литвы в годы правления Витовта. Последний раз имя Юрия Семеновича (Лугвеневи⁸⁰ча) упоминается в летописи под 1459 г., когда уже после Яжелбицкого договора новгородцы пытались вновь укрепить связь с Литвою. Согласно сообщению Летописи Авраамки, новгородцы на этот раз опять предложили князю⁸¹ пригороды («Русу, Ладугу, Орешек, Корельский, Яму, пол-Копорьи»). Но трудно думать, чтоб дело зашло дальше переговоров, так как уже в следующем году Новгород встречал Василия II. На этом кончаются упоминания в летописи об Юрии Лугвеневи⁸¹че и вообще о литовских князьях-«кормленщиках».

Таким образом, в конечном счете, литовские князья-«кормленщики» в Новгороде не стали «опекальниками» Новгорода, на что рассчитывали Ягайло и Витовт, а превратились в служилых князей, нанятых богатым городом и сменяемых новгородскими боярами. Их положение хорошо определяется теми словами, которые новгородский летописец вложил в уста Лугвению в 1412 г., очевидно, заставляя самого Лугвения изложить новгородскую точку зрения на него: «...держали мя есте хлебокормлением у себя». То, к чему стремились новгородские бояре в отношениях с Лугвением, стало реальностью при соглашении с сыном Лугвения и другими литовскими князьями в середине XV в.

IV

Отношения между Новгородом и Москвой за пятидесятилетие после Куликовской битвы (1380—1430) существенно отличны от новгородско-литовских отношений. Они говорят о непрерывно растущей мощи Москвы, усилении ее влияния в северной Великороссии и о неизбежно обостряющихся противоречиях (экономических и политических) между заправилами боярской вечевой республики и московскими князьями. Эти противоречия сводились к двум основным вопросам — о земле и о власти. Среди земельных вопросов выдвигались как главные — вопрос о спорных землях на новгородско-московском рубеже и, всего больше, вопрос о двинских землях. Что касается вопроса о власти, он вставал в двух планах — в светском и церковном. В светском плане это был вопрос о поборах в пользу великого князя и о великокняжеском суде; в церковном — о взаимоотношениях между новгородским владыкой и московским митрополитом. В конкретном ходе новгородско-московских отношений в течение этого пятидесятилетия все указанные противоречия сплетались в запутанный клубок, но в историческом исследовании целесообразно рассмотреть

⁷⁸ Там же, стр. 423.

⁷⁹ Там же, стр. 424.

⁸⁰ Лет. Авр., стлб. 198.

⁸¹ См. об. этом ниже, в гл. VIII.

каждое из них порознь, определив его место и значение в общем ходе новгородско-московских отношений.

Анализу противоречий между Новгородом и Москвой предположим лишь самую краткую справку об общем ходе новгородско-московских отношений. В нем можно выделить следующие пять военных столкновений: в княжение Дмитрия Донского (после Куликовской битвы) поход 1386—1387 гг., в княжение Василия Дмитриевича четыре войны (1-я в 1393 г., 2-я в 1397—1398 гг., 3-я в 1401 г. и 4-я в 1417 г.). Первая из этих пяти войн (поход Дмитрия на Новгород) непосредственным поводом имела походы новгородских ушкуйников на Волгу, война 1393 г. была прежде всего борьбой за порубежные земли, войны 1397—1398 гг., 1401, 1417 гг., все были связаны главным образом с Двинской землей.

Перейдем к рассмотрению истории борьбы за порубежные земли. В конце XIV в. владения московского князя и его вассальных князей пришли в непосредственное соприкосновение с землями Великого Новгорода. Еще во времена Калиты белозерские князья стали вассалами московского князя, а при Дмитрии Донском большая⁸² часть Белозерья превратилась в удел московского великого княжества. По завещанию Дмитрия Донского она была передана его сыну Андрею. Сохранившиеся на мелких уделах потомки младшей линии белозерских князей «низошли на положение служилых землевладельцев Белозерского уезда и держались некоторое время на своих вотчинах, пока экономические и политические невзгоды не вывели их из этих гнезд».⁸³

Упрочение московской власти на Шексне и Белом озере создавало широкую возможность для московских князей и их вассалов развертывать наступление и на восток в направлении на Вологду, и на север к Онежскому озеру, и на юго-запад к Бежецкому Верху. Белозерские земли клином врезались во владения Великого Новгорода, и преемники Дмитрия Донского упорно пытались глубже вбить этот клин. С первых же лет княжения Василия I развернулась острая борьба за южные новгородские владения на широком протяжении от Вологды до Волока Дамского. Борьба началась в 1393 г. столкновением в Торжке, являвшемся издавна предметом соперничества Новгорода с Низом. Василий I, обеспечивший себе поддержку со стороны Витовта (за год до этого он стал зятем Витовта), двинул войска на Торжок. Московскую ратью руководил дядя Василия, знаменитый герой Куликовской битвы князь Владимир Андреевич, и брат Василия I Юрий («Той же зимы в великое говение приела князь московский дядю своего князя Володимеря и брата своего Юрья, и рать с ним отпустил к Торжку»)⁸⁴. В Торжке в самый день пасхи произошло выступление новоторжцев против сторонников Москвы: «Убиша новоторжцы доброхота... великого князя Максима, на Великий день».⁸⁵ Некоторые летописи говорят с еще большей определенностью

⁸² М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 76.

⁸³ Там же, стр. 77.

⁸⁴ Н IV Л. стр. 373; Соф. II л. относит посылку рати к Федоровой неделе (т. е. к первой неделе великого поста). Поэтому, вопреки С. М. Соловьеву и М. К. Любавскому, мы склонны в убийстве Максима в Торжке видеть не причину, а следствие выступления московской рати.

⁸⁵ Соф. II л., стр. 123. Нет никаких оснований считать московского «доброхота» Максима великокняжеским боярином, как это делает С. М. Соловьев, а следом за ним многие позднейшие историки. Даже в Воскр. л. читаем: «...убиша в Торжку некоего христолюбца, Максима именем, добра хотяше великому князю» (стр. 63). Только Никон, л. называет Максима боярином великого князя (ПСРЛ, XI, стр. 154).

о характере выступления в Торжке в пасху 1393 г. «В праздник пасхи, на велик день, новгородци и новоторжьци снемьшеся вечею убиша в Торжку некоего христолюбца Максима именем, добра хотяща великому князю».⁸⁶ Таким образом, суд и расправа произошли на вече, и в этом деле приняли участие новгородцы, надо думать, — бояре. Московские летописцы не упустили при рассказе о событиях 1393 г. удобного случая для того, чтобы обрушиться в этой связи на новгородские общественные порядки. «Благоверному мужу», «христолюбцу» Максиму они противопоставили «свирепых» убийц, «крамольников», «вечников» («Сшедшея неции от новгородцев, вечници, крамольници, сурови человеци, свирепии люди убиша Максима, мужа благоверна»).87

Великий князь «разгневался яростью великою зело».⁸⁸ Торжок был взят московской ратью, а его жители сурово наказаны. По обвинению в расправе с Максимом было казнено 70 человек («Князь же великий повеле привести убиець тех, и приведоша их 70 и казни их розными муками»).89 Заняв Торжок, князь Владимир и Юрий «рять распустиша по новгородцкимь волостем воевати; и много пакости учиниша».⁹⁰ Московской ратью были захвачены, кроме Торжка, Волок Ламский и Вологда. Новгородцы ответили на это встречными действиями. Главная их рать взяла, города Кличен и Устюжну и много волостей. (Имеются указания о походе новгородцев и к Белозеру).91 Другая рать из Заволочья заняла Устюг и пожгла его. Военные действия с обеих сторон отличались большим упорством и кровопролитием. «И в то время с обе стороне кровопролетья много учинилося».⁹² Много было захвачено с обеих сторон полону. С этой войной связано появление в Новгороде князя белозерского Константина Ивановича. Отпрыск старшей линии белозерских князей,⁹³ не смирившийся с потерей Белозерским княжеством самостоятельности, князь Константин, очевидно, искал в Новгороде опору для притязаний на свою вотчину. Он выступал в войне 1393 г. в качестве одного из руководителей новгородской рати. В этой связи особое значение приобретает сообщение о взятии новгородцами Белозерья. Князь Константин остался в Новгороде и после примирения новгородцев с Василием Дмитриевичем. Он ходил с новгородской ратью ко Пскову в 1394 г., он разбил шведов возле г. Ямы в 1395 г., еще через год князь Константин вместе с карелою отбил шведов, вторгшихся в Карельскую землю. На этом прекращает упоминание о нем Новгородская летопись (позднее он некоторое время был во Пскове).94

Война 1393 г. завершилась миром «по старине». Но мир оказался весьма непрочным. В 1397 г. в самом начале конфликта из-за Двины великий князь «на крестном целовании» опять отнял у Новгорода те же

⁸⁶ Москов. св., стр. 220.

⁸⁷ Симеон, л., стр. 279; Троицк, л., стр. 441.

⁸⁸ Симеон, л., стр. 279; Троицк, л., стр. 441.

⁸⁹ Соф. II л., стр. 123.

⁹⁰ Н IV Л., стр. 373.

⁹¹ Ссф. II л., стр. 123.

⁹² Н I Л., стр. 386; Троицк, л., стр. 442.

⁹³ Точная генеалогия не установлена. По А. В. Экземплярскому, он был сыном белозерского князя Ивана Федоровича, погибшего на Куликовом поле (Экземлярский. Великие и удельные князья, стр. 165). Мнение А. В. Экземлярского разделяет и новейший исследователь истории Белозерья — А. И. Копанев (А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М—Л., 1951, стр. 40).

⁹⁴ По характеристике А. И. Копанева (ук. соч., стр. 40), князь Константин Иванович «превращается в наемного профессионального воина, без сколько-нибудь выраженной политической программы».

новгородские пригороды: Волок Ламский, Торжок, Вологду, а также Бежецкий Верх. Война 1397—1398 г. опять сопровождалась борьбой на всем южном новгородском рубеже, причем новгородцы добились серьезных успехов. Они вторглись в белозерские волости великого князя, взяли их «на шит», пожгли старый город Белозерск и заставили белозерских князей и великокняжеских воевод уплатить «окуп» в 60 руб. Захватив большой полон и добычу, главные силы новгородцев «повоевали» Кубенские волости около Вологды, захватили, пограбили и пожгли Устюг. В это же время вспомогательный отряд новгородцев действовал в направлении к Галичу («...только за днище Галица не доходипа»)⁹⁵.

Успехи новгородцев позволили им и на этот раз добиться мира «по старине». Казалось, после этого отношения между великим князем и Новгородом наладились. Брат великого князя Андрей, владевший Белозером, в 1399 г. побывал в Новгороде и «бояре даша князю честь велику».⁹⁶ Но не прошло двух лет — опять вспыхнула война и опять великий князь пытался выбить новгородцев из Торжка. Новгородские летописи подчеркивают, что и на этот раз великий князь нарушил крестное целование («на крестном целовании»)⁹⁷ и напал без объявления войны («на миру»)⁹⁸. Отряд в 300 чел. под руководством московских бояр занял Торжок; находившиеся там новгородские бояре Семен Васильевич, сын посадника, и Михаил Феофилатович были свезены в Москву, а имущество их было захвачено. Новгородская летопись не упускает случая добавить, что при этом была нарушена неприкосновенность храма («...животы их из святого Спаса поимаша»)⁹⁹. Новгородцы все же не отказались от своих прав на Торжок. Когда в Новгород приехал после падения Смоленска князь Юрий, новгородцы передали ему среди прочих городов Торжок, а также Волок Ламский. Это обстоятельство заслуживает внимания в двояком отношении: во-первых, оно свидетельствует о том, что новгородцы считали в 1404 г. Торжок и Волок своими городами; во-вторых, оно позволяет думать, что новгородцы поручали Юрию оборону не только северо-западных рубежей (как это имело место в виду у других «кормленных» князей), но и московского рубежа.¹⁰⁰ Но и Москва считала себя вправе распорядиться Торжком. Когда тот же князь Юрий отъехал из Новгорода в Москву, великий князь поставил его наместником в Торжке.¹⁰¹ Следовательно, Юрий Смоленский сидел в Торжке сначала от Новгорода, затем от великого князя. И так, ни та, ни другая сторона не отказывались от Торжка, город то переходил из рук в руки, то находился в общем владении.

Положение Вологды, Бежецкого Верха, Волока Ламского во многом напоминало положение многострадального Торжка. Попытки договориться, точно размежеваться не приводили к устойчивым соглашениям. Нельзя согласиться с утверждением, будто в 1398 г. «за московским правительством остался ряд новгородских волостей: Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологда».¹⁰² Земли эти продолжали оставаться спорными.

⁹⁵ Н I Л, стр. 392; Устюж. л., стр. 66—67.

⁹⁶ Н I Л, стр. 394.

⁹⁷ Там же, стр. 397.

⁹⁸ Н IV Л, стр. 390.

⁹⁹ Н I Л, стр. 397.

¹⁰⁰ Последняя мысль отмечена Пресняковым (Пресняков. Образование, стр. 344).

¹⁰¹ «Князь же великий... дал ему (Юрию, — В. Б.) пол-Торжку, а другую половину князю Семену Вяземскому» (Устюж. л., стр. 69).

¹⁰² Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II, стр. 242.

Только в 1435 г., уже в княжение Василия II, новгородцы договорились было с великим князем о спорных землях: «Той же зиме князь великий Василий Васильевич человаше крест к новгородчюм, а новгородцы к князю великому человаша крест отступиться князю великому новгородчюй отцины, Бежичкаго Верха и на Ламьском Волоке и на Вологде; а новгородчкым бояром отступиться князьщин где ни есть». На следующий год к Петрову дню согласно договоренности для общего размежевания границ новгородцы направили бояр и житых людей, одних — на Бежецкий Верх, других — на Волок Ламский, третьих — на Вологду. Но великий князь не прислал своих бояр, и «отвод земли» не состоялся. («Князь великой своих бояр не посла, ни отцины новгородчюй нигде же новгородчюм не отведе, ни исправы не учини»)¹⁰⁴ Не было учинено «исправы» и позднее. Южные новгородские волости оставались предметом нескончаемых споров вплоть до 70-х годов XV в.

V

Еще более важным предметом постоянных столкновений между Новгородом и Москвой в эти годы являлась богатейшая новгородская колония — «Двинская земля». Начало конфликтов между Новгородом и Низом из-за Заволочья, как известно, относится к далекому прошлому: данщики новгородские сталкивались здесь с отрядами суздальских князей еще в XII в. Новгород брал верх, но выбить низовских князей вовсе из Заволочья было трудной задачей, ибо с Низу непрерывно шла колонизация Подвинья через Устюг, старую Ростовскую колонию. Только к концу XIV в. московские князья, утвердившись в Белозерье, получили новую базу для наступления на Заволочье. С этого времени борьба приняла исключительно напряженный характер. В правление Василия I московское наступление на Заволочье шло непрерывно, менялись только его формы и силы, которые пытался использовать великий князь. Вторжение в глубь Двинской земли чередовалось с упорной борьбой за ключевую позицию для наступления с юга на Заволочье (Устюг). Со своей стороны новгородцы напрягали все силы для отпора великому князю и упрочения своего положения в Заволочье.

Уже в войне 1393 г. новгородцы, как сказано выше, с двинянами двинулись на Устюг, взяли его и пожгли.¹⁰⁵ В войне 1397—1398 гг. вопрос о Заволочье занял основное место. Войну 1397—1398 гг. можно с полным основанием назвать первой большой войной за Двинскую землю между Новгородом и Москвой. Насколько большое значение придавали этой войне в Новгороде, можно судить по чрезвычайно подробному рассказу Новгородской первой летописи, столь необычному для новгородского летописца, скупого на слова при описании военных предприятий новгородцев. Подробно описанная картина сборов в поход весною 1398 г. ясно говорит о стремлении летописи представить борьбу с Москвой как общеновгородское дело. Новгородцы даже провели общую присягу, к чему они прибегали в самых важных для Господина Великого Новгорода случаях: «Новгородцы же целоваша крест за один», — отмечает лето-

¹⁰³ Н I Л, стр. 418.

¹⁰⁴ Там же. В Лет. Авр. конец записи несколько изменен: «... ни вотчине новгородчюй новгородчюм нигд же не отведе. ни своей не очисти» (Лет. Авр., стлб. 180; см. также: Никон, л (ПСРЛ, XII), стр. 22).

¹⁰⁵ Н I Л, стр. 386; Н IV Л, стр. 374; см. также: Типогр. л. и Симеон, л.

пись.¹⁰⁶ На вече за благословением к владыке обратились «и бояри, и дети боярьскыи, и житийи люди, и купечкыи дети, и вси их вой».¹⁰⁷ Все, по словам летописи, были охвачены готовностью постоять за святую Софию: «Или паки изнайдем совою отчину к святей Софеи и к великому Новгороду, паки ли свои головы положим за святую Софею и за своего Господина за Великий Новъгород». Летопись резко клеймит насилие великого князя и измену «крестопреступников» двинских воевод. От рассказа летописи о походе 1398 г. веет духом героического прошлого Новгорода, временами Мстислава Удалого и Липицы. «Лучши, братие, нам изомрети за святую Софею, нежели в обиде быти от своего князя великого»,¹⁰⁸ — восклицают во время трудного и опасного похода новгородские воеводы. Военные действия новгородцев, по рассказу летописи, были решительны и стремительны. Во время похода воеводы, обнаружив инициативу, изменили первоначальный план действий: вместо того чтобы идти прямо на Орлец, они, выяснив силы противников, ударили сначала по белозерским, кубенским и вологодским землям, а затем подступили к Устюгу. Около Устюга новгородская рать задержалась: «Стояша на Устюге 4 недели».¹⁰⁹ И только из Устюга, прервав, таким образом, связь между Низом и Подвишьем, воеводы двинулись к центру Двинской земли, к городку Орлецу. Подступив к Орлецу, новгородцы осадили его, «поставиша пороки и обступиша городок».¹¹⁰ После четырехнедельной осады Орлец был взят, и этим борьба за Двинскую землю в 1398 г. была завершена. Новгород вышел из нее победителем. Начались расправы со сторонниками Москвы.

Победа досталась Новгороду сравнительно легко. Потери новгородцев были столь ничтожны, что это дало возможность летописцу после описания взятия Орлеца возблагодарить милосердие божье: «Оле божие милосердие! — восклицает он, — селко прошед Русской земли, и у сель тольста городка не бысть пакости в людех! Токмо с городка, одного человека убиша дичького (?) Левушку Федорова посадника».¹¹¹ При описании возвращения новгородцев летописец не преминул вновь вернуться к этой теме: «Той же зиме прихаша из Заволочья воеводы новгородскыи в Новъгород: посадник Тимофей, посадник Юрьи, Василий, и бояре, и дети боярьскыи, и вси вой добры и здравы; и ради быша новгородци своей братьи».¹¹² Объяснение столь быстрой и легкой победы новгородцев нужно искать в отсутствии на Двине сколько-нибудь значительных московских сил. Новгородским воеводам на Двине не пришлось иметь дело с московской ратью. Великий князь в 1397—1398 гг. пробовал загребать на Двине жар чужими руками, руками двинских бояр.

Москва все же не отступилась от борьбы за Подвишь и после неудачи 1397—1398 гг. Не располагая собственными силами для прямого натиска на Двину, великий князь использовал для продолжения борьбы все силы, враждебные Новгороду: и участников двинского восстания, и устюжских князей, и недовольных новгородских бояр. Характерно в этом отношении сообщение Новгородской четвертой летописи под 1399 г. о крупном столкновении возле Устюга. Новгородцу Якову Прокофому

¹⁰⁶ Н I Л, стр. 391; Н IV Л, стр. 382.

¹⁰⁷ Н I Л, стр. 391.

¹⁰⁸ Там же, стр. 392.

¹⁰⁹ Там же. По Устюж. л. «стояша под городом три недели» (стр. 66).

¹¹⁰ Н I Л, стр. 392.

¹¹¹ Там же, стр. 393; Н IV Л, стр. 383 — Левона Скудичкого.

¹¹² Н I Л, стр. 393.

было поручено с отрядом в 700 человек добить Анфала (одного из руководителей двинского восстания, спасшегося бегством от казни). Анфал попытался укрыться в Устюге, где сидел князь Юрий Андреевич.¹¹³ Яков потребовал от Юрия и горожан, чтобы они отказали Анфалу в поддержке. Устюжане было уступили. Летопись так излагает ход переговоров между Яковом и устюжанами: «Рече Яков князю и гражанам: „Стоите ли за беглеца новгородского за Анфала?“ И князь с Устюжаны рече: „Мы

за него не стоим, ни пособляем по нем, по великого князя целованию».

Но когда между Анфалом и Яковом началась битва, к Анфалу подошли на помощь устюжане «с своими князи». Всего у Анфала собралось, по словам летописи, около 2000 чел. В битве у Сухоны (у порога Стрельного) Яков все же одержал победу: «... убиша устюжаньцев и Анфаиловых 400 человек, а инии в реце истопоша».¹¹⁵ Сам Анфал спасся и продолжал еще долгое время доставлять большое беспокойство новгородцам.

В эпизоде 1399 г. под Устюгом (почему-то выпавшем из Новгородской первой летописи) естественно вызывает большой интерес вопрос об устюжских князьях. Надо думать, речь идет здесь не о Юрии Ростовском, а о местных князьях, пришедших со своими отрядами, чтобы помешать новгородцам утвердиться в Устюге. Столкновение 1399 г. не привело к войне между великим князем и Новгородом. Но летом 1401 г. при содействии того же Анфала рать великого князя без объявления войны («на крестном целовании») вступила в Двинскую землю.¹¹⁶ Поход сопровождался кровавыми расправами (вероятно, подсказанными озлобленным «эмигрантом» Анфалом). «Крестниан повешале, — отмечает летопись, — а иных посекле, а животы их и товар поимале».¹¹⁷ Анфалу удалось захватить посадников двинских и боярина Андрея Ивановича.¹¹⁸

Но в битве под Холмогорами новгородцы нанесли поражение Анфалу и отбили пленников. Анфал не прекратил борьбы и после этого поражения. Базой для его операций стала, однако, теперь Вятка, где у него нередко возникали столкновения с болгарами, упомянутые выше. В Новгороде внимательно следили за действиями Анфала, и, узнав о поражении его в 1409 г. в борьбе с болгарами, летописец поторопился похоронить Анфала («Ходи Анфал на Болгары и тамо убиша»).¹¹⁹ Но известие о смерти Анфала оказалось ошибочным; он еще раз напомнил о себе новгородцам в связи с новой (третьей) войной Василия I за двинские земли в 1417 г. Этот раз нападение было подготовлено на Вятке. Собрав на Вятке значительные силы, Глеб Семенович, боярин князя Юрия Дмитриевича (брата Василия I), вместе с новгородскими беглецами (Жадовским и Рассохиным), а также с устюжанами и вятчанами на насадах внезапно («без вести») вступили в Заволоцкую землю.¹²⁰ Вторгшейся рати удалось завладеть рядом крупных центров Подвинья (Борок, Емца, Холмогоры), но и на этот раз новгородцы отбили нападение. Новгородские бояре, и среди них Исаак Андреевич (Борецкий), отбили всю добычу

¹¹³ Вероятно, сын ростовского князя Андрея Федоровича (Экземплярский. Великие и удельные князья, стр. 46).

¹¹⁴ Н IV Л. стр. 382.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ В Н IV Л запись этого года так и начинается словами возмущения: «На миру, на крестном целовании князя великого повелением» (стр. 390).

¹¹⁷ Н I Л, стр. 396.

¹¹⁸ Видного новгородского боярина (отца Исаака Борецкого?). Его имя названо раньше двинских посадников.

¹¹⁹ Н IV Л, стр. 407.

¹²⁰ Симеон, л., стр. 163; Типогр. л., стр. 178.

у врагов. Затем, выгнав их из Двинской земли, новгородцы с заволочанами подступили к Устюгу и пограбили его («Идоша за розбойники в погоню и пограбиша Устюг»).¹²¹ Поход 1417 г. носил характер набега вольницы. Новгородцы так к нему и отнеслись и не порвали отношений с Василием I, сами расправившись с «разбойниками». Вскоре после этого похода пришла весть о гибели на Вятке Анфала. На этот раз она оказалась верной: Анфал был убит одним из руководителей похода 1417 г. — Михаилом Рассохиним («Того лета убиен бысть на Вятке Анфал и сын его Нестер от Михаила Рассохина»).¹²² После похода 1417 г. в борьбе за Двину наступает некоторый перерыв. Только в год смерти Василия I опять произошло столкновение между новгородцами и Устюгом. По словам новгородских летописей, начали его устюжане, воевавшие Заволочье, а новгородцы в ответ на это ходили ратью к Устюгу. Поход¹²³ новгородцев был удачен: они взяли с Устюга большой «окуп» мехами.

Подводя итоги тридцатилетней борьбе за Двинскую землю при Василии I, можно утверждать, что ни той, ни другой стороне не удалось добиться в ней решающих успехов. Все покушения великого князя на Двинскую землю (в 1398, 1401, 1417 гг.) были отражены новгородцами. Но и новгородцам не удалось завладеть Устюгом: «Аванпост московской экспансии на север и северо-восток», как называет Устюг К. Н. Сербина,¹²⁴ устоял.

VI

В борьбе между Новгородом и великим князем за пятидесятилетие после Куликовской битвы, кроме вопросов о рубежах и землях, не могли не вставать и вставали вопросы о власти, о пересмотре той «старины», которая нашла письменное выражение в новгородских договорах с князьями XIII—XIV вв. Незадолго до Куликовской битвы весной 1380 г. («...за неделю цветной недели») большое новгородское посольство во главе с владыкой Алексеем побывало у великого князя, и князь, милостиво принявший послов, целовал крест Новгороду — «на всей старине новгородчккой и на старых грамотах».¹²⁵ Но не прошло четырех лет, как в Новгороде произошло столкновение с московскими боярами, приехавшими собирать по новгородским волостям «черный бор», что никак не отвечало новгородской «старине».

Чрезвычайный сбор 1384 г. был вызван требованием Тохтамыша об уплате «выхода». Вся страна была обложена тяжелой единовременной данью («...по всему княженью великому, всякому без отдатка»): с каждой деревни брали по полтине, а с Новгорода взяли «черный бор».¹²⁶ Сбор в Новгородской земле проводили московские бояре («бояре Феодор Свибло, Иван Уда и Олександр Балевуть» и их «чадь»). Новгородские бояре стали тягаться с московскими из-за обид, которые чинили сборщики. Надо полагать, что эта тяжба (она велась на Городище у кня-

¹²¹ Н I Л, стр. 407—408.

¹²² Н IV Л, стр. 424.

¹²³ По явно ошибочному тексту Н I Л, (стр. 415) «50 белке и 6 сороков соболей»; по Н IV Л «8000 белки да 6 сорока соболей» (стр. 432), или «8000 белки и 6000 сороков соболей» (стр. 606). По некоторым спискам Н IV Л даже «50000 белке» (стр. 432).

¹²⁴ К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. Исторические записки, т. 20, 1946, стр. 270.

¹²⁵ Н I Л, стр. 376.

¹²⁶ Симеон, л., стр. 135; Ермол. л., стр. 130.

жеского наместника) приняла весьма бурный характер, ибо «Свиблова чадь» вынуждена была бежать в Москву («... побегоша с Городища на Москву Свиблова чадь»).¹²⁷ Правда, часть сборщиков осталась «добирать» «черный бор», но сбор прошел негладко. Столкновение из-за «черного бора» было одной из причин похода великого князя зимой 1386—1387 гг. Рядом с «черным бором» как предмет спора выступали не вполне ясные «княжщины».¹²⁸ О «княжщинах», как о причинах гнева великого князя, наряду с набегами ушкуйников, прямо упоминают различные летописи. Так, по Софийской первой летописи великий князь «держал гнев» и «нелюбие велико про волжан, что взяли розбоем город Кострому и Новгород Нижний, и про княжщины».¹²⁹ Поэтому и во время переговоров в Ямках среди «винных людей», за которых Новгород должен был платить великому князю, назывались не только «волжаны, кто в путь ходил», но и те, «за ким княжчины залегли».¹³⁰ Встал вопрос и о «черном боре», и по заключении мира великий князь оставил в Новгороде «черноборцев».

По указаниям некоторых летописей «старина» новгородская была нарушена еще в одном отношении: для сбора тех 5000 руб., уплата которых был возложена на заволочан, в Заволочье были направлены великокняжеские пристава. Так, в Софийской первой летописи (список Царского), рассказ о походе Дмитрия на Новгород завершается словами: «И поиде князь великий к Москве, а наместники свои посажал на Новгороде, а черноборцы оставив и приставов в Заволочье послал».¹³¹ Нам все же не представляется возможным говорить о посылке в Заволочье великокняжеских приставов, ибо имеются совершенно определенные указания о посылке для сбора серебра новгородцев с перечнем имен тех новгородских бояр, которым было поручено взыскание с Заволочья («И приставы послаша на Волок сей же зимы в великое говение, посадника Феодора Тимофеевича, Тимофея Юрьевича, сына посадника, Юрья Дмитревича и иных детей боярских и младших людей брати то сребро»)¹³² Следовательно, в Заволочье был послан значительный военный отряд из новгородских боярских детей и «младших» людей для взыскания «серебра», т. е. новгородцы прибегли к мере обычной во взаимоотношениях между Новгородом и его волостями.

Но если в этом отношении «старина» не была нарушена, то все же мир в Ямках значительно укрепил положение великого князя в Новгороде. Один из усердных исследователей новгородской истории XIV—XV вв. (М. И. Помяловский) готов был даже принять 1386 год за

¹²⁷ Н IV Л, стр. 341.

¹²⁸ Костомаров определял «княжщины» как «княжеские статьи дохода» (Костомаров. Северно-русские народоправства, т. II, стр. 92). Несмотря на неточность этого определения, трудно дать лучшее. В Супрасльском списке вместо «княжщины» читаем «гарины княжий» («И побил челом владыка Алексей со Новгородци и взял 8000 рублей, и черный бор, и вси старины княжий» — Зап.-русс. лет., стлб. 44).

¹²⁹ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 241. В Н IV Л та же мысль: «Дръжа гнев на Но вгород про Волжан и про «няжщины» (стр. 345). См.: Пресняков. Образование, стр. 329.

¹³⁰ Н IV Л, стр. 347.

¹³¹ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 240.

¹³² Н IV Л, стр. 347; см. Тикже: Н I Л, стр. 380. Впрочем, не исключена возможность посылки с новгородскими посадниками и московских боярских людей. Эту версию находим в Устюж. л.: «... Наместники СЕОЯ оставил (князь великий Дмитрий Иванович, — В. Б.) и черноборцы, а в Заволочье посадников Фе дора Тимофеевича да Тимофея Юрьева и своих детей боярских брать 5000 рублей, что заволочяне ходили же — с Прокошем» (стр. 63).

«поворотный пункт в истории Новгорода».¹³³ Великий князь уехал в Москву, но остались его наместники и «черноборцы».

Однако не следует переоценивать историческое значение мира в Ямнах. Этот мир далеко еще не был началом конца новгородской самостоятельности. Чрезвычайно характерно, что Новгородская первая летопись, всего точнее отражающая политическую линию правящей новгородской верхушки, с поразительным упорством молчит и о «черном боре» и о «княжщинах». Под 6892 г. в Новгородской первой летописи нет вовсе упоминания о приезде московских бояр для сбора «черного бора». Трудно считать это умолчание случайным. Еще более решительно выступает это нежелание говорить «о черном боре» и о «княжщинах» в рассказе о зимнем походе 1386 г., его причинах и условиях мира в Ямнах. Сопоставим некоторые формулировки Новгородской первой летописи с Новгородской

четвертой летописью:

Новгородская первая летопись

«Держа гнев про волжан... а за виновный люди, за волжан, взя князь великий у Новаграда 8000 рублей».¹³⁵

Новгородская четвертая летопись

«Держа гнев на Новъгород про волжан и про княжчины... А за виновныя люди, за Волжаны, кто в путь ходил и за ким княжьчины залегл, новгородцы... даша князю».¹³⁶

Таким образом, и в вопросе о причинах гнева великого князя и в рассказе об условиях мира в Ямнах, Новгородская первая летопись молчит о «княжщинах». Конечно, в Новгородской первой летописи нет упоминания и о «черноборцах», которых великий князь прислал в Новгород после мира. Летописец как бы не замечает «черноборцев», потому что он не хочет мириться с таким нарушением новгородской «старины». Он молчит и о приезде великокняжеских наместников. Все эти умолчания летописца являются чрезвычайно красноречивыми. И там, где новгородский летописец не молчит, а говорит, он всюду подчеркивает полную независимость Новгорода. По рассказу Новгородской первой летописи новгородцы не «бьют челом» великому князю о мире, не обращаются к нему с «поклоном», как об этом говорит Софийская первая летопись и Новгородская четвертая летопись.¹³⁷ Новгородская первая летопись ограничивается по вопросу о мире краткой записью: «... ездил владыка Алексей и доконца мир на всей старине».¹³⁸ Как далека эта формулировка от рассказа Симеоновской летописи, где яснее всего выступает московская оценка переговоров и мира в Ямнах: «Граждане же с владыкою, вышедше из города и добиша челом князю великому 8000 рублей. Князь великий взял мир с ними и возвратися на Москву и всю свою взял волю».¹³⁹ И в умолчании Новгородской первой летописи и в ее формулировках, характеризующих отношения с великим князем, чувствуется глубокая уверенность в том, что вынужденные уступки великому князю со стороны Новгорода являются столь кратковременными, что можно их не замечать.

¹³³ М. И. Помяловский. Из области новгородского летописания. Записки Русского археологического общества, т. XII, кн. 5, СПб., 1901, стр. 55.

¹³⁴ Последняя в этом рассказе близка к Соф. I л.

¹³⁵ Н I Л, стр. 380.

¹³⁶ Н IV Л, стр. 345-347.

¹³⁷ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 241; Н IV Л, стр. 345.

¹³⁸ Н I Л, стр. 380

¹³⁹ Симеон, л., стр. 136.

И действительно, мир в Ямнах отнюдь не стал, вопреки приведенному мнению Помяловского, поворотной вехой в истории отношений Новгорода к великому князю. Используя временное ослабление Москвы при Василии I и противоречия между Литвой и Москвой, Новгород постепенно свел «на нет» уступки, сделанные в 1386 г.

После вступления на престол Василия I новгородцы снарядили к нему посольство, которое заключило с великим князем мир «по старине». Князь прислал своего наместника Остафия Сыпу (Новгородская первая летопись, по свойственной ей манере, о присылке наместника не сообщает)¹⁴⁰. Мир между Новгородом и великим князем держался до 1393 г. Во время конфликта 1393 г. опять выдвинулся вопрос о «черном боре», и «княжщинах» (и, конечно, Новгородская первая летопись опять прошла мимо него, как бы не замечая!). В Новгородской четвертой летописи, после сообщения о dokonчании в 1393 г. мира «по старине», следует очень важное сообщение (отсутствующее в Новгородской первой летописи) о приезде московских бояр в Новгород для «черного бора». Совпадая в основном с сообщениями софийских летописей, оно включает некоторые дополнительные указания, опирающиеся, надо полагать, на новгородские источники. Стоит сопоставить эти летописные известия, взаимно подкрепляющие одно другое:

Софийские первая и вторая летописи

«А от великого князя приехали послы, Федор Кошка, Иван Уда, Селиван и покрепиша мир с новгородци. Новгородци же даша великому князю черной бор по всем новгородским волостем, митрополичю(у) же послу дали Дмитрею полъчетверта ста рублев, что митрополит благословил владыку Ивана и весь Новьгород».¹⁴¹

Новгородская четвертая летопись

«Тогда же приехаше послы от князя Василья с Москвы Федор Кошка Ондреевич и Оуда и Селиван и покрепиша мир с Новгородци; и Новгород даша князю черной бор брати по своим волостем, а полъчетверта ста рублей даша князю и митрополиту, что благослови владыку Ивана и весь Новьгород, аза ким княжщины, а те целовали к великому князю княжщии им не таити, а то целование было в Филипово говен и е».¹⁴²

Если рассказ Софийской летописи своим указанием на имя «митрополита посла» как бы ведет во двор митрополита (Киприана), то упоминание о «княжщинах» и о целовании в Филипово говение идет от пострадавших новгородцев. Но оба рассказа приводят к выводу, что мир 1393 г. закреплял условия соглашения в Ямнах.

Однако активизация политики Витовта и соглашение его с Василием, повлекшие к новому столкновению с Новгородом, не только не привели к дальнейшему укреплению власти великого князя в Новгороде, но расшатывали его влияние. Когда в 1397 г. новгородское посольство, возглавленное владыкой и посадником Богданом Обакуновичем, вело переговоры с великим князем, новгородцы называли себя «вольными мужами» и не обнаруживали никакой готовности идти на уступки ни в вопросе о земельных владениях, ни в вопросе о власти. Новгородцы отказались даже от организации совместного суда на рубежах с ссылкой на то, что это противоречило бы «старине» («А про обьпей суд на порубежьи, а то, сыну отложил бы еси: занеже, господине князь великий, то не ста-

¹⁴⁰ Ср.: Н I л. стр. 388; Н IV л. стр. 368.

¹⁴¹ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 246; Соф. II л. стр. 123.

¹⁴² Н IV л., стр. 374.

рина»¹⁴³. Победа новгородцев в 1398 г. на долгое время приостановила рост великокняжеских притязаний. Мир 1398 г. был заключен «по старине» и в летописных сообщениях об этом мире нет нигде упоминаний ни о «княжшинах», ни о «черном боре». Каково было положение после мира 1398 г. в Новгороде великокняжеских наместников, точно установить трудно. Изредка в Новгороде появлялись братья великого князя (так, в 1406 г. князь Петр пробыл в Новгороде 10 дней), но только в одном случае (в 1408 г.) брат великого князя определенно назван наместником («Прииха в Новгород князь Константин Дмитриевич от брата своего от великого князя Василья на наместничество»¹⁴⁴). Обычно же речь идет лишь о кратковременном посещении Новгорода братьями Василия I. Среди новгородских князей в эти годы часто можно встретить не только не ставленников великого князя, но его прямых врагов (напомним о вышеназванном Константине Белозерском). Интересен в этом отношении третий приезд Константина Дмитриевича (25 февраля 1420 г.)¹⁴⁵. Перед этим у князя Константина произошло крупное столкновение со старшим братом, великим князем Василием: «Князь Василий возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и бояр его пойма, и села и животы их отъима»¹⁴⁶. И несмотря на это, а скорее именно благодаря этому, новгородцы приняли князя Константина «с честью», дали ему пригороды в «кормление» и даже «бор» по всей Новгородской земле. Новгородская первая летопись пишет о приезде Константина как о крупном событии, даже усматривая в нем «милость божию»: «Милостью божиею и архиепископа Семеона благословением прияха новгородци в честь, месяца февраля в 25, на сбор великий и подаваша ему пригороды, кои были за Лугвенем, и бор по всей волости новгородской, коробейшину»¹⁴⁷. Почести и дары, которыми новгородцы щедро осыпали князя Константина, были явным вызовом со стороны Новгорода великому князю, с которым в то время у Новгорода не было никакого «размирья». Но великий князь не пошел на конфликт с Новгородом. Читатель летописи не без некоторого изумления узнает, что в следующем году в переговорах на Нарове новгородское посольство было возглавлено наместником великого князя Федором Патрикеевичем, а в составе посольства, кроме посадников и бояр новгородских, был и боярин князя Константина («И послаша наместника князя великого князя Феодора Патрикеевича, князя боярина Константинова Андрея Константиновича, посадника Василиа Есиповича»¹⁴⁸). Князь Константин, обиженный братом и лишенный им земельных владений, таким образом, уживался в Новгороде с наместником великого князя. Больше того, он посылал великокняжеского наместника на переговоры с немцами, выступая в роли главы новгородского правительства. И сообщение об отъезде его из Новгорода в 1421 г. закрепляет представление о князе Константине как чтимом и любимом

¹⁴³ Н I Л, стр. 390.

¹⁴⁴ Там же, стр. 400.

¹⁴⁵ Константин Дмитриевич, младший сын Дмитрия Донского (1389—1433 гг.) с юношеских лет (>с 1407 г.) принимал деятельное участие в делах Пскова и Новгорода. В Новгороде он был в качестве наместника великого князя в 1408 « в 1413 гг. Биографию князя Константина Дмитриевича см.: Экземплярский. Великие и Удельные князья, стр. 135—141.

¹⁴⁶ Н I Л, стр. 412; см. также: Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 261.

¹⁴⁷ Н I Л, стр. 412.

¹⁴⁸ Н IV Л, стр. 427. Еще более выразительно в Соф. II л.: «И посла князь Костянтин в Немци великого князя наместника князя Федора Патрѣкеевича и своего боярина Андрея Костянтинова и посадников новгородских» (стр. 141).

правителе Новгородской земле: «Тзыихал князь Костянтин из Великого Новагорода, а владыка Семеон, и посадники, и тысячный, и бояре новгородчкы одарив и проводиша его с честью».¹⁴⁹ (В истории Новгорода не так-то часто встречается, чтобы князя не только принимали, но и провожали с честью).

Трудно найти точные государственно-правовые термины, чтобы формулировать те запутанные отношения, какие существовали в это время между Новгородом и великим князем, но реальное политическое содержание их представляется ясным: Господин Великий Новгород охранял свою политическую самостоятельность, не порывая в то же время связей с главным политическим центром Великороссии. По-прежнему он не мог жить ни без великого князя (и его наместников), ни с великим князем.

VII

Весьма видное место во взаимоотношениях между Новгородом и Москвой в это пятидесятилетие занимал и церковный вопрос. Политический смысл столкновений по вопросу о взаимоотношениях между новгородским владыкой и митрополитом был вполне ясен и для старых исследователей новгородской истории. «Зависеть от митрополита, значило зависеть от Москвы», — писал С. М. Соловьев.¹⁵⁰ Нетрудно убедиться в том, что политические столкновения между Новгородом и великим князем, как правило, сопровождались и осложнялись спорами из-за пределов самостоятельности новгородского владыки.

За рассматриваемое пятидесятилетие церковные вопросы всего острее выдвинулись в конце XIV в. «Соблазн» в московской митрополии после смерти Алексея («двенадцатилетние замешательства на кафедре митрополии», — говоря словами Голубинского) позволил новгородцам добиться в начале конфликта серьезных успехов. Напомним кратко о ходе событий.¹⁵¹ После смерти митрополита Алексея, с 1378 до 1390 г., на московской митрополии, которую еще при жизни Алексея усердно стремился занять болгарин Киприан, один за другим пять раз сменялись ставленники великого князя и патриарха (Михаил-Митяй — 1378—1379 гг.; Киприан — 1381—1382 гг.; Пимен — 1382—1385 и 1388—1389 гг.; Дионисий — 1384—1385 гг.).¹⁵² В самый разгар борьбы за митрополичью кафедру между Пименом, Дионисием и Киприаном, в 1385 г., новгородцы на вече торжественно приняли решение «не зватися к митрополиту», т. е. признали суд новгородского владыки высшей инстанцией.¹⁵³ Содержание этого постановления несколько дополняется записью в Софийской первой летописи: «Новгородци митрополиту не дали месяца судити в Новгороде».¹⁵⁴ Таким образом, решением вече не только прекращались апелляции к митрополиту в Москву на владычный суд, но митрополит терял право суда во время своих приездов в Новгород. Наконец, как это явствует из заявлений новгородских послов в Константинополе, переданных в послании патриарха, речь шла и о том, чтобы владыка не «ходил» к митро-

¹⁴⁹ Н I Л, стр. 413.

¹⁵⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. СПб., стр. 1015.

¹⁵¹ Подробное изложение событий см.: Никитский. Очерк истории церкви;

Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. М., 1900.

¹⁵² Там же, стр. 226—260.

¹⁵³ «Не зватися к митрополиту, судити владыке Алексею в правду по манакануну»

(Н IУ Л, стр. 342).

¹⁵⁴ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 239.

политу («...не хотим судиться у митрополита ни того, чтобы когда он позовет к себе нашего епископа, епископ ходил к нему»)¹⁵⁵. Помимо политического значения, это решение освобождало Новгород от уплаты митрополиту судебных пошлин. Если учесть, что в эти годы бояре Донского усиленно собирали в Новгороде «черный бор»,¹⁵⁶ понятными становятся те материальные соображения, которые оказывали действие на поведение новгородцев.

Во время переговоров в Ямках церковный вопрос не был поставлен, ибо церковная смута в Москве все еще продолжалась. Только в 1390 г. уже при Василии I, после того как Киприан, наконец, прочно занял митрополичью кафедру, митрополит совместно с великим князем приняли энергичные меры, для того чтобы восстановить зависимость Новгорода в церковном отношении. Однако митрополит натолкнулся в Новгороде на решительный отказ. Когда в феврале 1392 г. Киприан приехал в Новгород, новгородцы, правда, встретили его с честью и с дарами («...прияша собе в сердце»), «владыка Иван створи пиры многи»,¹⁵⁷ но добрые отношения были прерваны, как только митрополит после двухнедельного пребывания заговорил о возвращении ему права на суд. Рассказ Новгородской первой летописи краткий, но чрезвычайно выразительный свидетельствует о твердости новгородских властей в этом вопросе. «И быти в Новгороде 2 недели, — пишет летописец, — много говоряше Новгороду, чтобы грамота подрати, что новгородци поконцале к митрополиту не зватися. И Новгород слова его не прияше, а грамоте не подраша».¹⁵⁸ Более подробный, хотя и менее резкий, рассказ об этом столкновении, который находим в Новгородской четвертой летописи, содержит некоторые ценные дополнения к рассказу Новгородской первой летописи. После подробного описания торжественной встречи Киприана и его двухнедельного пребывания в Новгороде, летописец так излагает столкновение Новгорода с Киприаном: «И потом нача (Киприан) у Новгорода суда просить. И посадник Тимофей Юрьевич и тысячкой Микита Федорович и вси новгородци отвещаша едиными усты: „Господине! о суду есме крест целовали и грамоту списали промежь себя крестную, что к митрополиту не зватися“».¹⁵⁹ Митрополит охотно соглашался простить новгородцам их «большой грех» и снять с них клятву («Грех большей приняли есте, но дайте мне грамоту, яз печать урву, а целование с вас снимаю, а мне суд дайте»)¹⁶⁰. Но новгородцы не поддались на эти увещания («Наши же за то слово не нялися»). Как видим, и этот вариант рассказа подчеркивает единомыслие и стойкость новгородцев. Единомыслие новгородцев подчеркивает и Софийская первая летопись (список Царского).¹⁶¹ Московские летописцы, возмущенные поведением непокорных новгородцев, также свидетельствуют о единодушном отпоре, какой встретил Киприан в Новгороде. Когда с амвона Софийского собора Киприан начал поучать новгородцев, те заткнули уши («...они же заткоша уши свои, еже бы не слышали»), — и вместо благоговейно внимающей паствы перед митро-

¹⁵⁵ Е. Е. Голубяский, ук. соч., стр. 307.

¹⁵⁶ См. выше, стр. 221—224.

¹⁵⁷ Н IV Л, стр. 371.

¹⁵⁸ Н I Л, стр. 385.

¹⁵⁹ Н IV Л, стр. 371.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ «И нача митрополит просити у Новгорода суда, своего месяца; и новгородци отвещаша едиными усты: „Целовали есмя крест с одного а грамоты пописали и попечатали, и душу запечатали“» (Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 245).

политом оказались «аспиды глухие».¹⁶² Отлучив новгородцев от церкви, Киприан обратился за поддержкой и к духовной и к светской власти, т. е. к константинопольскому патриарху и великому князю. Новгородцы со своей стороны отправили послов в Константинополь («Того же лета посылаша новгородци в Царьград послы к патриарху Антонию о благословении, Кюра Созонова и Василья Щечкина»)¹⁶³. В Константинополе новгородцы потерпели поражение. Патриарх предложил им подчиниться митрополиту. («И он им тако рече: „Повинуйтесь митрополиту рускому“»)¹⁶⁴. Но они продолжали сопротивляться. В Константинополе новгородские послы дошли до угрозы порвать с православною церковью, заявив о своей готовности даже перейти в латинство, если их просьба не будет удовлетворена.¹⁶⁵ О том, что новгородцы не подчинились грамоте патриарха, ясно из дальнейшего хода событий.

Великий князь, у которого к тому времени назрел конфликт с новгородцами,¹⁶⁶ к требованиям «черного бора» и «княжщин» присоединил теперь и требование отмены «крестной грамоты» о митрополичьем суде («... чтобы есте к митрополиту грамоту есте отосладе; а что есте целовале, а ть грех с вас митрополит снимает»)¹⁶⁷. Новгородцы, однако, отказали и великому князю («Великий Новгород того не похотел»)¹⁶⁸. Началась война. И только после кровопролитных боев за Торжок, Волок, Вологду, Устюг и Белозеро, новгородцы пошли на мир и с великим князем и с митрополитом. В качестве посредника, согласно рассказу Устюжской летописи, выступил ростовский архиепископ Федор.¹⁶⁹ Новгородцы отослали митрополиту «целовальную грамоту», и он «благословил» владыку Ивана и весь Новгород. Но и этим соглашением не была внесена полная ясность в вопрос о пределах власти митрополита над Новгородом. Когда через год (в 1395 г.) Киприан с патриаршим послом приехал в Новгород и «запросил» суда, новгородцы ему отказали («... суда ему ке даша»)¹⁷⁰. Киприан на этот раз уступил,¹⁷¹ и вместо того, чтобы отлучить новгородцев от церкви, пробыл в Новгороде всю весну, а при отъезде¹⁷² «благословил сына своего владыку Иоанна и весь великий Новгород». В следующем (1396) году владыка ездил в Москву и* принят был там с честью.

Таким образом, десятилетний конфликт был ликвидирован: между владыкой и митрополитом были восстановлены в основном прежние отношения, примерно такие же, как у Новгорода с великим князем. По рывать с митрополитом вся Русь до конца новгородцы отнюдь не хотели, ибо они не могли порвать с Русью.

Дальнейшие столкновения между Новгородом и Василием I не сопровождались значительными конфликтами в церковной области. Некоторого

¹⁶² Симеон, л., стр. 151; см. также: Тверск. л., стлб. 446.

¹⁶³ Н IV Л, стр. 372.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ См.: Никитский. Очерк истории церкви, стр. 113—114.

¹⁶⁶ См. выше, стр. 224.

¹⁶⁷ Н I Л, стр. 385—386.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Н I Л, стр. 387.

¹⁷¹ О причинах уступчивости Киприана можно только гадать. Голубинский выдвигает предположение, что Василий I был в это время обеспокоен приближением войск Тимура, и Киприан не мог рассчитывать на поддержку великого князя при столкновении с Новгородом.

¹⁷² Там же, стр. 387.

руководителей новгородской политики того времени. Это утверждение подкрепляется и сообщением Софийской первой летописи (списка Царского) о том, что владыка приехал не только к митрополиту, но и к великому князю. Чрезвычайно важно также указание, что задержан владыка Иван был по приказу великого князя. Наконец, эти сообщения вносят полную ясность и в вопрос о характере задержания владыки. Если новгородское летописание говорит о том, что митрополит принял владыку, то Софийские и Троицкая называют вещи своими именами («велел поимати», «сидел в нятии», «был во изнимании»), и даже указывают место заточения новгородского владыки.

Позднейшее московское летописание (Никоновская летопись) пыталось выгородить великого князя и объяснить задержание владыки Ивана «святительскими делами» и указывало даже на созыв собора, на котором новгородский архиепископ был осужден и принужден отказаться от епископии. Устюжская летопись сводит «святительские дела» к вопросу о месячном суде («Киприан митрополит по великого князя слову владыку поймал, да посадил за сторожи в Чюдовском монастыре за мисячной суд, что не дали»)¹⁸⁰. Однако нет никакого сомнения в том, что в версии Никоновской летописи и других поздних московских сводов мы имеем типичную обработку старого летописания в духе политических идей московских книжников XVI в., с их тенденцией умалчивать о подлинных реальных причинах событий и подменять их ссылками на дела церкви.

Чем же была вызвана эта чрезвычайная мера по отношению к владыке Ивану? Уже Никитский (в отличие от Костомарова) видел в «святительских делах» только предлог к задержанию владыки. Истинную причину он искал в борьбе между великим князем и Новгородом за Двинские земли. «Очевидно,—писал он,—что истинною причиной заключения было благословение, данное новгородским владыкою своим детям новгородцам на борьбу с великим князем и на возвращение захваченных последним новгородских областей»¹⁸¹. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в исследовании М. И. Помяловского, который еще определеннее, чем А. И. Никитский, искал разгадку вопроса в борьбе за двинские земли. Новгородский владыка, обладатель крупнейших волостей на Двине, принимал, по мнению Помяловского, деятельное участие не только в событиях 1397—1398 гг., но и в дальнейшей борьбе против московского влияния в Двинской земле. Поворот в настроениях двинян по отношению к Москве Помяловский склонен объяснять воздействием на них владыки.¹⁸² Этим соображениям нельзя отказать в убедительности. Обострение борьбы за Двинскую землю объясняет отношение московского правительства к главе Новгородского государства, благословлявшего новгородцев на решительную борьбу за «земли святой Софии». А склонить митрополита к решительным действиям против новгородского владыки, упорно отказывавшего своему сеньору в месячном суде, было делом нетрудным. Поэтому в 1401 г. выступили против владыки Ивана обща и великий князь и митрополит, руководствуясь, правда, разными соображениями (первый был занят мыслями о Двинской земле, второй — о «месячном суде»). К 1404 г. и великий князь и митрополит убедились в том, что с Новгородом нужно идти на соглашение. Захватить Двинскую землю оказывалось труднее, чем это думалось в 1397 г.; из двинских бояр только

¹⁸⁰ Устюж. л., стр. 68.

¹⁸¹ Никитский. Очерк истории церкви, стр. 111.

¹⁸² М. И. Помяловский. Из области новгородского летописания. Записки русского археологического общества, т. XII, СПб., 1901, стр. 84—87.

один изгнанник Анфал держал сторону Москвы.¹⁸³ Между тем отношения с Витовтом все более осложнялись. Шла борьба за Смоленск, в которой Новгород отстаивал общерусскую линию. В этой сложной обстановке Киприан и Василий I не могли не искать примирения с Новгородом. Владыка Иван был отпущен митрополитом, отказавшимся от своих притязаний.

Таким образом, и это столкновение было связано с борьбой за землю и власть между Новгородом и великим князем. И на этот раз общерусская власть не добилась у самостоятельного Новгорода каких-либо уступок.

VIII

Если Новгород за это пятидесятилетие сумел устоять против притязаний самых могущественных сил Восточной Европы (Москвы и Литвы), то в отношениях с другими восточноевропейскими государствами он выступал как уверенная в своей мощи сила. Из русских княжеств, кроме Москвы, Новгороду приходилось всего больше иметь дело с Тверью. Ближайший сосед Новгорода, господствовавший на важнейших и кратчайших путях из Новгорода к Волге, Тверь в течение столетия (со времен Ярослава Ярославича до Михаила Александровича) вела весьма активную политику по отношению к Новгороду. Памятниками ее являются договорные грамоты Новгорода с ¹⁸⁴тверскими князьями, сохраненные в Тверском великокняжеском архиве.

На рассматриваемый нами период падают только последние всплески этой острой, жестокой, полной драматизма борьбы. За несколько лет до Куликовской битвы, когда московский князь начинал «посягать» на других великих князей, в 1372 г. произошло кровавое столкновение между Новгородом и Михаилом Александровичем Тверским из-за Торжка. Подробный и страстный рассказ Новгородской первой летописи о беде, постигшей Торжок в 1372 г., свидетельствует о том возмущении, которое вызвал в Новгороде тверской князь своей кровавой расправой с Торжком. Весь рассказ, начиная с последних слов записи предшествующего 6879 г. «по грехом нашим погоре город Торжок весь; и не ту злу конец»,¹⁸⁵ является как бы плачем о Торжке и горячим призывом к расплате с виновником этого «беспощадного озверелого дела».¹⁸⁶ Одна за другой в летописном рассказе следуют жуткие картины города, объятого пламенем: в огне пожара погибают жители Торжка, («... овы огнем погореша в дворех над животы»); другие задыхаются в дыму в храме («... дружим бежаша в святыи Спас и ту издыхошася»); некоторые, спасаясь от пламени, мечутся к Тверце («... в реце во Тферци истопоша»). В картины пожара вплетается описание насилий тверичей над женщинами («... одираху до последней наготы», «те (жены и девицы) от срамоты и беды истопошася в воде»). Наконец, схватка в поле новгородских удалцев с «тверицами», в которой «костию пал за обиду новгородскую» Александр Абакумович и многие другие. Описание погрома Торжка завершается патетическими возгласами летописца: «И кто, ¹⁸⁷братье, о сем не поплачется?» «От поганых не бывало такового зла». Тверской ле-

¹⁸³ См. выше, стр. 220.

¹⁸⁴ Черепнин. Русские феодальные архивы.

¹⁸⁵ Н I Л, стр. 371.

¹⁸⁶ Б. А. Романов. Родина Афанасия Никитина. Сб. «Хождение за три моря Афанасия Никитина», АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 99.

¹⁸⁷ Н I Л, стр. 372.

тописец, передававший настроения тверского великокняжеского двора, пытался оправдать погром Торжка как наказание новгородцев за «высокоумие».¹⁸⁸ Но торжество Твери было кратковременным. Когда в 1375 г. Дмитрий Иванович «со всею силою русскою» двинулся к Твери, в походе приняли деятельное участие и новгородцы. На призыв великого князя новгородцы ответили с такой быстротой, какую они обнаруживали только в тех случаях, когда бывали затронуты коренные интересы Новгорода. «Новгородцы, — писал летописец, — изводя честь своего князя, вскоре в три дни поихаша под Тферь». Разумеется, поведение новгородцев определялось не заботою о чести великого князя, а старыми обидами на Тверь. Об этом выразительно пишет Софийская первая летопись: «Новгородци же вскоре приидоша ратию великою и присташа под город Тферь, скрежюше зубы на тферич за свою обиду».¹⁸⁹ По рассказу Новгородской первой летописи, именно новгородская рать решила судьбу Твери: Михаил сдался «видя грядущу силу новгородчкую». Мир, который «докончали» под Тверью, был заключен, по словам Новгородской пер-
100
вой летописи, «на всей воли князя великого и на новгородчкой».

Договорные грамоты 1375 г., в том числе известная грамота Михаила Александровича с Дмитрием Ивановичем, включает отказ тверского князя от притязаний на Новгород. Новгородцы и новоторжцы освобождались от данной ими присяги Михаилу. («А что еси привел ноугородцев и новоторжцев к целованию, а то целованье долов»). Все села, купленные тверскими князьями и их боярами в новгородских владениях, возвращались новгородцам. Михаил отступался от прав на Торжок и выводил оттуда своих наместником. Он возвращал также все награбленное в Торжке имущество и обязывался отпустить всех пленников новоторжских, даже тех, которые сами продались в рабство. Наконец, новгородским купцам обещался свободный путь через тверские земли: «А гостем и торговцем Новагорода Великого и Торжку и с пригородей дати ти путь чист без рубежа сквозе Тферь и тферские волости».¹⁹¹ Еще Беляев, оценивая договоры 1375 г. писал: «Вообще московский князь так хорошо устроил для новгородцев, что они по настоящему миру получили во всем возможно полное удовлетворение, какого никогда не получали прежде ни от тверских, ни от других князей, и навсегда отделались от борьбы с Тверью».¹⁹² Эта оценка может быть признана в основном правильной. Действительно, новгородцы «отделались» от борьбы с Тверью если и не навсегда, то на 50 лет с лишком. Тверь не могла восстановить своего политического значения ни в последние годы княжения Михаила Александровича,¹⁹³ ни в правление его сына Ивана Михайловича (1400—1425 гг.). Историк Тверского княжества, отнюдь не склонный к недооценке политической роли Твери, характеризуя деятельность князя Ивана Михайловича Тверского, должен был признать, что «он не думает уже ни о Владимире, ни о Новгороде».¹⁹⁴ Укрепляя внутреннее единство Тверского великого княжества, искусно лавируя между

¹⁸⁸ Тверск. л., стлб. 433.

¹⁸⁹ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 234; см. также: Устюж. л., стр. 56.

¹⁹⁰ Н I л., стр. 373.

¹⁹¹ Все эти положения вошли и в договорную грамоту Михаила Александровича Новгородом 1375 г. (Грамоты В. Н. и П., № 18).

¹⁹² Беляев. Рассказы, стр. 455.

¹⁹³ Его тяжба с Дмитрием Донским за великое княжение после Тохтамышева нашествия оказалась безрезультатной.

¹⁹⁴ В. С. Борзакowski. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 177.

Москвой и Литвою, не давая ни той, ни другой подчинить Тверь своей власти, князь Иван Михайлович все же вынужден был отказаться от наступательной политики по отношению к Новгороду. Новгородское летописание поэтому редко упоминает об Иване Михайловиче и говорит о нем обычно как о добром соседе.

Конфликты между Новгородом и Тверью оказывались кратковременными и их удавалось быстро уладить. В 1401 г.¹⁹⁵ во время столкновения Новгорода с Москвою и ареста владыки Ивана, Юрий Онцифорович, отпущенный из Москвы, был задержан в Твери. Задержание это было, очевидно, проведено в весьма деликатной форме («Князь Иван Юрья на Тфери принял») ¹⁹⁶ и новгородцам без большого труда удалось добиться возвращения Юрия («Новгородцы послаша в Тферь Якова Федоровича сына посадника, Юрья выняша в Новгород»).¹⁹⁷ В этом не вполне понятном эпизоде чрезвычайно показательны те осторожные термины («принял», «выняша»), которыми пользуется летописец, очевидно не желающий обидеть тверского князя.

Второй указанный в летописи конфликт между Новгородом и Иваном Тверским относится к 1421 г. Под этим годом сохранилось следующее сообщение: «И князь Иван Тверский изнима боярина новоторского Ивана Кумганца и сына его Фому и, бив их, заточи в Новый городок».¹⁹⁸ Дело было вызвано какими-то недоразумениями на рубеже, так как село Кунганово (с которым, очевидно, нужно связывать имя боярина) лежало на новгородско-тверском рубеже.¹⁹⁹ Конфликт этот не имел серьезного значения. Но показательно, что это мелкое столкновение все же нашло освещение на странице летописи. Не случайно ведь и в договорных новгородско-тверских грамотах новоторжские земли занимают очень большое место, — к ним было приковано пристальное внимание руководителей новгородской политики.

Итак, и новгородско-тверские отношения за эти десятилетия свидетельствуют о силе Великого Новгорода.

IX

Отношения с западными соседями за это пятидесятилетие является также убедительным показателем мощи Новгорода. С Орденом за эти года были неоднократные военные столкновения.²⁰⁰ В цитированном выше письме к Лугвеню владыка новгородский так охарактеризовал отношения Новгорода с Орденом: «Терпим очень много неправды от Ордена... также много распрей имеется между нами».²⁰¹ Но в многочисленных военных столкновениях немецкой рати ни разу за эти годы не удалось прорваться в глубь Новгородской земли. Новгородцы укрепили свой западный рубеж постройкой новых каменных крепостей. В 1384 г., как сказано выше, на р. Луге был поставлен г. Яма,²⁰² надежный сторож у На-

¹⁹⁵ См. выше, стр. 229—230.

¹⁹⁶ Н IV Л, стр. 390—391.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же, стр. 431.

¹⁹⁹ Н. Н. Овсянников. О новгородско-тверском рубеже в связи с направлением новгородских путей. Тверь, 1903, стр. 16.

²⁰⁰ Отношения между Новгородом и Орденом стали предметом специального изучения в (Защищенной в ЛГУ в 1946 г. диссертации Н. А. Казаковой «Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в конце XIV в. и в первой половине XV в.».

²⁰¹ Грамоты В. Н. и П., № 52.

²⁰² Н I Л, стр. 379; см. выше, гл. IV.

ровских ворот. Через три года была поставлена еще одна каменная крепость на Шелони вместо старого деревянного укрепления. Она должна была стеречь юго-западные рубежи Новгородской земли, закрывая вход в нее и для немцев, и для Литвы, и для псковичей.²⁰³ Делу строительства Порхова было придано в Новгороде весьма большое значение: «Благослови владыка Алексей весь Новгород ставити город Порхов камен». После похода Витовта 1428 г., когда город значительно пострадал, новгородцы в 1430 г. «приставили к Порхову другую стену камену».²⁰⁴

Дальше этих крепостей в XV в. враг с запада (ни немцы, ни шведы, ни литовцы) не заходили. Неоднократные военные столкновения с Орденом оказывались недолговременными. Мирные соглашения сводились к подтверждению «старого мира». Самым важным из мирных договоров с Орденом за эти годы были договоры 1391 г. и 1426 г. Первый из них (Изборский договор) был связан главным образом с вопросами немецкой торговли. Второй (Наровский договор, заключенный при князе Константине Дмитриевиче) имел в виду уточнение границ. Содержание договора летописец передает кратко, но выразительно, словами: «... взяша мир вечный по старине, якоже преже было, при великом князе Александре Ярославовиче и при князи Юрьи Даниловиче».²⁰⁵ Последними словами летописца можно кратко охарактеризовать отношения с Орденом в начале XV в. Все договоры с Орденом новгородцы заключали непосредственно, отказываясь от посредничества Литвы, твердо проводя принцип: с великим князем «свой мир», «а с Витовтом ин, и с немци ин».

Менее надежно был укреплен новгородско-шведский рубеж. К тому же шведы могли грозить русским не только с суши, но и по водным путям. Карельский перешеек и бассейн Невы подвергались частым нападениям со стороны шведских войск или шведских пиратов. Появлялись шведы и в районах рек Наровы и нижней Луги. Так, в 1392 г. «немце-разбойнице» по Неве дошли почти до самого Орешка, но были разбиты Лугвенем. В 1395 г. «немци Свея» подступали к новому городу Яме, но были отбиты горожанами с князем Константином (вероятно, князем белозерским). В 1396 г. шведы вступили в Карельскую землю, повоевали 2 погоста и пожгли церковь. Князь Константин с карелой прогнал врагов. В 1397 г. немцы (надо думать шведы) пожгли около Ямы семь сел. Но все эти столкновения были незначительными и для отпора врагу было достаточно местных сил (то карелы, то ореховских или ямских городчан). Крупнее было столкновение 1411 г., которое летописец прямо называет войной. Вторгшиеся шведы захватили Тиверский городок, пригород Корелы. Новгородцы, быстро собрав рать («...только за три дни по сей вести») под руководством Лугвеня, не только отбросили шведов, но перенесли войну на Шведскую землю и дошли до самого Выборга, взяв его «охабен» (предместье). Новгородские воеводы вернулись «со множеством полона».²⁰⁶ Но и это самое крупное столкновение со шведами не разрослось в настоящую большую войну между Новгородом и Швецией, какие бывали между ними в первой половине XIV в. в правление шведского короля Магнуса Эриксона. Граница между Русью и Швецией, установленная по Ореховецкому договору 1323 г., осталась неизменной.

²⁰³ Т*м же.

²⁰⁴ Н I Л, стр. 415—416.

²⁰⁵ Н IV Л, стр. 427.

²⁰⁶ Н I Л, стр. 402.

X

Подведем итоги. В научной литературе широко распространено мнение, что историю падения новгородской самостоятельности следует начинать непосредственно с Куликовской битвы. В недавно вышедшем томе академической истории русской литературы Куликовская битва характеризуется как «первое важнейшее общерусское событие, предопределившее собою падение новгородской независимости». Аргументируя это положение, автор (Д. С. Лихачев) поясняет: «Битва эта, в которой отсутствие войск Новгорода не прошло незамеченным, необычайно подняла авторитет Москвы, ясно указав тот центр, вокруг которого должно было совершиться политическое объединение Руси».²⁰⁷ С этой мыслью бесспорно можно согласиться, если рассматривать события в широком плане и далекой перспективе. Но влияние Куликовской битвы далеко не сразу сказалось на характере взаимоотношений между Новгородом и великим князем. История следующего за Куликовской битвой пятидесятилетия (1380—1430 гг.) не была еще историей падения новгородской самостоятельности, ни даже историей упадка политической мощи и значения Великого Новгорода. Новгород все еще выступал как крупнейшая политическая сила в истории Восточной Европы, и его политическая линия в значительной мере определяла решение важнейших конфликтов эпохи. Сто лет тому назад в своей диссертации, явившейся первым серьезным научным трудом по вопросу о взаимоотношениях между Новгородом и великими князьями, С. М. Соловьев писал о роли Новгорода в борьбе между Василием Дмитриевичем и его тестем Витовтом в конце XIV в.: «Они (Василий и Витовт, — В. Б.) ждут от Новгорода решения, и точно Новгород в это время мог решить судьбу России, поддавшись Литве с своею огромной областью».²⁰⁸ Отстаивая свою самостоятельность в борьбе с Литвою, Новгород, являвшийся все еще крупнейшей и богатейшей великорусской землей, объективно боролся за политическую самостоятельность Великороссии против литовской опеки, и боролся притом порою последовательнее и упорнее, нежели правительство Василия I. (Так было в вопросе о борьбе за Смоленск). Ни новгородские бояре, ни сын Донского и его бояре не поднимались до понимания тех широких задач, которые стояли перед Великороссией в целом: политика Василия порою была слишком «узкомосковской» (достаточно вспомнить о соглашении с Литвою за счет Новгорода и Пскова или об отказе в помощи изнемогавшему в борьбе Смоленску), политика новгородских бояр обнаружила свою ограниченность в вопросе о Пскове, в «заигрывании» с Литвою. Но объективная борьба Новгорода с западными врагами (Литвою, немцами) за самостоятельность и сохранение своей территории была делом важным для всей Великороссии. Борьба же Новгорода с великими князьями на этом этапе еще не стала борьбой против создания объединенного Русского государства. Московские князья еще не ставили перед собою задачу присоединения Новгородской земли; их территориальные притязания ограничивались Торжком, Волоком и Двинской землей, а их /политические помыслы не шли дальше «черного бора», «княжщин» и суда московского митрополита. Да и взять на себя задачу обороны всего западного русского рубежа московские князья еще не были в силах.

²⁰⁷ ИРЛ, стр. 109.

²⁰⁸ С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1845, стр. 124.

Отстояв в борьбе с Литвою и Москвою свои владения, Новгород, сохранил и политическую самостоятельность и свой вечевой строй. А. Е. Пресняков характеризует это время, как «годы наиболее полного новгородского народоправства».²⁰⁹ Конечно, о народоправстве как о политическом господстве в Новгороде народа говорить нельзя. Для этого времени еще более, чем для более ранних эпох новгородской истории характерно господство боярства. Но, если под термином «народоправство» понимать вечевой строй (а его, очевидно, и имел в виду А. Е. Пресняков), его тезис можно принять. За пятидесятилетие (1380—1430) вечевой строй не только устоял, но еще более окреп. Новгородские власти справлялись со сложными политическими задачами, выдвигавшимися перед ними осложняющеюся жизнью Восточной Европы. И. Д. Беляев поторопился, забежал вперед, заявив о новгородских правителях этих лет: «Сколько-нибудь трудная борьба была не по плечам тогдашним себялюбивым мироедам, богатым вожакам новгородского веча».²¹⁰ События 1397—1398 гг. убедительно доказывают обратное.

Вечевой строй, как политическая форма, еще не изжил себя. Но если Новгород сумел отстоять себя от натиска внешних врагов, то из анализа социально-экономического развития Новгорода в XV в. и классовой борьбы в нем, которым посвящены предшествующие главы исследования, ясно, что уже в эту пору подрывалось изнутри мощное здание Новгородской вечевой республики.

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В СЕРЕДИНЕ XV в.
(1430—1456 гг.)

I

Процесс объединения феодальных земель в большие государства в Восточной Европе в XIV—XV вв. отнюдь не может служить примером прямолинейного и равномерного движения. В конце XIV и начале XV в. ускоряемый потребностями самообороны, он идет чрезвычайно быстро: блестящие победы над татарами и немцами явились не только показателями успехов политики московских и виленских князей, но и мощным стимулом к дальнейшему более прочному объединению отдельных земель. При Василии I в Велико-России и при Витовте в Литовско-Русском государстве успешно началась ликвидация великих княжений. Однако в эти же десятилетия все усиливающееся соперничество между двумя крупнейшими политическими силами Восточной Европы — Москвой и Литвой выступало как тормоз к созданию объединенного общерусского государства. Не только Новгород и Псков, но и другие феодальные области, как Тверь, Рязань, в этих условиях получали возможность, лавируя между главными соперниками, вести свою, ограниченную интересами местных феодалов, политику.

С 30-х годов со всей силой обнаружился еще один значительный тормоз — непреодоленные центробежные стремления внутри княжеств, выступавших в качестве инициаторов объединительной политики. Особенно сильны были эти центробежные тенденции в Литовско-Русском государстве, где традиции феодальной раздробленности дополнялись пестротой состава разноязычного населения и противоречиями между католической и православной церковью. Смерть Витовта только потому и стала значительной вехой в истории Литвы и всей Восточной Европы, что она привела к взрыву противоречий среди литовско-русской феодальной знати и развязала нескончаемые усобицы. «Заратися Литовскаа земля»¹. Свидригайло, брат Ягелло, ставший великим князем после смерти Витовта, занимал виленский престол только до 1 сентября 1432 г. Свергнутый Сигизмундом Кейстутовичем, Свидригайло несколько лет вел безуспешную вооруженную борьбу за великое княжение, пытаясь использовать русских феодалов. Но и победитель Сигизмунд торжествовал недолго: весной 1440 г. он был убит заговорщиками. Феодальные

¹ Н IV Л, стр. 451.

смуты в Литовском государстве продолжались и в первые годы великого княжения Казимира.

«Заратилось» и московское княжество. Почти одновременно с Свидригайловыми войнами свояк Свидригайла князь Юрий Дмитриевич начал феодальную смуту в Московском княжестве, первую крупную уособицу между московскими Даниловичами: «Князи руские воюются и секутся о княжении великом», — записал под 6942 г. псковский летописец.²

Феодальные войны 30—40-х годов XV в. велись весьма крупными силами. Так, в ходе борьбы между Свидригайлом и Сигизмундом происходили большие сражения, в которых принимали участие и «мештер Лифонский» и русские полки (полочане, смольняне и даже тверичи). Летопись нередко пишет о битвах между Гедиминовичами как о великих побоищах. Так, в Псковской летописи читаем: «Того же лета (6941) на зиму, месяца декабря в 8 день, бысть побоище силно в Литовской земле князем литовским Свитригайлу с Жидимонтом о княжении великом: и скопи силу велику князь Свитригаило около себе, — полочани, смольняни, немцы, а князь Жидимонт скопи около себе жомонты (жмудь) и съступишася на брань, и бысть сеча и бой велик».³ Княжеские уособицы сопровождались жестокими расправами с соперниками и их сторонниками. Ослепление двух Василиев (Косого и Темного), отравление Шемяки, сожжение Свидригайлом в 1435 г. митрополита Герасима в Витебске, расправа в 1440 г. заговорщиков с Сигизмундом, о которой долго напоминали следы крови и мозга на стенах большого Трокского замка, — все эти характерные проявления того ожесточения, которое обнаруживали борющиеся стороны.

Войны обрушивались как тяжкое бедствие на широкие слои населения. Достаточно прочесть описание борьбы Свидригайла с Сигизмундом в Супрасльской летописи, чтобы стало ясно, как страдала от них Западная Русь. «Людей много посекоша... грады пожже... а люди многи в полон поведоша, мужи и жены».⁴ Такого рода записи сопровождают рассказ о походах борющихся князей. То же было в эти годы и в Великороссии.

К этой беде присоединился натиск внешних врагов, использовавших уособицы для новых вторжений с юга, востока и запада. Белевская битва (1437 г.) начала полосу новых татарских вторжений, то с юга из Золотой Орды, то с востока, из Казани, где создался значительный центр татарских сил. Немецкие рыцари возобновили свои набеги на Новгородскую и Псковскую земли. Исход борьбы в Великороссии и в Литовско-Русском государстве оказался различным. В Великороссии победило единое государство, закалившееся в горниле смут; в Литовско-Русском государстве центробежные силы не были сломлены. Но в середине XV в. исход борьбы был далеко неясен современникам, лучшая часть коих с мучительным беспокойством следила за разворачивающимися смутами, которые реакционные феодалы пытались использовать в узких своекорыстных целях.

Какую же политическую линию в этой обстановке вели новгородские правящие верхи? Поднялись ли они до понимания общерусских задач или они оставались в плену старых традиций поры феодального дробления? Для ответа на эти вопросы необходимо подвергнуть рассмотрению

² Г I Л, стр. 42.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Зап.-русск. лет., стлб. 62.

прежде всего два основных вопроса новгородской политики—отношения с Москвой и Литвой. Начнем с краткого обзора отношений между Новгородом и Литвой после смерти Витовта.

II

Новгород продолжал пристально следить за положением дел в Литве и при преемниках Витовта. По-прежнему многочисленны сообщения о Литве в летописях Новгорода, а также Пскова за эти годы. Сообщения эти наряду с договорными грамотами⁵ являются основными источниками для истории литовско-новгородских отношений этой поры. Летописные известия привлекают внимание исследователя не только сообщаемыми сведениями, но и оценкой, какую дает им летописец. Они позволяют заключить об отношении новгородских властей к сменявшимся на виленском престоле князьям. Особенно интересно подробное сообщение Новгородской первой летописи об убиении Сигизмунда и вступлении на престол Казимира, обнаруживающее как осведомленность новгородского летописца, так и определенную оценку им политической борьбы в Литве. Сигизмунд охарактеризован в Новгородской первой летописи теми чертами, какие приписывали ему недовольные его самовластием русские и литовские феодалы («Сей бе князь лют и немилостив и серебролюбив паче человек, и много князей литовских погуби... а панев и земьских людей немало без милосердия изгуби»).⁶ Симпатии новгородского летописца явно склонялись к князьям и панам, и их кровавая расправа с Сигизмундом изображалась как божье возмездие Сигизмунду («Того ради и бог на него наведе сию злую смерть»).⁷ Вступление Казимира на престол новгородский летописец приветствовал, характеризуя Казимира как избранника всех литовских и русских «градов» («И все Литовьскыи грады и Рукыи избраша себе князя великого Казимира королевича, Ягойлова сына, и посадиша его в Вилне на великом княженьи тихо и безмятежно»).⁸ Дружественная позиция по отношению к Казимиру сказалась и в неодобрительной оценке летописцем выступления против Казимира Юрия Лугвеновича (Семеновича), бывшего ранее «кормленным» князем в Новгороде. Юрий, выехав в 1440 г. из Новгорода, получил от Казимира в управление ряд городов в Белоруссии (Мстиславль, Кричев и др.). Не довольствуясь этим, он принял предложение смолян, восставших против литовского наместника и бояр, засел в Смоленске и завладел Полоцком и Витебском. Выступление Юрия было осуждено новгородским летописцем как «дерзость еже неразумьем створи».⁹ О дружественных отношениях Новгорода с Казимиром свидетельствует и договорная грамота 1441 (?) г.¹⁰ о «вечном мире». В ней Казимир, подтверждая условия грамоты Свидригайла обязывался «блюсти новгородча, как и своего литвина», «не переимати гостя никакоже, кто поедет в Новгород или из Новгорода» и договаривался с новгородцами о старом ру-

⁵ Грамоты В. Н. и П., №№ 63¹ и 70. Первая из них дефектна.

⁶ Н I Л, стр. 420.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ В «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» договор датируется приблизительно 1440—1447 г. Основанием для уточнения даты могут служить имена посадника и тысяцкого, повторенные в точно датированной грамоте № 71.

беже и землях, находившихся в совместном владении.¹¹ Но новгородское правительство, позицию которого характеризует Новгородская летопись, отнюдь не было склонно идти навстречу притязаниям Казимира на верховную власть над Новгородом. Когда в очень трудный для Новгорода 1444 год¹² Казимир предложил свою «помощь», при условии, что новгородцы примут его наместником («¹³ возмите моих наместников на Городище, а яз вас хочю боронити»), новгородцы отклонили предложение Казимира («... и новгородцы по тому не яшася»)¹⁴. Настоять на своем предложении Казимир не был в силах.

Политика преемников Витовта на востоке, в отличие от времен Витовта, в целом была пассивной. С 1430 г. у новгородцев не было ни одной войны с Литвою. Раздираемая смутами, Литва не сумела даже использовать в своих целях выступление против Новгорода порубежной Ржевы и Великих Лук. В 1435 г. эти города, находившиеся в совместном владении Новгорода и Литвы, прекратили уплату дани Новгороду.¹⁵ Новгородцы приняли самые суровые меры против непокорных данщиков. (В таких случаях новгородское правительство всегда бывало и репительным и жестоким). Большое новгородское войско вместе с рушанами и порховчанами двинулось «триима путями» ко Ржеве «и казниша ржевиць, и села вся пожгоша по Ржеве».¹⁶ Литва не оказала никакой поддержки Ржеве, и она осталась, как и прежде, в совместном владении Литвы и Новгорода.

И после вступления на престол Казимира политика Литвы по отношению к Новгороду не стала более активной. Только в 1445 г. литовский князь попытался оказать давление на Русь,¹⁷ но безуспешно. Великий князь московский, /как только начала затихать феодальная смута, добился от Казимира полного отказа от притязаний на Новгород и Псков. Согласно договорной грамоте Василия II с Казимиром в августе 1448 г. король обязывался «не вступатися» в Новгород и Псков и не принимать их в зависимость, если они того захотят («А имуть ли ты ся новгородцы и псковичи давати и тебе королю их не прыймати»). Король отказывался также от вмешательства в конфликты между Новгородом и великим князем: «А коли мне, великому князю Василью, новгородцы и псковичи згрубят,¹⁸ а всхоучу их показнити и тебе, королю Казимиру, на них не ступатися». Таким образом, ослабление вооруженного натиска Литвы на восток не привело к усилению ее политического влияния на Новгород. Новгородское правительство, довольное тем, что миновали опасные времена Витовта, не сделало ни одного серьезного шага для установления с Литвою более прочной связи.

Характерны и изменения в положении «кормленных» князей из Литвы, происшедшие за эти десятилетия. Как уже отмечено выше, новгородцы (как и псковичи), продолжали приглашать «кормленников» из Литвы (чаще всего сына Лугвеня). Но они принимали меры к тому, чтобы приглашенные Гедиминовичи не пустили в Новгородской земле слишком

¹¹ Оценка договора Новгорода с Казимиром, данная у Беляева (Рассказы, стр. 515), представляется необоснованной, как это явствует из сравнения его с договором с князем Свидригайлом.

¹² См. ниже, стр. 250.

¹³ Н I Л, стр. 424.

¹⁴ Там же,

¹⁵ П II Л, стр. 36.

¹⁶ Н I Л, стр. 418.

¹⁷ См. ниже, стр. 251.

¹⁸ АЗР, стр. 64—65. См. оценку этого договора у Преснякова. (Пресняков. Лекции, стр. 152).

глубокие корни. В этих целях, наряду с Юрием Лугвеневицем, они обращались и к другим ветвям Гедиминовичей. Так, в 1444 г. был приглашен, как упомянуто выше, князь Иван Владимирович «на пригороды, на которых был Лугвень» (князь Иван Владимирович был внуком Ольгерда).

Все эти князья не задерживались подолгу в Новгороде. Наконец, как об этом также упомянуто выше, новгородцы перевели крупнейшего из этих князей, Юрия Лугвеневица, на «хлебокормление».

Линии новгородского правительства на независимость от Литвы как будто противоречит политика Новгорода в церковном вопросе. Владыка Евфимий II, избранный после смерти Евфимия I в ноябре 1428 г., отправился в 1434 г. на поставление к митрополиту не в Москву, а в Смоленск, в Литву. Это нарушение веками освященной традиции многими исследователями¹⁹ толкуется как попытка полного разрыва церковной связи с Москвой и, следовательно, как акт, направленный против Москвы. Вряд ли, однако, имеются серьезные основания для таких заключений. Для правильной оценки поездки Евфимия на поставление в Смоленск нужно учитывать положение в русской церкви в начале 30-х годов. После смерти Фотия, от которого Евфимий не успел получить поставления, в Москве долгое время не было утвержденного в Константинополе митрополита («Тогда бо по представлении Фотея, митрополита Киевского и всея Руси, не бысть на Москве митрополита»)²⁰. Единственным митрополитом на Руси был Герасим, поставленный патриархом на всю Русскую землю. По чрезвычайно интересному сообщению Псковской летописи, Герасим даже собирался после назначения ехать не в Смоленск²¹, а в Москву, и задержался в Смоленске только из-за княжеских усобиц. «Того же лета (6942, — В. Б.) Герасим Владыка из Царяграда от патриарха поставлен митрополитом на Русскую землю и приеха в Смоленск, а на Москву не поеха, зане князи руския воюются и секутся о княжении великом на Руской земли»²². Ни о каком разрыве с московской митрополией у новгородского владыки не было как будто и помысла. Евфимий отнюдь не склонен был считать поездку в Смоленск окончательным решением вопроса о поставлении. В договорной грамоте с Василием II от 1435 г. (т. е. после поездки в Смоленск) он скромно именуется «священно-иноком»²³. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Д. С. Лихачева, писавшего, что поставление в Смоленске «дает Новгороду независимость от московской церкви»²⁴. Во всяком случае, как только в Москву (в 1437 г.) приехал из Царьграда на митрополию Исидор Грек, Евфимий торжественно собрался в Москву и, очевидно, вполне поладил с московским митрополитом, который не поднял шума из-за поездки Евфимия на поставление к злополучному Герасиму (сожженному Свидригайлом в июле 1435 г.). По крайней мере Исидор в том же году приехал в Новгород, где был встречен с почестями²⁵. Таким образом, в оценке поставления Евфимия в Смоленске можно скорее согласиться с современниками, которые не усмотрели в нем ничего особенно значительного, чем

¹⁹ Например, Костомаровым.

²⁰ НИКОН, л. (ПСРЛ. XI), стр. 20.

²¹ Ожидая победы князя Юрия Дмитриевича (см.: Пресняков. Образование, стр. 395).

²² П I Л, стр. 41—42.

²³ Грамоты В. Н. и П., № 19.

²⁴ ИРЛ, стр. 254.

²⁵ Н I Л, стр. 419.

с некоторыми исследователями XIX в., расценившими²⁶ поездку к Герасиму как крупное событие в истории новгородской церкви.

В целом политика Новгорода по отношению к Литве носила традиционный характер. Если в период натиска, при Витовте, новгородцы порою подымались до защиты общерусских интересов, отбивая покушения Литвы, то переход Литвы к пассивной политике в Восточной Европе позволил новгородским правящим верхам в сношениях с Литвой ограничиться постановкой мелких частных вопросов (о рубеже, о совместном владении, о правах купцов и т. п.).

III

Вопрос об отношении к московскому великому князю, т. е. к складывающейся общерусской власти, вставал в эти десятилетия гораздо острее. Стать в стороне от борьбы за власть между потомками Донского в роли стороннего наблюдателя, как бы этого ни хотели новгородские феодальные верхи, Новгород не мог: слишком тесно он был связан с верхней Волгой и экономически и политически. То тот, то другой из борющихся князей проходил по новгородским землям и стучал в ворота Новгорода, и Новгород не мог их закрыть, вольно или невольно предоставляя приют разбитому князю. Борющиеся соперники стремились получить от Новгорода средства или просто грабили новгородские земли. Так, в 1434 г. после смерти Юрия Василий Юрьевич (Косой) приехал в Новгород летом, пробыл в нем до осени, а затем, выехав из Новгорода, «много пограби едуци по Мъсте, и по Бежичкому верху, и по Заволочью, и много зла бысть от него».²⁷ «Зло» это не ограничилось одним ограблением новгородских земель. Юрьевичи, прочно сидевшие в Галиче, пытались втянуть в борьбу Подвинье, используя старинные связи между их вотчиной и Верхним Подвиньем. Чрезвычайно интересны летописные известия 1434 г. о переходе заволочан на сторону Василия Юрьева и отложении их от Новгорода, а также о занятии Василием Юрьевичем в 1436 г. Устюга.²⁸

Отсутствие сильной, устойчивой великорусской власти в 30—40-х годах и в другом отношении ударило по интересам Новгорода. Сразу подняли голову немецкие рыцари, пытаясь использовать русские смуты. Чрезвычайно показательны, что порубежный Псков при первых же вспышках смуты на Руси поднял вопрос о военном союзе с Новгородом и с большой настойчивостью направлял одно посольство за другим к своему «старшему брату». В Новгороде, очевидно, немецкая опасность чувствовалась не так сильно. Поэтому новгородцы не сразу пошли навстречу псковским предложениям. Характерно, что Новгородская летопись вовсе не упоминает о псковских посольствах, тогда как Псковская неоднократно и с очень определенной тенденцией сообщает об этих псковских переговорах²⁹ и

²⁶ См. по этому вопросу дельные замечания Никитского (Очерк истории церкви, стр. 118—119).

²⁷ Н I Л, стр. 417.

²⁸ «А заволочане задашеся за него (князя Василия Юрьевича)... а от Новгорода огьяшася» (Н III Л, стр. 131). В борьбе князя Василия Юрьевича против Василия II в 1434—1436 гг. Устюг играл чрезвычайно крупную роль (Москов. св., стр. 252; Устюж. л., стр. 76—77). См. также недавно опубликованную запись Краткого Кирилло-Белозерского летописца: «Лето 6944 князь Василий Юрьевич Устюг взял» (Исторический архив. V, 1950. стр. 33).

²⁹ В псковских летописях сохранились сообщения о трех неудачных посольствах в Новгород о мире в начале 30-х годов XV в.: 1) посадников Ивана Сидоровича и Селивестра Леоньевича в 1431 г. (II П Л); 2) посадников Юрия Тимофеевича, Се-

с большим подъемом рассказывает о том, как, наконец, четвертому посольству удалось добиться 24 июля заключения договора: «И пожаловал бог, святые Софии и владычне благословение, посадник и тысящник и весь Великий Новгород челобитье... приаша, и взяша мир по старине и целоваша крест... за Псков и за пригороды и за все волости к Новгороду по старине; а от Новгорода целоваша крест... за весь Великий Новгород и... за все свои волости к Пскову по старине». Новгородско-псковские переговоры о мире в 30-х годах — яркое проявление того беспокойства, какое вызывали феодальные смуты в Новгороде и Пскове.

Поэтому известные слова Соловьева в его диссертации о том, что Новгород был порадован возобновлением княжеских усобиц,³¹ нуждаются в ограничении. Радость эта была не без примеси серьезного беспокойства (впрочем, во Пскове более сильного, чем в Новгороде). Все же значительная доля истины в приведенном замечании Соловьева имеется. Влиятельные руководители новгородской политики этих лет смотрели на московскую смуту как на благоприятную для Новгорода ссору во враждебном ему лагере и пытались использовать ослабление московского князя для укрепления позиций боярского Новгорода. Не принимать прямого участия в борьбе между потомками Донского и, по возможности, использовать ослабление великокняжеской власти — такова основная линия новгородской политики 30—50-х годов. Ее официальным руководителем был владыка Евфимий II, проявивший свою активность отнюдь не только в области церковного строительства. Евфимий был последним новгородским владыкой, в политике которого можно подметить ясную целенаправленность, накладывавшую отпечаток на все стороны его деятельности. Широко развернутое при нем строительство в Новгородском Кремле («грановитая палата», «часозвоня», «звонница») и на Торгу (перестройка церкви Ивана на Опоках), огромная работа по составлению летописных сводов, установление культа новых новгородских святых, торжественные поездки в Псков, — все это было подчинено задаче возвышения и прославления Новгорода.

В деятельности Евфимия можно видеть предварение (в новгородском масштабе) того, что в XVI в. было осуществлено (уже в общерусском масштабе) митрополитом Макарием.³² Но при всем внешнем сходстве политики Евфимия с политикой Макария и, прибавим даже, при неоспоримом значении его деятельности для дальнейшего развития общерусской культуры (неоспоримо значение новгородских летописных сводов XV в. в истории русского летописания), начинания Евфимия были глубоко проникнуты и отравлены духом реакционного новгородского сепаратизма. Они были порочны по замыслу и внутренне противоречивы, как противо-

ливестра Леонтьевича и Якима Павловича в 1432 (П I Л и П II Л); 3) посадников Ивана Сидоровича и Якима Павловича в 1434 г. (П I Л и П II Л). Летопись подчеркивает, что псковские послы «много биша челом о миру», но новгородцы «миру не Даша», хотя и «рати не учиниша» (П II Л, стр. 43; П I Л, стр. 39—41).

³⁰ П I Л, стр. 43. За целованием креста последовало вторичное целование во Пскове.
³¹ «В следующее княжение Новгород перед кончиною своего народовластия был порадован возобновлением княжеских усобиц» (С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846, стр. 79). Впрочем, сам Соловьев далее вносит некоторую поправку, отмечая: «... дорого начали обходиться Новгороду его особенность и водность» (там же).

³² «Уже в половине XV в., задолго до потери своей самостоятельности, Новгород явился одним из первых центров тех грандиозных обобщающих начинаний, которые предприняло затем Русское государство» (ИРЛ, стр. 260).

речив был замысел новгородских летописных сводчиков XV в., пытавшихся дать общерусскую историю на базе истории Новгорода, который в XV в. не только не возглавлял объединительного движения в Велико-россии, а активно ему противостоял. Отсюда проистекала бесперспективность политики Евфимия, обращенность ее в прошлое, а не в будущее.

Исследователь новгородского зодчества (М. К. Каргер) с полным основанием писал, характеризуя новгородскую культуру XV в.: «Политика новгородского боярства, борющегося за свою обособленность, стала консервативной, мешавшей процессу создания русского национального государства. Это определило начало постепенного замирания творческого движения во всех областях новгородской культуры, в том числе и в зодчестве, которое стало обращаться к образам прошлого и старым художественным оригиналам». Нарочитый архаизм построек времен Евфимия II имеет свои параллели и в новгородской литературе этих десятилетий, и в новгородской политической мысли, все более костеневшей в рамках выработанных в XIII—XIV вв. традиций и формул. Эkleктизм же и подражательность, порою увлечение западноевропейскими формами, не свойственные новгородскому искусству периода расцвета, отразили упадок новгородской феодальной знати, все больше отрывавшейся от народной культуры и замыкавшейся в узкие олигархические группы.

Евфимий II был характерной фигурой новгородского «безвременья» XV в.

Источники не позволяют нам охарактеризовать крупнейших проводников новгородской политики этих лет, политических вождей новгородского боярства 30—50-х годов. Имена их могут быть названы без труда. Летописи и грамоты содержат большое число имен новгородских посадников, тысяцких и виднейших бояр. Можно даже попытаться, продолжая работы Григоровича и Прозоровского, составить точный список посадников этих лет, а также выделить среди новгородских бояр несколько наиболее влиятельных фамилий.³⁶ Но источники дают мало материала для характеристики отдельных исторических деятелей и выделения из их рядов наиболее значительных по их политической роли фигур.

Рядом с владыкой в качестве руководителей новгородской политики чаще других упоминаются бояре Федор Олисеевич (сначала тысяцкий, а позднее посадник);³⁷ Иван Васильевич (руководитель похода на Ржеву),³⁸ Иван Лукинич Шока (тысяцкий, позднее посадник, дипломат, участвовавший во многих посольствах и в Москву и в Литву, известный и по частным грамотам),³⁹ Офонас Остафьевич (степенный посадник

³³ М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946, стр. 76; см. также: ИРЛ, стр. 254.

³⁴ Например, в грановитой палате и «часозвоне».

³⁵ Можно согласиться с оценкой политики Евфимия в области искусств, которую дает ей В. Н. Лазарев в последней работе по истории искусства Новгорода: «Призвав немецких мастеров, он сделал попытку направить развитие новгородского зодчества на новые пути, однако из этого его начинания ничего не вышло. Победили местные новгородские традиции» (В. н. л а з а р е в. Искусство Новгорода. 1947, стр. 134). Но В. Н. Лазарев несколько упрощает политическую фигуру Евфимия, называя его «ярким врагом Москвы, целиком ориентирующимся на Литву» (там же).

³⁶ См. «Приложение», стр. 360.

³⁷ Вероятно, сын копорского князя Елисея (Н I Л, стр. 417); Грамоты В. Н. и П., №№ 64, 70, 71; см. выше, в гл. IV и V.

³⁸ Н I Л, стр. 417; Н IV Л, стр. 434, 438; Лет. Авр., стлб. 184; Грамоты В. Н. и П., №№ 25—27.

³⁹ Лет. Авр., стлб. 194, 198, 211; Грамоты В. Н. и П., №№ 22, 23, 25—27, 96, 113, 114, 120.

1448 и ⁴⁰1466 гг., занимавший нередко первое место в различных посольствах). Трудно, однако, сказать, чем определялось их положение — только ли знатностью и богатством, или и их политической деятельностью.

IV

Проследим за ходом отношений между Новгородом и великим князем в годы феодальной войны. На первом этапе ее (борьба Василия II с Юрием) новгородцы тянули сначала к Юрию. В 1434 г., когда Юрий, разбив Василия (вторично), занял Москву, Василий II бежал в Новгород, куда он прибыл «в мале дружине» (1 апреля или 31 марта). Новгород насторожился и готовился с оружием в руках выступить против Василия II («Тогда же на святой неделе, апреля в 5, выиха весь великий Новьгород ратью на поле на Заречскую сторону к Жилотугу, а князь Василий был тогда на Городищи»). Столкновения не произошло («не бысть новгородцем ничегоже»), но самый факт вооруженного выступления новгородцев против Василия II весьма показателен. Мы не можем поэтому согласиться с Экземплярским, утверждавшим, что Василий II был принят в Новгород «с подобающей честью». Василий II на Жилотуге не парад новгородцев принимал, а встретил новгородскую рать, готовую к бою с ним. Василий II пробыл в Новгороде меньше месяца («три недели и два дни»). Не найдя в Новгороде опоры, он двинулся на Волгу. Внезапная смерть Юрия открывала возможность для возобновления успешной борьбы за московский престол, который занял после смерти Юрия Василий Юрьевич (Косой).

Вынужденный оставить Москву, Василий Юрьевич через Ржеву направился в Новгород. Здесь его приняли без сопротивления. Но прямой помощи и он ⁴⁵не получил. Поэтому, оставив Новгород и пограбив новгородские земли, Василий Юрьевич перебрался в Кострому. Успехи Василия II и раздражение новгородцев против Василия Юрьевича, привели их к поискам соглашения с Василием II. Новгородское посольство, возглавленное посадниками Офонасом Федоровичем и Михаилом ⁴⁶Оканьичем «докончало мир» с Василием II «по старине, без обиды». В основе грамоты 1435 г. лежала действительно «старина»; текст ее почти буквально воспроизводил основной текст грамоты 1270 г., ⁴⁷значительно ближе подходя к нему, чем грамоты тверских князей XIV в. В грамоте 1435 г. был сохранен и порядок статей договора 1270 г., и их формулировки (сохранена даже статья о кунах с Имволужского погоста, которая выпала из всех грамот тверских князей XIV в.). ⁴⁸ Немногие поправки, внесенные в основной текст грамоты 1270 г., ограничивались редакцион-

⁴⁰ Лет. Авр., стлб. 211; Грамоты В. Н. и П., №№ 21, 73, 76.

⁴¹ Река Жилотуг протекает между Новгородом и Городищем.

⁴² Н I Л, стр. 417; В Н IV Л еще определеннее: «И сташа противо Городища на Жилотоги» (стр. 452); «Всполюшишася вси людие... и выехаша ратию на поле к Городищу, а князь великий Василий Васильевич в то время бе 'на Городиши» (список Никольского Н IV Л, стр. 607).

⁴³ Экземплярский. Великие и удельные князья, т. I, стр. 159.

⁴⁴ П I Л, стр. 42.

⁴⁵ См. выше, стр. 242.

⁴⁶ Грамоты В. Н. и П., № 19.

⁴⁷ В основной текст грамоты 1270 г. мы не включаем статей временного порядка, связанных с «насилиями» Александра и Ярослава.

⁴⁸ См.: Грамоты В. Н. и П., №№ 6, 7, 9, 10, 14, 15.

ными поправками, не менявшими содержания. Так, в статье о Ладоге, читаем:

Грамота 1270 г.

«А в Ладогу, княже, слати осетр-
ник и медевара по грамоте отца своего
Ярослава».

Грамота 1435 г.

«А в Ладогу ти слать осетриники
и медовары и по старым грамотам».

При всей ее традиционности (можно сказать даже архаичности) грамота 1435 г. содержит некоторые новые важные (отсутствующие в тверских грамотах!) формулировки. 1) Она подчеркивает истонность власти московских князей над Новгородом, перечисляя длинный ряд предков Василия II, владевших Новгородом: «Как целовал князь великий Андрей, князь великий Иван, князь великий Семен, и прадед твой князь великий Иван, и дед твой князь великий Дмитрий, отец твой князь великий Василей целуй, господине князь великий, по тому же крест к всему Великому Новгороду». ⁴⁹ 2) Новгородцы обязывались «держат княжение великое чесно и грозно». Новый термин «грозно», ⁵⁰ впервые встречающийся в грамоте Дмитрия Ивановича с Новгородом, подчеркивает властные притязания Василия II, его верность заветам победителя на Куликовом поле, продиктовавшего новгородцам в Ямнах условия мира. Однако, заявляя о «грозном» величии власти московских князей, Василий II пока никаких конкретных требований Новгороду не предъявил, а в важнейшем земельном вопросе пошел даже на уступки. В том же году состоялось взаимное целование креста и соглашение «о разводе земли». Используя все еще трудное положение Василия II, новгородцы добились от князя обещания «отступитися новгородской отцины, Бежичкого верха, и на Ламьском волоке и на Вологде». Со своей стороны новгородские бояре отступились от «княжчин, где ни есть». ⁵¹ Однако в следующем году Василий II, разбив Василия Юрьевича и ослепив его, уже не обнаружил прежней готовности к соглашению с Новгородом на столь невыгодных условиях. Посланные из Новгорода на отвод земли бояре и житьи люди тшетно ждали великокняжеских послов и на Бежецком верху, и на Ламском вблоке, и в Вологде. Послы великого князя не явились никуда («И князь великой своих бояр не посла, ни отцины новгородчкой нигдеже новгородцом не отведе, ни исправы не учини»). ⁵² Это означало, что Василий II отступался от соглашения 1435 г.

Соловьев, толкуя поведение Василия II в этом вопросе многозначительно, но вряд ли основательно, заявляет: «Преемник Калиты знал свою наследственную обязанность — собирать ⁵³ землю Русскую и потому не хотел размежевываться с Русскими землями». Новгородцы, на всякий случай поспешившие «взять мир» с Сигизмундом, ⁵⁴ все же не пошли на столкновение с Василием II. В следующем году они уплатили ⁵⁵ «черный бор» посланному великим князем князю Юрию Патрикееву. В этом же году Евфимий отправился на поставление в Москву к митрополиту Исидору. Но уверенности в прочности мирных отношений с Москвой не было. По-

⁴⁹ Под великим князем Андреем понимают обычно Андрея -Городецкого. Еще Беляев (Беляев. Рассказы, стр. 534) придерживался такой точки зрения. Ее придерживается и последний исследователь — Л. В. Черепнин.

⁵⁰ Грамоты В. Н. и П., № 16.

⁵¹ О «княжчинах» см. выше, стр. 223.

⁵² Н I Л, стр. 418; см. выше, гл. VII.

⁵³ С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям, стр. 79.

Н I Л, стр. 419.

Там же.

этому новгородские власти сочли полезным и своевременным напомнить о неудачных попытках предшественников московских князей — суздальцев завладеть Новгородом. В 1439 г. «обретено бысть тело архиепископа Иоанна», при котором были отбиты войска Андрея Боголюбского. Сообщая об «обретении мошей», летописец не преминул многозначительно напомнить о поражении суздальцев (пояснив, что речь идет о том самом архиепископе Иоанне, «при коем быле суздальце под Новым городом»)⁵⁶. Политическое значение «обретения мошей» архиепископа Иоанна подчеркивается тем обстоятельством, что в грамоте с Василием II о мире, как указано выше, список предков Василия II был возглавлен великим князем Андреем. На эту историческую ссылку московских книжников, доказывавших старинные права низовских князей на Новгород, открыватели мошей Иоанна отвечали напоминанием о том, как новгородцы били суздальцев во времена тоже князя Андрея (что здесь шла речь о другом князе Андрее — было, в конце концов, не так уж существенно).

«Худой мир» с Москвой продолжался до 1440—1441 гг. Зимой 1440—1441 г. вспыхнула между Новгородом и великим князем война. Непосредственные причины большого похода Василия II на Новгород в 1440—1441 г. в летописях не указаны. Однако общий ход событий, приведших к этой войне, совершенно ясен. Великий князь вышел победителем из феодальной смуты и искал в богатом Новгороде добавочных доходов, не ограничиваясь «черным бором», который был уплачен Патрикееву. В походе 1440 г. на Новгород приняли участие, кроме сил Василия II, полки тверского князя Бориса Александровича, а также псковичи. Последние под давлением великого князя согласились выступить против Новгорода, нарушив мир 1434 г.

Псковская летопись сообщает об этом повороте политики бесстрастным тоном, не скрывая нарушения псковичами крестного целования и объясняя поведение псковичей их послушанием великому князю. Особенно подчеркивает эту мысль Псковская вторая летопись. Приведем параллельно два варианта псковских сообщений о событиях 1441 г.

Псковская первая летопись

«Князь великий Василий Васильевич приела во Псков своего посла, псковичь подымати на Новгород, а сам великий князь со всеми силами стоял у Торжку; и князь псковский Александр, и посадник псковский Иван Сидорович,⁵⁷ и вси посадники псковский князя великого слова не ослушались и отслаша к Великому Новгороду грамоту мирную и крестное целование отказа ша. И совокупивше псковичи свою власть и . . . поидоша на новгородскую власть князю великому в помощь и . . . под Порховом стояша три дни».⁵⁸

Псковская вторая летопись

«Князь великий Василей Васильевич приела своего посла, веля псковичем развергнути мир с новгородци, а сам в то время стоял с всеми силами в Торжку и псковичи, не хотяше ослушатися своего осподаря, отслаша Великому Новгороду мирную грамоту и целование отказа ша. И совокупивше все своя силы, идоша к Порхову и стояша у Порхова 3 дни».⁵⁹

Предшествующие сообщения псковских летописей несколько объясняют легкость, с которой псковичи выступили против своего «старшего брата».

⁵⁶ Там же, стр. 420.

⁵⁷ Тот самый, который заключал договор с Новгородом 24 июля 1434 г.

⁵⁸ П I Л, стр. 45.

⁵⁹ П II Л, стр. 46.

Как только Василий II вновь утвердился на престоле после смерти Юрия Дмитриевича, псковичи стали просить из Москвы князей-наместников: в ней, а не в Новгороде видели они главного защитника от грозивших Пскову с запада врагов. К тому же у псковичей произошло серьезное столкновение с Евфимием во время его приезда во Псков в 1435 г.⁶¹ Этим нужно объяснить ту легкость, с которой псковичи уступили настояниям посла великого князя. А старые новгородские обиды делают понятным то усердие, с которым псковичи воевали против новгородцев в 1441 г. Псковская летопись отмечает, что псковичи повоевали новгородские земли «на триста верст, а в ширину на пятьдесят от литовского рубежа и до немецкого»⁶² (т. е. на всем протяжении новгородско-псковской границы). Раздраженный поведением псковичей, новгородский летописец заметил: «... а псковичи пособляя князю великому Васидью много земле Новгородчккой повоеваша и пакости етвориша не мало».⁶³ Как всегда, военные действия развернулись и в Заволочье, где они, по словам новгородцев, шли весьма успешно («...воеводы новгородчккыя с Заволочаны по князя великого земли повоеваша много противу того, что князь воевал новгородчккыя волости»)⁶⁴.

Условия Демонского мира, которым окончилась война 1441 г., известны только по летописям. Новгородцы заключили мир «по старине», заплатив за него «8000 рублей». Никаких новых вопросов о власти и суде великого князя в Демоне, можно думать, поставлено не было. Таким образом, если война 1441 г. по своему размаху и напоминала позднейшие походы 1456 г. и даже 1477 г., то Демонский мир не стал важным этапом в истории взаимоотношений между Новгородом и великим князем, не включив никаких новых черт по сравнению с миром в Ямнах.

Может быть, Василий рассчитывал усилить давление на Новгород после заключения мира, однако новый взрыв феодальной смуты надолго связал ему руки. Уже в 1442 г. началась новая война между Василием II и Шемякой. «Князь великий розкинул с князем Дмитрием с Шемякой», — выразительно записано под 6960 г. в одном из списков Новгородской четвертой летописи.⁶⁵ Новгородцы поспешили сразу же завязать сношения с Шемякой. С 1443 г. великому князю пришлось уделить очень много сил борьбе с татарами, а в 1445 г. произошла Суздальская катастрофа, пленение Василия II, а затем ослепление и ссылка в Углич. В течение нескольких лет Новгород мог, используя наступившее «неверемья», не считаться с великокняжеской силой.

V

Новая смута в центре Великороссии чрезвычайно сильно ударила по жизненным интересам Новгорода и Пскова. Почти непосредственным отзвуком Суздальской катастрофы 7 июня 1445 г. явилось немецкое вторжение, переросшее в большую войну (1445—1448 гг.), в которой союзником Ливонского Ордена выступали прусские немцы и шведы («король

⁶⁰ Интересны в этом отношении события 1436 г., когда псковичи приняли к себе князя Бориса Васильевича Шуйского, ибо «чаяхуть его приехавша от великого князя, наместником»!

⁶¹ П I Л, стр. 43; П II Л, стр. 45.

⁶² П I Л, стр. 45.

⁶³ Н I Л, стр. 421.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Н IV Л, стр. 454.

прудский и король швейский», — говоря словами Псковской летописи).⁶⁶ Активизировал свою политику на востоке и Казимир Литовский. Тверской князь Борис Александрович, который возомнил себя вершителем судеб Руси, вторгся в новгородские земли и пограбил их, завладев Торжком и порвав связи между Новгородом и Поволжьем. Внутри Новгорода⁶⁷ начались большие волнения из-за дороговизны хлеба и порчи монеты.

Сравнительно подробные записи новгородского летописца 6953—6955 гг. полны тревоги и растерянности. Они превращаются, если не в «Слово о последних днях Новгорода», то в своеобразный «Плач о великих бедствиях новгородцев». Одно за другим, нагнетая впечатления, идут сообщения об общерусских и новгородских бедах, чередуясь с обличением злоупотреблений новгородских бояр. Едва ли во всей древнерусской литературе можно найти столь резкую критику социально-политической неправды феодальной Руси, как в новгородской летописи этих лет. Но гневный обличитель новгородских порядков, летописец не указывает выхода из трудностей и не связывает новгородские бедствия с общерусским кризисом. Призыв к единству Руси не зазвучал на страницах новгородской летописи даже в эти годы. Скованный новгородскими политическими традициями, летописец не понимал значения централизации и не ждал спасения от прихода московского государя, как не ждали его (и даже боялись) новгородские бояре. Отсюда тот дух пессимизма, которым веет со страниц летописи. Он отражает бесперспективность новой городской боярской республики.

Все же из внешних затруднений новгородцы, хотя и с трудом, нашли выход. Для борьбы с немцами, что являлось первоочередной задачей, они опять пошли на сближение со Псковом. Псковичи, также угрожаемые немцами и лишенные помощи со стороны Москвы, со своей стороны были готовы возобновить военный союз с Новгородом, нарушенный в 1441 г. Согласно сообщению Псковской второй летописи под 6955 г., «псковичи послаша Новгород посадника Зиновия Михайловича, и Стефана Юрьевича, и Ондрона Тимофеевича, и иных бояр,⁶⁸ и взяша с новгородци мир по старине и целоваша крест по обе стороны». Союз был скреплен совместными военными действиями против немцев, о которых новгородское и псковское летописание дают взаимодополняющие сведения.

Военные действия развертывались сначала недостаточно успешно для новгородцев. «Местер» с большим войском и артиллерией подходил к Яме, а отряды рыцарей разоряли Вотскую и Ижорскую земли. Встречный поход новгородцев за Нарову под руководством князя Ивана Владимировича был сорван конским падежом. Вероятно, князь Иван Владимирович не обнаружил и военных способностей, ибо в следующем году новгородцы отпустили его в Литву, приняв на его место Юрия Лугвеневича. Последний тоже не добился решающих успехов. Поэтому во время переговоров, с немцами, которые вел Юрий,⁶⁹ немцы потребовали уступки им Острова («...местер же захоте Острова»). Мир заключен не был.

Более успешными были военные действия новгородцев и псковичей в последнем году войны. Руководил ими князь Александр Чарторыйский, авантюрист и кондотьер, служивший разным господам. Один из убийц Сигизмучда Кейстутовича, бежавший на Русь, одно время союзник Ше-

⁶⁶ П I Л, стр. 48.

⁶⁷ См. выше, стр. 181—183.

⁶⁸ П II Л, стр. 48.

⁶⁹ П I Л, стр. 425.

мяки, позднее даже зять его, затем наместник великого князя Василия II во Пскове, он перешел из Пскова в Новгород, откуда для приглашения его было снаряжено особое посольство («Послаша Новгородчи в Псков свои послы: Якова Ондреевича, сына посадника, а от житых Кузьму Тарасьевича, звати князя Олександра Васильевича в Великий Новгород»)⁷⁰. Очевидно, он и сам пользовался репутацией хорошего воина, и дружина его, доходившая до 300 чел. конных воинов («... двора его кованой рати боевых людей 300 человек, опричь кошовых»)⁷¹ была значительной силой. Иначе были бы непонятны препирательства псковичей и новгородцев из-за Александра: псковичи всячески удерживали его у себя, Александр тянул к Новгороду, договорившись с новгородскими боярами («... зане же к Новгороду врклася»)⁷². При Александре в 1448 г. война была доведена до успешного конца. Успехи новгородцев и псковичей сделали немцев стоворчивыми. Заключенный «на полтридцать лет» Наровский мир 1448 г. русскими был расценен как успех. Самый текст договора, в заключении которого с русской стороны приняли участие князь Александр, посадники Новгорода и Пскова, а также новгородские старосты купеческие, точно устанавливал рубеж («стержень Наровы реки») и обещал защиту интересов купцов обеих сторон («... чистый путь им горой и водой и всякий товар им покупать без вывета и без рубежа, по старине и по крестному целованию»)⁷³. Новгород обязывался «блюсти немца в своей земле, как своего новгородца», а магистр и его комтуры со своей стороны обязывались «в своих землях и в своих городах блюсти новгородца как своего немца».

Вполне удовлетворены были Наровским миром и псковичи, интересы которых были специально оговорены в договоре («И псковичи, наши братья младшие, в том же мире»). Псковская летопись подвела итоги Наровскому договору следующими словами: «А что баша отняли Юриевцы старин псковских много... они, поганин, возвратиша со стыдом и с срамом вся старины псковския ко Пскову»⁷⁴. Так, не без труда, новгородцы в союзе со Псковом отбили новое покушение немцев на русские земли.

Удалось постепенно наладить отношения и с тверским князем. Великий князь Борис Александрович, посылавший своих воевод на Новгород в 1441 г. вместе с Василием II, решил, как сказано выше, использовать внутренние и внешние трудности Новгорода.⁷⁵ Осенью 1444 г. (?) его воеводы пограбили Бежецкий верх, Заборовье и прилегавшие новгородские волости («... извоваша за полтредцать волостей и много зла учиниша»)⁷⁶. В следующем году зимою тверской князь вновь пограбил 50 новгородских волостей, бежецких и новоторжских, и взял самый Торжок. В августе тверичи предприняли новый, еще более опустошительный набег

⁷⁰ Лет. Авр., стлб. 190—191.

⁷¹ Так писала П I Л (стр. 58) о его дружине в 1461 г. В 1447 г. она, может быть, была несколько меньше (Лет. Авр. говорит под 1447 г. об участии в походе за Нарву 60 воинов князя Александра).

⁷² П I Л, стр. 48.

⁷³ I рамоты В. Н. и П., № 73.

⁷⁴ П I Л, стр. 49.

⁷⁵ «И если теперь Тверь, — писал Борзаковский о походе Бориса Александровича, — с давних пор не трогавшая Новгород, более слабая, чем прежде, нападает на Новгород и грабит его, то делает это успешно только потому, что Новгород был обеспокоиваем немцами, а еще более внутренними раздооами» (В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 195).

⁷⁶ Зад.-русск. лет., стлб. 69.

на злополучный Торжок, перебив, разогнав и пограбив «останок людей». Огромная добыча была свезена в Тверь на десятках судов («40 павосков свезе во Тферь, инья павоски потопоша в реце с товаром»).⁷⁷ Всего, по подсчетам летописца, было разграблено за два года 90 волостей.

Однако тверской князь оказался неспособен на что-либо большее, чем на ограбление порубежных земель. Широкие политические замыслы, которые питали руководители тверской политики при Борисе Александровиче, не имели прочной базы. Тверь могла на некоторое время выдвинуться только в разгаре борьбы между Василием II и Шемякой. Когда Шемяка занял Москву, Тверь быстро отказалась от своих притязаний по отношению к Новгороду. Задержав на 4 месяца новгородских послов к ТНемьяке, Борис отпустил их, не добившись ничего («Князь Дмитрий крест целова на всех старинах. А тферский князь Борис на опасе новгородских послов держал 4 месяца и отпусти их»)⁷⁹. Новгородцы с своей стороны вместо того, чтобы наказать грабителей, обнаружили готовность помириться с тверским князем. Грамота Великого Новгорода Борису Александровичу с предложением заключить договор⁸⁰ говорит лишь о восстановлении старого рубежа и подтверждении старых порядков суда между новгородцами и тверичами. Если тверской князь не смог пойти дальше ограбления порубежных земель и вынужден был удовлетвориться «навосками» с добычей, то новгородцы не выдвигали перед собой других задач, кроме временного соглашения с Тверью, не ставя вопроса о приглашении тверского князя на новгородское княжение и о заключении с ним договора⁸¹ «по типу докончальной грамоты его отца Александра Михайловича». Таким образом, конфликт с Тверью оказался кратковременным столкновением порубежного характера, хотя тверской князь и не прочь был сначала при-
дать ему более широкое значение.

С литовской опасностью новгородцы порешили сравнительно легко. Когда Казимир выразил готовность «боронити» новгородцев при условии, что они примут его наместников на Городище,⁸² новгородцы отказались от помощи высокого покровителя, временно отступившего от своей пассивной политики на востоке. В следующем году летописец с явным неодобрением отозвался о походе Казимира на Можайск («... и крестьянству погибель велика бысть»)⁸³.

Своими силами, кое-как справляясь с литовской, немецкой и тверской опасностью новгородские верхи не обнаруживали никакой склонности к широкой, смелой постановке политических вопросов. На новом, решающем этапе политической борьбы между Василием II и Шемякой они пытались соблюдать видимость нейтралитета. Даже тогда, когда Василий II

⁷⁷ Н IV Л, стр. 442.

⁷⁸ Интереснейшие памятники тверской политической литературы (наиболее полный обзор их дан в статье М. А. Ильина «Тверская литература XV в. как исторический источник» в т. III, «Трудов Историко-архивного института», М., 1947) не дают достаточных оснований для заключений о серьезных политических успехах Твери в XV в. и о крупной роли ее в создании объединенного Русского государства. Политика Бориса Александровича сводилась к маневрированию между крупными силами. «Борис даже и не отсрочил, по существу, конца своего государства» (Б. А. Романов. Родина Афанасия Никитина. Сб. «Хождение за три моря Афанасия Никитина». АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 103).

⁷⁹ Н IV Л, стр. 443.

⁸⁰ Грамоты В. Н. и П., № 20. Тщательный анализ грамоты дан в исследовании Л. В. Черепнина (Русские феодальные архивы, стр. 317—323).

⁸¹ Там же, стр. 322.

⁸² См. выше, стр. 240.

⁸³ Н IV Л стр. 440.

из Вологды и Кириллова монастыря двинулся в Тверь и начал собирать силы для своего последнего, победоносного похода на Москву, новгородцы и здесь продолжали политику «невмешательства». В то время как вся Велюкороссия четко размежевалась на два лагеря и к Василию тянулись с разных концов Руси и Литвы его верные сторонники (Ряполовские, Басенок, Оболенские), новгородцы оставались в стороне.

Чрезвычайно ярко новгородская линия выступает в летописной записи 6956 г.: «Князь великий Василей выбеже во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри и тотари; и слышав князь Дмитрии и князь Иван Можайский, и выехаше за Волгу в Галичь и на Кострому и на Вологду, и стоаху противу себе о рече о Волге, а новгородци не вступишася ни по⁸⁴одином».

Так же, как и в 1380 г., когда новгородцы уклонились от участия в великом деле борьбы Руси с татарами, так и теперь они воздержались от участия в решающей схватке между сторонниками единогодержавия и феодальными смутьянами.

Впрочем, нейтралитет Новгорода отнюдь не был последовательным: он прикрывал сочувствие Шемяке, к которому новгородские боярские верхи обнаруживали большее тяготение, нежели к Василию II. Еще в 1442 г. когда Василий II «разкинул» с Шемякой, и разбитый Шемяка, преследуемый Василием II, «отбежал» в новгородские земли, где «много волостем: пакости створи», Шемяка отправил в Новгород посла с предложением принять его «на своей воли». Новгородцы, вместо того чтобы ополчиться на Шемяку за его «пакости», ответили уклончивым сдержанным согласием: «Хощешь, княже, и ты к нам поедь, а не восхошь, ино как тебе любо».⁸⁵ Шемяка в Новгород не пошел, ибо рассчитывал на более активную поддержку в других местах.

Как только Шемяка, по ослеплению Василия II, сел на Москве, новгородцы поспешили признать его великим князем. Сразу после присылки Шемякой «поклонщиков» в Новгород новгородцы направили в Москву послами двух посадников, и Шемяка целовал новгородцам крест «на всех старинах»,⁸⁶ укрепляя убеждение в том, что в его лице новгородские бояре получают вполне приемлемого для них князя. Когда положение Шемяки пошатнулось, именно в Новгород отправил он свою семью («В лето 6957, Прииде князь Дмитрией Юрьевич с княгинею в Новгород апреля 2»)⁸⁷. Краткое сообщение Новгородской четвертой летописи о приезде семьи Шемяки раскрыто в Летописи Авраамки, согласно коей Шемяка в 1449 г. приехал в Вешеру (Вишеру) и оттуда послал своего боярина в Новгород — «И владыка Еуфимий и Великий Новгород приняша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь и въеха в осенине в Юрьев монастырь».⁸⁸ В Юрьевском монастыре сохранялась связанная с этим пребыванием плашаница, шитая женой Шемяки Софьей Дмитриевной.⁸⁹ Сюда же, как можно судить по посланию митрополита Ионы к Евфимию, Шемяка направил свою казну.

⁸⁴ Там же, стр. 444.

⁸⁵ Там же, стр. 437.

⁸⁶ Там же, стр. 443.

⁸⁷ Там же, стр. 608.

⁸⁸ Лет. Авр., стлб. 192.

⁸⁹ П. Л. Гусев. Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в Великом Новгороде. Вестник Археологии и истории, вып. XIX, СПб., 1909. Также отдельный оттиск: СПб., 1909.. Цитируем по отдельному оттиску.

⁹⁰ «Княгиню свои, и дети, и весь свои кош оставя у вас в Великом Новгороде» (ААЭ, стр. 465)..

Оставив семью и казну в надежном, по его мнению, месте, Шемяка продолжал борьбу с Василием II, опираясь на отцовский Галич. Однако после поражения 27 января 1450 г., которое выбило его и из Галича, ему и самому не оставалось другого прибежища, кроме Новгорода. Здесь Шемяка провел последние годы жизни, продолжая борьбу против Василия. Его официальное положение в Новгороде в эти годы с трудом поддается определению. Новгородское летописание этих лет сохранилось только в виде очень кратких записей. Наиболее ценные сведения о Шемяке передает Летопись Авраамки, где имеется следующее сообщение о приезде Шемяки - в 1450 г.: «Князь великий Дмитриѣ побегал к Великому Новгороду и приеха в Новгород месяца априля в 2 день в среду на Вербной недели, и челова крест к Великому Новгороду, а Великий Новгород челова крест к великому князю Дмитрию заедино».⁹¹ Сопоставим это сообщение с другими известиями о пребывании Шемяки в Новгороде. Наиболее интересное из них — житие Михаила Клопского. Но рассказы о встречах Шемяки с Михаилом Клопским в его житии (отраженные и в клеймах иконы Михаила Клопского в деяниях), слишком сильно напоминают пророчества post factum, чтобы можно было принять их за современный событиям источник. Остро отточенные замечания Михаила Клопского о «трилоктном гробе», которого «досягнет» Шемяка вместо великого княжения, и о земле, зовущей к себе Шемяку («Княже, земля вопиет ти!»), порождены крушением планов Шемяки. П. Л. Гусев, хорошо изложивший наиболее интересные места житийного [рассказа, с основанием заметил: «Здесь, конечно, смешана правда с преданием, современная запись, партийная и пристрастная, и позднейшая легенда, часто вставлявшая пророчества в бесхитротный монастырский рассказ».⁹² Все же сохранившихся показаний источников достаточно для того, чтобы выяснить, был ли Шемяка в эти годы только политическим изгнанником, которому новгородское боярство предоставило убежище, или новгородские власти продолжали признавать его князем. Приведем в обоснование второй точки зрения, которая нам представляется правильной, следующие соображения.

1. В ответ на требование митрополита Ионы, чтобы Евфимий и его паства не общались с Шемякой, как с отлученным от церкви, новгородский владыка ответил: «Преже того русские князи приезжали в дом святой Софеи в Великий Новгород и честь им воздавали по силе, а прежние митрополиты таких грамот с тягостию не посылавали».⁹³ Отсюда вытекает вывод, что Шемяке воздавалась княжеская честь. Это соображение подтверждается и тем местом послания епископов к Шемяке, где последнему предъявляется обвинение в стремлении сохранить «целование» с Великим Новгородом («И ты в целовании с Великим Новгородом, да и Новгород Великий целования не сложил, да еще посылал еси к Великому Новгороду да и посла своего, а зочу себе князем великим, да просил еси у них себе помощи»)⁹⁴.

2. Шемяка продолжал борьбу с Василием II на территории Новгородской земли. Последние военные столкновения между Василием II и Шемякой развернулись в Двинской земле (т. е. во владениях Великого Новгорода). Шемяка, двинувшись на Двину, занял Устюг, жестоко расправился со сторонниками великого князя в Устюге и засел в нем.⁹⁵ В сентябре

⁹¹ Лет. Авр., стлб. 192.

⁹² П. Л. Гусев, ук. соч., стр. 8.

⁹³ Ср. с приведенным выше сообщением Лет. Авр.

⁹⁴ Лет. Авр., стлб. 193.

⁹⁵ Подробный рассказ о занятии Устюга Шемякой и казнях устюжан приведен в Устюж. л. (стр. 72).

1452 г. Василий двинул против него свои силы. Большое войско было направлено на Устюг, второй отряд под «руководством» сына Ивана (будущего Ивана III, в то время 12-летнего мальчика) был направлен в глубь Двинской земли на Кокшенгу. Шемяка, потерпев неудачу на Двине, бежал в Новгород. Между тем московское войско дошло уже до устья Ваги, захватывая пленников и добычу: «А князь великий Иван, — читаем в Софийской второй летописи, — да царевич⁹⁶ с ним шед на Кокшенгу и градки их поимаша, а землю ту всю пусту поплениша и в полон поведоша». Городки, которые захватывали московские войска, были новгородскими, так же, как новгородской была та земля, которую пустошили войска великого князя. Поэтому войну 1452 г. можно считать, по сути дела, войной Новгорода против великого князя. И развернулась эта война там, где уже неоднократно мерялись силами новгородские бояре с московскими и другими великорусскими князьями.⁹⁸ Если к этим соображениям добавить, что и в Новгороде, и в союзном ему Пскове после смерти Шемяки — его сына и его семью держали в большом почете,⁹⁹ становится бесспорным вывод о том, что приведенные выше слова Летописи Авраамки правильно определяют отношения Новгорода и Шемяки.

Новгородское правительство, таким образом, не смогло удержаться на позиции нейтралитета в феодальной смуте. Оно вмешалось в борьбу, выступив на стороне Шемяки.

Однако вмешалось оно слишком поздно, тогда, когда исход борьбы был уже предрешен. Поддержка, оказанная Новгородом Шемяке, лишь на несколько лет затянула смуту, не спасла Шемяку и ускорила решительное выступление великого князя против Новгорода.

VI

Расплата за двоякую и близорукую политику новгородского боярства во время Шемякиной смуты последовала очень быстро. Не прошло трех лет после смерти Шемяки, «последнего двойника великого князя» (Соловьев), как Василий II, покончив с бывшим союзником Шемяки — Можайским князем, выступил зимой 1456 г. (19 января в понедельник) с большой ратью против Новгорода.¹⁰⁰ Война оказалась «молниеносной», и исход ее был разрешен даже не главными военными силами великого князя, а «изгонной ратью». Отправленный на Русу отряд, под командова-

⁹⁶ Татарский царевич Ягуб.

⁹⁷ Соф. II л., стр. 180; Москов. св., стр. 272.

⁹⁸ Такой трактовке политики Новгорода в 1452 г. как будто противоречит сообщение Лет. Авр. о походе князя Александра Чарторыйского с новгородцами на Ивана Андреевича Можайского, союзника Шемяки. Но князь Иван в это время уже отступился от Шемяки, и поход против него не следует толковать как выступление против Шемяки. Больше того, поход против Ивана Можайского можно включить в совместные с Шемякой действия против великого князя (и его союзника). Тогда становится понятной дальнейшая запись летописи об опустошении новгородскими войсками земель великого князя («В весне, в великое говенье, поидоша Новгородци с князем Александром Васильевичем на князя Ивана Одреевича Можайского; и то слышав, князь Иван побеже, и Новгородци с князем Александром Васильевичем много волостей великого князя воеваше и пожгоша, и полону много приведоша» — Лет. Авр., стлб. 193).

⁹⁹ Вдова Шемяки уехала из Новгорода только после Яжелбицкого соглашения.

¹⁰⁰ Наиболее ценные рассказы о походе 1456 г. сохранены в Лет. Авр. (стлб. 194—196) и в Москов. св. (стр. 274—275), а также Симеон, л. (стр. 210—211). Последний повторен в позднейших московских сводах. Рассказ Лет. Авр. и Москов. св. взаимно дополняют друг друга. Первый излагает события глазами новгородца и включает ряд ценных подробностей о действиях новгородцев. Второй несколько подробнее излагает военные действия московской рати.

нием испытанных в боях воевод Василия II (князя Ивана Васильевича Оболенского-Стриги и Федора Басенка), занял Русу столь стремительно, что жители ее не успели ни сами укрыться, ни припрятать свое богатство («... не успеха ¹⁰¹выбежати люди, сущий тамо, ниже товары, вынести или похоронить где»). Московские войска приступили к разграблению Русы. Даже Московский свод говорит о «многом множестве богатства», захваченном в Русе, а Летопись Авраамки поясняет, в чем состояли эти богатства: «Животы пограбиша, и у святых церквей двери выломаша и от икон кругу отымаша... сребра и злата, и порт, и всякого товара много пограбиша, а рушан почаша имати и бити и животов у них сочти».¹⁰²

В ответ на это из Новгорода быстро были двинуты войска к Русе. Однако новгородцы действовали несогласованно. Князь Александр Чарторыйский со своей дружиной почему-то несколько медлил: он и вышел из города «после» и остановился на Липне ночевать. Между тем князь В. В. Шуйский (Гребенка) со своей дружиной и с новгородскими боярами (во главе с посадником Иваном Лукиничем Шокой), не дождавшись князя Александра Чарторыйского, поутру 3 февраля («в вторник порану»), подошли к Русе.

В первом столкновении на окраинах города новгородцы добились некоторого успеха. По рассказу Летописи Авраамки, «сступишася и бысть бой у Ильи святого на огородах и паде ту москвиць и татаров 50 чел. и побегоша москвице в Русу, а новгородцы поидоша по улицам и дворам». Но пока увлеченные первым успехом новгородцы принялись за ограбление убитых («...почаша снимать и с шестников и татаров битых ту платье и доспехи»), подошла «ис поля» другая часть московской рати, ударившая на новгородцев «и сзади и с стороне». Исход боя был решен первой же схваткой, в которой были убиты некоторые из виднейших новгородских бояр и среди них посадник Носов («И на первом суйме новгородских бояр убыен бысть Есиф Васильевич Носов Офонас Богданович, сын посадник, а раненых и битых много».¹⁰³

Московский рассказ отмечает военное искусство московских воинов, которые, учтя крепость доспехов новгородцев, били стрелами не по всадникам, а по коням: «Кони же их яко взбеснеша, и начаша метатися под ними, с себе збинати их. Они же (новгородцы, — В. Б.)... валяхуся под кони свои, не могуще здержати их».¹⁰⁴ Об этом же говорит и Летопись Авраамки, добавляющая только о мужестве некоторых руководителей новгородского войска (особенно князя Василия Васильевича Шуйского и Василия Казимира), однако даже эти наиболее стойкие новгородские военачальники обратились в бегство. Так, о Василии Казимире в Летописи Авраамки читаем: «Василей Олександрович Казимир бился много, ¹⁰⁵и събиша его с коня, и подомчаша ему иного, и на том убежа уязвен». Битва кончилась полным разгромом новгородцев. Даже псковский летописец, в то время державший сторону Новгорода, отметил огромные преимущества московского войска и неспособность новгородцев. Картина сражения, нарисованная им, изображает беспорядочное бегство новгородских начальников и избиение их и пленение. «Москвичи удариша на них, — писал он, — новгородци же, выдавше непособие свое, побегоша, а москвичи гнашася в след их биюще и убиша посадника Иосифа Носова, и инех бояр

¹⁰¹ Москов. св., стр. 274.

¹⁰² Лет. Авр., стлб. 194.

¹⁰³ Там же, стлб. 195.

¹⁰⁴ Москов. св., стр. 274.

¹⁰⁵ Лет. Авр., стлб. 195.

неколько, а иных разбежались ранены, а князь Василий сам третий убежа, а посадника Михаила Тучю руками яша».¹⁰⁶

Такую же картину рисует и Ермолинская летопись («Оболенский Стрига з братьею да Феодор Васильевич Басенок, удалый воевода, новгородцев смердов били, и иных поймали и к великому князю привели, и посадника их лучшего Михаила Тучю».¹⁰⁷ По сути дела, этот рассказ ростовского летописца о битве под Русой мало чем отличается от псковского. В ростовском рассказе только подчеркнуто пренебрежение к новгородцу — смерду.

Полным презрением к боеспособности новгородцев проникнут и Московский свод, утверждающий, что пленных было мало только потому, что некому было брать их в плен («А пойманных того ради не много бысть, некому было имати их, поне же мало бысть воинства великого князя»)¹⁰⁸.

Взятие Русы и разгром новгородского войска еще не до конца убедили новгородские власти в невозможности дальнейшего сопротивления. Новгородцы попытались поднять на борьбу против великого князя псковичей. По словам Псковской летописи, посол новгородский (подвойский Есип), отправленный в Псков после поражения, взывал к псковичам: «Братья наша молоджьшая, мужи псковские, брат ваш Великий Новгород вам клянется, чтобы есте нам помогли противу великого князя и крестное целование бы есте правили».¹⁰⁹ Очевидно, и во Пскове не считали дело Новгорода окончательно проигранным, потому что псковичи согласились выступить против великого князя. Выступление псковичей в 1456 г. на стороне Новгорода и против великого князя, в отличие от походов 1441 г. и 1471 г., заслуживает того, чтобы на нем специально задержаться. Сообщения псковских летописей, объясняя поведение псковичей, подчеркивают их верность союзным обязательствам, не упустив при этом случая попутно уколоть новгородцев. Оба варианта псковских сообщений о выступлении псковичей (подробный и краткий) проникнуты одной тенденцией. Приведем их:

Псковская первая летопись

«Псковичи же, взирая на бога, на святую троицу и древних времен не поминая, что псковичам новгородцы не помогали ни словом, ни делом, ни на кую же землю, и послаша псковичи воевод своих, и посадника Леонтия Макарьинича, и посадника Максима Ларионовича с силою псковскою в помощь Великому Новгороду, крестное целование правя противу великого князя, месяца февраля в 15 день».¹¹⁰

Псковская вторая летопись

«И псковичи не помянуша древняя злобы их, но правяше свое крестное целование, отрядиша воеводами посадника Леонтия Макарьинича, и Максима,¹¹¹ и послаша с силами февраля 15».

Конечно, трудно думать, что за 15 лет с 1441 г. уважение псковичей к договорным обязательствам столь возросло, что они готовы были пойти на конфликт с великим князем только из-за верности «крестному целованию». Ведь в 1441 г. они в аналогичном случае «не ослушались своего осподаря, отслаша Великому Новгороду мирную грамоту и целование отказа». Поведение псковичей определялось в 1456 г. тем, что в столкновениях с немцами, завершенных Юрьевским договором 1448 г., они полу-

¹⁰⁶ П П Л, стр. 49.

¹⁰⁷ Ерм. л., стр. 155.

¹⁰⁸ Москов. св., стр. 275.

¹⁰⁹ П III Л, стр. 142.

¹¹⁰ П I Л стр. 53.

¹¹¹ П П Л, стр. 49.

чили действительную помощь от Новгорода. Они стремились сохранить военный союз с Новгородом против немцев и сохранили его даже после войны 1456 г., как об этом свидетельствуют события 1459—1460 гг.¹¹² Полагаясь на силу и прочность новгородско-псковского военного союза, псковичи ослабили свои связи с Москвой. Они не побоялись даже открыто продемонстрировать свое расположение к Шемячичу. Когда после смерти отца Иван Шемячич, оставив Новгород, явился во Псков, он был встречен псковичами «с великою честью». Шемячич пробыл во Пскове три недели, а оттуда двинулся на Литву, причем псковичи на дорогу дали ему 20 руб.¹¹³

Урегулированы были отношения и между новгородским владыкой и псковской церковью. Приезды Евфимия во Псков в 1449 г. и 1453 г., подробно описанные в псковских летописях, превратились в демонстрации псковско-новгородской дружбы. На торжественном богослужении были прокляты враги Новгорода и Пскова и вознесена слава их защитникам («Злыя проклинаша, которые зла хотят дому святей Софии, и дому святей Троицы, и Великому Новгороду и Пскову, а благоверным князем, лежащим в дому святей Софии, и в дому святыи Троицы, тем пеша вечную память, тако же и инем добрым людем, который положиша свои главы и кровь свою пролияша за дома божия и за православное христианство, тем пеша вечную память с живущим окрест святого София и Великом Новгороде и окрест святен Троицы в Великом Пскове и добра хотящим Новгороду и Пскову, тем пеша многа лета»)¹¹⁴. Этими обстоятельствами можно объяснить выступление псковичей в 1456 г. на стороне Новгорода. Оно не оказало, однако, сколько-нибудь значительного влияния на ход военных событий. В бой псковичи не рвались: они простояли в Новгороде полторы (или 2¹/_г) недели до переговоров о мире и в военных действиях участия не приняли. Продемонстрировав, таким образом, свою верность Новгороду, псковичи вернулись к себе «все добри, здорови». Не удивительно поэтому, что летописи непсковского происхождения о выступлении псковичей даже не упомянули.

Вернемся к событиям в Новгороде. Вскоре после поражения под Русой в Новгород пришло сообщение о НОЕОЙ победе московских войск. В «пяток на масляной неделе» (в феврале) был взят городок Молвотицы после двухнедельной обороны. Следом за Молвотицами был взят городок Стерж.¹¹⁵ После этих неудач в Новгороде порешили искать мирного соглашения с Василием II. В конце февраля было отправлено к великому князю в Яжелбицы большое посольство в составе пяти бояр, трех посадников и двух тысяцких и пяти житых людей, чтобы «докончат мир». Новгородцы отказались от продолжения борьбы, не попытавшись даже использовать псковскую рать. Новгородские власти пошли тем путем, который со времен мира в Ямнах с Дмитрием Донским и Порховского мира с Витовтом стал традиционным путем новгородской дипломатии, — они купили мир, уплатив великому князю «заистому» десять тысяч рублей.

¹¹² Во время конфликта между Псковом и немцами в 1459—1460 гг. новгородцы выступали опять сообща с псковичами: они взяли на себя посредничество в мирных переговорах, а после срыва их приняли участие в общем походе на немцев. «В рождественское говение, — рассказывает Псковская летопись, — князь псковский Александр Васильевич с посадниками новгородскими и со псковичи ехавше в Немецкую землю и много повоеваша на 70 верст в землю Немецкую» (II I Л, стр. 57). Это был последний совместный поход новгородцев и псковичей на немцев.

¹¹³ II I Л, стр. 52.

¹¹⁴ Там же, стр. 49—50.

¹¹⁵ Лет. Авр., стлб. 196.

VII

Переговоры 1456 г. между Новгородом и боярами Василия II не ограничились вопросом о размере контрибуции. В Яжелбицах встали и важные вопросы о власти великого князя. Сохранившиеся грамоты о мире 1456 г. позволяют выяснить позиции договаривающихся сторон. Новгородские послы пытались отстаивать в полном объеме всю новгородскую «старину». Послы ограничились тем, что переписали договорную грамоту 1435 г. (которая, как сказано выше, воспроизводила текст грамоты 1270 г.). «Поправки» к грамоте 1435 г. свелись лишь к тому,¹¹⁶ что в статье «А на новгородской земли волостей не ставити» — слово «волостей» было заменено словом «сел», а в известной формуле «смерд потянет в свой погост», «погост» был заменен «потугом». К этим «поправкам» свелись политические выводы, которые сделали для себя новгородские послы из бурных событий двадцатилетия (1435—1456 гг.). Новгородская грамота 1456 г.¹¹⁷ — любопытнейший памятник политической косности и самоуверенности руководителей новгородского правительства. В ней изложены все статьи обычных новгородских грамот со времен Ярослава Ярославича. Самый тщательный анализ новгородской грамоты не обнаружит в ней никаких отзвуков той кровавой борьбы, которая разыгралась около Русы. Кроме глухого традиционного упоминания о «нелюбии» («А что вам князи: великий гнев на владыку, и на посадника и на тысяцкого, и на весь Новгород, то вам князи великий, нелюбие отложить»), ничто не говорит о каких-либо столкновениях между Новгородом и Василием II. Даже статья о новгородских волостях сохранена была в прежнем виде, так что в ней фигурировали и Бежичи и Вологда, хотя они к этому времени уже перешли в руки московских князей.

Если новгородский проект 1456 г. свидетельствует о неповоротливости новгородской политической мысли, то противопоставленный ему московский проект,¹¹⁸ привлекает к себе внимание историка новизной формы и содержания. Московская грамота представляет примечательный документ, характеризующий политические устремления складывающегося московского единодержавия. Она прошла и через новгородскую редакцию, отразившуюся в ряде мест текста грамоты.¹¹⁹ Но основу ее составляет московское повеление. Она начинается (после введения) властным приказом великого князя («Повелехом»). Грамота включает ряд пунктов, связанных с только что закончившейся войной.

1. Новгород обязуется порвать всякие связи с противниками великого князя, с Иваном Шемячичем и семьей Шемяки, а также с князем Иваном Можайским. И впредь Новгород обязуется не принимать «лиходеев великого князя».

2. Обе стороны размениваются без выкупа полоном старым и новым.

3. Новгород обязуется «не держать нелюбия» на тех жителей Новгородской земли, которые целовали крест великому князю.

4. Ростовские и белозерские земли, купленные новгородцами, возвращаются великому князю.

¹¹⁶ Если не считать опуск да замены единственного числа местоимения второ-го лица множественным; было выпущено также упоминание о Дмитрие Тарасове.

¹¹⁷ Грамоты В. Н и П., № 22.

¹¹⁸ Там же, № 23.

¹¹⁹ Это убедительно показано Л. В. Черепниным (Русские феодальные архивы, стр. 360—361).

Но главный смысл московской грамоты заключался не в этих статьях, а в установлении новых норм во взаимоотношениях между Новгородом и великим князем. Сохраняя во многом в прежней силе «старину», великий князь взрывал ее основу тремя важнейшими пунктами Яжелбицкой грамоты: установлением «смесного» княжеского суда на Городище, введением великокняжеской печати и в особенности лишением веча значения высшей судебной инстанции. Установленный по повелению князя «смесный» суд на Городище должен был разбирать конфликты между новгородцами и людьми великого князя («Судити им князей великих человека с новгородцем»). Суд творили боярин от великого князя и боярин от Новгорода. В случае разногласия («...аже ся сопрут о котором деле, а не могут управити»), дело переходит на совместное решение великого князя с посадником («...и тому делу тогда учинит князь на Городище с посадником конец»).

Менее ясен смысл договора в части печати и вечевых грамот. Пункты «А вечным грамотам не быти» и «А печати быти князей великих» настолько удалены один от другого рядом других пунктов, что вряд ли могут быть с полным основанием связаны один с другим. Контекст, в котором выдвинуто положение о «вечных грамотах» позволяет отстаивать мысль о том, что речь шла об отмене (или ограничении) значения веча как высшей судебной инстанции.¹²⁰ Пункт о печати, вероятно, следует трактовать также ограничительно, а не видеть в нем требования, чтобы все акты новгородского правительства имели бы печать великого князя.¹²¹

И при всем ограничительном значении этих статей Яжелбицкий договор 1456 г., впервые в систематическом виде излагавший политические притязания московских великих князей, имел чрезвычайно большое значение в истории взаимоотношений Новгорода и великого князя. До сих пор юридические отношения между великим князем и Новгородом оформлялись на основе старых новгородских грамот, в которые Москва вносила только частичные поправки. В 1456 г. окостеневшей новгородской «старине» была противопоставлена систематически изложенная программа, которая не сводилась уже к отдельным поправкам, а требовала коренного пересмотра взаимоотношений между Новгородом и великими князьями.¹²²

Московский летописный свод конца XV в. точно определил линию московского великого князя при заключении Яжелбицкого мира «Посла боар своих в Новгород и приведоша весь Новгород к целованию, что им быти у него в послушании, а его лиходеев изменников у себе не держати».¹²³ Яжелбицкое соглашение в действии ясно выступает в событиях 1460 г., когда Василий II с двумя младшими сыновьями прибыл в Новгород «миром» и стоял 5 недель с лишком на Городище.¹²⁴ «Князь вели-

¹²⁰ Ему предшествуют три статьи о суде на Городище.

¹²¹ Не имелись ли здесь в виду договоры с иноземными государствами (Литвою и Немцами). Интересен в этом отношении рассказ Псковской летописи о заключении договора с немцами в Новгороде в 1461 г. о пятилетнем перемирии. В переговорах с немецкими послами и в заключении мира деятельное участие принимал посол великого князя (П I Л, стр. 60).

¹²² Весьма интересные и убедительные соображения Л. В. Черепнина о составе сборника новгородских и двинских актов, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, подчеркивают значение, которое придавали Яжелбицкому соглашению московские политики второй половины XV в. (Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 335—336).

¹²³ Москов. св., стр. 275.

¹²⁴ П IV Л, стр. 455. Василий пробыл в Новгороде с 20 января по 1 марта (см.: П I Л, стр. 57, 59).

кий Василей Василич приеха с Москвы во свою отчину, в Великий Новгород с своими сыновьями со князем Юрием да со князем Андреем о >всех своих управах», — сообщает о поездке Василия Псковская первая летопись.

Большинство летописей в сообщениях о поездке 1460 г. ограничивается указанием на ее мирный характер и на внимание великого князя к новгородским святыням. Однако поездка 1460 г. протекала не в столь спокойной атмосфере, как можно заключить по елейным сообщениям поздних московских сводов. Очень осведомленный в части новгородских событий автор Строевского списка Новгородской четвертой летописи прибавил к обычным сообщениям о поездке Василия II чрезвычайно многозначительную оговорку о настороженном отношении новгородцев: «Приеха в Новьгород князь великий московский Василий Васильевич и с своими двема сыны, с Юрьемъ и с Ондреемъ, на миру к святей Софеи на поклон, а новгородци во стороже жиша».¹²⁶ Как далеко шла эта «настороженность» новгородцев, говорит следующее сообщение Софийской второй летописи о событиях в Новгороде после приезда великого князя: «Ноугородцы же ударив в вече и собравшия ко святей Софеи, свешашася все великого князя убити и с его детми. Ста же противу их владыка Иона,¹²⁸ река сице: „О безумнии людие! еше вы великого князя убьете, что вы приобрящете? но большую язву Новгороду доспеете; сын бо его большей князь Иван се послышит ваше злоторение, а се часа того рать испросивши у царя¹²⁹ и поидет на вы и вывокуют всю землю вашу”. Они же окаiania возвратишася от злыя мысли своя».¹³⁰

Трудно определить источник этого сообщения, а следовательно, и степень точности передачи им того, что произошло на площади перед Софийским собором в ожидании Василия II. Но даже, если в основе сообщения Софийской второй летописи лежат лишь московские «слухи», то все же оно характеризует атмосферу, порождавшую такого рода слухи. Что отношения между новгородцами и московскими боярами, сопровождавшими князя, были весьма напряженными, свидетельствует также приведенное в Софийской второй летописи, Софийской первой летописи (список Царского) и в Ермолинской летописи сообщение о покушении на одного из самых верных слуг Василия II — «удалого воеводу» Федора Басенка. Краткое сообщение Софийской летописи — «Тогда же Федора Басенка хотели убити шылники»¹³¹ — раскрыто в более подробном рассказе Ермолинской летописи, в котором указано, что нападение было произведено на Басенка при возвращении его на Городище с пира у посадника и что при этом нападении «шилники» «убиша у него слугу именем Илейку Усатого Рязанца». Эти подробности позволяют отнестись с доверием к рассказу летописца. Еще интереснее следующая непосредственно за рассказом о покушении на Басенка запись Ермолинской летописи: «Новгородци же слышавше голку и возмятошася и приидоша всем Новым Городом на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сын пришел ратью на них и едва утолишася». Кончает летописец за-

¹²⁵ Там же, стр. 57.

¹²⁶ Н IV Л, стр. 445.

¹²⁷ Не в ожидании ли великого князя, направлявшегося «на поклон» к святой Софии? (Соф. II л., стр. 182).

¹²⁸ Иона занял место Евфимия, скончавшегося в 1459 г.

¹²⁹ Т. е. у татарского хана.

¹³⁰ Соф. II л., стр. 182; см. также: Львов, л., стр. 264.

¹³¹ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 272; Соф. II л., стр. 182.

мечанием: «Мало упасе бог от кровопролития».¹³² Эти слова очень хорошо характеризуют накаленную атмосферу в Новгороде во время «мирного» похода Василия II в 1460 г.

К сожалению, источники не сохранили почти никаких указаний на те мероприятия, какие были проведены великим князем во время пятидневного пребывания на Городище и которые, очевидно, и были причиной настороженности новгородцев и их выступлений против великого князя («...первой судороги политической агонии Великого Новгорода»)¹³³. Из сообщения Летописи Авраамки известно только, что в следующем году (1461 г.) с новгородцев был взят «черный бор».¹³⁴

Единственный вопрос, о котором сохранились сравнительно подробные сообщения в летописях, это вопрос о взаимоотношениях между великим князем и Псковом. Переговоры по этому вопросу, подробно пересказанные в Псковской летописи, заслуживают внимания со стороны историка Новгорода и по существу дела и по формулировкам, в какие были облечены решения великого князя. Обратимся к рассказу Псковской летописи. Узнав о прибытии великого князя в Новгород, псковичи снарядили большое посольство в составе двух посадников и бояр ото всех концов. Посольство должно было принести великому князю в дар «50 рублей» и обратиться с двумя челобитьями. Во-первых, послы били челом «господину и господарю князю великому Василию Васильевичу о жаловании и печаловании своєю отчины, мужей псковичь добровольных людей», жалуясь на обиды «от поганых немец водою и землею и головами». На это челобитье, в котором псковичи, величая его и господином и господарем, вместе с тем подчеркиваяше называли себя добровольными людьми, великий князь милостиво обещал взять Псков под свою защиту («Аз вас, своєю отчину, хошу жаловати и боронити от поганых»). Но послам не удалось договориться с великим князем по второму порученному им вопросу — о назначении князя Александра Чарторыйского великокняжеским наместником во Псков. Когда-то направленный во Псков Василием II, князь Александр перешел в Новгород, где, как упоминалось выше, пошел на сближение с Шемякой и даже женился на его дочери. После Яжелбицкого договора летом 1456 г. князь Александр вынужден был оставить Новгород. Он вернулся во Псков, куда его усердно приглашали псковичи. В 1460 г. псковичи пытались восстановить князя Александра в должности наместника великого князя. В ответ на челобитье псковичей о князе Александре великий князь потребовал, чтобы князь Александр поцеловал крест ему и его детям и только при этом условии соглашался поставить его наместником («Отпущу вам князя Александра, аже токо поцелует животворящий крест ко мне, князю великому, и к моим детям, к великим князям, что ему зла на мене и на моих детей не мыслити, ино вам буди князь, а от мене наместник»). Князь Александр отказался поцеловать крест («Не слуга де яз великому князю») и, не смотря на все просьбы псковичей, весьма ценивших его боевые заслуги («...псковичи много биша ему челом, чтобы остался»), не согласился остаться во Пскове. «Коли не учнут псковичи соколом вороны имать, ино тогда де и мене Черториского вспомянете, — говорил он на вече. — Я вам не князь».¹³⁵ После отъезда Чарторыйского из Пскова, чего и до-

¹³² Ерм., стр. 156.

¹³³ Пресняков. Образование, стр. 412.

¹³⁴ «Той же зимы даша новгородци князю великому Василию Васильевичу на хрестьянах черный бор» (Лет. Авр., стлб. 204)

¹³⁵ П I Л, стр. 58.

бывался великий князь, в Псков был послан сын Василия II Юрий с московскими боярами. Псковичи его приняли с почестями как псковского Князя: «Приаша его псковичи с великою честью и посадиша его на столе в святе Троици и даша меч в руце его князя Доманта и многы даоы даша ему».¹³⁶ Наместником великого князя был поставлен князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, один из самых надежных слуг Василия II. Этими мероприятиями не только был удален из Пскова сторонник и зять Шемяки, но и положено прочное начало подчинению Пскова власти великого князя.¹³⁷ Правда, конфликтов между «добровольными» псковичами и великокняжескими наместниками будет еще немало и кое-кого из наместников псковичи непочтительно «спхнут» со степени, как это было через два года (в 1462 г.) с преемником князя Оболенского,¹³⁸ но во Пскове больше не будет литовских князей, и наместников он будет принимать только от великого князя. Подорвана была почва и под псковско-новгородским военным союзом против немцев: «боронить» псковичей от немцев будет объединяющаяся и под руководством Москвы Великороссия.

В ближайшей войне Пскова с немцами в 1463 г. псковичам помог посланный из Москвы отряд под руководством воеводы князя Федора Юрьевича. «А новгородцы тогда не помогоша псковичем, ни словом, ни делом противу Немець; а псковичи много им биша челом, они же челобитие псковского не прияша».¹³⁹ Военный союз между Псковом и Новгородом фактически прекратил свое существование. Заключение НОЕГО договора между Новгородом и Псковом в 1465 г., хотя и вызвало большую радость псковичей («...и бысть новгородцем и псковичем радость о миру»)¹⁴⁰ не привело к восстановлению тесной дружбы времен Шемякиной смуты. Поэтому стало невозможным повторение той политической ситуации, которая создалась во время похода 1456 г., когда силы Новгорода и Пскова выступали совместно против великого князя.

В Новгороде, конечно, понимали политический смысл соглашения между Псковом и великим князем в 1460 г. В Летописи Авраамки политика псковичей была осуждена такими суровыми словами: «Той же зимы взбуяшася пьсковичи в нестройне уме, наша братиа мнимая по нашим грехом задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове, утайвся своего брата старейшего Великого Новгорода».¹⁴¹ Но новгородские власти были бессильны удержать Псков и под политической опекой «старейшего брата», хотя и понимали всю серьезность вопроса. Победа великого князя во Пскове над Новгородом определилась не только «грехами» новгородских правителей (их близорукой политикой по отношению ко Пскову), но прежде всего ростом военной мощи объединяющейся Великороссии, под защиту которой тянулся порубежный Псков,

В «Сокращенном Новгородском летописце» (список Никольского) события 1456—1461 гг. изложены в следующих кратких словах: «Приде князь великий Василей Васильевич к Новугороду ратею и взял Русу, и

¹³⁶ Москов. св., стр. 276.

¹³⁷ Пресняков. Образование, стр. 412.

¹³⁸ «Псковичи выгнаша из Пскова князя Володимера Андреевича, а иные невелигасы псковичи, злые люди, сопхнувшие его степени. (II I Л, стр. 62).

¹³⁹ II I Л, стр. 68.

¹⁴⁰ Там же, стр. 72.

¹⁴¹ Лег. Авр., стлб. 202. 213.

воротися от Яжелбиц» и дальше приписано на полях киноварью: «Взял князь великий Русу, а на пятой год пришед стоял на Городищи 5 недель. После Городиского стояния в 17 лето был князь великий на Шолоии и взя 16 000 рублев и отъиде; то же именуется и Шолонский бой».¹⁴² Автор киноварной приписки допустил в ней хронологическую неточность (между «Городиским стоянием» 1460 г. и Шелонской битвой протекло не 16 лет), но он обнаружил правильное понимание хода событий, подчеркнув связь между Яжелбицким миром, «Городиским стоянием» и событиями 1471 г. Лжелбицкий мир и «Городиское стояние» 1460 г. открыли последнюю страницу в истории взаимоотношений Великого Новгорода с великими князьями.

Московский летописец, рассказывая о вступлении на престол Ивана III, писал: «Того же лета князь великий Иван Васильевич седе на столе отца на великом княжении в Володимери и на великом княжении в Новгороде Великом и Нижнем, и на вся Русской земли».¹⁴³

Если по отношению ко всей Русской земле эта формула оставалась еще только программой, то по отношению к особо оговоренным и выделенным из Русской земли Владимиру и обоим Новгородам она говорила уже о достигнутом (хотя в Новгороде Великом, в отличие от Нижнего, еще не закрепленном).

¹⁴² Н IV Л, стр. 609.

¹⁴³ Ерм. лет., стр. 157. Ср. с летописной записью о вступлении на престол Василия II, в которой назван Владимир и Нижний Новгород, но отсутствует упоминание о Великом Новгороде «Того же лета сын его князь Василей Васильевич седе на великом княжении Володимерьском и Московском и Новгородском Нижнем» (Соф. I Л. (ПСРЛ, V), стр. 263).

КРУШЕНИЕ ПОЛИТИКИ НОВГОРОДСКОГО БОЯРСТВА

I

История Новгорода за последнее десятилетие перед шелонским разгромом (в 60-х годах XV в.) — одно из наиболее темных мест в длительной эпопее Новгородской боярской республики. Если памятники новгородской литературы и искусства дают возможность охарактеризовать в общей форме настроения феодальных верхов новгородского общества 60—70-х годов, то конкретная политическая история этого десятилетия остается для исследователя скрытой. Объясняется это главным образом состоянием новгородского летописания за эти годы.

В архиепископство Ионы, в отличие от его чрезвычайно деятельного предшественника, отказались от попыток создания новых сводов, потому ли, что политическое положение Новгорода после Яжелбицкого договора вскрыло всю противоречивость «исторических концепций» евфимиевских сводчиков, потому ли, что не хотели идти на столкновение с Москвой. Обломки новгородского летописания этих лет, сохраненные в Летописи Авраамки, некоторых списках Новгородской четвертой летописи и отчасти в поздних сводах, носят характер кратких сухих записей. Летописцы соседнего Пскова, поглощенные внутренней историей своего города и его борьбы с немцами, уделяли очень малое внимание истории Новгорода, ограничившись только вопросом участия Новгорода в совместной борьбе против Ордена. Еще беднее показания других летописей. Все же, сочетая бедные показания летописей с внелетописными источниками, можно установить основные линии новгородской политики этого десятилетия.

Официальная линия, отраженная в деятельности архиепископа Ионы, подчеркивала готовность Новгорода жить в мире и согласии с Москвой. В то время как новгородские «шлыньники» подготавливали убийство Федора Басенка, близкие к Ионе церковники рассказывали о чудесном исцелении юного постельничего великого князя Григория Тумгана мощами новгородского святителя Варлаама Хутынского.

Приведенный выше рассказ Софийской второй летописи о выступлении Ионы в 1460 г. против покушавшихся на Василия II новгородцев по-

¹ Лет. Авр., стлб. 200—201. Чудо это вошло в житие Варлаама Хутынского и изображено на одном из клейм его иконы (см.: А. И. Анисимов. Икона Варлаама Хутынского в Новгородском епархиальном древлехранилище. Труды Новгородского церковно-археологического общества, т. Т. Новгород, 1914, стр. 153; «Сказание чудеси великаго чюдѡвирца Варлаама» Родиона Кожуха см.: Львов, л., егр. 264—266.

казывает, как расценивалась эта политика Ионы в Москве. Дружественное великому князю направление политики Ионы может быть подкреплено ссылкой и на следующие факты. В 1459 г., вскоре после избрания, Иона поехал на поставление в Москву. Вернувшись из Москвы, Иона, подчеркивая единство Новгорода с Москвой, ввел в Новгороде почитание московского святителя Сергия Радонежского («Того же лета владыка Иона постави святого Сергеа»).

В 1463 г. после смерти Василия II Иона вновь возглавил большое посольство в Москву о «смирении мира». Этой поездке Ионы в Москву предшествовали некоторые трения между Новгородом и великим князем: «В ты дни нача князь великий Василей Васильевич возбужатися от гнева на архиепископа Иону и на Великий Новгород, что к нему не поехал». Владыка пробыл немало времени в Москве («... пребывше немало дней на Москве») и был принят с почестями. Но в основном вопросе владыка успеха не добился. Близкий к двору Ионы летописец записал с грустным раздумьем: «А о блазе миру не успеха ничто же, далече бо от грешных спасение». Как видно из последних слов летописца, отношения между великим князем и Новгородом и реальное направление новгородской политики в это десятилетие отнюдь не определялось выступлениями Ионы в Москве и писаниями новгородских книжников, составителей жития Варлаамия Хутынского и Михаила Клопского.

Анализ отношений между Новгородом и великим князем начнем с обзора вопросов внешней политики.

На первых порах после приезда Василия II в Новгород в 1460 г. авторитет великого князя во внешнеполитических сношениях Новгорода был укреплен. Переговоры с иностранными послами велись от имени великого князя и при деятельном участии его наместника или посла. Так по крайней мере обстояло дело с заключением перемирия с немцами в 1461 г. Согласно подробному рассказу Псковской летописи об этом перемирии, немецкие послы, прибыв в Новгород, били челом «послом (послу) великого князя Василия Васильевича и мужем новгородцем, также и псковскому послу посаднику Зиновию Михайловичи) о перемирии, чтобы князь великий Василе(й) Василювич дал перемирие со псковичи немцем на пять лет». Таким образом, в переговорах с немецкими послами наряду с новгородскими и псковскими властями принимал участие посол великого князя и, что особенно существенно, переговоры велись от имени великого князя.

В Псковской третьей летописи даже имеется указание на то, что были отправлены гонцы к великому князю, чтобы просить его согласия на заключение мира («И послаша на Москву ко князю великому своих гонцов от Великого Новгорода и от Пскова, възвещая ему немецких послов челобитие»). «И князь великой Василей Васильевич... поволит... Великому Новгороду и Пскову дати перемирье на ту 5 лет». Заслуживают внимания и дальнейшие формулировки летописи. Об итогах переговоров летописец сообщает: «И посол князя великого и новгородцы спросившеся с новгородцы и со псковичи и даша им перемирие на 5 лет и целоваша

² Лет. Авр., стлб. 198.

³ Н IV Л (список Никольского), стр. 609; см. также: Лет. Авр., стлб. 199.

⁴ Там же, стлб. 207.

⁵ Там же, стлб. 211.

⁶ Там же.

⁷ Н I Л, стр. 60.

⁸ П III Л, стр. 148.

на том крест». Стало быть, мнение веча было спрошено, но договор заключали посол великого князя и новгородцы. «К перемирным грамотам», согласно рассказу Летописи Авраамки, приложили свою печать «честный посадник степенный Великого Новгорода Иван Лаврентьевич и тысяцкой честный Великого Новгорода степенный Михаил Андреевич»,⁹ но, конечно, на ней была и печать великого князя. Поэтому псковский летописец называет дальше договор 1461 г. «докончанием князя великого». О подписи великого князя под этим договором («князя великого руке») говорит и Летопись Авраамки.¹⁰ Текст этого договора («докончання великого князя») до нас не дошел, и мы лишены поэтому возможности путем сравнительного анализа показать, как отразился новый порядок заключения договоров на их форме. Надо думать, что она была близка по форме к грамоте 1474 г.¹¹

Этот новый порядок заключения договоров с немцами, однако, не был в Новгороде закреплен. Уже во время ближайшего конфликта с немцами в 1463—1465 гг. новгородцы вели свою линию, отличную от псковичей и великого князя. Псковичи порвали с немцами и выступили против них при содействии великого князя, приславшего в помощь Пскову воеводу князя Федора Юрьевича, а «новгородцы тогда не помогаша псковичем ни словом, ни делом противу немец». Больше того, новгородцы не пропускали псковских послов через свою землю и даже, по словам Псковской летописи, пошли на соглашение с немцами против псковичей («Новгородцы же биша челом немцем, чтобы им пособили противу псковичь, и немцы ркошеса пособити».)¹² Летопись Авраамки с таким неодобрением говорит о нарушении псковичами договора о пятилетнем перемирии и обнаруживает при этом столь подозрительную заботу об интересах немец, что приведенное выше Псковской летописью обвинение получает подтверждение и со стороны самих новгородцев.¹³

Когда конфликт между Псковом и Новгородом¹⁵ был улажен, новгородцы заключили очередное перемирие с немцами уже «по старине», без всякого участия посла великого князя. Немецкий текст этого перемирия, дошедший до нас,¹⁶ не содержит имени великого князя и воспроизводит обычный текст новгородских договорных грамот с немцами до Яжелбицкого мира.¹⁷ Утверждена эта грамота была на вече и скреплена печатями новгородских властей («На сей грамоте крест целовали посадник Великого Новгорода Афанасий Остафьевич и тысяцкий Великого Новгорода Михаил Исакович, старосты купеческие Василий Захарьевич и Климент Иванович, по повелеңию всего Великого Новгорода и свои печати привели к сей грамоте».)¹⁸ Так и в оформлении отношений с немцами новго-

⁹ Лет. Авр., стлб. 204.

¹⁰ Там же, стлб. 213.

¹¹ Грамота 1474 г. была скреплена прежде всего подписью наместника великого князя: «А на сей грамоте и на семь миру руку дал и печать свою приложил я, князь Данилей Дмитриевич, воевода благоверных великих князей русских царей (Грамоты В. Н. и П., № 78, стр. 135).

¹² П I Л, стр. 68.

¹³ Там же, стр. 71.

¹⁴ «И того же лета поидоша к немцам с князя великого воеводу, князем Федором Юрьевичем Низовским, излияша кровь немецкую и свою, а злей свой нрав исполниша, а новгородии с ними не поидоша» (Лет. Авр., стлб. 213).

нем см. ниже, стр. 268.

¹⁵ Грамоты В. Н. и П., № 76.

¹⁶ Гр. грамоту № 76 с грамотой № 74 от 1450 г.

¹⁷ Там же, № 76, стр. 129.

родцы вернулись к «старине» и по существу стали вести по отношению к Ордену свою, «особенную» от Пскова и великого князя, политику.

Что еще важнее отметить, новгородцы почти сразу после Яжелбиц возобновили старые отношения с Литвою. В Летописи Авраамки под 1458 г. имеется следующее сообщение: «Того же лета послаша новгородцы посадника Ивана Лукинича Шоку в Литву прошать у короля у Казимира князя на пригороде».¹⁹ Значение посылки к Казимиру за новым «кормленным» князем после десятилетнего перерыва подчеркивалось тем, что послом был направлен авторитетнейший новгородский боярин, чье имя значилось под Наровским договором 1448 г., кто был степенным посадником в 1456 г., командовал новгородскими войсками под Русою и направлял послов для переговоров с Василием II.²⁰

В ответ на посольство Ивана Лукинича Шоки Казимир поспешил отправить в Новгород своего сына, а также своего посла («пана Ондрюшка Исаковича»). Итогом переговоров в Литве и Новгороде было приглашение Лугвенева сына (Юрия Семеновича) в «кормленные» князья, причем ему были отданы все новгородские пригороды (Руса, Ладога, Орешек, Корельский, Яма и пол-Копорья).²¹ Князь Юрий недолго пробыл в Новгороде («Той же осени, месяца августа князь Юрий Семенович Литовьский восхоте поехать в свою землю и с своею княгинею и своими бояры», — записал летописец под 6967 г.).²² Но сношения с Казимиром на этом не прекратились. Через пять лет, уже в княжение Ивана III, новгородцы направили к королю в Литву посла Сливина «о княжи возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича», т. е. об обострениях отношений между Новгородом и великим князем. Тогда же велись переговоры в Литве с «недругами» великого князя, с князем Иваном Андреевичем Можайским и с Шемячичем о защите ими Новгорода от великого князя («...побороть по Великом Новгороде от князя великого»)²³.

Как далеко шли планы «литовской партии» в 60-х годах — ограничивались ли они мыслью о приглашении нового «кормленного» князя, или намечалось признание Казимира новгородским господином, трудно сказать, но быстрота, с которой было заключено соглашение с Казимиром в 1471 г., заставляет думать о предварительной подготовке этого дела.

Чрезвычайно напряженными и неустойчивыми были в эти годы и отношения со Псковом. Конфликт 1463—1465 гг., возникший из-за того, что новгородцы отказали псковичам в помощи во время войны с немцами, осложнился церковным вопросом. В грамотах, которые псковичи направили Ивану III в 1464 г., кроме благодарности за присылку воеводы Федора Юрьевича и жалоб на новгородцев, была и просьба о подавлении во Пскове своего владыки (т. е. об освобождении Пскова от зависимости от Новгорода в церковном отношении). Псковичи поспешили вместе с тем захватить владения новгородского архиепископа во Псковской земле («...воду и землю владычню»). Отношение новгородцев к этим действиям псковичей яснее всего выступает в озлобленной по отношению к псковичам записи в Летописи Авраамки: «Хлеб отгыша до-

¹⁹ Лет. Авр., стлб. 198.

²⁰ Иван Лукинич вряд ли был руководителем «литовской партии». Через пять лет он вместе с владыкою возглавил посольство в Москву. А в 1471 г. его имя занимает первое место среди посадников в коростыньских переговорах.

²¹ Лет. Авр., стлб. 198. Как отмечено выше, это был последний случай передачи пригородов «кормленому князю».

²² Там же, стлб. 200.

²³ Там же, стлб. 214.

мовный святей Софеи и отца своего архиепископа владыки Ионы, а свой злый норов юбнажиша, ослепи бо злоба их».²⁴ Великий князь, однако, не удовлетворил просьбу псковичей. По одной летописной версии он обещал снестись с Новгородом и дать ответ через Новгород («О владыце аз хощу слати своих послов в Великий Новгород, такоже и к вам будут из Новагорода, и все за ними будет вам указано; а яз рад печаловатися вами с своим отцем Феодосием митрополитом»).²⁵ По другой версии ответ великого князя был еще более определенно отрицательным: «И князь великий, подумав со отцом митрополитом Феодосием, что не можно быти во Пскове владыки, зане же искони не бывал, а не стол во Пскове, и подараша посла верблудом».²⁶ Получив вместо согласия на поставление владыки верблюда, псковичи вынуждены были сами искать путей соглашения с Новгородом.

В следующем году, когда новгородцы пригрозили псковичам походом на Псков совместно с немцами, псковичи отступили и снарядили посольство в Новгород. Псковские послы соглашались уступить в вопросе о владениях владыки («Се вам вода и земля владычня»),²⁷ но попрекали новгородцев за их политику по отношению к немцам: «И много бысть истомы о том». Все же соглашение состоялось. Новгородцы уступили, «узнавше бога», по словам Псковской летописи. Вслед за взаимным крестоцелованием в Новгороде большое новгородское посольство во главе с посадником приехало во Псков и здесь на вече псковичи целовали перед новгородскими послами крест «держати мир по старине, а владыке новгородскому ездити во Псков по старине на свою пошлину».²⁸ После этого состоялась поездка Ионы во Псков с торжественною встречей владыки и с владычным богослужением, напоминавшим времена Евфимия. Свидетельствуя о своем расположении к Новгороду, псковичи в этом году даже церковь поставили в честь «преподобного отца нашего Варлама, иже на Хутыне в Великом Новеграде».²⁹ Так и по отношению к Пскову в эти годы была сделана попытка вернуться к политике времен Евфимия II и Александра Чарторыйского.

Из вопросов внутренней политики главное место в эти годы занимал вопрос о Заволочье. Многозначительное сообщение Новгородской четвертой летописи (Строевский³⁰ список) о посылке князя Василия Васильевича с воеводою за Волок свидетельствует о том, что новгородское правительство направляло туда большую военную силу для защиты интересов новгородских бояр, владевших землями на Двине. После похода на Кокшенгу и разгрома Шемяки позиции Москвы в Заволочье чрезвычайно укрепились. В 1458 г. и 1459 г. войска Василия II ходили на Вятку и в итоге этих походов вятчане «добили челом на всей его воле»³¹ (т. е. великого князя). Упрочилось московское влияние и в Устюге. Укрепле-

²⁴ Там же, стлб. 213.

²⁵ П I Л, стр. 70.

²⁶ Там же, стр. 71.

²⁷ Там же. Впрочем, уплатить оброки за два пропущенных года псковичи отказались, ссылаясь на то, что им пришлось кормить великокняжеское войско («А что есмь по два лега с той земли хлеб имали и в воде рыбы ловили, а тем кормили князя великого силу, занеже есте на немец нам не помогали на своем перемирьи»—там же).

²⁸ Там же, стр. 72.

²⁹ Там же. Впро см, не нужно упускать, что культ Варлаама Хутынского поддерживался и Москвой. Не случайно с его именем связано «испеление» постельничего великого кряга (см. выше, стр. 264).

³⁰ Н IV Л, стр. 446.

³¹ Ссф. П л., стр. 181..

нию связей между Москвой и этими землями (Вяткой и Устюгом) способствовала совместная борьба против общего врага — казанских татар, руководство которой все больше брали на себя московские воеводы. Правда, страх перед Казанью порою заставлял вятчан воздерживаться от прямых выступлений совместно с Москвой против Казани,³² но колебания эти быстро кончались как только великий князь направлял на Казань более или менее значительные силы: так, в поход 1468—1469 гг. на Казань были втянуты и Устюг и Вятка. В то время как Новгород после ушкуйных походов XIV в. не оказывал военной помощи этим землям против татар, предоставляя им своими силами бороться с татарской опасностью, Москва, сплывая под своей властью Великороссию, брала на себя оборону Верхнего Подвинья и Прикамья от набегов казанских хищников. Крепнущие военные связи Москвы с Северным Прикамьем и Верхним Подвиньем были растущей угрозой новгородским (двинским и задвинским) владениям. Между тем именно здесь, в Подвинье, развертывали свою деятельность главные заправилы новгородской боярской олигархии.³³ Отсюда они вели наступление на ростовские и белозерские земли, о которых шла речь в Яжелбицком договоре: «С рубежов новгородских отчине великого князя. . . многу пакость чинили». Среди НОВГОРОД-

ских степенных посадников³⁴ за эти годы наряду с испытанным политиком предшествующего поколения Офонасом Остафьевичем можно встретить всего чаще крупных двинских землевладельцев Борецких (Дмитрия Исаковича), близких к Борецким в то время братьев Василия Казимира и Якова Короба, братьев Самсоновых, Луку Федорова, сына Федора Яковлевича, и Феофилата Захарьинича.

Конфликты из-за земель сочетались со столкновениями из-за пошлин и суда. Статьи Яжелбицкого договора о земле, пошлинах и суде непрерывно нарушались. «Словеса избранные»³⁵ обвиняли новгородцев в том, что они «дела господарского по земле ничего не исправили, а пошлин не отдають», великокняжеские земли «опять за себе поймали», а людей приводили к целованию «на новгородское имя». К этим обвинениям летопись добавляет указание на обиды великокняжеским наместникам и послам («. . . а на Городище с большего веча присылали многих людей», наместника и посла великого князя «лаяли и безчествовали»³⁷).

Итак, под прикрытием москвофильской политики Ионы, ездившего на поклон в Москву и введившего почитание в Новгороде московских угодников, подлинные руководители новгородской политики стремились к ликвидации Яжелбицкого договора. Поиски союзника во Пскове, установление дружественных отношений с Орденом, переговоры с Казимиром, посылка князя и воеводы за Волок, захваты земель— вот чем были заняты прави-

³² Воеводам великого князя вятчане говорили в 1469 г.: «Изневолил нас царь и право свое дали есмь ему, что нам не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя» (Москов. св., стр. 282).

³³ См. выше, гл. II.

³⁴ Н IV Л, стр. 501.

³⁵ Опыт реконструкции списка посадников середины XV в. дан в «Приложении».

³⁶ «Словеса избранные» — памятник московской публицистики времен первого похода Ивана III на Новгород («Словеса» написаны в 1471 г. или в 1472 г.). Автор «Словес», страстный противник боярской новгородской олигархии, очень хорошо осведомленный о ходе борьбы Новгорода с великим князем, дает подробный рассказ о событиях 1471 г., чередуя повествование с гневными обличениями заправил новгородской политики. «Словеса избранные» полностью включены в Соф. I л., Соф. II л. (списки Архивский и Воскресенский), Львов, л., Н IV Л (список Дубровского), Н III Л. В урезанном виде они вошли и в Никон, л.

³⁷ Н IV Л, стр. 501.

тели Новгородской боярской республики в 60-х годах XV в. Они усиленно готовились к новому решительному столкновению с Москвой. Из тяжелого урока 1456 г. они сделали вывод не о безнадежности борьбы с крепнущей мощью объединяющейся Великороссии, а о необходимости втянуть, в борьбу с великим князем новые силы и обеспечить себя от возможных выступлений исконных врагов. Не были ли в таком случае дружественные Москве выступления Ионы просто дымовой завесой, предназначенной для того, чтобы отвлечь внимание руководителей московской политики от махинаций новгородской боярской олигархии? Да и в поведении самого владыки обнаруживались порой (и чем дальше, тем сильнее) колебания. По отрывкам новгородского летописания этих лет, сохранным в Летописи Авраамки, нетрудно проследить за нарастанием недовольства новгородского владыки политикой Ивана III. Особенно интересны в этом отношении записи о посольстве 1462 г. и дальнейшие рассуждения летописца, обличающие в «неправде» и «нечестии» послов великого князя (Челядина, Белеутова и Брадатого).³⁸ Во всяком случае, посольство Василия Ананьина в Москву о земле, которое³⁹ развязало назревавший конфликт между Новгородом и великим князем,³⁹ было снаряжено еще при жизни Ионы.

II

Зима 1470—1471 гг. была заполнена дипломатической, идеологической и военной подготовкой к решительной схватке. Послы великого князя и Новгорода развернули энергичнейшую деятельность и в Пскове, и в Риге, и в Литве. Еще до смерти архиепископа Ионы (в первых числах ноября)⁴⁰ было отправлено посольство от великого князя во Псков с призывом быть наготове к выступлению против Новгорода, если тот не пойдет на уступки («...а не учнут ко мне посылати моя отчина Великий Новгород, и вы бы на них со мною готови»).⁴¹ Новгородские власти снарядили новое посольство в Москву (боярина Никиты Савина), и в то же время в ответ на притязания великого князя крепили связи с Литвой. 8 ноября в Новгород прибыл князь Михаил Олелькович, приглашенный, в отличие от предшествующих литовских князей, не «а «пригороды», а в Новгород (так можно заключить из договорной грамоты 1471 г. с Иваном III). Он пробыл в Новгороде четыре месяца, а затем начались переговоры⁴² с самим Казимиром,⁴² завершившиеся подписанием договорной грамоты.⁴³ Договор с Казимиром был подписан тем самым Офонаоом Оетафьевичем, который ездил в 1463 г. в Москву и был одним из старейших посадников. Вслед за ним шли подписи Дмитрия Исаковича Борецкого и сына посадника Ивана Кузьмина, а также пяти представителей от житых.⁴⁴

Грамота новгородцев с Казимиром — важнейший документ, характеризующий социально-политические устремления новгородской боярской

³⁸ Лет. Авр., стлб. 206—207.

³⁹ «Словеса избранные» отмечают, что Василий Ананьин «ни одного слова покорна не правил» (Н IV Л, стр. 501).

⁴⁰ О хронологии событий 1470—1471 гг. см. диссертацию И. В. Лепко «Летописи о падении Новгорода» (ЛГПИ, 1948).

⁴¹ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 502.

⁴² Вопрос о взаимоотношениях между Михаилом Олельковичем и Казимиром рассмотрен в исследовании К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства» (М., 1952).

⁴³ Грамоты В. Н. и П., № 77.

⁴⁴ Доставлена грамота Казимиру была двумя членами посольства жигыми людьми Селифогтовым и Макарыным (Словеса избр. (Н IV Л), стр. 560).

олигархии, предававшей политические интересы Великороссии в своих узких своекорыстных интересах. И в ней, как и в других новгородских грамотах, без труда можно выделить традиционный костяк, почти слово, в слово, буква в букву повторяющий основной текст Ярославовой грамоты 1270 г., с тем же перечнем новгородских волостей, с теми же статьями о Волоке и Торжке и о немецком дворе. Но в договоре 1471 г. имеется и много нового, определявшегося прежде всего тем, что новгородцы вступали в соглашение с великим князем литовским. Несколько изменены были, во-первых, статьи о княжеских доходах. Вместо архаического «осетрника» и медовара, посылаемого в Ладогу, да права ездить на Озвадо (этим вряд ли можно было сколько-нибудь прельстить польско-литовского короля), обещаны были 10 варниц в Русе; а за суд в Русе, Ладоге, Вотской земле и Ижоре был определен королю денежный взнос. Во-вторых, заметное место в грамоте отведено было вопросу о порубежных землях с Литвой и о землях, находящихся в совместном владении Литвы и Новгорода. Эта группа статей была близка по содержанию к договорным грамотам Новгорода с Свидригайлом и Казимиром в 30—40-х годах XV в.⁴⁵

Еще большего внимания со стороны исследователя заслуживают по их принципиальному значению четыре группы статей договора 1471 г.: 1) о суде королевского наместника, 2) о правах православной церкви, 3) о социально-экономических интересах новгородского боярства и 4) о военной помощи Новгорода. Остановимся на этих статьях подробнее.

1. О суде королевского наместника. Эта группа статей может быть сопоставлена и во многом противопоставлена московской Яжелбицкой грамоте. Наместник короля согласно грамоте должен был судить по новгородской «старине», смысл которой был разъяснен в ряде статей («без посадника не судити», «судити с посадником во владычнем дворе, на потлом месте», «во владычнем суде и в тысяцкого з то ся тебе не вступати, ни в монастырские суды, по старине»). Большие, чем обычно, подробности, с которыми излагался вопрос о судебных правах наместника, были естественны при заключении договора с литовским князем, плохо знакомым с новгородскими порядками.⁴⁶

2. О правах православной церкви. Договором запрещалось ставить в Новгородской земле «римские церкви». Наместник короля должен был быть православным. Специально оговаривалось право новгородцев посылать владыку на утверждение куда им будет угодно («А где будет нам, Великому Новгороду, любо в своем православном хрестыянстве, ту мы владыку поставим по своей воли»).

3. О социально-экономических интересах новгородского боярства. Охраняя по-прежнему новгородское боярское землевладение (монополию новгородцев на владение землею), грамота 1471 г. определеннее, чем другие новгородские грамоты, раскрывала классовое лицо новгородского боярства и его притязания на полную власть над смердом. Поправка, какая была внесена в статью: «А холоп или роба иметь на господу вадити» показывает, как далеко шли классовые вождедения новгородской олигархии. В договоре 1471 г. эта статья читалась: «А холоп или роба или смерд почнет на осподу вадити, а тому ти, честный король, веры не няти». Смерд был поставлен в этой грамоте рядом с холопом или рабой. Резче, чем в прочих грамотах, звучала и статья о запрещении вывода и закупки челяди в Новгородской земле («А вывода из Новгород-

⁴⁵ Грамоты В. Н. и П., №№ 63 и 70.

⁴⁶ Статьи о суде, как это отмечено Л. В. Черепниним (Русские феодальные архивы, стр. 366), повторяют статьи Новгородской судной грамоты.

ской отчины не чинити, а челяди не закупати, ни даром принимати»). Раскрывая реальный социальный смысл традиционной статьи о «выводе» («А вывода межи Суздальском земли и Новгородской не чинити»), она подчеркивала значение Новгородской земли как рынка холопов.

4. О военной помощи Новгороду. Статьи о военной помощи со стороны Казимира Новгороду (в них и заключался главный политический смысл договора) обязывали Казимира со всею литовской радюю⁴⁷ «ввести на конь... и боронити Великий Новгород» против великого князя или той земли, которую он подымет на Новгород. Обратных обязательств «ввести на конь» в случае нападения на Казимира новгородцы на себя не принимали.

Наконец, специальной статьей новгородцы оговаривали сохранение всех своих прав на Псков: «А что во Пскове суд и печать и земли Великого Новгорода, а то к Великому Новгороду по старине».

В целом грамота 1471 г. предоставляла литовскому великому князю чрезвычайно урезанные права в Новгороде и возлагала на новгородцев точно оговоренные и весьма скромные обязательства по отношению к нему. Новгородцы дважды именовали себя в грамоте «мужами волными» и вместо того, чтобы обещать «держать великое княжение чесно и грозно», ограничивались целованием креста «в правду без всякого извета». Таким образом, новгородские бояре хотели дешевою ценою купить нужную им военную помощь литовского великого князя.

Договор с Казимиром 1471 г. был беспрецедентным актом в истории Новгорода. В XIV—XV вв. Новгород неоднократно приглашал из Литвы князей на «кормление», заключал военные союзы с Литвою, но до 1471 г. он всегда решительно отклонял все многочисленные попытки литовских великих князей заставить Новгород признать их верховную власть. Больше того, мы видели, что в начале XV в. Новгород выступал на защиту западных русских рубежей от немцев и Литвы. Договором 1471 г. новгородские изменники-бояре порывали исконную политическую связь Новгорода с Великороссией и входили в систему Польско-Литовского государства. Поэтому, как ни старались составители договора подчеркнуть свою заботу о новгородском православию, договор 1471 г. был изменою русскому делу. Бессильная возглавить политическое объединение Великороссии, новгородская олигархия пыталась сохранить свои социально-политические привилегии, оторвавшись от Великороссии.

Противники новгородской боярской олигархии как внутри Новгорода, так и за ее пределами резко клеймили политику «литовской партии». Бурные волнения в Новгороде, связанные с решением вопроса о преемнике владыки Ионы, показали наличие очень сильной оппозиции против «литовской партии» среди новгородской светской и церковной феодальной знати. Феофил стал владыкой не стараниями «литовской партии», а вопреки ее воле. Посадником и тысяцким в 1471 г. стали не вожаки «литовской партии», а бесцветные люди, сторонники⁴⁹ компромисса с Москвой (Тимофей Остафьевич и Василий Максимович).

⁴⁷ Л. В. Черепнин с основанием указывает, что в договоре 1471 г. Казимир принимал на себя обязательства не как польский король, а как великий князь Литвы (Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 363).

⁴⁸ Вполне соглашаемся со следующим мнением Л. В. Черепнина по этому вопросу: «Новгородские бояре постарались видоизменить сложившиеся к этому времени нормы взаимоотношений с великокняжескою властью, добившись большего ограничения прав Казимира в Новгороде по сравнению с правами князя московского» (там же, стр. 364).

⁴⁹ Заслуживает внимания то обстоятельство, что в грамоте с королем Казимиром отсутствует имя степенного посадника.

Однако в Москве уже не были склонны к компромиссам. Продолжая переговоры с Новгородом (посольство Савина в Москву, посольство Товаркова от великого князя в Новгород), московское правительство в то же время вело усиленную идеологическую подготовку к походу против изменников. Послание митрополита Филиппа, различные изобличительные писания (вроде позднейших «Словес избранных») были полны страстных, гневных нападок на изменников-бояр. Особенно резко клеймили они Марфу Борецкую, для обличительной характеристики которой автору «Словес» потребовались все самые отвратительные женские образы ветхозаветной и новозаветной истории (и «лвица древняя Езавель», и «бесовная Иродиа», и преследовательница Иоанна Златоуста царица Евдокия, и погубившая Самсона «Далида окаянная»).

Когда подготовка к войне была закончена, за поводом дело не стало. Летом 1471 г. война разразилась,

III

События 1471 г. показали всю гнилость боярской вечевой республики. Ставка новгородской олигархии на успехи новгородской дипломатии в 60-х и начале 70-х годов оказалась битой. Литовский князь не спешил «вести на конь и боронити Великий Новгород». Псков, на поддержку которого рассчитывали новгородские бояре, не только не выступил по призыву новгородских послов против великого князя, но даже не остался нейтральным. Правда, псковичи очень долго колебались: они сообщали новгородцам о приезде послов из Москвы и предлагали свое посредничество («Мы за вас, за свою братью, ради посла своего слати, только вам будет надобе и великому князю вся Русии челом бити по миродокончанной с вами грамоте»). Они настолько затянули переговоры с великим князем, что только четвертому московскому послу удалось побудить их к выступлению. Все же, хоть и поздно, но псковская рать в 1471 г. выступила на стороне Ивана III. Даже немцы, с которыми новгородские бояре так старались жить в ладу, отказались пропустить новгородского посла через землю Ордена в Литву. Словом, вопреки чаяниям новгородских политиков, в момент решительной схватки Новгород оказался изолированным.

Еще большее значение в разворачивании событий 1471 г. имели внутренние противоречия в Новгороде. Руководителям «литовской партии» удалось на время взять верх над сторонниками компромисса. Псковская летопись сообщает, что в ответ на предложение псковичей о посредничестве посол новгородцев (владычный стольник Родион) заявил псковичам: «Вашего посла к великому князю не хотим поднимати, такоже ни сами ему челом бити не хотим, а вы бы есте за нас против великого князя на конь усели, по своему с нами миродокончанью». Однако в Новгороде было много противников войны с великим князем, и их действия обнаруживались не только в бурных выступлениях на вече.

Какие же социальные группы выступали в 1471 г. против войны с великим князем? Традиционная трактовка этого вопроса в московских лето-

⁵⁰ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 503.

⁵¹ П III Л, стр. 173.

⁵² «И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всел на конь за Новгород, и посол ездил кривым путем в Немци до князя немецкого до местера и возвратися в Новгород, глаголюще: „Яко местерь не дасть пути чрез свою землю в Литву ехать“» (Н IV Л, изд. 1848, стр. 128).

⁵³ П III Л, стр. 173.

писных сводах конца XV и XVI в., характеризую политические воззрения московских летописцев, вызывает, однако, серьезные возражения. Отличаясь несколько в формулировках, все московские своды подчеркивали тяготение к великому князю общественных верхов. Новгорода, за исключением только Борецких, которым удалось добиться временного успеха лишь при поддержке «черни». Такая оценка социально-политической борьбы в Новгороде отчетливо формулирована уже в московских сводах конца XV в. Так, Московский летописный свод, конца XV в. следующим образом излагал борьбу в Новгороде после приезда из Москвы посла великого князя Никиты Ларионова: «Мнози же тамо сущий людие лучший посадници их и тысяцкые и житие люди велми о сем⁵⁴ ради быша и той нареченной их Феофил. Некоторый же от них,, посадници дети Исака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими инеми изменники. . . начаша. . . на вече приходящи кричати: „Не хотим за великого князя московского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди Великого Новгорода, а московский князь велики многы обиды и неправду над нами чинит. . .” Те же изменници начаша наймовати худых мужиков, вечников, на то за все готови суть, по их обычаю. . . И те наймиты тех изменников камень на тех метяху, которые за великого князя хотят. . . Мнози же от них старый посадници и тысяцкые лучшие люди тако же к жити люди глаголаху к ним: „Не лзе брате тому так быти. . . за короля нам датися. . .” Те же развратници. . . одинако вопияху: „За короля хотим»». И далее, после нового обращения Ивана III, «боаря их и посадници и тысяцкые и житии людие. . . правити ся хотяще к великому князю по старине. А предиречении они, Исаковы дети, и с прочими с их поборники. . . наймоваху злых тех смердов, убиц, шилников и прочих безыменитых мужиков, иже скотом подобии суть, ничто же разума имущих, но точик> едино кричание, иже и бессловесная животная не сиче рычаху, яко же они новгородстии людие невелигласи государем зовут себе великим Великого Новгорода. И ти приходяще на вече, бяху в колоколы и кричаху и лааху,

„За короля хотим^{а к к}».

Упорно и неоднократно (трижды) автор рассказа подчеркивал верность Москве всех «лучших» людей Новгорода. Странниками великого князя, по его рассказу, выступали «люди лучшие»: бояре, старые посадники, тысяцкие и житие люди. Их сторону держал и нареченный владыка Феофил. Этим «благонамеренным» «лучшим» людям противостояли, по рассказам московских летописцев, изменники Борецкие и поддерживавшие их низы города и деревни: «худые» люди, «смерды», «шилники» и прочие «безыменитые мужики», о которых московский летописец говорит с высокомерным презрением и злобной ненавистью. Словом, согласно московским летописям, за Москву стояли именитые люди, а за союз с Литвою — Борецкие и подкупленные ими «безыменитые» люди.

Эта концепция московских сводчиков конца XV в., принятая составителями Воскресенской и Никоновской летописей,⁵⁶ была поддержана многими русскими историками (вплоть до Костомарова, искавшего сторонников Москвы в Новгороде среди людей «степенных, старых и вообще богатых»).⁵⁷ Отражая политические воззрения московских правящих вер-

⁵⁴ О готовности Ивана III жаловать Новгород.

⁵⁵ Москов. св., стр. 285—286.

⁵⁶ Воскр. л. (стр. 159—160) и Никон, л. (ПСРЛ, XII, стр. 125—129) почти дословно повторяют рассказы московских летописцев конца XV в., вполне принимая их концепцию.

⁵⁷ Костомаров. Северно-русские народоправства, т. I, стр. 171.

хов, она (эта концепция) извращает подлинный классовый смысл борьбы в Новгороде.

Попробуем подвергнуть пристальному изучению расстановку социальных сил в Новгороде в 1471 г. Начнем с общественных верхов — с новгородских «великих бояр». Что среди них в 1471 г. были противники войны! с великим князем, этого отрицать нельзя. По дальнейшему ходу событий можно даже предположительно наметить руководителя этой группы (или по крайней мере самого влиятельного сторонника Москвы) — старого посадника Захара Григорьевича Овинова, крупнейшего землевладельца в исконных новгородских землях. К этой же группе сторонников Москвы нужно отнести также Луку Клементьева, отправленного послом к Ивану III еще до Шелонской битвы.⁵⁸

Но ошибочно полагать, что сторонниками договора с Литвою среди бояр были только Борецкие и их ближайшее окружение (как Лошинский).. В договоре с Казимиром раньше имени Дмитрия Борецкого названо имя старого посадника Офонаса Олферьевича. В переговорах с Литвою еще в 1458 г. (как указано выше) участвовал другой видный посадник Иван Лукинич Шока. После Шелонской битвы, по приказанию Ивана III, вместе с Дмитрием Борецким был казнен боярин Василий Губа-Селезнев, очевидно принадлежавший к руководителям «литовской партии». К прямым сторонникам Литвы нужно отнести и посадника Ивана Васильевича Немира, который, согласно житию Михаила Клопского, расхваливал в беседе с ним литовского князя (Михаила Олельковича) и получил отповедь от Михаила Клопского, охарактеризовавшего литовского князя крылатыми словами: «То сынку, у вас не князь, а грязь».⁵⁹ Именно «лучшие» люди и их дружины составляли ядро новгородской рати, бившейся на Шелони против великокняжеского войска. Посланный с донесением к великому князю о Шелонской победе боярский сын Замятин сообщал: «Приходили знамены большая рать новгородская, весь Великий Новгород, лутчие люди. .. многих лутчих людей руками поймали».⁶⁰

Среди сторонников короля Казимира были и житьи люди. В грамоте 1471 г. названы пять имей житых и среди них Панфил Селифонтович⁶¹ и Кирило Иванович Макарьин, которые, по словам летописей, и отвозили грамоту к Казимиру. Среди казненных после Шелонской битвы названы рядом с двумя боярами и двое житых Киприан Арзубьев и Еремей Сухошек. Деятельное участие в переговорах с Казимиром принимал и староста купеческий Марк Панфилов. Таким образом, Борецкие имели весьма значительную и влиятельную группу единомышленников среди верхов новгородского общества, возглавляя определенное политическое направление среди новгородского боярства.

Стремление московских летописцев свести все дело к козням одной Марфы Борецкой имеет свои корни в политике московского правительства, ставившего себе задачей расколоть новгородское боярство, отсечь «козлищ от овец» и, сурово наказав заправил и наиболее последовательных против-

⁵⁸ Слова из избр. (Н IV Л), стр. 508.

⁵⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 214. В этой работе Ключевский склонен отнести рассказ жития к значительно более раннему времени и связать его с пребыванием в Новгороде князя Юрия Семеновича (Лугвенева). Позднее Ключевский изменил свое мнение по этому вопросу и видел в князе Михаила Олельковича (В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. Сочинения, т. II, стр. 104).

⁶⁰ Слова из избр. (Н IV Л), стр. 509.

⁶¹ См. о нем выше, в гл. III.

ников великого князя, дать возможность овцам вернуть своею покорностью расположение Ивана III.

Гораздо больше соответствует действительности та трактовка вопроса о расколе новгородской боярской верхушки в 1471 г., которая изложена в следующем примечательном сообщении Типографской летописи: «И сняшася посадници на вече, и новгородцькие бояре вечницы, и крамольници, и суровии человери, и вси новгородци, и послаша к оканному ляху и Латынину кролю Казимиру Литовскому. Земстии же людие того не хотяху, но они, их не слушающе, уладихася с королем».

В отличие от рассказа Воскресенской, сторонниками литовского князя в рассказе Типографской летописи названы не одни Борецкие, а «посадники» и «новгородские бояре-вечники» (т. е. надо думать защитники вечевых порядков). Им в рассказе Типографской летописи противопоставлены «земстии люди», в которых можно видеть и сельских жителей, в отличие от города, и крупных землевладельцев (вроде Захара Овинова).

Наличие двух определенных группировок среди новгородского боярства отнюдь не исключало существования значительного «болота», не определившего своей линии и колебавшегося между энергичной кликой Борецких и их сторонников, с одной стороны, и последовательными приверженцами Москвы — с другой. Шатание многих новгородских бояр (например, Василия Казимира с его многочисленными братьями, сестричичами и прочими родичами) — показатель политического разложения новгородского боярства. К «болоту» можно отнести и владыку Феофила.⁶³ Политическая линия Москвы по отношению к новгородскому боярству и церкви и определялась наличием этого «болота».

Перейдем теперь к вопросу об отношении к войне с Москвою народных масс. С кем были в 1471 г. те смерды, которых московские летописцы уподобляли «скотам» и которых в один ряд с холопами ставил договор с Казимиром? С кем были городские низы? Совершенно бесспорно, что среди низов населения (особенно в Новгороде) сильна была врага в вече, как орган, где можно было найти управу на сильного боярина.⁶⁴ Поэтому политическая демагогия «литовской партии», выступавшей под лозунгами защиты вечевого порядка, могла увлечь за собой «вечников». Слова московской летописи — «Новгородстии людие невелигаси государем зовяху себе Великий Новугород», — в устах московского книжника звучавшие обличением, в Новгороде в широких кругах населения вызвали бы возмущение только в том отношении, что новгородцы не согласились бы признать себя «невелигасами». Великий Новгород считали «сувереном» не только новгородские бояре, но и «суровые» сторонники вечевого порядка из городских низов. Конечно, среди «мужиков-вечников» была и подкупленная боярами литовской ориентации «чернь», их клиента. Но не в них была решающая сила. (Ведь клиента была и у противников Борецких).

Поведение городских низов определялось в 1471 г. приверженностью **них** к вечевому строю. С нею сочеталась пока еще слабая мысль о московском государе как о защитнике от лихих бояр. Эти «царистские» настроения в 1471 г. еще не обнаруживались сколько-нибудь заметно. Но «суровая» преданность вечевому порядку еще не означала единомыслия новго-

⁶² Типогр. л., стр. 188; аналогичная формулировка в Соф. II л. (стр. 191); рассказ о событиях 1471 г. в Типогр. л. (стр. 188—192); Соф. II л., (стр. 190—194), а также Львов. л. (стр. 282—283) восходят к одному источнику и различаются только в частности.

⁶³ Летописные рассказы московской ориентации всячески отгораживают Феофила от «литовской партии» и снимают с него вину за политику Новгорода.

⁶⁴ См. об этом выше, в гл. VI.

родских низов с изменниками-боярами. Новгородские низы не хотели ратовать за боярскую олигархию; они не могли не чувствовать со всею силою тех тягот, к которым привела политика литовской ориентации. Вот потому-то новгородские бояре от низов «в лучшем случае могли ждать лишь недружелюбного нейтралитета».⁶⁵

Сами московские летописи, опрокидывая ту концепцию, которою они объясняли заключение договора с Литвой, отмечали далее, что низы города («... мастыри всякие, спроста рещи, галотници и горчары») совсем не склонны были воевать против великого князя («... на мысли которым того и не бывало, что руки поднята противу великого князя»). Поэтому, по словам тех же летописей, посадникам пришлось гнать войско на войну силой («Всех тех изменници они силою выгнаша»). И тут же летописец поясняет, какими средствами поддерживался порядок в новгородском войске («А которым бо не хотети пойти к бою тому, и они сами⁶⁶ тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху»)⁶⁷.

Еще яснее внутренние противоречия в новгородском войске изображает Строевский список Новгородской четвертой летописи, самый ценный обломок новгородского летописания этой поры.⁶⁸ В отличие от рассказа московских летописцев, Строевский список приводит конкретные факты, рисующие борьбу между «большими» и «меньшими» людьми, а также противоречия внутри самих новгородских верхов. Во время боев у Русы, конница, по рассказу Строевского списка, не оказала помощи пешему зойоку («судовой рати»), ибо владыка не велел своему полку «на великого князя руки подынути», предложив им ограничиться действиями против псковичей. Этот разлад в действиях командования вызвал взрыв возмущения против «больших» людей. «И начаша Новгородци, — пишет летописец, — вопити на больших людей, которые приехали ратью на Шолону: „Ударимся ныне“, кождо глаголюще: „Яз человек молодой, испротеряхея конем и доспехом“».⁶⁹ Вслед за картиною внутренней борьбы в новгородском войске у Русы на Шелони дана не менее яркая картина острой борьбы в самом Новгороде: «И бысть в Новгороде молва велика и мятежь мног... и разделишася людие: иней хотяху за князя, а инии за короля литовьского». В этом рассказе заслуживает внимания самый термин «людие», обычно обозначающий у летописца народную массу. Что выступал именно народ, подкрепляется дальнейшим повествованием летописца о дороговизне и волнениях в Новгороде: «И много бысть новгородцемь пагубы, и хлеб дорог, и не бысть ржи на торгу, в то время ни хлеба, толко пшеничный хлеб и того по оскуду. И бысть⁷⁰ на лучшийи люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгород».

Наконец, о настроении некоторой части новгородских низов свидетельствует и сообщение Строевского списка об Упадыше, заколотившем железом 5 пушек. Выступление Упадыша привлекает к себе внимание исследователя как активная попытка помешать войне новгородского правительства против Ивана III. Упадыш и его единомышленники (а у него были едино-

⁶⁵ В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства. Л., 1951, стр. 162.

⁶⁶ Новгородские воеводы.

⁶⁷ Москов. св., стр. 289.

⁶⁸ Ценность рассказа о событиях 1471 г. в Строевском списке Н IV Л в том, что он подробнее всего изображает борьбу внутри новгородского общества. Политическая позиция автора отражает настроения новгородской олигархии после поражения 1471 г. Главный вопрос, занимающий его, — причина поражения новгородцев.

⁶⁹ Н IV Л, стр. 446.

⁷⁰ Там же, стр. 447.

мышленники)⁷¹ не только сами не хотели «руки поднята против великого князя», но пытались, начав «войну против войны», сорвать сопротивление Новгорода. Источники не позволяют определить число сторонников Упадыша, но по характеру сообщения Строевского списка видно, что новгородская боярская олигархия придала «перевету» Упадыша чрезвычайно большое значение. Та страстность, с которой говорит летописец об Упадыше, проклятия, которые он шлет на его голову («Уне бо ти Упадше, аше не 'был бы во утробе матери»),⁷² оправдание казни Упадыша и проповедь против нарушителей присяги, — все это является показателем того, насколько были испуганы новгородские правящие верхи выступлением Упадыша. Казнь Упадыша, угроза казнью и проклятием тем, кто последует по его стопам, — вот те средства, которыми пробовали сдерживать правители Новгорода подымавшуюся войну против войны.

В свете этих фактов никак нельзя принять ту характеристику расстановки классовых сил в Новгороде в 1471 г., какую дают московские летописные своды: в одном лагере — литовском—Борецкие и народные низы, а в другом—московском — зажиточные верхи. На самом деле в верхах новгородских боролись сторонники разных ориентации. А, главное, народные низы, лишь на краткое время обманутые политической демагогией Борецких, уже ко времени боев у Русы и на Шелони поднялись на стихийную борьбу против «лучших» людей и против войны. Наконец, противники «литовской партии» и союзники великого князя были и за пределами города Новгорода: совершенно определенную московскую ориентацию обнаружило население южной части Новгородской земли.⁷³ Экономически тесно связанное с Поволжьем, обираемое новгородскими боярами, страдавшее от частых войн, население Торжка спешило целовать крест великому князю и настолько определенно тянуло к Москве, что, возвращая при заключении мира новоторжские земли, великий князь счел нужным взять население их под защиту от возможной мести новгородского боярства («А Новгороду о том на новоторжцов нелюбия не держати, не мшаться им ни коею хитростью»)⁷⁴.

Таким образом, у великого князя было немало сторонников в Новгороде и его земле, явных и тайных, последовательных и колеблющихся. Их борьба против правящей группы, в особенности выступления народных масс определили ход и исход событий в 1471 г.

IV

Конечное поражение новгородских бояр в их борьбе с объединяющейся Великороссией было исторически неизбежно. Оно определялось общими закономерностями исторического развития Великороссии, приводившими к ликвидации феодальной раздробленности. Московский князь боролся за единство Руси, за ликвидацию изжившей себя феодальной раздробленности против тех, кто посмел изменить русскому делу. Новгородские бояре отстаивали умиравшую «старину», в сохранении которой в Новгороде объективно была заинтересована только небольшая кучка «великих бояр» и церковных магнатов.

⁷¹ По сообщению Строевского списка, Упадыш «перевет держал... и хотел з Великому Новгороду с своими единомысленики» (там же).

⁷² Там же, стр. 448.

⁷³ О населении Двинской земли см. ниже, стр. 287—288.

⁷⁴ Грамоты В. Н. и П., № 27.

И все же историка, даже знакомого с событиями 1456 г., поражает быстрота и сокрушительность разгрома Новгорода в 1471 г. Победа Москвы была столь легкой и быстрой, что ее нельзя понять без учета изложенных выше обстоятельств: внешнеполитической изоляции и остроты внутренних противоречий в Новгородской вечевой боярской республике.

В отличие от предшествующих столкновений с великим князем, в 1471 г. зарвавшиеся вожаки новгородской правящей олигархии хотели войны и не спешили закончить ее после первой неудачи. Но удары извне и изнутри следовали один за другим с такой быстротой и были так сильны, что война 1471 г. оказалась все же молниеносной. Война началась в июне, в «Иванов день» (24 июня) московские войска уже заняли Русу, в первой половине июля (7—14 июля) произошли решающие бои (у Коростыни и на Шелони), тогда же (10 июля) выступили псковичи, 24 июля были казнены главные руководители «литовской партии», взятые в плен на Шелони, в конце июля (27 июля) новгородские войска были разгромлены на Двине, и тогда же новгородские послы начали переговоры о мире.⁷⁵ Таким образом, война продолжалась всего 6—7 недель. Понадобились только несколько ударов (Шелонь, Двина) для того, чтобы стало ясно, что новгородский колосс держится на глиняных ногах.

Московский великий князь выступил перед всей Восточной Европой во всем своем величии и грозной силе. Потрясающее впечатление от побед московской рати и действий Ивана III летом 1471 г. нашло особо сильное отражение в записях летописей о Шелонской битве и казнях новгородских бояр. Шелонская битва во всех описаниях, даже в Строевском списке Новгородской четвертой летописи, характеризуется как столкновение огромной, но рыхлой и плохо руководимой новгородской рати со сравнительно небольшим, но хорошо⁷⁶ организованным, подвижным и инициативным войском великого князя. Стремительная атака московской конницы разом опрокинула сопротивление новгородцев. «Новгородци видевше такову дерзость их, обратилася на бег», — пишет Псковская вторая летопись.⁷⁷ «Новгородци же мало шит подержавше и побегоша вси», — подтверждает Софийская вторая летопись.⁷⁸ Ермолинская⁷⁹ в согласии с ними заявляет: «Новгородци же мало бившеса и побегоша». А Псковская третья летопись поясняет: «Посадники новгородский⁸⁰ и вся сила новгородская показаша плеша своя и устремилася на бег». О том же говорит и сравнительно подробный рассказ «Словес избранных». Согласно ему, полки великого князя, увидев новгородцев «скоро вметашася в реку» и, «скоро через река предшедше», напали на новгородцев, а те «в часе времени» обратились в бегство («вдаша свои плеша»⁸¹).

О стремительности московской атаки и о быстром бегстве новгородцев рассказывают и поздние летописные своды, дополняя рассказы ранних летописей некоторыми подробностями и сопровождая их длинными рас-

⁷⁵ Опираемся на хронологическую таблицу, составленную И. В. Лепко (приложение к указанной диссертации).

⁷⁶ Военно-стратегический анализ Шелонского сражения дан в исследовании одного из крупнейших русских военных историков начала XX в. — А. К. Байова: Шелонская операция царя Ивана III Васильевича. ПгР., 1915.

⁷⁷ П II Л, стр. 53. Автор рассказа П И Л вообще противник московской ориентации.

⁷⁸ Соф II л., стр. 192; см. также: Типогр. л., стр. 190.

⁷⁹ Ерм. л., стр. 159.

⁸⁰ П III Л, стр. 184.

⁸¹ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 508—509.

суждениями.⁸² Все, и ранние и поздние, летописные рассказы подчеркивают беспорядочность бегства новгородцев, охваченных паникою. Объятым страхом новгородцам слышался всюду «ясак» полков князя великого «Москва»; они бросали оружие, чтобы легче стало коням («Бежаху посрамлени мечюще с себе доспехи своя тягости ради конь своих»), некоторые расставались, и с конями и пытались укрыться в лесу («... мечющиеся с конь своих на лес» панике новгородцы сбивались с пути («Не знааху бо земли своя, ниже пути к граду своему, от него же приидоша», — иронически замечает летописец),⁸⁴ блуждали по лесам и погибали там. Некоторые, кто остался на коне, кони приносили к Новгороду потерявшими сознание, а кое-кто «второпях» миновал и Новгород, полагая, что их город уже взят («А «отории с конь не сметашася, тех кони их приношаху к граду яко пьяных или спящих; и инии в торопе и град пробегоша, мнящи, яко и град их взят уже»⁸⁵). Победители⁸⁶ преследовали бегущих до Голина, «овы ссекуаи, овы бодучи, овы вяжучи», «воевод же их посадников старейших всех руками изымаша и знамена все поотнимаша».⁸⁷ В руки победителей среди прочей добычи попали и списки новгородских соглашений с королем Казимиром («Обретоша в кошейных выюдах у них списки, въ них же бяша писано с королем новгородское докончанье»).⁸⁸ Только утомление московских войск положило конец преследованию («Вой великого князя гонили по них двадесять верст и тако возвратишася от великия тоа истомы»⁸⁹). Такова картина беспримерного в истории Новгорода разгрома новгородской рати, рассыпавшейся от ударов войска великого князя.

Вскоре после Шелонской битвы, расцененной всеми современниками как доказательство военной немощи Новгорода, последовала расправа с пленными новгородскими боярами, произведшая на современников, может быть, не меньшее впечатление, чем Шелонский бой. Все летописи откликнулись на суд Ивана III над боярами, отметив его большое значение и определив свое к нему отношение. Образчиком ранних рассказов, где суровые факты еще не оплетены рассуждениями политика-моралиста, может служить сообщение Ермолинской и Софийской второй летописи. Первое из них отличается чрезвычайной краткостью: «Посадников приведоша к великому князю, он же разъярився за их измену и повеле казнити их: кнутьем бити и главы отсеци».⁹⁰ В этом кратком известии есть одна деталь («кнутьем бити»), которую последующие летописи постараются не заметить; редко встретится также указание на «яроссть» великого князя.

Софийская вторая летопись дает несколько более подробный рассказ о суде над пленниками в Русе: «И прииде в Русу месяца июля 24 и ту повеле казнити главною казнью крамолников Новгородцев, их же живых изымаша: начало крамоле том замыслиша и за короля от всего сердца хотеша, тем же повеле главы отсеци Дмитрею Борецкому Исаковичу Марфину⁹¹ и Василью Губе Селезневу и Еремею Сухошоку, Купреану Ар-

⁸² См., например, рассказы Воскр. л. (стр. 164—165) и Никон. л. (ПСРЛ, XII, стр. 134—136).

⁸³ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 509.

⁸⁴ Москов. св., стр. 289.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ П III Л, стр. 184.

⁸⁷ Соф. II л., стр. 192—193.

⁸⁸ Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 41.

⁸⁹ Москов. св., стр. 289.

⁹⁰ Ерм. л., стр. 159.

⁹¹ Любопытно именование Дмитрия Борецкого по матери Марфиным. Оно связано с подчеркиванием роли Марфы в новгородской крамоле.

зубьеву и «х товарищом; прочих же посадников Василия Казимира и его товарищов 50 лутших⁹² отобрав повеле вести к Москве и отголе к Коломне и в тюрьму всадити». Эти сухие сообщения изображают Ивана III как властного судью, воздающего новгородским изменникам сообразно их вине («измене и крамоле»). В рассказе «Словес избранных» сильно слышится голос проповедника, возмущенного обращением новгородцев к латинству («...главу же им отсекоша за их лукавство и за их отступление к латынству»). Особо выделена казнь Дмитрия Борецкого («.. оная прелестная жены Марфы старей сын ея Дмитрей»). В более абстрактной форме, свойственной проповеди (без упоминания имен и мест) «Словеса избранные» сообщают и о заточении новгородских пленников («Иных же многих посадников и тысяцких и бояр и житых людей новгородцких розославше по градом в темницу вметаша, а иных многих разведше по станомг у себе их в крепости зело держаша и до времени»).⁹³ Позднейшее московское летописание, в особенности Никоновская летопись, обстоятельно перечисляя имена наказанных и сосланных, в качестве причины казни называет измену и отступление и вводит по отношению к изменникам еще один мотив — осуществление пророчества Зосимы, провидевшего на пиру «отсечение глав» боярских «за гордыню их». Таким образом, казнь бояр в Русе осмысливалась при помощи легенды как заслуженное наказание гордых владык Новгорода.

Несколько иначе казнь бояр была оценена в соседнем Пскове. Хотя Псков и принимал участие в походе против Новгорода, но все же псковичи иными глазами смотрели на события, чем сторонники объединения Руси под властной рукой московского государя. «И многих бояр тогда (после Шелонской битвы, — В. В.), — писал псковский летописец, — живых руками поймавше, к великому князю приведоша и немилостиво казнивше их и секирою отсекоша им главы, к колоде прикладая». ⁹⁵ Головы новгородских бояр, отсеченные на колоде московскими секирами, — одно из самых ярких впечатлений лета 1471 г. Казни в Русе воочию свидетельствовали о крушении мощи новгородского боярства и вызывали различные мысли у современников (от злорадства до едва прикрытого возмущения немилостивою расправой с пленниками).

Поверженная в прах лежала перед Иваном III в июле 1471 г. вся Новгородская земля. Московский летописец конца XV в. правильно оценил размер катастрофы 1471 г. следующими словами: «А земля их вся пленена и пожжена и до моря; не токмо бо те толко были, кои с великим князем и с братьею его, но и изо всех земель их пешею ратию ходили на них; а Псковская вся земля от себя их же воевали. Не бывала на них такова

воина, и как земля их стала».⁹⁶

Автор «Словес избранных» прямо указал и на виновников поражения и разорения Новгородской земли — на «лучших» людей: «Вся их земля новгородская, — писал он, — грозю государя великого князя, воеванна и выжжена, лучши людми выбита и вытравленна вся и опустошенна, чего над ними от века не бывало. .. И то все на тех главах на изменных и на их душах».⁴⁷

⁹² Соф. II л., стр. 193; рассказ повторен в Типогр. л. (стр. 190).

⁹³ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 510.

⁹⁴ Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 137. В Никон, л. рассказ о казнях в Русе выделен даже особым заголовком: «Збытие пророчества преподобного Зосимы Соловецкого».

⁹⁵ П II Л, стр. 55.

⁹⁶ Москов. св., стр. 291.

⁹⁷ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 513.

V

По политические итоги разгрома Новгорода были подведены в Коростынском соглашении.

Через три дня после казни новгородских бояр к Ивану III, стоявшему в то время в Коростыни у устья Шелони, явилось новгородское посольство во главе с владыкой Феофилом. Оно приплыло на судах озером Ильменем, чтобы умолить Ивана о мире. «Уложи своего гнева, меча своего поуйми, огонь в земле угаси, грозы свои утиши... старины в земле не изруши», — такими словами излагают «Словеса избранные» содержание новгородского челобитья, с которым послы⁹⁸ обратились к Ивану III. В течение долгого времени («по многи дни»),⁹⁸ прибегая к содействию бояр и братьев Ивана III, они добивались согласия великого князя на прекращение военных действий и начало переговоров о мире. Летопись повествует о земных поклонах новгородцев и о слезных молениях их («Падши вси на землю, поклонишася ему и начаша о своем гресе и о своей пред ним проступке плакаться плачем великим»)⁹⁹. Этой картине покаянного слезного моления о пощаде несколько противоречит содержание той договорной грамоты, которую предложило Ивану III новгородское посольство. Оно хорошо связывается только с одной фразой изложенного выше летописного рассказа: «Старины в земле не изруши».

Действительно, новгородская грамота 1471 г. в ее основной части,¹⁰⁰ определяющей отношения Новгорода с великим князем, представляет как и раньше буквальное повторение старых грамот, почти ничем не отличаясь от новгородской Яжелбицкой грамоты.¹⁰¹ Единственно, в чем новгородские послы нашли нужным, наконец, поступиться, это формальный отказ от притязаний на Волок и Вологду, фактически давно уже перешедшие в руки московского великого князя. Это нашло выражение в изменении текста двух традиционных статей договоров (статьи о Волоке и Торжке и статьи о волостях новгородских).

*Новгородская грамота 1456 г.*¹⁰²

«А что вам пошлина в Торжку и на Волоце: тиун свой держати на своей части, а ноугородцом на своей части.

А се вы волости ноугородские: Волок со всеми волостями, Торжок, Бежица, Городец Палець, Шипино, Мелеца, Егна, Заволочье, Тирь, Пермь, Печера, Югра, Вологда».

*Новгородская грамота 1471 г.*¹⁰³

«А что вам, великому князю, пошлина в Торжку: тиуны свои держати на своей части, а Новугороду на своей части...

А се вы волости новгородские: Торжок, Бежечи, Городец Палець, Шипина, Мелеча, Егна, Заволочье, Тирг, Пермь, Печера, Югра».

За этим единственным исключением¹⁰⁴ все остальное сохранилось на прежнем месте и в прежних, вплоть до мелочей, формулировках (и «осет-

⁹⁸ Судя по датировке грамот 1471 г., переговоры были не столь длительными (грамота о сроках выплаты писана 9 августа, а договорные — 11 августа).

⁹⁹ Н IV А, стр. 511.

¹⁰⁰ Грамоты В. Н. и П., № 26.

¹⁰¹ Если не считать несущественной поправки в статье о суде новгородца на Низу (где добавлено: «... также нам новгородцем, ваших великих князей, торговцев изо всего великого княжения вашего в Новгороде не судити») и нескольких не меняющих содержания поправок в других статьях.

¹⁰² Грамоты В. Н. и П., № 22.

¹⁰³ Там же, № 26.

¹⁰⁴ Впрочем, новгородцы и здесь сочли нужным оговорить сохранение Волока и Торжка в церковном отношении под властью новгородского владыки («А на Волоце

реник» в Ладогe, и поездка на Взвяд «зверей гонити», и «на Имоволжском погосте куны»).

Сохранив в неизменном виде в 1471 г. основной костяк грамоты, новгородские послы во вступительной части грамоты, повторив вступление к Яжелбицкой грамоте, перенесли в него статью московской Яжелбицкой грамоты о том, чтобы не принимать в Новгород «лиходоев великого князя».

Кроме того, они принимали на себя следующие обязательства:

1. «За короля и за великого князя литовского. . . от вас от великих князей, нам, вашей отчине Великому Новгороду, мужем волным, не отдатися никотороу хитростью, а быти нам от вас, великих князей, неотступным ни к кому».

2. Не принимать из Литвы князей ни на пригороды, ни в Новгород.

3. Владыке новгородскому ставиться в Москве, у митрополита, «который у вас, великих князей, митрополит ни будет».¹⁰⁵

Основной политический смысл новгородской грамоты 1471 г. и заключался в обязательстве новгородцев полностью и окончательно порвать с Литвой и быть «неотступно» верными своей «господе»,¹⁰⁶ великим князьям московским.

Новгородские послы не преминули, однако, даже в этих обязательствах подчеркнуть, что они являются «людьми вольными», повторив те самые слова «мужи волные», которые были включены в договор с Казимиром. Дерзким вызовом может показаться это упоминание термина «вольные мужи», если учесть то обстоятельство, что текст договора с Казимиром после шелонского поражения был известен Ивану III, и новгородские послы не могли об этом не знать. На самом деле оно являлось скорее показателем слепой приверженности к «старине» и самоуверенной ограниченности косного новгородского боярства, которых не могли сломить даже Шелонская битва и казни в Русе. Послы, среди которых первое место занимали неоднократно упомянутый Иван Лукинич Щока и брат плененного во время Шелонской битвы Василия Казимира Яков Короб, очевидно, полагали, что Новгород, которому неоднократно удавалось покупать себе мир у великих князей, сумеет откупиться и на этот раз. Они верили во всемогущество новгородского рубля. Только этим можно объяснить позицию, занятую в Коростыни послами Великого Новгорода после военной катастрофы 1471 г. Впрочем, и победитель великий князь оказался гораздо менее требовательным, чем можно было бы думать. В московской Коростынской грамоте не был поставлен вопрос о «безоговорочной капитуляции» на волю победителя. Основная территория Новгородской земли оставалась за Новгородом. Население занятых земель, часть которого уже целовала крест великому князю, отходило назад к Новгороду («А с новоторжцов и з демонцов князи великие целованье сложили»). Великий князь отказался от хлеба и серебра, взысканного в Торжке. Вопросы о последствиях войны решались без особого ущерба для новгородцев. «А что война была. . . тому всему погреб». Пленников великий князь отпускал («Нятцов новугородских всех и полон весь велели отпустить»). Наконец, политический строй Новгорода оставался неизменным. Московская грамота 1471 г.¹⁰⁷ в основе своей повторяла содержание московской Яжелбицкой

и на Вологде владыке церкви и десятина и пошлина своя ведати по старине»). Оговаривалось также сохранение за Юрьевым монастырем его земельных владений в Волоке.

¹⁰⁵ Там же, № 26, стр. 45–46.

¹⁰⁶ Термин «господа» впервые появляется в грамоте 1471 г., но вряд ли следует ему придавать особое значение, как это делает Черепнин (Русские феодальные архивы).
¹⁰⁷ Грамоты В. Н. и П., № 27. В выработке ее окончательной редакции принимали участие и новгородские послы.

грамоты, так же как последняя, главным образом уделяя внимание вопросам о суде.

Что же нового включала грамота 1471 г. по сравнению с Яжелбицкой? Дальнейший шаг вперед по сравнению с Яжелбицкой грамотой заключался в некотором расширении судебных прерогатив великого князя. «Новгородский судебный кодекс,—правильно заключает в этой связи Л. В. Черепнин,—был переписан на великокняжеское имя и скреплен княжескими печатями».¹⁰⁸ Имя и печать великого князя в «грамоте докончальной в Новгороде промежь себе» (так договорная грамота 1471 г. называет Новгородскую судную грамоту) означали не только расширение судебных до-¹⁰⁹ходов великого князя, но подчеркивали значение великого князя как верховного судьи в новгородских делах «промежь себе». Наконец, в грамоту был включен пункт о предоставлении псковским послам «чистого пути» к великому князю через Новгородскую землю (включение этого пункта было подсказано челобитьем псковичей 1464 г.).¹¹⁰ Этим и исчерпывается содержание грамоты 1471 г.

Кроме условий, перечисленных в грамоте, великий князь потребовал уплаты «за новгородскую проступку полшестыминадцать тысячи рублей» (почти вдвое больше, чем в 1456 г.). По вопросу о размерах суммы «окупа» велась борьба, нашедшая отражение в летописях. Великий князь запросил сначала 17 000, затем «владычя ради челобитства» пошел на скидку.¹¹¹ Особая грамота от 9 августа 1471 г. точно определяла сроки уплаты денег.¹¹² Наконец,¹¹³ вероятно, в Коростыни же состоялось соглашение о заволоцких землях.¹¹⁴ Таково содержание Коростынского соглашения.

Раньше, чем дать ему итоговую оценку, интересно обратиться к летописным сообщениям, чтобы установить, в чем видели основное содержание Коростынского соглашения современники. Голос современника-новгородца всего яснее звучит в Строевском списке Новгородской четвертой летописи: «И ездѣ наречены владыка Феофил с посадники новгородскими и с житыми людьми на Коростыне и до кончал мир с князем великим и даша князю великому Ивану Васильевичи новгородци полшестенадцать тысячи рублей, а целоваша новгородци крест князю великому, што за короля новгородцем не издаватися и отчицев из Литвы не принимать; а все то богу попушаюшу грех ради наших».¹¹⁴ Следовательно, новгородец выделил три пункта коростынских соглашений, очевидно, их считал важнейшими: 1) уплата 15 500 руб., 2) разрыв с Литвой и 3) непринятие из Литвы в Новгород «отчицев» (т. е. бежавших в Литву Шемячича и Можайча). Никаких изменений в правах великого князя в Новгороде летописец не отметил, как будто все оставалось по-старому. В рассказе о заключении мира летописец употребил традиционную формулу новгородских летописей—«докончил мир» с князем великим. Новгородской летописец не видел или не хотел видеть что-либо существенно новое в росте судебных прав великого князя.

Автор рассказа Псковской второй летописи подошел к вопросу еще проще. «Посадники Новгородские,—писал он,—с нареченным владыкою Феофилом приехаша к великому князю... и добиша чолом и даша 18 ты-

¹⁰⁸ Черепнин. Русские феодальные архивы, стр. 372.

¹⁰⁹ Договорная грамота предусматривает поступление великому князю в ряде случаев половины судебных взысканий.

¹¹⁰ См. выше, стр. 266.

¹¹¹ П III Л, стр. 184.

¹¹² I грамоты В. Н. и П., № 25.

¹¹³ См. об этом ниже, стр. 288.

¹¹⁴ Н IV Л, стр. 447.

сяць рублей и взяша мир с князем великим и с псковичами, по старине».¹¹⁵ Для него существенным вопросом представлялся только один вопрос о размерах контрибуции.¹¹⁶ Он свел все дело к новгородским рублям. Все прочее представилось ему столь незначительным, что он нашел возможным говорить о мире «по старине».

Автор рассказа Псковской третьей летописи, кроме взыскания контрибуции, упомянул еще об одном условии: князь великий «вси своя что ни буди старины поймал или город или волости, или бор черный». Но и он назвал Коростынское соглашение миром «по старине» («Князь великий челобитье их принял и мир по старине дал»)¹¹⁷.

Существенно отличен и по тону и по содержанию от новгородского и псковского летописания рассказ «Словес избранных». В нем после рассуждений о милосердии божием и о блаженстве милостивых («блажени милостивии, яко ти помиловани будут») рассказывается о милосердии великого князя, который, вняв молениям новгородцев и заступничеству митрополита, князей и бояр, «пожаловал. . . весь Великий Новгород, отчину свою и всю землю Новгородскую, гнев свой и съ сердца им сложил, и недлюбие свое им отдал, и мечь свой унял, и грозу свою в земли удержал».¹¹⁸ Таким образом, в изложении «Словес избранных» мир 1471 г. был не договором, а пожалованием, что вполне соответствует политической терминологии складывающегося московского самодержавия. Но раскрывая далее конкретнее, в чем заключалось это «пожалование», «Словеса избранные» ограничиваются указанием на ликвидацию последствий войны («нятцев» и «полон» великий князь отпустил без «окупа», «войнам и грабежом учинил дерть и погреб всему») и на «залог старый и пошлины его (великого князя)».¹¹⁹

Следовательно, и «Словеса избранные» не придали большого значения статьям Коростынского договора, определяющим дальнейшие взаимоотношения между Новгородом и великим князем. Но московское летописание подчеркивало неизменно ту мысль, что Коростынское соглашение было пожалованием великого князя или рядом по его воле. «И урядився с ним, якоже угодно великому князю», — пишет Софийская вторая летопись.¹²⁰ Московский свод конца XV в. и следующие за ним позднейшие своды еще определеннее отмечают эту мысль. Так, по рассказу Московского свода, после того как новгородцы «добыша челом великому князю шестыонадесять тысяч сребра» — и псковичи подошли к лагерю великого князя на устье Шелони, «стоал туто на едином месте князь великий 11 дней, управляя новгородцев, и пожаловал их, дасть им мир на своей воли, как сам въсхоте, а псковичем докончание взял с новгородци. . . как псковичи хотели».¹²¹

¹¹⁵ П П Л, стр. 55.

¹¹⁶ Вопрос о контрибуции и добыче занял заметное место, впрочем, во всех сообщениях о мире. Летописи подробно рассказывают о добыче, с которой воинство вернулось из похода. Так, Типогр. л. рассказывает, что братья Ивана III, «ехаши по своим отчинам, вельми ополонившися и людие их сребром и конми и порты. Князь же Михаил Андреевич. . . стояв под городом под Демоном и взяв откуп с них 100 рублей новгородских и множество волостей и сел попленив и вельми ополонившися. . . возвратишася на свою отчину» (Типогр. л., стр. 191). Точно так же Москов. св. отмечает, что все воинство вернулось в Москву «со мноюю корыстью» (стр. 291).

¹¹⁷ П П Л, стр. 184.

¹¹⁸ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 512.

¹¹⁹ Там же. Формулировки, очень близкие к тексту грамоты 1471 г.

¹²⁰ Соф. П л., стр. 193.

¹²¹ Москов. св., стр. 291.

Во всем этом разноголосом хоре суждений о Коростынском мире, где мир изображался то как договор («по старине»), то как «пожалование» государя, диктовавшего свою волю, и где отмечались то одни, то другие условия мира, одно выступает совершенно отчетливо: ни один из летописцев не усмотрел в Коростынском мире какого-либо покушения против основ новгородского вечевого порядка.

Почему же Иван III, одержав решительную победу «над новыми от-¹²⁹ступники, и над своими изменники, и над вечники», не посягнул на вечевой порядок и оказался столь милостивым, что даже отпустил из заточенья плененных руководителей новгородской рати на Шелони («Князь великий пожаловал испустил из заточения плененных новгородцев, Казимера и с ним 30 муж в Новгород к женам их и к детям»).¹²³ Ответ на этот вопрос следует искать не в словах великого князя и в заявлениях московского правительства (их не сохранилось, если они и были), а в его действиях. Действия эти говорят о том, что московское правительство до поры до времени считало нужным мириться с существованием в Новгороде вечевого строя, как терпело оно вече и в послушном ему Пскове. И дело было, конечно, не в особом «уважении» Ивана к «старине» (он порою рвал со «старинной» весьма решительно), а в том, что князь еще не потерял надежды на полное подчинение своей воле правящей новгородской верхушки. Если бы удалось превратить «великих бояр новгородских» в верных слуг московского самодержавия, тогда можно было бы направлять политику Великого Новгорода без ломки новгородского строя. Ликвидация же вечевого строя в 1471 г. не только повела бы к сплочению в Новгороде всех сторонников столь живучего вечевого порядка, но и поставила бы перед московским правительством сложную задачу организации на новых началах управления огромной территорией Новгородской земли (а к этому великий князь еще не был готов). Поэтому-то грозный победитель после Шелонской победы и казней в Русе готов был идти на сговор с новгородской правящей верхушкой, «щадя вечевые инстинкты новгородской массы» (Пресняков) и соглашаясь признать новгородцев «мужами водными». Поэтому-то он выпускал из заточения Василия Казимира, Кузьму Григорьева (брата Захара Овинова) и других виднейших новгородских бояр. Поэтому-то в том же 1471 г. (в декабре) нареченный новгородский владыка был посвящен в архиепископы. Поэтому-то, наконец, важнейшие коростынские решения оформлялись в виде постановлений веча. Так было и с Судной грамотой, так было и с важнейшим земельным вопросом, вопросом о Двинской земле. Условия Коростынского мира, таким образом, были продиктованы политическим курсом московского правительства на сговор с новгородской боярской верхушкой, а не на разгром новгородского порядка. Этим объясняются все кажущиеся противоречия в содержании и фразеологии коростынских грамот и видимое несоответствие между блестящими военными успехами московской войны и скромными политическими итогами их.

В «Секретной дипломатии XVIII в.» Маркс таким образом охарактеризовал гибкую политику Ивана III в 1471 г.: «Он нашел нужным разыграть внезапную умеренность. Он довольствовался выкупом и признанием своих суверенных прав, но в текст акта о подчинении республики он ввернул несколько двусмысленных слов, которые его делали верховным судьей и законодателем республики».¹²⁴

¹²² Соф. II л., стр. 192.

¹²³ Соф. I л. (ПСРЛ. VI), стр. 13.

¹²⁴ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, стр. 84.

VI

Политика «коростынского компромисса», стовора великого князя с новгородской боярской верхушкой, оказалась недолговечной. Подводным камнем, о который разбилась она (и разбилась очень быстро), был все тот же вопрос о земле, и прежде всего о Заволочье. Поэтому вопрос о заволоцких землях в 1471 г. заслуживает особого внимания. Еще во время феодальной войны 30—50-х годов, как упомянуто выше, Москва прочно укрепилась в Вологде и в Устюге. И Василий II и его противники Юрьевичи усердно пытались привлечь каждый на свою сторону Верхнее Подвинье, оторвав его от Новгорода. Первоначально в 30—40-х годах перевес в этой борьбе был на стороне Юрьевичей, но во второй половине 40-х годов положение изменилось. Вологда стала важной базой в победоносном походе Василия II на Москву в 1447 г., а последовавший затем разгром Шемяки в Галиче укрепил положение великого князя в Верхнем Подвинье. Не увенчалась успехом и последняя попытка Шемяки в 1452 г. (уже из Новгорода) выбить Василия II из Устюга.¹²⁵ Овладение районом Вологды и Устюга, как правильно отметил С. В. Рождественский, «было крупнейшим успехом Москвы: создавалась прочная база для наступления в самое сердце Поморья на Двину».¹²⁶ Посылка новгородцами князя Василия Шуйского и воеводы Василия Никифорова за Волок с целью укрепления там новгородских позиций не принесла существенных результатов.

Еще до формального разрыва с Новгородом, в конце мая 1471 г., воеводы Ивана III (Василий Образец и Борис Тютчев) развернули широкое наступление на восточные владения Новгорода. Воеводы Ивана III опирались и на Устюг, главный узел исконных путей из Поволжья в Подвинье, и на новые владения московского великого князя от Вологды на западе до Вятки на востоке: «А прежде того на Двину да и за Заволоцкую землю князь великий посла своих воевод, Василия Федоровича Образца да Бориса м атвеевича Тютшева своими людьми, Устюжские земли, да и Вяцкие, да и Волоцкие (Вологодские) земли да вси тамо на Новгородские пригороды и на вси их волости и погосты».¹²⁷ Новгородские воеводы пытались противодействовать вторжению московских войск, привлекая для этого население Заволочья, Карельской земли и Печоры и собрав большую рать («множество 12 тысяч»). В рассказе Устюжской летописи войско князя Шуйского названо «многую силою двинскою и печерскою, да с ними шылники из Новагорода».¹²⁸ Но единодушия в этом «множестве» не было; привлеченные отряды из местного населения не склонны были упорно отстаивать власть Борецких и других новгородских бояр. Анализируя несколько сбивчивые сообщения Софийской второй летописи и сопоставляя их с показаниями Строевского списка и других летописей, можно прийти к выводу, что двиняне сначала (бились на новгородской стороне, причем погиб их воевода («... воеводу их большого Двиньского Игната Кошина тубиша»), но позднее «двиняне возмятошася» и «не тянуша по князи Василье Васильевиче и по воеводе по Василии Микифоровиче».¹²⁹ В двинском войске

¹²⁵ См. выше, в гл. VIII.

¹²⁶ Рождественский. Двинские бояре, стр. 68.

¹²⁷ Слова избр. (Н IV Л), стр. 506. См. также московские великокняжеские летописи: «В 31 день месяца мая, в пяток послал князь великий Бориса Слепца к Вятке, веля ити им на Двинскую землю ратью же, а к Василью Федоровичу (Образцу, — В. Б.) посла на Устюг, чтобы с устяжины на Двину же ратью пошел, а зжидал бы з Борисом да с Вятчаны» (Москов. св., стр. 286). См. также: Симеон, л., стр. 228; Воскр. л., стр. 162; Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 130.

¹²⁸ Устюж. л., стр. 89.

¹²⁹ Соф. II л., стр. 193—194; Н IV Л, стр. 447.

новгородцев было еще меньше единства, чем на берегах Шелони. Поэтому длительная и упорная битва на Двине, на суше и воде (пеших отрядов и «судовой рати»), завершилась полным поражением новгородцев («...бились ступным боем великим, на воде в судех да пеши на суше, а бишася от утра до ночи; и поможе бог воеводам великого князя, а побиша на том бою новгородцев много зело»).130

Показания «Словес избранных» подтверждаются и Строевским списком, где битва описана следующим образом: >«Съступившимся им на -ратный бой и паде многое множество с обе половины, а д вина не не тягнуша и шестники измогаша, и заволочан посекоша и двинян иссекоша; а князя Василя Васильевича и воеводу Василя Микифоровича бог ублюде».¹³¹ Картина получается в целом совпадающая, если не считать, конечно, роли бога, который по «Словесам избранным» усердно помогал московским войскам, а по Строевскому списку охранял («ублюде») разбитых новгородских воевод. Реальный итог битвы в обоих «рассказах изображен одинаково: новгородское войско было разбито, а его начальники вынуждены были спастись бегством. Самого князя, тяжело раненного стрелой, увезли на судне его люди в Холмогоры, откуда он вернулся в Новгород с остатками войска («вмале дружине»).132 В то время как главные силы великого князя под командованием Образца и Тютчева двинулись на Двину из Вятки и Устюга, посланный из Москвы братом Ивана III отряд под руководством боярина Сабурова повторил поход на Кокшенгу, Важские погосты.¹³³

Двинская победа позволила Ивану III потребовать у новгородцев части их восточных волостей, где вычегодские владения Москвы соприкасались с двинскими землями Новгорода. Требование Ивана было оформлено решением веча, содержание коего известно нам из грамоты о сложении крестного целования на подданство с населения ряда новгородских восточных земель.¹³⁴ Захваченные новгородцами земли на Пинеге («Кегрола, и Чакола, и Пермские,¹³⁵ и Мезень, и Пильи горы, и Немьюга, и Пиешка, и Выа, и Сура Поганая») закреплялись за московским великим князем («...ино то земли осподы нашей великих князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его великого князя Ивана Ивановича всея Руси»).136 Население этих земель освобождалось от крестного целования Новгороду («А то крестное целование Новугороду даловь»).

Круг уступленных земель не охватывал важнейших, наиболее населенных, восточных владений Новгорода. Как явствует из жалованной грамоты Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю, датируемой 1476—1477 гг., Двинская земля с Орлецом оставалась во владениях Новгорода.¹³⁷ Все же в 1471 г. был нанесен чрезвычайно сильный удар по новгородской колониальной политике на северо-востоке. Земли, которые отходили к Москве, весь бассейн Пинегы, восточного притока Северной

¹³⁰ Словеса избр. (Н IV Л), стр. 512; см. также: Устюж. л., стр. 89.

¹³¹ Н IV Л, стр. 447.

¹³² Н IV Л (Строевский список), стр. 447.

¹³³ По Соф. II л. поход Сабурова был несколько раньше битвы на Двине.

¹³⁴ Грамоты В. Н. и П., № 98.

¹³⁵ Под землями Пермскими нужно понимать, конечно, не Великую Пермь, а Пермскую волость, лежавшую выше Пильвегорской волости по р. Пинеге (см.: М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. М., 1909).

¹³⁶ Первые попытки утвердиться в землях на Мезени и Пинеге были предприняты московскими князьями еще в конце XIV в. При Василии I здесь упоминается московский волостель.

¹³⁷ Грамоты В. Н. и П., № 101, стр. 156. Двинские земли перешли к великому князю только в январе 1478 г. (Соф. II л., стр. 218).

Двины,¹³⁸ и Мезени, вместе с землями на Вычегде, которые еще с конца XIV в. были тесно связаны с Москвой, перерезывали дорогу в Печору. Положение Новгорода на северо-востоке Руси ухудшалось также тем, что в 60—70-х годах были закреплены за Москвою Вятка и Великая Пермь.

Еще в 1462—1463 гг. Великая Пермь была крещена («Иона епископ пермский крестил Великую Пермь и князя их и церкви поставил и игумены попы»). Пермские князья, правда, оказывали и после этого сопротивление московским властям. Но после новгородского похода 1471 г. были приняты крупные меры для окончательного подчинения Великой Перми. В 1472 г. князь Федор Пестрый и Гаврила Нелидов предприняли «за неисправление» пермяков большой поход из Вятской земли на верхнюю Каму, Вишеру и Колву (приток Вишеры). Продвигаясь то водою, то сушей («на плотех» и «на конех»), они разбили пермяков на р. Колве и завладели их городками (Искором, Уросом, Почкою, Чердынью). При впадении Покчи в Колву русские войска «срубили» свой городок (возле Чердыни) и заставили пермских князей признать власть московского князя. «Срубивши ту городок, седе в нем и приведе всю землю ту за великого князя, и оттуда послал князь Федор князя Михаила (пермского) к великому князю... а сам остался там в городке Почке». В Москву были отправлены и дары: «16 сорок соболей. . . да пол-30 поставов сукна» (вряд ли не новгородского, «да ценное оружие».

Присоединение Великой Перми вместе с присоединением земель по Вычегде, Пинеге и Мезени наглухо закрывало путь для новгородских боярских отрядов к северному Уралу. С переходом указанных земель к Москве Новгород терял и важнейший источник дохода — восточную пушнину, торговля коей занимала столь видное место в торговых сношениях Новгорода с Западной Европой и Поволжьем. Наконец, упрочивались и стратегические позиции Москвы на случай нового столкновения между Москвой и Новгородом. Москва получала возможность для удара на Двинскую землю опереться не только на Вологду, Устюг и Вятку, как это было в 1471 г., но теснить Двинскую землю и с востока.

А. А. Савич в своем исследовании о «Соловецкой вотчине», оценивая значение событий 1471 г., писал: «Хотя посредством специального договора Великий Новгород в 1471 г. выговорил себе право свои волости „держати мужи новгородскими" и только платить за эти волости „дар" великому князю, но этот договор был уже голосом из-за могилы. В том же 1471 г. Великий Новгород должен был отказаться от своих двинских и задвинских волостей. С¹⁴⁰ 1471 г. Великий Новгород фактически стал в зависимость от Москвы». Как ясно из предшествующего изложения, эти мысли не могут быть признаны в полной мере правильными. Так, право держать волости «мужи новгородскими» было, как известно, не новшеством, выговоренным в 1471 г., а старинным традиционным правом новгородцев, на которое в 1471 г. Иван III не посягал. Нельзя говорить о переходе к Москве в 1471 г. двинских земель. Но можно в одном согласиться с автором: объективное значение событий 1471 г. было большим, чем думали современники-летописцы. Жизнь быстро сломала рамки отношений,

¹³⁸ В переданных землях по Пинеге по писцовым книгам XVII в. значилось в Кевроле — 430 дв., Чахале — 278 дв., Перемской — 128 дв., Пилих Горах — 57 дв., Немьюге — ?, Пинежке — 174 дв., Вые — 201 дв., Суре — 176 дв. (Богословский, ук. соч., приложение, стр. 24—26).

¹³⁹ Москов. св., стр. 297.

¹⁴⁰ А. А. Савич. Соловецкая вотчина. Пермь, 1927, стр. 37.

намеченных Коростынеким договором. И на востоке, на Двине, значение событий 1471 г. чувствовалось сильнее, чем где-либо в обширной Новгородской земле.

* *
*

Боевым кличем великокняжеских войск в решающей битве на Шелони был — «Москва!» Этот «ясак» полков великого князя был больше чем простым военным кличем, это был политический лозунг, который все сильнее звучал на Руси, тянувшейся к единству. В 1471 г. клич «Москва!» был слышен не только на берегах Шелони. Он давал знать себя и на Двине и на Вятке. Он начинал проникать и в сознание всех тех «земстиих» и «меньших» людей Новгорода, которые были бессильны сами справиться с произволом «великих бояр». «Везде бо бог помогаше государю за его правду», — восклицает устюжский летописец, отражая¹⁴¹ тяготение к великому князю всех тех, кто стремился к единству Руси.

Мощное движение к единству ломало те рамки, которые сложились в века феодальной раздробленности.

Кратко оценивая значения событий 1471 г., Маркс в «Хронологических выписках» записал: «1471 Он¹⁴² смирил *Новгород*; город, напрасно рассчитывавший на своего союзника, *польского короля Казимира*, вынужден¹⁴³ был подчиниться Ивану; его *свобода* стала отныне только призраком».

¹⁴¹ Устюж. л., стр. 89.

¹⁴² Иван III.

¹⁴³ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 155.

ГЛАВАХ

КОНЕЦ ВЕЧЕВОГО СТРОЯ

I

Шесть с половиной лет, отделяющие Коростынский договор от Троицкого стояния зимой 1477—1478 гг., были временем агонии Новгородской боярской республики, завершившейся ликвидацией «призрака» новгородской свободы. Обострение классовой борьбы и кризис верхов обессиливали Новгород. Положение дел в Новгороде за эти годы можно хорошо охарактеризовать словами Псковской второй летописи: «Многий бо велможи и бояре перевет имеяху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быти и вьсташа чернь на бояр, а бояри на чернь»¹.

Трудно говорить о какой-либо политической линии новгородского правительства за эти годы. Присматриваясь к его действиям, исследователь обнаруживает в них не какую-либо определенную линию, а метание из стороны в сторону. Борьба сторонников различных ориентации особенно хорошо выступает в событиях весны 1477 г., когда амплитуда колебаний достигла размаха от посылки в Москву о «государстве» до кровавой расправы на вече с Захаром Овиновым и Василием Никифоровым. Борьба сторонников московской и литовской ориентации приобрела в эти годы необычайную остроту, но она не сопровождалась четким размежеванием внутри новгородского боярства. Если можно ясно наметить наиболее определенных устойчивых вожakov того и другого направления (Борецких и Офонасовых в «литовской партии», Овиновых и Никифорова— в «московской»), то большая часть новгородского боярства переметывалась от одной стороны к другой, порою обнаруживая прежнюю «гордыню», порою пытаясь спасти свои вотчины ценою отказа от роли руководителей новгородского веча. В конечном счете позиция новгородского боярства была определена двумя причинами: страхом перед растущим антибоярским движением в Новгороде и стремлением сохранить свои земельные владения. Совместное действие этих причин заставило властных новгородских бояр склониться перед волей Ивана III и отказаться от защиты вечевой «старинны». «Вечей колокол отложили и посадника отложили, чтобы государь с сердца сложил и нелюбия отдал, и вывода бы не учинил, и во отчины бы их в земли и в воды не вступился и в животы их»². Эти слова летописца правильно характеризуют ту позицию, на которую скатилось новгородское боярство, оказавшееся неспособным подняться выше забот

¹ П И Л, стр. 57.

² Соф. П л., стр. 215. См. также другие московские своды.

собственника о сохранении любой ценою своих «животов». Челобитные новгородских бояр в декабре 1477 г. были своеобразным свидетельством о политической смерти, которое выдавали себе дряблые потомки энергичных и политически активных Гюрятиничей, Твердиславичей и Мишиничей. Оценивая борьбу Ивана III с удельной системой, В. Г. Белинский (в статьях о Пушкине) писал: «Идея самодержавного единства Московского царства, в лице Иоанна III, торжествующая над умирающею удельною системою, встретила в своем безусловно победоносном шествии не противников, сильных и ожесточенных, на все готовых, а разве несколько бессильных и жалких жертв».³

Узкие собственнические интересы новгородских вотчинников выступали в их заявлениях в конце 1477 г. настолько обнаженно, что их не мог не заметить ни современник-летописец, ни позднейший историк, хотя бы и вовсе не склонный к материалистическому объяснению исторических событий. Даже Карамзин бросил по этому поводу едкое замечание в адрес новгородских бояр, указав, что они «не стояли ни за вечевою колокол, ни за посадника, но стояли за свои вотчины».⁴ Но если эта мысль получила широкое признание в дальнейшей русской историографии (Соловьев, Костомаров, Пресняков и др.), то старая наука не сумела подняться до понимания значения классовой борьбы этих лет в Новгороде, определившей поведение боярства. При обострении классовых противоречий в городе недовольство политическими ошибками правящей олигархии принимало характер социальный. Стихийные вспышки движения городских низов в обстановке мора и голода объективно направлялись не против сторонников той или другой ориентации, а против боярства как феодального класса (напомним вышеприведенные слова Псковской летописи: «Всташа чернь на бояр, а бояри на чернь»). Бурные сцены на новгородском вече в 1471 г. и 1477 г. «буйственное своеволие буйственной черни», говоря словами И. Н. Болтина, приводили новгородских бояр к пониманию того, что вече все чаще переставало быть послушным орудием в руках заправил новгородской политики. К тревоге собственника за свои «животы» присоединялся, таким образом, звериный страх перед голодной массой «черных людей». Этим определилось поведение новгородского боярства, его политическая линия в 1471—1478 гг., точнее говоря, отсутствие у него в эти годы политической линии.

Приглядимся теперь к поведению «черни». В низах новгородского общества усиливалось за эти годы недовольство правящей верхушкой и вместе с тем росла вера в московского государя как справедливого судию, у которого можно найти управу на насильников-бояр. Объясняя приезд Ивана III в Новгород зимою 1475—1476 г. «на суд и управу в свою отчину», псковский летописец указывал: «А новгородци люди житии и моложшии сами его призвали на суд и управу, что на них насилья держат как посадники и великие бояре».⁵

Не успел Иван III появиться в 1475 г. на новгородской территории, как, согласно обстоятельной повести «О поезде великого князя в Великий Новгород», к нему явились новгородцы «Кузьма Яковль с товарищы» «с жалобою на свою же братью на новгородцев». Это была первая встреча Ивана III с новгородцами во время его поездки. А как только великий князь прибыл на Городище, на другой же день (22 ноября)

³ В. Г. Белинский. Статьи о Пушкине. Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 507.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1842, стр. //•

⁵ П III Л, стр. 200.

к нему явились «жалобники»: «.. многие новгородстии жалобники и всякие люди житьи, и <рушане, и монастырьские и прочий же в пределах ближних Новгорода приидоша бити челом великому князю». Одни из «жалобников» искали защиты от московских отрядов, другие шли с жалобой «на свою же братью на новгородци». Многочисленность «обидных людей», которые обращались к нему во время Городишенского стояния в 1476—1477 гг., свидетельствует о том, насколько сильна была тяга новгородцев к великокняжескому правосудию. Жалоб было так много, что великий князь не успел рассмотреть все на Городище, и продолжение разбора жалоб было перенесено в Москву. Иван III даже назначил особый срок для рассмотрения жалоб новгородцев («И поведе им сроки давати стати перед великим князем на рожество христово»). Пристава великого князя по жалобам вызывали обвиняемых на суд в Москву. Так, с приставами был вызван в Москву в феврале 1477 г. сам посадник Захарий Овин («И ирииде из Новгорода посадник Захарий Овин за приставом великого князя со многими новгородци, иным отвечивати, а на иных искати». Среди жалобщиков, наряду с «иными посадниками», согласно рассказу летописи, были «и мнози житьи» люди, и «поселяне», и «вси преобижени многое множество»).

Вопрос о «позвах» в Москву потому-то и приобрел в глазах новгородского боярства такую важность, что он имел не только политическое, но и социальное значение. Значение вопроса особо ясно выступает в записи Типографской летописи, в которой читаем: «Тое же зимы приехаша новгородци на Москву к великому князю Ивану Васильевичу многие жалобники на посадников и на бояр. Князь же велики посла по них своих приставов с Москвы и начат их судити на Москве».

Стремление великого князя расширить свои судебные права в Новгороде получало, таким образом, поддержку снизу со стороны многочисленных жалобщиков на насилия новгородских феодалов. Именно поэтому посадники и бояре усматривали в московских «позвах» покушение на их социальные привилегии. Становится в этой связи ясно, почему даже в роковые дни ноября—декабря 1477 г. новгородские верхи трижды (24 ноября, 7 декабря и 14 декабря) били челом великому князю, чтобы он пожаловал, «московские позвы отложил». Они не позабывают напомнить о «позвах» даже в тот день, когда они согласились «отложить» «вечей колокол и посадника» («.. да пожаловал бы и позвы московские отложил из Новгородской земли»).

Еще определеннее тянули к великому князю, как это обозначалось уже в 1471 г., низы новгородских пригородов. В летописях имеется специальное указание на то, что среди жалобщиков были и рушане и карела.

Вместе с тем, однако, низы населения Новгорода обнаруживали ослабевающую приверженность к вечевому порядку. Когда московские послы в мае 1477 г. изложили те выводы, которые в Москве были сделаны из посольства о «государстве» («И суду его.. в Великом Новгороде быти, и по всем улицам сидети князя великого тиуном, и Ярославле вам дворище

⁶ Соф. II л., стр. 200—202.

⁷ Там же, стр. 205.

⁸ Там же.

⁹ Василием Никифоровым и Иваном Кузьминым (Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 18).

¹⁰ Соф. II л., стр. 205.

¹¹ Типогр. л., стр. 195.

¹² Соф. II л., стр. 215. Социальный смысл вопроса о «позвах» хорошо разъяснен в названной диссертации И. В. Лепко (см. особенно стр. 194—196).

великим князем очистити»),¹³ народ возмутился и обвинил во всем бояр («И начаша народ на бояр за то злобу имети»)¹⁴. Волнения в Новгороде достигли такой силы, что летописи сравнивают их с бурными событиями 1471 г. Последовавшие затем расправы на вече с изменниками боярами в 1477 г. укрепляли в сознании новгородских плебеев веру в вече. Поэтому в то время, как боярская верхушка обнаруживала в переговорах с Иваном готовность отречься от веча, народная масса все сильнее спланивалась для защиты вечевого строя. «Черные люди» сумели даже настоять на том, чтобы в состав посольства к Ивану III, которое должно было дать ответ на его требование о «государстве», были включены представители «черных людей». Летописи сохранили имена этих представителей новгородского плебса: «...от Наровского конца Аврам Ладоженин, а от Горичарьского — Кривой, а от Словенского — Захар Брех, а от Загородского — Харитон, а от Плотничья — Федор Лытка».¹⁵ Летопись не дает прямых указаний на социальное лицо представителей «черных людей», но косвенным указанием на него являются их имена, столь отличные от имен прочих представителей Великого Новгорода. Вероятно, наличием в посольстве «черных людей» нужно объяснить резкий тон посольства 7 декабря, повлекший за собой недовольное замечание Ивана III: «Вы нынеча сами указываете мне».¹⁶ В следующем посольстве (14 декабря), которое пошло на капитуляцию, представителей «черных людей» уже не было. Новгородские бояре поспешили договориться о «государстве» без участия «черных людей» и предали вечевой строй. Таким образом, позиция «черных людей» в эти решающие для новгородской политической жизни годы была внутренне противоречивой: тяга к крепкой власти государя сочеталась с приверженностью к вечевому строю и явным нерасположением к будущим наместникам и тиунам великого князя. Поэтому, оказывая большое влияние своими стихийными выступлениями на ход событий, нагоняя страх на бояр и воздействуя на политику великого князя, плебейские массы не могли выступить как ведущая сила, имеющая определенную программу и борющаяся за ее осуществление.

Борьба «черных людей» Новгорода против бояр, имея объективное прогрессивное значение, ускоряя вхождение Новгорода в состав Русского государства, не была освещена пониманием прогрессивности централизованного государства. Народные массы средневековья оказывались неспособными найти новую политическую форму для осуществления своих социальных чаяний.¹⁷ В народных общинах Новгорода и Пскова долго будет жить идея «вечевой общины» со своим судом и управлением.¹⁸ Они будут осмысливать и оправдывать ею борьбу против насилий и лихоимства наместников, воевод и дьяков в течение двух веков.

Как указывает приведенный в начале главы текст Псковской летописи, за эти годы активизировалась и политическая роль житых людей, в основном выступавших против антимосковской политики боярства. Б. Д. Греков готов даже, несколько схематизируя расстановку политических сил Новгорода, искать в противоречиях житых и бояр основу литовской и московской ориентации. «В последние годы самостоятельности Новгорода, — пишет он, — житы люди составляли московскую партию в то

¹³ П III Л, стр. 209.

¹⁴ Устюж. л., стр. 92.

¹⁵ Соф. II л., стр. 214. См. также другие московские своды.

¹⁶ Соф. II л., стр. 214.

¹⁷ Аналогичные явления выступают и в истории западноевропейских стран.

¹⁸ Как обнаружила большую живучесть идея «коммуны» в средневековых городах Западной Европы. -

время, как боярство стояло за вассальную зависимость от Литвы». ¹⁹ Взятое в таком общем виде это положение вызывает возражения. «Водораздел» между сторонниками литовской и московской ориентации не совпадал с сословной гранью между боярами и жителями, как это показано выше. Оппозиция жителей не была борьбой нарождающихся буржуазных элементов против правящих феодалов, а борьбой различных слоев внутри класса новгородских феодалов. Недовольные привилегиями бояр в суде и управлении, жители готовы были искать «управы» на посадников у великого князя. А в то же время экономические интересы и связи с боярством толкали часть жителей в лагерь сторонников литовской ориентации. Напомним, что в Русе вместе с Дмитрием Борецким был казнен житей Киприан Арзубьев, а в 1478 г. вслед за Марфой Борецкой был «пойман» сын Киприана — Григорий. Оппозиция жителей против бояр не приобрела ни большого политического, ни социального значения. Они не возглавили борьбу купцов и «черных людей» против бояр. Ее значение свелось к тому, что она вела к еще большему разброду в «верхах», усиливала то отсутствие «единомыслия», которое отмечал псковский летописец.

II

В то время как политическая линия новгородской правящей верхушки теряла свою определенность, политика Ивана III по отношению к Новгороду становилась все более уверенной и четкой. Поддерживаемый антибоярской (и антицерковной) новгородской оппозицией, подталкиваемый логикой борьбы с «изменниками» и «крамольниками», Иван и его советники делали из создавшейся обстановки все более широкие и смелые социально-политические выводы, шедшие гораздо дальше условий корб-стынского компромисса.

Чтобы упрочить свое положение в Новгороде и подготовить окончательное присоединение его к Русскому государству, правительство Ивана III в эти годы вело работу в двух направлениях: во-первых, оно старалось создать среди влиятельных новгородских феодалов группу сторонников Москвы; во-вторых, оно поддерживало антибоярскую оппозицию в Новгороде. Первая линия выступала, как основная; вторая — как вспомогательное средство, используемое для давления на новгородских феодалов. Начало и той и другой политики можно подметить уже в сообщениях 1471 г. Гневно каравший Борецких, великий князь оказывался милостивым по отношению к Василию Казимиру и Кузьме Овину. гЗероятно, к этому времени нужно относить и первые попытки привлечения на московскую службу некоторых бояр (вроде Луки Клементьева).

С 1471 годом нужно связывать и первые мероприятия Ивана III, подчеркивающие его заботу о «меньших людях» в Новгороде. Многозначительное замечание московских сводов конца XV в., повторенное позднейшими московскими летописцами, — «А мелких людей велел отпущати к Новгороду», ²⁰ свидетельствует о стремлении противопоставить крамольному боярству, против которого направлен меч государев, «мелких людей», за которыми великий князь не видит вины.

Во время поездки Ивана III в Новгород в 1475—1476 гг. обе линии его новгородской политики выступают еще более отчетливо. ²¹ В истории

¹⁹ Б. Д. Греков. *Житыи люди*. БСЭ, т. 25, 1-е изд., стлб. 550.

²⁰ Москов. св., стр. 290; см. также: Симеон, л., стр. 225.

²¹ Поход Ивана III «миром» в 1475—1476 гг. подробно описан в повести «О поезде великого князя в Великий Новгород». Она входит в состав многих московских летопис-

взаимоотношений между князем и новгородским боярством Городищенское стояние явилось чрезвычайно важной вехой. Во время него был прежде всего нанесен сильный удар по главарям антимосковской группы. Впечатление от этого удара было тем более сильным, что он грянул неожиданно как гром среди ясной погоды. На пути к Новгороду Иван III милостиво принимал дары от всех встречавших его бояр, в том числе и от сына Марфы Федора (встреча 15 ноября), и от Олферия Офонасова и Богдана Есипова (встреча 16 ноября), и от Ивана Офонасова, и степенного посадника Василия Ананьина (встреча 18 ноября), и от Лошинского, опередившего всех новгородских бояр и встретившего Ивана «с поминками» еще 7 ноября. И по приезде в Новгород Иван III первоначально ничем не обнаруживал своих замыслов. (А, может быть, они еще и не оформились у великого князя). Еще 22 ноября на обеде у Ивана III на Городище присутствовал Василий Ананьин, а через три дня после этого Ананьин вместе со многими дружными был привлечен по жалобе двух улиц (Славковой и Никитиной) к отчету за насилия и грабеж. 26 ноября обвиненные предстали перед судом и четверо из них (Василий Ананьин, Богдан Есипов, Федор Исаков и Иван Лошинский) были «пойманы».

Политический смысл «поимания» четверых очевиден. Из многочисленных бояр, обвиняемых в насилии, были выделены: сын Борецкой Федор, ее близкий родственник Лошинский и Василий Ананьин, который «грубил» великому князю во время посольства 1471 г. Что дело шло именно о борьбе с «политическими» врагами, было подчеркнуто тем обстоятельством, что тогда же Иван III вызвал к себе для объяснений не причастных к делу Славковой и Никитиной улиц Ивана Офонасова и его сына Олферия и велел их «поймать»²² Офонасовы были обвинены в том, что они «мыслили датиса за короля» (Подпись отца Ивана Офонасова значилась под договором 1471 г. с Казимиром). Все шестеро (как причастные к делу Славковой и Никитиной улиц, так и не имевшие к нему никакого отношения Офонасовы), были немедленно («того же дни») в оковах отправлены в Москву («...на Москву теми часы всех спровадил»)²³. В Москву они были приведены 10 декабря. Сообщением об этом («Декабря 10 приведены на Москву посадницы Василий Ананьин, Богдан, Федор, Лошинский, Иван с сыном Алферием»)²⁴ летописец прерывает рассказ о новгородских пирах. Земли «пойманных» были отписаны на великого князя.²⁵ На все многочисленные ходатайства об освобождении «пойманных» Иван III отвечал суровым отказом, мотивировав отказ заявлением, «что ни есть лиха в нашей отчине, то все от них чинится».²⁶ Отказ был повторен и весной следующего года, когда владыка вновь бил челом о²⁷ «пойманных» («А тех пойманных не отпустил князь великий ни единого»).

Но одновременно с суровым наказанием шестерых, которое произвело огромное впечатление и в Новгороде и за его пределами, Иван III обна-

ных сводов, начиная с Московского летописного свода конца XV в. Ниже цитируется по Соф. II л. (стр. 200—205). Анализ летописных источников о походе Ивана III в Новгород в 1475—1476 гг. дан в статье И. В. Лепко «Поход Ивана III „миром“ в 1476 г.» (Уч. зап. ЛГПИ, т. 78, 1948). Не можем, однако, согласиться с мнением автора о новгородском происхождении «Повести о поездке Ивана III в Новгород». Рассказы о встречах и пирах в основе имеют подневные записи великокняжеских дьяков, ведущих учет приемам и подаркам.

²² Соф. II л., стр. 203.

²³ П III Л, стр. 200.

²⁴ Соф. II л., стр. 204.

²⁵ См. об этом ниже, стр. 315—316.

²⁶ Соф. II л., стр. 204.

²⁷ Там же, стр. 205.

ружил знаки расположения, и милости к другим боярам. Из 25 лиц, которым были 25 ноября предъявлены обвинения в насилиях, «пойманы» и высланы в оковах были только четверо, остальные (среди них бояре Григорий Туча, Василий Микифоров, Матвей Селезнев, люди Офимьи Горошковой и Ивана Савелкова) отделались сравнительно легко. Ио челобитью владыки и бояр от 1 декабря о Григории Туче и других великий князь «тех виновных людей пожаловал, казни отдал, а исцевы убытки 1500 рублей велел на них приставам доправити».²⁸

Заслуживает внимания и то усердие, с которым Иван III стремился облечь свою расправу с политическими врагами в легальные формы. После подачи ему жалобы на бояр Иван III, вызвав к себе владыку и посадников с Захаром Овиновым во главе, предложил им принять участие в совместном задержании обвиняемых и суде над ними («...дали бы есте своих приставов на тех силников... а ты бы, мой богомолец, и вы, посадники, у мене же тогда были»). Следом за этим бояре великого князя договорились о назначении новгородских приставов, которые должны были «тех бояр... позвати» на суд великого князя.²⁹ На суде 26 ноября присутствовали владыка и посадники. Таким образом, по форме были соблюдены статьи Коростынского соглашения: суд шел в согласии с исправленными в 1471 г. статьями Новгородской судной грамоты.

Подчеркивая свое уважение к «новгородской конституции» и ограничивая круг крамольников немногими упрямыми противниками, Иван III стремился договориться с остальными новгородскими «великими боярами», пируя³⁰ в их дворах, принимая от них щедрые дары и давая ответные пиры. Группа «приятных» великому князю бояр в эти месяцы расширилась, а некоторые бояре, надо думать, связали себя новым крестным целованием и грамотою с Иваном III. Они приняли на себя даже обязательство сообщать великому князю о политических настроениях новгородцев («...что услышат кто у брата своего, у новгородца, о великих князех о добре и лихе... то сказати своим государем великим князем»)³¹.

Круг этих («приятных») бояр помогает очертить одна из подробностей летописного рассказа о событиях начала 1478 г. 18 января, после капитуляции Новгорода, Ивану III били челом на службу новгородские бояре, боярские дети и житы. После приема Иван III выслал Ивана Товаркова, одного из доверенных помощников великого князя по новгородским делам, чтобы напомнить о прежней крестной грамоте следующим боярам: Казимиру, брату его Коробу, Феофилату Захарьину, Овинову, Никите Есипову, Михаилу Берденеву, Василию Есипову, Федору Телятеву, Родиону Норову.³² К этим именам виднейших новгородских сановников нужно присоединить имена Захария Овина, его брата Кузьмы и Василия Никифорова, убитых во время волнения 31 мая 1477 г., а также Луку Клементьева и Григория Тучу, которые во время похода Ивана III на Новгород в октябре 1477 г. били ему челом, верные крестной грамоте. Такова была весьма значительная количественно и весьма влиятельная по ее составу группа сторонников московской ориентации, сложившаяся в 1475—1476 гг.

Ставя перед собой во время Городищенского стояния как главную политическую задачу привлечение на свою сторону влиятельнейших пред-

²⁸ Там же, стр. 204.

²⁹ Там же, стр. 203.

³⁰ Перечень пиров см. выше, в гл. V.

³¹ Соф. П л., стр. 219.

³² Там же.

ставителей новгородского боярства, Иван III вместе с тем усиленно подчеркивал свою заботу о «мелких людях». О защите великим князем обиженных боярами пишет Симеоновская летопись: «И всех людей обидных судил с бояры и с ябедники и управлял их». Никоновская летопись, разъясняя сообщение Симеоновской, придает ему еще более ясный социальный смысл: «Многих бояр судил и управлял, — читаем в ней, — и обидимых от сильных жаловал и оборонял».

В практике «позвав» в Москву эта тенденция выступала, как сказано выше, еще резче. На суд к московскому великому князю, как сказано выше, был вызван даже сам Захарий Овинов. Вызов Овинова в Москву произвел такое впечатление на современников, что о нем упоминают даже краткие летописцы, ограничивающиеся сообщением лишь о крупнейших событиях. Но ориентация на «обидных людей» использовалась московским государем главным образом для того, чтобы крепче держать в руках новгородских бояр, которых он пытался превратить в послушных проводников московской политики. Так это вероятно было и в деле Захара Овинова, после поездки которого организуется посольство о «государстве», сыгравшее столь крупную роль в разворачивании событий 1477—1478 гг.

Посольство о «государстве» в Москву было, как можно судить по анализу летописных известий, делом «приятных» Москве бояр. Расхождение между показаниями источников по вопросу о том, было ли оформлено посольство о «государстве» решением веча³⁶ или оно было направлено без санкции веча («без Великого Новгорода») ³⁷ должен быть разрешен, вопреки Беляеву, не «большинством голосов» летописцев. Анализ дальнейшего хода событий склоняет к тому, что посылка о «государстве» не только не была оформлена решением веча, но вряд ли была обсуждена даже на совете господ. Скорее в ней надо видеть заговор сторонников великого князя, которые, считая, что пришло время для установления московского «государства», пытались произвести государственный переворот.

Сторонники Москвы и стоявший за ними Иван III, однако, просчитались, переоценив успехи подготовительной работы в Новгороде. На вече, собранном после возвращения посольства из Москвы по вопросу об установлении «государства» Ивана III, действия новгородских послов в Москве были «дезавуированы», так как они выступали без ведома веча. По очень любопытной записи, сохраненной в Устюжской летописи, «такорькли чернь: мы с тем не посылавали, то посылали бояря, а народ того не ведает». ³⁸ Заговорщики дорого заплатили за свою ошибку: на Василия Никифорова было возведено обвинение в том, что он целовал крест великому князю на Новгород. Его казнили на вече («Без милости возьмше и ведоша его на вече и камением убиша его»). Затем «на владычнем дворе» были казнены Захар Овинов, которого винули в поездке в Москву на суд, и его брат Кузьма. Этим дело не ограничилось: по рассказу Псковской третьей летописи, «Василья Ананьиана, ту поймав, на вече ис-

³³ Симеон, л., стр. 251.

³⁴ Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 165.

³⁵ Так, в выписках Краткого Кирилло-Белозерского летописца читаем: «Лета 6985 приде из Новгорода из Великого на Москву отвечать и искать Захария Овинов, а наперед того не бывало» (Исторический архив, V, 1950, стр. 34).

³⁶ Как это утверждает Соф. II л. и московские своды, где посольство идет от имени «архиепископа новгородского Феофила и всего Великого Новгорода» (Соф. II л., стр. 295).

³⁷ Как это читается в Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 18.

³⁸ Устюж. л., стр. 92.

секли топоры в части, а иных заповедали также хотячи смертью казнити».

В Устюжской летописи сохранились некоторые дополнительные подробности о расправах со сторонниками Москвы: «А сына Кузьмина⁴⁰ за-
мертво оставиша, а Луку Федорова да Фефилата Захарьина, изымавше,
посадили за сторожи. И потом приведите их на вече⁴¹ и пожаловаша их и
целовали крест, что им хотети добра Новугороду». Кое-кто из сторон-
ников великого князя сумел укрыться (в событиях 1477 г. нет упомина-
ния ни о Василии Казимире с братом, ни о Григории Тучине). «Прочий
посадницы, которые приятны великому князю, те все разбегошася из Ве-
ликого Новагорода», — рассказывает Софийская первая летопись. Маркс
в «Хронологических выписках» следующим образом подвел итоги «по-
сылке о государстве»: «...он⁴³ отправил послов в Новгород, чтобы узнать,
согласны ли новгородцы присягнуть ему на подданство; это вызвало
всеобщее восстание в Новгороде; все сторонники Ивана были растер-
заны». «Государственный переворот» изнутри не удался. «Московская
партия» была разгромлена. На пути планов Ивана III стало разбушевав-
шееся вече. Этим определилась линия великого князя на следующем этапе
борьбы с противниками московского «государствования» зимой 1477—
1478 г.

Ш

В отличие от похода 1471 г., в 1477—1478 гг. не было настоящей войны. Новгород не оказал вооруженного сопротивления грозным силам великого князя и его союзников, вступившим в его земли. Новгородское войско не дало ни одной битвы ни воеводам великого князя, ни псковичам, которые, хотя и без особого рвения и с большим опозданием, но выступили в поход против Новгорода. Новгородцы очистили без боя всю территорию своей земли «от восточные страны и до Литовского и Псковского рубежа». Сняты, вероятно, были даже пограничные отряды, чем не преминули воспользоваться немцы.⁴⁶

Нет никаких данных и о «партизанской» борьбе населения Новгородской земли, хотя вступившие в нее войска разоряли население не менее, чем в летнюю войну 1471 г. «И велми тогда притужно бяше Новгородской земли, — записал псковской летописец, — в первую бо войну многи кряхуся в лесах и за водами, а в сию войну негде скрытися в лесех, убо от мразу умираху и от глада». Сторонники великого князя спешили ему навстречу. Уже в Торжке (19 октября) на рубеже Новгородской земли великому князю «били челом в службу» Лука да Иван Клементьевы. Через неделю в его лагерь явился с тою же целью Григорий Туча, несколько

³⁹ П III Л, стр. 209. Трудно сказать, каким образом Василий Ананьин оказался в Новгороде, и притом в лагере сторонников Москвы. Может быть, имя перепутано псковичом.

⁴⁰ Вероятно, речь идет о сыне Кузьмы Овинова.

⁴¹ Устюж. л., стр. 92.

⁴² Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 18.

⁴³ Иван III.

⁴⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 156.

⁴⁵ П II Л, стр. 57.

⁴⁶ Так мы объясняем сообщения разных источников о борьбе русского войска с немцами в 1477—1478 гг.: «И за Яму городок, и до моря, и в Немецкую землю ходиша и немец побита ругодивцев за Ругодив (П I Л, стр. 75); Множество и немецких волостей поимаша» (Ерм. л., стр. 178).

⁴⁷ П II Л, стр. 57.

позднее (уже в ноябре) сумел пробраться к московскому войску сын казенного Василия Микифорова — Иван. Летописец отметил также приход к Ивану III житего Андреяна Савельева. Не все вступившие ранее на службу к великому князю перешли открыто на его сторону (это было потом поставлено на вид в январе 1478 г. Василию Казимиру, его брату, Феофилату Захарьину и другим, чрезмерно осторожным сторонникам Ивана III).⁴⁸ Все же немало оказалось и открытых сторонников Москвы, что заставило позднее великого князя даже внести особое условие в договор с Новгородом «не мстить некоторою хитростию» тем, кто служил великому князю.

Единственная сила, которая настаивала на сопротивлении войскам Ивану III, была взбудораженная масса населения вечевых городов. Страх перед ней удерживал новгородское боярство от немедленной капитуляции. При таком положении дел, естественно, военные действия свелись к осаде Новгорода. Город был подготовлен к обороне. «Новгородцы же сбегшися затворишася вей в осаде, устроивши⁴⁹ себе по обе стороны Волхова реки и чрез реку на судех стену деревяную». Его укрепления были столь значительными, что взять город приступом было делом нелегким. Город был подвергнут обстрелу («Князь же великий повеле пушками бити град, и мнози новгородци по граду избиени быша»),⁵⁰ но и это не сломило сопротивления защитников города. Московским воеводам пришлось перейти к осаде Новгорода («стоянием стояти»). Заняв по хорошо разработанному плану предместья города, московские войска все теснее сжимали кольцо блокады. Все летописные источники немосковского происхождения отмечают чрезвычайно тяжелое положение, создавшееся в осажденном городе, переполненном беженцами («бежанами»). «И в том бысть велми притужно силно Великому Новгороду, что около их всего Новгорода по обема сторонами реце обою городов объемши стали, а в их же посадах и монастырех», — отмечает Псковская третья летопись.⁵¹ «А сущий в граде от многого недостатка и стесненна многу⁵² скорбь имеаху, плачь и рыдание», — вторит ей Псковская вторая летопись.⁵² «В граде же бысть мор и глад силен», — читаем в Уваровском списке Ермолинской летописи.⁵³ Сопротивление становилось безнадежным. Бояре с владыкою во главе поторопились уже с 23 ноября начать переговоры с великим князем. По мере того как обострялось положение в осажденном городе, посольства бояр с челобитьем становились все чаще (3—5 декабря, 7 декабря, 14 декабря, 29 декабря). 29 декабря было достигнуто соглашение по главным вопросам, но блокада была снята не сразу после этого. Еще две недели, выдвигая одно дополнительное требование за другим, Иван III вынуждал новгородцев, уже неспособных ни на какое сопротивление, на новые уступки. 8 января новгородские послы вновь взмолились о пощаде, указывая на гибель людей, «понеже бо теснота бе в граде и мор на люди и глад».⁵⁴ Иван III ответил на это предъявлением новых требований, и только 13 января переговоры были завершены «целованием креста» новгородцами в Троице на Паозерье, где стоял великий князь. После этого

⁴⁸ См. приведенный выше рассказ Соф. II л. о переговорах 18 января 1478 г. (стр. ⁴⁹219).

⁴⁹ П III Л, стр. 213.

⁵⁰ Ерм. л., стр. 178.

⁵¹ П III Л, стр. 213.

⁵² П II Л, стр. 57.

⁵³ Ерм. л., стр. 195.

⁵⁴ Соф. II л., стр. 219.

Иван III постепенно снимает осаду, отпуская своих союзников (17 января было отпущено домой псковское войско). Затем понадобился еще месяц для того, чтобы установить новый порядок управления в Новгороде. Так Иван III «выстоял стояньем Великий Новгород».

За двенадцатинедельное Троицкое стояние Ивана III >(во время осады, переговоров и установления нового порядка) был сломлен вечевой порядок управления и намечены крупнейшие социально-экономические мероприятия в Новгороде и Новгородской земле.

Для целей данной работы нет нужды подробно пересказывать летописные рассказы о взятии Новгорода, следить за передвижениями московских войск и за всеми перипетиями переговоров между Новгородом и великим князем. (Они подробно пересказаны и у Карамзина, и у Соловьева, и у историков Новгорода 60-х годов). Ограничимся поэтому лишь сухой справкой о ходе событий в их исторической последовательности, облекши их в форму хронологической таблицы.⁵⁵

Троицкое стояние

(ноябрь 1477—февраль 1478 г.)

Н о я б р ь

23, воскресенье	К великому князю в Сытино пришло новгородское посольство (владыка, посадники, житьи). Посольство было челом о прекращении войны и восстановлении «старин».
24, понедельник	Великий князь послал воевод своих «Городище и монастыри огнимати».
24—25	Воеводы заняли Городище и пригородные монастыри на правом берегу Волхова.
25, вторник	Великий князь дал ответ посольству, что он выступил против Новгорода за его «неисpravления».
25 ⁵⁶	Псковичи выступили в поход.
27, ⁵⁷ четверг	Великий князь пришел в Новгород и остановился в «Троице на Пяозерье в селе Лошинского».
28, пятница	Псковская рать перешла новгородский рубеж.
29, суббота	Брат великого князя Борис подошел к Новгороду.
30, воскресенье	Великий князь приказал половину людей послать «по корм» до 11 декабря.

Д е к а б р ь

вторник	Псковский князь приехал с ратью к Новгороду. Приход в Новгород царевича Даниира с воеводою Василием Образцом.
среда	Приход к Новгороду князя Андрея Большого.
четверг	Второе посольство из Новгорода. Послы били челом о том, чтобы великий князь прекратил войну и предъявил свои требования.
пятница	Ответ великого князя послам, что он хочет такого же «государства» в Новгороде, как в Москве.
суббота	Приказ Аристотелю Фрязину наводить мост через Волхов под Городищем.

⁵⁵ Использована хронологическая таблица, тщательно составленная И. В. Лепко (в названной диссертации).

⁵⁶ П П Л; 26 ноября.

⁵⁷ В некоторых летописях (П П Л, Ерм. л. и Типогр. л.) указано не 27 ноября, а 21 ноября («Введение»), что является, конечно, ошибкой. Не нужно ли искать объяснение ошибки в том, что Лепко смешала Троицкое стояние с Городищенским 1475 г. (когда Иван III прибыл на Городище в «Введение», т. е. 21 ноября). С этой даты (27 ноября) и нужно начинать Троицкое стояние, продолжавшееся до 17 февраля.

⁵⁸ По разрядам 2 ноября в понедельник, что является явной опiskeй.

⁵⁹ В Соф. П л. и Симеон, л., а отсюда в Воскр. л. и Никон, л. приезд псковского князя датирован пятью днями позже («неделя»). Вероятно, во вторник прибыл только хюсол от псковского наместника.

7, воскресенье	Третье новгородское посольство (с участием представителей «черных людей»). Челобитье о восстановлении «старин».
14, воскресенье	Четвертое новгородское посольство (без «черных людей»). Заявление новгородских послов о согласии на отмену веча и посадника.
28, воскресенье	Князь Шуйский сложил с себя целование Великому Новгороду.
29, понедельник	Прием новгородских послов. Начало переговоров о земле.
30, вторник	Переход князя Шуйского на службу к великому князю.

Я н в а р ь

1, четверг	Новгородские послы предложили великому князю Великие Луки и Ржеву. Отказ великого князя.
4, воскресенье	Новгородское посольство предложило великому князю 10 волостей и новоторжские земли. Отказ великого князя. Его требование — половина владычных и монастырских земель, а также всех новоторжских.
6, вторник	Согласие новгородских послов выполнить требование великого князя. Великий князь требует представления земельных списков.
8, четверг	Челобитье новгородского посольства (с участием «черных людей») о мире. Переговоры о дани.
10, суббота	Требование великого князя об очищении Ярославова двора.
12, понедельник	Новгородцы-послы согласились выполнить новые требования великого князя.
13, вторник	Новгородские послы целовали крест великому князю в Троице на Паозерье.
15, четверг	Великий князь послал своих бояр в Новгород привести новгородцев к целованию по крестной грамоте.
17, суббота	Великий князь отпустил псковское войско.
18, воскресенье	Челобитье новгородских бояр, детей боярских и житых людей о «службе».
20, вторник	Посылка гонца в Москву с извещением о том, что Новгород приведен в волю великого князя.
21, среда	Новгородские бояре, дети боярские и житые люди поднесли Ивану III «поминки».
22, четверг	Посылка в Новгород наместников великого князя Ивана Васильевича Стриги и его брата Ярослава.
27, вторник	Гонец великого князя с вестью о победе прибыл в Москву.
29, четверг	Великий князь вступил в Новгород. Пир у великого князя, владыки, бояр и житых.

Ф е р а л ь

1, воскресенье	«Поимание» купецкого старосты Марка Панфильева.
2, понедельник	Приказ взять Марфу Исакову с внуком.
3, вторник	По приказу великого князя наместник Стрига отобрал договорные грамоты Новгорода с королем Казимиром.
5, четверг	Назначение еще двух наместников в Новгород—Василия Китая и Ивана Зиновьева.
6, пятница	Приказ взять Григория Арзубьева.
7, суббота	Приказ отвезти в Москву «взятых» новгородцев.
8, воскресенье	Пир у великого князя с владыкою и новгородскими боярами.
17, вторник	Отъезд великого князя в Москву.

Этот сухой перечень не лишен своеобразной выразительности. В начале таблицы убедительно показывается, как стягиваются к Новгороду силы Ивана III. Отряд за отрядом подходят новые силы к стенам осажденного города, хотя уже полным ходом идут переговоры о мире. Сообщения о движении московских отрядов подводят к выводу не только об огромных военных силах, которые находились в распоряжении великого князя, но и о единстве командования, продуманно руководившего движением войск.⁶⁰ Просматривая далее перечень фактов в таблице, видишь, как

⁶⁰ Поход 1477 г. и осада Новгорода заслуживает со стороны военного историка не меньшего внимания, чем Шелонская операция 1471 г.

в сложном ходе переговоров расширялся круг вопросов, подлежащих разрешению, и как властная воля московского государя ломала сопротивление и ухищрения новгородских политиков. Конец таблицы, где за «крестными грамотами» следуют сообщения о назначениях новых властей и чередуются известия о пирях и арестах, дает представление о первых шагах московского государствования в Новгороде.

События развертывались стремительно, сокрушительные удары один за другим обрушивались на Новгород, вызывая в ответ со стороны новгородских властей только новые челобитья. Прогнившее насквозь здание Новгородской вечевой республики дрогнуло и рухнуло под ударами московских секир во время трехмесячного Троицкого стояния.

IV

Из всех политических и социальных вопросов, вставших во время Троицкого стояния, остановимся в этой главе только на одном — уничтожении вечевого порядка в Новгороде.⁶¹

Отношение Ивана III и его советников к вечевому порядку, надо думать, вполне определилось еще во время Городищенского стояния. Во всяком случае, уже во время посольства о «государстве», в формулировках московского доела (дьяка Василия Долматова) было дано совершенно четкое определение того нового порядка управления, который несла с собой власть московского государя. Бурные выступления «вечников» в 1477 г. должны были придать решениям московского правительства относительно новгородского порядка еще большую определенность и непоколебимость. Во время переговоров с новгородскими послами в декабре 1477 г. великим князем и его боярами прежде всего был поставлен вопрос об уничтожении вечевого строя. Безоговорочное решение его согласно воле Ивана III было выдвинуто как необходимое условие для продолжения переговоров. Заняв по этому вопросу твердую позицию, великий князь требовал немедленного ответа от новгородских послов. Тщетно новгородские послы делали вид, что они не понимают (а может быть, и на самом деле не понимали), чего хочет от них Иван III, тщетно они взывали к «старине» и повторяли в своих выступлениях заученные формулы новгородских грамот, бояре Ивана III в вопросе о «государстве» не шли ни на какие уступки. Новгородцам давалось понять, что в других вопросах Иван III готов пойти на некоторые уступки, но в этом вопросе воля его тверда и непреклонна.

Уже 5 декабря, добившись от новгородских послов признания своей вины в вопросе о посылке в Москву о «государстве», Иван III формулировал свои политические притязания такими словами: «Мы, великие князья, хотим государства своего, как есмь на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде».⁶² Послы попросили у великого князя разрешения обдумать вопрос и вернулись в расширенном составе с участием «черных людей» 7 декабря. Переговоры 7 декабря представляются особенно интересными для выяснения политической программы обеих сторон.⁶³ Новгородские выступления начались речью старейшего из посадников Якова Короба, который бил челом, чтобы государь «пожаловал велел

⁶¹ Вопрос о земле будет рассмотрен в гл. XI.

⁶² Соф. II л., стр. 213.

⁶³ В московских летописях сравнительно подробно изложен ход переговоров сведением «протоколов» декабрьских совещаний. По совещанию 7 декабря передано содержание выступлений отдельных послов.

своему наместнику судити с посадником». Повторяя старые формулы, Короб пытался идти по проторенной дорожке яжелбицких и коростыньских соглашений. (И он и еще два посадника, Феофиласт Захарьин и Лука Федоров, были участниками коростыньских переговоров). В том же духе, что Яков Короб, выступали Лука и Яков Федоровы, говорившие о суде «по старине», об отмене «позвов» в Москву, о том, чтобы великий князь не чинил «вывода» и не вступался в вотчины. В выступлении Федора Захарьина был поднят вопрос о размере дани, о снижении ее до полугривны с «сохи». Наконец, все били челом, чтобы новгородцы не несли военной пограничной службы на Низу («...чтобы в Низовскую землю к берегу службу нам, новгородцем, не было»).⁶⁴ Словом, новгородские бояре даже из числа сторонников московской ориентации обнаруживали прежнюю косность политической мысли, показывая, что «они ничему не научились и ничего не забыли». На их поведение, может быть, оказывало влияние присутствие представителей «черных людей» и живые еще воспоминания о расправе веча с Василием Никифоровым и Захаром Овиновым. В ответ на челобитые послов Иван III через бояр повторил, что он добивается установления в Новгороде такого же государства, как в Москве, и что «указания» новгородских послов являются совершенно неуместными. Послы, пытаясь объяснить свое поведение незнанием московских порядков («Великий Новгород низовские пошлыны не знают»), просили объяснить им «как их (великих князей, — В. Б.) государству быти в их отчине». Наконец, через московских бояр был передан ответ великого князя, разъяснявший, к чему сводятся его политические требования. Принимая три предложения новгородцев (о «выводе», о вотчинах и о суде «по старине»),⁶⁵ Иван III со всей резкостью ставил вопрос о вечевом строе: «...вечю колоколу... не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати».⁶⁶ Кроме того, он требовал возвращения великокняжеских земель. Только после этого решительного и ясного заявления новгородские бояре стали, наконец, понимать, что речь идет не о новом варианте коростыньского компромисса.

Мы не знаем ничего о вечевых собраниях, которые произошли в Новгороде в течение следующей недели, и о той борьбе, которая развернулась в эти дни в осажденном городе между сторонниками продолжения борьбы и теми, кто готов был подчиниться непреклонной воле государя. Победили последние. 14 декабря послы «учали бити челом, а вечей колокол отложили и посадника отложили, чтобы государь с сердца сложил и нелюбия отдал».⁶⁷ Летопись указывает, как это отмечено уже выше, и на ту цену, которую запросили новгородские бояре за отказ от вечевского колокола и посадника. Свои политические права новгородские бояре готовы были отдать за 1) неприкосновенность вотчин, 2) отказ от «вывода», 3) освобождение от обязательства служить на Низу, а также 4) отмену ненавистных «позвов» в Москву («...и вывода бы не учинил, и во отчины бы их в земли и в воды не вступался, и в животы их, да пожаловал бы и позвы московские отложил из Новгородской земли, да службы бы пожаловал, в Низовскую землю не наряжал»)⁶⁸ Князь ми-

⁶⁴ Там же, стр. 214.

⁶⁵ «Вывода бы не паслися, а в вотчины их не вступаемся, а суду быти в нашей отчине в Новгороде по старине» (там же, стр. 215). Два из этих требований, как правильно отметил В. И. Сергеевич, вовсе не соответствовали московским порядкам (В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. II. Изд. 3-е, СПб., 1908, стр. 45).

⁶⁶ Соф. П. л., стр. 215.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

достово согласился «а предложения новгородских послов. Но сразу же выяснилось, что новгородские посадники все еще не до конца поняли, что значит «государство великого князя». Иван III и его бояре нашли нужным преподать новгородским тугодумам дополнительный политический урок по вопросу о гарантиях (о «крепости») обещаний великого князя. Новгородские бояре по старой традиции поставили вопрос о целовании Иваном III креста Великому Новгороду («Они начаша бити челом, чтобы государь дал крепость своей отчине Великому Новгороду крест бы целовал»).⁶⁹ Иван III наотрез отказался («...князь великий отрече: „Не быти моему целованию“»). Услышав отказ Ивана III, новгородцы готовы были ограничиться целованием бояр или наместника (вместо великого князя), но и здесь встретили столь же решительный отказ («И они били челом, чтобы бояря целовали к ним; и князь великий и то им отмолив; и они еще о том челом били, чтобы наместнику своему велел целовати, которому у них быти; он же и того не учинил»).⁷⁰ В этом эпизоде новгородские послы напоминают тупых учеников, которые упорно не хотят понять объяснений учителя. Московским боярам пришлось троекратным отказом довести до сознания новгородских сановников о том, что миновали дни двусторонних соглашений между великим князем и Новгородом и что государь не должен целовать креста своим подданным.

Новгородские послы стали проситься опять в Новгород, но великий князь отказал им в разрешении, не выдав им «опасной грамоты». Наконец, послы пошли на все уступки и просили лишь того, чтобы государь лично подтвердил свое «жалованье». На это государь согласился. 29 декабря послы были приняты Иваном III. На приеме Иван III подтвердил согласие на просьбу новгородских бояр по вопросу о «выводе», о вотчинах, о «позвах», о суде «по старине» и о службе в Низовской земле. Так решен был основной вопрос о «государстве». Воля великого князя восторжествовала. Псковский летописец удачно резюмировал ход и исход долгих переговоров между Иваном III и Новгородом следующей фразой: «А владыка Феофил со многими бояры многожды тогда приездя, биша чолом князю великому, чтобы их держал в старине, и он старине их ⁷¹чичего же не въсхоте, дондеже внидоша в всю его волю».

Политические выводы из решений 14 декабря были сделаны в январе (конец декабря и первые дни января были заняты переговорами о земле).⁷² 10 января было предъявлено требование об очищении новгородцами Ярославова двора, на котором собиралось вече и находились вечевые учреждения. Послы отпросились в Новгород для того, чтобы обсудить вопрос («...едем в город да и скажем Новгороду»). Ответ, с которым они вернулись через день, свидетельствовал о том, что сопротивление новгородских властей было сломлено. Они не только соглашались очистить Ярославово дворце, но и признавали исторические права великого князя на него ссылкой на то, что оно было великокняжеским дворцом («... тот, господина, двор наших государей великих князей, хотят тот свой двор взяти, ино перед богом да перед ними»). Вместе с тем, однако, лукавые новгородские бояре пытались облазнить Ивана III другим участком для дворца, в Околотке⁷³ («...а за-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ П II Л, стр. 57.

⁷² См. ниже, гл. XI.

⁷³ Околотком называлась территория, примыкавшая к Кремлю (на Софийской стороне).

хотя государи наши и в околотке взяти место против своего того двора, ино, господине, перед ними»⁷⁴).

После того как сопротивление новгородцев было сломлено, они были приведены к «крестному целованию» государю. Верхи новгородского общества (бояре и житьи люди), кроме того, 18 января били челом в службу московскому государю. Все переговоры о целовании в Новгороде велись уже не на Ярославовом дворе, а на «владычнем дворе» через совет господ, а не через вече. «По той бо день веча не бысть в Новгороде», — подчеркивает летописец.⁷⁵ Написана крестоцеловальная грамота была владычным дьяком («...по грамоте, ея же написал дьяк владычень»). Подписана она была владыкой и скреплена печатами владыки и пяти концов. Полагавшихся по новгородской традиции печатей посадника и тысяцкого на грамоте не было. Так принимались все меры к тому, чтобы сгладить следы вечевого порядка. Кончанскую организацию Иван III пока что признавал. После крестоцелования на владычнем дворе оно было продолжено во всех концах, где «все целовали люди, и жены боярские вдовы, и люди боярские»⁷⁶.

Во время переговоров о крестоцеловании (13 января) встал вопрос и о новгородских владениях: о пригородах, о Двине и Заволочье. Было принято решение, что население пригородов, Двины и Заволочья освобождается от крестного целования и целует крест московскому государю («Да говорили им о пригородах и о Двине и о Заволочьи, что пригородом всем, да и двиняком, да и заволочаном крестное целование сложити с себе, а целовати им на великих князей имя»).⁷⁷ Так был положен конец существованию новгородской «колониальной державы».

Только после всех этих мероприятий в Новгород были направлены наместники великого князя, виднейшие сановники Иван Васильевич Стрига и его брат Ярослав, а следом за ними через неделю в Новгород вошел и сам государь. Начались пиры и одновременно с ними аресты последних вожakov «литовской партии». Была арестована Марфа Исакова с внуком, Иван Кузмин Савелков, Окинф с сыном Романом, купеческий староста Марк Панфильев, лица, непосредственно причастные к переговорам с литовским королем. Почему-то наряду с ними оказались наместник владыки Юрий Репехов и житий Григорий Арзубьев (последний, сын казненного в Русе Киприана Арзубьева, ревностно служил великому князю, пытаясь усердием искупить вину отца, но чем-то все же провинился).

Новгородских бояр, «приятных» Ивану III, пока что в течение нескольких лет не трогали. Им даже поручали командование вооруженными силами. Так, в 1481 г. Василий Казимир, Александр Самсонов и Михаил Берденев были направлены воеводами против немцев на помощь псковичам. Шли в этот поход и другие новгородские бояре. Псковский летописец даже называет их по-прежнему посадниками и тысяцкими («И князь великий Иван Васильевич пожаловал свою отчину мужей пскович велел наместником новгородским Василью Федоровичю, Ивану Зиновьеву и посадником и тысяцким и всем мужем новгородцем со всею ратною правую ехати ко Пскову на Немцы»).⁷⁸ Но, конечно, не следует из упоминания в 1481 г. о посадниках и тысяцких делать вывод о восстановлении

⁷⁴ Соф. П л., стр. 217.

⁷⁵ Там же, стр. 219.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ П I Л., стр. 78.

этих должностей. Летописец имеет в виду не должности, а звание бояр («старых» посадников и тысяцких).

Управление в городе взяли в свои руки московские наместники. Число их еще во время Троицкого стояния было увеличено до четырех: в добавление к двоим Оболенским 5 февраля были направлены наместниками сравнительно хорошо знакомые с новгородскими делами Василий Китай и Иван Зиновьев.⁷⁹ Они поместились на Софийской стороне. О старом новгородском порядке напоминал только выборный владыка Феофил (во время Троицкого стояния его не тронули).

Понадобился еще один приход Ивана III «миром» в Новгород для того, чтобы укрепить новый порядок управления городом. Зимой 1479—1480 гг., во время девятидневного Славенского стояния (на этот раз Иван III остановился в самом городе) 19 января 1480 г. был «пойман» Феофил, и этим была завершена ликвидация вечевого строя. Но «поймание» Феофила было лишь эпилогом длительной борьбы Ивана III за подчинение Новгорода. После января 1478 г. от новгородского вечевого строя оставались только обломки.

V

Крушение новгородского колосса в 1478 г. было расценено как крупнейшее событие уже современниками. Они, пожалуй, даже склонны были несколько переоценить значение событий 1477—1478 гг. Не понимая неизлечимости недуга, которым страдала одряхлевшая боярская республика, проникнутые традиционным представлением о богатстве и мощи Новгорода, помнившие как Новгороду неоднократно удавалось откупаться от грозных московских князей, современники были потрясены тем, как «смирилась слава Новгорода», «как студ лица их (новгородцев) покры».

Ни одно из событий русской истории XV в. не породило столь многочисленных отзвуков, как крушение Новгорода, и ни одно не вызвало столь глубоких политических раздумий. Облеченные то в форму пророчеств и видений, то в форму замечаний и возгласов, прерывающих летописное повествование, порою прикрытые текстами священного писания, эти суждения представляют ценный памятник разных течений русской политической мысли XV в. Не охватывая объективного значения событий 1478 г., приведших к полному политическому объединению двух основных частей Великороссии, современники-книжники устремляли преимущественно свое внимание на борьбу двух политических порядков — московского «государства» и новгородской вечевой «старины». Отсюда такой большой интерес к символу новгородского порядка — вечевому колоколу, который обнаруживают все летописные рассказы. Все значение событий 1478 г. современники готовы были вместить в формулу: «И привезен бысть (вечевого колокол в Москву, — В. Б.) и ⁸⁰взнесли его на колоколницы на площади с прочими колоколами звонити».

К этой стороне событий, т. е. к конфликту самодержавия с вечевым строем, естественно, было приковано внимание летописца вечевого Пскова, который не мог не задумываться в свете новгородских событий над дальнейшими судьбами родного города. Охваченный грустными раздумьями,

⁷⁹ Василий Китай ездил в Новгород с великим князем в 1475—1476 гг. (см.: Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901, стр. 11). Позднее он был назначен великим князем в Торжок во время подготовки похода на Новгород.

⁸⁰ Соф. II л., стр. 221.

псковский летописец, заканчивая рассказ о событиях 1478 г. в Новгороде, восклицал: «Иное бы писал, и не имею что писати от многия жалобы».⁸¹

К этой же стороне событий сводится итоговое суждение и московских летописцев, хотя в них, разумеется, нет той «жалобы», которой охвачен псковский. Подводя итоги походу 1478 г., московский летописный рассказ говорит о небывалом «изневолении» новгородцев («А как и стал Новгород, Русьская земля, таково изневоление на них не бывало ни от которого великого князя да ни от иного ни от кого»)⁸². «Изневоление» это оправдывалось не столько необходимостью политического объединения Великороссии, сколько изблечением «обычая» новгородцев. Чрезвычайно показательно в этом отношении та правка новгородского летописания, которою столь усердно занимались Степан Бородатый и другие московские книжники.⁸³ Прямая брань по адресу «упрямчивых», «непокорных» новгородцев становится характерной чертой московских сводов конца XV в. Как далеко в глубь времен заходили в этой правке московские сводчики, можно судить по одному примеру: к известию об изгнании новгородцами князя Романа в 1171 г. (XII век!) «составитель свода 1478 г. добавил: „таков бо бе обычай оканых смердов изменников”».⁸⁴ «Окаянные смерды изменники» в изображении летописца — главный враг княжеской власти в XV в. Московский книжник готов искать его на всем протяжении истории Руси с XII по XV в. В разгроме этого главного внутреннего врага он усматривает основное значение победы Ивана III в 1477—1478 гг. над непокорным городом.

Ограниченность политической мысли летописца XV в. выступает в этих суждениях с полной отчетливостью. Только изредка и в крайне слабой степени борьба Ивана III с Новгородом осмысливалась в свете главной политической задачи эпохи — завершения объединения Великороссии. Так, в известном «пророчестве» Михаила Клопского при рождении Ивана III читаем: «Сей будет наследник отцу своему, и хошет разорити обычая наша земли Новгородьская и погибение граду нашему от него будет: злата и сребра сберет много и страшен будет осподарь всея земли Русской, еже и бысть».⁸⁵ Образ «страшного осподаря всея Русской земли» придает пророчеству Михаила Клопского значение широкого исторического обобщения, подымающегося над обычным прорицанием о «погибении града».⁸⁶

VI

Ограниченность политической мысли летописцев XV в. в вопросе о значении событий оказала влияние и на позднейших исследователей истории присоединения Новгородской земли. Крушение вечевого порядка стоит обычно в центре их внимания при изложении событий 70-х годов XV в., заставляя более важные исторические темы.⁸⁷

⁸¹ П I Л, стр. 75.

⁸² Москов. св., стр. 323. См. также позднейшие московские своды.

⁸³ См. работы Яниша, Шахматова, Приселкова.

⁸⁴ М. д. п р и с е л к о в. История русского летописания XI—XV вв. 1940, стр. 185; Москов. св., стр. 82.

⁸⁵ Ерм. л., стр. 150.

⁸⁶ Вроде видения пономаря Тарасия.

⁸⁷ Дальнейшие страницы отнюдь не ставят перед собой задачи изложения историографии вопроса о падении Новгорода. Являясь с конца XVIII в. одной из наиболее острых политических тем, вопрос о крушении новгородской вольности многократно обсуждался в политической и исторической литературе, в публицистике и в поэзии. Он заслуживает поэтому специального изучения историками русской политической мысли.

Автор «Опыта о посадниках» такими словами подвел итоги походу 1477—1478 гг.: «Успехи сего похода отняли у Республики все древние⁸⁸ нрава ее независимости, а у граждан их — преимущества вольности». Крушение новгородской свободы — вот к чему сведено основное значение событий 1477—1478 гг. «Вече уничтожено, и вечевой колокол немедленно увезен в Москву. Когда умолк звон его, тогда ни Новгородской республики, ни в ней посадников не стало». Этими словами, столь близкими к приведенным выше мыслям летописцев XV в., заканчивает автор свое исследование.⁸⁹ Судьба вечевого колокола заслонила другие (и более важные!) проблемы русской истории конца XV в. у историков самых различных направлений. И как это, на первый взгляд, не покажется странным, падение вечевого строя готовы были оплакивать даже такие апологеты российского самодержавия, как Карамзин, который «возлагал иммортели на могилу Новгородской республики».⁹⁰ Историк государства Российского в этом вопросе пошел по следам Карамзина — автора «Марфы-посадницы», оплакавшего в образе величавой посадницы Марфы крушение новгородской «старины». «Вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде», — писал в своей повести Карамзин. Объяснение неожиданной позиции, занятой в этом вопросе монархистом Карамзиным, нужно искать в том, что в новгородском строе он отнюдь не усматривал неприемлемого для него духа новшества. Он говорил с большой теплотой о новгородской вольности как о «старине». «Сопrotивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои устои и права», — писал Карамзин в «Марфе-посаднице». Образ посадницы приобрел в глазах консервативных историков чрезвычайную значительность, становясь чуть ли не символом старой патриархальной Руси. Идеализация новгородского строя как величавой «старины», непоколебимо уверенной в своей правоте и не идущей ни на какие уступки и сделки с новым порядком, — вот что определяло оценку консервативными историками падения новгородского строя. Этот романтический культ «старины», характерной для различных толков консервативного дворянского национализма первой половины XIX в. нашел в боярыне Марфе излюбленную фигуру среди деятелей русского прошлого. Весьма далекий от подлинной действительности литературный образ Марфы, созданный писателями XIX в., характеризует не новгородскую боярскую олигархию XV в., а политические чаяния консерваторов XIX в. Войдя в литературу, образ Марфы приобрел огромную популярность, на нем порою пытались продемонстрировать величие души русской женщины старого закала. Гончаров в «Обрыве» воспел ей гимн, показав «великую русскую Марфу», как «царицу скорби», «истерзанную московскими орлами, но сохранившую в тюрьме свое величие и могущество скорби по погибшей славе Новгорода», «покорную телом, но не духом, и умирающую все посадницей, все противницей Москвы и как будто распорядительницей судеб вольного города».

Передовая русская домарксистская историческая мысль по-иному оценивала политические итоги крушения новгородского вечевого строя, чем Карамзин и его продолжатели. Но и она не сумела, однако, подойти к оценке присоединения Новгорода научно, с охватом всех сторон вопроса. И перед ней вставал обычно как основной вопрос не объединение великороссии, не переход от раздробленности к централизованному государству*

Опыт о посадниках новгородских. М., 1821, стр. 273.

Там же, стр. 279.

А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1956, стр. 191.

а борьба самодержавия с вольностью. В передовой русской общественно-политической мысли XVIII—XIX вв. и в историографии, находившейся под ее идейным воздействием, отношение к событиям 1478 г. определялось идеализацией новгородского веча, как органа действительного народовластия. Такая оценка веча особенно ясно выступает на заре русского дворянского революционного движения, когда вече представлялось основой вольности народа,⁹¹ а вечевой колокол изображался как символ народной свободы. В знаменитой книге великого борца против самодержавия А. Н. Радищева события 1478 г. изображены как гибель «народного правления», ибо в Новгороде «народ в собрании своем на вече был истинный государь». Иван, поправ «право народное», разорил Новгород и «дымящиеся остатки его себе присвоил». Подкрепляя эти мысли, Радищев приводил следующие «выписки из летописи новгородской»: «Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оно пятидесятью осмию печатями... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных:

«Царь Иван письмо и колокол отнял.

«Потом. В 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году Новгород стоял на прежнем месте». Конечно, у Радищева отмечена и прогрессивная сторона деятельности московских самодержцев, которые возбудили «государственные силы»⁹² всегдашним разделением и от ига татарского в недействие пришедшие». Но эта сторона вопроса не выступала как ведущая.

Изложенное в этих словах Радищева понимание новгородской истории широко пропагандировалось в поэзии и публицистике декабристской поры. Вече новгородское превозносилось декабристами как колыбель русской свободы, задуманной тиранами. В новгородском строе они видели прообраз того порядка, который будет создан на обломках русского самовластия. Из образов новгородской истории декабристы особенно выдвигали поэтому не защитницу старины Марфу, а мятежного Вадима, первого борца против самовластных князей. Естественно, что 1478 год для декабристов вставал как страшный год гибели ранней русской свободы.

По-декабристски, в основном, оценивал падение Новгорода и А. И. Герцен. В знаменитой статье «О развитии революционных идей в России», написанной в 1851 г., Герцен с большой остротой поставил вопрос о принципиальном значении борьбы между Москвой и Новгородом. Понимая необходимость ликвидации политической раздробленности для освобождения страны от татарского ига,⁹³ Герцен не считал, однако, что «московский абсолютизм был единственным средством спасения для России». В XV в. оставалось, по его мнению, еще нерешенным, «который из двух принципов народной и политической жизни одержит верх: князь или община, Москва или Новгород». Два пути к спасению открывались перед Россией: она «могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица». Ожесточенность политической борьбы между Москвой и Новгородом объяснялась тем, что «у Новгорода также были основания надеяться на победу». Победил абсолютизм. Россия

⁹¹ «Вече, или народное собрание, созывалось особливим колоколом, называемым вечным, и на оных сборищах основались наипаче вольность народа», — записал Радищев (А. Н. Радищев. К Российской истории. Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 36).

⁹² Там же, стр. 650.

⁹³ «Необходимость централизации была очевидна: без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 160).

была спасена, но ценою утраты свободы. Завершил свои размышления по вопросу о падении Новгорода Герцен итоговым выводом: «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни».⁹⁴ Формула Герцена приобрела чрезвычайно широкую популярность в передовых слоях русской интеллигенции. При этом, так как борьба с самодержавием оставалась главной и первоочередной политической задачей, ударение переносилось обычно на вторую половину формулы: подчеркивалось не «спасение России Москвой», а «удушение Москвою русской свободы».

Эта формула повторялась противниками «московской централизации», т. е. самодержавия, и в 60-х годах М. Михайлов, продолжая традиции декабристской поэзии, устами Вадима призывал к борьбе против «княжьей сволочи» и «тюремного наряда» за восстановление «новгородской свободы».

Революционеры 80-х годов продолжали искать в Новгороде зачатки новой свободной Руси. Так, в анонимном письме 1881 г. «Новая Русь» характеризовалась как «Русь Новгородская, которая была подавлена татаро-московскими хищниками и гольштинскими выходцами». Развивая далее эту мысль, неизвестный автор продолжал: «Новая Русь будет страной народной вольницы, широкого общинного самоуправления, народного веча».

Оценка новгородского строя как зародыша новых, основанных на участии народа в управлении страной порядков, нашла отражение и в специальной исторической литературе. Ограничимся только двумя примерами. Первый — широко известный — работы Н. И. Костомарова. Еще в молодые годы Костомаров отразил свое отношение к Новгороду в следующем четверостишии, вызвавшем весьма неодобрительное суждение Дуббельта:

Где ты Новаграда память петленная,
Слава полунощных стран?
Встань, пробудись, старина незабвенная,
Древняя вольность славян!⁹⁵

Позднее автор «Севернорусских народоправств», оценивая политический смысл борьбы Новгорода с Москвой, говорил: «Новгород стоял за старину, но в то же время в его устройстве лежало начало прогресса, хотя неудобовершенного».⁹⁷

Второй пример — менее известный — работы исследователя новгородского летописания Н. Н. Яниша. Вот основные выводы по вопросу о борьбе Москвы с Новгородом, к которым приходит Яниш. О смысле борьбы Яниш пишет: «Все значение Иоаннов в развитии наших судеб сводится к тому, что они в пользу своего личного и династического интереса порешили веками тянувшуюся в древней Руси тяжбу между двумя противоположными типами правительственного строя: властью князя и властью народного веча». Итоги борьбы, по мнению Яниша, заключались в том, что победа Москвы «упразднила в народе навыки к политическому почину». Ее влияние на дальнейшее развитие страны пред-

⁹⁴ Там же, стр. 161.

⁹⁵ К. П. Победоносцев и его корреспонденция. Письма и записки, т. I. Пгр., 1923, стр. 225.

⁹⁶ Из воспоминаний Н. И. Костомарова. Вестник Европы, СПб., 1910, IV, стр. 79; см. также: Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922.

⁹⁷ «О значении Великого Новгорода в русской истории» (Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. I. СПб., 1863, стр. 380). (Разрядка наша, —

ставлялось Янишу чрезвычайно значительным и притом исключительно отрицательным. «Постепенное, на долгий период времени, оскудение нашей жизни в умственном и гражданском отношениях бесповоротно началось со дня падения Новгорода».⁹⁸

Герцен, отмечая удушение Иванами 'свободы, все же признавал, что «Москва спасла Россию». Яниш видел только первое и роль московского самодержавия ограничивал подавлением «гражданской самодеятельности».

В основе этих и аналогичных неправильных, антиисторических оценок падения новгородского вечевого строя лежат два ошибочных суждения. Первое (главное) заключается в непонимании огромного исторического значения политического объединения Руси. Это важнейшее событие истории XV в. оставалось или совсем не отмеченным или заслоненным вопросом о судьбе веча. Вместо того чтобы сосредоточить внимание на процессе ликвидации феодальной раздробленности, на первый план выдвигался вопрос: князь или вече? Второе ошибочное исходное положение — идеализация новгородского веча как народного правления.

Величайший из предшественников русской социал-демократии Белинский приблизился к правильной исторической постановке проблемы, подвергнув резкой критике идеализацию «новгородской вольницы» и оправдав политику обоих Иванов в отношении Новгорода. Белинскому представляется странным мнение «многих ученых, которые от чистого сердца, т. е. не шутя, видели в Новгороде республику». Несколько заостряя в полемическом задоре свою мысль, Белинский писал: «От создания мира не было более бестолковой и карикатурной республики». Поэтому, по мнению Белинского, «порабощенные Новгородом Иоанном III и Иоанном Грозным были делом оправдывающимся не только политикой, но и нравственностью». Таким образом, Белинский подходил к правильному пониманию прогрессивности московского самодержавия в его борьбе с сепаратизмом областей (хотя бы и вечевых) и не усматривал в ликвидации вечевого строя «удушения» русской свободы.

Ф. Энгельс в работе «О разложении феодализма и развитии буржуазии» глубоко вскрыл роль королевской власти в ликвидации феодальной раздробленности. Он показал, что «она была представительницей порядка в беспорядке» и что без нее невозможно было национальное единство.⁹⁹ Единственной политической силой в России, способной возглавить объединение страны, была «королевская власть» («Das Konigtura»), т. е. власть великого князя.

Крушение вечевого порядка было поэтому закономерно, ибо вечевой Новгород не только не сумел возглавить движение страны к единству, он даже не ставил перед собой эту задачу. Мало того, подлинные господа Великого Новгорода всячески тормозили образование единого Русского государства. Жизненная в условиях феодальной раздробленности политическая форма вечевой республики была сметена мощным объединительным процессом под руководством Москвы.

Победа великого князя над новгородским боярством была победой нового порядка над изжившей себя стариной. В 1478 г. произошло политическое объединение северной Великороссии с ее центром, взявшим на себя инициативу в создании объединенного русского государства. В этом огромное историческое значение событий 1478 г., важнейшей вехи в истории об-

⁹⁸ Н. Н. Яниш. Новгородская летопись и ее московские переделки. Чтения ОИДР, 1874, кн. 2, стр. 87—89. (Разрядка наша, — В. Б.).

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 445 и 450.

разования объединенного Русского государства. Присоединением северной Великороссии был разрешен главный вопрос русской политической жизни XV в. Политическое объединение Великороссии отнюдь не означало ни гибели, ни экономического упадка северной Великороссии. Новгород перестал быть ее политическим центром, но жизнь Новгородской земли, вошедшей теперь в состав объединенного Русского государства, не только не остановилась, а стала развиваться более быстрыми темпами, чем при господстве боярской олигархии.

Новые политические формы в Новгородской земле наметились сразу же после присоединения к Москве, в правление Ивана III.

ЛОМКА НОВГОРОДСКОГО ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
И «ВЫВОДЫ»¹

I

Собирание великорусских земель Москвою до присоединения Новгорода, как правило, не сопровождалось ломкой вотчинного феодального землевладения в княжествах, входивших в Московское государство. Московское правительство охраняло «старину» и подтверждало права привилегированных вотчинников (как светских, так и церковных). Если и встречались нарушения этого правила, как например в ярославских землях, где московский наместник отписал много земель на великого князя, то это рассматривалось современниками как вопиющее беззаконие.² К тому же деятельность новоявленного ярославского «чудо-творца», как иронически называет московского дьяка летописец, развертывалась в небольшом Ярославском княжестве.

Присоединение Новгорода впервые поставило московское правительство перед необходимостью заняться ломкой, и притом решительной ломкой, вотчинного землевладения на огромной территории Новгородской земли, везде, где существовало новгородское крупное феодальное землевладение (и в пятинах новгородских, и в Двинской земле). Оставить землю в руках новгородского боярства московское правительство не могло, прежде всего потому, что не могло управлять новгородскими землями через новгородских бояр. Слишком непримиримы были новгородская и московская «старина». Политическая мощь новгородского боярства и новгородской церкви с их вековыми традициями самостоятельной политики не могла быть поставлена на службу создававшемуся великорусскому централизованному государству и возглавлявшему это государство московскому самодержавию. А сломить политическую мощь Борецких, Есиповых, Овиновых, Лошинских и других было невозможно, не отняв огромных вотчин у бояр и их политических союзников из Юрьева, Хутынского и других монастырей. Управление огромной территорией Великого Новгорода пришлось налаживать не при помощи прежних властителей и владельцев Новгородской

¹ Основная часть этой главы опубликована: Уч. зап. ЛГПИ, т. LXI, 1947.

² Рассказ ростовского летописца об ярославских конфискациях, пропитанный ядом иронии, отражает глубокое возмущение невиданными насилиями представителей московской власти. «Ярися новый чудотворец Иоан Огафонович Сущей, созиратаи Ярославской зем\и: кого село добро, — отнял, а у кого деревня добра, ин отнял... а иных его чудес множество не можно исписати, ни исчести, понеже бо во плоте суще цяшос ;(т. е. дьявол, — В. Б.)» (Ерм. л., сгр. 158).

земли. Поэтому политика Ивана III в Новгороде после 1478 г. привлекает к себе внимание исследователя как первая значительная попытка московского правительства организовать управление большой территорией без участия крупных вотчинников. Значение этой попытки для дальнейшего развития основ московской государственности трудно переоценить.

К сожалению, бедные и случайные показания летописей ставят в трудное положение исследователя этого вопроса. Только комбинируя показания различных источников и шире используя как материал для социально-политической истории, помимо летописей и актов, новгородские писцовые книги, можно воссоздать общую картину той напряженной работы по строительству на новых началах социально-экономической и политической жизни северной (новгородской) Великороссии, которая была развернута московским правительством в конце XV и начале XVI в.

Основу всей политики Ивана III в Новгородской земле составила, бесспорно, огромная по размаху ломка старых форм феодального землевладения, ликвидация боярских и монастырских вотчин. Точная история ликвидации новгородских вотчин не поддается выяснению. Можно вполне согласиться с Б. Д. Грековым, пришедшим к следующему выводу о ходе конфискации новгородских вотчин: «Сколько раз вообще отбирал Иван III у Новгорода и, в частности, у новгородской церкви, пересчитать очень трудно, даже прямо невозможно».³ Систематизируя случайные, неполные сообщения источников по этому вопросу, исследователь может выделить только отдельные моменты в истории ликвидации вотчинного землевладения, не дающие точной, исчерпывающе полной картины, но все же уполномочивающие на ряд существенных выводов.

Первые сообщения о конфискации новгородских вотчин связаны с девятидневным «стоянием» Ивана III на Городище в конце 1475—начале 1476 г. В этот приезд, как сказано выше, Иван «поймал новгородских шесть бояринов великих»⁴ (Василия Ананьина, Богдана Есипова, Федора Исакова, Ивана Лошинского, Ивана Офонасова и его сына Олферия). Эти шестеро входили в состав тех примерно 50 новгородских бояр, которые сосредоточили в своих руках большую часть новгородских светских вотчин. Земельные владения этих «великих бояр» измерялись сотнями и даже тысячами дворов. Последняя исследовательница вопроса С. А. Тараканова-Белкина исчислила следующие размеры их владений по данным писцовых книг 1498—1500 гг.

	Число дворов	Число обзей
Богдан Есипов	300	432
Василий Ананьин	152	168
Иван Лошинский	115	119
Алферий Офонасов	69	68 ⁵

Действительные размеры владений этих «великих бояр» значительно превышали приведенные выше данные, ибо, как неоднократно указывалось, сохранившиеся писцовые книги 1498—1501 гг. охватывают только часть новгородской территории. Из более поздних писцовых книг мы можем установить наличие у перечисленных бояр и других весьма крупных земельных владений. Так, у Богдана Есипова, как отмечено выше, в одной Вотской пятине имелось, помимо учтенных С. А. Таракановой земель, свыше 450

³ Б. Д. Греков. Новгородский дом, стр. 248.

⁴ Н IV Л, стр. 457, 609.

⁵ Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение, стр. 93—97.

обж.⁶ Точно так же Василию Ананьину, сверх указанных земель, принадлежал полностью погост Гостыничи в Бежецкой волости, в котором писцовая книга 1545 г. отмечала свыше 200 дв. и 215 обж.⁷ По исчислениям Андрияшева, в одной Шелонской пятине у Богдана Есипова и Олферия Офонасьева было не менее 255 Сох, т. е. 765 обж.⁸ Следовательно, в конце 1475 г. было конфисковано несколько тысяч дворов. Отобранные у этих бояр земли составили ядро дворцовых волостей в Новгородской земле. Уже во время второго похода на Новгород Иван III остановился (под Новгородом) в своем дворцовом селе Ракома, бывшей вотчине Ивана Лошинского. «А сам стал в Ракоме, в дворе Лосинского, над Волховом, за три версты от Великого Новгорода, близко Юрьева Монастыря». Здесь же был устроен загородный дворец, известный в летописи под именем «в Паозерьи у Троицы».

Некоторые летописи¹⁰ указывают, что одновременно с конфискацией первых новгородских боярских вотчин в то же «Городиское стояние» была начата конфискация монастырских вотчин. Согласно их рассказу, сначала великим князем был поставлен вопрос о передаче ему половины владычных волостей и половины владений шести крупнейших монастырей (Юрьева, Аркажского, Благовещенского, Антонова, Никольского у Неревского конца и Михайловского на Сквородке). Но соглашение было заключено на условиях более милостивых для новгородского владыки. «И князь велики пожаловал архиепископа: половину волостей не имал их; а взял: 10 волостей у Юрьева монастыря, 7 сот обеж и 20 обеж; у Воркажского 333 обежи; у Благовещенского пол-303 обжи; у Николского пол-300 с обежею; у Вонтояовского пол-2 ста обжей; у Михайловского 100 обеж бес трех». Большинство летописей, в том числе ранние московские своды, относят конфискацию половины монастырских волостей к Троицкому стоянию, т. е. к зиме 1477—1478 г.¹² Последняя исследовательница вопроса (И. В. Лепко), сопоставляя близкие, но не тождественные записи о конфискации монастырских земель в 1476 и 1478 гг., склонилась к выводу, что в летописных сообщениях 1475—1476 и 1477—1478 гг. речь идет о двух разных событиях и что записи Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи имели в виду начало конфискации монастырских земель, тогда как другие летописи под 1478 г. рассказывают о дальнейшей конфискации (т. е. о конфискации второй половины).¹³ Аргументация исследовательницы при всей тщательности анализа текста летописей не представляется все же достаточно убедительной и решающей вопрос. Остаются непровергнутыми три основных довода, которые можно противопоставить утверждению о начале конфискации монастырских земель в 1476 г.

1. Из вестия о конфискации монастырских земель в «Городиское стояние» сохранились только в весьма искаженных списках рассказа о «поезде великого князя в Новгород», которые сама И. В. Лепко готова признать «перепутанными». Лучшие тексты рассказа о поездке Ивана III в Новго-

⁶ См. выше, гл. V.

⁷ НПК VI, стлб. 479—489.

⁸ П III Л, стр. 213. (Андрияшев. Материалы, стр. LIV).

⁹ Там же. Ракома было когда-то селом Ярослава Владимировича; о нем упоминается в рассказе об известных событиях 1015—1016 гг. (Н I Л, стр. 82).

¹⁰ Н IV Л (список Дубровского) и Соф. I л. (Бальзеровский список).

¹¹ Н IV Л, стр. 515. В Соф. I л. примерно то же самое, с некоторыми различиями в числе обжей по двум монастырям: по Юрьевскому — 723 обж. вместо 720, по Аркажскому — 323 обж. вместо 333 (ПСРЛ, VI, стр. 17).

¹² Моск. св., стр. 319; Соф. II л., стр. 216 и др.

¹³ И. В. Лепко. Поход Ивана III «миром» в 1476 г. Уч. зап. ЛГПИ, т. 78, 1948., стр. 151—153, 156—157.

род в 1475 г. не таклчают сообщения о переговорах владыки с великим князем 16 января 1476 г. о земле.

2. Нет ни одного летописного списка, где шла бы речь о двукратной конфискации монастырских земель (и в 1476 и в 1478 гг.).¹⁴ Между тем факт конфискации монастырских земель в 1478 г. нужно считать бесспорным не только потому, что сообщения о ней сохранены во многих летописных сводах, но главным образом потому, что они органически входят в изложение всего хода переговоров о земле в 1477—78 гг.¹⁵ Таким образом, постановка альтернативы или в 1476 г., или в 1478 г. является исключенной. В 1478 г. конфискация монастырских земель была проведена бесспорно.

3. Наконец, если приурочить конфискацию первой половины монастырских земель к 1476 г., а второй к 1478 г., то это приводит к выводу, что к 1478 г. в основном была завершена конфискация монастырских земель. Между тем ко времени «поимания» Феофила (в 1480 г.) у новгородских монастырей еще сохранялись значительные земельные владения. В рассказе о взятии Феофила летописец так объяснял причины недовольства последнего деятельностью великого князя: «Князь бо великий, коли взял впервые Новгород,¹⁶ тогда отья у новгородского владыки половину волостей и сел у всех монастырей, про то владыка нелюбие держал». По этим соображениям мы не можем в данном вопросе принять мнение И. В. Лепко. На столь шатком фундаменте, каким являются сообщения двух «перепутанных» списков летописи, нельзя обосновать утверждение о начале конфискации в 1476 г. монастырских земель. Иное дело в вопросе о боярских землях. Конфискация их началась, бесспорно, в «Городиское стояние».

При всей ее значительности конфискация 1475—1476 гг. отнюдь еще не свидетельствовала о намерении великого князя ликвидировать полностью вотчинное землевладение в Новгороде. «Городиское стояние», как сказано выше, было попыткой московского князя сговориться с новгородскими вотчинниками. Расправляясь сурово с главарями антимосковской боярской группировки, Иван в то же время стремился привлечь на сторону Москвы влиятельнейших руководителей новгородской республики. И со стороны новгородских бояр декабрьские и январские пиры 1475—1476 гг. были одновременно и демонстрацией богатств вотчинников и выражением их готовности верно служить своему верховному господину. Золотые кораблики, поставки ипского сукна, бочки вина, сороки соболей, кречеты, «рыбий зуб» и другие ценности, все чем славились новгородские земли, и все, что получали новгородские бояре от заморских купцов, — все было пушено в ход для того, чтобы купить расположение московского государя.

Следующий шаг по пути конфискации новгородских вотчин был сделан в 1477—1478 гг. Вопрос о владычных, монастырских и боярских вот-

¹⁴ Правда, И. В. Лепко усмотрела намек на это в том, что рассказ Соф. II л. (как и Москов. св.) называет монастыри, у которых проводилась конфискация земель в 1478 г., «прежеписанными» (И. В. Лепко, ук. соч., стр. 153). Думается, однако, что в контексте летописного рассказа слово «прежеписанные» нужно толковать проще, в смысле «прежде перечисленные» или «вышеуказанные». Действительно, в записи о челобитье владыки 6 января были перечислены 6 крупнейших монастырей, что позволяет в рассказе о переговорах 7 января назвать монастыри «прежеписанными», так же, как летописец называет «прежеписанными» членов повгородского посольства (см., например, Соф. II л., стр. 215).

¹⁵ См. об этом ниже, стр. 318—319.

¹⁶ Под первым взятием Новгорода, конечно, понимается 1477—1478 гг., так как ни в 1471 г., ни в 1475 г. поход не сопровождался взятием города.

¹⁷ Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 197.

чинах занял чрезвычайно видное место во время зимних переговоров 1477—1478 гг. Но и здесь речь шла пока еще не о конфискации всех владений новгородских вотчинников. Когда опасавшиеся конфискации их земель новгородские бояре 7 декабря поставили вопрос о сохранении за ними вотчин и «невыводе» их самих, государь заверил их через князя Патрикеева: «...вывода бы не пас лис я, а в вотчины их не вступаемся».¹⁸ Эти заверения были повторены 14 и 29 декабря. Иван III настаивал лишь на передаче ему части новгородских государственных волостей. Новгородской «старине», закрепленной в многочисленных договорных грамотах в известной формуле: «А сел ти не ставити по Новгородской волости, ни твоей княгини, ни твоим бояром, ни твоим дворянам, ни купити, ни даром примати», — Иван III, противопоставляя ссылку на более глубокую «старину», обвинял новгородцев в захвате ими княжеских доменов. «Быша бо те волости прьвое великих же князей, ино они их освоиша», — так излагает аргументацию Ивана III московский летописец.¹⁹ Новгородцам предлагалось только вернуть великокняжеские земли: «А которые земли наши великих князей за вами, а то ²⁰бы было наше», — формулируют это требование ранние московские оводы. Таким образом, речь шла о восстановлении попранных новгородцами прав князя. Это требование было подкреплено 29 декабря добавочным аргументом о необходимости сел и волостей великому князю для того, чтобы «держать свое государство» («Чтобы наша отчина Великий Новгород дали нам волости и села; понеже нам великим князем ²¹государства свое держати на отчине Великом Новгороде без того нельзя»).

Естественно, что главное место в дальнейших переговорах о земле было отведено вопросу о софийских (владычных) землях, в фонд которых вошел бывший княжеский домен, хотя новгородцы сначала (1 января) пытались отделаться Великими Луками да Пустой Ржевой; 4 января начались переговоры о церковных землях, а 7 января великий князь «пожаловал»: «взял» 10 волостей у владыки (в их числе Белую и Удомлю) и половину владений 6 крупнейших монастырей. Сверх этого, Иван III взял все Новоторжские земли (...чьи ни буди в Торжку)²² и 6 сел, «который были за князем Василием за Шуйским». Всего по подсчетам летописи 7 января 1478 г. великим князем было взято свыше двух с половиной тысяч обжей (2731 обж.).²³

В 1478 г. были «пойманы» и некоторые новгородские бояре и житьи люди с Марфой Борецкой во главе. «Поимание» сопровождалось конфискацией имущества, на что имеется прямое указание в летописи: «Февраля 7 велел князь великий отвезти к Москве пойманных новгородцев Марфу Исакову со внуком, Ивана Кузмина сына Савелкова, да Окинфа с сыном Романом, да Юрья Репехова, да Григорья Арзубьева, да Марка Панфильева и животы их велел отписать на себя».²⁴

¹⁸ Соф. П л., стр. 215.

¹⁹ Воскр. л., стр. 204; Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 197. См. по этому вопросу интересные соображения Б. Д. Грекова: Новгородский дом, стр. 235—236.

²⁰ Соф. П л., стр. 215.

²¹ Там же, стр. 216.

²² Новоторжские земли особо интересовали Ивана III как порубежные. Владельцы новоторжские получили взамен их земли в других местах. Так, в НПК упоминается о землях в Бологовском погосте, конфискованных у Арзубьева и переданных новоторжцам (НПК I, стлб. 128).

²³ Принимаем чтение Москов. св. (стр. 319) вместо ошибочного чтения в Соф. П л. (стр. 217).

²⁴ Москов. св., стр. 322—323.

Но дело и на этот раз ограничилось конфискацией земель виднейших сторонников Литвы. И Троицкое стояние, таким образом, не привело к радикальной постановке вопроса о вотчинном землевладении.

Дальнейший шаг был сделан во время третьего похода на Новгород (в Славенское стояние). Новгородские события 1478 и 1479 гг. показали Ивану III живучесть новгородских политических традиций и всю непримиримость их с московскими порядками. Казни 1471 г. и «выводы» 1476 и 1478 гг. не сломили новгородского сопротивления. Понадобилось новое вооруженное выступление для того, чтобы помешать сторонникам новгородской самостоятельности восстановить новгородский вечевой строй. Те девять недель, что провел Иван III в Новгороде зимою 1479—1480 гг. были временем напряженнейших поисков им социальной опоры в Новгороде. Необходимо было действовать быстро и решительно. Этого требовало не только положение дел в Новгороде, но и надвигавшийся общий политический кризис, грозивший смести все успехи, достигнутые Иваном III за 17 лет его княжения. Новгородская смута была лишь одной из составных частей этого общего кризиса. Никогда за все годы княжения Иван III не находился перед столь значительными трудностями, как в конце 1479 и в 1480 г., когда против него почти одновременно выступили все его внешние и внутренние враги: «Когда великий князь московский наложил руку на Новгород, это стало как бы током, который наэлектризовал все враждебные Москве элементы: и Ливонский Орден, увидевший перед собой, вместо Новгорода и Пскова, силы „всея Руси“, и Швецию, ставшую непосредственной соседкой Московского государства, и хана Ахмата, жадно распенивавшего богатства непокорного ленника, и литовское правительство, почувявшее нарушение относительного равновесия сил на восточной границе», — так характеризует А. Е. Пресняков внешние политические трудности, перед которыми стоял Иван III после присоединения Новгорода.²⁵ А с этими внешнеполитическими трудностями сочетались выступления главных внутренних сил, враждебных самодержавной политике Ивана III: начали мятеж братья Ивана III и зашевелилась новгородская оппозиция во главе с владыкой Феофилом.

В этой трудной и сложной обстановке Иван III нанес удар прежде всего новгородскому владыке. 19 января 1480 г. он «поймал» владыку Феофила. Надо полагать, что одновременно с этим были отписаны на великого князя и земли владыки. Б. Д. Греков на основе тщательнейших изысканий исчисляет размеры отобранных в 1478 г. на государя софийских земель по всем пятинам не менее, чем в 8480 обж.²⁶ Думается, что эта цифра включает не только волости, переданные Ивану во время Троицкого стояния, но и взятые Иваном в 1479—1480 гг. Как далеко готов был идти Иван III в борьбе с главою новгородской церкви в 1480 г., можно судить по тому, что именно к этому времени относится начало сближения Ивана III с новгородскими еретиками. Возвращаясь в феврале 1480 г. в Москву, Иван III вез с собою двух руководителей новгородской ереси, один из которых (Алексей) стал с тех пор духовником московского государя и пользовался большим влиянием на Ивана III.²⁷ Если в 1478 г., отстаивая свои

²⁵ А. Е. Пресняков. Иван III на Угре. Сб. «С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели», СПб., 1911, стр. 291. Чрезвычайную «активизацию враждебных России сил» после присоединения Новгорода отмечает и К. В. Базилевич в статье «Ярлык Ахмед-хана Ивану III» (Вестник МГУ, 1948, № 1, стр. 43).

²⁶ Б. Д. Греков. Новгородский дом, стр. 298.

²⁷ По словам Иосифа Волоцкого, «толико же дерзновение тогда имяху к державному протопоп Алексей и Федор Курицын яко никто же ин» (Иосиф Волоцкий. Сказание

права на землю, Иван III ссылался на «старину», на древние летописи, то теперь помощи ученого знатока летописей — Степана Бородатого, уже было недостаточно. Нужно было оправдать свои действия по отношению к главе новгородской церкви и его имуществу добавочными доводами идеологического порядка. Ими снабжали Ивана III еретики, снимавшие грех с души Ивана.

О мерах против новгородского боярского землевладения во время Славенского стояния источники молчат. Только в одном из «Кратких летописцев», опубликованных А. А. Зимин²⁸, имеется сообщение о «понимании новгородцев» в 1480 г. Но уже в следующем году, выйдя победителем из кризиса 1480 г., Иван конфискует земли еще 4 «великих бояр» — Василия Казимира, его брата Ивана Короба, Михаила Берденева и Луки Федорова, вероятно, причастных к движению 1479 г., хотя они уже давно обязались службой великому князю.

Следующая крупная конфискация земель связана с бурными событиями 1484 г. Отрывочные сведения о них, сохранившиеся в различных летописях,²⁹ складываются в следующую картину. В 1484 г. с нарушением новгородской традиции (да еще при жизни Феофила) был прислан в Новгород из Москвы архиепископ Сергей. Московский ставленник натолкнулся в Новгороде на упорную оппозицию. «Не хотяше новгородци покоритися ему, что не по их он мысли ходит».³⁰ К тому же Сергей «многы игумены и попы испродаде и многы новыя пошлыны введе».³¹ Возмущенные новгородцы обвиняли владыку в кощунственном отношении к новгородским святыням. Сохранные летописью рассказы об «изумлении» Сергия, покаранного разгневанными на него новгородскими угодниками, дают живое представление о той атмосфере, в которой протекала кратковременная деятельность нового владыки. Глубокое возмущение новгородцев поведением московского ставленника передает известный рассказ «Летописца новгородского церквам божиим» о поведении Сергия у гробницы популярного в Новгороде архиепископа Моисея. Священник в монастыре Михаила на Сковородке отказался открыть гроб Моисея, заявив Сергию: «Подобает святителю святителя скрывать». Тогда Сергей «возвысився умом высоты ради сана своего и величества, яко от Москвы прииде к гражданам яко плененым», презрительно³² обозвал Моисея «смердовичем» («...кого сего смердовича и смотреть»). Новгородцы, очевидно, все еще не хотевшие признать себя «плененными», с удовлетворением рассказывали о помешательстве Сергия,³³ объясняя его гневом новгородских святителей, и, в особенности, «Иоана чюдотворца, что на бесе ездил» (того самого Иоанна, при котором были оазбиты суздальцы).

В оппозиции против присланного из Москвы владыки приняли участие наряду с новгородским духовенством бояре и житьи люди. Для подавления новой новгородской «коромоли» в Новгород, согласно сохранным Пеков-

о новоявившейся ереси. В кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М., 1955, стр. 1471).

²⁸ «Лета 6988 поймал князь великий новгородцов» (Исторический архив, т. V, 1950, стр. 10).

²⁹ Особенно ценны, за полным почти отсутствием новгородских источников, известия псковских летописцев, смотревших на новгородские события иными глазами, чем московские книжники.

³⁰ Соф. II л., стр. 236.

³¹ П II Л., стр. 63.

³² Н III Л., стр. 310.

³³ Помешательства Сергия не отвергали и московские летописцы, но объясняли его кознями новгородцев: «Они же отняша у него ум волшебством» (Соф. II л., стр. 230).

ской второй летописью сообщению,³⁴ был введен отряд московских войск, стоявший в Новгороде 17 недель. Выступления оппозиции московское правительство не без основания связывало с происками короля Казимира.

Были произведены многочисленные аресты бояр. «Князь велики посла и пойма их всех болших и житых людей, человек с тридцать».³⁵ Схваченных бояр подвергли пыткам («... и повеле их мучити Гречновику подъячему»), и домучили до того, что они «наклепали» друг на друга. Тогда последовали новые конфискации /и новый «вывод». Он коснулся большого числа бояр, а не только тех, кто был обвинен в преступлениях против великого князя. «Тоя же зимы поймал князь великий болших бояр новгородских и боярынъ, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве по городом; а иных бояр, которые коромолу держали от него, тех (велел заточити по городам в тюрьмы).³⁷ Среди «выведенных» и пограбленных была крупнейшая новгородская боярыня «славная, богатая» Настасья Григорьевна, принимавшая у себя Ивана III в 1476 г., и Иван Кузьмин Савелков. «И пограбиша их всех и много имения взято безчислено»,³⁸ — такими словами летописец подводит итоги конфискации 1484 г., едва ли не самой крупной по размерам. Впечатление, произведенное конфискациями и арестами 1484 г., нашло яркое отражение в записи Устюжской летописи, которая с этими событиями связала «одоление» Новгорода.³⁹ «Поиманием» 1484 г. завершается «вывод» «великих бояр» и конфискация их вотчин. В дальнейших рассказах о «зыводах» имена «великих бояр» уже не упоминаются.

Следующая крупная конфискация земли была проведена в 1487—1489 гг. В отличие от предшествующих, она коснулась не единиц или десятков «великих бояр» и их окружения, а сотен (или даже тысяч) средних и мелких землевладельцев. События 1487—1489 гг. в некоторых летописях изображены как спокойный мирный «вывод». «Тоя же зимы князь великий Иван Васильевич приведе из Новагорода из Великого многих бояр и житиых людей и гостей, всех голов болши тысячи ... и жаловал их, на Москве давал поместья... а в Новгород Великий на их поместья послал московских многих лутших гостей и детей боярских», — так читаем в Софийской первой летописи (список Царского) под 6997 г.⁴⁰

Сообщения других летописей вносят в эту мирную картину «вывода» и «пожалования» суровые черты реальной действительности. В рассказе Софийской второй летописи под 6996 г. читаем: «Привели из Новгорода боле семи тысячь житых людей на Москву понеже хотели убити наместника великого князя Якова Захарыча; иных же думцов много Яков пересек и перевеша».⁴¹ Под следующим (6997 г.) в Софийской второй летописи читаем новое сообщение о «выводе» житых, в котором приведены некоторые

³⁴ «Тогда и Московская застава ратная отъехгша на Москву, а стояли в Новгороде 17 недель» (П П Л, стр. 64).

³⁵ О происках короля Казимира в 80-х годах подробно рассказано в труде К. В. Базилиевича: Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 197, 224, 225.

³⁶ Соф. П л., стр. 235.

³⁷ Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 215—216.

³⁸ Соф. П л., стр. 236.

³⁹ «Того же лета месяца июля в 15 день князь великий поимати велел многих бояр новгородских в Новгороде и розвел и весь Новгород одолел и за себя взял» (Устюж. л., стр. 95).

⁴⁰ Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 37; см. также: Воскр. л., стр. 218.

⁴¹ Соф. П л., стр. 238. Такт-⁰ же содержания сообщения приведены в Типогр. л., стр. 287; Львов, л., стр. 353; Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 220.

заслуживающие внимания подробности о причинах выступления новгородцев: «Князь великий повеле вывести из Новгорода житых людей... обговору дея, что наместники и волостели их продавали, и кои на них продажи възшут, и они боронятся тем, что их рекши, думали убить: и князь великий москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье, а их вывел, а многих⁴² иосечи велел на Москве, что рекши, думали Якова Захарьича убить».

Состояние источников не позволяет определенно решить, в каком году был проведен «вывод» бояр и житых (один ли был «вывод» или два?),⁴³ не поддается определению и число «выведенных» (тысяча или семь тысяч). Но можно с достаточным основанием утверждать, что 1) «вывод» 1487—1489 гг. был массовым и 2) что он сопровождался острой борьбой. Очевидно, новгородцы, познакомившиеся с нравами московских наместников и волостелей, стали выступать против «продаж» («...кои на них продажи възшут»), а в ответ на это наместник предъявил им обвинение в заговоре. Конфликт новгородцев с наместниками был разрешен массовым «выводом» и кровавыми казнями: одних «думцев» пересек и перевешал Яков в Новгороде, другим рубили головы в Москве по приказу великого князя. Бурными кровавыми событиями 1489 г. заканчивается ликвидация землевладения новгородских бояр и житых, затянувшаяся без малого на 15 лет.

С монастырскими вотчинами дело затянулось, кажется, еще на целое десятилетие. По крайней мере в Псковской третьей летописи находим под 7007 г. сообщение: «Поймал князь великий вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные, по благословению Симона митрополита».⁴⁴

Таким образом, конфискация боярских и монастырских вотчин проводилась в Новгороде по меньшей мере 5 раз (а вероятно, даже больше). При этом первоначально речь шла не о ликвидации вотчинного землевладения, а только о конфискации земель главарей «литовской партии» и восстановлении великокняжеского домена. Только упорное сопротивление новгородских верхов вынудило московского князя перейти к решительным мероприятиям массового характера. Сила событий заставила московское правительство отказаться от использования новгородских феодалов как социальной опоры во вновь присоединенных землях, а стать на необычный для него ранее путь решительной ломки вотчинного феодального землевладения.

II

Насколько радикальна была ломка новгородского феодального землевладения, позволяющая говорить (как это выше мы и делали) о ликвидации новгородского вотчинного землевладения, с полной убедительностью

⁴² Соф. II л., стр. 239; см. также: Типогр. л., стр. 237.

⁴³ В Никон, л. помещены два сообщения под 6997 г.: первое — о «выводе» 7000 житых и второе — о «выводе» многих бояр, житых людей и гостей «всех голов больше 1000» (ПСРЛ, XII, стр. 219, 220); «Краткий Кирилло-Белозерский летописчик» отметил только один «вывод» под 6997 г.: «Лета 6997 князь великий Иван вывел из Новгорода из Великого бояр и гостей с тысячу голов» (Исторический архив., V, 1950, стр. 35). В списке Никольского Н IV Л имеется на полях рассказа о поимании бояр запись киноварью: «В 8 год после Славенского стоянья» (стр. 610). Таким образом, и в Новгороде и в Кирилло-Белозерском монастыре особенно запомнился один «вывод» 1488—1489 г. К этому году и нужно, вероятно, приурочить наиболее значительный массовый «вывод».

⁴⁴ П III Л, стр. 252. Аналогичное сообщение включают поздние московские своды, например Никон, л. (ПСРЛ, XII, стр. 249).

показывают новгородские писцовые книги XV и начала XVI в. Уже в досоветских исследованиях Сергея (Тихомирова), Гневушева, Грекова, Загорского, Андрияшева было достаточно выяснено землевладение в новгородских пятинах в конце XV в.⁴⁵ Можно в основном согласиться со следующим решительным выводом, к которому приходит исследователь Шелонской пятины А. М. Андрияшев: «Все новгородцы, владевшие землей, кто бы они ни были, — бояре, купцы или житейные люди, богатые собственники многих десятков сох и бедняки, сидевшие на одной обже, сторонники литовской партии и сторонники московской партии — все должны были оставить свои насиженные гнезда».⁴⁶ Конфисковали земли даже у таких (ревностных сторонников Ивана III, как Полиарьины, которые в свое время оказали немалые услуги великому князю. Своей усердной службой они добились лишь того, что были «сведены последними». В писцовых книгах они называются, в отличие от прочих бояр, «новосведенными».⁴⁷

Можно считать также в целом типичными итоги ломки землевладения, какие выражены в сводных таблицах по Шелонской пятине, приведенных в той же работе А. М. Андрияшева (см. табл. 41 и 42).⁴⁸

Таблица 41

Землевладение в Шелонской пятине во времена новгородской самостоятельности

Владельцы	Число обзей	
	109301/2	65.9
	4761	28.7

Таблица 42

Землевладение в Шелонской пятине по писцовым книгам 1498—1501 гг.

Владельцы	Число обзей	%
	5103	30.7
	7667	46.3
	7591/2	4.6
	5461/2	3.3
	73	0.4
	24241/2	14.6

Близкую картину рисует и Сергей в своей работе о Вотской пятине по писцовой книге 1500 г. (см. табл. 43).⁴⁹

⁴⁵ Особенно по Вотской и Шелонской пятинам.

⁴⁶ Андрияшев. Материалы, стр. LVI—LVII. Ниже мы укажем некоторые оговорки частного характера к этому, в целом правильному, выводу А. М. Андрияшева. (Разрядка наша, — В. Б.).

⁴⁷ См., например, НПК III, стлб. 569: «В Замозском погосте великого князя села и дедовни оброчные новосведеных Лукинские Исакова сына Федотьяна».

⁴⁸ Андрияшев. Материалы, стр. LXX—LXXV.

⁴⁹ Сергей. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Вотской пятины (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905, стр. 135.

Таблица 43
Землевладение в Вотский пятине по писцовой книге
1500 г. со

Владельцы	Число обжей	%
	29191/2	18.9
Оброчные	1822	11.8
Поместные	80343/4	52.1
	21	0.2
	82	0.5
	1437 ²	0.9
	12583, ⁴	8.2
Владычные	33	0.2
Монастыри и церкви	1116	7.2

Эти убедительные цифры позволяют (по крайней мере, по отношению к Шелонской и Вотской пятинам) формулировать следующие главные выводы.

1. Новгородское боярское землевладение к концу XV в. было ликвидировано полностью, без остатка (буквально все боярские вотчины без изъятия).

2. Земли владыки ⁵¹ были конфискованы также почти полностью за ничтожными изъятиями.

3. Монастыри и церкви потеряли ³ свыше Д своих земельных владений. В Вотской пятине из 26917г обж. были конфискованы 15757г, по Шелонской из 4761 обж. — 42147г. Таким образом, по обеим пятинам было конфисковано 5790 обж. из 74527г обж., т. е. 77.7%.

4. Конфискованные земли в основной их части были использованы для раздачи помещикам (около половины земель по Шелонской пятине, свыше половины по Вотской).⁵²

5. К концу XV в. оставался весьма значительный фонд оброчных земель, еще не пущенных в раздачу помещикам. А. М. Андрияшев совершенно правильно указывает, что «испомещение» служилых не могло быть проведено быстро, так что «даже в 1498 г., во время переписи Валуева желающих и достойных получить поместья все еще оказывалось очень и очень недостаточно».

6. Много земель перешло в дворцовое ведомство, хотя часть дворцовых земель затем была переведена в оброчные.

7. Наконец, сохранились обломки земельных владений мелких собственников, архаических своеземцев (2000 обж. по Вотской и Шелонской пятинам).⁵⁴

⁵⁰

Сведения о дворцовых землях в Вотской пятине сохранились только частично.

⁵¹ Весьма характерное замечание делает переписчик Вотской пятины после описания оставшихся за владыкой 33 обж. в 2 погостах: «А опричь тех 2 погостов владычных деревень в Вотской пятине нет нигде» (НПК III, стлб. 10).

⁵² Раздача земель помещикам началась значительно раньше, чем была завершена конфискация вотчин. Самоквасовым опубликована грамота Ивана III о пожаловании поместьями Миги и Еремы Трусовых, детей Воробина, от 1482 г. (С а м о к в а с о в. Архивный материал, № 63-а). . . .

⁵³

Андрияшев. Материалы, стр. VIII.

⁵⁴

Мы оставляем в стороне спорный вопрос о том, какой смысл имел термин «своеземцы». Во всяком случае, даже В. И. Сергеевич, который толкует термин «свое-

Выборочная проверка на материалах Деревской и Бежецкой пятин не вносит существенных поправок ни в один из выше сформулированных выводов.

Материал по Обонежской пятине, особенно по северным ее погостам, дает некоторые основания для ограничения тезиса о повсеместном преобладании в конце XV в. поместного землевладения. Эти отдаленные от рубежей и слабо населенные земли не шли в раздачу помещикам, а оставались в большей части оброчными.⁵⁵ Все же в целом по отношению к новгородским пятинам тезис о преобладании в них с начала XVI в. поместного землевладения остается в силе. То преобладание поместного землевладения, которое для Московского государства в целом стало характерным лишь с XVII в., здесь установилось на столетие раньше. В Новгородских землях Московское государство раньше, чем где-либо, выступает как государство помещиков.

Главной социальной опорой нового московского порядка в новгородских землях должны были явиться переведенные с Низу военно-служилые люди, «испомещенные» на землях бывших новгородских вотчинников. Они и составляли основную массу среди тысячи с лишком новых владельцев земель, названных в новгородских писцовых книгах. Состав новгородских помещиков по происхождению отличался чрезвычайной пестротой. Среди имевших новых владельцев земли порой мелькают имена виднейших московских князей и бояр, начиная с самого князя Ивана Юрьевича Патрикеева⁵⁶ (и они получали землю в поместье!). Были среди помещиков и старинные московские дворянские фамилии. Но массовая раздача поместий привела к тому, что в состав новгородских помещиков были введены люди и неродовитые. Поместьями было наделено немало «княженецких и боярских послужильцев», принимавших участие в новгородских походах со своими господами. Сохранилось указание, что в 1483 г. по «изволению» Ивана III были «распущены из княженецких и из боярских дворов служилые люди», которые «испомещены» на новгородских землях.⁵⁷ В выборке, составленной в XVI в. по писцовой книге Вотской пятины Дмитрия Китаева, приведен перечень «испомещенных» в Вотской пятине послужильцев («... которые и чьи послужильцы испомещены»). В нем названы шесть семей послужильцев князя Семена Ряполовского, пять семей — боярина Шереметева, семнадцать семей послужильцев Тучковых (восемь — Ивана Тучкова, девять — Василия Тучкова). Как известно, в научной литературе давно ведется спор о том, считать ли этих послужильцев вольными людьми или холопами. В последнее время К. В. Базилевич отстаивал взгляд на послужильцев как на холопов.⁵⁸ (Этой же точки зрения придерживается и

земец» широко, включая сюда и бояр, готов признать, что в новгородских писцовых книгах конца XV в. под своеземцами понимаются сохранившие пока землю мелкие землевладельцы. «Иван Васильевич, — пишет он, — начал конфискацию с земель крупных бояр, как более опасных противников московских порядков. Более мелкие своеземцы остались пока на своих отчинах» (В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб., 1903, стр. 7).

⁵⁵ Это имеет силу в еще большей мере по отношению к новгородским волостям, в том числе и к Двинской земле (см.: Рождественский. Двинские бояре, стр. 137).

⁵⁶ Получившего огромную волость Березовец Марфы Бюрецкой (НПК I, стлб. 639—652).

Дела Тайного приказа, кн. II, РИБ, т. XXII, стлб. 29—30. Существовала также «верстальная книга», составленная в 6996 г.: «А в ней писано, какие роды при державе великого князя Ивана Васильевича в Новгороде ведены, кто откуда взяли».

⁵⁸ К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века. Исторические записки, т. 14, 1945.

А. И. Яковлев в своем исследовании о холопстве).⁵⁹ Б. Д. Греков, развивая взгляды В. И. Сергеевича и Н. Н. Павлова-Сильванского, возражая против упрощения вопроса К. В. Базилевичем, убедительно показал, что состав княжеского и боярского двора (московского ли, или новгородского) включал и слуг вольных.⁶⁰ Но если эти «княженецкие и боярские послужилцы» не все были холопами (и даже если они все были вольными слугами), наделение их поместьями современниками феодалами, столь проникнутыми заботами о родовой чести, было воспринято как засорение рядов служилых землевладельцев. Ревность о чистоте состава помещиков привела к составлению «новгородской писцовой поганой книги» и к широко распространенным попрекам новгородских помещиков за их происхождение. С легкой руки «поганой книги» в общественном мнении служилых людей Московского государства установилось ложное убеждение, что принадлежность к новгородскому поместному дворянству являлась «потеркой роду»,⁶¹ писал усердный исследователь генеалогий русских дворянских фамилий.

Новгородское дворянство продолжало пользоваться дурной репутацией в глазах ревностных почитателей местнических традиций и позднее. Тот «старого покроя стряпчий», устами коего А. Н. Радищев изложил аргументацию защитников привилегии «породы», противопоставлял новгородское дворянство знатным «честным» родам. Ревностный защитник «Родословца», пресмыкающийся перед кошельком знати, так отзывался об отмене местничества: «Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством».

Не обнаруживая большой разборчивости при верстании новгородских помещиков, московское правительство, однако, не допускало в их ряды новгородских бояр и житых. Исключение было сделано только для новгородской военно-служилой мелкоты, поелужильцев новгородских бояр. По последнему вопросу — об «испомещении» поелужильцев новгородских бояр документы сохранили сравнительно большой материал, который позволяет уточнить некоторые вопросы политики Ивана III в Новгороде. Послужильцы новгородских бояр всего шире были использованы для службы в Ивангороде. Вопрос о служилых людях ивангородцах заслуживает того, чтобы подвергнуть его подробному рассмотрению.⁶³

Военное значение поставленной в 1492 г. крепости Ивангород было весьма велико, если учесть ту остроту, какую приобретали русско-ливонские и русско-шведские отношения после того, как московский князь, присоединив Новгород, по-новому поставил вековые вопросы русской политики на Балтике. Но новая русская крепость не выдержала первого боевого испытания. Когда во время войны со Швецией в августе 1497 г. шведы на 70 «бусах» подступили по Нарове к Ивангороду, они не встретили здесь серьезного сопротивления. «В граде же не бысть воеводы, и людей бе мало,

⁵⁹ А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве по архивным документам Холопного и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда, т. I, М., 1943.

⁶⁰ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 493—498.

⁶¹ Н. В. Мятлев. Десятки Вотской пятины 1605 г. Известия Русского генеалогического общества, вып. 4, 1911, стр. 447.

⁶² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Тосно». Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 231.

⁶³ Ряд интересных соображений о служилых людях ивангородцах выдвинут в указанной работе К. В. Базилевича «Новгородские помещики из поелужильцев в конце XV века». (Исторические записки, т. 14, 1945). Мы пытались привлечь некоторый дополнительный материал, не использованный К. В. Базилевичем, ограничившим себя в связи с темой статьи переписной книгой Вотской пятины.

и запасу ратного не бысть в граде», — отмечает летопись. Не оправдал доверия правительства и наместник ивангородский, поведение которого получило следующую ироническую похвалу от летописца: «Удалый же воевода и наместник ивангородский именовъ князь Юрий Бабичъ, наплнився духа ратна и храбра нимало супротивитя супостатом, ни гражан скрепив, но вскоре устрашився и побеже из града». ⁶⁴ Покинутый трусливым наместником, город был взят шведами 26 августа и сожжен. «Немцы же град илениша и не обретоша в немъ противящегося им, вскоре пограбиша животы и товары бесчисленно, а людей иссекоша, а иных с собою в плен ведоша».

События 1497 г. заставили московское правительство, очевидно, вновь серьезно заняться укреплением Ивангорода и в особенности обеспечением его военнотружильными людьми. Надо думать, непосредственно после этих событий, в 1498—1499 гг., были набраны и «испомещены» те служилые люди ивангородцы, о которых упоминают новгородские писцовые книги письма 1498—1501 гг. ⁶⁶ Для наделения ивангородцев были взяты земли в Шелонской пятине (в Сумерском погосте) ⁶⁷ и в Вотской пятине (в погостах Врудском, Лъешском, Ястребинском, Каргальском, Радшинском, Толдожском и Опольском). Эти погосты были расположены по нижнему течению Луги и ее притоков, а также по побережью Финского залива (от Копорья до устья Луги). Расстояние наиболее, удаленных от Ивангорода селений равняется примерно 70 км.

Число «испомещенных» ивангородцев может быть установлено только приблизительно. По Вотской пятине писцовая книга называет поименно всех ивангородцев, которым отведены поместья. Их названо 90 чел. да при них указано взрослых сыновей 31. ⁶⁸ Следовательно, общее число служилых ивангородцев, «испомещенных» в Вотской пятине, было 121 чел. По Шелонской пятине поименных сведений не имеется. В описании Сумерского погоста указан лишь общий размер отведенной ивангородцам земли 21572 обж. Если учесть, что обычный размер поместья для служилых ивангородцев равнялся 5 обж. (об этом ниже), то можно примерно установить число «испомещенных» в Сумерском погосте ивангородцев в 40—45 чел. Таким образом, общее число испомещенных ивангородцев было не менее 160 чел.

Писцовая книга Вотской пятинны позволяет относительно почти всех служилых ивангородцев определить их прежнее социальное положение (из 90 поименно названных служилых ивангородцев только в трех случаях нельзя установить их происхождение). Кто же они — эти вновь посаженные на землю в 1498—1499 гг. военнотружильные люди? Почти все они — бывшие люди новгородских бояр, при этом по преимуществу люди «великих бояр», недавних властителей новгородской земли. Ликвидация боярских вотчин сопровождалась роспуском боярских дружин (тех «сбоев холо-

⁶⁴ Соф. I л. (ПСРЛ, VI), стр. 42.

⁶⁵ Там же; см. также: П I Л, стр. 82; Н IV Л, стр. 459, 468, 534.

⁶⁶ Предположение, что ивангородцы были «испомещены» именно после событий 1497 г., можно подкрепить двумя соображениями: 1) ни об одном из ивангородцев, указанных в писцовых книгах, нет упоминания о взятии его в плен немцами или пубели на войне (что следовало бы ожидать, если бы они были в Ивангороде в 1497 г.); 2) за некоторыми ивангородцами числятся «пустые» дворы и обжи (НПК III, стлб. 853, 855, 856 и др.), переданные им для ведения хозяйства, но пока еще ими освоены, что заставляет думать о недавней передаче земель.

⁶⁷ В Сумерском же погосте были отведены земли и наместнику ивангородскому.

⁶⁸ В последнее число включены только названные переписчиками по именам сыновья, которые, очевидно, несли службу вместе с отцами.

пов», с которыми бояре ходили в новгородские волости). Московский князь готов был принять к себе на службу этих боярских поелужильцев, очевидно, не считая их опасными носителями новгородских политических традиций (см. табл. 44).

Таблица 44

Служилые люди ивангородцы в Вотской пятине (по их бывшему положению)

Бояре	Число служилых людей	Число взрослых сыновей	Всего
Богдан Есипов	25	8	33
Настасья Григорьева	18	3	21
Лука Федоров	9	1	10
Василий Кузьмин	7	3	10
Михаил Есипов	3	6	9
Иван Лошинский	3	3	6
Михаил Селезнев	1	3	4
Григорий Тучин	3	—	3
Марфа Исакова	2	1	3
Иван Немиров	3	—	3
Матвей Грузов	2	—	2
Яков Селезнев	2	—	2
Родион Норовов	2	—	2
Люди других новгородских бояр ⁶⁹ (Берденева, Казимира, Бабкина, Федотьева, Кудрежкина, Рушевского)	6		6
Прочие или невыясненные	4	3	7

Таким образом, из 90 служилых ивангородцев, «испомешенных» в Вотской пятине, 86 были несомненно людьми новгородских бояр (или, если учесть и взрослых сыновей, из 121 человека взрослых служилых 114 были слугами новгородских бояр или детьми боярских слуг). Эти вновь испеченные помещики были в большинстве своем слугами влиятельнейших новгородских бояр, «великих бояр», хорошо известных по летописи. Среди их господ фигурируют и Богдан Есипов с Лошинским, «выведенные» из Новгорода еще в 1476 г., и Марфа Борепкая, «выведенная» в 1478 г. и «славная» боярыня Настасья, «пойманная» в 1484 г.

Источники не позволяют, к сожалению, выяснить поведение боярских людей в годы крушения новгородской самостоятельности. Неясно, в какой мере они оставались верными своим господам в трудные для них дни. Только о судьбе людей Ивана Кузьмина Савелкова летопись дает интересное указание: «Сбежал... с 30 слуг своих, и король его не пожаловал, и люди отстали от него, и он сам-третьей прибежал на свою отчину в Новгород».⁷⁰ Приведенные выше данные об ивангородцах позволяют думать, что дружины некоторых бояр (например, Богдана Есипова и Настасьи Григорьевой) в значительной части обнаружили готовность служить новому государю. Но это вряд ли может быть отнесено ко всем новгородским боярским дружинам. Иначе невозможно объяснить полное или почти полное отсутствие среди служилых ивангородцев поелужильцев некоторых влиятельнейших великих бояр. Так, среди них нет ни одного слуги Овиновых, Ананьиных, Якова Короба, Олферия Офонасьева, Александра Самсо-

⁶⁹ По одному человеку.

⁷⁰ Соф. II л., стр. 236.

нова. Единицами представлены и боярские дворы, таких крупнейших вотчинников, как Марфа Исакова, Казимир, Берденев.⁷¹

Вглядимся несколько пристальнее в состав послужильцев двора Богдана Есипова, из которого вышло особенно много служилых ивангородцев. Из 25 служилых людей Богдана Есипова 8 относятся к одной семье (Гулидовых или Туликовых). Семеро из Гулидовых — братья: Гридя, Максим, Олферий, Поташ, Савелий, Тимофей, Фома Борисовичи. Очевидно, отец их был человек «с именем». Гулидовы были записаны в писцовую книгу «с отчеством». Разросшаяся семья одного из есиповских слуг, Гулидовы сравнительно крепко держались друг за друга. Пятеро братьев получили землю рядом в сельце Велкоте (Радшинского погоста). Они цепко ухватились за полученную ими землю и сумели удержаться в составе новгородских помещиков до времен опричнины. В писцовой книге Шелонской пятины 1571 г. встречается упоминание «о пятиобежнике» Истоме Максимове Гулидове,⁷² надо полагать, сыне Максима Борисовича. Там же упоминается помещик Васька Гулидов. О помещиках Гулидовых (Василии, «земце» Юрии и «пятиобежнике» Иване Михайловиче), владеющих землей в Петровском погосте Ямского уезда Шелонской пятины,⁷³ встречаются упоминания и в других документах 70-х годов XVI в.⁷⁴

Кроме семьи Гулидовых, среди бывших людей Богдана Есипова было еще несколько лиц «с отчеством»: таковы три брата Морозовы (Иван Базар, Михаил и Павел Овсеевы), два брата Назимовы (Яков и Демех Нестеровы), да Подозванов (Иван Юрьев) и Козлов (Палка Иванов). Большинство людей названо просто по именам (без отчества) и порою с грубоватыми кличками вместо фамилий. Васюк Данилов, Микитка да Ивашка Кошкины, Сидорик Максимов, Ивашко Никитин, Савостьян Рыков, Костя Тиняков, Харитонко Федоров и Игнат Черт — все это, очевидно, мелкие послужильцы большого боярина, а может быть, и холопы его. Примерно к аналогичным выводам приводит ознакомление с послужильцами других бояр.⁷⁵

Московское правительство, верстая на службу боярских послужильцев, отводило им весьма скромное место в иерархии московских служилых людей. Порою называя их помещиками,⁷⁶ оно не приравнивало их к другим помещикам. Показательно, что составители писцовых книг описывают владения ивангородцев после земель помещиков, но перед своеземцами, отмечая этим промежуточное положение ивангородцев между помещиком и своеземцем. Их скромное положение подчеркивается и скромными размерами отводимых им земель. Размер владений ивангородцев обычно (в 80% случаев) колеблется между 4 и 6 обж. Значительное превышение размеров поместья имело место лишь в тех случаях, когда у служилого человека были взрослые сыновья, не отделившиеся от отца, но, очевидно, несшие

⁷¹ Убедительность последнего довода несколько снижается тем обстоятельством, что список служилых ивангородцев сохранился не полностью. Но все же мы имеем сведения более чем о двух третях их состава.

⁷² «А была та обжа (в Тязвине) за пятиобежником за Истомою Максимовым, сыном Гулидова, а Истомы не стало» (НПК V, стлб. 567—568).

⁷³ Петровский погост расположен около Ивангорода. В него входило Ивангородское Окологородье и все земли между нижним течением рек Наровы и Луги и морем (см.: Андрияшев. Материалы, стр. 445).

⁷⁴ Сам. о квасов. Архивный материал, стр. 45, 54.

⁷⁵ Укажем добавочно лишь на то, что среди ивангородцев встречаемся с одним дьяком (дьяк Еска, человек боярина Грузова). Это единственный случай, когда речь идет не о военном послужильце.

⁷⁶ См., например: НПК V, стлб. 420.

военную службу. Так, бывшему поедужильцу Настасьи Григорьевой Панфилу Феофилатовичу Пано было отведено 13 обж., но у Пана значилось 5⁷⁷ сыновей, из них 3 взрослых («Микитка, Васюк, Алексей да 2 меньших»). Точно так же Демеху Назимову (человеку Богдана Есипова) с тремя взрослыми сыновьями было отведено 15 обж.,⁷⁸ Ивану Олферьевичу Быкову (человеку Василия Кузьмина) с 2 взрослыми сыновьями и 2 меньшими — 17⁷⁹/г обж. По существу, в этих случаях дело шло о наделении землею не одного служилого человека, а нескольких членов одной семьи. Таким образом, выдвинутое выше положение о колебании надела на одного служилого ивангородца в пределах от 4 до 6 обж. подтверждается и этими примерами. Больше того, есть основание утверждать, что правительством была установлена для ивангородцев определенная норма в 5 обж. Это утверждение может быть покреплено не только тем обстоятельством, что почти половина ивангородцев имела поместья в 5 обж., но еще больше существованием специального термина «пятибежник», употребляемого для обозначения служилых ивангородцев. В писцовой книге Шелонской пятины чередуются как равнозначные термины «ывангородские помещики» и «ывангородские пятибежники».⁸⁰ Термином «пятибежники» пользуются документы и времен Ивана IV.⁸¹

«Испомещение» «пятибежников» приводилось в отличных от обычного испомещения формах, определявшихся стремлением правительства обеспечить несение ивангородцами постоянной службы в Ивангороде. Их «испомещали» обычно гнездами по несколько человек в одном селении, выбирая преимущественно крупные селения. Так, в селении Велкота Ратчинского погоста (бывшая боярщина Ивана Кузьмина) на 25 обж. было «испомещено» 5 ивангородцев, в с. Нос Каргальского погоста на 45 обж., в бывшей Казимировской волости, — 9 ивангородцев, а в с. Воиславле Врудского погоста (бывших владениях Юрьева монастыря) на 50 обж. — 10 ивангородцев.⁸² Земля между ивангородцами, «испомещенными» в одном селении, нередко не была разделена, а делился только доход с нее. «А из тех обож доход им себе имати по расчету по обжам», — такой формулой определяла в таком случае писцовая книга доходы отдельных ивангородцев. Очевидно, многие ивангородцы не вели своего хозяйства и не жиди в своих владениях (писцовая книга не упоминает ни разу «о больших дворах» во владениях ивангородцев).⁸³ Таким образом, «испомещение» ивангородцев, по сути дела, сводилось не к наделению их землей, а к предоставлению им права получать доход с определенного числа обжей). При этом во многих случаях доход⁸⁴ поступал уже в форме денежного оброка (так, в Каргальском погосте⁸⁴ во всех без изъятия владениях ивангородцев введено чисто денеж-

⁷⁷ НПК III, стлб. 566.

⁷⁸ Там же, стлб. 935.

⁷⁹ Там же, стлб. 931—932.

⁸⁰ НПК V, стлб. 420, 424—425.

⁸¹ Так, один из документов, приводимых Д. Я. Самоквасовым, говорит о передаче деревень двух ивангородских «пятибежников» в опричнину (Самоквасов. Архивный материал, стр. 2; ср. также стр. 45).

⁸² Интересно отметить, что ивангородцы никогда не получали землю во владениях своих юспод. Вряд ли это случайно.

⁸³ Последнему выводу как будто противоречит передача некоторым повгородцам по нескольку пустых дворов и обжей. Такие случаи отмечены в писцовых книгах в 4 селениях (Сеглицы, Робичицы, Воиславль Врудского погоста и в Ратчи Ратчинского погоста). Но и эти пустые дворы переданы, вероятно, не для того, чтобы ивангородцы завели на них свое хозяйство, а лишь для того, чтобы они позаботились об их заселении.

⁸⁴ Каргальский район — экономически развитый район со значительной крестьянской железодельной промышленностью.

ное обложение, и на долю каждого служилого приходится в среднем около рубля). Следовательно, фактически в этом случае наделение землей превращалось в назначение служилому человеку денежного жалованья, с возложением на него обязательства самому собирать его с крестьян. Но чаще денежный доход сочетался с продуктовым оброком (зерном, баранами, полтями мяса, бочками пива, горстями льна и т. д.), что придавало доходу служилого человека более архаического облик, но не меняло существа его отношений к земле и крестьянам. Можно в основном согласиться со следующим выводом К. В. Базилиевича: «Поместье для ивангородца, бывавшего в нем редким гостем, являлось особым видом кормления, обеспечивавшего боевую готовность⁸⁵ служилого человека, поставленного на страже московской границы». Возражение вызывает у нас лишь применение в данном случае термина «кормление», ибо дело шло о предоставлении земли не во временное пользование, а о прочном владении с тенденцией превращения его в наследственное, как это мы видели выше на примере Гулидовых.

*

Подводя основные итоги по вопросу о ломке вотчинного землевладения в Новгородской земле, мы приходим к следующим выводам.

1. Выкорчевывая корни новгородского политического порядка, правительство Ивана III полностью ликвидировало крупное новгородское вотчинное землевладение.

2. Землевладельческий класс в Новгородской земле составил в основном из московских «переведенцев». Из местных новгородских военнотружильных людей в его состав были введены (если не считать близких к крестьянам своеземцев) только боярские послужильцы. Они стали низшим «чином» среди новгородских землевладельцев, заняв положение среднее между помещиками и своеземцами.

3. Господствующим видом феодального землевладения стало поместное.

III

Ликвидация боярского вотчинного землевладения и вечевого строя остро ставила вопрос об организации на новых началах управления Новгородом и его землями.

Вглядываясь в систему управления Новгородом и его землями при Иване III, историк не может не отметить на первых порах своеобразного сочетания новгородской и московской «пошлины» с намечающимися очертаниями новой бюрократически-дворянской государственности. Чтобы показать, насколько были еще сильны новгородские традиции, можно, например, привести летописные сообщения 1490 г. о перестройке новгородских укреплений. «Того же (6998, — В. Б.) лета поставлен бысть град камен в Великом Новгороде повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси при архиепископе Геннадии: на 2 части города великого князя денги, а треть Геннадий владыка своими денгами»⁸⁶. Привлечение к строительству Кремля владыки напоминает о былой роли архиепископа как верховного сеньора Новгорода. Не менее характерно в этом отношении сообщение о сооружении новых укреплений вокруг города в 1502 г.: «Обложен

⁸⁵ К. В. Базилиевич, ук. соч., стр. 79.

⁸⁶ Н IV Л, стр. 527, 528, 459.

бысть Великий Новгород болший по обама странама Волхова около, и пригон бысть крестяном Новгородской отчины, присуда.⁸⁷ Заложено бысть основание мая в 12 день... повелением государя великого князя Ивана Васильевича и сына его великого князя Василья Ивановича и при архиепископе новгородском Генадии и при старостах новгородских Ивана Елизарова и Володимера Тороканова и Фоме Саларева». Эти записи создают представление, будто бы даже в конце правления Ивана III первыми лицами в Новгороде являлись владыка и новгородские старосты.

Это представление, однако, весьма далеко от действительности. Подлинными властями в Новгороде были не они. Гораздо более близкую к действительности картину рисуют записи разрядов за эти годы. Так, под 7009 г., приказывая наместникам отправиться во главе рати в поход, государь предписывал «в Новгороде быти с владыкою Генадием Андрею Андреевичу Колычеву да дворецкому новгородскому Ивану Волынскому, да диаку Сумороку Вокшерину». В этой записи названы подлинные правители Новгорода и его земель, проводники политики московского государя. Ими (были прежде всего наместники, дворецкий и дьяк великого князя. Этих лиц называет и летопись при описании торжественного крестного хода вокруг стен города в декабре 1499 г.⁹⁰ «Ходил архиепископ Генадий со кресты около города нового каменого, да с ним игумены, и попы и дьяконы,⁹¹ всем собором, и с наместники, Андрей Федорович, да Иван Андреевич,⁹¹ да и дворецкой Иван Михайлович Волынской, да диак Иван Суморок за кресты с архиепископом не ходил». Перед «отпуском» владыка «крестом благословлял и водою святою кропил» сначала наместников,⁹³ затем «великого князя дворецкого, и детей боярских, и весь народ». Среди новгородских наместников Ивана III наиболее значительной фигурой был Яков Захарьин. Знакомый непосредственно с новгородскими делами с 1479—1480 гг. в связи с участием в третьем походе Ивана III в Новгород, он стал наместником новгородским в начале 80-х годов. (Во всяком случае, в 1485 г. во время похода на Тверь, Захарьин уже руководил новгородской ратью, двинутой к Твери).⁹⁴ В 90-х годах⁹⁵ он неоднократно водил новгородские полки на Литву и шведов, оставаясь новгородским наместником примерно до 1497—1499 гг. Один из крупнейших воевод и советников Ивана III, Яков Захарьин в Новгороде выступал последовательным проводником московской политики, вырывающей корни новгородской самостоятельности. С его именем связаны решительные меры против новгородской оппозиции, массовые конфискации вотчин и «выводы» за действительную и мнимую вину. В истории конфискации новгородских вотчин, изложенной выше, летописи из всех новгородских наместников

⁸⁷ «Пригон» крестьян — тоже традиционная новгородская черта. Так, под 6938 г. читаем в летописи: «Того же лета пригон был «рестяном к Новугороду город ставити, а покручал четвертый пятого» (Н I Л, стр. 416).

⁸⁸ Н IV Л, стр. 610—611.

⁸⁹ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901, стр. 19, 29.

⁹⁰ Рассказ летописи (по Архивскому списку) ценен бытовыми деталями.

⁹¹ А. Ф. Челяднин и И. А. Колычев.

⁹² Н II Л, стр. 59—60.

⁹³ Там же, стр. 61. Дьяк Суморок Вокшерин, как указано выше в летописи, почему-то не участвовал в крестном ходе.

⁹⁴ См.: Воскр. л., стр. 218; Никош, л. (ПСРЛ, XII), стр. 217.

⁹⁵ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.), стр. 15, 18, 19, 22, 23.

упоминают только его имя: его «хотели убить» новгородские житии люди в 1489 г., он «пересек и перевешал» многих «думцев».

Наместники новгородские получали традиционный «корм». Но в организации «кормления» наметились некоторые новшества, важнейшим из них было выделение особых «кормленских волостей». Так, в Русском уезде были выделены «великого князя волости оброчные кормленские» или, как их ⁹⁶ называет /писцовая книга в другом месте—«кормленская волость». Размеры «кормленской волости», состоявшей в основном из земель Богдана Есипова и Олферия ⁹⁷ Офонасова (конфискованных еще в 1475—1476 гг.), достигали 2707г обж. Точно так же была передана ⁹⁸ из дворцовых земель в «оброчные кормленские» владычня волость Удомля, значительно превышавшая размерами «кормленскую волость» в Русском уезде. Согласно переписным книгам XVI в. «всех царевых и великого князя деревень в Удомле по старому письму по писцовым книгам и по новому письму деревень и з двома рядки 562 деревни... а обеж в них 1864, а сошного писма сох 621 с третью». Оброк на эту волость был определен в 108 рублей новгородских деньгами, а хлебом 233 кор. пшеницы, 466 кор. ржи, 466 кор. овса, 233 кор. ячменя. Да сверх того волостелю, тиунам и доводчикам ⁹⁹ «40 рублей, и 7 гривен, и 4 денги и наугородцкое число». Писцовая книга Шелонской пятины упоминает также некое «новое кормление» (из погостов Илменского и Михайловского), приписанное «душегубством» к Порхову. ¹⁰⁰ Но вопрос о назначении «нового кормления» (почему-то связанного с Порховом) остается неясным. Если не причислять это «кормление» к старым наместничьим «кормлениям», размеры выделенных для новгородских наместников «кормленских» земель представляются исключительно большими: они превышают 2000 обж.

Доходы наместников не ограничивались поступлениями с «кормленских волостей». Им шли пошрины с некоторых славившихся своими угодами селений. Так, с расположенного на низовьях Ловати большого селения рыбаков Взвада наместникам новгородским давали «посадничи пошлин денег полтора рубля новгородская, да за яловицу 12 гривен, да за 2 барана 10 денег, да дару наместникам 3 гривны, да за тоню утячью 4 гривны, да гребачие полтретьи гривны, да людям наместничим полторы гривны, и все идет с того погоста наместником и с людьми 3 рубли ноугородцкие и 8 денег, а берут ту пошлину наместничи откупщики новгородцы». ¹⁰¹ Если к этому добавить, что новгородские наместники получали земли и в поместья (так, у Якова Захарьина было поместье под Новгородом в Завержье) и что, наконец, пригородные села должны были снабжать намест-

¹⁰²ников сельскохозяйственными продуктами, ясно станет, что новгородские наместники щедро вознаграждались государством и что направлялись на этот ответственный пост влиятельнейшие сановники государства. (Среди новгородских наместников, кроме Якова Захарьина, встречаем имена князей Даниила Щени, Оболенских, Шуйских, бояр Колычевых, Челяднинных и др.).

⁹⁶ НПК V, стлб. 221.

⁹⁷ Андрияшев. Материалы, стр. 277—278.

⁹⁸ Одна из тех 10 волостей, которые были взяты у владыки в январе 1478 г.

⁹⁹ НПК V, стлб. 644—645; см. также: Самоквасов. Архивный материал, стр. ⁸⁰80—85.

¹⁰⁰ НПК, V, стлб. 162.

¹⁰¹ Там же, стлб. 358.

¹⁰² Крестьяне с. Ракома «давали двема наместником новгородским от Вздвижеваньева дни до Велика дни на всякую неделю 80 кочнов капусты, 80 реп, 20 веников, 2 вясла пятины» (там же, стлб. 289).

Рядом с московскими вельможами-наместниками гораздо менее импозантными выглядят другие представители московской власти в Новгороде — дворецкий и дьяк великого князя. Но реальная роль их в управлении новыми землями была чрезвычайно значительной. Существенное значение имело то, что и дворецкий и дьяк великого князя прочно сидели в Новгороде, в отличие от часто сменявшихся наместников. В ведении дворецкого Ивана Михайловича Волинского¹⁰³ находились все многочисленные дворцовые земли. В дворцовой избе, которой он руководил, хранились описи дворцовых земель. Дворцовые книги Бежецкой пятины 1501 г. начинаются такого рода записью: «Се книги Бежицкие пятины волостей дворцовых присланы с Москвы в Новгород к дворецкому к Ивану к Михайловичи) к Волинскому с подъячим с Гридею с Сидоровым лета 7009 февраля в десятый день».¹⁰⁴ Сохранилось упоминание о грамоте великого князя в 1493 г. И. М. Волинскому о выдаче им «корму» мазовецкому послу во время пребывания посла в Новгороде из великокняжеского двора.¹⁰⁵

Под руководством дворецкого работало значительное число дьяков и ключников. Среди них выделялись дьяк дворцовый и городские ключники, ведавшие отдельными отраслями дворцового хозяйства («сытный», «погребной», «сушильный», «хлебный»)¹⁰⁶. Низшая сельская администрация оставалась прежняя — сельские ключники. Следует отметить, что на низших ступенях дворцовой администрации использовались и бывшие холопы сведенных московских бояр. Таков, например, «Демитко истобник Марфинский», «которой в волости лен да белье збирает на великую княгиню».¹⁰⁷ Дворцовая администрация (и сам дворецкий, и дьяк дворцовый, и ключники городские и сельские) получали пошрины, преимущественно денежные. Кроме того, дворцовой администрации шли различные натуральные доходы. Так, с того же села Ракомы «дворецкому — на неделю. . . шло 40 кочнов капусты, 40 реп, 10 веников, свясло нятины, а на Петров день баран; да дворецкому ж на весь год 40 сажень дров, а за дрова имали денгами по 2 рубли».¹⁰⁸ За самим дворецким имелись и поместья в Шелонской пятине в Судоцком погосте (57 обж.) и в Паозерье (IV2 обж.), в Вотской пятине в Солецком погосте (48/г обж.), Городеньском и Теребужском погостах.¹⁰⁹ Описание Солецкого поместья Волинского (бывшей волости Овинова)¹¹⁰ свидетельствует о чрезвычайно крупных хозяйственных успехах дворецкого в его имении. «По новому писму» (1500 г.) в (Волости прибыло 17 дв. и 32 чел. (прирост совершенно исключительный). Так и напрашивается предположение, что дворецкий использовал свое положение во дворцовом ведомстве, чтобы поднять собственное хозяйство.

¹⁰³ Весьма вероятно, что упоминаемое в НПК «письмо Ивана Волинского» (НПК V, стлб. 289, 358) было* проведено при организации дворцовых сел (в Паозерье) тем же И. М. Волинским. Заложив основы дворцового хозяйства в Новгородской земле, он впоследствии возглавил управление им.

¹⁰⁴ НПК VI, стлб. 1.

¹⁰⁵ «И как приедет (мазовецкий посол) в Новгород и доколе побудет в Новгороде и ты бы ему велел давати корм с моего двора» (Сб. РИО, XXXV, стр. 94).

¹⁰⁶ Сам о кв а сов. Архивный материал, стр. 91, 97.

¹⁰⁷ Кострицкой (бывшие владения М. Борецкой).

¹⁰⁸ НПК VI, стлб. 25.

¹⁰⁹ НПК V, стлб. 289.

¹¹⁰ Мы не видим никаких оснований считать дворецкого Ив. Мих. Волинского и помещика Ив. Мих. Волинского разными лицами.

¹¹¹ Размеры последних поместий неизвестны.

¹¹² НПК III, стлб. 423—428. По другим поместьям Волинского не сохранилось подробных описаний.

Не менее значительной фигурой, чем дворецкий, был дьяк великого князя Суморок Вокшерин. В его ведении находились оброчные земли. Он ведал пожнями на Тигоде и Керести, а также различными тонями. Он сбирал оброк с «Великого Моха Вежытцкого, где крестьяне ловят соколов».¹¹³ Он владел несколькими поместьями. Наиболее значительное из них, Овиновская волостка на Тигоде, имела свыше 40 обж.

В отдельных городах Новгородской земли были посажены также наместники. Так, в Орешке в 1501 г. наместником был князь Владимир Туренин. В Кореле¹¹⁴ были даже два наместника — князь Иван Пужбольский и Юрий Сабуров.¹¹⁴ Об ивангородском наместнике Юрии Бабиче упоминалось выше. Наместникам были выделены земли в «кормление» (например, ивангородскому — в Сумерском погосте, ямскому — в Толдожском погосте).¹¹⁵ Размеры земельных владений за уездными наместниками были также весьма крупными. Так, за ямским наместником числилось 150 дв. Доход с них шел денежный. «И с тое волости оброк денежной и с дворцовыми пошлинами и с ключничего новою пошлиною имати наместнику ямскому».¹¹⁶ Размер оброка был установлен в 18 руб. и 6 гр. Кроме денежного дохода, наместнику было дано право ловить рыбу на озерах волости: «На те озера на поледную ловлю в осенинах, посылает наместник ямской свои поледчики, а ловят на наместника 5 ден».¹¹⁷

В качестве помощников наместников по управлению городом писцовые книги упоминают городчиков. Так, в Яме «внутри города двор наместнич, да внутри ж города двор городчиков».¹¹⁸ Городчик ямской — «Сенька Мустафа Михайлов сын Татьянин» — шереметевский человек.¹¹⁹ Он получил за службу значительное поместье (не «кормление!») в 56 обж. На них Мустафа со своей большой семьей, с взрослым сыном и двумя зятьями вел свое хозяйство. У Мустафы был свой «человек».¹²⁰ «4 обжи Мустафа с сыном и зятьею пашет на себя». Да с крестьян собирает «деньгами 13 гривен да 3 денги, а мелкого доходу 15 баранов, 20 полоть без полуполти мяса, десятеро куров, 3 лопатки бараньи, 21 сыр, 3 ставци масла, 20 бочек без полубочки пива, 3 пятки и полгорсти лну, пол-третья острамка сена, полшестидесят сажен дров, а из хлеба четверть да за четвертью 20 коробей с четверткой ржи, пол-третья-натцаты коробей овса, 13 коробей с четкою ячменя».¹²¹ Владение Мустафы было типичным крупным поместьем конца XV в., каких мы находим сотни в новгородских пятинах, с большим двором, с холопами, с своей запашкой (обычно меньших размеров, чем у Мустафы) и с крестьянами, уплачивавшими частью денежный, частью натуральный оброк.

Таким образом, управление новгородскими землями было возглавлено наместниками. Их значение в Новгородской земле, где не было вотчин (к тому же земле порубежной!), было чрезвычайно велико. Кроме военных дел, в руках наместников были сосредоточены также дела «судебные и земские». Естественно, что новгородскими наместниками были крупнейшие московские бояре и князья. В финансово-хозяйственном управлении чрез-

¹¹³ НПК III, стлб. 5, 363, 450, 451, 454, 461.

¹¹⁴ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.), стр. 29.

¹¹⁵ «В Толдожском же погосте в. к. волости яковльские Губина, была дворцовая, а придал ту волость к. в. наместнику ямскому я с оброком» (НПК III, стлб. 905—906).

¹¹⁶ Там же, стлб. 914.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, стлб. 885.

¹¹⁹ Шереметевскими людьми названы также зятья Мустафы (там же, стлб. 893).

¹²⁰ «Двор Мустафин человек Митя» (там же).

¹²¹ Там же, стлб. 896.

вычайно большое значение приобрели дьяки, дворецкий и великокняжеский, возглавившие «дворцовую» и «сезжую» избы. Получившая широкое развитие на новгородских землях поместная система становилась основной формой вознаграждения за службу. (Поместьями наделялись и дьяки, и дворецкий, и городчик). Система «кормлений» отступала перед сменявшей ее поместной системой.

На развалинах новгородских вотчин постепенно начинали закладываться основы дворянско-бюрократической монархии. В острой борьбе с новгородским боярством складывающееся московское самодержавие, порою ощупью и непоследовательно, вступало на тот путь, который привел позднее к опричнине Грозного.

IV

Если отношение Ивана III к новгородскому вотчинному землевладению после некоторых колебаний приобрело в 80-х годах полную ясность, то политика Ивана III по отношению к городскому населению присоединенной Новгородской земли представляется, на первый взгляд, полной противоречий. Исследователь порою обнаруживает со стороны московского государя попытки опереться на население новгородского посада, чтобы использовать его поддержку для борьбы с новгородской феодальной знатью, порою встречает сообщения о крутых мерах, направленных новою властью против новгородских купцов. Разобраться в этом вопросе чрезвычайно существенно для того, чтобы уточнить социально-экономическую политику московского правительств на важнейшем этапе складывания объединенного Русского государства.

Напомним прежде всего о роли посадских людей в решающие для новгородской самостоятельности 70-е годы XV в. О том, что новгородское боярство в XV в. наталкивалось в своей политике на сопротивление посада и оппозицию житых, совершенно определенно говорят летописные источники, причем как низовские, так и псковские. В рассказе о «мирном» походе Ивана III в 1476 г. Псковская третья летопись пишет: «Новгородци люди житии и моложшии сами его (Ивана III, — В. Б.) призвали на тья управа, что на них насилье держат как посадники и великие бояре, никому их судити не мочи; как тии насильники творили, то их также имет князь великий судом по их насильству по мзде судити».¹²² В рассказе о Шелонской битве, отмечая в составе новгородского войска преобладание купцов и ремесленников («...спроста рещи, плотницы и горчары и прочий, которий родився на лошади не бывали»), московская летопись многозначительно добавляет: «И на мысли, которым того не бывало, что руки поднята противу великого князя».¹²³ И та, и другая летопись подчеркивают тяготение различных элементов посада к великому князю, а первая из них указывает и на важнейшую причину этого тяготения: у великого князя они рассчитывали найти защиту от насильников и управу на них. У новгородского купечества была и другая важная причина тяготения к Москве — значение низовской торговли для новгородского купечества. В торговлю Новгорода с Низом были втянуты с обеих сторон сотни и даже тысячи купцов. При всяком разрыве Новгорода с Низом сразу начинали разбегаться и низовские и новгородские купцы, застигнутые врасплох разрывом.

¹²² П III Л, стр. 200. Текст исправлен согласно А. Е. Преснякову.

¹²³ Симеон, л, стр. 231. Эта же мысль отмечена и в других летописных сводах (см. выше, стр. 277).

Так, в 1478 г. при первых вестях о предстоящем походе Ивана III низовские купцы с товарами метнулись в Псков и даже в Литву: «... а за ним (за московским дьяком, — В. Б.) много гостей прибегоша низовских и с товары из Новгорода во Псков, а инии поехали на Литву».¹²⁴ Можно поэтому согласиться в основном с выводом по этому вопросу А. Е. Преснякова, писавшего: «Хозяйничанье боярской олигархии вызывало острое недовольство средних и низших слоев населения, а планы литовской партии шли вразрез с интересами новгородского купечества, тяготевшего по торговым связям к северо-восточной Руси».¹²⁵ Это, однако, не означает, что все купечество тянуло к Москве. Среди купечества были и сторонники литовской ориентации, послушно шедшие за Борецкими. Показательно, что Марк Панфильев, староста купецкий был деятельным сторонником литовской ориентации. Наличие среди купцов активных противников московской власти обнаруживается в арестах в Новгороде в начале 1479 г. Удар по жоакам «литовской партии» начался арестом 1 февраля Марка Панфильева («Февраля 1, на заговенье масляное, велел князь великий примати старосту купецкого Марка Панфильева и поймали его в городе»)¹²⁶ Но Панфильевы, тесно связанные с Борецкими, не отражают общей линии новгородских купцов. До 1478 г. их тяга к Москве и великому князю бесспорна.

И все же не прошло и десяти лет, как начались массовые «выводы» новгородских купцов. В 1487 г. было «выведено» из Новгорода во Владимир 50 купцов («лучших гостей»)¹²⁷, что подтверждает и Владимирский летописец, отрывки из которого недавно опубликованы М. Н. Тихомировым. А через год, в 1488 г., тот же, весьма осведомленный по данному вопросу, летописец записал: «В лето 6996 князь великий Иван Васильевич вывел из Новгорода новгородцев торговых людей много, и посажа их на житие, по всем городам московским».¹²⁸ Массовый «вывод» 1488—1489 гг. коснулся и купечества, обвиненного в участии в инсценированном наместниками и волостелями заговоре.¹²⁹ Новые московские порядки, насаждавшиеся наместниками, владыками (Сергием и Геннадием) и московскими дьяками, вызвали резкую оппозицию не только бояр, но и новгородского посада, привыкшего к державшемуся в течение столетий в Новгороде вечаевому строю. Чтобы сломить сопротивление посада был проведен массовый «вывод», ударивший по верхам посада, в том числе и по той их части, которая ранее придерживалась московской ориентации. Так, среди «выведенных» был Евфимий Медведнов, во дворе которого¹³⁰ останавливался Иван III во время Славенского стояния в 1479—1480 гг.

«Вывод» сопровождался отпискою на великого князя купеческих земель. Писцовые книги сохранили указания на конфискацию наряду с боярскими и церковными землями и купеческих вотчин. Так, в них имеются упоминания о переходе к новым владельцам земель купца Якова Царевичева,¹³¹ который принимал участие в переговорах с Иваном III в ноябре

¹²⁴ П III Л, стр. 211.

¹²⁵ Пресняков. Образование, стр. 436.

¹²⁶ Соф. II л., стр. 220.

¹²⁷ Никон, л. (ПСРЛ, XII), стр. 219.

¹²⁸ Исторические записки, т. 15, 1945, стр. 289.

¹²⁹ См. выше, стр. 322.

¹³⁰ Соф. II л., стр. 212. Медведнов принимал участие в переговорах с Иваном III зимой 1478—1479 гг. Соловьев видит в Ефиме Медведнове нового посадника (С. М. Соловьев, Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1845, стр. 99). Для этого нет никаких оснований.

¹³¹ В погостах Передолоком. Копорском и Косицком (НПК III, стлб. 177, 178; НПК V, стлб. 21, 28, 350).

1478 г., многочисленных купецких волосток Андрея Аврамова,¹³² довольно значительных владений купцов Григория Есипова¹³³ и Романа Окинфова (Онкифова)¹³⁴ и сравнительно не крупных владений купцов Степана Дюкова¹³⁵ и Павла Оверкеева.¹³⁶ «Вывод» купцов диктовался, таким образом, стремлением вырвать традиции новгородского вечевого строя, носителями коих являлись не одни новгородские феодалы, но и купцы, принимавшие участие в политической жизни Новгорода. Поэтому, когда Иван III нашел возможным привлечь часть новгородских гостей к более широкой экономической деятельности и перевести их для этого в более крупный центр, он все же не вернул их в Новгород, а перевел в Москву. Интереснейшее сообщение Владимирского летописца от 7012 г. говорит о переводе из Владимира и Переяславля «новгородцев гостей на Москву жить». Группу гостей, получивших возможность перебраться из экономически незначительных городов, какими были в начале XVI в. Владимир и Переяславль, в хозяйственный центр страны — Москву, возглавил названный выше Ефим Медведнов,¹³⁷ именуемый в летописях то житем, то гостем, участник переговоров 1477—1478 гг. В списке лиц, названных Владимирским летописцем вслед за Медведновым, значится среди прочих крупный землевладелец купец Григорий Есипов,¹³⁸ купцы-землевладельцы Игнат Коковкин¹³⁹ и Павел Оверкеев,¹⁴⁰ а также Карп Цветной, имевший землю в Русе.¹⁴¹

Таким образом, Медведнов и другие новгородские гости через 15 лет после «вывода» из Новгорода получили возможность вернуться к широкой деятельности, но не в Новгороде, а в Москве. Вернуть их в Новгород правительство Ивана III не нашло возможным. Там орудовали другие люди, московские воротилы, забравшие в свои руки новгородский торг. Соображения политического характера, борьба с действительной и потенциальной новгородской оппозицией заставили правительство Ивана III широко применить и по отношению к новгородскому купечеству традиционную политику «вывода».¹⁴²

¹³² «Дер. Заробчье Андреевская Аврамова купецкая» (там же, стлб. 67). У Андрея Аврамова имелись земли в погостах Дубровенском, Карачунском, Илеменском, Опоцком, Струпинском.

¹³³ Свыше 70 обж. в Карачунском и Облудском погостах (там же, стлб. 62, 68, 271).

¹³⁴ «Волостка за ним Романовская Онкифова купецкая» (там же, стлб. 10, 111). Владения Окинфова (всего свыше 30 обж.) находились в погостах Передольском, Ширском, Турском, Логовешском (НПК III, стлб. 163, 175; НПК V, стлб. 5, 8, 10, 29, 93, 111).

¹³⁵ НПК IV, стлб. 202; НПК V, стлб. 290, 293.

¹³⁶ НПК V, стлб. 16, 18.

¹³⁷ «В лето 7012 князь великий Иван Васильевич перевел из Володимера новгородцев гостей на Москву жить: Ефимья Медведнова с сыном, да Григорья Есипова, да Саву Офонасова с братом Федором, Юрья Еремеева, Олферья Мореву, Ивана Чюдова, Кузму Панкратьева брата, Михаила Моисеева, Игнатия Коковкина с братом Есипом. А из Переславля перевел Павла Оверкеева с сыном Федором, Василья Обрамеева с сыном Григорьем, Карпа Цветного на Москву жить» (М. Н. Тихомиров. Из Владимирского летописца. Исторические записки, т. 15, 1945, стр. 292).

¹³⁸ о Григории Есипове см. выше, стр. 164.

¹³⁹ НПК V, стлб. 8. 92—93.

¹⁴⁰ Там же, стлб. 16. 18.

¹⁴¹ Там же, стлб. 209, 213.

¹⁴² Те же меры были проведены в эти годы в Вятке после похода Щени и Морозова в 1489 г.: «А больших людей вятчан с женами и з детьми изведоша земских людей в Боровце да в Кременци посадил и поместья им подава и торговых людей вятчан же и иных во Дмитрове посади» (Н IV Л, стр. 527). Таким образом, и из Вятки были «выведены» не только земские, но и торговые люди.

V

Если политические соображения заставляли правительство Ивана III применить и к посадскому населению Новгорода политику «вывода», то соображения экономического порядка побуждали его оказывать содействие росту ремесла и торговли в Новгородской земле. В тех местах, где соображения политического порядка не вставали так остро, как в Новгороде или в Вятке, покровительственная политика правительства Ивана III по отношению к посаду выступает совершенно определенно.

Чрезвычайно интересный материал о покровительстве посаду дают писцовые книги в описаниях бывших новгородских пригородов. Так, к г. Кореле был приписан на правах города Сванский Волочек, ранее принадлежавший Валаамскому монастырю и выкупленный у него Иваном III. («А купил его, — записал писец о Сванском Волочке, — князь великий у Валаамского монастыря, а придал его в оброк и во все потуги городчанам к городу к Кареле»).¹⁴³ Здесь перед нами пример раннего освобождения поселения городского типа из-под власти феодала.

Политика покровительства правительства посаду сказалась и в обложении городов. Оброк горожан после перехода их под власть Москвы не только не обнаруживает тенденции к повышению, а скорее снижается. Так, в Ладого, городе сравнительно бедном, по «старому письму» при 84 дворах шло оброку 37г руб. (т. е. по 9 ден. в среднем со двора). По «новому письму» при приросте числа дворов до 108 (правда, при некотором снижении числа людей с 174 чел. до 137) оброк был снижен до 1V2 руб., т. е. всего до 3 ден. со двора.

¹⁴⁴ т. о.

же явление можно отметить в более богатом

г. Яме (см. табл. 45).

Таблица 45

Время	Оброк в г. Яме ¹⁴⁵		Денежный оброк	На 1 дв.	На 1 чел.
	Число дворов	Число людей			
«Новое письмо»	201	257	8 руб.	8.6 ден.	6.7 ден.
	239	332	6 „	5.4 „	3.9 „

При росте числа дворов и населения оброк с г. Ямы был снижен с 8 руб. до 6 руб., так что на один двор в среднем обложение снизилось на 3 ден. (относительно оброка Корелы и Орешка писцовые книги не дают точных сведений).¹⁴⁶ В самом большом городе Новгородской земли, в Русе, размер оброка был выше, чем в Яме и Ладого, он достигал 1 гр. со двора. Нужно, однако, учесть, что в Русе преобладали дворы большие, и если обложение рассчитать не по дворам, а по людям, то разница между Русой и другими пригородами сгладится (см. табл. 46).

Если учесть, что в г. Яме обложение на человека по «новому письму» составляло 3.9 ден., можно утверждать, что разница в оброке между Ямой и Русой была малозначительна.

¹⁴³ Врем. XII, стр. 12.

¹⁴⁴ НПК III, стлб. 959—960.

¹⁴⁵ Там же, стлб. 885.

не Чечулин. Города, стр. 49.

Таблица 46

Оброк в Русе (по Рогову и Песью концам)¹⁴⁷

Концы	Число дворов	Число людей	Денежный оброк	На 1 дв.	На 1 чел.
Рогов ¹⁴⁸	256	782	17 ^Г /2 руб. и 5 гр. (3850 ден.)	14 ден.	4.9 ден.
Песий ¹⁴⁹	359	1171	22 руб. и 2 ден. (4754 ден.)	13.2 „	4.1 „

Материалы писцовых книг по Русе не позволяют сравнить новый оброк со старым. Зато они включают интересные данные об изменении «позема» в связи с переходом городской земли к московскому князю. В Русе, как сказано выше, в отличие от других городов, в новгородское время вся городская земля, за очень немногими исключениями, принадлежала феодалам, которым горожане уплачивали «позем» (солью или деньгами). После присоединения их к Москве значительная часть дворов перешла от новгородских вотчинников к великому князю, и в этой связи произошло изменение размеров «позема».

Попробуем сравнить размеры «позема» при старых владельцах с размерами его после перехода земли к великому князю. В Роговом конце к великому князю перешло (от Григория Тучина, Берденевых и других крупных и мелких бояр) 38 дв.¹⁵⁰ Прежним владельцам они платили частью солью (11 размеров соли), частью деньгами (2 руб. и 11 ден.). Если учесть только те дворы, которые платили оброк деньгами (их было 29), то средний размер «позема» со двора составлял ранее 443 ден. : 29 = 15.3 ден. По отдельным дворам он колебался чрезвычайно резко: от 5 гр. до 7 ден. (т. е. до полугривны). При великом князе «оброку на них положено и за позем полчетверти рубля наугородцам и 3 гривны».¹⁵¹ Если из общей суммы оброка и «позема» (798 ден.) вычесть оброк (по гривне со двора), то окажется, что «позем» с 38 дв. был установлен в 266 ден. Это составит с 1 дв. всего по 7 ден. Таким образом, все дворы уплачивали по «новому письму» «позему» значительно меньше, чем раньше платила та их часть, которая уплачивала «позем» деньгами. Размер «позема» был снижен до самого низкого «позема», какой уплачивался при новгородских владельцах.

К таким же выводам приводят и данные по Мининскому концу, где к великому князю перешло 105 дв. Прежним владельцам они уплачивали «позема» «полосма рубли и пол гривны и 2 денги да 2 размера соли». Если отбросить один двор, плативший «позем» солью, то в среднем на каждый двор придется почти по 16 ден. (15.8 ден.) При великом князе «оброку на них положено 10 рублей наугородцам и 3 гривны и 3 денги и за позем»,¹⁵² что составит на 1 дв.—2205 ден. : 105 = 21 ден. За вычетом 1 гр. оброка со двора получаем и здесь «позем» в размере по полугривне (7 ден.) со двора. Если сравнить дворы великого князя с дворами, оставшимися

¹⁴⁷ По двум другим концам Русы (Середке и Минину) в писцовых книгах сохранились неполные сведения.

¹⁴⁸ НПК V, стлб. 203.

¹⁴⁹ Там же, стлб. 208.

¹⁵⁰ Там же, стлб. 193—194.

¹⁵¹ Там же, стлб. 194.

¹⁵² Там же, стлб. 213—214.

во владении феодалов (монастырей, владыки), легко установить существенное отличие. Так, в том же Миином конце 9 дв. Спасского монастыря в Русе уплачивали позема «рубль без шти денег» (т. е. 210 ден.), а великому князю «оброку на них положено рубль новгородской да полчетверты гривны з денгою опричь позема»,¹⁵³ (т. е. 266 ден.). Это составит на 1 дв. оброка 266 ден. : 19 = 14 ден., а «позему» 210 ден. : 19 = 11 ден. Следовательно, при одинаковом с великокняжескими дворами размере оброка «позем» с монастырских дворов оказывается выше на 4 ден. Аналогичную картину получаем и по другим феодальным владельцам, как это следует из табл. 47.

Таблица 47

Размер денежного «позема» в Русе на владычных и церковных землях

Владельцы	Концы	Число дворов	«Позем»	На 1 дв
	Рогов	2	21 ден.	10.5 ден.
		11	109 „	9.9 „
	„	32	2841/2 „	8.9 „
	„	14	120V2 „	8.6 „
Никольский монастырь Вежыш . . .	Середка	10	142 „	14.2 „
Никольский монастырь с Острова	„	7	143 „	20.4 „
Юрьевский из Миина конца . . .	„	24	424 „	17.3 „
Никольский из Городка	Миин	19	210 „	11

Таким образом, значительно колеблясь у разных владельцев (от 20.4 ден. до 8.6 ден.), «позем» везде оказывался выше, чем на землях великого князя. Стало быть, великокняжеская политика в этом вопросе сводилась к снижению «позема» и его уравниению. Фактически снижение «позема» оказывалось значительным по отношению к тем дворам, которые ранее были обложены особо высоким «поземом», т. е. к наиболее зажиточным дворам. Следовательно, представляется возможным утверждать, что правительственная политика московского правительства по отношению к посаду, при ее уравнительности по форме, по существу имела в виду главным образом верхи посада.

Отметим, наконец, также специальные меры, которые принимались для наделения горожан землею, как это имело место в Ладого. Согласно писцовой книге, в Ладого были намечены места для дальнейшего роста города и даны определенные указания относительно размера дворов. «Да в Ладого, — гласила инструкция, — велено давати места на дворы городцким людем ладожанам, а мера двору поперек 10 сажен, а в длину 15 сажен. А пашни им на тех местах и хмедников не метати и не пахати без дворов. А Семену давати места на помещщиковых местах, а на свеземцевых, и на монастырских, и на городцких людей полянах с ряду».¹⁵⁴

Таким образом, правительство Ивана III вело по отношению к новгородским пригородам покровительственную политику, заключающуюся: 1) в выкупе и изъятии из-под власти феодалов ремесленно-торговых поселений (Волочек Свенский), 2) в снижении оброка (Яма, Корела),

¹⁵³ Там же, стлб. 214.¹⁵⁴ НПК III, стлб. 960.

3) в снижении и нивелировке «позема» (Руса) и 4) в наделении земельными участками новых горожан (Ладога).¹⁵⁵

Городское «строение» при Иване III в Новгородской земле может быть отчасти иллюстрировано и материалом по Ивангороду, единственному новому городу, поставленному Иваном на Новгородской земле. Постройка большой крепости на р. Нарове, «русской Нарвы», была вызвана, как сказано выше, военными соображениями. Главное внимание московского правительства было направлено на сооружение укреплений и обеспечение новой крепости военными людьми.¹⁵⁶ Возводя Ивангород как крепость, правительство Ивана III принимало вместе с тем меры к превращению нового города в значительный торгово-ремесленный центр. Материалы писцовой книги 1498 г., описывающей Ивангород через год после разорения его шведами в августе 1497 г., свидетельствуют о больших успехах в этом направлении. Ивангород 1498 г. имел значительное по масштабам того времени посадское население.¹⁵⁷ По числу разнообразных ремесленников он опередил Корелу и Орешек и сравнялся с г. Ямой, заняв первое место среди городов Вотской пятины по проценту ремесленников. Среди ремесленников Ивангорода наряду с обычными профессиями (кузнецов, плотников, калачников) были и сравнительно редкие специалисты — торочечник, жерновник, учанник. О заметном размахе ивангородской торговли говорят четыре «купецкие двора» внутри города и дворы торговых людей на посаде: «на горе».

Значительную часть населения Ивангорода составляли люди неустойчивого хозяйственного положения, плебейский элемент города. Показательно, что в описании Ивангорода писец применил для обозначения социального положения части населения «казак» («На Подоле торговые люди и казаки»).¹⁵⁸ А термин «казак» на севере в ту пору употреблялся обычно для обозначения человека, не являвшегося самостоятельным производителем и, в отличие от бобыля, не связанного с сельским хозяйством. «Казак» — это кандидат в кабальные холопы.¹⁵⁹ Показательно также, что свыше тридцати ивангородцев названы только по имени без отчества, что обычно у московского писца означало определенную оценку социального положения называемых владельцев дворов.

Какими мерами и откуда было стянуто торгово-ремесленное население в новый город? Оно стекалось сюда не только из близкой округи из русских и «чудских» погостов западной части Вотской пятины (в населении Ивангорода был заметен «чудский» элемент, обнаруживаемый то по именам, то по прозвищам).¹⁶⁰ Среди населения были и переселенцы из далеких городов: «московитины», «псковитины», «ноугородцы». Всех их манили разные льготы горожанам экономического и финансового характера.

¹⁵⁵ П. П. Смирнов усматривает не без основания некоторые черты аналогичной покровительственной политики и по отношению к рядкам. Он пишет: «Весьма возможно, что росту рядков способствовали и писцы великого государя, которые при описании Новгородских пятин старательно выделяли „на государеву долю“ промышленные и торгозные группы населения как бы малы они ни были, и этим побуждали население, к их созданию, чтобы не попасть в поместную раздачу» (Смирнов. Посадские люди, стр. 76). Да и обложение рядовичей обычно было значительно ниже обложения земледельческого населения (см. выше, стр. 119).

¹⁵⁶ В этой связи было проведено исполнение «пятибожников» ивангородцев (см. выше, стр. 329—330).

¹⁵⁷ НПК IV, стлб. 227—230.

¹⁵⁸ Там же, стлб. 24.

¹⁵⁹ См.: Греков. Крестьяне на Руси, стр. 668.

¹⁶⁰ «Игалка Чюдин», «Федко Микуй», «Гришка Кигуй», «Данилко Чюдин» и др.

К городу были приписаны разные угодья и земли. «А угоден у ивангородцев в реке Нарове довля рыбная 80 колов».¹⁶¹ Третья часть большого села Наровского (с 62 дв.) была отдана ивангородским торговым людям («... великому князю в том селе треть... с великого князя трети имал доход ямской¹⁶² наместник; а ныне то село за Ивангородцы за торговыми людьми»). Село не было поделено между отдельными ивангородцами, являясь коллективным владением горожан.¹⁶³ Так создана была некоторая материальная база для обеспечения населения города сельскохозяйственными продуктами.

Писцовая книга не содержит никаких сведений об обложении ивангородцев. Не нужно ли видеть в этом косвенное указание на то, что жители нового города, к тому же недавно разоренного шведами, сидели на льготе? Нет никаких указаний в писцовой книге и на деление людей на «лучших», «средних» и «молодых», что, вероятно, тоже связано с тем, что перепись застигла город в момент его рождения. Это, конечно, не означает, что среди ивангородцев не было таких, кто больше других преуспевал в материальном отношении. Об одном из преуспевающих ивангородцев конца XV в, мы располагаем некоторыми сведениями. Один из четырех купецких дворов внутри города был занят новгородцем Иваном Холопцем. Этот недавний холоп, ставший купцом в Ивангороде, имел, кроме Ивангорода, участок в Русе, очевидно, занимаясь добычей соли или торговлей солью.¹⁶⁴ Кроме того, он пытался обзавестись землей: в Коростынском и Буряжском погостах Ивашко Холопец назван среди землевладельцев.¹⁶⁵

П. П. Смирнов в своем исследовании о посадских людях пришел к аналогичным выводам об Ивангороде и Яме XVI в., опираясь на немецкий источник. Он писал: «Успех в городе был обеспечен каждому, кто только волей или даже неволей становился в это время горожанином. „Воры и разбойники из тюрем и всякого рода негодяи, даже свинопасы посылаются туда“, т. е. в Ивангород и Яму — пишут нарвцы. „Люди, которые года два назад носили рыбу на рынок или были мясниками, ветошниками и садовниками, сделались пребогатыми купцами и финансистами и ворочают тысячами”». Цитируемый П. П. Смирновым источник относится к 20-м годам XVI в., но его содержание может быть отнесено уже к временам Ивана III, когда в городах открылись широкие возможности для деятельности различных Ивашек Холопцев.

VI

Для характеристики городской полигики Ивана III в самом Новгороде исследователь не располагает столь ценным и убедительным по своей массовости материалом, каким являются писцовые книги. Все же, сочетая сообщения летописей с другими документами, историк может уяснить смысл основных экономических мероприятий московского правительства в присоединенном Новгороде.

Московское правительство отнюдь не ставило перед собой задачи подорвать экономическую мощь Новгорода и его военное значение, как это

¹⁶¹ НПК IV, стлб. 230.

¹⁶² Там же. стлб. 230—231.

¹⁶³ См. выше, гл. IV.

¹⁶⁴ НПК V, стлб. 203.

¹⁶⁵ НПК IV, стлб. 22; НПК V, стлб. 1, 2, 25, 36, 359.

¹⁶⁶ Смирнов. Посадские люди, стр. 69.

часто думают. Начнем с последнего вопроса. Московское правительство не только не разрушило новгородских стен, но приступило к перестройке Новгородского Кремля. «Поставлен бысть град камен в Великом Новгороде повелением великого князя Ивана Васильевича вesa Руси при архиепископе Геннадии».¹⁶⁷ О широте размаха московского военного строительства в Новгороде свидетельствуют не только летописные сообщения, но и сохранившиеся доныне стены Новгородского Кремля. Последний исследователь новгородского крепостного строительства (В. А. Богусевич) объясняет перестройку Новгородского Кремля в 1490—1500 гг. стремлением повысить его боевое значение с учетом приобретаемого все большее распространение огнестрельного оружия. «Стены Новгородского Кремля, построенные в первой половине XIV века и пережившие переворот в технике крепостного строительства, вызванного появлением и развитием огнестрельного оружия, были явно устаревшими и не соответствовали военной технике конца XV в. Этим обстоятельством и была вызвана грандиозная перестройка Новгородского Кремля, произведенная Москвой после присоединения Новгорода— с 1490 по 1500 год».¹⁶⁸ По мнению того же исследователя, «дело не ограничилось облицовкой кирпичом, как полагают некоторые исследователи. .. стены Новгородского Кремля были сначала утолщены при помощи плитняковой кладки и лишь затем облицованы кирпичом».¹⁶⁹ Перестроены были и башни Новгородского Кремля, часть которых (например, Дворцовая) по своему облику и устройству типичны для московской военной техники XV в. Вслед за Кремлем была реконструирована и внешняя линия городских укреплений. В Новгородской четвертой летописи (список Никольского) под 7010 г. имеется следующее сообщение: «Обложен бысть Великий Новгород болший по обема странами Волхова около».¹⁷⁰ Оно говорит о больших работах по наружному кольцу городских оборонительных сооружений, к которым приступили после перестройки внутреннего кольца. Наружное кольцо укрепления возводилось по старому валу («по старому спу»). Оно (даже стрельницы) было деревянным. Тот же самый список Никольского Новгородской четвертой летописи отмечает через два года окончание работ следующими словами, позволяющими судить о характере укреплений на городском валу: «В то лето свершиша городу рубление и у стрелниц у всех примостки и рядиша, и ворота иззамкнуша и сторожи установиша у всех стрелниц».¹⁷¹

Развернуты были работы и по перепланировке города. В Новгородской четвертой летописи (в двух списках) сохранилось интересное сообщение о присылке в Новгород Василием III (в начале его правления, в 1507 г.) боярина Бобра с поручением «урядити в Новгороде торгы и ряды и улицы размерити по-московьски».¹⁷² Список Никольского и в этом случае позволяет уточнить характер перепланировки города Василием Бобром:¹⁷³ «...улиц мерити, болши старого учиниша: 4 сажени ширина; и двory великы давати людем, и ряды торговые переведе по своему обычаю, не яко

¹⁶⁷ Н IV Л, стр. 527; см. также Н III Л, стр. 311.

¹⁶⁸ А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Новгород, 1939, стр. 143; см. также: Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород, М., 1947, стр. 106—108.

¹⁶⁹ А. Строков и В. Богусевич, ук. соч., стр. 143.

¹⁷⁰ J_T jy Стр 6-10 г других списках Н IV Л, приведены некоторые подробности (Н IV Л, стр. 460, 536).

¹⁷¹ Там же, стр. 611.

¹⁷² Там же, стр. 460, 536.

¹⁷³ Там же, стр. 612.

прежде было; а от стены не быти двором 40 сажен».¹⁷⁴ Деятельность московских властей по перепланированию города, получившая завершение в посылке Василия Бобра Василием III, началась еще при его отце — Иване III. Так, еще в 1503 г. часть ремесленников (хлебники, калачники, кузнецы) была выселена за пределы городской черты («Повелением великого князя выслаша за город хлебников, калачников и кузнецов жити на поле»)¹⁷⁵. Мера диктовалась, конечно, противопожарными соображениями.

Можно наметить и общие линии экономической политики правительства Ивана III в Новгороде. Расцвет новгородского ремесла во второй половине XVI в., о чем свидетельствуют писцовые книги конца XVI в.,¹⁷⁶ позволяет утверждать, что присоединение Новгорода к Москве и политика новой власти в Новгороде никак не затормозили развития новгородского ремесла (так же, как они способствовали развитию ремесла в пригородах Новгорода). Для того чтобы поддержать значение Новгорода как ремесленного центра, правительство прибегало к переселению, сюда ремесленников. Именами «московских приходцев» пестрит перечень ремесленников в писцовой книге конца XVI в.¹⁷⁷

Отнюдь не замерла и торговля Новгорода. О широком ее размахе после присоединения к Москве свидетельствуют фигуры крупнейших новгородских купцов конца XV и начала XVI в. Эти новые для Новгорода люди (тоже «приведенцы») по своему богатству и по своему влиянию не только не уступали, но превосходили новгородских купцов времени самостоятельности Новгорода. Крупнейшие из этих купцов к началу XVI в. стали самыми заметными лицами в Новгороде, если не считать владыки и представителей московской администрации.¹⁷⁸ Их имена часто появляются на страницах новгородских летописей. С их именами связано оживление новгородского строительства в начале XVI в. «В то же лето, — записал новгородский летописец под 7024 г., — не во многие гости московские и купцы новгородские и старосты, вси гражане христолюбивые люди, многие церкви каменные в Великом Новгороде и по посаду и до монастырям создаша, а иные старые починиша и обелиша известию».¹⁷⁹ Они пользовались покровительством правительства, выполняли поручения властей и владыки.

Цитированное выше сообщение Новгородской четвертой летописи списка Никольского о начале строительства внешнего кольца укреплений кончается следующей записью, подчеркивающей значение этой группы купечества: «Заложено бысть основание мая в 12 день по Пасце в седмый четверток, на 1-м часе дни, повелением господина великого князя Ивана Васильевича и сына его великого князя Василия Ивановича и при архиепископе новгородском Генадии и при старостах новгородских Ивана Ели-

¹⁷⁴ Василия Бобра Н. П. Лихачев считает таможенным дьяком (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 391). См. также о Василии Бобре в работе В. Е. Сыроечкового «Гости-сурожане» (М.—Л., 1935, стр. 88—90).

¹⁷⁵ Н IV Л, стр. 611.

¹⁷⁶ Они опубликованы В. В. Майковым и Б. Д. Грековым. Ремесло в Новгороде в XVI в. изучалось многими авторами. Важнейшие работы: В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому XVI в. Пгр., 1911; А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. Сб. Новгородского общества любителей древностей, вып. VI, ч. I, Новгород, 1911; А. В. Арциховский. Новгородские ремесла и др.

¹⁷⁷ Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в., СПб., 1912.

¹⁷⁸ О них см. выше, стр. 332.

¹⁷⁹ Н IV Л, стр. 540.

зарова и Володимера Тороканова и Фоме Саларева».¹⁸⁰ Названные здесь старосты принадлежали к трем важнейшим новгородским купеческим фамилиям XVI в. Ни один из этих старост не был новгородского происхождения. Все они были московскими «введенцами», так же как к московским «введенцам» нужно отнести и четвертую виднейшую новгородскую купеческую фамилию XVI в. Сырковых.¹⁸¹ Одна из этих купеческих фамилий (Саларевы) бесспорно принадлежала к числу старинных московских «гостей-сурожан». В частности, Фома Саларев достаточно хорошо известен по памятникам литературы и писцовым книгам.¹⁸² При переводе в Новгород Саларев получил не только обширные «места» в городе на Рогатице и Лубянице, но и участок земли в Сытинском погосте Деревской пятины; «противу его земель московских».¹⁸³ О деятельности Саларевых в Новгороде ничего неизвестно, кроме того, что Фома был старостой в 7010 г.¹⁸⁴

Несколько больше известий сохранилось о Таракановых. У вышеназванного старосты Владимира Тараканова, согласно писцовой книге, имелись деревни в Деревской пятине.¹⁸⁵ Кроме Владимира Тараканова, в писцовой книге назван также Микита Тараканов, за которым числились три боярщины, «что ему дал князь великий против его земель московских».¹⁸⁶ Сыном этого Никиты, очевидно, нужно считать гостя Василия Никитича, «старосту купецкого», который в 7027 г. по государеву слову был поставлен «судити с наместники».¹⁸⁷ В летописи названы также сыновья Василия Никитича Тараканова.¹⁸⁸ Наконец, в летописи имеется упоминание об Илье Тараканове и его вдове Елене.¹⁸⁹ Дворы Таракановых были на Рогатице. О богатстве Таракановых свидетельствует строительство ими каменных церквей.

Еще чаще в летописи упоминаются как строители церкви купцы Сырковы, в летописи именуемые то просто гостями, то гостями московскими. Постройкой Иваном Сырковым каменной церкви жен-мироносиц в 1510 г. начинается строительство московскими купцами церквей в Новгороде. Потомки Ивана Сыркова, особенно сын его Дмитрий и внук Федор Дмитриевич, пошли в этом отношении по его стопам.¹⁹¹

Новгородские старосты, строители каменных храмов, гости конца XV—начала XVI в. вместе с тем были и землевладельцами. Как землевладельцы они стояли в ряду прочих помещиков, мало чем выделяясь и размерами владений и доходом. Остановимся для примера на владениях Саларева, Таракановых и Елизарова.

За Фомою Саларевым значилось в Сытинском погосте сельцо и 8 дерев с 22 дв. (по «новому письму»)¹⁹². В них он вел свое хозяйство: в сельце был двор Фомы, где жил человек его Резан, в этом же сельце назван Фо-

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Впрочем, не исключена возможность того, что Иван Елизаров и гость Иван Сырков — одно и то же лицо.

¹⁸² В. Е. Сыроечковский, *Ук. соч.*, стр. 112.

¹⁸³ НПК II, стлб. 486—486.

¹⁸⁴ Еще меньше сохранилось известий о сурожанах Боровиковых, также переведенных в Новгород (см.: В. Е. Сыроечковский *Ук. соч.*, стр. 112).

¹⁸⁵ НПК II, стлб. 465—467.

¹⁸⁶ НПК I, стлб. 703—705.

¹⁸⁷ Н IV Л (список Дубровского), стр. 540.

¹⁸⁸ Н IV Л (список Никольского), стр. 616.

¹⁸⁹ Н IV Л, стр. 579.

¹⁹⁰ «И на Рогатицы заняло Таракановых дворы» (там же, стр. 617).

¹⁹¹ См., например: Н III Л, стр. 320.

¹⁹² По «старому письму» дворов столько же, но деревень больше (10).

мин ключник. Крестьяне села косили на Фому сено (100 коп.).¹⁹³ Доход с крестьян шел «пестрый»: и деньгами (707г гр.), и пятина хлеба, и разного рода «мелкий доход» (19 белок, 19 баранов, 19 сыров, 19 денежников масла, 190 яиц, 19 пятков лну, 19 возов дров). С владениями Саларева сходны владения Никиты Тараканова, пожалованные ему тоже «противу земель московских». У Никиты Тараканова в двух погостах (Листовском и Сытинском) были три боярщины, а в них «7¹⁹⁴ деревень да починок, а дворов в них пол-30, а людей в них 26 человек». Доход с них носил такой же пестрый характер: и деньги, и хлеб, и белки, и сыры, и пятки лна. Были, как упомянуто выше, земельные владения и у Владимира Тараканова (7 дер. с 12 дв.). Он получил их в 7007 г., как об этом указано в приписках к писцово́й книге («И те деревни отданы Володимеру Тараканову лета 7007»).¹⁹⁵ Еще больше земель принадлежало Ивану Елизарову (Сыркову?). Земельные владения Ивана Елизарова представляют особый интерес для характеристики многообразной деятельности новгородского купечества и положения его верхов. Поэтому приглядимся к ним несколько пристальнее. В Шелонской пятине Ивану Елизарову принадлежали два небольших участка (в Скнятинском и Илеменском погостах), в общей сложности всего две обжи. Доход с них шел натурой — полове хлеба и пяток лна.¹⁹⁶ Третий более значительный участок, положенный в 8 обж., находился в Петровском погосте. Доход с него не указан.¹⁹⁷ Главные владения Ивана Елизарова находились в Вотской пятине. Здесь ему принадлежали: 1) в Петровском погосте «деревни Ивана Елизарова да братанича его Михаля Купреянова» (5 дер.); 2) в Городенском погосте две «деревни купецкие Ивана Елизарова»; 3) в Каргальском погосте сельцо да четыре деревни «Ивана Елизарова купца».¹⁹⁸ Общие размеры владений Елизарова в Вотской пятине могут быть представлены табл. 48.

Таблица 48

Земельные владения купца Елизарова в Вотской пятине

Погосты	«Старое письмо»			«Новое письмо»		
	число дворов	число людей	число обжей	число дворов	число людей	число обжей
	6	10	9	8	7	7
	3	3	4	8	10	6
Каргальский	34	41	35	40	57	30
	43	54	47	56	74	43

Таким образом, перед нами сравнительно крупное земельное владение, превосходящее своими размерами многие поместья (хотя писец в описании погоста поместил владения Елизарова не только после помещичьих, но даже после владений мелких своеземцев). Отметим также, что владения Елизарова имеют тенденцию к росту. При сопоставлении «старого письма»

¹⁹³ НПК II, стлб. 486.¹⁹⁴ НПК I, стлб. 705.¹⁹⁵ НПК II, стлб. 465.¹⁹⁶ НПК V, стлб. 40, 42, 161, 183.¹⁹⁷ Там же, стлб. 27.¹⁹⁸ НПК III, стлб. 265, 482, 550—551.

с «новым» обнаруживается значительный рост числа дворов (с 43 до 56, т. е. на 30%) и числа людей (с 54 до 74, т. е. на 37%).

Крупнейшее владение Елизарова находилось в Каргальском погосте, центре крестьянской железоделательной промышленности. У нас, к сожалению, нет данных для ответа на вопрос об участии самого Елизарова в железоделательных промыслах. Что потянуло богатого купца в этот полурусский, далекий от Новгорода и важных дорог район, — железо ля, рыбные ли угодья¹⁹⁹ — сказать трудно. Доход с своих земель в Каргальском погосте Елизаров получал, во всяком случае, не железом и не рыбой. «А доходу с них, — записал писец, — денег 2 рубля и 11 денег, полтретьи коробки солоду, а из хлеба с 18 обож пятаина, а с 12 обож оброк».²⁰⁰ (Ту же пестроту обложения, сочетание денежного оброка с издольным хлебом и продуктовым obroком, обнаруживаем и в других владениях Елизарова). Чрезвычайно любопытно отметить, что при росте числа дворов и людей в каргальских владениях Елизарова число обож не только не повышено, но и снижено: «И при старом письме убыло 5 обож, а прибыло 6 дворов, 16 человек».²⁰¹ Вряд ли это противоречие между «прибыло» (весьма значительным) и «убыло» (также весьма заметным) можно объяснить чем-либо, кроме покровительственной политики правительства по отношению к богатому гостю.

Приведенный материал позволяет утверждать, что московское правительство разными мерами способствовало укреплению положения в Новгороде московских «введенцев»-гостей: выдвигало их в старосты, обеспечивало их землей, создавая для них возможности быстрого обогащения и способствовало их вращению в новгородскую почву. Покровительство московским гостям находит естественное объяснение в заинтересованности московского правительства конца XV в. в развитии новгородской торговли. Вопреки широко распространенному мнению, которое разделялось одно время и автором настоящей работы, Москва вовсе не стремилась к сокращению размаха новгородской торговли, а тем более к ее ликвидации. Созданный М. Н. Покровским образ Москвы, которая в интересах московской буржуазии подавляет в XV в. своего конкурента — Новгород,²⁰² следует признать фантазией. Политика Ивана III диктовалась не узкомосковскими, а общерусскими интересами. Никаких замыслов перенесения в Москву из Новгорода «центра торговли с Западом» у Ивана III не было и в помине. Зачем бы стал он тогда переводить в Новгород таких крупных тузов московской торговли, как Саларевы и Таракановы?

Еще Бережков и, в особенности, Никитский убедительно показали, что Иван III всей силой возросшего авторитета Московского государства поддерживал русских (новгородских и псковских) купцов за рубежом. Новгородские купцы за рубежом становились гостями великого князя. Об этом свидетельствует уже договор с немцами 1474 г., имевший в виду не прекращение торговли с Западом, через ливонские города, а создание лучших условий для русских гостей в Ливонии. Еще более определенно забота о новгородских гостях отражена в договоре 1493 г. о продлении перемирия между Россией и ливонскими немцами. Этот договор привлекает

¹⁹⁹ Владения выходили к заливу. Кроме того, в них было озеро Глубокое, в котором «ловят рыбу всякую белую сетми и удою».

²⁰⁰ НПК II, стлб. 551.

²⁰¹ Там же.

²⁰² М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. М., 1933, стр. 138—140.

внимание исследователя отчетливо выступающими в нем новгородскими традициями и интересами. Уже в самой «преамбуле» договора в качестве договаривающихся сторон указаны немецкие послы и Великий Новгород (а не Московское государство):²⁰³ «По божией воле и повелению великого государя... приехали в Великий Новгород к великому князю, наместникам, боярам, житьим, купцам и ко всему Великому Новгороду послы немецкие, добились челом великокняжеским наместникам и заключили с ними перемирие за всю Новгородскую державу».²⁰⁴ Таким образом, договор был заключен в Новгороде и от имени Новгорода.²⁰⁵

Если от введения к договору перейти к рассмотрению статей, то и в них сказывается влияние новгородской старины. Договор берет под защиту не русского купца вообще, а новгородца. «Если немчин у новгородца бороду выдерет и, по суду, до исправе, немчин окажется виноватым, то отсечь ему руку за бороду».²⁰⁶

О новгородских (и посковских) гостях вспомнило правительство Ивана III и при переговорах с Литвою в следующем 1494 г. В мирной грамоте Ивана III от 5 февраля вслед за статьей: «А гостем нашим по нашим землям на обе стороны гостити без рубежа и без всякой пакости» — читаем специальную статью о новгородских гостях и о торге в Новгороде: «А в Новгороде в Великом твоим гостем изо всей твоей отчины торговати с новгородцы бес пакости; также и моим гостем новгородцом изо всей Новгородские земли в твоих землях во всей твоей отчине, торговати без пакости».²⁰⁷ О новгородских же (и посковских) гостях говорит Софийская первая летопись (список Царского) в рассказе о конфликте с немцами в 1501 г. в Юрьеве: «Тое же весны немцы в Юрьеве поймаша гостей князя великого новгородцких и льсковских болши двоя сот человек и товар их пограбиша».²⁰⁸

Как же тогда нужно расценивать закрытие Иваном III в 1494 г. немецкого двора в Новгороде? И в этом вопросе приходится признать совершенно неосновательной позицию М. Н. Покровского. М. Н. Покровский усмотрел в этом акте меру, направленную против Новгорода. «Московские князья, — пишет он, немедленно (после того, как Новгород стал московской добычей, — В. Б.) положили конец коммерческой самостоятельности Новгорода; в 1494 году, придравшись к ничтожному предлогу, Иван III закрыл немецкий двор в Новгороде, арестовав при этом 49 купцов и конфисковав товаров на 96 тысяч марок серебра... Этим разумеется не прекратилась торговля с Западом, но ее центр перешел в Москву — московская буржуазия стала на место новгородской одновременно с тем, как

²⁰³ Это обстоятельство привлекло к себе внимание еще С. М. Соловьева (История России, кн. I, стлб. 1485).

²⁰⁴ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. СПб., стлб. 1485; АЗР, № 112.

²⁰⁵ Отметим, что и в дальнейшем в XVI в. в отношениях как с Орденом, так и со Швецией московское правительство сохраняет тенденцию вести переговоры через новгородского наместника, а не непосредственно через Москву (достаточно вспомнить известные переговоры 1554 г. с Густавом Вазою). При Иване Новгороде, особенно в наместничество Якова Захарьина, играл существенную роль и в дипломатических сношениях с Литвою и Данией. (См. переписку пана Яна Забережанского с новгородским наместником Яковом Захарьичем: сб. РИО, т. XXXV, 1892, стр. 85—89).

²⁰⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времги, кн. I, стлб. 1485; см. также: АЗР, I, № 112.

²⁰⁷ Сб. РИО, т. XXXV, стр. 128. См. также упоминания об обидях новгородским купцам в дипломатической переписке с Литвою (там же, стр. 23, 31, 264).

²⁰⁸ Соф. I л. (ПСРЛ, V), стр. 46.

Новгород окончательно и бесповоротно стал вотчиной московского князя».²⁰⁹ Что московское купечество стало на место новгородского, это бесспорно. Но произошло это совершенно иным путем; не торг был перенесен из Новгорода в Москву, а московские гости, перебравшись в Новгород, заняли руководящее место в новгородской торговле.

Столь же неосновательно суждение ряда немецких исследователей вопроса, видевших причину закрытия немецкого двора в том, что Иван III считал торговлю с Ганзой «одним из главнейших источников поддержания в новгородцах духа непокорства». Эта концепция восходит еще к временам геттингенца профессора Георга Сартория, объявлявшего новгородскую слободу чужестранным растением, пересаженным ганзейцами в несвойственный ему климат Новгорода и Пскова. Она является типичным созданием самодовольной тупости немецких националистических историков начала XIX в.²¹⁰ Закрытие ганзейского двора было ударом не по Новгороду, а по монополии Ганзы. Ганзейская торговля на востоке Европы, как это признавали даже немецкие историки Ганзы, могла процветать только в период феодальной раздробленности. Утрата Новгородом «столь благоприятной для Ганзы самостоятельности»,²¹¹ т. е. политическое объединение Великой России, было серьезным ударом по укрепившейся на Балтике в XIV—XV вв. Ганзе.

Прискорбные для ганзейских купцов события 1494 г. становятся понятными только в том случае, если их рассматривать не в плане борьбы с новгородской экономической и политической самостоятельностью, которой к тому времени уже и не было, а в свете широких внешнеполитических задач, выдвигавшихся на Балтике перед объединенным Русским государством. Не ставя в данной работе задачи рассматривать вопрос об отношениях к Ганзе в свете внешней политики Ивана III в конце XV в.,²¹² укажем лишь на теснейшую связь между постройкой Ивангорода в 1492 г., договором с Данией в 1493 г. и наступлением на Ганзу в 1494 г.²¹³ Все эти мероприятия, а также последовавшая за этим война со шведами (поход Даниила Шени и Якова Захарьина к Выборгу) свидетельствовали, говоря словами старого исследователя,²¹⁴ о стремлении Ивана III «стать твердо ногою при море».

Иван III отнюдь не был против продолжения торговли с немцами даже в Новгороде. Он быстро согласился, как об этом свидетельствует и русская летопись и немецкие источники, начать переговоры об освобождении арестованных немецких купцов с литовским князем, выступившим в качестве

²⁰⁹ М. Н. Покровский, ук. соч., стр. 138.

²¹⁰ Взгляды Сартория и его учеников, имевшие защитников и в России, были подвергнуты суровой заслуженной критике М. Н. Бережковым (О торговле Руси, стр. 256—264) и А. И. Никитским (История экон. быта, стр. 286).

²¹¹ «Den Hansen so günstigen Selbständigkeit der Stadt» (D. Schaffer. Die Hanse. 1903, стр. 100).

²¹² Тот вопрос подвергнут подробному анализу в названном выше исследовании К. В. Базилевича (Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, см. особенно стр. 381—383, 385—386).

²¹³ В летописях связь между этими событиями, если и не указывается прямо, то отмечается самым порядком изложения. Так, в Типогр. л. за сообщением о возвращении русских послов из Дании и приезде с ними посла от датского короля непосредственно следует сообщение: «В лето 7003 послал князь великий в Новгород Великий дьяка Василья Жука да Данила Мамырева и повелел поимати в Новгороде гостей немецких колыванцов да и товар их переписать и запечатати» (стр. 213). В такой же последовательности излагают вопрос и позднейшие своды (например, Никон, л. (ПСРЛ XII), стр. 238—239).

²¹⁴ Бережков. О торговле Руси, стр. 264.

посредника, а также с Орденом и Ганзой. «Князь же великий Александр Литовский, по их (немцев, — В. Б.) челобитию послал от себя посла к великому князю Ивану Васильевичу за их преступление бити челом, чтобы пожаловал князь великий гостей немецких отпустил его для. Также и от князя магистра посол бысть к великому князю и от всей земли Литовские, и от семидесяти городов заморских, о том же бити челом, чтобы пожаловал князь великий гостей немецких отпустил и велел бы съезду быти о управах земских на реце на Нарове, на острове».²¹⁵ Иван удовлетворил эти настойчивые челобитные: «... пожаловал их гостей из тюрьмы выпустил».²¹⁶ Возобновлены были и торговые связи с Ганзой. Следовательно, закрытие конторы в 1494 г., говоря словами Никитского, «отнодь не было* равнозначно с прекращением торговли».²¹⁷

Мы не располагаем точными данными для определения размеров торговли Новгорода с Ганзой после 1494 г. Вряд ли влияние самих событий 1494 г. на торговлю с Ганзой было столь велико, как это часто утверждали историки. Во всяком случае, сокращение новгородской торговли с Ганзой в XVI в. надо объяснять более глубокими и сложными причинами, чем конфликт 1494 г. Но даже, если бы мы признали за событиями 1494 г. крупное значение в истории новгородской торговли, то этим еще отнодь не доказывалось, что Иван III ставил перед собой задачу уничтожения новгородской торговли.

Интересны в этом отношении суждения К. Маркса в «Хронологических выписках». Связанный состоянием исторической науки прошлого века, Маркс готов был видеть в событиях 1494 г. причину прекращения торговли между Новгородом и Ганзой. «Это,—писал Маркс о событиях 1494 г.,—навсегда покончило с новгородской торговлей, ганзейская торговля перешла в Ригу, Дерпт, Ревель и Нарву». И все же Маркс не склонен был усматривать в действиях Ивана III против Ганзы умысел, направленный против новгородской торговли. Приведенным выше словам он предпослал следующее замечание: «Иван III, уничтожив свободу Новгорода, уничтожил также его торговое значение, на этот раз не умышленно».²¹⁸

* * *

Итоговые выводы, к которым приводит изучение политики Ивана III по отношению к посаду в Новгороде, можно формулировать в следующих немногих положениях.

1. Массовые «выводы» купцов из Новгорода были мерой политической, направленной против традиций новгородской «вольности», а не против новгородской экономики.

2. Не против новгородской торговли было направлено и закрытие ганзейского двора в 1494 г. в Новгороде. Оно было против ганзейского «засиления» и диктовалось общерусскими, а не узкомосковскими интересами.

3. Особое покровительство оказывалось правительством «гостям», чрезвычайно быстро выдвинувшимся в экономической и общественной жизни Новгорода.

²¹⁵ Н IV Л, изд. 1843, стр. 164—165.

²¹⁶ Там же, стр. 165.

²¹⁷ Никитский. История экон. быта, стр. 383.

²¹⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 158.

Если политика Ивана III в Новгороде по отношению к боярскому и церковному землевладению рвала с традиционной опорой на вотчинника и закладывала основы поместной системы, то в политике по отношению к посаду намечается вторая социальная опора формирующегося московского самодержавия — верхи посада. Следовательно, в политике Ивана III уже обозначался будущий социальный облик русской централизованной монархии, как государства помещиков и нарождающегося купеческого класса.

Мы оставляем без рассмотрения другие стороны политики Ивана III в Новгороде (как составление первых писцовых книг, изменения в крестьянских повинностях, взаимоотношения Ивана III с Орденом и Швецией, отношение к идейному наследию Новгорода, союз самодержавия с новгородскими еретиками и т. д.), ибо эти важнейшие вопросы уже не связаны непосредственно с ломкой новгородских порядков и могут быть плодотворно рассматриваемы лишь в плане истории объединенного Русского государства на его раннем этапе. Вряд ли было бы целесообразно и правомерно изучать эти важнейшие вопросы в рамках Новгородской земли прекращающей свое политическое бытие в 70-х годах XV в., а не в рамках общерусской истории.

Северная Великороссия, войдя в состав единого Русского государства, перестала быть Новгородской землей. Подвинье и Поморье оторвались от Новгорода. Новые хозяева пришли и в Новгород, и в его пятины, и в его далекие волости. Поэтому уничтожение новгородского вечевого строя и «вывод» новгородских бояр, житых и кушцов вполне правомерно могут быть рассматриваемы как конец того порядка, который господствовал в Северной Великороссии в течение нескольких веков. Чрезвычайно важной задачей дальнейшего исследования является показать, что объединение русских земель открыло и для Северной Великороссии возможность серьезного культурно-хозяйственного роста. История экономического развития новгородских пятин Подвинья и самого Новгорода в XVI в. дает для этого ценнейший материал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение Новгородской 'земли к великому княжеству Московскому (т. е. политическое объединение севера Великороссии с ее центром) в 70-х годах XV в. было, как мы пытались показать, закономерным результатом длительного и многостороннего процесса изменений и в производстве, и в базисе, и в надстройке феодальной Руси. Поэтому уместно в заключение еще раз подчеркнуть важнейшие стороны социально-экономического и политического развития Великого Новгорода, объясняющие крушение боярской вечевой республики и установление Московского «государства» на всем севере Великороссии.

I

Переход от феодального порядка или, лучше сказать, от феодального беспорядка к строю самодержавному подготовлялся ростом производительных сил страны, сопровождавшимся дальнейшим общественным разделением труда.

В Новгородской земле рост производительных сил в XIV—XV вв. заключался прежде всего в дальнейшем освоении богатств севера Восточной Европы.

Широкие волны народной колонизации приносили в леса севера новые массы переселенцев, убогавших от растущего феодального гнета и от татарских набегов. Своеобразная форма классовой борьбы против феодалов — побег крестьян, приобрели в истории феодальной России невиданно широкий размах и имели чрезвычайно большое значение для роста народного хозяйства. В XIII—XIV вв. потоки великорусских переселенцев направлялись главным образом на север. Переселенцы (особенно в Подвинье) уже не ограничивались поверхностной эксплуатацией пушных и рыбных богатств севера, — наряду с звероловством и рыболовством значительного развития достигло земледельческое хозяйство (а также солеварение).

Еще более важные экономические процессы развивались в центральных частях Новгородской земли. В наиболее передовых в экономическом отношении районах явственно обозначается усиление ремесленной деятельности и переход к новым формам соединения промыслов с сельским хозяйством (распространение второй, по классификации В. И. Ленина, формы и начало третьей). На этой основе зарождались и развивались денежные отношения.

Они сказались не только в хозяйственной жизни растущих рядков и городов, но проникали и в деревню, которая выносила на рынок как пушнину, так и, что особо важно, продукты сельского хозяйства и ремесла. Таким образом, начинался процесс формирования тех «небольших местных

рынков», которые позднее (примерно с XVII в.) концентрировались в «один всероссийский рынок». Напряженный труд крестьян и ремесленников Новгородской земли («... незаметная работа угнетенных классов»), закладывав экономический фундамент для создания централизованного Русского государства.

II

Создание экономического фундамента для нового политического строя не означало еще само по себе разрушения старого политического порядка. Вечевая боярская республика, которая в свое время (в XII—XIV вв.) сравнительно успешно разрешала вопросы как внутренней, так и внешней политики Великого Новгорода за три века своего существования выработала сравнительно устойчивые политические формы. И как бы ни противоречили эти традиционные формы новым социально-экономическим условиям, устранить их могла только насильственная ломка.

Крушение Новгородской вечевой республики было подготовлено изнутри развертыванием классовой борьбы против боярской олигархии¹, которая сосредоточила в своих руках и большую часть новгородских земель, и всю политическую власть.

Классовые противоречия между феодалами и земледельцами выступали с особой остротой в новых земельных владениях новгородских феодалов. Двинская земля, где новгородские бояре в XIV—XV вв. перешли к регулярной феодальной эксплуатации земледельческого и промышленного населения, стала одновременно и важнейшим ИСТОЧНИКОМ обогащения для «великих бояр» и крупнейшим очагом движений против них. Здесь было наиболее слабое звено огромной новгородской «колониальной» державы и неоднократно с 1342 г. до 1471 г. здесь дело доходило до прямой вооруженной борьбы.

Классовая борьба крестьянства в других частях Новгородской земли, хотя и не поднималась до значительных вооруженных выступлений, принимала все более упорный характер, так что законодательство боярской олигархии было не в силах держать в узде эксплуатируемую массу.

Серьезнейшие удары правящей феодальной верхушке наносило и ДВР² — движение городских низов Новгорода. Правда, в плебейских массах города еще сильна была вера в вече. Приверженность к вечевым традициям обнаруживалась и в городских восстаниях (например, в 1418 г.) и во время походов Ивана III (особенно в 1477 г.). «Царистские тенденции», вера в справедливый суд великого князя, еще не вытеснила у новгородского плебейства стремлений к расправе с особо ненавистными угнетателями через вече. Но вне зависимости от субъективной оболочки (выступали ли народные массы в защиту веча или с царистскими лозунгами), и в том и в другом случаях движения народных масс были антибоярскими. Поэтому у московского великого князя в его борьбе с новгородским боярством был могущественный союзник в лице народных масс Новгорода. Не всегда выступая за великого князя, они всегда выступали против его противников — бояр. Так было в Торжке, так было на Двине, так было и в самом Новгороде.

Стихийное антибоярское движение народных масс объективно содействовало объединению Руси.

¹ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1, изд. 5-е, стр. 154.

² Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Фр. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 440.

Заключение

III

Политика новгородского боярства в XIV—XV вв. выдвигала как основную задачу сохранение самостоятельности, так как этим лучше всего обеспечивалась вся полнота боярской власти в огромных владениях Новгорода.

Умело лавируя между великим княжеством Литовским и Московским, то приглашая «кормленных» князей из Литвы, то сажая на их место врагов Витовта, часто воюя с Москвой, но никогда надолго не порывая ни с великим князем, ни с митрополитом, отражая силою оружия вторжения шведских и немецких феодалов, а в случае военных неудач в борьбе с более сильным врагом, пуская в ход как самое сильное оружие новгородские рубли, — правители Великого Новгорода в конце XIV и первой половине XV в. не уступили ни пяди Новгородской земли, ни сколько-нибудь заметной доли своих прав. Но в политике Новгорода в эти десятилетия весьма отчетливо выступали черты новгородской ограниченности. Новгородские бояре не поднимались до понимания общерусских задач. Борьба новгородцев с татарами свелась к набегам ушкуйников на Волге, а на Куликовом поле новгородских полков не было. Новгородское боярство не только не возглавило движения Руси к единству, но противодействовало ему. Во время феодальной войны 30—40-х годов XV в., прикрываясь политикой нейтралитета, оно фактически поддерживало врагов единого государства. По мере того как объединение Руси становилось очередной политической задачей, политика новгородского боярства принимала, таким образом, явно выраженный реакционный характер. Реакционность новгородской боярской политики ясно выступает во время переговоров с великим князем в Яжелбицах и Коростыни в упрямом отстаивании «старинны», в закостенелых формулах договоров, в прежней вере во всемогущество новгородского рубля. Еще ярче она выступила в преступной аванюре заправил «литовской партии» в 70-х годах XV в., когда Борейские и их единомышленники в целях спасения своих вотчин пошли на признание верховной власти великого князя литовского.

Реакционная тупость политики новгородской олигархии сказалась и в годы крушения Новгородской вечевой республики. Новгородское боярство не сумело сойти со сцены истории с честью, противопоставив притязаниям великого князя какие-либо принципиальные позиции и твердо отстаивая их. От повторения затверженных формул грамот XIII в., с чего оно начинало переговоры в 1477—1478 гг., оно быстро перешло к полной капитуляции в политических вопросах. Оно выражало готовность отречься от вечевого строя и признать власть московского государя, только бы спастись от «вывода» и удержаться в положении привилегированных землевладельцев.

В конечном счете политика новгородского боярства сводилась к тому, чтобы сохранить любой ценой свои вотчины.

IV

Политика московской великокняжеской власти, возглавившей движение Руси к единству, в конце XIV и первой половине XV в. еще не поднималась до принципиальной и радикальной постановки вопроса о включении Новгородской земли в Московское государство.

После некоторого взлета в 80-х годах, нашедшего отражение в договоре Донского в Ямнах, на несколько десятилетий московская политика по отношению к Новгороду не выходила за пределы частных вопросов

(о зарубежных землях, «черном боре», «княжчинах» и митрополищем •суде). Сосредоточивая свои силы на объединении центра Великороссии, великокняжеская власть была вынуждена откладывать решительную схватку с новгородским боярством. Только после победы единодержавия над силами феодальной реакции и сплочения центральной Великороссии вокруг Москвы стала возможной резкая постановка вопроса о подчинении Новгорода власти московского государя. Уже в Яжелбицком договоре нашли впервые выражение властные притязания великого князя. Они были реализованы в 70-х годах Иваном III.

В последовательной целенаправленной политике Ивана III по отношению к Новгороду можно наметить два этапа. На первом из них (до 1477 г.) московское правительство не выступало еще принципиальным противником вечевого строя. Подготавливая в 70-х годах XV в. окончательное присоединение Новгородской земли, оно старалось привлечь на свою сторону влиятельнейших руководителей новгородской политики, с тем чтобы таким образом превратить новгородские органы власти в послушные орудия великокняжеской политики. Для давления на новгородских феодалов оно использовало антибоярскую оппозицию («позвы»). Но линия на поддержку антифеодальных движений выступала лишь как вспомогательная по отношению к основной.

Неудачная попытка «государственного переворота» в 1477 г. и разгром сторонников московской ориентации исключили возможность мирного подчинения Новгорода, а вместе с тем повлекли резкую постановку вопроса о вечевом строе. Ликвидация вечевого порядка была выдвинута во время переговоров зимою 1477—1478 гг. как неременное условие для установления Московского «государства». Входя в состав объединенного Русского государства, Новгород терял все былые «вольности». Политический порядок, освященный вековой традицией, подлежал слому и замене новым.

V

Политика правительства Ивана III в Новгородской земле после 1478 г. заслуживает чрезвычайно большого внимания, как первый крупный опыт перестройки управления большой территории на новых началах. Центральное место в политике правительства заняла земельная реформа.

Ломка вечевого порядка в Новгороде сопровождалась небывалой по •размерам конфискацией феодальных вотчин и массовым «выводом» как землевладельцев, так и значительной части городского населения. Конфискация земель в 70—80-х годах привела к полной ликвидации светского вотчинного землевладения в новгородских землях и к значительному сокращению церковного землевладения. Преобладающей формой землевладения в новгородских пятинах стало поместное землевладение.

В политике Ивана III в Новгороде обозначалось и стремление содействовать росту нарождающегося класса торговцев.

В самодержавном строе конца XV в., таким образом, уже выступали в зачаточном виде очертания национального государства помещиков и торговцев, каким Русское государство стало на рубеже XVII и ;XУШ вв.

НОВГОРОДСКИЕ ПОСАДНИКИ СЕРЕДИНЫ XV в.

Список новгородских посадников, опубликованный в т. XXIII «Полного собрания русских летописей» в приложении к Ермолинской летописи, в основном совпадает в его начальной части со списками, приложенными к Новгородской первой летописи и Новгородской четвертой летописи. Но в то время как списки Новгородской первой летописи и Новгородской четвертой летописи заканчиваются именем посадника Захария Кирилловича, в списке Ермолинской после него следуют имена 32 посадников.²

Списки посадников в Новгородской первой летописи и Новгородской четвертой летописи восходят к тому летописному своду, который был составлен в 30-х годах XV в. Матвеем Кусовым. Поэтому естественно полагать, что в них список посадников доведен до конца 20-х или начала 30-х годов.³ Это априорное соображение подтверждается данными о посаднике Григории Кирилловиче, занимающем первое место в дополнительном списке Ермолинской летописи. Уже по одному этому в дополнительном перечне имен Ермолинского списка можно видеть список посадников с 30-х годов XV в. А в таком случае он заслуживает внимания как ценный исторический источник. Дело в том, что вопрос о новгородских посадниках XV в., занимавший многих исследователей, во многих отношениях не поддавался разрешению из-за недостатка источников. Так, если обратиться к работе первого и притом весьма внимательного исследователя вопроса о новгородских посадниках,⁶ то наиболее слабой ее частью является как раз последняя, где автор мог опереться только на чрезвычайно бедные в отношении XV в. указания летописи и немногие грамоты (автору не был известен список посадников в Ермолинской летописи). Если взять из «Опыта» список посадников с № 122 (Григория Кирилловича) до конца (№ 168 — Лука Полинарьин), то легко обнаружить в нем много грубых ошибок. Во-первых, среди 47 имен можно встретить свыше 10 имен лиц, никогда не бывших посадниками (как Арзубьевы, Медведков, Сухощеков, Марфа Посадница и др.). Кроме того, порядок, в котором названы посадники, совершенно не соответствует действительной их смене. И в последней работе, где трактуется этот вопрос (мы имеем в виду известную статью Н. А. Рожкова), автор по отношению к XV в. даже не попытался составить список посадников (что он сделал по предшествующим векам истории Новгорода).

В какой мере список Ермолинской летописи помогает продвинуть вперед изучение вопроса о новгородских посадниках? Приведем прежде всего дополнительный список Ермолинской летописи и подвергнем его анализу:

1. Григорей Кириллович (Посахнов).	6. Борис Юрьевич.
2. Григорей Юрьевич.	7. Иван Васильевич.
3. Самсон Иванович.	8. Федор Олисиевич.
4. Ондрей Иванович.	9. Онаний Семенович.
5. Федор Данилович.	10. Дмитрий Васильевич (Глухов).

¹ Н I Л, стр. 471—472; Н IV Л, стр. 626.

² Ерм. л., стр. 165—166. Список Ерм. л. содержит, однако, и в общей части некоторые имена, отсутствующие и в Н I Л и в Н IV Л, что позволяет думать о наличии у составителя какого-то дополнительного источника.

³ Список митрополитов русских доведен до 30-х годов XV в.: он завершен именем «Гарасима» Смоленского, к которому ездил в 1434 г. на поставление Евфимий. II (Н I Л, стр. 473).

⁴ См. ниже, стр. 357.

⁶ Опыт о посадниках новгородских. М., 1821.

11. Иван Лукинич (Шека).	23. Михайло Иванович.
12. Исак Андреевич (Борецкий).	24. Офонас Остафьевич.
13. Федор Яковлич.	25. Александр Васильевич.
14. Богдан Микитинич.	26. Василий Александрович (Казн-мир).
15. Есиф Ондrejaнович (Горошков).	27. Брат его Яков Короб.
16. Есифь Григорьевич.	28. Иван Немир.
17. Есиф Яковлич.	29. Василий Глазомчов.
18. Иван Максимович.	30. Козма Григорьевич.
19. Иван Лаврентьевич.	31. Михайло Семенов.
20. Богдан Есифович.	32. Александр Самсонов.
21. Захария Григорьевич (Овинов).	33. Федор Самсонов.

Большинство названных в этом списке посадников⁶ известны по другим (летописным и нелетописным) источникам. Интерес списка как исторического источника заключается поэтому не столько в том, что он называет несколько имен посадников, не указанных в других источниках, сколько в том, что он располагает имена в определенном порядке и, следовательно, может быть привлечен для выяснения последовательности смены посадников.

Действительно, порядок, в котором названы в списке посадники, нельзя считать случайным. Он соответствует «старейшинству» посадников. Подтвердим эту мысль ссылкой на те грамоты и те летописные сообщения, где приведено несколько имен посадников, расположенных, очевидно, также в порядке старшинства. В тексте Наровского договора 1448 г. заключающие его посадники перечислены в следующем порядке:

Самсон Иванович № 3	Есиф Андреевич № 15
Дмитрий Васильевич № 10	Богдан Есифович № 20
Иван Лукинич № 11	

Сопоставим этот перечень с приведенным выше дополнительным списком. В нем Самсон Иванович стоит на третьем месте, Дмитрий Васильевич на десятом, Иван Лукинич на одиннадцатом, Есиф Андреевич на пятнадцатом, Богдан Есифович на двадцатом. Таким образом, порядок посадников в грамоте 1448 г. согласуется с их местом в приведенном списке. Что здесь имеет место не случайное совпадение, можно подкрепить примерами из других грамот и летописных сообщений. Приведем важнейших из них, указав рядом с именами названных в документе посадников их порядковый номер в дополнительном списке Ермолинской летописи.

Посольство к Шемяке в 1446 г.:⁸

1. Федор Яковлевич № 13
2. Василий Степанович № 22

Докончальная грамота Славенского конца:⁹

1. Иван Максимович № 18
2. Василий Степанович № 22

Яжелбицкий договор:¹⁰

1. Григорий Данилович: 11
2. Федор Яковлевич № 13
3. Василий Степанович № 22

Посольство в Москву владыки Ионы 1463 г.:¹²

1. Иван Лукинич № 11
2. Захария Григорьевич № 21
3. Офонас Остафьевич № 24

Договор 1471 г. с Иваном III:¹³

1. Иван Лукинич № 11
2. Яков Александрович № 27

⁶ 28 из 33 названных посадников.

⁷ Грамоты В. Н. и П., № 73.

⁸ Н IV Л, стр. 443: Лет. Авр., стлб. 189.

⁹ Грамоты В. Н. и П., № 112.

¹⁰ Там же, №№ 22—24.

¹¹ Григорий Данилович назван в основном списке посадников на 4 места выше Григория Кирилловича.

¹² Лет. Авр., стлб. 211.

¹³ Грамоты В. Н. и П., №№ 25—27.

Следовательно, можно считать доказанным, что порядок имен в дополнительном списке соответствует «старейшинству» посадников. Отсюда, однако, нельзя еще заключить, что список Ермолинской летописи дает последовательный перечень степенных посадников. Дело в том, что в нем нет повторения имен, тогда как можно с полным основанием утверждать, что некоторые посадники занимали степень не один раз. Так, Офонас Остафьевич был степенным посадником по меньшей мере дважды: в 1448 г. во время заключения Наровского мира¹⁴ и в 1468 г. во время соглашения о перемирии с ганзейскими городами.¹⁵ По меньшей мере трижды был степенным посадником и Иван Лукинич Цека.¹⁶ Не менее, чем дважды, был посадником также Дмитрий Васильевич Глухов.¹⁷

Уточняя сделанный предварительно вывод, приходим к заключению, что последовательность посадников в списке определяется порядком первого для данного лица вступления в степень (после чего новгородский боярин входил в ряд посадников).

Попробуем теперь определить хронологические рамки, которые охватывает дополнительный список Ермолинской летописи. Начнем с первых имен. Возглавляющий список Григорий Кириллович — лицо известное по ряду источников. Он действует в одном из любопытнейших эпизодов жития Михаила Клопского (за угрозы перебить руки и ноги монастырским ловцам у него самого, по слову Михаила Клопского, отнялись ноги и руки). Время его посадничества может быть более или менее точно установлено: в летописях он назван посадником под 1434, 1435, 1436 гг.¹⁸ Кроме того, Григорий Кириллович Посахнов упоминается как посадник в рассказе о походе Витовта на Порхов.¹⁹ Неизвестно, однако, был ли Григорий Кириллович в это время новгородским посадником или посадником Порхова. Таким образом, посадником Григорий Кириллович стал не позднее 1434 г. (или 1428 г.). Автор «Опыта о посадниках» датирует его посадничество с 1428 по 1436 г.²⁰ О втором лице в списке, Григории Юрьевиче, мы не располагаем никакими сведениями. Третий по списку, Самсон Иванович, был степенным посадником в 1434 г., когда от его имени были заключены договоры с ганзейскими купцами и Псковом. Сравнительная его молодость (судя по летописному сообщению 1417 г., где он фигурирует среди детей Ивана Васильевича)²¹ позволяет думать, что это было первое его посадничество. Об Андрее Ивановиче мы не можем ничего сказать определенного (конечно, здесь имеется в виду не тот посадник Андрей Иванович, против которого было восстание в 1421 г.).²² Из дальнейших имен — Федор Данилович был степенным посадником не позднее 1439 г.,²³ а Борис Юрьевич занимал степень в 1436 г.²⁴ Последний (Борис Юрьевич) в 1431 г. еще не был посадником (в грамоте Свидригайла он назван просто послом новгородским, а не посадником), так что, надо думать, в 1436 г. он впервые вступил в посадники. Приведенные соображения позволяют с уверенностью отнести время вступления в степень первых посадников по дополнительному списку Ермолинской летописи к 30-м годам. Возглавляющий дополнительный список посадник Григорий Кириллович вступил в степень, во всяком случае, не позднее 1433 г. (вероятно, в 1432 г.).

Несколько труднее точно установить время вступления в степень для последних по списку посадников. Здесь хронологические рамки могут быть установлены лишь примерно. В списке нет ни одного степенного посадника 70-х годов; так, в нем не названы посадники 1471 г., точно известные нам (Василий Ананьин и Тимофей Остафьевич). В списке отсутствуют также имена названных в грамотах 1471 г. посадниками Дмитрия Исакова,²⁵ Феофилата Захарьина, Луки Федорова и Ивана Васильевича.²⁶

¹⁴ Грамоты В. Н. и П., № 73; см. также № 21.

¹⁵ Там же, № 76.

¹⁶ Степенный в 1456 г. (там же, №№ 22 и 24), он значится посадником уже в договоре 1448 г. (№ 73). Кроме того, он назван степенным в грамоте Соловецкому монастырю позднее 1459 г. (№ 96).

¹⁷ Степенный в 1450 г. (там же, № 74), он был посадником уже в 1448 г.

¹⁸ Н I Л, стр. 417 (постройка храма); там же, стр. 418 (воевода в походе на Ржеву); там же, стр. 419 («Отвод земли» и посольство к Жигимонту); см. также: Н IV Л, стр. 434; Лет. Авр., стлб. 179.

¹⁹ Москов. св., стр. 248; Семеон. л., стр. 170.

²⁰ Опыт о посадниках новгородских. М. 1821, стр. 238.

²¹ Грамоты В. Н. и П., № 64; Н I Л, стр. 43; Н I Л, стр. 407.

²² В списке посадников имя Андрея Ивановича встречается дважды, притом впервые за 26 имен до Григория Кирилловича.

²³ Грамоты В. Н. и П., № 69.

²⁴ Там же, №№ 66 и 67.

²⁵ Там же, № 77. Вместе с посадником Офонасом Остафьевичем он возглавлял зюсюдство к Казимиру.

²⁶ Там же. №№ 24—26.

Кроме того, названный в списке восьмым от конца Василий Александрович (Казимир) в Летописи Авраамки под 1456 и 1459 г.²⁷ именуется еще тысяцким, стало быть, он стал посадником не ранее 1460 г. Поэтому последние 8 посадников, названные в списке, могут быть отнесены к 60-м годам. Следовательно, приведенный список, состоящий из 33 имен, охватывает время примерно с 1432 по 1465 г. Таким образом, число посадников в списке совпадает с числом лет.

Напрашивающееся отсюда заключение об ежегодной смене посадников в Новгороде нуждается, конечно, еще в проверке, ибо имели место повторные степенные посадники и об этих повторных посадничествах список не упоминает. Но принять это предположение как предварительную гипотезу возможно. Чтобы проверить выдвинутое предположение, попытаемся разместить посадников по годам — с 1433 по 1466 г., используя для этого актов и летописный материал. Начнем с твердо установленных дат и сопоставим их со списком Ермолинской летописи.

<i>Латы</i>	<i>Точно датированные степенные посадники</i>	<i>Предположительно датированные посадники по списку Ермолинской летописи</i>
1433		Григорий Кириллович. Григорий Юрьевич.
1434	Самсон Иванович. ²⁸	
1435		Ондрей Иванович. Федор Данилович.
1436	Борис Юрьевич. ²⁹	
1437		Иван Васильевич. Федор Олисиевич. ³⁰ Онания Семенович. Дмитрий Васильевич. ³¹ Иван Лукинич. ³¹
1439	Исак Андреевич. ³²	
1440		Федор Яковлевич.
1441	Федор Олисиевич. ³³ (вторично?).	
1442		Богдан Микитинич. Есиф Ондреянович. Есиф Григорьевич. Есиф Яковлевич. Иван Максимович. Иван Лаврентьевич. Богдан Есифович. Захария Григорьевич. Василей Степанович. Михаил Иванович.
1443		
1444		
1445		
1446		
1447	(Сокира). ³⁴	
1448	Есиф Григорьевич. ³⁵ Офонас Остафьевич. ³⁶	
1450	Дмитрий Васильевич (вторично).	
1451		
1452		
1453	Исаак Борецкий. ³⁷ (вторично).	
1454		

²⁷ Лет. Авр., стлб. 195, 198.

²⁸ П 1 Л, стр. 43; Грамоты В. Н. и П., № 64.

²⁹ Там же, №№ 66 и 67. Имя его сохранилось также в датированной 6944 г. надписи на серебряной артосной панации из ризницы Софийского собора (см.: Опыт о посадниках новгородских, стр. 305). Текст надписи всего точнее воспроизведен в статье П. И. Соловьева «Новгородский Софийский собор» (Записки Русского археологического общества, т. XI, 1856, стр. 207—208).

³⁰ Был в 1439 г. тысяцким (Грамоты В. Н. и П., № 68).

³¹ Там же, №№ 71 и 70 (?).

³² Там же, № 68.

³³ Тысяцкий 1438 г. (?) (там же, № 69).

³⁴ В летописи под 1447 г. назван посадник Сокира, но без указания имени.

³⁵ Грамоты В. Н. и П., № 72 (февраль).

³⁶ Там же, № 73 (июль), № 21.

³⁷ Ерм. л., стр. 155.

1455		
1456	Иван Лукинич Щека ³⁸ (вторично).	
1457		Александр Васильевич.
1458		
1459		
1460		Василий Казимир.
1461	Иван Лаврентьевич ³⁹ (вторично?).	
1462		Яков Короб.
1463		Иван Немир.
1464		Василий Глазоемцев.
1465		Кузьма Григорьевич.
1466	Офонас Остафьевич ⁴⁰ (вторично).	Михаил Семенович. Александр Самсонович. Федор Самсонович.

Позднее, до 1471 г., судя по именам посадников, фигурирующих в документах 1471 г., степенными посадниками были Дмитрий Исакович, Феофиласт Захарьинич, Лука Федорович, Иван Васильевич и Василий Ананьин. Между 1471 г. и 1477 г. можно назвать следующих степенных посадников:

Тимофей Остафьевич	(1471 г.).
Фома Андреевич	(1474 и 1476 гг.).
Василий Ананьин	(1475 г.) (вторично).
Михаил Семенович	(1475 г.) (вторично).
Захария Овин	(1477 г.) (вторично).

Кроме того, вероятно, за эти годы в число посадников вошли Олферий и Никита Офонасовы, Яков Федоров, Офонас, Тимофей и Кузьма Грузовы, Иван Шенкурский, Кирилл Яковлев, называемые в летописи посадниками.

Приведенная выше таблица и комментарии к ней в целом убеждают в правильности предположений об ежегодной смене посадников в Новгороде в XV в. Наличие в источниках⁴¹ некоторых сообщений, по видимости противоречащих этому, может быть сравнительно легко объяснено или расхождением сроков начала года или какими-либо особыми обстоятельствами чрезвычайного порядка, вызывавшими внеочередную смену посадника. Приведем два примера видимых противоречий:

1. В 1448 г. в документах названы два степенных посадника: Есиф Григорьевич — в грамоте о пятилетнем перемирии с Ливонским Орденом⁴² и Офонас Остафьевич — в грамоте о заключении Наровского мира.⁴³ Различны в этих грамотах и имена степенных тысяцких.

Датировка грамот (а грамоты могут быть точно датированы), первой — 27 февраля 1448 г., второй — 25 июля 1448 г., намечает выход для разрешения вопроса предположением о смене посадников между февралем и июлем (можно выдвинуть гипотезу, что посадничья степень начиналась в марте, что согласуется и с мартовским годом новгородских летописей).

2. В летописном рассказе о приезде Ивана III в Новгород в 1475—1476 гг и его Городищенском стоянии, очень обстоятельном, имеющем очевидную опору в разрядах, названы три имени степенных посадников: Василий Ананьин, Василий Есипов, Фома (Андреевич) Курятник.

Василий Ананьин как степенный посадник назван несколько раз, и притом в столь бесспорном месте, как в сообщении о встрече Ивана III официальным новгородским правительством «в Рыдыне на реце на Холове»: «Ту его стретил Великого Новгорода архиепископ Феофил, от города за 90 в., а с ним князь Василей Васильевич Шуйский, да посадник степенной Василий Ананьин, посадник и... тысяцкой степенной Василей Есипов...»⁴⁴ Как видим, здесь Ивана III встречало все новгородское правительство: владыка, князь, степенные посадник и тысяцкий. Степенным же посадником Василий Ананьин назван и в начале рассказа о пире. Что касается Василия Есипова, степенным посадником он назван один раз в летописном рассказе о пире («Декабря 19 широва у посадника у степенного у Василия Есипова»).⁴⁵ Фома неоднократно именуется

³⁸ Посадник до 1448 г. (Грамоты В. Н. и П., № 73; П I Л, стр. 49).

³⁹ Лет. Авр., стлб. 204.

⁴⁰ Грамоты В. Н. и П., № 76.

⁴¹ Там же, № 72.

⁴² Там же, № 73.

⁴³ Соф. П л., стр. 201.

⁴⁴ Там же, стр. 204.

в летописи посадником.⁴⁵ Так, в рассказе о пирах под 6 января читаем: «Пир у посадника у Фоме»; там же под 11 января он назван степенным посадником. В этой же записи Василий Есинов снова упомянут как тысяцкий, и, судя по контексту, как степенный тысяцкий, ибо он вместе с Фомой подносит дары (1000 руб.) Ивану III от Великого Новгорода («Ударили челом Фома степенной посадник, та тысяцкий Василий Есинов»).

Эта видимая путаница в рассказе летописи поддается объяснению, если учесть то обстоятельство, что 26 ноября Василий Ананьин был по суду великого князя «пойман» и в тот же день отправлен с приставами в окопах в Москву. Город остался без степенного посадника. Его обязанности временно стал выполнять степенный тысяцкий Василий Есинов.⁴⁶ Он выполнял эти обязанности в течение всего декабря месяца. (Поэтому он и назван степенным посадником в рассказе о пире 19 декабря). В начале января (до 11 января) был выбран степенным посадником Фома, а Василий Есинов вернулся в положение степенного тысяцкого, которое он занимал при степенном посаднике Василии Ананьине, так как годичный срок его полномочий в январе еще не истек. Таким образом, «путаные» сообщения о степенных посадниках 1475—1476 гг. при пристальном анализе свидетельствуют и об осведомленности автора рассказа в Софийской второй летописи и о четкости его терминологии. Они не только не опрокидывают выдвигаемого предположения о годичном сроке (с марта по март) полномочий «степенных савонников», но о*чень хорошо с ним согласуются.

Источники не позволяют нам разобрать аналогичным образом все «скопления» имен посадников, намеченные в приведенной выше таблице между 1437 и 1439 гг. и между 1442 и 1448 гг. Это лишает возможности точно датировать вступление в «степень» всех названных посадников и придает таблице характер только примерный. Но как ориентировочный список степенных посадников приведенная таблица может быть принята. Резюмируем выводы из этого небольшого «опыта» о новгородских посадниках XV в.

1. В списке посадников Ермолинской летописи в дополнение к другим спискам новгородских посадников приведены имена посадников 30—60-х годов XV в.

2. Имена в списке расположены в порядке «старейшинства», определяемого первым вступлением в должность степенного посадника.

3. Этим определяется ценность списка Ермолинской летописи как источника по истории Новгородского государства в середине XV в.

4. Изучение списка посадников середины XV в. склоняет к выводу о ежегодной смене новгородских посадников и вполне согласуется с известными словами Ланноа о властителях, «выбираемых по очереди», и о том, что «эти правители возобновляются из года в год».

5. Вступление степенного посадника в должность, вероятно, было приурочено к началу года (1 марта).

⁴⁵ Посадником и воеводой его именуют в грамоте 1474 г. Великого Новгорода о перемирии с Юрьевом (Грамоты В. Н. и П., № 78).

⁴⁶ О том, что Василий Есинов был степенным тысяцким, см. выше (стр. 361) приведенное сообщение о встрече на р. Холове.

⁴⁷ Меньшую ценность как исторический источник представляет список тысяцких в приложениях к той же летописи. Дело в том, что в списке тысяцких не названы те тысяцкие, которые, поднимаясь по служебной лестнице, перешли позднее в ряды посадников. А таких тысяцких было много. Поэтому-то список тысяцких значительно короче списка посадников.

⁴⁸ Емельянов. Путешествие Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413—14 и 1421 годах. Университетские известия. Киев, 1873, № 8. Отдельный оттиск, стр. 24.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. I. СПб., 1836.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I. СПб., 1846.
- Андрияшев. Материалы — А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1914.
- Арциховский. К истории Новгорода — А. В. Арциховский. К истории Новгорода. Исторические записки, т. 2, 1938.
- Арциховский. Новгородские ремесла — А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. Новгородский исторический сборник вып. 6, Новгород, 1940.
- Беляев. Рассказы — И. Д. Беляев. Рассказы из русской истории, кн. вторая, История Новгорода Великого. М., 1864.
- Бережков. О торговле Руси — М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.
- Богусевич. Военно-оборонительные сооружения — В. А. Богусевич. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладомы, Порхова и Копорья. Новгород, 1940.
- Буслаев. Новгород и Москва — Ф. И. Буслаев. Новгород и Москва. Сочинения Ф. И. Буслаева, т. II, СПб., 1910.
- Владимирский-Буданов. Христоматия — М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. I. Изд. 3-е, Киев, 1885.
- Воскресенский. Город Ст. Русса — А. Воскресенский. Город Ст. Русса и его соляно-минералогические источники. Новгород, 1839.
- г. XI, XII — Переписная окладная книга Вотской пятины 7008 г. Вторая половина. Временник Общества истории и древностей 'российских, кн. XI, XII. М., 1851, 1852.
- Гадзяцкий. Карелы — С. С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- Гневушев. Сельское население — А. М. Гневушев. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1494—1505' гг. Киев, 1915.
- Грамоты В. Н. и П. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- Греков. Крестьяне на Руси — Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946.
- Греков. Новгородский дом — Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914.
- Данилова. Очерки — Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- Ильинский. Городское население — А. И. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. ЖМНП, 1876, № 6.

- ИРЛ • История русской литературы, т. II, ч. 1, М.—Л., 1946.
- Копачева. Яма и Ямской уезд- • М. Г. Копачева. Яма и Ямской уезд на рубеже XV—XVI вв. Диссертация. ЛГПИ, 1953.
- Костомаров. Северно-русские- Н. И. Костомаров. История Новгорода, Пскова и народоправства Вятки во время удельно-вечевого уклада. (Северно-русские народоправства), тт. I—II. СПб., III 68.
- ЛГПИ • Ленинградский Государственный педагогический институт.
- ЛГУ Ленинградский Государственный университет.
- Никитский. История экон. быта- • А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
- Никитский. Очерк истории- А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879.
- ОГН Отделение гуманитарных наук.
- Пресняков. Лекции А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II. М., 1939.
- Пресняков. Образование А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1918.
- РИБ Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией, СПб., 1872—1898'.
- Рождественский. Двинские- С. В. Рождественский. Двинские бояре и двинское бояре хозяйство XIV—XVI вв. Известия АН СССР, 1929, № 1.
- Рожков. Политические партии - Н. А. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV веков. Сборник статей Рожкова^ «Исторические и социологические очерки», ч. I. М., 1906.
- Рыбаков. Ремесло Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948..
- Самоквасов. Архивный мате- Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I. М., 1905^
- риал
- Сб. РИО - Сборники Русского исторического общества.
- Смирнов. Посадские люди — П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая; борьба до середины XVII века, т. I. М.—Л., 1947.
- Строков. Восстание Степанки — А. А. Строков. Восстание Степанки в 1418 г. Новгородский исторический сборник, вып. III—IV. Новгород, 1938.
- Тараканова-Белкина. Боярское- • С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.
- и монастырское землевладе- ние
- ТВО РАО • Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
- Уч. зап. ЛГПИ • Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.
- Черепнин. Русские феодальные- • Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., часть первая. М.—Л., 1948.
- архивы
- Чечулин. Города - Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
- Чтения ОИДР • Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846—1856.
- Шурыгина. Новгородская коло- • А. П. Шурыгина. Новгородская боярская колонизация в XIV—XV вв. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, № 78.
- низация
- Экземплярский. Великие и- • А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, т. I. СПб., 1889; т. II, СПб., 189 L
- удельные князья
- Bunge Lub • Liv—Est—unci Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Herausgegeben von Dr. F. G. von Bunge. B. IV, Reval, 1859; B. VI Riga, 1873.
- Л Е Т О П И С И
- Воскр. л. • Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856.
- Ерм. л. • Ермолинская летопись, ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910.
- Зап.-русс. лет. • западно-русские летописи, ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907.
- Лет. Авр. -Летопись Авраамки, ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889.

- Львов, л.
Москов. св. Львовская летопись, ПСРЛ, т. XX, ч. 1, СПб., 1910.
• Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949.
- Никон, л. (ПСРЛ, X, XI, XII) • Никоновская летопись, ПСРЛ, X, СПб., 1885; ПСРЛ, XI, 1897; ПСРЛ, XII, 1901.
- Н I л —• Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Н И Л
Н III л
Н IV л — Новгородские летописи. СПб., 1879.
- Н IV Л, изд. 1848 — Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. второй, Л., 1925.
— Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848.
- Н V л — Новгородская пятая летопись. ПСРЛ, т. V. Пгр., 1917.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- П I л — Псковские летописи под ред. А. Н. Насонова, вып. 1, М.—Л., 1941.
— Псковские летописи под ред. А. Н. Насонова, вып. II, М.—Л., 1955.
- П II л \
П III л I
Рогож, л. — Рогожский летописец. ПСРЛ, т. XV, Пгр., 1922.
- Симеон, л. — Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913.
- Словеса избр. (Н IV Л) —• Словеса избранные от святых писаний О' правде и и смиренумудрии, еще сотвори благочестия делатель, благоверный великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и ему же похвала с благочестием вере; даже до величавых мужей новгородских, их же смири господь бот и покори ему под руку его. (Цитируется по Новгородской четвертой летописи).
— Софийская первая летопись. ПСРЛ, т. V, СПб., 1851; ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853.
— Софийская вторая летопись. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853.
- Соф. I. л. (ПСРЛ, V, VI) — Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863.
- Соф. II л. — Типографская летопись. ПСРЛ, т. XXIV, Пгр., 1921.
— М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950.
— Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.
- Тверск. л.
Типогр. л.
Троицк, л.
Устюж. л.
- ПИСЦОВЫЕ КНИГИ
- НПК I — Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г., первая половина. СПб., 1859.
- НПК II — Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г., вторая половина. СПб., 1862.
- НПК III — Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г., первая половина. СПб., 1868.
- НПК IV — Переписные оброчные книги Шелонской пятины СПб., 1886.
- НПК V — Книги Шелонской пятины. СПб., 1905.
- НПК VI — Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.
- ПК Об. п. — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. М.—Л., 1930.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Принятые сокращения: архиеп. — архиепископ; бояр.—боярин; воев. — воевода; землевл. — землевладелец; крест. — крестьянин; купеч. — купеческий; литов. — литовский; митр. — митрополит; м-рь — монастырь; моек. — московский; Новг. — Новгород; новг. — новгородский; посадн. — посадник; псков. — псковский; ремесл. — ремесленник; своез. — своеземец; тысяцк. — тысяцкий; чел.—человек.

- Абакумовичи (Обакуновичи), бояре новг. — 160, 192
- Аврам Ладоженин, представитель «черных людей» в посольстве к в. кн. Ивану III — 294
- Аврамьев Андрей, купец новг. — 164, 338
- Александр, крест. — 66
- Александр, посадн. новг. — 57
- Александр Абакумович (Олександр Обакунович), бояр, новг., предводитель ушкунников — 29, 39—41, 48, 160, 231
- Александр Васильевич, посадн. новг. — 358, 361
- Александр Васильевич Чарторыйский — см. Чарторыйский Александр Васильевич
- Александр Иванович, кн. псков. — 247
- Александр Игнатьевич, тысяцк. новг. — 209
- Александр Клементьевич — * см. Клементьев Александр
- Александр Матвеевич, староста купеч. новг. — 163
- Александр Михайлович, в. кн. тверской — 251
- Александр Самсонович — см. Самсонов Александр
- Александр Фомич, посадн. новг. — 205, 206
- Александр Ягеллон, в. кн. литов., король польский * — 351
- Александр Ярославич Невский, в. кн. владимирский и новг. — 20, 22, 120, 234, 245
- Алексей, архиеп. новг. — 25, 124, 158, 222, 223, 234
- Алексей, митр. моек. — 226
- Алексей, протопоп, еретик — 319, 320
- Алексей (Олексейка) житель г. Русы — 139, 140
- Алексей (Олексейко), житель г. Ямы — 128
- Алексей (Олексейка), холоп Б. Есипова (бояр.) — 82
- Алексей Игнатьевич, староста купеч. новг. — 163
- Алексей Фатьянов, чернец Вяжицкого м-ря — * 59
- Алпатов М. В. — 27
- Альбици, флорентийские магнаты — 33
- Ананий (Онанка) Дмитров, крест. — 82
- Ананий (Онаный) Семенович, посадн. новг. — 357, 360
- Ананий Феофилатович, посадн. новг. * — 159
- Ананьин (Онаньин) Василий, посадн. новг. — 58, 151, 155, 160, 270, 296, 298, 299, 315, 316, 328, 359, 361, 362
- Ананьин Д., владелец домницы — 101
- Ананьин (Онаньин) Иван, житий чел. — 172
- Ананьины (Онаньины), бояре новг. — 58
- Андреевский И. Е. — 18
- Андрей Александрович, кн. городецкий, позднее в. кн. владимирский — 23, 246, 247
- Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий, брат в. кн. Ивана III — 260, 301
- Андрей (Ондрей) Денисов, пастух г. Ямы — 128
- Андрей (Ондрейко) Гаврилков, крест. — 87
- Андрей Дмитриевич, кн. можайский и белозерский * — 215, 217
- Андрей (Ондрей) Иванович, посадн. новг. — 53, 182—185, 220, 357, 359, 360
- Андрей (Ондрей) Исакович, польский посол в Новг. — 267
- Андрей Константинович, бояр. моек. — * 225
- Андрей Константинович, кн. суздальский — 40

¹ Лица, фамилии которых не установлены, ставятся в указателе на имена.

- Андрей (Ондрейко) Онкудинов, крест. — 83 ^
 Андрей (Ондрей) Семенов, своез. г. Ямы — 125
 Андрей Федорович, кн. ростовский — 40, 220
 Андрей Юркий, крест. — 66
 Андрей Юрьевич Боголюбский, в. кн. суздальский — 247
 Андреян (Ондрей) Данилович, бояр. новг. — 32, 121
 Андреян Захарьинич, посади. новг. — 159
 Андрияшев А. М. — 9, 107, 115—117, 133, 136, 184, 316, 323, 324, 329, 333
 Андрон (Ондрон) Тимофеевич, бояр. псков. — 249
 Андрушка, крест. — 113
 Анисимов А. И. — 264
 Анна Гридина, жительница г. Ямы — 128
 Антон (Онтон), ремесл. новг. — 19
 Антоний, архиеп. новг. — 19
 Антоний, патриарх константинопольский — 228
 Антоний Сийский, старец — 64
 Анфал, бояр, двинский, ушкуйник — 36, 38, 39, 45, 46, 49, 220, 221, 231
 Арабшах (Арапша), царевич татарский — 49
 Арзубьев Григорий Киприанов, посади. новг., житий чел. — 163, 169, 171, 176, 302, 306, 318
 Арзубьев Киприан, посади. новг., житий чел. — 171, 275, 280, 295, 306, 357
 Арзубьевы, житыя люди новг. — 357
 Аристов Н. Я. — 141, 142
 Арсений, архиеп. новг. — 19
 Артемий Степанов, член карельского «вымолоцкого рода» — 59
 Арциховский А. В. — 3, 9, 13, 18, 23, 24, 148, 158, 197, 198, 345
 Асян (Осан), кн. болгарский — 49, 50
 Афанасий (Офонас) Богданович, сын посади. — 255
 Афанасий Есифович, посади. новг. — 55, 159
 Афанасий (Офонас) Микулич, житий чел. — 169
 Афанасий (Офонас) Олферьевич, посади. новг. — 275
 Афанасий (Офонас) Остафьевич — см. Остафьев Офонас (посади.)
 Афанасий (Офонас) Федорович, посади. новг. — 245
 Афанаско (Офонаско) литвин, житель г. Русы — 138
 Ахмат, хан Золотой Орды — 319
 Бабич Юрий, кн., наместник в. кн. в Ивангороде — 327, 335
 Бабкин Константин Богданович, бояр. новг. — 56, 328
 Бабкина Наталья, боярыня новг. — 54, 60
 Багалеи Д. И. — 167, 196
 Базилевич К. В. — 9, 13, 270, 319, 321, 325, 326, 331, 350
 Байов А. К. — 279
 Балакша Василий, житий чел. — 171, 174
 Барбашев А. И. — 203, 205, 206, 209, 210
 Барсов Е. — 58
 Басенок Федор Васильевич, бояр, и воев. моек. — 252, 255, 256, 260, 264
 Бектут, царевич Золотой Орды — 44, 49
 Белут Александр (Олександр), бояр. моек. — 221
 Белеутов, посол в. кн. Ивана III в Новг. — 270
 Белинский В. Г. — 12, 292, 312
 Белосельский Гаврила, помещик новг. — 100, 123
 Беляев И. Д. — 9, 30, 36, 37, 119, 166, 167, 212, 232, 236, 240, 246
 Берденев Иван, бояр. новг. — 84, 85, 87
 Берденев Михаил, бояр. новг. — 54, 56, 57, 72, 84, 85, 92, 93, 137, 297, 306, 320, 328, 329
 Берденевы, бояре новг. — 98, 340
 Бердибек, хан Золотой Орды — 48
 Бережков М. Н. — 9, 18, 165, 348, 350
 Вернадская Е. В. — 8
 Вернадский В. Н. — 3—8
 Бестужев-Рюмин К. Н. — 167
 Бобр Василий, бояр. моек. — 344, 345
 Боброк Дмитрий Вольнец, воев. моек. — 50
 Богдан Васильевич, тысяцк. новг. — 53
 Богдан Есифович — см. Есипов Богдан (бояр, или посади.)
 Богдан Микитинич, посади. новг. — 358, 360
 Богдан Обакунович, посади. новг. — 160, 194, 224
 Богородский Б. Л. — 37
 Богословский М. М. — 37, 58, 63, 289
 Богусевич В. А. — 26, 133, 344
 Богуславль Михаил, житий чел. — 170, 171
 Божий Данила Иванович, бояр. новг. — 178, 180—182, 191, 198
 Божин Мартемьян, житий чел. — 171
 Божин Матюх, житий чел. — 171
 Божины, житыя люди новг. — 93, 170, 191
 Болотов Семен, купец новг. — 165
 Болтин И. Н. — 292
 Борецкая Марфа Исакова, боярыня новг. — 54—56, 60, 67—70, 72—74, 107, 113, 153, 273—275, 281, 295, 296, 302, 306, 309, 310, 318, 325, 328, 329, 334, 357
 Борецкие (Исаковы), бояре новг. — 17, 58, 74, 150, 153, 154, 160, 161, 173, 269, 273—275, 278, 287, 291, 295, 316, 337
 Боренкий Дмитрий Исаакович, посади. новг. — 154, 269, 270, 275, 280, 281, 295, 359, 361
 Борецкий Иван Дмитриев, бояр. новг. — 152
 Борецкий Исаак Андреевич, посади. новг. — 220, 274, 358, 360
 Борецкий Федор Исаков, посади. новг. — 151, 296, 315
 Борзаковский В. С. — 166, 232, 250
 Борис, бояр. новг. — 28

- Борис Александрович, в. кн. тверской — 247, 249—251
- Борис Васильевич, кн. волоцкий, брат Ивана III — 301
- Борис Константинович, кн. суздальско-нижегородский — 50
- Борис Слепец, посол в. кн. Ивана III в Новг. — 287
- Борис Юрьевич, посадн. новг. — 160, 257, 357, 359, 360
- Бориско, житель г. Русы — 139
- Борисов Никифор (Микифор), бояр. новг. — 93
- Боровиковы, кушцы сурожане — 346
- Брадатый, посол в. кн. Ивана III в Новг. — 270
- Бранденбург Н. Е. — 130, 131
- Бубарков Василий, бояр. новг. — 93
- Булат (Булак)—Темир, хан Золотой Орды — 49, 50
- Буслаев Ф. И. — 60, 115
- Быков Иван Олферьевич, «человек» Василия Кузьмина — 330
- Быховец И. В. — 205
- Вадим, полупоупендарный предводитель новг. в борьбе против Рюрика — 310, 311
- Валк С. К. — 10, 162, 163
- Валуев Матвей, писец — 118, 126, 133, 324
- Вангин Кузьма, бояр. новг. — 67
- Варварин Иван Рашепа, бояр. новг. — 81, 82
- Варлаам, архимандрит Юрьевского м-ря — 179, 193
- Варлаам, игумен Вяжицкого м-ря — 59, 63
- Варлаам, игумен Палеостровского м-ря — 71
- Варлаам, основатель Хутынского м-ря • 264, 265, 268
- Варфоломей Юрьевич (из рода Мишиничей), посадн. новг. — 17, 41
- Варфоломей Яковлевич, староста купеч. новг. • — 163
- Василий, воев. новг. в Заволочье — 150, 219
- Василий Алексеевич, землевл. новг. — 59
- Василий II Васильевич Темный, в. кн. моек. — 144, 210, 214, 218, 238, 240—242, 245, 246, 248, 250—255, 257—261, 263—265, 267, 268, 287
- Василий Васильевич, кн. ярославский — 33
- Василий Данилович, бояр. новг. — 25, 42
- Василий I Дмитриевич, в. кн. моек. — 5, 51, 201, 203, 205, 208, 213, 215, 216, 218, 220, 221, 224, 225, 227, 229, 231, 235, 237, 246, 288
- Василий Есифович — см. Есипов Василий (посадн. или тысяцк.)
- Василий Жук, дьяк в. кн. Ивана III — 350
- Василий Захарьевич, житий чел. — 169
- Василий Захарьевич, староста купеч. новг. — 266
- Василий III Иванович, в. кн. моек. — 332, 344, 345
- Василий Калика, архиеп. новг. — 19
- Василий Кокуй, землевл. Карелы — 56
- Василий (Кузьмич), сын посадн. — 159
- Василий Максимович, тысяцк. новг. — 272
- Василий Обакунович, бояр. новг. — 160
- Василий Офонасьев — см. Офонасов Василий
- Василий Степанович, посадн. новг. — 358, 360
- Василий Федорович, предводитель ушкунников и посадн. новг. — 39—41, 48, 122
- Василий Федорович Китай, наместник в. кн. Ивана III в Новг. — 302, 306, 307
- Василий Фомич, бояр. новг. — 159
- Василий Юрьевич, кн. суздальский — 124
- Василий Юрьевич Косой, кн. звенигородский — 238, 242, 245, 246
- Василиса — 59
- Васильев Яков, землевл. новг. — 69
- Васильевы, житий люди новг. — 170
- Васка Никифоров, крест. — 66
- Васко, житель г. Русы — 137
- Васко, житель г. Русы — 139
- Васко Костков, кузнец — 90
- Васко Матвеев, староста сельский — 66
- Васко Прожгибок, крест. — 109, 110
- Васков Лукьянко, своез. г. Ямы — 127
- Васюк Данилов, «человек» Богдана Есипова (бояр.) — 329
- Вельяминов Иван Данилович, писец — 113
- Веселовский С. Б. — 80, 81, 89
- Винков Юрий Тимофеевич, посадн. ПСКОВ. — 243
- Витовт Кейстутович, в. кн. литов. — 133, 158, 201—205, 207—210, 212—215, 224, 231, 234, 235, 237, 239, 240, 242, 257, 355, 359
- Вихров В. Е. — 162
- Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховско-боровский — 122, 215, 216, 262
- Владимир Всеволодович Мономах, в. кн. киевский — 15
- Владимирский-Будапов М. Ф. — 166, 169, 185, 187
- Владыкин Микита, писец — 134
- Водников Ермола Максимов, землевл. новг. — 59, 71
- Водников Мартемьян Родионов, землевл. новг. — 59
- Водниковы, землевл. новг. — 59
- Вокшерин (Вокшерин) Суморок, дьяк в. кн. Ивана III в Новг. — 332, 335
- Володин Тимошка, своез. г. Ямы — 126
- Волинский Иван Андреевич, дворецкий в. кн. Ивана III в Новг. — 332, 334
- Воронин Н. Н. — 89
- Воскресенский А. — 137, 138, 141
- Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, в. кн. владимирско-суздальский — 16, 50

- Вышата Васильевич, новгородец — 36
 Вязгунов, бояр, новг. — 154
- Гавриил Фадеев, крест. — 66
 Гаврила, щитник новг. — 19
 Гаврилков Федор, лучник г. Ямы — 128
 Таврило Кириллович, бояр. новг. — 159
 Гаврилов Максим, земец новг. — 81
 Гадзяцкий С. С. — 13, 31, 100, 116, 120, 129, 131, 157
 Галаш, крест. — 110
 Галинский, житий чел. — 172
 Гедимин, в. кн. литов. — 24, 211
 Гедиминовичи, пртомки в. кн. литов. Гедимина — 121, 122, 130, 211 — 213, 238, 240, 241
 1 еннади, архиеп. новг. — 331, 332, 337, 344, 345
 1 ерасим, митр. — 238, 241, 242, 357
 Герберштейн Сигизмунд, барон, немецкий дипломат и путешественник — 137
 Герцен А. И. — 309 — 312
 Глазоомцев (Глазомчов) Василий, посадн. новг. — 358, 361
 Глазоомцев Федор (Васильев) Окинфов, посадн. новг. — 154
 Глазоомцева Федора, боярыня новг. — 99, 123
 Глеб Семенович, бояр. новг. — 220
 Глухов Дмитрий Васильевич, посадн. новг. — 56, 59, 357 — 360
 Глухов Остафий, бояр. новг. — 67
 Глухов Федор Остафьев, бояр. новг. — 53, 54, 56, 57, 60, 67, 72, 84, 85
 Гневушев А. М. — 9, 89, 92, 150, 152, 165, 184, 323, 345
 Голубинский Е. Е. — 226 — 229
 Голшанский, кн., наместник в. кн. Витовта в Новг. — 205
 Гончаров И. А. — 309
 Горошков Есип Андреянович, посадн. новг. — 58, 159, 358, 360
 Горошков Иван Есипович, сын посадн. — 58, 159
 Горошкова Офимья, боярыня новг. — 92, 95, 152, 297
 Горошковы, бояре новг. — 58, 150, 158, 160, 161
 Гостила, посол кольванский — 162
 Грабарь И. Э. — 27
 Грабилов, землевл. новг. — 154
 Греков Б. Д. — 9, 10, 12, 28, 30, 48, 79, 95, 113, 114, 167, 168, 170, 175, 176, 186, 187, 194, 294, 295, 315, 318, 319, 323, 326, 342, 345
 Гречников, подьячий — 321
 Григорий Богданович, посадн. новг. — 160, 182
 Григорий Данилович, посадн. новг. — 358
 Григорий Евстафьевич, кн. псков. — 204
 Григорий Кириллович, посадн. новг. — 159, 358, 360
 Григорий Семенович, бояр, челмужский — 53
 Григорий Тумган, постельничий в. кн. Василия II — 264
- Григорий Туча — см. Тучин Григорий
 Григорий Юрьевич, посадн. новг. — 160, 357, 359, 360
 Григорий Якунович, посадн. новг. — 194
 Григорович И. И. — 244
 Григорьев Иван, бояр. новг. — 58
 Григорьев Киприян, житий чел. — 171
 Григорьев Кузьма — см. Овинов Кузьма Григорьевич
 Григорьев Никита, житий чел. — 171
 Григорьев Степан, житий чел. — 169, 171, 175, 176
 Григорьев Юрий Иванович, сын посадн. — 155
 Григорьева Настасья Ивановна, боярыня новг. — 54, 56, 73, 123, 151 — 154, 321, 328, 330
 Григорьевы, бояре новг. — 58
 Григорьевы, житьи люди новг. — 170
 Гридка, житель г. Русы — 139
 Гридка, крест. — 66
 Гридка Ескин, житель г. Русы — 142, 143
 Гридка, сын Кипро плотника — 110
 Гридка Юхнов, крест. — 66
 Грися Сидоров, подьячий — 334
 Гришка, житель г. Русы — 139, 140
 Гришка Кигуй, ивангородец — 342
 Гришка Корела, житель г. Русы — 138
 Грузов Афанасий (Офонас), посади. новг. — 152, 155, 361
 Грузов Кузьма, посади. новг. — 361
 Грузов Матвей, бояр. новг. — 328
 Грузов Микита, бояр. новг. — 54, 55, 57, 67
 Грузов Офонасов сын, бояр. новг. — 67
 Грузов Тимофей, посади. новг. — 137, 154, 361
 Грузовы, бояре новг. — 57, 58, 150
 Губа-Селезнев — см. Селезнев-Губа (Василий или Яков)
 Губарев Иван Васильевич, землевл. новг. — 176
 Губин Яков, бояр. новг. — 100, 103
 Губины, бояре новг. — 150, 335
 Гулидов Василий, помещик новг. — 329
 Гулидов Грися Борисович, помещик новг. — 329
 Гулидов Иван Михайлович, помещик новг. — 329
 Гулидов Истома Максимович, помещик новг. — 329
 Гулидов Максим Борисович, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Гулидов Олферий Борисович, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Гулидов Поташ Борисович, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Гулидов Савелий Борисович, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Гулидов Тимофей Борисович, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Гулидов Фома Борисович, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Гулидов Юрий, помещик новг. — 329
 Гулидовы (Туликовы), помещики, бывш. служилые люди Б. Есипова — 329, 331
 Гусев П. Л. — 252, 253

- Густав Ваза, король шведский — 349
 Гюргий Иванович — см. Юрий Иванович
 Гюрята Рогович — см. Юрий Рогович
 Гюрятиничи, бояре новг., потомки Гюряты Роговича — 16, 17, 292
- Давыд (Давыдка) Валитовский, своез. — 157
 Давыдов И., владелец домницы — 101
 Давыдовы, помещики новг. — 170
 Даниил (Данило) Александрович, кн. псков. — 207
 Даниил Дмитриевич, наместник в. кн. Ивана III в Новг. — 266
 Данилко Чюдин, ивангородец — 342
 Данилова Л. В. — 13, 165, 174
 Даниловичи, бояре новг. — 33
 Данша, житель г. Русы — 141
 Даньяр, царевич татарский — 301
 Дворянинец Александр, посади. новг. — 57
 Дворянинец Остафий, посади. новг. — 31
 Демидко, истопник, холоп — 334
 Демянко, житель г. Русы — 141
 Денис, житель г. Русы — 139
 Денисов Кондратий, бояр. новг. — 71
 Деревяшкин Василий Матвеевич, житий чел. — 171
 Деревяшкин Василий Пантелеймонович, житий чел. — 170, 171
 Деревяшкин Дмитрий Матвеевич, житий чел. — 170, 171
 Деревяшкин Матвей, житий чел. — 171
 Деревяшкин Самойло, житий чел. — 171
 Деревяшкины, житьи люди новг. — 170, 173
 Дидмаковичи (Титмановичи), датские феодалы — 20
 Дионисий, митр. — 226
 Дмитр Плесковитин, ремесл. новг. — 19
 Дмитр Якунич (из рода Гюрятиничей), посади. новг. — 16
 Дмитрий, посол митр. Киприана в Новг. — 224
 Дмитрий Александрович, кн. переяславский и владимирский — 21, 25, 120, 121
 Дмитрий Васильевич — см. Глухов Дмитрий Васильевич
 Дмитрий Васильевич, тысяцк. новг. — 53, 59, 63
 Дмитрий Иванович, тысяцк. и воев. новг. — 122
 Дмитрий Иванович Донской, в. кн. моек. — 5, 41, 44, 50, 51, 121, 122, 169, 212, 215, 222, 225, 232, 242, 243, 246, 257, 356
 Дмитрий Константинович, кн. суздальско-нижегородский — 40, 49, 50
 Дмитрий Михайлович — см. Михайлов Дмитрий
 Дмитрий Тарасов, новгородец — 258
 Дмитрий Ушатый, кн. — 89
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий — 238, 248, 251—254, 258, 261, 262, 268, 287, 358
 Дмитриев Иван, житий чел. — 171
 Дмитров Д., владелец домницы — 101
- Довмонт (Домант), кн. литов.-псков. — 262
 Долматов Василий, дьяк моек. — 303
 Домажиров Матвей Константинович, житий чел. — 170, 171
 Домажиров Михаил Константинович, житий чел. — 171
 Домажиров Федор Константинович, житий чел. — 171
 Домажировы, житьи люди новг. — 170, 173
 Домант — см. Довмонт
 Дуббельт Л. В. — 311
 Дубровский П. П. — 151, 152, 269, 346
 Дюков Степан, купец новг. — 165, 338
- Евсеев В. Я. — 120
 Евстафий — см. Своеземцев Остафий Онаньевич
 Евфимий II, архиеп. новг. — 59, 142, 156, 210, 241, 243, 244, 246, 248, 252, 253, 257, 260, 268, 357
 Елизаров Иван, купец, староста новг. — 165, 332, 346—348
 Елисеев (Олисеев, Олексеев) Антип, сын кн. копорского, посол новг. в Пскове — 156
 Елисей (Алисей, Олисей) Константинович, кн. копорский — 122, 156, 244
 Емельян, житель г. Русы — 142, 143
 Емельяно, житель г. Русы — 139
 Емельяно Игнатов, житель г. Русы — 139
 Емельянов — 177, 362
 Емельянов (Омельянов) Ермола, землевл. — 53
 Еремей Кузьмич, житий чел. — 169
 Ерсмей Сухошек, житий чел. — 275, 280
 Еремий И. П. — 148
 Еремка Васков, житель г. Русы — 140
 Ермолин Богдан, землевл. — 55
 Ероха Федков, житель г. Русы — 138
 Есип, подвойский, посол новг. в Пскове — 256
 Есип Андреянович (Есиф Андреевич) — см. Горошков Есип Андреянович
 Есип Филиппович, посади. двинский — 159
 Есипов Богдан, бояр. новг. — 81, 82, 87, 101, 123, 130, 151, 153, 155, 159, 160, 296, 315, 316, 328—330, 333
 Есипов Богдан, посади. новг. — 156, 157, 159, 358, 360
 Есипов (Есифов) Василий, посади. новг. — 59, 152, 297, 361, 362
 Есипов (Есифов) Василий (Василий Есифович), тысяцк., позднее посади. новг. — 53, 155, 159, 182, 193, 194, 198, 361
 Есипов Григорий, купец новг. — 164, 338
 Есипов Михаил, ивангородец — 328
 Есипов Никита, бояр. новг. — 297
 Есипова Аксинья (Оксинья) Никитина, боярыня новг. — 54, 56, 69, 153
 Есиповы (Есифовы), бояре новг. — 58, 150, 314
 Есиф Варфоломеевич (из рода Мишиничей), восв. новг. — 39—41, 48

- Есиф Григорьевич, посадн. новг. — 358, 360, 361
 Есиф Захарьич, воев. и посадн. новг.— 26, 155, 159, 160
 Есиф Иванович, староста купеч. новг.— 163
 Есиф Яковлевич, посадн. новг. — 358, 360
 Есифов Лука Васильев, сын посадн. — 59
 Есифовичи, бояре новг.— 159
 Еска, дьяк, «человек» боярина Грузова— 329
 Еска Грихнов, житель г. Русы—138
 Еска Юриев, житель г. Русы—138
 Ефим, ремесл.— 108
 Ефименко А. Е.— 63, 74
 Ефимка Басков, житель г. Русы—139
 Ефимко, житель г. Русы—139
 Ефимко Трошков, житель г. Русы—140
- Жадовский, беглец новг. в Вятке— 220
 Железцов Степан, житий чел.— 171
- Забержанский Ян, пан литов.— 349
 Загорский В. Ф.— 108, 184, 323
 Закерновские, бояре новг.— 123
 Замятин, сын бояр.— 275
 Захар, челядин бояр. Федора Остафева— 150
 Захар Брех, представитель «черных людей» в посольстве к в. кн. Ивану III •— 294
 Захар Валитовский, своез.— 157
 Захарий Григорьевич, посадн. новг.— 360
 Захарий Иванович, воев. тверской— 210
 Захарий Кириллович, посадн. новг.— 159, 157
 Захарий Михайлович, посадн. новг.— 32, 159
 Захарко, житель г. Русы— 141
 Захарко, пастух г. Ямы—128
 Захарьин Короб, посадн. новг.— 175
 Захарьин Кузьма Феофилович, посадн. новг.—155, 159
 Захарьин Феофилат, посадн. новг.— 152, 155, 159, 175, 269, 297, 299, 300, 304, 359, 361
 Захарьин-Кошкин Яков Захарьич, воев. и наместник в. кн. Ивана III в Новг.— 321, 322, 333, 349, 350
 Захарьин Федор, бояр. новг.— 304
 Захарьины (Захарьиничи), бояре новг.— 158—161, 173
 Зехно, житель г. Русы— 139
 Зимин А. А.— 320
 Зиновий Михайлович, посадн. псков.— 249, 265
 Зиновьев Иван, наместник в. кн. Ивана III в Новг.— 302, 306, 307
 Зиновьев Яков, житий чел.— 171
 Зосима Соловецкий, старец— 60, 281
 Зубарев Борис, бояр. новг.— 55, 65, 68, 69
- Иван, кн. копорский—122
 Иван, посол колыванский—162
- Иван Агафонович Сушей, наместник в. кн. в Ярославле— 314
 Иван Андреевич Можайский, кн.— 252, 254, 258, 267, 284
 Иван Богданович, сын посадн.— 160
 Иван III Васильевич, в. кн. моек.— 3, 4, 28, 109, 113, 124, 144, 151, 156, 161, 163, 165, 168—170, 175—177, 187, 254, 260, 263, 267, 269, 270, 275, 276, 279—308, 310, 312, 313, 315—326, 331, 332, 336—339, 341, 342, 344—352, 354, 356, 358, 361, 362, 365
 Иван IV Васильевич Грозный, царь— 312, 330, 336
 Иван Васильевич, бояр. новг.— 42
 Иван Васильевич, посадн. новг.— 359, 361
 Иван Васильевич, посадн. новг.—144, 155, 244, 357, 359, 360
 Иван Васильевич Немир.— см. Немиров
 Иван Васильевич
 Иван Владимирович, кн. литов., внук Ольгерда— 214, 241. 249
 Иван I Данилович Калита, в. кн. моек.— 24, 215, 246
 Иван Данилович, посадн. новг.— 58
 Иван Дмитриевич Шемячич, кн.— 252, 257, 258, 267, 282
 Иван Захаров— см. Овинов Иван Захарович
 Иван Зиновьев— см. Зиновьев Иван
 Иван II Иванович, в. кн. моек.— 246
 Иван Иванович, кн. звенигородский, сын Ивана Калиты—• 33
 Иван Иванович Молодой, сын в. кн. Ивана III— 288
 Иван Иевлич, посадн. новг.— 192, 198
 Иван Кузьмин— см. Кузьмин Иван
 Иван Кумганц, бояр. новоторжекий— 233
 Иван Лаврентьевич, посадн. новг.— 266, 358, 360, 361
 Иван Лукинич Щока— см. Щока Иван Лукинич
 Иван Максимович, посадн. новг.— 358, 360
 Иван Михайлович, кн. тверской—• 232, 233
 Иван Сидорович, посадн. псков.— 243, 247
 Иван Уда, посол в. кн. Василия I в Новг.— 221, 224
 Иван Федоров, воев. новг.—26, 124
 Иван Федорович, кн. белозерский—216
 Иван Федорович Валит, тысяцк. новг.— 157
 Иван Холопец, купец ивангородский— 343
 Иван Юрьевич, житий новг.— 169
 Иванка Прибышница, ремесл. новг.— 19
 Иванко, крест.— 81
 Иванко Федков, своез. г. Ямы— 126
 Иванов Михаил Васильев, бояр. новг.—57
 Иванов Степан Васильев, бояр. новг.— 57
 Ивашка, житель г. Русы—138
 Ивашка Исачков, крест.— 87
 Ивашка Кошкин, «человек» Б. Есипова (бояр.)— 329

- Ивашко, житель г. Русы («сосед» Левонки Ивашкова) — 139, 140
 Ивашко, житель г. Русы («сосед» Ерохи Федкова) — 139
 Ивашко, житель г. Русы («сосед» Пудовых) — 139
 Ивашко, житель г. Русы («сосед» Федки Трошкова) — 139
 Ивашко, житель г. Русы («сябр» Кондратова) — 139
 Ивашко, житель г. Русы («сосед» Юхновых) — 139
 Ивашко, житель г. Русы — 137
 Ивашко, сапожник — 110, 119
 Ивашко, «человек» Косицкого — 109
 Ивашко Головка, крест. — 109
 Ивашко Денисов, сапожник г. Ямы — 128
 Ивашко Никитин, «человек» Б. Есипова (бояр.) — 329
 Ивашко Онаньин, кузнец — 99
 Ивашко Петрухин, крест. — 109
 Ивон, игумен Соловецкого м-ря — 60
 Игайло Ескин, домник — 99
 Игалка Чюдин, ивангородец — 342
 Игнат, житель г. Русы — 139
 Игнат, скоморох г. Ямы — 128
 Игнат Ескин, домник — 99
 Игнат Ивашков, житель г. Русы — 139
 Игнат Кошин, воев. двинский — 287
 Игнат Малыгин — см. Малыгин Игнат
 Игнат Черт, «человек» Б. Есипова (бояр.) — 329
 Игнатий Омосов — см. Омосов Игнатий
 Игнатко, пастух г. Ямы — 128
 Игнатовы дети, купцы новг. — 162
 Иев Обакунович, бояр. новг. — 160
 Иев Олфромеев — см. Олфромеев Иев
 Иевко, крест. — 109
 Иевко, кузнец — 99
 Иевлев Федор, житий чел. — 171, 173, 174
 Измаил, кузнец новг. — 19
 Илейка Усатый Рязанец, слуга Федора Басенка — 260
 Ильин М. А. — 251
 Ильинский А. Г. — 9, 112, 115, 118
 Инца Зашембака (Гинце Сассенбеке), купец колыванский — 162
 Иоани, архиеп. новг. — 247, 320
 Иоани, архиеп. новг. — 155, 224, 227 — 230, 233
 Иоани XVIII, папа римский — 203
 Иоанны (Иваны), в. кн. моек. — 311, 312
 Иона, архиеп. новг. — 260, 264, 265, 268 — 270, 272, 358
 Иона, епископ пермский — 289
 Иона, митр. — 168, 252, 253, 358
 Иосиф Волоцкий, игумен Волоколамского м-ря — 319
 Исаак Андреевич — см. Борецкий Исаак Андреевич
 Исак, кузнец — 108
 Исаков, сын Федотьян, землевл. — 323
 Исакова Марфа — см. Борецкая Марфа Исакова
 Исаковы — см. Борецкие
 Исидор Грек, митр. — 241, 246
 Казакова Н. А. — 13, 19, 162, 164, 166, 233, 320
 Казимир Василий Александрович, воевода и посадн. новг. — 99, 101, 107, 123, 152, 153, 155, 160, 161, 255, 269, 276, 281, 283, 286, 295, 297, 299, 300, 306, 320, 328, 329, 358, 360, 361
 Казимир IV Ягайлович, в. кн. литов., позднее король польский — 142, 169, 174, 176, 238 — 240, 243, 249, 251, 267, 269, 272, 275, 276, 280, 283, 290, 296, 302, 321, 359
 Карамзин Н. М. — 11, 135, 157, 292, 301, 309
 Каргер М. К. — 13, 26, 244
 Карп Цветной, купец новг. — 338
 Кашин В. Н. — 100
 Квашенкин Борис, купец новг. — 41
 Квашин Алексей, житий чел. — 170, 172, 173
 Квашнины, житий люди новг. — 170
 Кейстут Гедиминович, кн. литов. — 202
 Кемские, князья в Белозерье — 154
 Килской Василий Филиппович, житий новг. — 163, 169, 172
 Кильдибек, хан Золотой Орды — 48
 Киприан, митр. — 201, 224, 226 — 231
 Киприянов Григорий, житий чел. — 163
 Кипро, плотник — 110, 119
 Кирилл Андреянович, посадн. новг. — 159
 Кирилл Дмитриевич, тысякч. новг. — 205, 206
 Кирило Иванович, житий чел. — 169
 Кирилов Василий, житий чел. — 172
 Киров, крест. — 100
 Китаев Дмитрий, писец — 325
 Клементий Артемьевич, бояр. новг. — 183
 Клементьев Александр, житий чел. — 163, 169, 172
 Клементьев Иван, бояр. новг. — 299
 Клементьев Лука, посол новг. к в. кн. Ивану III — 275, 295, 297, 299
 Климент Васильевич, посадн. новг. — 205
 Климент Иванович, староста купеч. новг. — 266
 Климко, житель г. Русы — 139
 Ключевский В. О. — 3, 11, 60, 63, 167, 175, 176, 196, 275
 Кнутссон Торгильс, маршал шведский — 20
 Козачкович Юрий Филиппович, посадн. псков. — 207
 Козлов Палка Иванов, служилый человек Б. Есипова — 329
 Козонский, бояр. новг. — 154
 Козьма Григорьевич — см. Овинов Кузьма Григорьевич
 Козьма Твердиславич, тысякч. новг. — 193
 Коковкин Есип, купец новг. — 338
 Коковкин Игнатий, купец новг. — 165, 338
 Колесницын (Лестницын) Константин, житий чел. — 172
 Колоколов Савва, своез. г. Ямы — 127
 Коломинский С. — 141, 142
 Колчин Б. — 162

- Колычев Иван Андреевич, наместник в. кн. Ивана III в Новг. — 332
 Колычевы, бояре моек. — 333
 Кондратов Ивашка, житель г. Ямы — 128
 Кононов, землевл. — 62
 Конорад, посади. колыванский — 162
 Конорад Мазовецкий, кн. — 177
 Константин Васильевич, кн. ростовский — 33, 40
 Константин Васильевич, кн. суздальский — 33
 Константин Дмитриевич, кн., наместник в. кн. в Новг. — 122, 124, 213, 225, 226, 234
 Константин Иванович, кн. белозерский — 216, 225, 234
 Константинов Иван, житий чел. — 172
 Копанев А. И. — 216
 Копачева М. Г. — 13, 100, 125, 128
 Короб Иван, бояр. новг. — 320
 Короб (Коропов) Яков Александрович, посади. новг. — 107, 137, 152, 155, 160, 161, 175, 269, 283, 297, 303, 304, 328, 358, 361
 Косицкие, помещики новг. — 109
 Костомаров Н. И. — 9, 11, 36, 46, 122, 166, 167, 211, 212, 222, 230, 241, 274, 292, 311
 Кочаков Б. М. — 184, 186
 Кочерин Иван, купец новг. — 162, 165
 Кочерин Иов, купец — 165
 Кочин Г. Е. — 37, 166
 Кошелков Дементий, бояр. новг. — 94
 Кошёлков Фома, бояр. новг. — 94
 Кошка Федор Андреевич, бояр. «моек. — 224
 Кривой, представитель от «черных людей» в посольстве к в. кн. Ивану III — 294
 Крюковы, землевл. — 118
 Кудрежкин, бояр. новг. — 328
 Куземка Валитовский, своез. — 157
 Кузьма, житель г. Русы — 140
 Кузьма Григорьевич — см. Овинов Кузьма Григорьевич
 Кузьма Тарасевич, житий чел. — 250
 Кузьма Твердиславич, бояр. новг. — 24, 33
 Кузьма Терентьевич, посади. новг. — 192, 193, 198
 Кузьма Феофиластович — см. Феофиластов Кузьма
 Кузьмин Василий, бояр. новг. — 328, 330
 Кузьмин Иван, посади. новг. — 151, 155, 270, 293
 Кузьмин Михаил, бояр. новг. — 94
 Курицын Федор, дьяк посольского приказа — 320
 Курьянко, ремесл. сельский — 109
 Курятник (Куряткин) Фома Андреевич, посади. новг. — 151, 152, 155, 361, 362
 Кусов Матвей, составитель новг. летописного свода — 357
 Лазарев В. Н. — 13, 26, 27
 Лазут, бояр. новг. — 25
 Ланвоа Гильбер де, фландрский путешественник и дипломат — 176, 177, 362
 Лаппо-Данилевский А. С. — 37, 51, 76, 77, 78, 162
 Ларионка Шарипа, ремесл. сельский — 110
 Ларионов Никита, посол в. кн. Ивана III в Новг. — 272
 Лев (Левушка) Федоров (Левон Скудичский), детский посадника — 219
 Левонко Ивашков, житель г. Русы — 139, 140
 Лемекуев Анней, владелец домницы — 100, 101
 Ленин В. И. — 5, 10, 12, 78, 87, 111, 129, 145—147, 353, 354
 Лентеев Ермола, землевл. — 53
 Лентеевы дети, купцы новг. — 162
 Леонтий Абакумович, бояр. новг. — 58
 Леонтий Макарьевич посади. псков. — 256
 Лепко И. В. — 13, 270, 279, 293, 296, 301, 316, 317
 Лихачев Андрей, писец — 56
 Лихачев Д. С. — 10, 13, 26, 201, 235, 241
 Лихачев Н. П. — 345
 Лотошков Федор, житий чел. — 172
 Лотошкова Татьяна Федоровна (дочь Ф. Лотошкова?) — 172
 Лошинский Иван, бояр. новг. — 151, 155, 275, 296, 301, 315, 316, 328
 Лошинские, бояре новг. — 160, 314
 Лугвень — см. Семен Ольгердович
 Лука, бояр. новг. — 95
 Лука Варфоломеевич (из рода Мишиничей), бояр. новг. — 17, 29, 31, 32, 39, 41, 43, 47, 48, 52, 64, 121, 158
 Лука Васильевич, сын посади. — 53, 59
 Лука Федорович — см. Федоров Лука
 Лука Остафьевич, житий чел. — 169
 Лурье Я. С. — 19, 320
 Лучко, «человек» Косицкого — 109
 Любавский М. К. — 167, 196, 197, 215
 Люткин, бояр. новг. — 154
 Мавродин В. В. — 12, 20
 Магнус Эрикссон, король Норвегии и Швеции — 21, 22, 24, 121, 157, 234
 Майков В. В. — 345
 Макарий, митр. — 243
 Макарий, старец Соловецкого м-ря — 60
 Макаров, землевл. — 154
 Макаров Михаил Иванович, житий чел. — 172
 Макаров Яхно, своез. г. Русы — 134
 Макарьев (Макарьин) Кирилл Иванович, житий чел. — 172, 270, 275
 Максе, житель г. Русы — 139
 Максим, сторонник в. кн. Дмитрия Донского в Торжке — 215, 216
 Максим Иванов, землевл. — 53
 Максим Ларионович, посади. псков. — 256
 Малейн А. И. — 137
 Малыгин Игнат, ушкуйник — 29, 39
 Малыгин Лука, ушкуйник — 29, 39
 Мамай, хан Золотой Орды — 49, 201
 Мамырев Даниил, дьяк в. кн. Ивана III в Новг. — 350
 Мацуила Данилович, землевл. — 53

- Маринин Юрий, житий чел.— 172
 Марков Иван Иванович, житий чел.— 172—174
 Маркс Карл — 12, 20, 22, 28, 83, 87, 111, 146, 200, 286, 290, 299, 312, 351, 354
 Марович Леонтий, посадн. псков.— 256
 Мартин V, папа римский •— 203
 Мартын Куприянов, житель г. Русы— 139
 Мартын Обакумов, гончар—• 110
 Мартьян Куприянов, житель г. Русы — 140
 Мартьян Семкин, житель г. Русы — 139
 Мастеров, бояр. новг.— 154
 Матвеева А. Н. — 8
 Матвей Варфоломеевич (из рода Мишиничей), бояр. новг.— 17, 33, 41, 160
 Матвей Юрьевич, посадн. новг.— 41
 Матюк, сын Ульянко Кондратова, житель г. Русы — 139
 Матюк Михалев, своез. г. Ямы— 127
 Матюк Яхнов, житель г. Русы— 139
 Матюх Игнатов, житель г. Русы— 139
 Махмуд, кн. болгарский — 50
 Медведнов Василий, житий чел.— 137
 Медведнов (Медведков) Евфимий, житий чел.— 163, 169, 172, 174, 337, 338, 357
 Медичи, флорентийские банкиры, позже герцоги Тосканы — 33
 Мелентьев Ермола, землевл. •— 53
 Мелецов Мелех, «средний человек» тифесского погоста — 73
 Менуев, землевл. — 60
 Менуев Фома, землевл.— 60
 Микита — см. Никита
 Никифор — см. Никифор
 Никифоров — см. Никифоров
 Микула Извозчик, ремесл. сельский— 110, 119
 Микулин Юрий, своез. г. Русы— 137
 Микулка, ремесл. сельский—109
 Микулка Скоморох, крест.— 66
 Минко, «человек» Косицкого—109
 Мирослав Гюратнич, посадн. новг.— 16
 Мирошкинич, бояре новг.— 148
 Митя, «человек» Мустафы Татьяна — 335
 Михаил, бояр. новг.—229
 Михаил, кн. пермский — 289
 Михаил, посадн. новг.— 25
 Михаил Александрович, в. кн. тверской — 24, 27, 42, 205, 231, 232
 Михаил Андреевич, кн. белозерско-верейский •—285
 Михаил Андреевич, - тысяцк. новг.— 266
 Михаил Глузд, житель г. Русы—138
 Михаил Давыдович, наместник в. кн. в Торжке — 33
 Михаил Данилович, бояр. новг.— 32, 121
 Михаил Ескин, домник — 99
 Михаил Иванов, житель г. Русы— 138
 Михаил Иванович, посадн. новг.— 358
 Михаил Исакович, тысяц. новг.— 266
 Михаил Клопский, монах новг.— 253, 265, 275, 308, 359
 Михаил — Митяй, митр.— 226
 Михаил Моисеев, купец новг.— 338
 Михаил Оканьич, посадн. новг.— 245
 Михаил Оленькович, кн. литов.— 144, 270, 275
 Михаил Семенович — Семенов Михаил
 Михаил Туча — см. Туча Михаил
 Михаил Феофилатович, бояр. новг.—217
 Михаил Яковлевич, воев. новг.— 149
 Михаил Ярославич, в. кн. тверской — 24, 27
 Михайко, житель г. Русы — 139
 Михайло Павшинич, посадн. новг.— 159
 Михайлов Григорий, бояр. новг.— 93, 98
 Михайлов Дмитрий, житий чел.— 169, 172
 Михайлов Иван, житий чел.—172
 Михайлов М. Л.— 311
 Михайлов Павел, житий чел.— 172
 Михайловы, бояре новг.— 98
 Михалко Степанович (из рода Михалковичей), посадн. новг.— 16
 Михалковичи, бояре новг.— 16
 Михаль Куприянов, купец новг.— 347
 Михей Копорьянин—121
 Михейка Пыхач, ключник Лукинского — 67
 Миша, новгородец—17
 Мишиничи, бояре новг., потомки Миши — 17, 32, 33, 158, 160, 292
 Можайч — см. Иван Андреевич, кн. Можайский — 284
 Моисей, архиеп. новг.— 25, 32, 320
 Молостовы, бояре новг.— 154
 Молчанов К. С — 58
 Мордвин И. П.— 115
 Морозов, воев. моек.— 338
 Морозов Захар, бояр. новг.— 55, 68, 69
 Морозов Иван Базар Овсеев, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Морозов Михаил Овсеев, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Морозов Павел Овсеев, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 Морозов Федор, бояр. новг.— 55, 68, 69, 137
 Метислав Метиславич Удалой, кн. новг.— 219
 Муравьев Мордвин, помещик — 98
 Муханов П. А.— 177
 Мюллер Р. Б.— 61, 65, 132
 Мятлев Н. В.— 326
 Нагаткин Григорий, бояр. новг.— 54, 55, 68, 69, 137
 Назимов Демех Нестеров, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329, 330
 Назимов Яков Нестеров, служилый чел. Б. Есипова (бояр.) — 329
 На римонт Гедининович, кн. литов.— 24, 121, 211, 213
 Наровов Алексей, бояр. новг.—94
 Насонов А. Н.— 10, 49, 365
 Нафанаил, старец Соловецкого м-ря — 72
 Неверов Иван Офромеев, житий чел.— 172
 Неволин К. А.— 10, 135

- Нежил, серебряник новг.— 19
 Нелединский, писец—113
 Нелидов Гаврила, воев. в. кн. Ивана III — 289
 Немиров (Немир) Иван Васильевич, посадн. новг.— 275, 328, 358, 361
 Нестор Анфалович, бояр, двинский — 221
 Нестерко Онтропов, крест.— 83
 Нестеров Ивашка, своез. г. Ямы—126
 Нестеров Куземка, своез. г. Ямы— 126
 Нестеров Олферко, своез. г. Ямы—126
 Никита (Микитка) Кошкин, «человек» Б. Есипова (бояр.)—329
 Никита (Микита) Матвеевич (из рода Мишиничей), бояр. новг.— 32, 160
 Никита Федоров, посадн. новг.— 156
 Никита (Микита) Федорович, тысяцк. новг.— 204, 227
 Никитин Афанасий, купец тверской — 231, 251
 Никитский А. И.— 3, 9, 18, 29, 38, 76—78, 86, 88, 97, 112, 115, 123, 162, 204, 226, 228, 230, 242, 348, 350, 351
 Никифор (Микифор), житель г. Русы—• 142, 143
 Никифор (Микифор), щитник—19
 Никифор (Микифорко) Король, житель г. Русы — 140
 Никифоров (Микифоров) Василий, воев. и посадн. новг.— 151, 287, 288, 291, 293, 297, 298, 300, 304
 Никифоров (Микифоров) Иван Васильевич, бояр. новг.— 105, 300
 Никольский Н. К.— 245, 265, 346
 Норовов Богдан, бояр. новг.— 102, 103, 105
 Норовов Лука, бояр. новг.— 105
 Норовов (Норов) Родион, бояр. новг.— 297, 328
 Норововы, бояре новг.— 104—106
 Носов Есиф Васильевич, посадн. новг.— 159, 255
 Обакуновичи — см. Абакумовичи
 Оболенский — Стрига Иван Васильевич, кн., наместник в. кн. Ивана III в Новг.— 255, 256, 262, 302, 306
 Оболенский-Стрига Ярослав Васильевич, кн., наместник в. кн. Ивана III в Новг. и Пскове — 302
 Оболенские, князья — 252, 307, 333
 Оболнянинов Сенька Рогоза, помещик новг.— 89
 Образец Василий Федорович, воев. в. кн. Ивана III — 287, 288, 301
 Обрамеев Василий, купец новг.— 338
 Оверкеев Минка, староста сельский — 87
 Оверкеев Павел, купец новг.— 165, 338
 Оверкеев Федор, купец новг.— 338
 Овин — см. Овинов
 Овинов (Овин) Василий Кузьмич, посадн. новг.— 155
 Овинов (Овин) Захарий Григорьевич, посадн. новг.— 123, 152, 155, 159, 275, 276, 286, 291, 293, 297, 298, 304, 358, 361
 Овинов (Овин) Иван Захарович, посадн. новг.— 84, 85, 97, 102—105, 155, 159
 Овинов (Овин) Кузьма Григорьевич, бояр. новг.— 152, 155, 255, 286, 295, 297—299, 358, 361
 Овиновы, бояре новг.— 150, 158, 160, 173, 291, 314, 328
 Овсянников Н. Н.— 233
 Огарок, «человек» Косицкого—109
 Озерецковский Н. И.— 138
 Окинф Васильевич, житий чел.— 169, 171, 306, 318
 Оксеп, ремесл. сельский—109
 Оксенов А. В.— 149
 Олег Иванович, кн. рязанский — 89
 Олександр — см. Александр
 Олексейка (Олексейко) — см. Алексей
 Олисеев — см. Елисеев Антип
 Олухов Куземка, скоморох в г. Яме — 128
 Олферий Морев, купец новг.— 338
 Олферьев Иван Офонасов, бояр. новг.— 92
 Олфромеев Иев, землевл.— 53
 Олфуй Корелянин, землевл.— 60
 Ольгерд Гедиминович, в. кн. литов.— 31, 121, 133, 200, 241
 Ольговичи, князья, потомки Олега Свято-славича Черниговского—15
 Омелянко — см. Емельяно
 Омелянов — см. Емельянов
 Омосов Игнатий, землевл.— 53
 Онаний — см. Ананий
 Онаныны — см. Ананыны
 Ондрей — см. Андрей
 Ондрейка (Ондрейко)—см. Андрейка
 Ондреян — см. Андреан
 Ондрон — см. Андрон
 Ондрюшка —• см. Андрюшка
 Онкудинов Ондрейко, крест.— 83
 Онитко Семенов, ремесл. сельский— 109
 Онтон — см. Антон
 Онтушев Еремейко, крест.— 101
 Онтушев Илейко, крест.—101
 Онушка, крест.— 113
 Онцифор Лукич (из рода Мишиничей), посадн. новг.— 17, 32, 39
 Ордумелик, хан Золотой Орды — 48
 Орлов С. Н.— 130
 Ост анок, «человек» Косицкого—109
 Остафий Сыпа •—см. Сыта Остафий
 Остафьев Иван Офанасов, бояр. новг.— 155
 Остафьев Никита Офанасов, посадн. новг.— 155
 Остафьев Олферий Никитович, бояр. новг.— 155
 Остафьев Офонас (Офонас Остафьевич), посадн. новг.— 155, 244, 266, 269, 270, 358—361
 Остафьев Офонас, сын тысяцк. новг.— 53
 Остафьев Тимофей, бояр. новг.— 155
 Остафьев Фалалей, житий чел.— 172
 Остафьевы, житий люди новг.— 170
 Осташ, житель г. Русы—139
 Осташко, житель г. Русы— 139

- Острат, житель г. Русы — 139
 Островская М. А. — 52, 53, 63
 Осьминский Т. И. — 154
 Офонас — см. Афанасий
 Офонас Остафьевич — см. Остафьев Офонас
 Офонаско — см. Афанаско
 Офонасов Иван Олферьевич, бояр. новг. — 151, 152, 296, 315
 Офонасов Никита, посадн. новг. — 361
 Офонасов Олферий, посадн. новг. — 93, 96, 151, 296, 315, 316, 328, 333, 361
 Офонасов Сава, купец новг. — 338
 Офонасов Федор, купец новг. — 338
 Офонасовы, бояре новг. — 58, 95, 98, 150, 160, 291, 296
 Офонасьев Василий, бояр. новг. — 71
 Офрем, староста сельский — 81
 Офремов Иван, житий чел. — 172
 Офромейко Грихнов, житель г. Русы — 138
- Павлов-Сильванский Н. Н. — 326
 Павша Ананьич, посадн. новг. — 159
 Палка, житель г. Русы — 139
 Палкин Демидка (Кривой Демед Палкин), своез. г. Ямы — 126, 127
 Палкин Игнашка, владелец домницы — 100
 Палкин Федка, владелец домницы — 100, 101
 Палкин Я., крест. — 101
 Пальмквист Эрик, шведский дипломат и путешественник — 197
 Панко, «человек» Косицкого — 109
 Панкратьев Кузьма, купец новг. — 338
 Пано Алексей Панфилович, послужилец Настасьи Григорьевой — 330
 Пано Васюк, послужилец Настасьи Григорьевой — 330
 Пано Микитка Панфилович, послужилец Настасьи Григорьевой — 330
 Пано Панфил Феофиластович, послужилец Настасьи Григорьевой — 330
 Панфил Селифонтович, посадн. новг. — 55, 57
 Панфил Селифонтович — см. Селифонтов Панфил
 Панфильев Лаврентий, житий чел. — 67, 173
 Панфильев (Панфилов) Марк, староста купеч. новг. — 53, 60, 96, 174, 275, 302, 306, 318, 337
 Парфенко Гридин, житель г. Русы — 139, 140
 Пассек В. В. — 9, 196—198
 Патрикеев (Петракеев) Иван Офонасов, землевл. — 55, 68, 69
 Патрикеев Иван Юрьевич, кн., бояр. моск. — 325
 Патрикеев Юрий, кн., бояр. моск. — 246, 247
 Патрикей Наримонтович, кн. литов. — 31, 121, 122, 211, 212
 Пенков Василий Никифорович, посадн. новг. — 155
 Перельман И. Л. — 12, 53, 66, 84, 85
 Перфурьевы, бояре новг. — 81, 82, 87
- Пестрый-Стародубский Федор Давидович, кн., воев. моск. — 289
 Петр Дмитриевич, кн. дмитровский, брат в. кн. Василия I — 208, 225
 Петрок, крест. — 88
 Петруша Псковитин, перевозчик, ивангородец — 133
 Пимен, митр. — 226
 Пинский, кн., наместник в. кн. Витовта в Пскове — 205
 Платонов С. Ф. — 61, 64, 65, 72, 73, 135, 319
 Плешей, воев. костромской — 43
 Плошинский А. О. — 166
 Плюснин Ульян, житий чел. — 172
 Победоносцев К. П. — 311
 Подношкин Константин, бояр. новг. — 93, 98
 Подношкины, бояре новг. — 98
 Подозванов Иван Юрьев, служилый человек Б. Есипова (бояр.) — 329
 Покровский М. Н. — 13, 146, 167, 168, 348—350
 Полиарьин (Федотьян) Василий Иванов, житий чел. — 172, 174
 Полиарьин Василий Исакович, бояр. новг. — 152
 Полиарьин (Федотьян) Лука Иванов, житий чел. — 172, 176
 Полиарьин Лука Исаков, посадн. новг. — 152, 175, 176, 357
 Полиарьины, бояре — 151, 323
 Полиарьины (Федотьины), житий люди новг. — 173, 174
 Полянский М. И. — 138
 Помяловский М. И. — 222—224, 230
 Попов А. И. — 61, 157
 Порей, воев. киевский — 36
 Порфиридов Н. Г. — 13, 344
 Посахно (Посахнов) Григорий Кириллович, посадн. новг. — 357, 359, 360
 Пресняков А. Е. — 3, 11, 50, 203, 204, 211, 217, 222, 236, 240, 241, 261, 262, 286, 292, 319, 336, 337
 Приселков М. Д. — 10, 308
 Прозоровский Д. И. — 244
 Прокоп, житель г. Русы — 139
 Прокоп (Прокопий), ушкуйник новг. — 38, 39, 42—44, 48, 50, 222
 Проня Игнатов, житель г. Русы — 139
 Проша, крест. — 62
 Прошка, житель г. Русы — 139
 Прошко, житель г. Русы — 141
 Пудов Максимко, житель г. Русы — 139
 Пудов Олексейко, житель г. Русы — 139
 Пужбольский Иван, кн., наместник в. кн. Ивана III в Кореле — 335
 Пушкин А. С. — 292
 Пушин Васюк, помещик новг. — 98
- Рабинович Г. С. — 18, 197
 Рабинович М. Г. — 19
 Равдоникас В. И. — 115
 Радищев А. Н. — 4, 11, 18, 310, 326
 Рассохин Михаил, воев. моск. — 220, 221
 Растрюгин Иван, бояр. новг. — 137, 154

- Ращеп-Варварин Иван, землевл. — 81, 154
 Резан, «человек» Ф. Саларева — 346
 Репехов Юрий, наместник владыки в Новг. — 137, 306, 318
 Родивон, скоморох в г. Яме — 128
 Родивонко, кузнец в дер. Озерце — 110
 Родивонко, кузнец в дер. Пососенье — 110
 Родивонко, пастух в г. Яме — 128
 Родион, владычный стольник, посол новг. в Пскове — 273
 Родионов, купец новг. — 162
 Рождественский С. В. — 46, 52, 287, 325
 Рожков Н. А. — 166, 196—198, 357
 Роман Мстиславич, кн. галицкий — 308
 Роман Окинфов, купец новг. — 164, 306, 319, 338
 Роман Сидорович, посол псков. в Новг. — 204
 Роман Юрьевич, кн. новг. — 122
 Романов Б. А. — 89, 231, 251
 Рохно Федков, своез. г. Ямы — 126
 Рохнов Васюк, своез. г. Ямы — 127
 Рохнов Палка, своез. г. Ямы — 126
 Рушевский, бояр. новг. — 328
 Рыбаков Б. А. — 12, 18, 19, 106—108, 112, 119, 141, 142
 Рюриковичи — 211
 Рязан (Иван Рязанец, Станислав сын), воев. ушкуйников — 39, 44
 Ряполовские, бояре моек. — 252
 Ряполовский Семен Иванович, кн. — 325

 Сабур, бояр. моек. — 288
 Сабуров Юрий, наместник в. кн. Ивана III в Кореле — 335
 Сабуров Юрий Константинович, писец — 53, 55, 56, 65, 67, 68, 70, 72, 73
 Савватий, игумен Соловецкого м-ря — 60
 Саведков Иван Кузьмич, бояр. новг. — 107—109, 151, 297, 306, 318, 321, 328
 Савельев Андреян, житий чел. — 172, 175, 300
 Савельев П. С. — 48
 Савин Никита, бояр., посол новг. в Москву — 233, 270
 Савич А. А. — 61, 62, 64, 65, 289
 Савка, плотник — 109
 Савостьян Рыков, послужилец Б. Есипова (бояр.) — 329
 Саларев Фома, староста купеч. новг. — 332, 346, 347
 Саларевы, купцы моек., «введенцы» — 346, 348
 Салингуэрра, глава феодального рода в Ферраре — 33
 Салчей, кн. астраханский — 43
 Самоквасов Д. Я. — 113, 119, 164, 324, 329, 330, 333, 334
 Самсон Иванович, посадн. новг. — 155, 357—360
 Самсонко Иванов, житель г. Русы — 139
 Самсонов Александр, посадн. новг. — 152, 155, 306, 328, 358, 361
 Самсонов Федор, посадн. новг. — 358, 361
 Самсоновы, бояре новг. — 155, 269
 Сарторий Георг — 350
 Сарыевский Куземка, помещик новг. — 98
 Свибло Федор Андреевич, бояр. моек. — 221
 Свидригайло Ольгердович, кн. литов. — 237—241, 271, 359
 Своземцев (Едемский) Василий Матвеевич, посадн. новг. — 52, 57, 58
 Своземцев Остафий Онаньевич, бояр. новг. — 28, 57
 Своземцевы, бояре новг. — 58, 74, 153, 160
 Секира (Сокира), посадн. новг. — 183, 360
 Селезнев Василий, бояр. новг. — 58
 Селезнев Матвей, тысяцк. новг. — 297
 Селезнев Михаил, бояр. новг. — 328
 Селезнев-Губа Василий, бояр. новг. — 275, 280
 Селезнев-Губа Яков Федорович, посадн. новг. — 103—105, 155, 156, 328
 Селезневые, бояре новг. — 58
 Селиван, посол в. кн. Василия I в Новг. — 224
 Селивестр — см. Сильвестр Леонтьевич
 Селифонт Твердиславич, бояр. новг. — 53—55 ^
 Селифонтий (Селифонтик) Ивашков, крест. — 87
 Селифонтов Лаврентий Панфилович, житий чел. — 55, 67, 174
 Селифонтов Панфил, житий чел. — 169, 173—175, 275
 Селифонтовы, житий люди новг. — 55, 270
 Семен, бояр. новг. — 139, 229
 Семен Андреевич, бояр. новг. — 25
 Семен Васильевич, бояр. новг. — 217
 Семен Внучек, бояр. новоторжекий — 33
 Семен Ермолин, бояр. новг. — 71
 Семен Ивашович Гордый, в. кн. моек. — 24, 33, 34, 246
 Семен Мстиславич, кн. вяземский — 217
 Семен (Лугвень) Ольгердович, кн. литов. — 121, 203, 205, 206, 208, 209, 212—214, 225, 233, 234, 240, 241, 267
 Семенов Михаил, посадн. новг. — 155^ 358, 361
 Семка, житель г. Русы — 139
 Сенка, житель г. Русы — 141
 Сенка, староста сельский — 81
 Сенка Кузмин, крест. — 88
 Сенка Офремов, крест. — 81
 Сенька, ремесл. сельский — 110
 Серапион, старец Вяжицкого м-ря — 70
 Сербина К. Н. — 10. 221
 Сергеевич В. И. — 166, 304, 324—326
 Сергейко, житель г. Русы — 137
 Сергейко Овчинник, крест. — 109
 Сергей, архиеп. новг. — 320, 337
 Сергей Радонежский, игумен Троице-Сергиева м-ря — 265
 Сергей (Тихомиров) — 89, 323
 Сигизмунд (Жигимонт) Кейстутович, в. кн. литов. — 237—239, 246, 249, 359
 Сидко, кузнец — 110

- Сидко Сахнов, житель г. Русы — 138
 Сидорик Максимов, послужилец Б. Есипова (бояр.) — 329
 Сидоров Яков, землевл. — 53
 Сильвестр, посадн. новг. — 32
 Сильвестр, ростовщик новг. — 148
 Сильвестр (Селивестр) Леонтьевич, посадн. новг. — 243
 Симеон, архиеп. новг. — 179, 180, 190, 199, 225, 226
 Симон, митр. — 322
 Скаматов, землевл. — 154
 Скачельский Федор, бояр. новг. — 105, 106
 Скокухин Алексей, житий чел. — 173, 174
 Скокухин Иван Алексеевич, житий чел. — 173
 Скокухина Настасья, жена А. Скокухина — 173
 Скригайло Кейстатович, кн. литов. — 202
 Сливин, посол новг. к королю Казимиру — 267
 Слизень Яков, посадн. новг. — 155
 Слизины, бояре новг. — 57
 Служов Яков, бояр. новг. — 93, 98
 Сляковых Александр Лукич, житий чел. — 170, 173
 Сляковых Мария, жена А. Сляковых — 173
 Смирнов И. И. — 8
 Смирнов П. П. — 126, 342, 343
 Смолнянин, ушкуйник — 39, 43
 Созонов Кюра, посол новг. к патриарху Антонию — 228
 Сокира — см. Секира
 Соловьев П. И. — 360
 Соловьев С. М. — 3, 9, 11, 215, 226, 235, 243, 246, 254, 292, 301, 337, 349
 Софья Дмитриевна, жена Дмитрия Шемьяки, княгиня — 252
 Срезневский И. И. — 124
 Степан Бородатый, дьяк моек., знаток летописей — 308, 320
 Степан Григорьевич — см. Григорьев Степан
 Степан Ляпа, ушкуйник — 29, 39
 Степан Твердиславич (из рода Михалковичей), посадн. новг. — 3, 16
 Степанко, жителе г. Русы — 139
 Степанко, крест. — 67, 129
 Степанко, участник новг. восстания — 178—182, 191, 192, 195, 198
 Степанков Г., крест. — 100
 Степанов Артемий, член корельского «вымолоцкого рода» — 59
 Степанов Микифор, житий чел. — 173
 Стефан Борисов, воев. новг. — 26
 Стефан Юрьевич, бояр. псков. — 249
 Шешко, ремесл. сельский — 108
 Страшка, серебряник — 19
 Стрига-Оболенский — см. Оболенский-Стрига
 Строков А. А. — 135, 137, 178, 181, 191, 193, 194, 344
 Стрыйковский Матвей, хронист польский — 205
 Судоков Санифонт, бояр. новг. — 32
 Судоков Семен, бояр. новг. — 32
 Сумароков П. И. — 179
 Сухов М. — 138
 Сухошеков, бояр. новг. — 357
 Сырков Дмитрий Иванович, купец моек. — 346
 Сырков Иван, купец моек. — 346
 Сырков Федор Дмитриевич, купец моек. — 346
 Сыроечковский В. Е. — 345, 346
 Сысой, посадн. Псков. — 204
 Сыта (Сыпа) Остафий, наместник в. кн. Василия I в Новг. — 224
 Таган, хан в Наручади — 49
 Тараканов Василий Никитич, староста купеч. новг. — 346
 Тараканов Владимир, староста купеч. новг. — 332, 346, 347
 Тараканов Илья, купец новг. — 346
 Тараканов Никита, купец моек. — 346, 347
 Тараканова Елена — 346
 Тараканова-Белкина А. С. — 12, 88, 95, 97, 150—154, 169, 170, 315
 Таракановы, купцы моек. — 346, 348
 Тараска, крест. — 66
 Татянин Сенька Мустафа Михайлов сын, житель г. Ямы — 335
 Твердиславичи, бояре новг. — 292
 Твердислав Михайлович (из рода Михалковичей), посадн. новг. — 22
 Телятев Федор, бояр. новг. — 297
 Темир-Кутлуй, хан татарский — 201
 Терех, житель г. Русы — 139
 Терешко, крест. — 81
 Тимофеев Александр, бояр. новг. — 53, 54, 60, 67
 Тимофей, старец Соловецкого м-ря — 72
 Тимофей Остафьевич, посадн. новг. — 272, 359, 361
 Тимофей Юрьевич, посадн. новг. — 204, 219, 222, 227
 Тимохно Куприянов, житель г. Русы — 139
 Тимощка, ремесл. сельский — 110, 119
 Тимур (Тамерлан), хан монгольский — 201, 228
 Тимур Хаджа, хан Золотой Орды — 48, 49
 Тинчов Никита, новгородец — 162
 Тиняков Костя, послужилец Б. Есипова (бояр.) — 329
 Тихомиров М. Н. — 10, 164, 337, 338
 Товарков, посол в. кн. Ивана III в Новг. — 273, 297
 Тохтамыш, хан Золотой Орды — 44, 48, 49, 201, 203, 221, 232
 Трусов Ерема сын Воробин, помещик новг. — 324
 Трусов Митя сын Воробин, помещик новг. — 324
 Труфанов Александр, купец новг. — 162
 Турганев А. И. — 203

- Туча Михаил, посадн. новг. — 156, 256
Тучин, житель г. Русы — 138
Тучин (Туча) Григорий Михайлович, посадн. новг. — 137, 151, 155, 156, 175, 297, 299, 328, 340
Тучины, бояре новг. — 58
Тучков Василь, бояр. моек. — 325
Тучков Иван, бояр. моек. — 325
Тучковы, бояре новг. — 325
Тютихин Яков, землевл. — 67
Тютчев Борис Матвеевич, воев. в. кн. Ивана III — 287, 288
Тяполков Василий, земец новг. — 73
- Узбек, хан Золотой Орды — 48
Ульяна — 59
Ульянко Кондратов, житель г. Русы — 139
Упадыш, новгородец — 277, 278
Утреткин Филипп, ушкуйник — 41
- Фалалейка, крест. — 66
Фатьян Есифович, бояр. новг. — 157
Федко, дьяк в г. Русе — 138
Федко, крест. — 113
Федко, «сусед» Игнатова в г. Русе — 139
Федко, «сябр» Кондратова в г. Русе — 139
Федко, «человек» Косицких — 109
Федко Микуй, ивангородец — 342
Федко Рохнов, своез. г. Ямы — 126
Федко Соболь, житель г. Русы — 138
Федко Трошков, житель г. Русы — 139
Федков Иванко, своез. г. Ямы — 126
Федор, архиеп. ростовский — 228
Федор, посадн. новг. — 57
Федор Васильевич, воев. копорский — 121
Федор Данилович, посадн. новг. — 31, 32, 121, 122, 357, 359, 360
Федор Елисеев (Олисневич), воев., тысяцк. и посадн. новг. — 156, 244, 357, 360
Федор Жеребец, чеканщик монеты в Новг. — 183
Федор Иевлич, житий чел. — 169
Федор (Ярослав) Лугвеневиц (Семенович), княжич — 212
Федор Лытка, представитель «черных людей» в посольстве к в. кн. Ивану III — 294
Федор Патрикеевич, наместник в. кн. Василия I в Новг. — 225
Федор Пестрый — см. Пестрый-Стародубский Федор Давидович
Федор Самсонович — см. Самсонов Федор Федор Свибло — см. Свибло Федор Андреевич
Федор Тимофеевич, воев. и посади. новг. — 26, 124, 192—195, 198, 222
Федор Юрьевич, кн., воев. моек. — 262, 266, 267
Федор Юрьевич, кн., сын Юрия Смоленского — 205, 206, 209, 213
Федор Яковлевич, посадн. новг. — 156, 269, 358, 360
Федоров Григорий, житий чел. — 173
Федоров Лука, посадн. новг. — 54, 67, 72, 151, 152, 155, 156, 175, 269, 299, 304, 320, 328, 359, 361
Федоров Николай, посадн. новг. — 155
Федоров Павел, житий чел. — 173
Федоров Яков, посадн. новг. — 152, 155, 156, 175, 233, 304, 361
Федоровы, житий люди новг. — 170
Федоско, житель г. Русы — 139
Федот, житель г. Русы — 139
Федот, ремесл. сельский — 109
Федот, священник в г. Русе — 142, 143
Федот Тимофеевич, посадн. новг. — 158
Федотьев, бояр. новг. — 328
Федотьян Исаак, бояр. новг. — 94
Феогност, митр. — 33
Феодосий, митр. — 268
Феоктист, архиеп. новг. — 31
Феофан Грек, иконописец — 27
Феофил, архиеп. новг. — 175, 272, 274, 276, 282, 284, 298, 305, 307, 317, 319, 320, 361
Феофилакт Захарьевич — см. Захарьян Феофилакт
Феофилакт Кузьма, бояр. новг. — 81—83, 87, 92, 93, 98, 159
Фешка, житель г. Русы — 141
Фешко, житель г. Русы — 141
Филиппко, кузнец — 99
Филиппко Нефедов, крест. — 83
Филипп, митр. — 168, 273
Филипп, посадн. новг. — 159
Филиппов Василий, житий чел. — 170, 173
Филиппов Игнат, бояр. новг. — 69
Филка Ермолин, ремесл. сельский — 109
Филя, дьяк в г. Русе — 139
Филя Матюков, своез., г. Ямы — 127
Фома Есифович, посадн. новг. — 159
Фома Иванов, сын боярск. — 233
Фома Менуев, землевл. — 59
Фомин Иван, землевл. — 54
Фомины дети, купшы новг. — 162
Фомка, житель г. Русы — 141
Фомка, «сусед» Куприянова в г. Русе — 139, 140
Фомка, «сусед» Трошкова в г. Русе — 139
Фомка Ключник, холоп, «Кузьмин человек» — 109
Фотий, митр. — 201, 241
Фофанов Мартюша, житель г. Русы — 139
Фрязин Аристотель, зодчий и литейщик — 301
- Харитон, предводитель «черных людей» в посольстве к в. кн. Ивану III — 294
Харитонко Федоров, послужилец Б. Есипова — 329
Харитонов Истомка, кузнец — 114
Хидырь (Кидырь Хызр), хан Золотой Орды — 40, 48, 49
Хмелев Никифор (Микифор), житий чел. — 173, 174
Ховря Тойвутова, дочь Василия Кокуя — 56

- Царевичев Яков, купец новг. — 163, 165, 169, 174, 337
 Царский И. Н. — 222, 227, 229, 230, 260, 349
- Цепола, житель г. Русы — 139
- Чаев Н. С — 57
- Чарторыйский (Черторыйский) Александр Васильевич, кн. литов. — 249, 250, 254, 255, 257, 261, 268
 Чашников, бояр. новг. — 154
 Челядин Андрей Федорович, бояр., наместник в. кн. Ивана III в Новг. — 270, 332
 Черепнин Л. В. — 10, 11, 182, 184—188, 194, 208, 231, 246, 251, 258, 259, 271, 272, 283, 284
 Чечулин Н. Д. — 125, 128, 130, 131, 136, 339
 Чудов Иван, купец новг. — 338
 Шалимов Иван, купец новг. — 164
 Шалимов Степан, купец новг. — 164
 Шалимов Федко, своез. г. Ямы — 126
 Шаскольский И. П. — 21
 Шахматов А. А. — 57. J35, 308
 Шемяка — см. Дмитрий Юрьевич Шемяка
 Шемячич — см. Иван Дмитриевич Шемячич
- Шенкурские (Своеземцевы), бояре новг. — 156
 Шенкурский Василий, воев. новг. — 149, 150
 Шенкурский Иван Остафьевич, посади. новг. — 155, 361
 Шенкурский Федор Остафьевич, бояр. новг. — 150
 Шере мегев, бояр. моек. — 325
 Шимский, бояр. новг. — 154
 Шишкины, бояре новг. — 154
 Шлютер В. — 18
 Шуйские, князья, наместники в. кн. Ивана III в Новг. — 333
 Шуйский Борис Васильевич, кн., наместник в. кн. Василия II в Пскове — 248
 Шуйский-Гребенка Василий Васильевич, кн., служилый новг. — 152, 255, 256, 287, 288, 302, 318, 361
 Шурыгина А. П. — 12, 13, 53, 54, 57, 58, 62, 150
- Шапов А. П. — 48, 199
 Щека — см. Шока
 Щеня Даниил Васильевич, кн., наместник в. кн. Ивана III в Новг. — 333, 338
 Щечкин Василий, посол новг. к патриарху Антонию — 228
 Шока (Щека) Иван Лукич, посади. новг. — 244, 255, 267, 275, 283, 358 — 361
- Зйхвальд Э. И. — 138
 Экземлярский А. В. — 39, 216, 220, 225, 245
- Энгельс Фридрих — 12, 20, 28, 200, 290, 299, 312, 351, 354
 Эсте'д маркизы, позже герцоги Феррары — 33
- Юрий Андреевич, кн. ростовский — 220
 Юрий Васильевич, сын в. кн. Василия II, кн. дмитровский — 260, 262
 Юрий Владимирович Долгорукий, кн. суздальский — 16
 Юрий Данилович, бояр. новг. — 32, 121
 Юрий Данилович, кн. моек. — 23, 24
 Юрий Данилович, кн. новг. — 20—22, 45, 234
 Юрий Дмитриевич, кн. галицкий и звенигородский, брат в. кн. Василия I — 50, 215, 216. 220, 238, 241, 242, 245, 248
 Юрий Дмитриевич, посади. новг. — 219, 222
 Юрий Еремеев, купец новг. — 338
 Юрий Иванович (Гюргя Иванковиц), посади. новг. — 22
 Юрий Лугвеневиц (Семеновиц), кн. литов. — 213, 214, 239, 241, 249, 267, 275
 Юрий Мишинич (из рода Мишиничей), бояр. новг. — 17
 Юрий Онцифорович (из рода Мишиничей), воев. новг. — 17, 26, 124, 158, 160, 209, 212, 229, 233
 Юрий (Гюргята) Рогович, бояр. новг. — 15, 17, 18, 36
 Юрий Святославич, в. кн. смоленский — 122, 135, 203, 205, 206, 208, 209, 212, 213, 217
 Юрий Тимофеевич — см. Вишков Юрий Тимофеевич
 Юрий Филиппович — см. Козачкович Юрий Филиппович
 Юрьев, бояр. новг. — 154
 Юрьев Федор, бояр. новг. — 96
 Юрьевичи, потомки кн. галицкого Юрия Дмитриевича — 242, 287
 Юхиов Терех, житель г. Русы — 139
 Юшков С. В. — 28, 30
- Ягайло, в. кн. литов., позднее король польский — 158, 200, 202, 203, 209, 212, 214, 237, 239
 Ягуб, царевич татарский — 254
 Яжышинский Иван, бояр. новг. — 84, 85
 Яким, игумен Вяжицкого м-ря — 59
 Яким Павлович, посади. псков. — 243
 Яким Яковлевич — см. Яковлев Яким
 Якимка, крест. — 66
 Яков, гвоздочник — 19
 Яков Александрович, посади. новг. — 358
 Яков Андреевич, сын посади., новг. посол в Пскове — 250
 Яков Дмитриевич, бояр. новг. — 58
 Яков Захарьич — см. Захарьин-Кошкин Яков Захарьич
 Яков Зиновьевич, житий чел. — 169
 Яков Иванович, житий чел. — 169

- Яков Короб — см. Короб Яков Александрович
Яков Леонтьевич, землевл. — 59
Яков Прокофьев, воев. новг. — 219, 220
Яков Сидоров, землевл. — 53
Яков Федорович — см. Федоров Яков
Яков Федорович, сын посади. новг. — 233
Яковлев А. И. — 326
Яковлев Кирилл, посади. новг. — 155, 361
Яковлев Кузьма, посол новг. к в. кн. Ивану III — 292
Яковлев Яким, житий чел. — 169, 173
Яковлевы, житий люди новг. — 170
Якубовский А. Ю. — 48
Якун Мирославич (из рода Гюрятиничей), посади. новг. — 16
Якун Моисеевич, бояр. новг. — 19
Якут, крест. — 62
Якушев Софронка, своез. г. Ямы — 126, 127
Якушко, ремесл. сельский — 109
Якушко Офремов, сын старосты сельского — 81
Якушов Захар, своез. г. Ямы — 127
Якушов Наум, житель г. Русы — 137
Яниш Н. Н. — 308, 311, 312
Ярослав Владимирович Мудрый — 316
Ярослав Всеволодович, в. кн. владимирский и киевский — 22
Ярослав (Федор) Лугвеневи́ч (Семенович), княжич — 121
Ярослав Ярославич, в. кн. тверской — 21—23, 231, 245, 246, 258
Яшка Харитонов, своез. г. Ямы — 126

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ¹

Принятые сокращения: бер. — берег; в. — великий; вол. — волость; вост. — восток? г. — город; дер. — деревня; зал. — залив; зап. — запад; кон. — конец; княж. — княжество; кн. — князь; литов. — литовский; местн. — местность; м. — море; м-рь — монастырь; моек. — московский; нар. — народ; новг. — новгородский; обл. — область; о-в — остров; оз. — озеро; пог. — погост; п-ов — полуостров; пригор. — пригород; прит. — приток; пос. — посад; псков. — псковский; пят. — пятина; р. — река; ряд. — рядок; сев. — север; сел. — селение, сельцо, село; стр. — страна; терр. — территория; у. — уезд; ул. • — улица; цер. — церковь; ч. — часть; южн. — южный.

- Андомский, пог. Обонежской пят. в Восточном Прионежье — 59, 69
 Анзери, о-в в Белом м. — 60
 Арбала, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91
 Арская (Арьская) земля, по нижней Вятке и в Прикамье — 39, 44, 47
 Бабинское, оз. в Толдожском пог. Вотской пят. — 102
 Бабкинская, вол. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
 Балтийское (Балтика, Варяжское), м. — 18, 165, 326, 350
 Балтика — см. Балтийское м.
 Бежецкая, пят., вост. ч. Новг. земли — 79, 106, 112—115, 118, 145, 170, 173, 174, 325, 334
 Бежецкий (Бежичкий) Верх, вол. новг. в верховье р. Мологе — 215, 217, 218, 242, 246, 250, 316
 Бежицы (Бежиць, Бежичи, Бежиче, Бежечи), вол. новг. по р. Мологе — 16, 23, 258, 282
 Бездеж, г. на низовьях Волги (?) — 49
 Бейпасовская, дер. в Шунье — 62
 Белая, ряд. Бежецкой пят., на р. Мете, вол. — 114, 318
 Белое, дер. на оз. Белом в Койвушском пог. Обонежской пят. — 82
 Белое, м. — 60, 61, 72, 153
 Белое (Белозеро), оз. — 215—217, 228
 Белозерск, г. на оз. Белом — 217
 Белозерский, у. — 215
 Белозерское, княж. — 216
 Белозерье (Белозерщина, Белозерский край, Белозерские земли), земли у Белого оз. — 39, 71, 154, 215, 216, 218—219
 Беломорье, земли на побер. Белого м. — 51, 60, 63, 64, 145
 Белоруссия — 200, 239
 Берденевская, вол. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
 Богдановская, вол. Койвушского пог. Обонежской пят. — 81
 Богородинский, кон. в г. Ладоге — 125
 Богородицкий, пог. на Белой (по р. Мсте) в Бежецкой пят. — 114
 Богоявленский, пог. Важского у., на левобережье Сев. Двины — 58
 Болгар (Булгар, Болгары Великие), г. земли волжских болгар на Верхней Волге — 38—45, 49, 50
 Болгары Великие — см. Болгар
 Бологовский, пог. Деревской пят. — 318
 Большие Соли, пос. г. Русы — 138
 Большой Двор, барский двор в дер. Федоровской боярщины Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
 Большие Дворы в Обонежье (Другие) — 67, 69, 70, 81, 84
 Бор, дер. Дубровенского пог. Шелонской пят. — 106
 Бор, дер. на р. Систе Каргальского пог. Вотской пят. — 99
 Боровец, сел. на р. Протве, левом прит. р. Оки — 338
 Боровичи, Боровицкий ряд. Бежецкой пят., на р. Мете — 113, 114, 119
 Борок, г. в Подвинье — 220

¹ В указателе географических названий наименование поселений или местностей даны после названий самих поселений или местностей. Церкви, концы, улицы сгруппированы по городам, в которых они находились.

Указатель географических названий

- Булгар — см. Болгар
 Буря, вол. Вотской пят. — 153
 Буряжский, пог. Шелонской пят. — 343
 Бьярка, замок в сев. Норвегии — 21
- Вага, вол., р., левый прит. Сев. Двины — •
 39, 52, 57, 61, 65, 74, 153, 254
 Ваглоба, дер. в Шуньге — 62
 Важенский (Важены), пог. Обонежской
 пят. в Карелии — 57, 59
 Важская земля, у., пог. на р. Ваге — 57,
 58, 288
 Валговичи (Валгович), сел. в сев. ч. Тол-
 дожского пог. Вотской пят. (рудник,
 недалеко от сел. Виликино) — 102, 104
 Валлома, сел. Толдожского пог. Вотской
 пят. — 99
 Валуша, сел. Каргальского пог. Вотской
 пят. — 99
 Валитово, дер. на Неве — 157, 158
 Варваринская (Варварино), вол., сел. Хот-
 славльского пог. Обонежской пят. • —
 81, 83
 Варвиста, р., прит. Невы — 157
 Варьяжское, м. — см. Балтийское м.
 Варьевалда, дер. Каргальского пог. Вот-
 ской пят. — 99, 100, 102
 Васильевский, о-в, в устье Невы — "16
 Вачюево, дер. в Шуньге — 62
 Велиж, г. Псков, земли, на Зап. Двине —
 205
 Великая Мегра — см. Мегра Великая
 Великая Пермь — см. Пермь Великая
 Великие Луки — см. Луки Великие
 Великий Мох Вежытцкий, Кречновского
 пог. Вотской пят. — 335
 Великий Новгород — см. Новгород
 Великий океан — 61
 Великий Псков — см. Псков
 Великороссия — см. Россия
 Великорусское государство — см. Россия
 Велкота, сел. Радшинского (Ратчинского)
 пог. Копорского у. Вотской пят. — 329,
 330
 Вельце, сел., ряд. Вотской пят. — 116
 Венецкий (Веницы, Венецкий), пог. Обо-
 нежской пят. — 84—87, 94
 Верхнее, оз. в Шунгском пог. Обонежской
 пят. — 62
 Верхнее Подвинье — см. Подвинье Верх-
 нее
 Верхняя Волга — см. Волга
 Ветлуга, р., левый прит. Волги — 42, 46
 Взвяд (Озвядо), сел., ряд. у оз. Ильменя
 в Шелонской пят. — 116, 117, 145,
 271, 283, 333
 Взылицкий, пог. Копорского у. Вотской
 пят. — 92, 173
 Византия (Византийская империя) — 24
 Виликино, сел. в сев. ч. Толдожского пог.
 Вотской пят. — 99, 102—104, 106
 Вилна (Вильно), г. на р. Вилии, столица
 вел. княж. Литов. — 239
 Вирма, р. в Выгозерском пог. на сев.
 Обонежской пят. — 56
 Висмар, г. на побер. Балтийского м. — 162
- Витебск, г. на 3. Двине в Смоленской
 земле — 238, 239
 Витча, ряд. Богородицкого пог. Бежец-
 кой пят. (на р. Мете) — 114
 Вишера (Вешера), г. на р. Вишере, правом
 прит. р. Волхова — 252
 Вишера, р., левый прит. Камы — 289
 Владимир (Володимер), г. на р. Клязьме,
 лев. прит. Оки, в Суздальской земле —
 232, 263, 337, 338
 Владыченский, пог., ряд. в Шероховичах
 Бежецкой пят. (по р. Мете) — 113, 119
 Водла (Шала), р., вытекающая из Вод-
 озера и впадающая в Онежское оз. —
 54, 55, 72, 74
 Водлозеро, оз. к вост. от Онежского оз. —
 57
 Водлозерский (Водлоозерский, Водлозеро,
 Водлозерье), пог. Обонежской пят.
 в Вост. Обонежье — 54, 57, 62, 69,
 73, 153
 Водская — см. Вотская
 Водь, нар., живущий в Водской (Вотской)
 земле — 120
 Воиславль, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 90, 91, 93, 330
 Войносело, сел. Толдожского пог. Ям-
 ского у. Вотской пят. — 91, 99, 102—
 105, 145
 Волга (Верхняя, Средняя, Нижняя Волга,
 Волжский путь, по Волзе), р. — 4, 16,
 36, 38—51, 61, 74, 79, 115, 149, 162,
 215, 231, 242, 245, 252, 255
 Волжский бассейн — 46
 Волжско-Окское междуречье — 16, 75, 200
 Вологда, г. на р. Сухоне, вол. новг. — 17,
 42, 215—218, 228, 246, 252, 253, 258,
 282, 283, 287, 289
 Волок Гостии немецкий, в Вытегорском
 пог. Обонежской пят. — 73
 Волок (Волоце) Ламский (Ламьский),
 г. на р. Городенке, прит. р. Ламы, вол.
 новг. — 16, 23, 158, 188, 194, 215—218,
 222, 228, 235, 246, 268, 269, 271, 282,
 283, 287
 Волок (Волочек) на Держкове, метинский
 ряд. Бежецкой пят. — 114
 Волочек Кемской (Кенской) — см. Кен-
 ский Волок
 Волочек Сванский (Свенский) — см. Сван-
 ский Волочек
 Волоцкие (Вологодские) земли — 287
 Волхов, р. — 18, 115, 131, 184, 196, 198,
 277, 300, 301, 316, 332, 344
 Вольшь, Волынская земля на Сев.-Зап.
 Украины — 24
 Вордея, дер. Вотской пят. — 101
 Воронеж (Воронач), г. Псков, земли на
 р. Сороти, пригор. г. Пскова — 207,
 209
 Ворскла, р., левый прит. Днестра — 201,
 202, 205
 Восток, стр. мусульманского Востока — 203 •
 Восточная Европа — 15, 17, 21, 24, 36.,
 77, 146, 200, 201, 231, 235—237, 242.,
 253, 279, 353

- Восточное Обонежье — см. Обонежье Восточное
- Восточное Подвинье — см. Подвинье Восточное
- Восточное Прионежье — см. Прионежье Восточное
- Вотская (Водская, Вотцкая), пят., в сев.-зап. ч. Новг. земли — 79, 89, 100, 106, 108, 112, 115—118, 120, 121, 124, 129, 130, 133, 145, 152, 153, 156—158, 170, 173, 174, 204, 249, 271, 315, 323—328, 334, 342, 347
- Вотский конец, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91
- Вруда, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 89—93
- Вруда, р., правый прит. р. Луги — 89
- Врудский, пог. Копорского у. Вотской пят. — 89—91, 93, 95, 98, 106, 107, 111, 327, 330
- Врудский, район Вотской пят. — 89
- Вуокса, оз., р. на Карельском перешейке — 132
- Выа (Выя), земли по р. Пинеге, правому притоку Сев. Двины — 288, 289
- Выборг, г. на Карельском перешейке, на бер. Финского залива — 20, 24, 212, 234
- Выг, р., впадающая в Выгозеро — 55, 56, 59—61, 63, 71, 72
- Выгозеро, оз. в Карелии — 56
- Выгозерский, пог. Обонежской пят. — 56, 71, 72
- Выжматка, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
- Высокое, г. Шелонской пят. — 133
- Вытегорский (Вытегра), пог. Обонежской пят., вол. в Южн. Прионежье — 55, 56, 59, 65, 68, 70, 73, 74, 145
- Вытегорский, волок на р. Вытегре — 73
- Вытегра, р., впадающая в Онежское оз. — 54, 73
- Вычегда, р., правый прит. Сев. Двины — 289
- Вышгород (Вышегород), г. Шелонской пят. (пригор. Новг.) — 133, 210
- Вязко, дер. Дубровенского пог. Шелонской пят. — 108
- Вязьма, г. — 206, 208
- Вятка, р., правый прит. Камы, г. — 38, 39, 42, 44, 45, 49, 50, 211, 220, 221, 287—290
- Гвятская земля (Вятка, Вятчина, Вяцкие земли) — 220, 221, 268, 269, 287—289, 338
- Галич (Галиц), г. у Галицкого оз. — 217, 242, 252, 253, 287
- Танза — 13, 162, 165, 166, 233, 350, 351
- Германия — 25
- Глубокое, оз. в Каргальском пог. Вотской пят. — 348
- Глубокое, оз. в Толдожском пог. Вотской пят. — 102
- Глуховская, вол. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
- Голин (Голино, Голинский пог.), г., ряд., сел. Шелонской пят. — 116, 117, 173, 280
- Горица, дер. Врудского пог. Вотской пят. — 91, 94
- Горка, дер. Врудского пог. Вотской пят. — 91, 94
- Горка, дер. Каргальского пог. Вотской пят. (недалеко от г. Копорья) — 101
- Горки, дер. Дубровенского пог. Шелонской пят. — 109
- Городенский (Городеньский), пог. Вотской пят. — 157, 334, 347
- Городец Палиць (Городец Палець, Городец Палечь), вол. новг. — 16, 282
- Городня, сел. Ястребинского пог. Вотской пят. — 91
- Господин Великий Новгород — см. Новгород
- Гостижицы, сел. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 106
- Гостин волок — см. Волок Гостин немецкий
- Гостыничи, пог. Бежецкой пят. — 316
- Государство Литовское — см. Литва
- Готланд, шведский о-в в Балтийском м. — 18 ^
- Грецкий, о-в в Онежском оз. — 64
- Грузино, сел. Обонежской пят. — 118
- Грюнвальд, сел. в нижнем течении Вислы — 209
- Губинская, вол. Вотской пят. — 106
- Дания — 349, 350
- Данциг (Гданьск), г. на южн. побер. Балтийского м. — 162
- Двина, Северная Двина, р. — 17, 21, 29, 41, 42, 45—47, 52, 58, 61, 72—74, 153, 216, 219, 221, 230, 253, 254, 268, 279, 287—290, 306, 354
- Двинская земля (Заволочье), новг. земли по Сев. Двине — 16, 17, 22, 29, 31, 39, 45—48, 52, 63, 64, 71—74, 149, 150, 154, 160, 204, 215, 216, 218—221, 230, 235, 242, 248, 253, 254, 268, 278, 282, 286—289, 306, 314, 325, 354
- Демон, пригор. Новг. в Деревской пят. — 123, 248, 285
- Демьяницы, вол. псков. — 59
- Деревская, пят., юго-вост. ч. Новг. земли — 112, 118, 145, 170, 173, 174, 325, 346
- Дерпт — см. Юрьев
- Дмитров (Дмитров посад), г. на р. Яхроме, сев. Москвы — 188, 338
- Днепр, р. — 15
- Домашковичи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 90, 92
- Дон, р. — 15
- Дремятцкий, пог. Шелонской пят. — 173
- Дубровенский, пог. Шелонской пят. — 106—108, 110, 118, 119, 134, 173, 338
- Дубянка, сел. под Новг. — 31
- Дудников, наволок в Кижском пог. Обонежской пят. — 67
- Дудоровская, пог. в сев.-зап. ч. Вотской пят. — 100

- Дятелинский, пог. в сев.-зап. ч. Вотской пят. (Копорский у.) — 92, 100
- Европа — 15, 19, 22, 61, 177, 350, 362
- Егна, вол. новг. — 16, 282
- Едемские, дер. Богоявленского пог. Важского у. в Подвинье — 58
- Емца, г., р., левый прит. Сев. Двины — 64, 72, 220
- Жапино, дер. Вотской пят. — 127, 128
- Жсдрицкий, пог. Шелонской пят. — 173
- Жилотуг, р., протекающая между Новг. и Городищем — 245
- Жукотин (Жюкомень), г. волжских болгар на Каме — 39, 40, 44, 45, 48—50, 74
- Забережье, вол. Бежецкой пят., по р. Мологе — 173
- Заборовье, дер. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 109, 250
- Эаверяжье, сел. под Новг. — 333
- Заволочье (Заволоцкая, Заволоцская, Заволочья земля) — см. Двинская земля
- Загорки, дер. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 108
- Задвинье, земли, расположенные к вост. от Сев. Двины — 149
- Закерново, р., сел. Каргальского пог. Вотской пят., в 20 км от Копорья — 123
- Замостский, пог. Копорского у., в сев.-зап. ч. Вотской пят. — 92, 100, 323
- Заозерье, сел. Толдожского пог. Вотской пят. — 99, 102
- Запад, стр. зап. Европы — 23, 77, 289, 294, 348
- Западная Европа — см. Запад
- Западная Русь — 238
- Западное Подвинье — см. Подвинье Западное
- Запьяния, местн. за р. Пьяной, левым прит. р. Суры (?) — 49
- Зарецкий, пог. Копорского у. Вотской пят. — 92
- Заречье, вол. Вотской пят. — 153
- Заробочье, дер. — 338
- Засурье, земли за р. Сурой — 42, 47
- Захонье, дер. около г. Копорья — 130
- Заячий (Заяцый), о-в в Белом м. — 60
- Згир, ручей, впадающий в Онежское оз. — 54
- Золотая Орда — см. Орда
- Золотица (Золотце), дер. на р. Выге — 71, 72
- Ивангород (Русская Нарва, Ивангородская крепость), г. на р. Нарове — 126, 132, 133, 326, 327, 329, 330, 342, 343
- Ивангородское Окологородье — 329
- Иванково, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91
- Ивановская, вол. Веницкого пог. Обонежской пят. — 84, 86
- Ивкуева, дер. в Хаймове губе в Шунье — 62
- Ижора, р., левый прит. Невы — 112, 115
- Ижорская земля (Ижора), в Новг. государстве — 100, 120, 249, 271
- Изборск, г. в Псков, земле — 158, 194
- Илменский (Илеменский), пог. Шелонской пят. — 333, 338, 347
- Ильмень, оз. — 116, 117, 138, 282
- Имволжский (Имоволжский), пог. — 245, 283
- Именица, сел. Ястребинского пог. Вотской пят. — 91
- Имоченицы, сел. на р. Ояти в Обонежской пят. — 115
- Искор, г. в Прикамье — 289
- Италия — 26, 33
- Кавказ Северный — 162
- Казань, г., государство — 39, 44, 49, 50, 238, 269
- Казимировская, вол. Каргальского пог. Вотской пят. — 330
- Кайбиницы, дер. в Шунье Обонежской пят. — 62
- Кама, р. — 4, 36, 38—47, 49, 50, 56, 74» 289
- Каменный пояс — см. Урал
- Камский бассейн — 46
- Карачунский, пог. Шелонской пят. — 338
- Каргальский, пог. Копорского у. Вотской пят. — 91, 92, 98—102, 111, 123, 327, 330, 347, 348
- Каргиницы, вол. Веницкого пог. Обонежской пят. • — 84—86
- Каргополь, г. на р. Онеге — 71—73
- Карела — см. Корела
- Карелия (Корила), Карельская земля — 13, 20, 31, 39, 57, 61—63, 132, 157, 211, 216, 234, 287 ^
- Карельский (Корельский), пригор. Новг. — 211, 214, 267
- Карельский перешеек — 21, 234
- Карельское Поморье, Карельский бер. Белого м. — 55—58
- Каспий (Каспийское м.) — 61
- Кеврола (Кегрола), Новг. земля по р. Пинеге — 288, 289
- Кексгольм — см. Корела
- Кемь, р., впадает в Белое м. — 60
- Кена, р., левый прит. р. Онеги — 72
- Кенский Волок (Волочек Кемской), в вост. Прионежье (из р. Волды в Кен-озеро) • — 73
- Кересть, р., левый прит. р. Волхова — 335
- Керменчук (Керменчук), г. волжских болгар на Каме — 50
- Кернова, р. в Каргальском пог. Вотской пят. — 99
- Кефтена губа, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
- Киба, р., левый прит. р. Мшаги в Шелонской пят. — 117
- Киев, г. — 200
- Киевское государство — 28
- Кижский (Киж), пог. Обонежской пят., в Сев. Прионежье — 55—57, 62, 67, 174
- Кикин бор, дер. Толдожского пог. Вотской пят. — 100, 101

- Килбоостров, о-в в Белом м. — 56
 Кипенский, пог. Копорского у., в зап. ч. Вотской пят. — 92
 Кирьяжский, пог. Вотской пят. — 116
 Киштова, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
 Кленно, дер. на р. Луге — 127
 Клетти, ряд. на р. Ижоре, в Вотской пят. — 112, 115
 Климятино, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91, 101
 Клинь Кряково, дер. Каргальского пог. Вотской пят. — 127, 128
 Кличень, г. на Бежецком Верхе — 216
 Княжа Гора, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 90, 93
 Кобона, ряд. Вотской пят. — 116, 117
 Козлово Поле, сел. Опочского пог. Шелонской пят. — 106, 109, 110
 Койвушский (Койвуши), пог. Обонежской пят. — 79—82, 87
 Кокшенга, р., правый прит. р. Ваги, в Двинской Земле — 57, 254, 288
 Колакша, р., прит. р. Клязьмы — 19
 Колва, р., правый прит. р. Вишеры, прит. Камы — 289
 Кодемжа, р. в Карелии, впадает в Белое м. — 72
 Коломово, дер. около Новг. — 158
 Коложе, г. к вост. от г. Опочки (Псков. пригор.) • — 206
 Кол омна, г. на Москве-реке — 281
 Коломца, сел. под Новг. — 31
 Колоперья — см. Пермские земли
 Кольвань (ныне Таллин), г. — 162
 Кольский, п-ов — 157
 Комарной, ряд. на р. Съеже, пог. Бежецкой пят. — 113, 119
 Кондрусские земли, в Толвуйском пог. Обонежской пят. — 60
 Константинополь (Царьград) — 226, 228, 241
 Конюховичи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 90, 93
 Копаница, дер. на р. Систы, в Каргальском пог. Вотской пят. — 99
 Копорская крепость — см. Копорье
 Копорский пог. — см. Копорье
 Копорский, у. зап. ч. Вотской пят. — 89, 92, 106
 Копорье (пол-Копорья), пог., г. — центр Каргальского пог. Вотской пят. (Копорская крепость) — 21, 25, 101, 120—124, 129, 130, 134, 156, 157, 211, 212, 214, 267, 327, 337
 Корела (Карелла, Карела, Корельский городок, Кексгольм), г. Вотской пят. на зап. бер. Ладожского оз. (ныне Приозерск) — 20, 31, 116, 124, 125, 130—132, 136, 145, 157, 212, 214, 234, 267, 335, 339, 341, 342
 Корельский городок — см. Корела
 Коровье, сел. на р. Луге — 130
 Коровья, дер. Толдожского пог. Вотской пят. — 102
 Коростынь, г. у устья р. Шелони, в Коростыньском пог. Шелонской пят. — 279, 282—284, 343, 355
 Косицкий, пог. Вотской пят. — 337
 Кострома, г. на Волге — 39, 42—44, 49, 74, 189, 222, 245, 252
 Кострома, р., левый прит. Волги — 40, 43, 45, 46, 50
 Косуха, р. в Толвуйском пог. Обонежской пят. — 71
 Котел, сел. на р. Паше, в Бежецкой пят. — 115
 Котел (Котлы), сел. на р. Толдоге, впадающей в р. Суму; вол. Толдожского пог. Ямского у. Вотской пят. — 91, 101, 104, 152, 153
 Кошкин Городок, г. Шелонской пят. — 133
 Кошкин о-в, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
 Кошкино, дер. Вотской пят. — 127
 Красица, дер. Врудского пог. Вотской пят. — 91
 Красные горы, сел. в среднем течении р. Луги, в Каргальском пог. Вотской пят. — 99
 Красный, г. Псков, земли, к сев.-зап. от г. Опочки — 205
 Кременец (Кременцы), г. на р. Луже, выше г. Малоярославца — 338
 Кречневский, пог. Вотской пят. — 95
 Кричев, г. в Белоруссии — 239
 Кубань, р. — 15
 Кубенская, вол. около г. Вологды — 217
 Кузарапские земли, в Толвуйском пог. Обонежской пят. — 60
 Кузовы, о-ва на Белом м. — 56
 Кузьминская, вол. Озерского пог. Обонежской пят. — 81
 Кукова гора, сел. на р. Паше в Бежецкой пят. — 115
 Куликово поле, местн. между Доном и его притоками: Непрядвой и Рыхоткой — 200, 201, 216, 246, 355
 Кумолово, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91
 Кунганово, сел. на новг.-тверском рубеже — 233
 Куровичи, сел. Суйдовского пог. Копорского у. Вотской пят. — 91
 Кутозеро, оз. в Карельском Поморье — 56
 Кярзино, дер. на Хаймове губе в Шуны — 62
 Ладога (Старая Ладога), г. Вотской пят., в низовьях р. Волхова — 20, 21, 115, 116, 124, 125, 130, 131, 136, 211, 212, 214, 246, 267, 271, 283, 339, 341, 342
 Ладожское, оз. — 21, 84, 115, 116, 131, 138
 Ландскрона, шведская крепость близ устья Невы — 20
 Ламский (Ламьский) Волок — см. Волок Ламский
 Латинство, народы Зап. Европы, принадлежавшие к римско-католической церкви — 189

- Ааче, оз. к вост. от Онежского оз. — 73
 Лембитово, дер. в Шуньге, Сев. Прионежье — 62
 Ленинград, г. — 12
 Леонтьево, сел. Толдожского пог. Вотской пят. — 99, 102
 Летошица, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 90, 91, 93
 Ливония (Ливская земля) — 24, 209, 233, 348
 Ливонский орден (Орден) — 20, 78, 155, 203, 204, 206, 208, 209, 213, 233, 234, 248, 264, 267, 269, 273, 319, 351, 352, 361
 Липица, р. около г. Юрьева-Польского — 19
 Липно, сел. близ Новг. — 255
 Липня, вол. Бежецкой пят. — 113, 119
 Липовое, сел. Шелонской пят. — 130
 Листовский, пог. Деревской пят. — 347
 Литва (Литов. государство, Литов. княж., Литов. земля) — 7, 24, 78, 155, 158, 167, 189, 200—205, 207—214, 224, 231, 233—242, 244, 249, 252, 257, 259, 267, 270—275, 277, 283, 284, 294, 319, 332, 337, 349, 351, 355
 Литовский рубеж — 299
 Литовско-Русское государство — 237, 238
 Аовать, р., впадает в оз. Ильмень — 333
 Логовещенский, пог. Шелонской пят. — 338
 Лопь (Лоп), оз., сел. Ястребинского пог. Копорского у. Вотской пят. — 56, 71, 91
 Луга, р., впадает в Финский зал. — 117, 124, 127, 130, 131, 233, 234, 327, 329
 Аука, вол. Бежецкой пят. — 174
 Луки Великие (Луки), сел., г. на р. Ловать, в Новг. земле — 207, 240, 302, 318
 Лусское Песто, дер. Вотской пят. — 127
 Лъешский, пог. Копорского у. Вотской пят. — 92, 183, 327
 Любек, г. на южн. побер. Балтийского м. — 20, 162
 Люта, р., прит. р. Шелони — 106
 Лятца, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 91
- .Малороссия — 200
 Мандрейские земли, в Толвуйском пог. Обонежской пят. — 60
 Маркваш, сел. на Волге, выше г. Куйбышева — 42, 47
 Марфинская (Мегра Великая), вол. Мегорского пог. Обонежской пят. (Южн. Прионежье) — 68, 69
 Марфинский, пог. в Липне — 119
 Марфинский, ряд. на р. Съеже, в вол. Липне Бежецкой пят. — 113
 Матеи, дер. Толдожского пог. Вотской пят. — 102
 Мда, р., правый прит. р. Меты — 115
 Мегорский, пог. — см. Мегра Великая
 Мегра Великая, пог. Обонежской пят., ряд. в южном Прионежье — 56, 68, 153
 Медны, сел. около г. Твери — 158
 Мезень, земли по р. Мезени — 288
 Мезень, р., впадает в Баренцево м. — 72, 289
 Мелеча (Мелеца), вол. новг. Бежецкой пят. — 16, 282
 Местанова, вол. Вотской пят. — 153
 Михайловская, вол. Веницкого пог. Обонежской пят. — 84, 85
 Михайловский, пог. Шелонской пят. — 333
 Млево, мстинский ряд., пог. Бежецкой пят. — 113, 114
 Модолицы, вол. Вотской пят. — 153
 Можайск, г. на р. Москве — 251
 Мокша, р., правый прит. Оки — 49
 Молвотицы, городок в верховье Волги — 257
 Молога, р., левый прит. Волги — 79, 173
 Молосковичи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 91
 Монастыри:
 Антониев, в Новг., по правому бер. р. Волхов, ниже г. — 59, 85, 87, 190, 316
 Аркажский, под Новг. — 104, 105, 150, 316
 Благовещенский, в Новг., на Софийской стороне — 316
 Валаамский, на о-ве Валаам (Ладожское оз.) — 116, 339
 Вяжицкий (Никольский), на Вяжцах, под Новг. — * 59, 60, 63, 70—74, 137, 341
 Кириллов-Белозерский, в Белозерском крае — 60, 252, 322
 Колмовский, на Колмове, под Новг. — 85
 Михайловский на Сквородке, под Новг. — 129, 316, 320
 Муромский, на Онежском оз. — 54, 58
 Никольский (Вяжицкий) — см. Вяжицкий
 Никольский, в Новг., в Неревском конце — 137, 181, 192, 316
 Никольский, на Островке, под Новг. — 341
 Николы Старого, в Москве — 229
 Ольгов, Рязанский — 89
 Ошевский, на р. Онеге — 58
 Палеостровский (Палеостров), на Онежском оз., в Толвуйском пог. — 53, 55, 58, 63, 64, 70—73, 175
 Пречистенский, женский, в г. Яме — 129, 130
 Рождественский, женский, в г. Копорье, на посаде — 123
 Ростокин (Росткин) Иоанна Предтеченский, женский, в Новг. — 108
 Саввино-Вишерский, на р. Вишере, правом прит. р. Волхов — 176, 194

- Свято-Духов, в Новг. — 25
Сийский, в низовьях Сев. Двины, на р. Сии — 58
Соловецкий, на Белом м. — 60, 61, 72, 74, 359
Спасо-Нередицкий (Спасо-Преображенский), в Нередицах, под Новг. — 71
Спасский, в г. Старой Русе — 71, 137, 341
Спасский, мужской, в г. Копорье — 123
Спасский, мужской, в г. Яме — 129
Тронце-Сергиев, в г. Загорске — 288
Хутынский (Футыня) Варлаамов Спасский, близ Новг. — 58, 69 — 71, 137, 138, 150, 268, 314
Чудовский (Чудов), в Москве — 230
Юрьев (Георгиевский), южнее Новг. — 59, 91, 92, 94, 137, 142, 143, 150, 179, 252, 314, 316, 330, 341
- Мордва, нар. — 50
Москва, г. — 12, 42, 48, 49, 158, 164, 168, 187, 189, 203, 208, 214, 217, 222 — 224, 226 — 229, 233, 241, 245, 246, 251, 252, 260, 262, 265, 267, 270, 272 — 274, 281, 283, 287 — 289, 291, 293, 296, 298, 301 — 304, 307, 309, 318 — 322, 326, 334, 338, 349, 350, 358, 362
Москва, государство — 4, 5, 9, 11, 13, 24, 40, 45, 46, 50, 51, 75, 115, 167, 175, 200, 201, 204, 205, 211, 214, 215, 218, 219, 224, 226, 230 — 233, 235 — 237, 239, 241, 244, 246 — 249, 257, 259, 262, 264, 265, 268 — 270, 272, 274 — 276, 278 — 280, 287 — 290, 295, 298 — 300, 309 — 314, 317, 319 — 321, 336, 337, 339, 340, 344, 345, 348, 355, 356
Московское государство (Московское княжество, Московское великое княжество, Московское царство, Московия) — 7, 9, 11, 24, 137, 149, 166, 200, 238, 292, 314, 319, 325, 326, 348, 349, 353, 355
Мета (Мьста), р., впадает в оз. Ильмень — 110, 113 — 115, 170, 242
Мстиславль, г. в Белоруссии — 239
Муравичи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 90, 93, 94
Мурман, сев. ч. Кольского п-ова — 29, 39
Мшага, р., левый прит. р. Шелони — 117
Мышьи горы, дер. Каргальского пог. Вотской пят. — 99
Мышьи Черева, дер. Водлозерского пог. Обонежской пят. — 73
- Нагреево, дер. в Шунге Обонежской пят. — 62
Нарва, г. на р. Нарове — 121, 250, 342, 351
Нарова, Наровские ворота, Наровский рубеж, р., впадающая в Финский зал. — 20, 124, 126, 133, 225, 233, 234, 249, 250, 326, 329, 342, 343, 351
- Наровское, сел. в устье рек Наровы и Россони — 126, 128, 343
Наручадь, Наручатская страна по р. Мокше — 49
Наследицы, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 91
Настасьинские вол., земли в Водлозерском пог. Обонежской пят. — 73
Нева, Невский путь, р. — 20, 21, 115 — 117, 157, 158, 162, 212, 234
Недобылицы, сел. Ястребинского пог. Вотской пят. — 91
Нежково, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91
Немецкая (Немецкая) земля — 39, 257, 299
Немьюга, Новг. земля по р. Пинеге — 288г 289
Нивищи, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
Нижегородское, княж., в Среднем Поволжье — 50
Нижнее Подвинье — 58
Нижнее Прикамье — 45, 47, 49
Нижний Новгород, Нижний (Новгород Нижний) — 40, 41, 43 — 45, 189, 222, 263
Нижнодемская, вол. Важского у., в Подвинье — 58
Нижняя Волга — см. Волга
Низ, Низовская (Низовская), земля по Средней Волге — 23, 33, 38, 215, 218, 219, 282, 304, 305, 325, 336
Никольский Готслав волок, между верховьями рек Сяси и Мологи — 79
Никольский, пог. в Шунге Обонежской пят. — 67
Новая Руса (Новая Соль), ряд. Шелонской пят. — 116, 117
Новая Русь (Русь Новгородская) — 311
Новая Соль — см. Новая Руса
Новгород Нижний — см. Нижний Новгород
Новгород (Новагород, Новугород, Новегород, Новьгород, Новьград), Новгород. Великий, Великий Новгород, г. Гончарский, кон. — 197, 294
Городище, резиденция кв. под Новг. — 144, 221, 222, 245, 251, 259 — 261, 263, 269, 292, 293, 296, 301, 315
Загородский, кон. — 160, 294
Запольская, ул. — 190
Заречья, сторона — 245
Конюховая, ул. — 190
Кремль — 243, 305, 344
Кузьмодемьянская, ул. — 191, 195, 198, 387
Лубяница, ул. — 190, 346
Людогощая, ул. — 192, 195
Наровский, кон. — 294
Немецкий, двор — 25
Неревский, кон. — 183, 316
Никитина (Никитская), ул. — 161, 176, 190, 296

- Околоток, терр., примыкавшая к Кремлю — 305
Плотницкий, кон. — 159, 190, 197, 198, 294
• Подол, ч. Новг. — 190
Прусская, ул. — 32, 121, 192, 195, 198
Рогатица, ул. — 346
Славенский, кон. — 32, 160, 176, 183, 194, 198, 294, 358
Славковая (Славкова), ул. — 161, 296
Софийская, сторона — 32, 158, 191, 194—198, 305, 307
Софийский, дом (земли) — 229, 230, 253, 257
Софийский, собор — 26, 129, 142, 151, 179, 188, 219, 227, 229, 230, 243, 260, 360
Торговая, сторона — 32, 158, 190, 193—199, 243, 345
Федоровский, ручей — 198
Цер. Богородицы на Дубянке — 31
Цер. Богородицы в Радоковицком м-ре — 25
Цер. Волотовская — 26
Цер. Георгия — 25, 190
Цер. Знамения на Ильине ул. — 25
Цер. Ивана на Опоках — 243
Цер. Иоанна у Немецкого двора — 25
Цер. Колмовская (на Коломпах) — 31
Цер. Михаила на Сквородке — 25, 26
Цер. Нередицы — 26
Цер. Николы на Липне — 26
Цер. Николы на Ярославовом дворе — 229
Цер. Прокопия на Ярославовом дворе — 25
Цер. Рождества на кладбище — 188
Цер. Свято-Духова м-ря — 25
Цер. Святых 12 Апостолов — 25
Цер. Спаса на Ильине — 25, 26
Цер. Спаса на Ковалева — 26
Цер. Троицы на Родятиной ул. — 30
Цер. Успения в Волотовском м-ре — 26
Цер. Успения на Колмове — 158
Цер. Федора Стратилата — 25, 26
Чудинцева, ул. — 160, 192, 195, 198
Щитная, ул. — 190
Яневая, ул. — 195
Ярославов двор (Ярославово дво-рище) — 32, 191—193, 195, 198, 229, 293, 302, 305, 306
Новгородские, пригор., ближайшие го-рода — 287
Новинка, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
Новоторжские земли, принадлежавшие г. Торжку — 318
Норвегия — 21, 24
Нос, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 330
Нуксами, о-в в Белом м. — 60
Нюхча, р. в Выгозерском пог. Обонежской пят. — 56, 71, 72
Облучский, пог. Шелонской пят. — 338
Обонежская, пят., сев.-вост. ч. Новг. земли — 56, 57, 65, 79, 80, 82, 118, 153, 175, 325
Обонежье, Обонежский край, Новг. земля у Онежского оз. — 51, 58, 62, 63, 65, 79, 81, 84—88, 115, 145, 149
Обонежье Восточное — 54
Обонежье Южное — 153
Обухово, сел. на Волге (?) — 42
Обь, р. — 30
Овдокимова, дер. в Шуньге Обонежской пят. (в Хаймове губе) — 62
Овиновская, вол. Толдожского пог. Вот-ской пят. (на р. Тигоде) — 100, 335
Овинново, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 90, 94
Озвадо — см. Взвал
Озера, дер. Обонежской пят. — 87
Озерецкий, пог. Копорского у. Вотской пят. — 92
Озерский, пог. Обонежской пят. — 79—82
Озерцо, дер. Шелонской пят. — 110
Ока, р. — 16
Окологородье г. Ивангорода — 329
Окологородье г. Ямы — 128
Околорусье, пригороды г. Русы — 137, 143
Олонецкий, пог. Обонежской пят. (в Карелии) — 57, 153
Ольгина Гора, под Псковом — 122
Онега, р. — 58, 72, 73
Онежское (Онего), оз. — 54, 57, 59, 72, 138, 215
Опока (Опочка), сел., пог., г. на р. Вели-кой — 116, 117, 133, 134, 209
Опольский, пог. Вотской пят. — 327
Опоцкий (Опотыцкий), пог. Шелонской пят. — 106—110, 119, 134, 338
Орда (Золотая) — 16, 33, 40, 44, 45, 48—50, 200—203, 238
Орден — см. Ливонский Орден
Оредеж, р., правый прит. р. Луги — 59
Оредежский, пог. Вотской пят. — 96
Орел, дер. на р. Луге — 127
Орешек, Ореховец, Ореховый пригор., г. Вотской пят., у выхода Невы из Ла-дожского оз. — 20, 22, 24, 31, 116, 121, 124, 130—132, 136, 145, 211, 212, 214, 234, 267, 335, 339, 342
Ореховский, у. Вотской пят. — 157
Оринское, дер. в Шуньге, Сев. При-онежье — 62
Орлец (Орлиць), г., центр Двинской земли — 17, 52, 64, 219, 288
Орманы, нар. (Армены) — 41
Остречинский, пог. Обонежской пят. (в Карелии) — 57
Остров, г. на р. Великой, южн. Пскова — 249
Остроговицы, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 91
Офимьинская, вол. Врудского пог. Вотской пят. — 92

- Охта, р., правый прит. Невы—116
 Ошта, Оштинский пог. Обонежской пят.
 (по р. Оште) — 56, 59, 65, 68—70, 153
 Оять, р., левый приток р. Свири — 84, 86,
 115
- Падога, дер. на р. Луге— 127
 Палья, о-в в Онежском оз. — 64
 Панфиловская, дер. в Шунгге Обонежской
 пят. — 62
 Паозерье у Троицы, загородный дворец
 под Новг. — 300—302, 316, 334
 Паша, р., прит. р. Свири — 79, 115
 Пелуши, дер., вол. Обонежской пят. — 81,
 87
 Пелушский, пог. Обонежской пят. — 79—
 82, 84, 90
 Передольский, пог. Вотской пят. — 337,
 338
 Пермские (Перемские, Пермь, Коло-
 перьми, Пермь) земли новг. по р. Пи-
 неге — 17, 282, 288, 289
 Пермь Великая, земли по Верхней Каме и
 Чусовой — 288, 289
 Песья Весь, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 91
 Петербург, г. — 326
 Петровский, пог. Ямского у. Шелонской
 пят. (около Ивангорода) — 329, 347
 Петровский, пог. Вотской пят. — 347
 Петрозаводск, г.— 12
 Переяславль (Залесский), г. — 338
 Печора (Печера), вол. новг. по р. Пе-
 чоре— 17, 282, 287, 289
 Пидебский, пог. Вотской пят.— 158
 Пиккуевы горы, сел. Каргальского пог. Вот-
 ской пят. — 101
 Пилола, сел. Толдожского пог. Ямского у.
 Вотской пят. — 91, 99, 102—106, 134,
 145
 Пильвегорская, вол. по р. Пинеге — 288
 Пильи Горы, Новг. земля по р. Пинеге —
 288, 289
 Пинегга, р., правый прит. Сев. Двины —
 288, 289
 Пинежка (Пинешка), Новг. земля по
 р. Пинеге — 288, 289
 Пиркиничский, пог. Обонежской пят. —
 58, 153
 Плещевичи (Плещевицы), сел. Врудского
 пог. Вотской пят. — 90, 91, 93, 94
 Повенец, г., на сев. бер. Онежского оз. —
 59, 70, 72—74, 145
 Поволжье, земли по течению Волги —
 46—48, 72, 249, 278, 287, 289
 Поволжье Среднее, земли по среднему те-
 чению Волги — 47, 49, 50
 Подвинье, земли по Сев. Двине—16, 46,
 47, 51—53, 57, 58, 61, 63—65, 150,
 218—220, 242, 269, 287, 352, 353
 Подвинье Верхнее— 16, 46, 242, 269, 287
 Подвинье Восточное — 63, 149
 Подвинье Западное — 63
 Подвинье Северное — 63
 Подвинье Южное — 63
- Подлобицы, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 90
 Подлодцы, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 93
 Подмошье, сел. Каргальского пог. Вотской
 пят. — 99
 Поднепровье Среднее, земли по среднему
 течению Днепра — 200
 Подозванье, сел., вол. Каргальского пог.
 Вотской пят.— 102, 153
 Подол, дер. Бабкинской вол. Шунгского
 пог. Обонежской пят. — 66
 Подол, ч. Ивангорода — 342
 Покча, р., приток р. Колвы — 289
 Полисть, р., левый прит. р. Ловати— 137
 Полоцк, г., на Зап. Двине — 208, 239
 Получье (Получья), сел. Толдожского пог.
 Вотской пят. — 99, 102
 Польско-Литовское государство — 272
 Польша — 203, 204
 Поляна, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 91
 Поморский берег, бер. Белого м. от устья
 р. Кеми до р. Онеги — 60
 Поморье, земли русского Севера—16, 55,
 58, 60—63, 65, 71, 73, 74, 149, 287,
 352
 Поньгама (Поньгома), р. в Карелии, впа-
 дает в Белое м. — 56
 Порожек, дер. в Шунгге, Сев. При-
 онежье — 62
 Порхов (Порховская крепость), г. на
 р. Шелони — 25, 26, 124, 133, 134,
 157, 205, 210, 234, 247, 333, 359
 Порховское Окологородье, пог. Шелонской
 пят. — 173
 Порховской, у. Шелонской пят.— 134
 Пососенье, дер. Шелонской пят.— 110
 Потерпелец (Потерпелой ряд), ряд. на
 р. Сушанке, на рубеже Деревской и
 Бежецкой пят.— 118
 Почка, г. пермяков в верховье Камы —
 289
 Прибалтика— 161—163
 Прикамье, терр. в бассейне Камы — 44,
 49, 61, 269
 Прикамье Северное — 269
 Прикамье Южное — 44
 Приладожье, Приладожская Карелия, терр.
 у Ладожского оз. — 3, 115, 116, 130
 Прионежье, Прионежские вотчины, новг.
 земли у Онежского оз. — 53, 55—58,
 61, 63—65, 69, 71, 74
 Прионежье Восточное — 54
 Прионежье Северное— 16, 53, 55, 57, 58,
 62, 67, 68
 Прионежье Южное — 55, 56, 68, 69, 85
 Причерноморье, земли в низовьях Днепра,
 Дона, Кубани—15
 Проложки, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 90, 94
 Псков (Пьсков), Великий Псков, г. на
 р. Великой— 10, 20, 27, 32, 47, 117,
 121, 122, 142, 156, 166, 188, 202—
 207, 209—212, 216, 225, 235, 237, 239,
 240, 242, 243, 247—250, 254, 256, 257,

- 261, 262, 264—270, 272, 273, 281, 286, 294, 306, 307, 319, 337, 350, 359
- Псковская земля — 142, 161, 203, 204, 206, 207, 238, 267, 281
- Псковский рубеж — 299
- Пудожский (Пудогский, Пудога), пог. Обонежской пят., в Вост. Прионежье — 56, 57, 62, 69, 153
- Пудожские, владения в Вост. Прионежье — 55
- Пужавина Весь, сел. Соломянского пог. Вотской пят. (на сев.-вост. бер. Ладожского оз.) — 116, 119
- Пуминовская, дер. на р. Нюхче, в Выгозерском пог. Обонежской пят. — 71
- Пунежма, дер. в Выгозерском пог. Обонежской пят. — 72
- Пупково, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 91, 93
- Путилово, дер. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 109, 110
- Радшинский (Ратчинский), пог. Копорского у Вотской пят. — 92, 327, 329, 330
- Разменицы, дер. Врудского пог. Вотской пят. — 91
- Размесицы, дер. Врудского пог. Вотской пят. — 93
- Раковор (ныне г. Раквере), г. в Прибалтике — 20
- Ракома, дворцовое сел. под Новг. — 316, 333, 334
- Ракуля (ныне Ракула), сел. в низовье Сев. Двины — 64
- Расья, сел. Толдожского пог. Вотской пят. — 99, 102
- Ратчи, сел. Ратчинского (Радшинского) пог. Копорского у. Вотской пят. — 330
- Ревель (ныне г. Таллин), г. — 164, 351
- Ржева (Ръжева, Ржова), г. на Волге (ныне г. Ржев) — 134, 207, 240, 244, 245, 302, 318, 359
- Рига, г. — 162, 270, 351
- Робичичи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 90, 92, 330
- Рогатино, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 91, 93
- Рождественский, пог. Шелонской пят. — 174
- Романовская, вол. Широкого пог. Шелонской пят. — 338
- Россия, Великороссия, Великорусское государство — 3, 5—7, 9—12, 15, 16, 26, 36, 37, 48, 50, 77, 111, 120, 123, 146, 188, 200, 203, 214, 226, 235, 237, 238, 244, 248, 252, 262, 269—272, 278, 307—313, 315, 319, 348—350, 353, 356
- Россонь, р., соединяющая р. Лугу с р. Наровой — 126
- Ростовская епархия, округ, управляемый архиереем — 16
- Ростовская колония, земли в верховье Сев. Двины с г. Устюгом — 218
- Ругодив, г. (ныне Нарва) на р. Нарове — 299
- Рудье, дер. Шунгского пог. Сев. Прионежья — 62
- Руса (Старая Руса или Русса), г. на р. Полисти, Шелонской пят. — 6, 71, 118, 133—145, 161, 214, 254—258, 262, 263, 267, 271, 277—281, 283, 286, 295, 338—342
- Минин, кон. (Мининский) — 135, 136, 139, 143, 340, 341
- Песий, кон. — 135, 136, 340
- Рогов, кон. — 135—138, 340, 341
- Середка, кон. — 135, 136, 340, 341
- Спасская, слободка — 135
- Спасский собор — 142
- Цер. Дмитрия — 143
- Русковичи, сел. Врудского пог. Шелонской пят. — 91
- Русская Нарва — см. Ивангород
- Русский, у., около г. Русы — 333
- Русское государство (Русское централизованное государство) — 3—5, 7, 9, 11—14, 35, 235, 243, 251, 270, 277, 292, 294, 295, 312, 313, 321, 336, 350, 352, 354, 356
- Русь — 7, 11—13, 15, 16, 18—21, 26—28, 30, 33, 49, 80, 81, 89, 95, 111, 113, 114, 124, 135, 141, 142, 165, 166, 168, 181, 182, 187, 200, 201, 213, 228, 234, 235, 240—242, 249, 252, 253, 273, 278, 281, 288, 290, 308, 309, 311, 312, 319, 326, 331, 337, 342, 344, 350, 353, 355
- Русь Новгородская — см. Новая Русь
- Русская (Русьская) земля — 19, 21, 188, 189, 201—203, 219, 241, 246, 263, 308
- Рутинский, пог. Деревской пят. — 119, 173, 174
- Руха (Рюха, Роха), сел. недалеко от г. Пскова — 141, 142
- Рыбежна, р. в Оштинском пог. Обонежской пят. — 70
- Рыгачево, дер. Шунгского пог., Сев. Прионежье — 62
- Рыдино (Рыдынь), дер. на р. Холове, прит. р. Меты (около Новг.) — 361
- Рязанская земля — 49
- Рязань, княж., г. на Оке — 206, 237
- Савелковская, вол. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 109
- Самбина, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 66
- Сандал, р., левый прит. р. Ояти — 84
- Сандалакша, сел. Кирьяжского пог. Вотской пят. — 116
- Сапиничский, лес на р. Выг — 59
- Сарай, г., столица Золотой Орды в низовье Волги — 38, 40, 42, 43, 49
- Сванский Волочек, г. на зап. бер. Ладожского оз., к югу от г. Корелы — 112, 116, 339, 341
- Своя немцы-шведы — 124, 234
- Свирь, р., впадает в Ладожское оз. — 57, 68, 115, 153

- Святой Троицы, дом (земли), в Пскове — 257
- Север, земли Беломорья, Сев. Прионежья и Подвинья — 61, 64, 72, 146
- Северная Великороссия-Новгородская земля, Поморье и Подвинье — 352
- Северная Двина — см. Двина
- Северное Подвинье — см. Подвинье Северное
- Северное Прикамье — см. Прикамье Северное
- Северное Прионежье — см. Прионежье Северное
- Северный Кавказ — см. Кавказ Северный
- Сеглицы, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 90, 91, 330
- Сердовольский, пог. Вотской пят. — 115
- Сибирь — 18, 61
- Синяя Вода (Синие Воды), р., прит. р. Южн. Буга — 200
- Систа, р., впадает в Финский зал. — 99
- Сицуево, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 62
- Сия, р. в Сев. Подвинье — 64
- Скнятинский, пог. Шелонской пят. — 347
- Скороботово, сел. в Сев. Подвинье на р. Емпе, притоке Сев. Двины — 64
- Слипино, сел. Каргальского пог. Копорского у. Вотской пят. — 91, 100
- Слоновая или Соль новая — см. Новая Руса
- Смердовичи, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 90
- Смоленск (Смоленск), г. на Днепре — 202, 206, 208, 217, 229, 231, 235, 239, 241
- Смолково, сел. на р. Ояти в Обонежской пят. — 115
- Сойкино, сел. Каргальского пог. Вотской пят. — 91
- Сокольник След, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 62
- Солецкий, пог. Вотской пят. — 334
- Соловецкая вотчина, владения Соловецкого м-ря — 62, 289
- Соловки, о-ва на Белом м. — 56, 60
- Соломяна, р. в Кирьяжском пог. Вотской пят. — 116
- Соломянский, пог. Вотской пят. — 116
- Солца (Сольцы), сел. на р. Шелони — 47, 116—118
- Сольское болото, дер. в Вотской пят. — 127
- Сорока, р., впадает в Белое м. — 55, 72
- Сорошкино, сел. Врудского пог. Копорского у. Вотской пят. — 90, 93
- Союз Советских Социалистических Республик — 12
- Спасский, пог. Обонежской пят. на Выг оз. — 56
- Спасский, пог. Обонежской пят. на р. Шале (Водла) — 54, 55
- Спирково, дер. Каргальского пог. Вотской пят. — 99
- Среднее Поволжье — см. Поволжье Среднее
- Среднее Поднепровье — см. Поднепровье Среднее
- Средняя Волга — см. Волга
- Старая Руса (Русса) — см. Руса
- Старое Село, дер. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 106
- Старорусский, у. — 138
- Стерж, г. в Новг. земле у оз. Стерж — 257
- Стехнов Котел, дер. Вотской пят. — 127
- Стогово, дер. Шунгского пог. Обонежской пят. — 62
- Столбец, дер. Шелонской пят. — 110
- Стрельный, порог на р. Сухоне — 220
- Струпинский, пог. Шелонской пят. — 338
- Судоцкий, пог. Шелонской пят. — 334
- Суздальская (Суждальская) земля — 23, 272
- Суйда, р., левый прит. р. Оредежи — 91
- Суйда, сел. Суйдовского пог. Копорского у. Вотской пят. — 91
- Суйдовский, пог. по верхнему течению р. Суйды, Копорского у. Вотской пят. — 91, 92
- Сума, р. в Обонежской пят., впадает в Белое м. — 56, 72—74
- Сумерский, пог. Шелонской пят. — 327, 335
- Сура (Сура Поганая), земли по р. Пинеге — 288, 289
- Суслово, дер. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 109, 110
- Сухона, р., исток Сев. Двины — 45, 46, 220
- Сушанка, р. на рубеже Бежецкой и Деревской пят. — 118
- Сытино, Сытинский пог. Деревской пят. — 175, 301, 346, 347
- Съезжа, р., впадает в оз. Удомля, в Бежецкой пят. — 113
- Сясь, р., впадает в Онежское оз. — 79, 115
- Тайнинская (Тайнинское), сел., в Шунгге. Сев. Обонежье — 62
- Татарская земля — 201
- Тверская земля — 23
- Тверское княжество, Тверское великое княжество — 166, 232, 250
- Тверца, р., левый прит. Волги — 231
- Тверь (Тферь), княж., феодальная обл., г. на Волге (ныне Калинин) — 11, 24, 166, 188, 205, 231—233, 237, 250—252, 332
- Теребужской, пог. Ладожского у. Вотской пят. — 334
- Терпеличи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 90
- Тернигора, дер. Вотской пят. — 127
- Терский, бер., юго-вост. бер. Кольского п-ова — 61
- Тесово, сел. Вотской пят. (на р. Оредеже) — 59
- Тиверский, г. в Карелии — 234
- Тиврола, местн. на р. Овле в Карелии — 157

- Тигода, р. левый прит. р. Волхова — 335
 Тимофеевская, вол. Шунгского пог. Обо-
 нежской пят. — 66
 Тирь (Тирг, Тре, Терь), вол. новг. — 17,
 282
 Тихвин, г. Обонежской пят. на р. Тих-
 винке — 115, 119
 Тихвинка, р. правый прит. р. Сяси — 115
 Тихвинский, край, у. Обонежской пят.,
 в южн. Обонежье — 80, 115
 Тихвинский, пос. г. Бежецкой пят. — 115
 Тмутаракань — см. Причерноморье
 Толвуй (Толвой), Толвуйский пог.,
 Толвуйская земля Обонежской пят.,
 Сев. Прионежье — 53, 56, 59, 60, 64,
 65, 67, 70, 71
 Толдога, г. Толдожского пог. Вотской
 пят. — 106, 121
 Толдожский (Толдога), пог. Ямского у.
 Вотской пят. — 91, 98—100, 102, 105,
 106, 111, 327, 335
 Торженец, дер. Венецкого пог. Обонеж-
 ской пят. (на р. Ояти) — 86
 Торжок (Торьжок), г. на р. Тверце, вол.
 новг. — 23, 31, 33—35, 41, 145,
 161, 163, 174, 188, 215—217, 228, 229,
 231, 232, 235, 247, 249—251, 271, 278,
 282, 283, 299, 307, 318, 354
 Тресковичи, сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 90, 92
 Троица на Паозерье — см. Паозерье
 у Троицы
 Трокский, замок в Литве около г. Виль-
 нюса — 238
 Тубозеро, оз. в Сев. Прионежье — 55
 Тубозерские земли, в Сев. Прионежье —
 60
 Тукша, р. левый прит. р. Ояти — 84
 Турский, пог. Шелонской пят. — 338
 Тявино, дер. Шелонской пят. — 329
- Углич, г. на Верхней Волге — 248
 Удомельский (Юшкова десятка), пог.
 Бежецкой пят. — 119
 Удомля, оз. (восточнее р. Меты), вол.
 Бежецкой пят. — 112, 113, 318, 333
 Удосол (Удосоль), сел. Каргальского пог.
 Вотской пят. — 91, 101
 Удоха, р. левый приток р. Шелони — 106
 Ужин, сел., ряд. Шелонской пят. — 116,
 117, 145
 Унжа, р. левый прит. Волги — 46
 Унаиская губа (Уной губа), зал. в Онеж-
 ском оз. — 55
 Унаиский ручей, р., впадает в Унаискую
 губу — 54, 55
 Уносих (земли в Уносих), в Шальском
 пог. Обонежской пят. — 54, 55
 Урал (Каменный пояс) Уральский хребет,
 горы — 30, 46, 61, 72, 289
 Урос, г. пермяков, в бассейне Верхней
 Камы — 289
 Устюг, г. в Южном Подвинье, при слия-
 нии рек Юга и Сухоны — 16, 38, 39,
 46, 63, 72, 216—221, 228, 242, 253,
 254, 268, 287—289
- Устюг, Устюжские земли — 269, 287
 Устюжна, г. на р. Мологе — 39, 216
 Ухора, вол., сел. Врудского пог. Вотской
 пят. — 91, 92, 96
- Федоровская, вол. Шунгского пог. Обо-
 нежской пят. — 66
 Федоровские, дер., вол. Венецкого пог.
 Обонежской пят. — 84
 Феррара, г. в Италии — 33
 Финляндия — 20, 157
 Финмаркен, обл. к сев. от Ботнического
 зал. — 21
 Финский зал., в Балтийском м. — 91, 100,
 117, 327
 Флоренция, г. в Италии — 26, 33, 199
 Фроловский, пог. Шелонской пят. — 173
- Хазиторокань, г. в устье Волги — 43
 Хаймова губа, зал. в сев. ч. Онежского
 оз. — 62
 Халоголанд, самая сев. провинция Нор-
 вегии в средние века — 21
 Ходобжа, дер. на р. Кернове Каргальского
 пог. Вотской пят. — 99, 100
 Холмогоры, г. в Сев. Подвинье — 220,
 288
 Холова, р. левый прит. р. Меты — 361
 Холопья сторона, дер. у Большого двора
 Шунгского пог. Обонежской пят. —
 67
 Хотенковичи, дер. Врудского пог. Вотской
 пят. — 91
 Хотславльский, пог. Обонежской пят.
 в верховье р. Чагоды — 79—82
- Царьград — см. Константинополь
- Чагино, дер. Обонежской пят. — 83
 Чакола (Чахола), Новг. земля на р. Пи-
 неге — 288, 289
 Челможский (Челмужский), пог. Обонеж-
 ской пят. в Сев. Прионежье — 59, 65,
 67, 68, 71
 Чердын, г. на р. Колве — 289
 Черевая, р., прит. р. Водлы — 72
 Черевково, сел. Опоцкого пог. Шелонской
 пят. — 106
 Черная, дер. Толдожского пог. Вотской
 пят. — 99—101
 Черное м. — 61
 Честово, сел. Деревской пят. на р. Мете —
 170
 Чечюла, дер. Обонежской пят. — 81
 Чик-озеро, оз., дер. Венецкого пог. Обо-
 нежской пят. — 87
 Чикосурье, вол. Венецкого пог. Обонеж-
 ской пят. — 84, 86, 87
 Чудское оз. — 20
 Чюдь, нар., стр. в зап. ч. Вотской пят. —
 120
- Шала — см. Водла
 Шальская матка, в Шальском пог. Обо-
 нежской пят. — 54
 Шальский, пог. Обонежской пят. в Вост.
 Прионежье — 54, 69, 74, 153, 175

- Швеция, Шведская земля — 20, 21, 30, 31, 234, 319, 326, 349, 352
- Шексна, р., левый прит. Волги — 215
- Шелонская, пят., Новг. земля к юго-зап. от оз. Ильменя — 79, 106, 108, 116—118, 126, 129, 130, 133, 134, 145, 158, 173, 174, 184, 316, 323, 324, 327, 329, 330, 333, 334, 347
- Шелонь (Шолона), р., впадает в оз. Ильмень с юго-зап. — 35, 106, 117, 124, 234, 263, 275, 277—279, 282, 285, 286, 288, 290
- Шенкурский (Шенкурье), пог. в Подвинье, на р. Ваге — 52, 57
- Шероховичи, ряд. в Бежецкой пят. — 113, 119
- Шидро-Озерко, дер. Пелушского пог. Обонежской пят. — 83
- Шипино, вол. новг. в Верхнем Подвинье — 16, 282
- Широкий, пог. Шелонской пят. — 338
- Шокша, р., левый прит. р. Ояти, в Веницком пог. Обонежской пят. — 84
- Шуйский (Шуя), пог. Обонежской пят., в Сев. Прионежье — 55, 57, 59, 67, 68, 74, 153
- Шуя, р., впадающая в Белое м. — 56, 60
- Шуя, сел. в Поморье — 16
- Шунгский (Шунга, Шуньга), пог. Обонежской пят., в Сев. Прионежье — 53, 59, 62, 65—67, 69, 73
- Ырцевичи, сел. Врудского пог. Вотской пят. — 91
- Эстляндия (ныне Эстония) — 20
- Югра, вол. новг. — 17, 282
- Югра (Югорская земля), нар., обл. в Сев. Предуралье и Зауралье — 15, 17, 18, 21, 39, 50, 72, 149
- Южное Обонежье — см. Обонежье Южное
- Южное Подвинье — см. Подвинье Южное
- южное Прикамье — см. Прикамье Южное
- Южное Прионежье — см. Прионежье Южное
- Юрьев (Дерпт), г. в Прибалтике (ныне Тарту ЭССР) — 20, 155, 162, 349, 351
- Юшков (Юшкова десятка), ряд Бежецкой пят. — 113
- Яблоничи, сел. Ястребинского пог. Вотской пят. — 91
- Яблонка, дер. Опоцкого пог. Шелонской пят. — 108, 109
- Яжелбицы, г. Деревской пят., к юго-вост. от Новг. — 35, 257, 258, 263, 355
- Ялганда, р. в Вост. Прионежье — 54
- Яма (Ямьской город), г. на р. Луге (ныне г. Кингисепп), Каргальского пог. Вотской пят. — 6, 13, 25, 26, 100, 120, 123—126, 128—130, 131, 134, 136, 151, 157, 158, 194, 214, 216, 233, 234, 249, 267, 299, 335, 339, 341—343
- Ямны, сел. около Новг. — 46, 50, 222—224, 227, 246, 248, 257, 355
- Ямская Весь (ныне Ямсковицы), сел. к востоку от г. Ямы, Каргальского пог. Вотской пят. — 126—128
- Ямский, у. Толдожского пог. Вотской пят. — 13, 89, 91, 100, 125
- Ямский, у. Шелонской пят. — 329
- Ярославичский, пог. Обонежской пят. — 153
- Ярославское, княж., земля по Верхней Волге — 314
- Ясенский, пог. Шелонской пят. — 97
- Ястребинский, пог. Копорского у. Вотской пят. — 91, 92, 327

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие (И. И. Смирнов)	3
От автора	9
Введение. Великий Новгород в век расцвета	15
<i>ЧАСТЬ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НОВГОРОДЕ XV в.</i>	
Глава I. Походы ушкуйников на Волгу и Каму	36
Глава II. Рост боярского и монастырского землевладения в XIV—XV вв. в северо-восточных волостях	52
Глава III. Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгород- ской земле в XV в.	76
Глава IV. Рядки и города Новгородской земли	112
Глава V. Бояре, житьи люди и купцы	148
Глава VI. Классовая борьба в Новгороде в первой половине XV в	178
<i>ЧАСТЬ II. ПАДЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ БОЯРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ</i>	
Глава VII. Борьба Великого Новгорода за сохранение самостоятельности в конце XIV—начале XV в. (1380—1430 гг.)	200
Глава VIII. Политика Великого Новгорода в середине XV в. (1430—1456 гг.)	237
Глава IX. Крушение политики новгородского боярства	264
Глава X. Конец вечевого строя	291
Глава XI. Ломка новгородского вотчинного землевладения и «выводы»	314
З а к л ю ч е н и е	353
<i>Приложение. Новгородские посадники середины XV в</i>	<i>357</i>
Список сокращений	363
Указатель личных имен	366
Указатель географических названий	382

Виктор Николаевич Вернадский

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ В XV ВЕКЕ

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор Издательства *К. И. Кочергин*

Художник *С. Н. Тарасов*

Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*

Корректоры *Н. В. Григорьева, Г. А. Мирошниченко и Т. Г. Рывкина*

Сдано в набор 26/XII 1960 г. Подписано к печати 25/III 1961 г.
РИСО АН СССР № 39-82В. Формат бумаги 70 X^{1081/16} Б₇М₁Л₁₂₃ АГ
Печ. л. 243/4 - 33,90 усл. печ. л. - 1 вкл. Уч.-изд. л. 35,99 = 1 вкл.
(0,03 уч. изд. л.). Изд. № 1272. Тип. зак. № 964. М-07227. Тираж 1600.

Цена 2 р. 35 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР

Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР

Ленинград, В-34, В. О., 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
16	9 сн.	Городец, Палиць,	Городец алиць,
36	4 св.	<i>ГЛАВА</i>	<i>ГЛАВА I</i>
40	7 сн.	О съезде	О съезде
49	4 „	Тем же, стр. 183.	Там же, стр. 183.
57	25 св.	Но своеземцы	Но Своземцефы
62	21 сн.	«стародомых людей»,	«стародомых людах»,
64	2 „	в новейшей историографов.	в новейшей историографии.
67	8 „	(дн. Феде Глухова),	(дн. Феде Глухова),
82	11—10 сн.	был точно фиксирован	был точно фиксирован
174	1 св.	у Полинарных	У Полинарных
190	5 сн.	подчеркнутых летописцев,	подчеркнутых летописцем,
207	5 „	Н IVA, стр. 399.	НIVA, стр. 399. (Разрядка наша, — В. Б.).
209	22 „	помириться в Витовтом	помириться с Витовтом
219	4 св.	совою отчину	свою отчину
229	29—27 сн., средний столбец.	«Приеха владыка Иван великому князю и к митропо-Новгородский на Москву к	«Приеха владыка Иван Новгородский на Москву к великому князю и к митрополиту,
233	21 сн.	является	являются
234	11 св.	не заходили.	не заходил.
234	13 „	Самым важным	Самыми важными
274	17 „	над нами чинит. . .”	над нами чинит. . .”
301	29—30 св.	в «Троице на Паозерье в селе Лошинского.	в «Троице на Паозерье», в селе Лошинского.
305	4 сн.	П П Л, стр. 57.	П П Л, стр. 57. (Разрядка наша, — В. Б.).
327	5 - 4 „	но пока еще ими освоенные,	но пока еще ими не освоенные,
330	13 св.	может быть покреплено	может быть подкреплено
382	12 - 11 сн., правый столбец.	Шелонской пят. — 106	Шелонской пят. — 109